

Оглавление

- [ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ](#)
- [ГЛАВА I. БЕЛОРУССИЯ](#)
- [Б. Ф. Колубович Оккупация Белоруссии немецкой армией и коллаборация местного населения\[3\]](#)
- [П. Д. Ильинский Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии \(Жизнь Полоцкого округа 1941–1944 годов\)\[58\]](#)
- [Общественный инстинкт и попытка государственного строительства в условиях немецкой оккупации западных областей России\[149\]](#) □ [Немецкая оккупация Белоруссии в 1941–1944 годах\[170\]](#)
- [И. К. Соломоновский Русские дети в рядах РОА\[187\]](#)
- [ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ I](#)
- [ГЛАВА II. КИЕВ](#)
- [Э. К. Штеппа Из воспоминаний\[249\]](#)
- [Л. В. Дудин В оккупации\[316\]](#)
- [Бабий Яр](#)
- [Эрик Кох начинает действовать](#)
- [Гитлер и Петлюра](#)
- [ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ II](#)
- [ГЛАВА III. ОДЕССА](#)
- [Евгений Тверской Румынская оккупация области между Бугом и Днестром в 1941–1944 годах и ее политические и экономические черты\[445\]](#)
- [ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ III](#)
- [ГЛАВА IV. СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ ОБЛАСТИ СССР](#)
- [Русские и РОА в Пскове, 1943 год\[487\]](#)
- [Каров Д. П Немецкая оккупация и советские люди в записках русского офицера Абвера, 1941–1943 годы\[545\]](#)
- [ГЛАВА V. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ](#)
- [Письмо Л. Н. Леонидова-Польского — Г. А. Беликову\[600\]](#)
- [ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ V](#)
- [ГЛАВА VI. ЛОКОТСКОЙ САМОУПРАВЛЯЮЩИЙСЯ ОКРУГ](#)
- [Документы и материалы](#)
- [Документ 1](#)
- [Документ 2](#)
- [Документ 3](#)
- [Документ 4](#)
- [Документ 5](#)
- [Документ 6](#)

- [Документ 7](#)
- [Документ 8](#)
- [Документ 9](#)
- [Документ 10](#)
- [Документ 11](#)
- [ГЛАВА VII. РУССКИЕ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ](#)
- [Л. В. Дудин Нацистская Германия глазами советского доцента\[857\]](#)
- [ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ](#)
- [СОКРАЩЕНИЯ](#)
- [ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ АВТОРОМ-СОСТАВИТЕЛЕМ](#)

ПОД НЕМЦАМИ. Воспоминания, свидетельства, документы

ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Памяти митрофорного протоиерея Василия Ермакова (1927–2007), под влиянием пронзительных воспоминаний которого об оккупации Орловщины возник замысел настоящего сборника.

Традиционные представления о жизни на оккупированных территориях Советского Союза в 1941–1944 годах почти полвека формировались под влиянием идеологических установок партийнополитических органов и отечественного кинематографа. На протяжении десятилетий создавалось впечатление о том, как в оккупации советские люди страдали, умирали и мужественно сопротивлялись, тайком слушали по радио вселявшие оптимизм сводки Совинформбюро, расклеивали по ночам листовки и с нетерпением ждали приближения линии фронта, сохраняя верность идеалам и нравственной силе первого в мире социалистического государства.

В 1941–1942 годах коварный враг захватил значительную часть территории Советского Союза исключительно по причине внезапности совершенного вероломного нападения, а также превосходства в силах и средствах. Немецко-фашистские оккупанты и их союзники были жадны, тупы, безжалостны и примитивны в своих намерениях и действиях. В занятых противником областях с первых дней воцарились беспросветная нужда, голод и террор. Однако миллионы советских людей, с надеждой и нетерпением ожидая возвращения родной советской власти, под руководством Коммунистической партии уже летом 1941 года поднялись на самоотверженную борьбу в тылу врага. В результате линии коммуникаций врага оказались парализованы, а его живая сила таяла день ото дня благодаря дерзким операциям неуловимых партизан, опиравшихся на всенародную любовь и поддержку. За годы войны народные мстители уничтожили, ранили и пленили свыше 1,6 млн. солдат и офицеров Вермахта, служащих военно-строительных организаций, немецких чиновников, военных железнодорожников[1]. В тылу у захватчиков буквально горела земля под ногами, и, кроме жалкой кучки предателей и пособников, ни на кого не мог опереться кровожадный агрессор...

Набор подобных тезисов хорошо знаком нам со школьных времен. Единственное смутное сомнение в исторической достоверности этой лубочной картины вызывал вопрос, неизменный на протяжении долгих мирных десятилетий и неожиданно «цеплявший» в любой официальной анкете: «Проживали ли вы или ваши родственники на оккупированной территории в годы войны?»

В 1941–1944 годах представители советской власти, возвращавшиеся следом за наступавшими с Востока войсками, грозно вопрошали в освобожденных районах присмирившее местное население: «Как смели жить без нее? Как смели пахать и сеять? Как смели ходить по земле, как смели готовить пищу, нянчить детей и спать по ночам? Как смели стирать белье, топить печи и

выносить сор? Как смели кормить козу и делать запасы на зиму? Как смели дышать одним воздухом с теми, с кем, она, советская власть, воюет? А ну, кто тут живой остался? Кто не пошел в партизаны, кто надеялся без нас прожить? Кто мечтал, что мы не вернемся, кто тут радовался, что нас прогнали? Кто растаскивал без нас колхозы, кто сдавал немцам сало, кормил фашистских захватчиков? Кто заимел козу, выкармливал поросенка, кто держал без нас курицу, развивал частнособственнический инстинкт? Кто тут торговал на базаре? Кто открыл сапожную мастерскую? Кто спекулировал немецкими эрзацами, реставрировал капитализм? Кто подоставал с чердаков иконы, ремонтировал церкви, шил попам рясы, разводил религиозный дурман? Кто без нас тут открывал школы, кто вымарывал из букварей слово “Сталин”? Кто работал в больницах, лечил изменников родины? Кто служил в горуправах, холуйствовал перед оккупантами? Кто тут рвал сталинские портреты, кто ругал советскую власть, издавал грязные газетенки, восхвалял фашистское иго, утверждая, будто немцы сильнее нас? Кто пошел в полицейские отряды, стрелял в славных представителей советской власти, защищал фашистское отребье?»[2]

В результате о жизни населения под немцами и их союзниками мы знали только то, что власть разрешала знать.

В настоящий сборник автором-составителем включены прокомментированные документы и воспоминания соотечественников, описывающих реалии повседневной жизни в разных оккупированных областях Советского Союза. Большая часть подготовленных к печати материалов хранится в зарубежных архивах и частных коллекциях, ранее не публиковалась и представляет несомненный интерес, как для специалистов, так и для широкого круга читателей. Разумеется, оккупация не выглядела только такой, какой ее увидели мемуаристы. Но, помимо всего прочего, она была и такой, — даже если приведенные факты и свидетельства не соответствуют укоренившимся стереотипам.

Настоящий проект состоялся благодаря хлопотам и попечению об издании председателя совета директоров национального банка «Траст» Ильи Юрова и генерального продюсера центра «Корабль» Андрея Кириченко (Москва), при добром участии Иосифа Косинского (Санкт-Петербург), чьи солидарные усилия оказались незаменимы.

Автор сердечно благодарит за дружескую помощь в научных занятиях, многолетнюю поддержку и конструктивную критику: проректора СПбГУ Сергея Богданова и доцента Андрея Терещука (Санкт-Петербург), специалистов и ученых Санкт-Петербургского института истории РАН: Алексея Цамутали, Владимира Черняева, Сергея Куликова (Санкт-Петербург), профессора МГИМО(У) Андрея Зубова (Москва), Бориса Пушкарева (Нью-Йорк), схиархимандрита Авраама (Рейдмана), монахинь Иаиль и Марфу (Екатеринбург), протоиерея Евгения Горячева, протоиерея Александра Степанова и сотрудников радиостанции «Град Петров» (Санкт-Петербург), куратора коллекции России и СНГ Архива Гуверовского института Стэнфордского университета Анатолия Шмелёва (Hoover Institution Archives, Stanford University), куратора Бахметьевского архива Колумбийского университета Татьяну Чеботарёву (Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Vakhmeteff Archive), доктора Бернарда Фавра (Париж), доктора Карла Гёуста (Хельсинки), Ольгу и Георгия Вербицких (Сент-Женевьев-де-Буа), Юлию и Мило Хинденнах (Кёльн), коллег и друзей в США — Георгия Ависова, Бориса Анисимова, Людмилу и Ивана Афанасьевых, Надежду и Владимира Быкадоровых, [Николая Ващенко], Лидию и Георгия Вербицких, Нину Грин, Марию и Андрея Забегалиных, Ирину и Олега Шидловских, Ростислава Полчанинова, Людмилу, Фёдора и Георгия Селинских, а [Сигизмунда Дичбалиса] (Брисбен, Австралия), Олега Романько (Евпатория), Павла Поляна, Армена Гаспаряна, Александра Ефимова, Оксану Кузнецову, Андрея Марыняка, Алексея Мельникова, Михаила и Бориса Нешкиных, Бориса Тарасова, Владимира Чичерюкина, Мейнгардта, Юрия Цурганова (Москва), Антона Посадского и Фёдора Гущина (Саратов), Валерия Иринёва, Александра Дударева и Михаила Супруна (Архангельск), Светлану Шешунову (Дубна),

Виктора Лебедева (Иваново), Михаила Бекетова, Алексея Жукова, Игоря Шауба, Виктора Правдюка, Лидию и Петра Бухаркиных, Михаила Герасимова, Сергея Манькова, Александра Пученкова, Анатолия Разумова, Олега Шевцова, Александра Бордоусова, Бориса Долгого, Марию и Евгения Никифоровых, Аллу и Виктора Никоновых, Светлану и Эдуарда Васюшкиных, Роберта Битюгова, Анастасию Александрову и [Екатерину Карионову] (Санкт-Петербург).

К. М. Александров

ГЛАВА I. БЕЛОРУССИЯ

Б. Ф. Колубович Оккупация Белоруссии немецкой армией и коллаборация местного населения[3]

Подготовительный период на территории оккупированной Польши

Хотя подготовка к войне против Советского Союза держалась немцами в строжайшей тайне, однако для всех было ясным, что немецко-советский флирт рано или поздно окончится. Чтобы скрыть свои действительные планы, немцы в продолжение всего 1940 года усиленно поддерживали даже среди своего населения и армии иллюзию о добрососедских отношениях с большевиками[4].

Только в начале 1941 года мало-помалу настроение стало меняться, и в немецкой прессе все чаще и чаще проскальзывали нотки, критикующие в очень сдержанной форме коммунистическую систему как таковую. Официально поддерживалось мнение о самых дружественных отношениях с Советским Союзом. Однако одновременно с такой официальной позицией немецкой прессы уже в конце 1940 года по линии немецкой разведки (Абвера) среди белорусской и украинской эмиграции прощупывались настроения по отношению к большевикам. Акция эта проводилась, конечно, под всякими предлогами и очень осторожно[5].

В начале 1941 года положение резко изменилось. С запада на восток стали перебрасываться немецкие войска беспрестанной вереницей. Переходы обычно совершались ночью. Это не могло не обратить [на себя] внимания опытного глаза. Всем стало очевидным, что приближается момент схватки. Такое передвижение войск, однако, маскировалось тем, что «это измученные воинские части с западного фронта направляются на восток для переформирования и отдыха».

Параллельно, однако, с этим представители Абвера в лице майоров Герулиса[6] и Козловского[7] проводили среди белорусов и украинцев, находящихся на оккупированной немцами польской территории, вербовку людей (добровольцев) в разведывательные группы с целью переброски их на территорию, занятую войсками Советского Союза. Все это делалось, безусловно, в большом секрете, при помощи вполне проверенных антикоммунистов — представителей белорусских и украинских организаций. Завербованные добровольцы направлялись в район города Остроленка, недалеко от Ломжи, где была устроена немцами специальная школа разведки.

Среди белорусов были набраны три такие группы численностью по 10–12 человек каждая, которые в ночь с 20 на 21 июня 1941 года и были переправлены через так называемую «зеленую границу»[8] в район города Белостока. Насколько мне известно, первые две группы были сейчас же обнаружены советской пограничной охраной и уничтожены, третья же спаслась, потеряв убитыми лишь одного человека. Фактически и эта группа впоследствии попала в руки советского НКВД к вечеру 21 июня, но была освобождена 23 июня из белостокской тюрьмы уже немецкой армией, занявшей город Белосток. Здесь надо, кстати, отметить, что вся эта акция проводилась немцами весьма неумело, но передать ее в руки самих украинцев и белорусов для самостоятельного проведения немцы не соглашались. В результате погибли лучшие люди, а армия не получила желательной пользы.

Во время этого подготовительного периода на немецкой стороне очутились те белорусы, которые бежали в самом начале войны перед наступлением Красной армии, так как не верили в возможность внутренней перемены большевиков, о которой в то время очень много говорилось и о которой, к сожалению, некоторые политики мечтают еще и сегодня. Позже присоединились к ним и те, которые вскоре после оккупации большевиками Западной Белоруссии, убедившись воочию в лживости советской пропаганды, бежали через «зеленую границу» на сторону немцев, испытав частично «прелести» советской действительности на своей собственной шкуре[9].

Политика немцев в то время [по отношению] ко всем неполякам, находившимся на оккупированной польской территории, была вполне корректна. Русские, украинцы, белорусы, а также и другие угнетаемые большевиками (а ранее и поляками) национальные меньшинства имели возможность организовать свои национальные комитеты, с которыми официальные оккупационные немецкие власти вполне считались и всячески их поддерживали. Например, при выдаче продовольственных карточек все национальные меньшинства, имеющие удостоверения своих национальных комитетов, получали рацион точно такой же, как и все немцы. Поляки получали продовольственный паек значительно меньший и получали его значительно позже.

Таким образом, у русских, украинцев и белорусов не было никаких оснований жаловаться на свое положение. Оно было несравненно лучше, чем положение поляков, не говоря уже о евреях.

Белорусы, находившиеся на территории Польши, оккупированной немцами, вынуждены были из-за большевиков оставить свою родину, многие из них потеряли при этом свои семьи, которые были арестованы большевистским НКВД сейчас же по «освобождению» Западной Белоруссии «доблестной» Красной армией[10]. Кроме того, все время через разного рода перебежчиков наплывали сведения из Белоруссии о непрекращающемся там терроре, непрерывных депортациях в Сибирь не только интеллигенции, но и зажиточного крестьянства. Антибольшевистское, стало быть, настроение у этих людей было вполне обоснованным, определенным и принципиальным. Немцы в скором времени убедились, что в этих людях они могут иметь себе верных союзников в борьбе против Советского Союза, в чем фактически и не ошиблись.

Еще большее доверие к себе со стороны всех антикоммунистических элементов немцы сыскали своей политикой по отношению к военнопленным белорусам и украинцам, попавшим в плен вместе с солдатами польской армии. Они стали, как известно, освобождать этих военнопленных из лагерей и направлять их на всевозможные работы, приравняв их почти полностью в правах до немецких рабочих. Для этой, однако, акции необходима была помощь со стороны национальных организаций, которые могли бы установить безошибочно принадлежность военнопленного к той или иной национальной группе. В связи с этим в Берлине были организованы национальные представительства, или так называемые «фертрауэнштелле»[11], — белорусское, украинское, грузинское и другие, в обязанности которых входила и проверка освобождаемых военнопленных. Эти «фертрауэнштелле» хотя и были по своей внутренней структуре учреждениями чисто национальными, но в связи с той функцией, которую они исполняли, они являлись по существу вспомогательными органами немецкой службы государственной безопасности и потому находились всецело на бюджете Гестапо.

Одновременно с этим понадобилась, конечно, и пресса для обслуживания, с одной стороны, освобождаемых военнопленных, а с другой — для пропаганды среди тех, кто еще продолжал оставаться в плену. Для этой цели, по настоянию белорусского представительства, в конце 1939 года была организована белорусская газета «Раница»[12]. Весь расход по печатанию этой газеты приняло на себя «Немецкое издательство» («Дойче ферлаг»), но на оплату редактора и хотя бы одного сотрудника газеты средств не было. Только после долгих усилий профессору Г. Менде[13], работавшему в то время в Восточном министерстве, удалось откуда-то добыть средства на оплату жалованья работникам газеты.

Таковы, в основном, некоторые мероприятия, которые были проведены немцами среди белорусов, находившихся на территории Польши, оккупированной немецкой армией.

Оккупация немецкой армией Западной Белоруссии и настроение местного населения по отношению к оккупантам в первой фазе оккупации.

Испытав на себе весь гнет двадцатилетней польской оккупации, широкие белорусские массы с известного рода облегчением встречали «освобождающую» их в сентябре 1939 года советскую армию; более же левые элементы и молодежь проявляли даже неподдельный энтузиазм, надеясь на более свободную жизнь и широкие возможности для созидательной национальногосударственной работы. Однако в скором времени все они горько разочаровались: вместе с освобождающей от поляков Красной армией пришло освобождающее от всего, вплоть до самой жизни, советское НКВД. Начались беспрестанные аресты не только всех так называемых врагов народа и разного рода «контрреволюционеров», но одновременно и всего сознательного белорусского актива, не исключая вполне просоветски настроенных элементов. За первой волной арестов наступали следующие — от «буржуев» и «капиталистов» НКВД постепенно переходило вниз к так называемый «кулакам», т. е. просто зажиточным крестьянам, затем к «подкулачникам» и, наконец, к «середнякам». Все эти жертвы бесцеремонным образом, без суда и следствия, грузились целыми эшелонами в товарные вагоны и вывозились в неизвестном направлении, о дальнейшей судьбе которых больше никто ничего не слышал и не знал.

После присоединения Западной Белоруссии к БССР, которое наступило уже в декабре 1939 года, советизация оккупированной территории начала проводиться ускоренным темпом. На собраниях и митингах стали все чаще и чаще подниматься вопросы о коллективизации крестьянских индивидуальных хозяйств[14], а всякая оппозиция вызвала немедленную реакцию со стороны органов НКВД, «черные вороны» которого забирали оппозиционеров в застенки, откуда уже они не возвращались. Всюду царил полный произвол, а то, что называлось «революционным правосудием», похоже было на самый грубый бандитизм.

Все это вместе взятое, конечно, вызвало колоссальное недовольство в широких белорусских массах, и потому во время объявления германско-советской войны 22 июня 1941 года все симпатии населения Белоруссии были на стороне немцев, которых народ помнил еще с Первой мировой войны 1918 года.

Первая фаза оккупации

Пережив весь кошмар советской действительности, население Западной Белоруссии желало за всякую цену освободиться от власти ненавистного НКВД и потому с нетерпением ждало немцев. Однако действительность после занятия немцами территории Западной Белоруссии оказалась несколько иной. Фактически во многих местах на смену большевикам пришли не немцы, а вновь поляки, которым удалось удержаться на этой территории при советской власти. Немецким военным властям нужны были люди, знающие местные условия для самоуправленческого аппарата. Поляки эти условия знали и, кроме того, имели почти весь административный аппарат готовым. Большинство из них при этом происходило из Галиции, где в свое время [они] оканчивали австрийские школы и потому в совершенстве владели немецким языком. Среди немецких передовых воинских частей было очень мало людей, знающих славянские языки и разбирающихся в местных национальных соотношениях, а потому они при налаживании местного административного аппарата воспользовались поляками, которые предложили им свои услуги. Воспользовавшись своим положением, поляки, в первую очередь, приступили к сведению счетов с белорусской интеллигенцией и сознательным деревенским активом, в которых они видели своих политических врагов. Начались систематические доносы и обвинения всех белорусов в

коммунизме. Расправа была очень короткой: все они либо расстреливались самой же польской полицией якобы за принадлежность к коммунистическим подпольным группировкам или за попытку к побегу, или же уничтожались немецким СД на основании ложных обвинений, состряпанных польской полицией и администрацией. Таким образом, за первые два месяца оккупации немцами Западной Белоруссии погибли сотни [представителей] белорусской интеллигенции и тысячи [представителей] деревенского актива.

Положение было спасено лишь спустя два месяца приехавшими вместе с немецкой армией белорусами, ушедшими в свое время на Запад. Они заняли все административные посты в столице Белоруссии — городе Минске, власть комендатуры которого распространялась частично и на территорию Западной Белоруссии. Столкнувшись с таким печальным явлением, они приложили все усилия к тому, чтобы разъяснить немцам истинное положение вещей и прекратить польскую провокацию. Давалось это, однако, нелегко, так как за это время местные немецкие коменданты уже успели обзавестись симпатиями среди местных поляков, которые и продолжали свое подлое дело. В конце концов, однако, высшее немецкое командование поняло тактику поляков и во многих местах дало возможность белорусам заменить польскую полицию и польский самоуправленческий аппарат своим, белорусским. Конечно, в таких случаях обычно происходили перегибы в другую сторону и не менее дикая расправа с поляками, среди которых [по]падали[сь] и невинные жертвы. Но это была совершенно натуральная реакция на все безобразия, чинимые поляками над невинным белорусским населением.

Надо не забывать при этом, что бежавшие в свое время на Запад польские помещики, имея поддержку со стороны польского самоуправленческого аппарата, стали массово возвращаться обратно и, конечно, восстанавливать свои разрушенные большевиками поместья, сваливая всецело вину за разграбление на белорусских крестьян.

Дабы окончательно ликвидировать польскую провокационную деятельность, белорусский актив обратился с воззванием ко всему белорусскому населению [насколько это] возможно теснее включиться в работу с немцами, чтобы этим путем уберечься от польской и большевистской провокации.

Таким образом, на некоторое время положение было стабилизировано, и повседневная жизнь вошла в нормальное русло.

Вторая фаза оккупации

Население было довольно, что наконец освободилось и от поляков и от большевиков, а управление перешло, хотя и не целиком, в свои белорусские руки. В скором времени весь административный и самоуправленческий аппарат был налажен, а немцы не чинили препятствий в развитии белорусской национальной культуры и искусства. Начали постепенно организовываться белорусские школы и всевозможные специальные курсы, амбулатории и больницы, стала работать кооперация, было восстановлено социальное страхование, пущены в ход некоторые промышленные предприятия.

Все это относится к тому короткому периоду времени, когда территория Белоруссии находилась под управлением 7-го отдела военных фельдкомендатур. Продолжалось это, однако, недолго. Через неполных три месяца военное управление вместе со своими комендатурами должно было продвигаться далее на Восток, а на его место прибыл так называемый «цивиальфервальтунг»[15] во главе с генеральным комиссаром Белоруссии, гауляйтером Кубе[16], который в сопровождении своего многочисленного аппарата в сентябре 1941 года прибыл в столицу Белоруссии — Минск.

С этого момента вся территория Белоруссии была административно разделена на так называемые «гебиты» (округа)[17], общим количеством 42 или 43, причем в это число вошли и некоторые

районы Смоленской области. «Цивильфервальтунг», однако, занял только часть территории Белоруссии, а именно западную — до р. Березина. Далее на восток была уже прифронтовая полоса, которая осталась под управлением полевых комендатур. Однако такое деление Белоруссии было в скором времени нарушено. В связи с одновременной организацией генерального комиссариата[18] «Украина» и назначением туда гауляйтера Коха[19] произошло новое административное деление Белоруссии. Дело в том, что этому сумасброду Коху хотелось, видите ли, ездить из Кенигсберга в Киев «своей территорией», и потому он потребовал, чтобы вся полоса [территории] Белоруссии вдоль железной дороги Граево — Белосток — Брест и далее на Киев была включена в границы, подведомственные генеральному комиссариату «Украина». Это сумасбродное желание Коха было Берлином удовлетворено, и таким образом весь Белостокский округ вместе с городом Гродно был включен в состав Восточной Пруссии, а часть Брестского и Пинского округов — в состав генерального комиссариата «Украина». Таким образом, белорусская территория очутилась под административным управлением 4-х совершенно различных административных структур: гражданского управления генерального комиссариата «Белоруссия»; генерального комиссариата «Украина», возглавляемого Кохом; государственного аппарата Восточной Пруссии и военного управления, находящегося под верховным командованием обербефельсгабер геересгебит «Митте»[20].

Перед белорусским активом стояла очень трудная задача, так как все эти административноокупационные аппараты, хотя и были официально подчинены Берлину, практически, на местах, пользовались неограниченными полномочиями по отношению к местному населению. Во главе гражданского управления Белоруссии и Украины, кроме того, стояли люди совершенно случайные, не знакомые не только с восточной проблемой, но и не имеющие за собой административного опыта, окруженные такими же случайными людьми из своего административного аппарата. Наибольшим, однако, злом было то, что люди эти (вчерашние кельнеры и портьеры) были заражены манией величия, они усвоили только одну аксиому из гитлеровского «талмуда», а именно ту, которая признавала их «юберменшами». Все не-немцы были, по их мнению, чем-то низшим, «унтерменшами»[21], не достойными часто даже их внимания.

Во главе округов («гебитов») были поставлены часто полуграмотные вчерашние фурманы и кельнеры, а то и просто обычные немецкие мужики («бауэры»[22]) — это относится к Слуцку и Барановичам, — у которых от полноты власти буквально закружилась голова.

Наладить работу с такой публикой было очень трудно. Все они были слишком напыщенны и самоуверенны для того, чтобы прислушиваться к голосу местного самоуправленческого аппарата. Всякие замечания или протесты по адресу их бестолковых и преступных действий, которые делались бюргермайерами[23], начальниками районов принимались как выражение непопулярности к немцам вообще. Таких людей обычно устранили, а на их место часто выдвигались люди бесхребетные, но умевшие потворствовать всяким несуразностям гебитскокомиссаров, а одновременно беспокоящиеся за свое личное благополучие и обогащающиеся за счет местного населения. Все это, конечно, способствовало нарастанию недовольства среди местного населения, которое очень умело использовалось большевистской агентурой.

Удивительно было то, что гебитскокомиссары, будучи официально подчинены генеральному комиссариату, в большинстве случаев совершенно не считались с его мнением, а действовали на местах совершенно самостоятельно. Возможно, здесь была двойная игра: с одной стороны, генеральный комиссариат соглашался с логическими доводами представителей белорусских организаций и делал вид, что отдает соответствующие распоряжения своим подчиненным, а с другой стороны, молчаливо поддерживал политику своих комиссаров, видя в ней корысть или для себя лично, или для немецких интересов. Таково было положение на хозяйственном, так сказать, отрезке. Еще хуже обстояло дело в политическом секторе. Здесь действовали совершенно независимо [друг от друга] такие факторы, как: гебитскокомиссар, отдел 1с фельдкомендантуры, СД,

ГФП и жандармерия. Все эти институции хотели, в первую очередь, выслужиться перед начальством и добыть наиболее выгодное положение для себя лично, конкурируя зачастую со своими же институциями.

Таким образом, часто создавалось прямо невыносимое положение: трудно было работать и нельзя было уйти, так как пример с поляками был памятен всем. Надо было очень искусно лавировать, чтобы не впасть в немилость одному из вышеперечисленных немецких органов, так как в этом последнем случае все они уже действовали согласованно для поддержания немецкого престижа.

На совещании белорусского актива в Минске в сентябре 1941 года было постановлено всю территорию Белоруссии разделить на округа и послать в каждый округ своих представителей, которые бы были активно и тесно связаны с администрацией этого округа. Для западных областей республики не представлялось это трудным, так как здесь жизнь была уже относительно налажена, а пушечного гула и бомбежки не было слышно. В самом Минске было оставлено более всего работников во главе с доктором Ермаченко[24] как председателем Белорусского комитета самопомощи, ксендзом Годлевским[25] как руководителем народного образования и проф[ессором] Ивановским[26], бюргермайстером города Минска.

Барановичская область была в ведении бывшего посла польского Сейма Юрия Соболевского[27]; Новогрудская — в ведении бывш[его] сенатора польского Сената Василия Рагуля[28]; в Лидский округ был послан инж[енер] Климович; на территорию, отошедшую к Восточной Пруссии, были посланы Ф. Ильяшевич[29] и Лукашин как бюргермайстер города Белостока; в Пинском округе был М. Василевский; в Слуцком округе — Бахман и Хихлуша.

На выезд в восточные области охотников было мало, так как там фактически шли еще бои. В Борисовский округ были сперва направлены Маркевич и Вишневский, но они вскоре оттуда бежали, так как не смогли справиться с возложенной на них задачей. Затем были посланы туда С. Станкевич[30], Наронский[31] и Б. Щорс, которым и удалось организовать весь Борисовский округ. В Витебск были отправлены В[сеголов] Родзько[32] и Михаил Рагуля, в Смоленск — Островский[33], Витушко[34] и Касмович[35]. Наибольшую роль в организации административного аппарата на территории генерального комиссариата сыграл доктор Ермаченко. На востоке наибольшую организационную деятельность проявил проф[ессор] Островский, который постепенно организовал Смоленскую, Брянскую и Могилевскую области, находящиеся в сфере военного управления обербефельсгабер геересгебит «Митте».

С началом деятельности «Белорусской самопомощи»[36] положение на местах стало мало-помалу налаживаться, и настроение на местах (среди местного населения) было всецело на стороне немцев. Однако уже в конце 1941 года, а в некоторых местах несколько позже, оно сильно изменилось не в пользу немцев. Этому способствовали многие факторы, важнейшими из которых [являются] следующие:

1. Оставшиеся в тылу немецкой армии военнопленные красноармейцы частично разбрелись по деревням и пристроились там одни как «зятья», другие — как рабочие-«приписники». Они, естественно, были довольны тем, что война для них уже окончилась и воевать за советский режим никто их не заставит. Но вот вдруг кому-то из немецких сумасбродов пришло в голову, что этот элемент может быть со временем опасен для немцев, и потому [они] решили всех находящихся в деревнях красноармейцев (военнопленных), не связанных с данной местностью, изъять из деревень и заключить в лагеря военнопленных. Конечно, в результате этой необдуманной акции удалось забрать очень немногих, остальные ушли в леса и положили начало столь прославившейся впоследствии партизанщине.

2. Нечеловеческое обращение немцев с советскими военнопленными, которых часто на глазах населения пристреливали по дороге[37], как это имело место повсюду, где только проходили толпы конвоируемых немцами военнопленных.
3. Дикая, бесчеловечная расправа над евреями[38], которые, спасая свою жизнь, также уходили в леса, где уже их ждали спрятавшиеся от местного населения, не успевшие эвакуироваться коммунистические партийные работники.
4. Дикая расправа частей СС над мирным населением вплоть до сжигания деревень вместе с находящимися там жителями — стариками, женщинами и детьми — во время так называемых очисток местности от партизан[39].
5. Грубое и бестактное отношение разных «крайсландвиртов»[40] и жандармерии к местному населению.

Все эти акции происходили в Белоруссии не одновременно. В одной местности они уже имели место в конце 1941 года, в других местностях — в начале 1942 года, а в некоторых значительно позднее, но все они имели место повсюду в Белоруссии и послужили главным фактором, способствовавшим развитию партизанщины и озлоблению мирного населения. Здесь надо объективно констатировать: партизанщину в Белоруссии создали не большевики и не НКВД[41], а только и исключительно немцы.

Отношение немцев к колхозам и колхозникам

Уходящая на восток Красная армия имела задание — сжигать и взрывать фабрики, склады с запасами продовольствия, имущество колхозов и т. п. Местное же население — крестьянство, не желавшее эвакуироваться, — всячески старалось сохранить от уничтожения колхозное добро, что ему в значительной степени и удавалось.

По приходе немецкой армии крестьяне сразу же приступили к распределению сбереженного ими колхозного имущества между собой. В результате все, что было в колхозах, в кратчайший срок очутилось на крестьянских усадьбах. Немцы же посчитали колхозное имущество за военные трофеи и потому приказали колхозникам все забранное ими с колхоза вернуть на колхозный двор, чтобы впоследствии самим воспользоваться всем этим добром. Колхозники это распоряжение или исполняли неохотно, или вовсе не сочли нужным его исполнять. В ответ на это со стороны немцев последовали обыски и реквизиции, при которых вместе с колхозным добром зачастую забиралось и личное имущество колхозников. Одновременно с этим в удостоверениях, выдаваемых немецкими властями местному населению деревень (быв[шим] колхозникам), делалась отметка (напечатанная на русском и немецком языках): «Покидать пределы колхоза строго воспрещается!» Таким образом, крестьянин и здесь почувствовал, что его насильно заставляют пребывать в этом ненавистном ему колхозе, от которого он так жаждал избавиться. Желая сохранить колхозную организацию, немцы преследовали в данном случае ту же самую цель, что и большевики: держать деревню в своих руках и организованным порядком выкачивать сельскохозяйственные продукты для нужд немецкого рейха.

Структура и способ организации административно-самоуправленческого аппарата во время немецкой оккупации Белоруссии

Структура и способ организации административного аппарата в Белоруссии во время немецкой оккупации был не везде одинаков. Наибольшая разница была между структурой генерального

комиссариата под управлением немецкого «цивильфервальтунга» и военным управлением геересгебит «Митте».

Каким был немецкий план организации административных учреждений на оккупируемой ими территории, мне не известно, но я уверен, что если Берлин в свое время, приготавливаясь к войне против СССР, и разработал какой-то план, то впоследствии на местах его пришлось значительно изменить. Дело в том, что, как известно, первые административные местные учреждения организовывались всюду военным управлением армии (так называемыми 7-ми отделами фельдкомендатур) одновременно с занятием данной территории войсками немецкой армии.

Гражданское управление, или так называемый «цивильфервальтунг», пришло на эту территорию лишь спустя три месяца, когда было уже все организовано по известному шаблону, установленному белорусским активом. Прежнее советское административное деление целиком сохранить не удалось, так как территория военных фельдкомендатур (дивизий) не соответствовала в административном отношении гражданскому делению. Советы, как известно, в 1940 году разделили всю территорию Белоруссии на 10 областей, а каждую область на 15–20 районов, с 17–25 сельсоветами (волостями) в каждом районе. Прежнее польское административное деление в Западной Белоруссии — на воеводства (округа), поветы (уезды) и гмины (волости) — нигде во время немецкой оккупации восстановлено не было, так [как] советское было более удобным и целесообразным. Польское административное деление было более крупным, и отдельные местности были расположены иногда на значительном расстоянии — до 40 километров — от ближайшего административного центра (повета); советские же районные центры были расположены так, что расстояние каждого населенного пункта от районного центра не превышало 20-ти километров. Областное, однако, деление восстановить было невозможно, так как во время войны оккупируемая территория делилась на административные округа, соответствующие военным соединениям — полкам, дивизиям, корпусам.

Таким образом, во время военного управления территория была поделена фактически на военные округа («бецирки»[42]), которые не совпадали ни с прежними польскими границами воеводств, ни с советскими областными границами, ни, в конце концов, с немецкими «гебитами» позднейшего гражданского управления. Осталось зато ненарушенным районное и волостное (сельсоветское) деление, что значительно облегчило организацию всего административного аппарата.

Первым таким округом («бецирком»), с площадью равной приблизительно советской области, был Минский округ, организованный в то время управляющим этого округа — проф[ессором] Р. Островским.

Для первоначальной быстрой организации всей этой территории, занимавшей 21 район с 395-ю сельсоветами (волостями) в них, Островский воспользовался своими прежними связями в городе Минске, сохранившимися еще со времен Первой мировой войны. Из этих людей, а частично из привезенных с собой из Западной Белоруссии, и были Островским организованы кадры начальников районов. Понадобился, таким образом, всего лишь 21 человек, который был в один день развезен на автомашинах во все районы данного округа. В обязанности начальников районов, знающих местные условия и людей, входило организовать в течение одной недели все волости района и сделать все необходимое для создания условий для нормальной жизни местному населению. После того как районные и волостные управления были сформированы, все руководители районов и волостей были созваны в Минск на совещание, где и были разработаны инструкции для линии деятельности в соответствии с новыми военными условиями.

Окружное и районные управления состояли из отделов по специальностям: административный отдел; отдел общественной безопасности (полиция), состоящий из трех подотделов — уголовного, политического и службы порядка; продовольственный отдел; отдел здравоохранения; культурнопросветительный [отдел] с подотделом народного образования; дорожно-строительный и транспортный отдел; финансовый [отдел]; сельскохозяйственный [отдел] с подотделом

ветеринарным; [отдел] регистрации населения и записей актов гражданского состояния; земельный отдел; строительно-архитектурный [отдел] и учетно-статистический отдел. Специалистов, за исключением администраторов и полицейских, для всех этих отделов на местах нашлось вполне достаточно. Причем некоторые ответственные должности в окружном и районных управлениях были заполнены бывшими членами компартии, изъявившими согласие работать в новой системе, если о них имелись хорошие отзывы со стороны местного населения. И надо отдать [им] справедливость: почти все бывшие члены компартии в новой системе работали вполне честно и принесли большую пользу. Во вторую очередь, после организации административного аппарата, были организованы Белорусский банк, кооперативный союз, а также окружная и городские кассы.

Институт судей временно не был восстановлен. Судебные функции по уголовным делам исполнялись административными органами и криминальной полицией как первой инстанцией и аналогичными органами в окружном управлении как высшей инстанцией, решения которой утверждались военной немецкой комендатурой или военно-полевым судьей. Все гражданские дела были временно приостановлены.

Во всей этой довольно удовлетворительно функционировавшей административной системе наибольшую трудность представляло отсутствие опытных, политически проверенных администраторов, т. е. начальников районов и начальников полицейских учреждений. Второй не меньшей трудностью было отсутствие административных и полицейских законов, а также закона о семейном праве. Все советские законы, конечно, [были] абсолютно не применимы в условиях новой системы; немецкие же законы также не всегда соответствовали местным условиям и обычаям, а вдобавок их не было в белорусском или русском переводе. Вполне понятно поэтому, что отсутствие таких законов создавало трудности в работе опытных администраторов и полицейских, не говоря уже о тех, кто впервые выполнял эти функции временно, по необходимости.

Такая административная система (структура) была заведена впервые только на территории Минской фельдкомендатуры, а на территориях других фельдкомендатур — как на восток, так и на запад — окружных управлений организовано не было. Там каждая ортскомендатура организовывала местное управление по-своему. В одной местности была введена прусская система, в иной баварская — в зависимости от того, из какой местности происходил ортскомендант. В иных работали по старой советской или по старой польской системе.

В таком положении административный аппарат находился во время передачи его военными фельдкомендатурами немецкому гражданскому управлению («цивильфервальтунг») в сентябре 1941 года. Гражданское немецкое управление приехало на территорию Белоруссии с готовым административным аппаратом и совершенно иным административным делением. Вся территория Белоруссии, как известно, была разделена на так называемые «гебиты» — несравнимо меньшие, чем бывшие области, и большие, чем польские уезды. Без изменения осталось лишь районное и волостное распределение, и поэтому новая система не внесла больших изменений в уже существующую; так основное деление на районы и волости осталось прежним.

На первых порах в состав генерального комиссариата «Белоруссия» вошли только следующие «гебиты»: Минск, Слуцк, Барановичи, Новогрудок, Слоним, Лида, Вилейка, Глубокое и Ганцевичи. Во главе этих «гебитов» и стали немецкие гебитскокомиссары со своим административным персоналом. В сфере влияния военного управления геересгебит «Митте» заведенная административная структура фактически осталась та же, за незначительным изменением: в каждом районе были введены так называемые «крайсляндвирты», в задание которых входило выкачивание сельскохозяйственных продуктов из населения и руководство бывшими совхозами, а также в ведение немецкого персонала «гебита» был передан «арбейтсамт»[43] — бывший отдел биржи труда. Все остальные отрасли административного управления в районе оставались попрежнему в руках белорусского персонала, который в зависимости от личности гебитскокомиссара

имел большую или меньшую самостоятельность. Таким образом, гебитскомиссары фактически заменили белорусские окружные управления и вместе с тем принесли колоссальный вред делу, ибо вся их деятельность оставалась без общественного контроля, что давало им возможность бесчинствовать и совершать такие действия, которые в нормальных условиях [считаются] уголовными. Находившиеся же под их контролем начальники районов часто были хозяевами положения, и от их моральных качеств зависело очень многое. Такое положение [дел] просуществовало до декабря 1943 года, когда была организована Белорусская Центральная Рада (БЦР).

Образование Белорусской Центральной Рады (БЦР)

Белорусская Центральная Рада возникла за счет двух предыдущих благотворительных организаций: Белорусского Красного Креста, организованного доктором Антоновичем, который в конце 1942 года реорганизовался в так называемую «Белорусскую самопомощь», во главе которой был доктор Ермаченко, и подпольной организации «Белорусская партия независимости», организованной майором Всеволодом Родзько. Эти обе организации действовали объединено, но официальную работу вела только легальная организация «Белорусская самопомощь».

«Белорусская самопомощь» как благотворительная организация сумела создать свои органы буквально в каждой волости Белоруссии и оказала большую услугу в деле подбора кадров на руководящие должности в административных учреждениях Белоруссии. Благодаря этой организации, в июле месяце[44] 1943 года в Минске была организована так называемая «Рада мужоу даверу» («Совет мужей доверия»), председателем которой был назначен бывший посол польского Сейма (белорус) Юрий Соболевский. В задания этой «Рады мужоу даверу» входило консультирование аппарата генерального комиссариата «Белоруссия» в вопросах, связанных с местными условиями.

Исполняя свои функции, «Рада мужоу даверу» всячески внушала генеральному комиссару фон Кубе необходимость создать координационный административный центр, который, работая параллельно с аппаратом генерального комиссариата, облегчил бы деятельность генерального комиссариата путем мобилизации всех местных общественных сил. Комиссар Кубе разделял мнение «Рады мужоу даверу» и согласился было образовать такой центр. Но решение свое Кубе осуществить не успел — он был убит.

Новый Генеральный комиссар СС генерал-лейтенант (СС группенфюрер) фон Готтберг[45] 21 декабря на торжественном заседании белорусского актива в Минске огласил утвержденный им Статут Белорусской Центральной Рады следующего содержания:

1. Белорусская Центральная Рада является созванным в рамках самоуправления представительством белорусского народа. Она имеет свое местонахождение в городе Минске.
2. Белорусская Центральная Рада имеет за основную задачу мобилизовать все силы белорусского народа для уничтожения большевизма и через это окончательно освободить белорусский народ от насилия [и] большевистского кровавого господства.
3. Белорусская Центральная Рада имеет право и обязана с согласия немецкого руководства проводить в жизнь все необходимые мероприятия. В рамках поставленных перед нею задач она будет принимать и осуществлять все необходимые мероприятия в отрасли социальной, культурной и школьной жизни. Она будет давать свои указания существующим в этих отраслях белорусским организациям и союзам.

4. Во главе Белорусской Центральной Рады стоит Президент, который назначается и смещается генеральным комиссаром. Остальных членов Рады назначает генеральный комиссар по представлению Президента.
5. Свои распоряжения и руководящие постановления издает Белорусская Центральная Рада с согласия Генерального Комиссара.
6. Статут Белорусской Центральной Рады [вступает] в законную силу немедленно.

Минск, 21 декабря 1943 года.

В этом Статуте немцы, с одной стороны, желают видеть в БЦР «белорусское народное представительство» (пункт 1 Статута), которое должно «мобилизовать все силы белорусского народа для уничтожения большевизма и этим окончательно освободить белорусский народ от рабства и большевистского кровавого господства» (пункт 2 Статута), а с другой стороны, желая сохранить за собою принцип «фюрерства» своей гитлеровской системы, официально оформляют это народное представительство в виде «эрзаца» (пункты 3, 4 и 5 Статута). Но все то, чего не желала сделать гитлеровская администрация, проделал белорусский политический актив.

Соглашаясь принять пост Президента Белорусской Центральной Рады, проф[ессор] Радослав Островский ставит немецкой оккупационной власти свои условия:

1. Созыв не позднее чем в течение шести месяцев Второго Всебелорусского Конгресса[46] для разрешения вопроса белорусского народного представительства.
2. Создание белорусской вооруженной силы.
3. Применение этой вооруженной силы исключительно против большевизма на территории Белоруссии.

Условия эти после длительной дискуссии в конце концов немцы вынуждены были принять. Таким образом, белорусский актив приобретает то, без чего нельзя разговаривать с оккупантом, каким бы он ни был, т. е. приобретает право на организацию вооруженной силы. Вслед за этим Президент БЦР проф[ессор] Островский издает приказ[47] о мобилизации населения в армию — Белорусскую Краевую Оборону. В соответствии с этим приказом в течение одной недели было сформировано 60 батальонов численностью до 600 человек каждый[48]. Все они были вооружены немецким оружием. Но на остальную часть мобилизованных — около 40 тыс. солдат и офицеров — немцы не дали вооружения, мотивируя [это] тем, что они не имеют такого большого запаса оружия, и потому этих людей пришлось временно распустить.

Наличие вооруженной силы, подчиненной БЦР, заставило немцев поменять направление своей политики, и Генеральный комиссар санкционировал созыв Второго Всебелорусского Конгресса. Постановления Конгресса выражают думы и чаяния белорусского народа:

1. Подтверждают необходимость осуществления идеи государственной независимости Белорусской Республики.
2. Подтверждают постановления Рады Белорусской Народной Республики от 1918 года.
3. Объявляют недействительными все условия, [принятые] большевиками и поляками в вопросе расчленения этнографической территории Белоруссии.
4. Разрешают вопрос народного представительства и единогласно избирают проф[ессора] Р. Островского на пост Президента Белорусской Центральной Рады, которая и объявляется единым законным представительством белорусского народа.

На конгрессе[49] присутствовало около 1200 делегатов, избранных народными собраниями по 5–7 человек от каждого района.

Утвержденное Вторым Всебелорусским Конгрессом административное устройство Белорусской Центральной Рады.

Структура Белорусской Центральной Рады была следующая:

1. Коллегия Белорусской Центральной Рады в составе 12 членов.
2. Президент БЦР, он же главнокомандующий Белорусской краевой обороны.
3. Первый и второй вице-президенты, ответственные за отдельные отрасли руководства.
4. Управление по военным делам и штаб БКО.
5. Управление охраны безопасности.
6. Управление культуры и пропаганды.
7. Управление промышленности и сельского хозяйства.
8. Управление по землеустройству.
9. Финансовое управление и Белорусский банк.
10. Административное управление.
11. Конфессиональный отдел.
12. Юридический отдел.
13. Верховный суд и прокуратура.
14. Канцелярия Коллегии БЦР и адъютантура Президента.
15. Полномочные Представители БЦР — по одному на каждый округ.

Статут Белорусской Центральной Рады, принятый Вторым Всебелорусским Конгрессом: I.

Полномочия, обязанности и задания БЦР.

1. Белорусская Центральная Рада является единым законным представительством суверенных прав белорусского народа, созданным 27 июня 1944 года 2-м Всебелорусским Конгрессом в Минске.
2. Политические задания БЦР определены постановлением 2-го Всебелорусского Конгресса. Главным политическим заданием БЦР [является] организация всех сил белорусского народа на борьбу за освобождение Белоруссии и приобретения ею независимости. Кроме того, БЦР осуществляет законное, социальное и культурное попечительство над всеми белорусами, которые находятся вне территории Белоруссии.
3. Полученные от 2-го Всебелорусского Конгресса полномочия БЦР действительны до созыва 3-го Всебелорусского Конгресса. 3-й Всебелорусский Конгресс БЦР обязана созвать немедленно по освобождении Белоруссии.

II. Президент БЦР.

4. Во главе БЦР стоит Президент, назначенный 2-м Всебелорусским Конгрессом.

5. Президент БЦР является единоначальником всех белорусских вооруженных сил и протектором организации белорусской молодежи.

6. В компетенцию Президента БЦР входит:

а) репрезентация БЦР перед правительствами и национальными представительствами других государств и народов;

б) мобилизация в белорусскую армию, назначение ее главного руководства, присвоение и лишение воинских званий офицеров;

в) назначение заместителей президента БЦР, согласно с пунктом 17-6 Статута;

г) утверждение состава Коллегии БЦР;

д) утверждение постановлений и распоряжений Коллегии БЦР.

III. Положение о членах БЦР.

IV. Положение о Пленуме Рады.

V. Положение о Коллегии БЦР[50].

Несколько слов о вооруженных силах Белоруссии.

До момента возникновения Белорусской Центральной Рады (до 21 декабря 1943 года) на территории Белоруссии действовало около 200 батальонов, так называемых ОД-батальонов[51], в задание которых входило ведение борьбы с красной партизанщиной. После приказа о мобилизации была сформирована так называемая Белорусская Краевая Оборона (БКО) в составе около 60 батальонов[52]. Вся эта вооруженная сила находилась в ведении БЦР до момента эвакуации с территории Белоруссии, т. е. до 2 июля 1944 г. После эвакуации на территории Германии были сформированы: 1-я белорусская дивизия — численностью около 22 тыс. человек; 2-я штурмовая бригада ген[ерала] Езавитова[53] — численностью около 12 тыс. человек; СС бригада «Зиглинг»[54] — численностью около 10 тыс. человек. Эти обе бригады находились на Восточном фронте и сражались против Красной армии, а 1-я белорусская дивизия помимо воли Президента БЦР была переброшена на итальянский фронт под Монте-Кассино и должна была сражаться против II корпуса польской армии ген[ерала] Андерса[55]. Но II корпус состоял исключительно из белорусов-западников[56], и потому 1-я дивизия отказалась принять бой, за что и был расстрелян весь штаб дивизии. После этого печального случая командование дивизией было передано майору Микула[57].

Одновременно с этим дивизия была переброшена с итальянского фронта на р. Рейн и была включена в состав соединений, сражавшихся против американской армии. Начальник военного управления БЦР генерал Езавитов с согласия Президента Р. Островского вошел в контакт с американским командованием, после чего командиру дивизии майору Микула было поручено договориться об условиях перехода дивизии на сторону американцев. Приказ о переходе на сторону американцев Островский передал лично при посещении дивизии. И в момент, когда дивизия обороняла переправу через р. Рейн, командир Микула отдал приказ открыть огонь по немецким соединениям, чтобы дать возможность американцам форсировать реку.

Американцы, однако, не сдержали своих обещаний и вместо того, чтобы принять личный состав дивизии в свои войсковые соединения, отправили всех в лагерь военнопленных. Из лагеря военнопленных многим удалось бежать, но примерно около 50 % было (после капитуляции) передано в руки советчиков, которые и сложили свои головы в застенках сталинского МГБ.

Война против большевизма, конечно, неизбежна, и американцы еще вступят на нашу землю. Простит ли им народ за уже совершенное ими преступление, это еще вопрос, но будем надеяться, что вину свою они искупят путем оказания содействия в нашей освободительной борьбе!

П. Д. Ильинский Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии (Жизнь Полоцкого округа 1941–1944 годов)[58]

Первое знакомство с оккупационной зоной

В своем бегстве с линии фронта, откуда немцы при зимнем отступлении из-под Москвы выселяли гражданское население, я попал, наконец, в г. Полоцк[59] 25 декабря 1941 года. Была лютая зима, и наше многочисленное семейство приютил первый встречный, оказавшийся бывшим местным железнодорожником. Обогрвшись и отоспавшись, мы начали расспрашивать своего хозяина о житье-бытье под новой германской властью. Полоцк был захвачен немцами чуть ли не в первые же дни войны[60]; таким образом, к декабрю месяцу 1941 года за спиной у него была уже почти полугодовая оккупация. Многого должно было выясниться и определиться за этот относительно большой срок: недаром же в военное время месяц считается за год. Было не только захватывающе интересно, но и очень важно знать, как организована новая жизнь без НКВД, без колхозов и коммунистов, без горсоветов и сельсоветов, одним словом, без всего того, от чего немцы в своих незатейливых пропагандных листовках так самоотверженно обещали освободить многострадальную Россию.

От Бреста до Владивостока взволнованные войной люди, не имея почти никаких исходных данных, строили самые разнообразные предположения; о будущем, гадали, так сказать, «на кофейной гуще», взирая одновременно и с надеждой, и со страхом на стремительно атакующий Запад. Что несет он нам: освобождение или новое рабство? Жизнь или смерть? Ведь это был самый жгучий, самый насущный и самый трудный вопрос вашего «сегодня» на протяжении ряда месяцев.

И вот наконец мы стоим перед исчерпывающим, как нам тогда казалось, ответом; на этот вопрос. За сутки товарный поезд-порожняк, на который нам под конец так необычайно счастливо удалось попасть, увез нас далеко-далеко от фронта, от царства пожаров, взрывов и «напрасная смерти».

«Отвечайте же нам, ради Бога, что творится здесь, в глубоком тылу?»

К нашему великому удивлению, этот естественный для всякого вновь прибывшего вопрос не вызывает никакого энтузиазма у наших собеседников. Они жмутся, в глазах у них смущение и страх, совсем так, как бывало в СССР, если разговор случайно переходил узкие рамки безопасного и дозволенного. Но это ненадолго. Хозяин — бывалый человек, подсоветский человек; он видит наше поистине жалкое положение и наше полное невежество. Он ясно понимает, с кем имеет дело: ему нет никаких оснований нас бояться. И он начинает вполголоса страшный, непостижимый рассказ, какого мы, так же как и всякие другие на нашем месте, меньше всего могли бы ожидать в это время и именно здесь. «НКВД действительно больше нет, — говорит он, — но сотрудники НКВД остались и работают в полиции и в Гестапо по-прежнему. Горсовета тоже нет; но в городской управе работают те же сотрудники горсовета и другие бывшие коммунисты. Люди, подвергавшиеся преследованиям при большевиках, подвергаются им и сейчас. Административно высланные ранее принуждены скрываться и прятаться до сих пор, ибо городские

коммунисты, занимающие лучшие административные посты в русских учреждениях, боятся разоблачений; горе тому лицу, которое может им показаться в этом отношении подозрительным. Люди, освобожденные немцами из советских тюрем, — боятся прописываться в городе; вернувшиеся из ссылки — не идут за получением продовольственных карточек и т. д. и т. п».

«Сходите на базарную площадь, — посоветовал в заключение нам собеседник, — полюбуйтесь на повешенного. Вот уже несколько недель болтается он на перекладине с доской на шее. На доске надпись: “Советский шпион и бандит”. А его знает весь город: убежденный противник советской власти, много лет подвергавшийся преследованиям НКВД, не имеющий даже права проживания в родном городе. Уже при немцах вернулся он домой и вздумал протестовать против коммунистического засилья. В результате — арест, зверское избиение в так называемой русской полиции[61] резиновыми палками и бессмысленное обвинение в шпионаже».

Много подобного рассказал нам тогда добрый человек, желая ввести нас в курс местной жизни и предостеречь от вынужденного путешествия на базарную площадь через горуправу, в русскую полицию и Гестапо. Дай ему Бог здоровья! В глубоко подавленном состоянии начали мы «оформляться» в городе. Больше всего нам хотелось бежать отсюда, куда глаза глядят. А глаза глядели на Ревель[62] и на Ригу, где у нас были близкие друзья. Ортскомендатура[63] в пропуске на Прибалтику нам категорически отказала. Полоцк был «военным гебитом», чем-то вроде прифронтовой полосы (хотя фронт был уже далеко на востоке, за Смоленском), непреодолимая стена отделяла тогда почему-то зону военного управления от прочих «мирных гебитов». Здесь был «Милитерфервальтунг»[64], там — «Цивильфервальтунг». Немцам из ортскомендатуры казалось, что этим абсолютно все сказано. Они разводили руками и делали такой вид, что нам самим стало стыдно своих «необосновательных» претензий на Прибалтику.

Таким образом, попытка обратиться в бегство не удалась. Нужно было оставаться в Полоцке, нужно было идти в горуправу и в полицию, то есть начинать тот самый, слишком далеко ведущий, путь, от которого после рассказов железнодорожника нам более всего хотелось уклониться. Адъютант коменданта сказал, что в горуправе очень нуждаются в культурных силах; а переводчик коменданта — холодный, очень подтянутый и еще довольно молодой человек, который, несмотря на наше знание немецкого языка, никак не хотел допустить нас до непосредственной беседы с немцами, дал от себя записку к начальнику местного банка. Этот последний якобы тоже имел хорошие вакансии.

Страшный путь начался с представления городскому голове или, что то же, бургомистру[65]. Он принял нас в своем кабинете в присутствии двух дам: управляющей делами и переводчицы. Со слов нашего железнодорожника мы уже знали, что первая — сожительница бургомистра и бывшая жена крупного энкаведиста, уехавшего перед самой войной в отпуск на юг, а вторая — известный в городе осведомитель НКВД, погубивший многих педагогов. Нас любезно и подробно расспрашивали обо всем; мы старались быть осторожными в ответах, как это полагается в Советском Союзе. Никакой работы для нас не нашлось, но нас обещали «иметь в виду». На прощание бургомистр, несколько утративший свою первоначальную любезность, посоветовал нам обратиться к начальнику банка, «который, может быть, что-нибудь для вас сделает».

Пришлось идти в банк, нам уже нечего было есть, а сидеть бесконечно на шее железнодорожника тоже не годилось.

Первое, что мне бросилось в глаза при входе в это учреждение, была фигура энкаведиста высокого роста, стоявшего в полной форме посередине большой комнаты. Высшие чины НКВД в СССР резко отличались по костюму от всех прочих граждан: они носили так называемую «бекешь», совершенно особого покроя пальто-шинель с поясом и меховым воротником.

Бекеша была символом работы в НКВД: ее нельзя было ни покупать, ни носить обыкновенным, смертным. Итак, человек в бекеше оказался начальником банка. У него не было времени для

разговора со мной сейчас же, но, прочитав записку переводчика, он сказал, что будет меня ждать вечером того же дня дома и дал свой адрес. Когда через несколько часов после этого я шел, покачиваясь от голода, по абсолютно темным улицам незнакомого города в поисках квартиры начальника банка, мне все казалось, что из темноты смотрят на меня его глаза, маленькие, злые, близко посаженные, с очень тяжелым взглядом. Они казались мне еще хуже бекешки и очень удачно ее дополняли. Такие глаза знает всякий гражданин СССР, которого когда-либо допрашивали в Москве на Лубянке.

Вечерняя встреча и беседа с начальником банка запомнилась мне навсегда. Хозяин был уже сильно пьян, когда я пришел. От водки и от благодушного настроения духа его глаза совершенно утратили волевую целеустремленность следователя, тем не менее он учинил мне с самого начала откровенный допрос: кто, откуда и куда, зачем, как и почему.

В ярко освещенном кругу от сильной электрической лампы я сидел перед пьяным начальником банка, рассказывая ему самую банальную беженскую историю, а его жена сбоку, из темноты, молча наблюдала за нами. Моя болтовня, едва ли вообще удовлетворительная, ему, однако, понравилась; он все ободрял меня, хвалил почему-то за осторожность (?) и непрестанно возвращался пьяной мыслью к каким-то «инструкциям», которыми он сегодня не хочет заниматься. Я так и не понял толком, кто кому должен давать инструкции — я ему или он мне.

В заключение, несмотря на протесты жены, он потребовал, чтобы я распил с ним бутылку самогона. Как ни боялся я пить — голодный и истощенный, — было ясно, что вырваться без скандала из властных объятий моего нового знакомого совершенно невозможно. Поэтому я не стал особенно возражать, тем более, что решить в этот момент, что опаснее — остаться или уйти, — было очень трудно. Я остался, а безнадежно протестующая и совершенно трезвая жена была вскоре не без рукоприкладства выпровожена мужем из комнаты.

Мы начали есть и пить, и я, то ли от жадности к еде, то ли от страха, пьянел очень медленно. И чего же я только тогда не наслушался! Говорилось, конечно, не все прямо, а больше намеками; многое просто как бы само собой подразумевалось. Но что такое «намеки» в устах пьяного человека? — Он часто яснее самой беззастенчивой откровенности. Одним словом, если бы и не было в свое время сделано предупреждений со стороны приютившего нас железнодорожника, то я бы уже из одной этой беседы мог убедиться, что, несмотря на немецкую оккупацию, городские дела в значительной своей части находятся по-прежнему в руках большевиков, которые попрежнему терроризируют население до последней степени.

Только тут я окончательно понял весь ужас нашего положения: уже не просто об опасности, а скорее о ничтожных шансах на спасение приходилось теперь думать. Собутельник мой окончательно захмелел. Для меня возникал мучительный вопрос: помнит ли он на другой день то, что говорит и делает в пьяном виде? В комнате появилась его жена, ловкая, складная, выдержанная женщина. С ее появлением возник другой, не менее мучительный вопрос: слышала ли она наш пьяный разговор?

В ту минуту мне пришло, однако, в голову, что, может быть, не все еще потеряно и что осталось еще одно последнее средство для спасения. Многолетний опыт трудной подсоветской жизни подсказывал, что в этих условиях следует попробовать притвориться дураком и никудышным с практической точки зрения человеком. Прием известный и испытанный: старый и, в то же время, вечно новый. Утопающий хватается за соломинку — я и посвятил этому весь остаток вечера, имея в виду не столько пьяного начальника, сколько его совершенно трезвую супругу. Когда вся самогонка была выпита, мы расстались с хозяином на том, что я на другой день утром прихожу к нему на работу для зачисления в штаты. А с хозяйкой, которая пошла меня провожать до калитки, на том, что муж ее спяна «все врет: штатного места у него для меня нет, и чтобы я вообще и думать забыл о поступлении в банк». Последнее можно было расценивать скорее как хороший симптом: мистификация, очевидно, удалась, я этому искренне возрадовался.

Серьезная дама оказалась более чем права. Меня не только не приняли в банк, но очень скоро выяснилось и другое: что меня вообще никуда не примут. Зато и на перекладину около базарной площади я тоже не попал. Где-то, очевидно, было решено, что торопиться со мной особенно нечего. Лютая зима, отсутствие пригодного для жилья помещения, голод, вши и инфекционные заболевания должны были медленно, но верно выполнять роль палача. Если бы не помощь добрых людей, а потом и Православной Церкви, никто из нашей семьи все равно не дожил бы до весны. В действительности же получилось несколько иначе: из шести человек мы потеряли (и то несколько позднее) только двоих, наиболее пожилых, слабых и неподготовленных к такому совершенно особому образу жизни.

Общее положение в городе в первый год войны и оккупации

Ориентироваться в жизни маленького провинциального города было нетрудно. Вскоре я собрал все интересующие меня о Полоцке сведения. С первых же дней войны Полоцк попал в зону колоссального немецкого окружения: в результате немцы, которых большевики ждали с запада, пришли в город с востока, от Витебска[66]. Это обстоятельство исключило возможность эвакуации, и город, с прилегающими к нему районами, был захвачен почти со всем своим населением мирного времени. Выполняя приказ Сталина, в Полоцке, как и повсюду в других местах, отступающие войска и специальные комсомольские бригады[67] зажигали жилые постройки, магазины и склады[68]. Под страшный вопль и плач населения они ходили из дома в дом, бросая бутылки с бензином. Люди едва успевали выскочить на улицу, сохраняя из имущества только то, что было на себе. Никакие протесты не помогли: в пытавшихся оказать сопротивление или тушить пожар стреляли[69].

Ужас этого первого и для многих русских, может быть, самого главного бедствия Второй мировой войны, имевшего место еще до вступления немцев в город, не поддается описанию. Город был почти весь деревянный; он сгорел на три четверти, оставляя тысячи людей без крова, имущества и каких-либо средств к существованию. Значительная часть из них разошлась потом по окружным деревням. Немцы входили среди дымящихся развалин: на многих улицах не осталось ни одного жилого дома. Они пытались вместе с жителями тушить пожар, но было уже слишком поздно. Огромные военно-продовольственные склады хлеба, мяса и масла, созданные заблаговременно Сталиным около Полоцка в расчете на наступательную войну, горели в течение многих месяцев уже при немцах; к ним нельзя было близко подойти.

Население, в том числе и евреи, знакомые с немецкой оккупацией еще по Первой мировой войне, не боялись немцев и даже приветствовали их приход, как это было почти повсеместно в России[70]. Ненависть к советской власти пересиливала у советских граждан все другие чувства и соображения[71].

В центре экономических интересов народа была земля и свободная торговля; земля, конечно, прежде всего. Когда местные крестьяне, мобилизованные большевиками перед самым приходом немцев, проходили уже в качестве военнопленных по городу и встречали глазами родственников и знакомых, они, совершенно забывая о своем собственном незавидном положении, кричали в голос: «Что вы тут зря болтаетесь? Бегите скорее домой делить землю! А мы пока будем вместе с немцами добывать Сталина!» Убеждение в том, что колхозы будут ликвидированы немедленно, а военнопленным дадут возможность принять участие в освобождении России, было в первое время всеобщим и абсолютно непоколебимым. Ближайшего будущего никто иначе просто не мог бы себе и представить. Все ждали также с полной готовностью мобилизации мужского населения в армию (большевики не успели провести мобилизацию полностью), сотни заявлений о приеме добровольцев посылались в ортскомендатуру, которая еще не успела даже хорошенько осмотреться на месте.

Фронтовые части немцев были прекрасно снабжены всем необходимым; они, как правило, не грабили и не обижали гражданского населения. Это производило на людей самое благоприятное впечатление. Доверие к немцам подкреплялось также и тем обстоятельством, что они в первое время весьма охотно отпускали пленных: местных — по домам, а дальних — во всех тех случаях, когда какая-либо местная семья или одинокая женщина соглашалась взять пленного «приймаком». Немцев в то время почти никто еще не рассматривал как врагов: очевидными для всех врагами были только Сталин, партийцы и комсомольцы, которые сожгли город. Однако восторженный подъем продолжался недолго. Прокатились дальше отборные фронтовые воинские части, началась «спокойная» организация новой жизни, и настроение людей стало не повышаться, а, наоборот, быстро падать. Немцы не оправдали ни одной заветной мечты, ни одной законной надежды населения: они все время делали такие вещи, которые никак не укладывались в рамки здравого смысла. И уже одно то, что понять их было просто невозможно, заставило людей сразу насторожиться и заподозрить что-то недоброе.

Началось с «призвания коммунистов на царство», как выразился один местный священник. Затем, при участии тех же коммунистов, занявших командные места в штате вновь сформированной городской полиции, последовали умопомрачительные репрессии по отношению к евреям. Затем немцы не разрешили крестьянам поделить землю и фактически сохранили колхозную систему. Затем немцы отказались допустить в какой бы то ни было форме участие русского народа в освобождении своей собственной страны от большевиков. Затем они почему-то вдруг перестали отпускать пленных, а вместо этого принялись уничтожать их так же, как до этого уничтожали евреев. Затем в оккупированной зоне как апофеоз политического недомыслия были введены публичные казни и телесные наказания. Перечислять дальше, пожалуй, не стоит, ибо все остальное, зачастую тоже весьма существенное, совершенно меркнет по сравнению с вышеуказанным. К перечисленному же выше необходимо дать некоторые пояснения. Коммунисты завладели русскими административными учреждениями без особого труда или, даже вернее сказать, без всякого со своей стороны участия. Совсем по русской поговорке: «Без меня меня женили».

Сейчас же по приходе немцев последние издали распоряжение, согласно которому все бывшие советские служащие и рабочие должны были вернуться на прежнюю работу. Таким простым образом вся партийная верхушка просто автоматически оказалась снова у власти. При этом ортскомендант даже официально заявил, что, с немецкой точки зрения, политические убеждения — личное дело каждого, и никакие заявления о бывшей принадлежности кого-либо из служащих к Коммунистической партии немцами рассматриваться не будут. В частном же разговоре, немедленно распространившемся по всему городу, он развивал несколько иную концепцию. Он сказал: «Нам нужны люди, имеющие опыт управления народными массами. В России такими людьми являются сейчас только коммунисты. Мы знаем, что это беспринципный элемент: им все равно кому служить: служили Сталину, будут служить и нам». Сути дела это, конечно, не меняло[72].

Но если приход коммунистов к власти и был с их стороны актом чисто пассивным, то из этого, конечно, еще отнюдь не следует, что, оказавшись наверху, они так и не захотят или не смогут дальше организовать по своему обычному партийному принципу, а будут покорно служить немцам не за страх, а за совесть. По-нашему выходило скорее как раз наоборот, по-немецки же казалось именно так. Мы увидим дальше, какие это имело последствия и для немцев, и для самих партийцев, и для все того же многострадального русского гражданского населения.

Другим, крайне тягостным для всех, впечатлением была непостижимая в своей жестокости и бессмысленности массовая расправа с евреями. Фронтовые части не проявили к евреям ни особого интереса, ни заметной враждебности. Они даже кормили их наравне со всеми прочими «цивилистами»[73] из своих походных кухонь в первые дни по занятии города. И вдруг, недели две или три спустя после этого, как гром из ясного неба, появился приказ о создании гетто[74]! И этот

приказ, и все дальнейшее, что за ним последовало, вызвало волну глубочайшего негодования и открытого протеста абсолютно во всех слоях населения. В Белоруссии, где так много еврейской бедноты, жизнь которой ни в чем в сущности не отличается от остального угнетаемого советской властью населения, антисемитизма нет, и масштаб вопиющего немецкого злодеяния буквально не укладывался людям в голову. Принципиальная сторона дела была, конечно, как всегда у русских, на первом месте. Но, кроме того, каждый думал, что если немцы могли поступать так с евреями, то им ничто не помешает при случае поступить так же и со всеми другими. Это последнее вполне здравое соображение оправдало себя скорее, чем можно было предположить, когда началось массовое уничтожение людей в лагерях военнопленных.

Как известно, с землей, то есть с роспуском колхозов и с переходом на единоличное крестьянское хозяйство, при немцах получилось тоже совсем неладно. Немцы прилагали все усилия к тому, чтобы оттянуть роспуск колхозов как можно дольше. Каждому крестьянину было ясно, что немцы, как и большевики, считают обобщественную форму землепользования лучшей системой для выкачивания из населения сельскохозяйственных продуктов. Таким образом, совместная с немцами борьба против большевиков теряла для крестьянина в значительной степени свой смысл.

Нарезка индивидуальных участков земли крестьянам в Полоцком районе началась только к концу 1943 года. С политической точки зрения это было, конечно, более чем поздно. Но немцы и сами отказывались от помощи русского народа. Только теперь, в ретроспективном плане, зная досконально чудовищные идеологические основы Третьего рейха, мы можем понять, в какое бешенство должна была приводить столпов национал-социализма наша претензия на участие в вооруженной борьбе против большевиков. Ни о русских формированиях, ни о мобилизации, ни о приеме добровольцев не могло быть тогда, конечно, и речи! Протянутая рука была отвергнута и осталась беспомощно висеть в воздухе. А на сердце росла обида и самые нехорошие подозрения. «Что ж это без нас хотят? — говорили крестьяне. — Если без нас, то, похоже, что и не для нас. Ну, пушай попробуют!»

И в то же самое время, то есть в конце 1941 года и в начале 1942 года, в Белоруссии вдруг необычайно пошли в ход украинцы. Хотелось бы мне знать, были ли тогда на оккупированной Украине в таком же почете белорусы? В Полоцке слово «украинец» быстро стало нарицательным и обозначало человека, пользующегося незаслуженными привилегиями. Украинцам — доверие, украинцам — особый паек, только украинцев принимают на всевозможные вспомогательные должности при немецких военных и гражданских учреждениях: украинцы десятники, надсмотрщики и погонщики. Спрос, как известно, родит предложение, а люди советской жизненной школы зевать не любят. Уж и наплодилось же тогда в Белоруссии новоявленных «украинцев»! Я думаю, что тогда и на самой Украине-то их столько не было. От своей «мудрой» политики с так называемыми украинцами немцы очень быстро сами стали в тупик: было ясно, что очень скоро в Белоруссии не останется ни одного белоруса — все станут украинцами. Немцам пришлось прекратить эту акцию, но у населения надолго остался неприятный осадок на душе от нее. Всем было понятно, откуда ветер дует, и до 1944 года включительно в Полоцке сохранилось ироническое выражение «пойти в украинцы».

Особо должно быть отмечено впечатление, которое произвело на народ введение публичных казней через повешение и телесных наказаний. Этой частной мерой, совершенно оставленной уже к весне 1942 года, немцы навредили себе не меньше, чем всеми остальными, вместе взятыми. Почему немцам нельзя было этого втолковать даже тогда, когда под давлением явно неблагоприятных результатов публичные казни и порки были давно отменены? Всем известно, что в личных отношениях немцы при желании могут быть даже очень приятны по отношению к отдельным лицам. Но ни один народ в мире не обладает такой исключительной способностью в организованном порядке восстанавливать против себя все другие народы, как немцы.

Частные взаимоотношения между немцами и местным населением

Уж так повелось, что пропаганда воюющих между собой стран поливает друг друга грязью без всякого зазрения совести. Война есть война, а слово, как известно, может быть очень вредоносным оружием. Использовать это оружие против немцев было особенно удобно и легко, потому что они действительно совершили ряд возмутительных поступков. Но война давно окончена. С точки зрения исторической правды было бы неправильно продолжать ругать немцев без всякого разбора и абсолютно за все или приписывать и то, чего в действительности никогда не было. Немцам, как и многим другим народам, вполне хватает их действительных настоящих грехов, чтобы нужно было эти грехи для них еще специально придумывать.

Я беру на себя смелость высказать следующее положение: насколько плоха была немецкая политика в занятых областях, настолько же хорошо вели себя в массе немецкие военнослужащие по отношению к местному населению. Говорят, что там, где было так называемое «гражданское управление», было вообще много хуже, чем у нас. Этому не приходится удивляться, ибо гражданское немецкое управление было сплошь партийным. Хозяйственники, работники так называемых «Виртшафтскоманды»[75] (ВИРО) и Центрального торгового общества (ЦТО) и у нас были в массе значительно хуже военных. Кстати сказать, и это тоже очень характерно, что между теми и другими шла непрекращающаяся вражда на принципиальной почве. Военные немцы будто были сделаны совсем из другого теста, чем гражданские, партийные. Отнюдь нередки были случаи, когда офицеры и солдаты в разговоре с нами, русскими, подчеркивали свою беспартийность. Отмежевывались от нелепых или жестоких мероприятий власти и от всей души старались смягчить или даже вовсе не проводить их в жизнь.

Первые годы оккупации немцы в большом количестве размещались на постой в частных домах, разделяя в какой-то степени не только помещение, но и саму жизнь со своими хозяевами. При этом в подавляющем большинстве случаев между теми и другими устанавливались хорошие отношения и даже настоящая дружба. Уезжая в другой город или на фронт, немцы иногда подолгу переписывались со своими бывшими хозяевами. Известны случаи, когда такая переписка продолжается даже теперь, в эмиграции.

Усиленная меновая торговля также весьма содействовала установлению дружеских взаимоотношений между завоеванными и завоевателями. Хулиганства со стороны немцев на улице не было совершенно. Этому содействовала не только природная дисциплинированность немцев, но и многочисленные патрули полевой жандармерии, день и ночь циркулировавшие по городу. Можно предполагать, что официальные правила поведения, предписанные уставом, были очень строги: и солдаты, и офицеры боялись своей жандармерии, как огня. Нужно ли из сказанного сделать заключение, что частная жизнь при немцах была сплошным раем, а сами немцы — ангелами? Конечно, нет. Были и неприятности, было и хамство со стороны отдельных немцев. Но масштаб всего этого по условиям военного времени был очень незначителен.

Реквизиции, конфискации и кражи имущества, фуража и скота, несомненно, также должны были иметь место. Но в то же время тысячи жителей в городе, не говоря уже о деревне, имели и собственных лошадей, и коров, и коз, и овец. Очень многие жители получали коров и даже лошадей уже при немцах, из числа так называемых «трофейных», организованным порядком за самую умеренную плату. Вероятно, были случаи кражи немецкими солдатами у местных жителей и кур, и свиней, и коров, хотя мне почти не приходилось об этом слышать (за три года слышал всего один раз). Но совершенно очевидно, что это не носило массового характера, так как, несмотря на большое количество войск в городе, почти все семьи имели кур, безбоязненно расхаживавших везде, где им только вздумается. Свиньи похрюкивали почти в каждом дворе, а поросенка можно было, хотя и не без хлопот, купить каждому в племенном животноводческом немецком хозяйстве около города. Породистых свиней и рогатый скот немцы систематически привозили из Германии.

Особого рассмотрения требует вопрос о взаимоотношении полов. Зная значительно большую, по сравнению с Западной Европой, чопорность и строгость русской женщины, советская пропаганда, желая не только заранее напугать население, но и совершенно восстановить его против немцев, приписывало последним чуть ли не поголовные изнасилования. Это была, конечно, самая беспардонная ложь. Случаи изнасилований должны были иметь место, но это было отнюдь не правило, а скорее редчайшее исключение. О ничтожном количестве их можно судить из следующего. Я пробыл в зоне немецкой оккупации почти три года: за все это время я слышал всего о двух таких случаях. В первом случае очень пьяный немецкий солдат на железнодорожной станции Вязьма ночью тянул за рукав уже немолодую женщину-беженку к пустому вагону стоявшего на запасных путях товарного поезда. Тянул вяло, пытаясь ей что-то объяснить, причем они все время фактически оставались стоять на одном месте. Проходившие мимо другие немецкие солдаты с котелками дали ему пинка и освободили таким образом женщину. Это я видел сам из вагона в декабре 1941 года. Другой случай произошел в том же 1941 году, только несколько раньше, в самом городе Полоцке, еще до моего прибытия туда; мне о нем потом рассказывали местные жители. При обстоятельствах, мне в точности не известных, немецкий солдат ночью вломился в чей-то чужой дом и, угрожая оружием, изнасиловал там девушку. Преступление было обжаловано, доказано и по постановлению военного суда солдата расстреляли. Об этом знал весь город.

Совсем другое дело — добровольные сожительства: они имели место в довольно значительном количестве[76]. Тем не менее, немцы со своей стороны неизменно жаловались на трудность заведения любовных связей в России по сравнению с другими странами, где им приходилось стоять раньше. Связи возникали по преимуществу в местах совместной работы, когда русские женщины служили в немецких учреждениях и предприятиях. Несравненно реже — по месту жительства немцев, что легко объяснимо и по-своему примечательно. Деревенские любовные связи немцев могли иметь место только в качестве самого редчайшего исключения.

Из числа известных в городе связей (а они в глухой провинции известны, конечно, все) к 1944 году заметный процент приходился на женщин, связанных с партизанами или с советской разведкой. Такие женщины были и пришлые, и из местных комсомолок. В этом отношении наивности немцев не было границ: они принципиально не считали женщину, да еще молоденькую и хорошенькую, способной на такую работу[77]. Многим из них пришлось за это жестоко поплатиться. Большевики, зная слабость немцев, засылали смазливых девиц, прошедших специальную школу разведки НКВД в довольно большом количестве. Действие их на немцев было неотразимо и всегда безотказно. В лучшем случае такая девица неожиданно исчезала из города, захватив с собой документы, бланки и печати. А бывало и хуже. Но для русского гражданского населения любовница-разведчица была несравненно опаснее не тогда, когда она сбежала из города, а тогда, когда она, оставаясь в нем, за спиной своего покровителя и самым энергичным образом занималась провокацией. Зловредное, тонко инспирированное влияние такой женщины было несравненно труднее преодолеть, чем немецкий эгоцентризм и бездарные националсоциалистические правила и приказы. Сколько хороших людей погубили такие женщины, сколько антибольшевистски настроенных деревень было сожжено их усилиями!

Военные власти не вмешивались в добровольные отношения полов. Однако законные браки между немецкими военнослужащими и русскими женщинами были строго запрещены. Мне известно несколько пар, которые пытались обойти это запрещение. Говорят, будто бы в других местах, например, в Витебске, были устроены специальные публичные дома для солдат, куда без разбора помещали русских молодых женщин против их воли. Зная национал-социалистические установки во взглядах на другие народы, этому не приходится особенно удивляться. Но в Полоцке ничего подобного не было. Венерических заболеваний среди немецких солдат наблюдалось очень немного. В целях борьбы с таковыми женщин, которые заражали немцев, после тщательной

проверки в бактериологической лаборатории местного военного госпиталя расстреливали. Мне лично пришлось слышать про один такой случай.

Административная структура управления. Учреждения и предприятия.

Высшим административным органом в г. Полоцке, как и во всяком другом более или менее крупном населенном пункте оккупированной территории с военным управлением, была ортскомендатура. Главным назначением этого учреждения было, конечно, всемерное обеспечение воинских частей как мимопроходящих, так и расположенных на месте[78]. Однако ведению ортскомендатуры подлежали не только воинские части, но в какой-то степени и все хозяйственные немецкие учреждения, а также русское гражданское население и местная промышленность. Ортскомендатура[79] должна была быть хорошим для немцев хозяином своего района, с фактически неограниченной властью по отношению ко всему «туземному».

Русскими учреждениями, через которые ортскомендатура и некоторые другие инстанции осуществляли управление гражданским населением, а также отчасти и местной промышленностью, являлись: городская управа («магистрат»), районная управа, земельное управление и банк. Всё это были относительно большие учреждения. В городской и районных управах насчитывались десятки служащих в одном только аппарате. Многие думают, что русские учреждения при немцах были лишены какой бы то ни было самостоятельности и должны были играть очень незначительную и даже жалкую, чисто вспомогательную роль. Может быть, гордые завоеватели как раз именно этого и хотели. Но на самом деле это было далеко не так.

В действительности немцы диктовали только основные мероприятия, да и то, главным образом, в их принципиальной части, техническими деталями у них не было ни охоты, ни времени заниматься. Между тем, с точки зрения интересов местного населения, именно эти-то самые технические детали и были часто важнее всего. Я уж не говорю о том, что город и район имели много более мелких своих, чисто местных забот, которыми немцы вообще никогда, очевидно, и не собирались заниматься. Штат ортскомендатуры был, как правило, очень мал: всего каких-нибудь 3–4 человека. Сам комендант, его адъютант и переводчик были так сильно загружены своими военными обязанностями, что для гражданских дел могли уделить никак не больше тридцати — сорока минут в день. Где же тут еще вникать в детали! Дать общие установки по текущим делам, выслушать краткий доклад об исполнении вчерашних распоряжений и о том, что делается в городе, — вот и вся их дневная работа по гражданской линии. Во всем остальном инициативе местного русского начальства была фактически предоставлена почти полная свобода.

Благодаря сложной, двойной, а иногда и тройной подчиненности совершенно разным немецким инстанциям, кроме ортскомендатуры, ловкий русский администратор, искусно лавируя между многочисленным и нередко враждебным друг другу немецким начальством, мог достигнуть даже и очень большой относительной самостоятельности в делах. Успех зависел, главным образом, от его способности и умения использовать обстоятельства, так как случаев сложного подчинения в административной структуре оккупационного управления было более чем достаточно.

Так, местная промышленность, находившаяся в системе горуправы, подлежала одновременно по разным линиям ведению и ортскомендатуры, и «Виртшафтскоманды», и Центрального торгового общества «ОСТ». Школьный и церковный отделы горуправы и отдельное от последней дорожностроительное управление, работавшее не в масштабе района, а в масштабе округа, были в одновременном непосредственном подчинении и ортскомендатуры, и других, выше ее стоящих военных учреждений, как-то фельдкомендатуры[80] и штаба армии. Городские больницы, принадлежащие также к учреждениям горуправы, были одновременно в какой-то степени подчинены и ортскоменданту, и старшему врачу гарнизона, и начальнику немецкого военного госпиталя, и фельдкомендатуре.

Большая или меньшая зависимость русских учреждений от немецких военных частей могла в чрезвычайно широких пределах колебаться и под влиянием личных отношений между русской и немецкой администрацией. А личные отношения очень часто зависели от взяток и подарков. Суть сказанного может быть коротко выражена следующей простой формулировкой: «Чем больше подарков дает русский начальник начальнику немецкому, тем меньше начальник немецкий интересуется делами русского начальника». Тут, пожалуй, будет уместно сразу же привести и некоторую другую формулу. Она дополняет и как бы несколько развивает предыдущую: «Чем больше получает немецкий начальник лично для себя от подчиненного ему русского начальника, тем меньше получает через них обоих Германия и германская армия». Если при этом принять во внимание, что немцы в массе своей оказались страшными взяточниками, то можно себе легко представить, какие большие последствия всё сказанное должно было иметь в практической жизни.

Из сказанного следует, что не только русские учреждения, не обладая полной самостоятельностью, очень сильно зависели от немцев, но и немецкие учреждения, будучи абсолютно самостоятельными, очень сильно зависели от русских. А всё вместе взятое зависело от того, в какую сторону были направлены усилия людей, какую цель ставили себе те или иные действующие лица: личную ли выгоду, успех ли какой-то отвлеченной политической доктрины или непосредственное благо ближнего во имя Высшей Справедливости. Людей много, и «каждый молодец — на свой образец». Таким образом, в практической жизни и то, и другое, и третье всегда тесно переплетаются между собой. В качестве равнодействующей получается сложное явление, зачастую очень трудное для расшифровки и понимания. Именно поэтому здесь приходится так подробно останавливаться на всех деталях оккупации. Беспристрастный историк тем лучше поймет и оценит события, чем большее число составляющих такую равнодействующую он будет иметь в своем распоряжении.

Для полноты картины городской жизни необходимо еще особо остановиться на таких немаловажных, с общественной точки зрения, предметах, как местная промышленность, продовольствие, народное образование, медико-санитарная часть и церковные дела. Рассмотрим их по порядку.

а) Несмотря на колоссальные разрушения, причиненные пожаром, город имел целый ряд предприятий, как-то: хлебозавод, маслозавод, винный завод, бойни, мельницу, мыловаренный завод, кирпичный завод, кожевенный завод, валяльное, гончарное, бондарное заведения, общественную столовую, парикмахерскую, бани, портняжную и сапожную мастерские, электростанцию, водокачку, театр, пригородное хозяйство (бывший совхоз) с племенной станцией рогатого скота, свинофермой и молочным хозяйством и садоводство-огородничество. Все это было, так сказать, государственное и работало, главным образом, на немцев, но все же не только на одних немцев. Продукция местной промышленности для русского, то есть гражданского населения, главным образом, для рабочих и служащих, отпускалась по очень низким, «твердым» ценам в незначительном, строго регламентированном количестве. Но за взятки или при содействии подарков — кур, масла или яиц — каждый мог получить почти всё и в достаточном количестве.

Лица, работавшие на тех или иных предприятиях местной промышленности, а таких в городе было чуть ли не большинство, имели возможность нелегально или полулегально получать очень многое с других каких-либо предприятий местной промышленности, так сказать, «в порядке обмена» или, вернее, незаконной взаимной любезности. Всякое начальство смотрело на это сквозь пальцы. Немцы, в свою очередь, тащили и продавали (особенно охотно на золото) все, что подлежало их ведению, даже бензин, за продажу и покупку которого, согласно расклеенному по городу объявлению, полагался расстрел обеих сторон, заключавших сделку. К слову сказать, в конце оккупации, в 1943 и 1944 годах у немцев, вернее сказать, у разных иностранцев, служивших в немецкой армии, можно было покупать даже такие вещи, как ручные гранаты, пулеметы и легкие противотанковые пушки. Таким именно образом снабжались многие партизанские отряды около

Полоцка, Десны (Луначарска) и Дриссы, а вероятно, и во многих других местах (винтовок и автоматов партизаны сами не хотели покупать, потому что имели их всегда в достаточном количестве).

Частных магазинов в городе не было, зато базар и разные спекулянты, торговавшие на дому, процветали. Люди, натащившие во время пожара перед сдачей города немцам много разного товара из горящих лавок и складов, торговали этим добром вплоть до 1944 года. Полицейские продавали еврейское имущество. Всевозможные кустарные производства на дому, считавшиеся нелегальными, от выжимания льняного масла до курения самогона включительно, были в большом ходу. Кустарничество было строго запрещено, так как подрывало сырьевую базу «государственной» местной промышленности, но практически преследовалось оно очень слабо. Под конец оккупации в городе появилось два частных предприятия — фотография и «ресторан», то есть, в сущности говоря, маленький грязный трактирчик с подачей самогона и пива.

По продовольственным карточкам население получало фактически только один хлеб и то в небольшом количестве и плохого качества. Это могло бы быть причиной голода, как мы знаем по опыту больших городов: Киева, Харькова и других, попавших в зону немецкой оккупации. Но жители маленького города были в более благоприятных условиях. Они росли глубокими корнями в окружающую деревню и сами в какой-то, довольно значительной, степени строили свою экономику на сельском хозяйстве и огородничестве. Это спасало постоянных местных жителей от голода, избежать которого при иных обстоятельствах было бы невозможно. Крестьяне также, конечно, были совершенно сыты. Голодали, и подчас довольно жестоко, только беженцы-пришельцы да одинокие престарелые погорельцы. В первый год оккупации голодал городской Инвалидный дом и огромный детский приют для сирот. В дальнейшем им для прокормления были отведены большие и хорошие земельные участки.

При немцах были в обращении одновременно и советские деньги, и германские оккупационные марки, по паритету одна германская марка равнялась десяти советским рублям. Огромную цену имело золото и в «рыжиках» царской чеканки, и в вещах; его было в обращении несравненно больше, чем можно было бы предполагать после двадцати пяти лет советской власти с ее торгсинами и «парильнями для буржуев»[81] в НКВД. Бумажные деньги царского времени хотя и хранились еще у очень многих жителей под спудом, но никакой цены не имели.

б) С народным образованием при немцах дело обстояло во всех отношениях скверно. Все, что было при Советах по уровню выше средней школы или относилось к профессиональному образованию, оказалось закрытым. Это произошло по двум разным причинам, действия которых складывались: с одной стороны, сгорели или были заняты под немецкие учреждения и войска потребные для этого помещения, а с другой стороны, немцы не видели для себя ровно никакой нужды слишком много учить побежденные народы. Из средних школ, и то не полностью (без старших классов), функционировали при немцах только три с общим числом учащихся в 150–260 душ (количество учащихся в разные годы сильно колебалось в зависимости от очень многих причин). Таким образом, не будет ошибкой сказать, что фактически имело место только начальное, низшее образование.

В первый год оккупации учителя были почти сплошь из бывших коммунистов или комсомольцев, а советские учебники, употреблявшиеся за отсутствием других, пестрели портретами советских вождей. Немцев ни то, ни другое отнюдь не смущало. Зато немцы официально запретили преподавание Закона Божьего, истории и всякой географии, кроме физической. При таких условиях академическая часть быстро пришла в упадок. Педагоги занимались на уроках, главным образом, восхвалением советского режима и агитацией против немцев и делали это совершенно беспрепятственно. В результате большинство родителей, совершенно иначе тогда настроенных, перестали пускать своих детей в школу. После 1942 года была сделана попытка если не перестройки, то, во всяком случае, значительного обновления школьного дела. Несмотря на исключительно трудную обстановку, она все же дала некоторые положительные результаты. В

изложении хода городских событий на протяжении 1943 года и 1944 года мы еще вернемся к этому вопросу.

К школам и учению имеют большое отношение библиотеки. С книгами в городе дело обстояло тоже неважно. Огромное количество книг сгорело от комсомольских пожаров перед приходом немцев. Остатками немцы топили в первое время печи и свои походные кухни. Тем не менее, к концу 1942 года удалось собрать городскую библиотеку в несколько десятков тысяч томов. Весной 1943 года она сгорела дотла от советской воздушной бомбардировки. После этого уже ценою огромных трудов удалось собрать еще 2–3 тыс. книг, которые составляли тогда все богатство города.

в) Город имел две больницы, одна из которых была очень большая. Во главе их стояли не местные врачи, мобилизованные еще в самом начале войны в Красную армию, а какие-то случайные, пришлые люди из беженцев и военнопленных. В городе поговаривали, что пришлый элемент работает в контакте с бывшими коммунистами[82] и полицией, уничтожая под шумок нежелательные для себя элементы населения. Многие в связи с этим даже боялись ложиться в больницу. Может быть, для этих слухов и были реальные основания, так как часть врачей городской больницы позднее ушла в партизаны[83], а другие лица из медперсонала были пойманы на передаче «в лес» медикаментов и хирургических инструментов[84]. Часть младших врачей — и это были как раз лучшие — принадлежала к местным уроженцам.

Больницы очень плохо отапливались, снабжение продовольствием было бы более или менее удовлетворительным, если бы значительная часть его не раскрадывалась служащими. Впоследствии это положение удалось несколько улучшить. Снабжение медикаментами было, наоборот, самое скудное, и лекарства, практически говоря, почти совсем отсутствовали. Даже дифтеритной вакцины, имевшейся в очень большом количестве у соседнего немецкого военного госпиталя, для русских больных совсем не отпускали. Ни бактериологической лаборатории, ни рентгеновского кабинета при русских больницах в это время тоже не существовало. Но этого рода работы для них время от времени все же выполнял немецкий госпиталь. Инфекционные отделения больниц были всегда переполнены. Тиф и дифтерит, обычные в то время болезни немецких солдат, косили и русское население. Дважды за три года вспыхивала сильная эпидемия скарлатины. Зубов гражданским лицам лечить было негде. За отсутствием медикаментов их не лечили, а только рвали, и, конечно, без кокаина.

г) До революции в Полоцке было 12 или 14 разных храмов[85]. Из них: один католический, один протестантский, один старообрядческий, один единоверческий, одна еврейская синагога, остальные — православные. В городе было также два монастыря, мужской[86] и женский. Последний — знаменитый на всю Россию, Спасо-Евфросиньевский, основанный внучкой князя Владимира Святого еще в XII веке[87]. Ко времени Второй мировой войны все храмы уже давно были закрыты большевиками. Древние здания, часто высокохудожественной архитектуры, использовались под склады или стояли в руинах. В огромном соборе за Двиной была устроена тюрьма НКВД.

Отношение немецких оккупационных властей к религии проще всего определить формулой «дружественный нейтралитет». Только иудаизм и католицизм были в другом, значительно более худшем, положении: первый по расовым, второй — по национальным, анти-польским соображениям. Ко всем другим конфессиям отношение было благосклонно-снисходительное. Как ни плохо понимал немецкий национал-социализм не только духовную сущность религии, но и ее политическое значение для такой страны, как Россия, он все же пытался, елико возможно, использовать в своих интересах все предыдущие большевистские «несправедливости» и гонения на Церковь. Завоеванный Восток должен был, наконец, хоть в чем-нибудь почувствовать резкую разницу между немцами и большевиками. И он ее почувствовал: немцы предоставили религии и Церкви свободу жить или умирать, как это им заблагорассудится, а затем перестали этим делом

вообще сколько-нибудь серьезно интересоваться. На первый раз и это уже было не так плохо. Свободное и независимое положение составляло для верующих почти все, о чем только можно было мечтать. И это тем более, что в тот момент и большевики как-то не обращали никакого внимания на религиозную жизнь оккупированных немцами районов. Таким образом, может быть, впервые на протяжении всей русской истории религиозные чувства народа были предоставлены исключительно самим себе. Это был очень интересный опыт.

Вскоре после прихода немцев в городе открылись два православных храма, один католический, один старообрядческий и одна баптистская община. Народ повалил в православные церкви валом. Католиков в городе было около тысячи, баптистов меньше ста человек. Деревня была вся православная. Крещения детей разного возраста насчитывались тысячами, церковные браки, по большей части запоздалые, — многими сотнями. Наличные священнослужители, которых было явно недостаточно для удовлетворения всех духовных нужд, трудились до полного изнеможения. Пока не было партизан, то есть почти до лета 1942 года, священники, служившие по праздникам в городе, всю неделю разъезжали по ближним и дальним деревням. По воскресеньям около городских храмов стояли сотни деревенских подвод. Религиозный подъем был стихийным и необычайным по силе.

Доходы Церкви были также очень велики, немцы не облагали их налогами. Таким образом, открывалась возможность ремонтировать церковные здания как уже действовавшие, так и остальные. К 1944 году в городе было открыто уже восемь христианских храмов, не считая баптистской молельни. Возобновил свою деятельность также и женский Спасо-Евфросиньевский монастырь[88]. Крестные ходы по особо торжественным случаям, как, например, перенесение мощей, и по большим праздникам собирали многие тысячи людей из города и деревни, совершенно запружая улицы и останавливая движение военных автомашин. Немцы, хотя и не особенно охотно, принуждены были мириться с этим. Церковный звон, совершенно запрещенный большевиками еще в 1925 или 1926 году[89], опять зазвучал над городом. Верно, хороших колоколов взять было уже негде.

В январе 1942 года немцы арестовали католического ксёндза, и ни он, ни какой-либо другой католический священник так и не был больше допущен в город на постоянное жительство. В костёле регулярно служил, один раз в месяц, специально приезжавший для этого из Западной Белоруссии ксёндз-поляк, а иногда, в свободное от своих прямых обязанностей время, немецкий военный патер. Немецкие солдаты и офицеры имели для молитвы свои богослужения в походных храмах, но из любопытства заходили, конечно, и в городские церкви. В подавляющем большинстве случаев они вели себя вполне корректно.

Русская национальная общественность

Вопреки мнению немецких национал-социалистов, здоровая национальная общественность не выродилась и не умерла за длительный период большевистского владычества. Правильнее было бы даже сказать как раз наоборот: необходимые для нее душевные силы народа, как и следовало ожидать, только обновились и окрепли от гонений, преследований и борьбы. Сорок миллионов русских людей, уничтоженных советской властью за тридцать лет[90], пять миллионов солдат, добровольно сдавшихся в плен немцам в начале Второй мировой войны[91], десятки миллионов находящихся сейчас в сибирских концлагерях[92] и еще небывалое по своим масштабам во всей мировой истории явление старой и новой российской эмиграции — тому порукой. Когда будет написана история бесконечных восстаний[93] против советской власти — а над ней уже работают, — никто больше в Европе и Америке не посмеет сказать, что русский народ безропотно покорился черной силе. Как с этой силой справятся сейчас Европа и Америка, мы еще не знаем, но в том, что

русский народ ее в конце концов переварит, как переварил в свое время нашествие монголов, это уже очевидно.

Здоровые ростки, новые побеги так и прут в России отовсюду. Жизненная цепкость и принципиальная несгибаемость нашей эмиграции стала «притчей во языцех». Весь мир, опять же, теперь знает о событиях 15–16 октября 1941 года в Москве, когда коммунисты, милиция и НКВД, подавшись панике, в одну ночь сбежали из города, а рабочие и служащие на утро, как ни в чем не бывало, выбрали из своей среды новую администрацию и спокойно остались на прежних местах[94]. Даже миллионы расстрелянных и замученных НКВД молчаливо свидетельствуют всему миру о том, что русский народ отнюдь не побежден. Замучены, расстреляны и сосланы не все. На воле остались родственники, единомышленники и друзья. Их больше, чем пострадавших, и это грозная сила. Пускай в нее не верит Запад. Большевики о ней знают и трепещут. Недаром же во многих городах западной половины европейской России до Москвы включительно по мере приближения волны германского наступления одновременно с беспорядочной эвакуацией учреждений и предприятий происходили под шумок планомерные аресты наиболее активных граждан из всех слоев населения, а особенно из среды интеллигенции[95].

Город Полоцк не мог и не должен был быть, конечно, каким-то особым исключением из общего правила. После знакомства с местным начальником банка и его женой я в долгие зимние ночи, ложась спать на голодный желудок в холодной комнате, все думал и думал о том, где нужно искать родники народной жизни, которые коммунистам не удалось уничтожить ни перед приходом немцев, ни после него. Думал, думал и, наконец, надумал...

На самой дальней окраине города Полоцка, в слободе, когда-то давно разросшейся около стен знаменитого Спасо-Евфросиньевского монастыря, в хибарке-сторожке жил маленький тщедушный семидесятилетний священник, о. Иоанн. История его проста и может быть рассказана в нескольких словах. Крестьянин по происхождению, очень умный и одаренный от природы, но без большого образования, он, прослужив свыше пятидесяти лет в качестве деревенского фельдшера, в 1936 страшном году, т. е. в самый разгар «ежовщины»[96], принял священство.

Непосредственным толчком к его рукоположению послужил арест последнего в городе Полоцке священника, которому, как надеялись власти, не найдется больше преемника. Ивана Константиновича Соколовского знал, любил и уважал весь округ, а деревня — в особенности. Он был членом тайной (или «катакомбной») церкви[97] и, может быть, пошел на подвиг не по своей инициативе, а из послушания.

Время служения алтарю о. Иоанна Соколовского при советской власти исчислялось всего несколькими неделями: его, как и его предшественника, вместе с женой очень скоро забрали в НКВД и продержали до самого прихода немцев. Престарелая чета сидела в Полоцке и испытала на себе все виды «морального» воздействия. Большевики хотели во что бы то ни стало добиться, чтобы популярный в городе старик снял с себя сан. В «ежовских рукавицах» матушка быстро скончалась, а батюшку морили голодом и продолжали время от времени бить в течение нескольких лет. По свидетельству сидевших с ним вместе лиц (он сам о себе никогда ничего не рассказывал), о. Иоанн имел обыкновение после каждого удара произносить: «Спаси, Господи!», что особенно приводило в ярость его палачей. Когда пришли немцы, старого священника, полуживого, с переломанными ребрами, выбитыми зубами и с незначительными остатками медленно выдерганных усов и бороды, вынесли на руках другие освободившиеся заключенные.

Когда я познакомился с ним, он не только уже служил в маленькой монастырской церкви, но и довольно бодро расхаживал, прихрамывая, с палочкой по всему городу.

В келье этого совершенно больного, но очень сильного и бодрого духом человека начали постепенно собираться и объединяться лучшие представители тех многочисленных русских людей, которые, с одной стороны, ненавидели большевиков и советскую власть, а с другой — не

хотели быть только послушным орудием в руках завоевателей. Среди них был Михаил Евсеевич Зуев[98], известный в дальнейшем начальник отрядов крестьянской самообороны, который, несмотря на свое старообрядчество, очень любил и почитал православного священника, о. Иоанна. Группа, собиравшаяся около о. Иоанна, состояла первоначально из 8—10 лиц самого разного социального происхождения.

Располагавшая прекрасной информацией о том, что происходит вокруг, группа, когда я в нее вошел ранней весной 1942 года, определяла и расценивала создавшееся положение примерно следующим образом:

А. Наилучший вариант исхода войны заключается в том, чтобы немцы успели окончательно разгромить Сталина раньше, чем союзники раздавят Германию. Вероятность такого варианта тогда казалась весьма большой. С этой точки зрения, было желательно, чтобы события на западе развивались медленно, а на востоке — быстро.

Б. Медленные действия союзников и вступление в войну Японии расценивались положительно. Немецкая политическая близорукость — отрицательно. Однако после зимнего поражения немцев под Москвой можно было надеяться, что немцы поумнеют и обратятся за помощью к русскому народу.

В. Насколько выгодными казались с этой точки зрения поддержка немцев и создание русской национальной армии из военнопленных и перебежчиков[99], настолько же опасным и вредным — коммунистическое засилье в организованных немцами на оккупированной территории русских учреждениях и зарождающееся при помощи советских парашютистов партизанское движение.

Г. Все сходились на том, что тактика работающих у немцев коммунистов сводится к прямому вредительству, провокации и физическому уничтожению русских антибольшевиков. Это достигалось путем шпионажа в пользу Советов, путем дезорганизации городской и деревенской жизни, путем умышленного притеснения местных жителей и путем ложных доносов. Коммунисты больше всего на свете боялись дружественных отношений между немцами и местным населением[100].

Д. Всем было ясно, что тактика советских парашютистов — первых партизан — перекликается с тактикой городских коммунистов и обнаруживает таким образом один и тот же источник того и другого, т. е. Кремль. Парашютисты, весьма впрочем тогда еще немногочисленные, провокационными методами старались прежде всего вызвать суровые репрессии со стороны немцев по отношению к местному деревенскому населению. Они стреляли ночью с окраин безусловно «мирных» деревень в направлении едущих по шоссе немецких грузовиков. Они подбрасывали в темноте на деревенские улицы изуродованные трупы замученных специально для этого в лесу германских солдат и т. п.

Е. Ясно, что немцы совершенно не понимают и не ценят доброжелательного к себе отношения со стороны основной массы населения, которая в сотрудничестве с немцами видит очевидную взаимовыгодную возможность борьбы против Советов[101]. Немцы совершенно не понимают и недооценивают также опасности со стороны организованно действующих у них за спиной коммунистов и других сталинских агентов, как бы они ни назывались — парашютистами, партизанами, шпионами или провокаторами.

Ж. Единственным надежным местом пристанища для народа сейчас может быть Православная Церковь. Церковные люди не заражены коммунизмом, немцы относятся к Церкви и благосклонно, и неподозрительно, местные же большевики не обращают на нее пока никакого внимания. Поэтому только около Церкви можно незаметно организовать национальную работу, найти нужных людей, взаимно поддержать друг друга и в случае необходимости общими усилиями оказать сопротивление проискам любого противника.

Все это, а также и многое менее важное другое, было тщательно разобрано и взвешено сообща в группе. Оценка положения имела целью составить план действия; сидеть, сложа руки и ждать у моря погоды было поистине нетерпимо. Решение вынесли примерно такое:

1. Для того чтобы в официальных сношениях с немецкими властями иметь права юридического лица, нужно принять срочные меры к организации в городе какого-нибудь чисто церковного учреждения, будь то самостоятельное епархиальное управление или церковный отдел при одной из существующих уже служебных инстанций. Само собой разумеется, что в будущем учреждении должны быть только свои люди.
2. Поручить этому новому учреждению заняться срочным ремонтом храмов и организацией новых приходов в городе и в деревне. Войти в сношения с активными и определенно антисоветски настроенными представителями всех наличных в городе и в районе вероисповеданий и содействовать им в развитии аналогичной деятельности.
3. Начать сейчас же, обязательно с разрешения соответствующих властей, добровольный сбор денежных пожертвований на ремонт храмов. Сборщикам, ответственным перед группой и вообще во всех отношениях надежным людям, поручить тщательное и неустанное наблюдение за всем, что делается в городе и в районе, в их обязанности входят также поиски активных единомышленников, хороших старых знакомых и друзей для привлечения последних к нашей работе.
4. Оказывать общественным порядком, через свое будущее церковное учреждение и через приходы, всемерное противодействие большевистской провокации. Для чего отстаивать «всемирно» каждого несправедливо обвиненного перед немцами или незаконно арестованного русской полицией человека и каждую предназначенную немцами к сожжению деревню.
5. Искать пути к непосредственному общению с более высокими, чем наши городские, немецкими военными учреждениями или отдельными влиятельными лицами из командования для разъяснения им роковых политических ошибок германского управления на занятой территории[102]. При этом в первую очередь настаивать на удалении от власти всех бывших коммунистов.
6. Составить и послать «куда-нибудь повыше» следующие докладные записки: об организации русской антибольшевистской армии, о немедленном роспуске колхозов, об укомплектовании полиции людьми, облеченными общественным доверием, и, наконец, об организации крестьянской самообороны для борьбы с партизанами.
7. Не дожидаясь немецкого разрешения на отряды самообороны, немедленно заняться организацией в ряде деревень на свой страх и риск системы взаимной поддержки для отпора парашютистам или партизанам. В каждом деревенском отряде иметь, хотя бы и нелегально, какое-то оружие, не доводя об этом, по возможности, до сведения всех жителей.
8. Направить в ближайšie к городу лагеря военнопленных священника для совершения богослужений и для выяснения на месте возможности облегчить положение находящихся там людей.
9. Распределить между членами группы труды и заботы по проведению в жизнь всех вышеуказанных мероприятий.

При распределении обязанностей мне, в частности, было поручено будущее церковное учреждение и сношения с немцами, М. Е. Зуеву и еще двум лицам — организация деревенской самообороны, трое других взялись за сбор денег на ремонт храмов, а о. Иоанн, объединявший и вдохновлявший всю группу, должен был отправиться в лагерь военнопленных.

Третья сила

Немцы и большевики в смертельной схватке между собой подминали под себя города, нации и чуть ли на целые части света. Какой жалкой и смешной рядом с ними казалась и в действительности, конечно, была маленькая группа бесправных русских людей во главе со стареньким, колченогим и едва живым священником! И как бесконечно трудна, как малоосуществима казалась тогда задача, взятая на себя этой группой. Однако значение группы заключалось, конечно, отнюдь не в ней самой как таковой, а в том, что стояло за ней, в тех миллионах единомышленников и друзей, которые вместе составляли независимую, национальномыслящую силу, так называемую третью силу. Этот термин взят из популярной в то время формулы: «Ни немцы, ни большевики, а третья сила»[103]. Идея третьей силы носилась в воздухе. Она была синонимом действия и борьбы. После заседания группы о. Иоанн служил молебен перед началом всякого дела...

Ни немцы, ни притаившиеся за их спиной бывшие коммунисты не возражали против создания церковного отдела при горуправе. Денежных средств для этого в городе, конечно, не нашлось, но приходы очень охотно взяли на себя все затраты по содержанию своего отдела, тем более что таким образом отдел становился как бы в менее зависимое положение от русской гражданской администрации. Почти сейчас же по организации отдела начался сбор денег на ремонт храмов. В связи со сбором три члена нашей группы получили постоянные пропуска для беспрепятственного передвижения по всему району, что тогда было большой редкостью. Началась работа также и по составлению докладных записок немцам по всем намеченным группой темам. Вскоре несколько записок было готово, зачитано на группе и одобрено, но вопрос о том, куда их посылать, оставался пока открытым.

Еще труднее было с «высокими связями». Завели знакомство с несколькими офицерами, квартировавшими поблизости. Но все это было не то. И вдруг так называемый случай совершенно неожиданно помог нам. Однажды мы с о. Иоанном отправились в ортскомендатуру ходатайствовать за одного только что арестованного местного человека. У русской полиции с ним были свои счеты. В первое время по приходе немцев этот человек сам было поступил в полицию, но, увидав, что там делается, сейчас же ушел. Очевидно, его поступок не прошел незамеченным и вызвал чьи-то опасения. И вот, как оказалось, у него недавно был сделан обыск, во время которого полиция подбросила ему пачку советских листовок (после налетов советской авиации полиция обычно собирала такие листовки, и в ее распоряжении их всегда было очень много). Листовки послужили формальным предлогом для ареста и последующего обвинения в шпионаже в пользу Советов. Опять невинному человеку угрожала смерть, и мы, собрав в приходе несколько десятков подписей, направились в ортскомендатуру, чтобы выяснить, что можно было для него сделать.

Наша миссия прямого успеха не имела. К самому коменданту нас не допустили, а всеильный переводчик весьма нелюбезно выпроводил нас вон и рекомендовал никогда больше не соваться в дела, которые нас совсем не касаются. Однако в перебранке с нами, которая под конец приобрела довольно резкую форму, переводчик обмолвился словом, которое глубоко запало нам обоим в душу. «Если вам не нравятся наши действия, обратитесь в фельдкомендатуру, в армию или хоть к самому Гитлеру», — сказал он. Вечером того же дня я узнал от знакомого немецкого хозяйственного офицера, что такое фельдкомендатура и «армия» (то есть штаб армии фронта); о Гитлере я уже и сам имел к тому времени некоторое представление. Самое же главное, что мне сообщил офицер, было то, что фельдкомендатура нашего военного округа территориально находится в непосредственной близости от нас, то есть в самом городе Полоцке.

Эта фельдкомендатура была чисто немецким военным учреждением штабного типа с несколькими десятками человек штатного персонала и в то время еще не имела никаких непосредственных точек соприкосновения ни с местным населением, ни с русскими гражданскими учреждениями. Она занимала огромное здание бывшей школы на противоположной монастырю окраине города. Жила своей довольно замкнутой жизнью, и о ней тогда никто из русских, должно быть, просто ничего и не знал. Кто ж его действительно знает, что там у немцев внутри делается? Это была удача. Мы отправились в фельдкомендатуру на другой же день, захватив с собой на всякий случай и докладную записку о немедленном роспуске колхозов[104].

Нашему приходу очень удивились, но приняли нас вежливо и выслушали внимательно. Взяли рекомендательное заявление от приходов касательно арестованного и обещали навести справки в Гестапо о положении дела. Тогда мы показали докладную записку о колхозах. Записке удивились еще больше, чем факту нашего посещения, но, однако, предложили ее оставить для доклада фельдкоменданту. Мы оставили. Через несколько дней после этого немецкий солдат-вестовой принес в церковный отдел срочный вызов для нас обоих в фельдкомендатуру. Оказалось, что сам комендант, полковник и барон, как предупредительно сообщил нам дежурный офицер, желает с нами лично познакомиться. Эта наша первая беседа с фельдкомендантом, сыгравшая такую огромную, решающую роль в целом ряде последующих событий, продолжалась несколько часов подряд.

Комендант, оказавшийся сухоньким, донельзя вылощенным и подтянутым военным старичком аристократической внешности, был не только светски приятным, но даже и очень интересным собеседником. Все указывало на то, что это человек старой школы, живущий понятиями дисциплины, чести и воинского долга. В его обращении с нами не было и тени высокомерия, хотя ни мой нагольный полушубок с чужого плеча, ни заплатанная ряска о. Иоанна, сшитая из каких-то старых женских юбок, не могли, конечно, ему импонировать. После ряда вопросов, имеющих целью выяснить, с кем он имеет дело, комендант рассказал нам кое-что о себе, и, в частности, как он в Первую мировую войну провел несколько лет на русском фронте. При этом он заметил, что сейчас не узнает России — так изменился к худшему ее внешний облик, люди и вся жизнь. Мы невольно при этом взглянули сами на себя и усмехнулись. «Да-да, — сказал он, — и это тоже; я никогда раньше не предполагал, что русского интеллигента или священника можно встретить в таком виде. Но тем приятнее мне познакомиться с вами. Расскажите мне, пожалуйста, как это все у вас получается».

С нашей запиской о колхозах комендант был уже прекрасно знаком. Он не возражал против нее принципиально, но выразил зато недвусмысленное сомнение в том, чтобы Берлин мог с ней согласиться.

«Они никогда не были сами на Востоке, и это очень жаль», — прибавил он, посмотрев куда-то в сторону. Мы переглянулись с о. Иоанном; нужно было рискнуть: такой случай мог больше не повториться. И вот о. Иоанн, который при всей своей безграничной скромности одинаково спокойно и уверенно, притом еще с какой-то детской простотой говорил и со следователем НКВД, и с беглым военнопленным из красноармейцев, и с немецким фельдкомендантом, начал говорить. Он высказал все, чем болела тогда русская душа, почти все, что говорилось на нашей группе. Полковник долго слушал молча, прямо глядя в глаза, кивая время от времени головой. Отдельные вопросы показывали, что он напряженно следит за разговором и все воспринимает правильно. Но когда речь дошла до городских коммунистов и их провокационной работы, направленной на то, чтобы взаимно ожесточить немцев и русских друг против друга, когда о. Иоанн перечислил лиц, невинно казненных на базарной площади немцами, комендант вдруг вскочил, побагровел и закричал: «Вы священник, Вы должны думать о том, что Вы говорите», и забегал по кабинету из угла в угол.

Мы встали: трудно было предвидеть, что может произойти в следующую минуту. «Скажите ему, — попросил о. Иоанн, — что я думаю вот уже почти 77 лет, а теперь перед смертью пришел откровенно рассказать ему о том, что я думаю. Я говорю правду. Меня несколько лет подряд допрашивали в НКВД, но я и там всегда говорил только правду». Эти слова, а может быть и то невозмутимое спокойствие и скромное достоинство, с которым они были сказаны, произвели на коменданта очень сильное действие. Он взял себя в руки, подошел к нам и стал нас опять усаживать. Острый момент, очевидно, прошел. Однако лицо полковника было взволнованно: было ясно, что рассказ о. Иоанна произвел на него просто потрясающее впечатление. Он сказал, что прежде чем продолжать разговор, он хочет сначала подумать и навести справки. Он обещал нам дело арестованного, с которого началось наше знакомство с фельдкомендатурой, взять из Гестапо и передать в военный суд. Он хотел, чтобы мы пришли к нему снова через неделю и привели с собой двух-трех городских старожилов по своему усмотрению. Кроме того, ему нужен был список всех известных нам невинно пострадавших от немцев лиц. Но уже после того, как мы простились у дверей кабинета, он начал было снова говорить: «Если все, что вы сказали, правда, то...», но не окончил, махнул рукой и, повернувшись на каблуках, быстро пошел по направлению к своему столу. Так мы и не поняли тогда, что же будет, если мы сказали правду. Это выяснилось само собой уже много-много спустя.

Весна и лето 1942 года

С первыми признаками весны, выражавшейся еще только ярким солнцем и живописными синими тенями на глубоком снегу, началась немецкая подготовка к новому наступлению. День и ночь через город шли и ехали войска на Восток. Люди в городе забыли о тишине: скрип саней, рычание моторов, громкая перебранка людей на чужом, непривычном для слуха наречии, непрерывно, всегда на протяжении многих-многих недель оглашали воздух. Поездами, автомашинами и гужом везли немцы огнеприпасы, амуницию и продовольствие для фронта. После бесконечного ряда очень крупных немецких лошадей, блестящих красивой, новой, хорошо пригнанной сбруей и запряженных опять же в новенькие деревянные, абсолютно однотипные сани военного образца, следовали жалкие, донельзя разнообразные, готовые каждую минуту развалиться подводы мобилизованных белорусских крестьян, больше всего похожие на старую, давно сломанную детскую игрушку, запряженную для смеха мышонком. Под наплывом постороннего шума город молчал, затаив дыхание.

С замиранием сердца следила Белоруссия за тем, кто же, в конце концов, наделает больше глупостей — «гениальный» ли Гитлер или «мудрейший» Сталин, ибо от этого прежде всего зависела теперь ее судьба. Казалось, что оба вождя со своей стороны уже успели к этому времени сделать все от них зависящее для того, чтобы проиграть битву за русский народ. Но вот игра начиналась сызнова. И не было почти никаких данных для того, чтобы судить, чем она кончится. А время шло, как полагается, своим чередом. Постепенно начали обнажаться поля, приближалась пора сельскохозяйственных работ. Немецкие хозяйственные учреждения где-то вперемежку с воинскими эшелонами пригнали в город составы с высококачественным семенным зерном и племенным скотом. Около земельной управы постоянно стояли десятки крестьянских подвод в ожидании выдачи семян. Немцы явно имели большие виды на расцвет колхозной системы землепользования под целесообразным управлением прусских, саксонских, баварских и прочих крестьян, самодовольно напяливших на себя форму хозяйственных унтер-офицеров и видевших свою главную обязанность в изображении из себя очень высокого начальства.

Наши встречи с благородным фельдкомендантом, полковником и бароном продолжались, и взаимное доверие раз от разу росло. Однако заметных реальных результатов от этого не было. Наш подопечный, арестованный с советскими листовками, был переведен из Гестапо в военную тюрьму. Его не били и не допрашивали даже, но и не выпускали на свободу. Комендант хмурился

и бурчал: «Сложное дело, сложное дело». А что в нем было сложного? Целая серия докладных записок была отправлена нами через фельдкомендатуру в Берлин, но никакого ответа на них не последовало. При вопросах на эту тему фельдкомендант махал неопределенно рукой и цедил сквозь зубы: «Там у них тысячи подобных записок сложены...»

Относительно системы использований бывших коммунистов в гражданском управлении на занятой территории мы постепенно вывели у него следующее: партия была за использование, армия — против. Спор по этому поводу в высших сферах все больше и больше разгорался, а с мест все чаще и чаще поступали в центр сведения, вполне подтверждающие наши слова. Симпатии самого коменданта были в этом вопросе явно на нашей стороне, но положение вещей в городе от этого не менялось.

Мы рассказали фельдкоменданту, что кое-где по деревням жители для защиты от парашютистов и зарождающегося «партизанского движения» пытаются организовать самообрану. Это вызвало с его стороны самый живейший интерес и сочувствие. Но вооружать мужиков он не видел абсолютно никакой возможности: «Я вижу, вы хотите, чтобы Гестапо сделало из меня главного партизана», — шутил он. Так и стояли наши воинственные мужички по ночам вокруг деревень, прикрывая свои контрабандные винтовки от «дурного глаза» одной только темнотой и рискуя одновременно получить или партизанскую пулю спереди, или визит карательного отряда — сзади. Это казалось каким-то символом исторической России вообще, которая вот уже тысячу лет честно и самоотверженно стояла на часах между неистовым Востоком и холодно-жестоким Западом. В серьезную опасность партизанского движения[105] тогда не верил никто из немцев: не верил даже наш относительно разумный фельдкомендант, который в других случаях был склонен более внимательно прислушиваться к чужому мнению.

Между тем город продолжал жить своей странной, ненормальной жизнью военного времени в условиях иностранной оккупации. В силу совершенно исключительной, небывалой еще политической ситуации и эта жизнь, и эта оккупация настолько не походили на всякую другую жизнь и на всякую другую иностранную оккупацию, что для понимания ее (а вместе с ней — и всей современной России) обычные человеческие мерки абсолютно не годились.

Чтобы дать хоть какую-то возможность всякому «непосвященному» составить себе собственное, более или менее обоснованное представление о том, что происходило в полоцком микрокосмосе весной и летом 1942 года, мы постараемся перечислить ниже все главнейшие события того времени, особенно волновавшие умы и сердца. Анализ и оценку их мы предоставляем читателю. Но во избежание грубых ошибок последний должен предварительно отрешиться от очень многих общепринятых в так называемом культурном обществе взглядов и представлений.

1. Однажды, еще очень ранней весной, немецкий военный чиновник зашел по ошибке во время обеденного перерыва в помещение банка. Увидев его, писавшая на машинке девушка быстро выдернула работу и как-то уж слишком опасно спрятала ее в стол. Чиновнику показалось это подозрительным. Он вышел на улицу, а через несколько минут вернулся обратно вместе с уличным патрулем. Оказалось, что машинистка размножала советскую инструкцию по принудительной мобилизации крестьян в партизанские отряды. Машинистка и начальник банка были тут же арестованы. Переводчик банка, который в эту минуту был в отсутствии, в тот же день бежал из города.

2. Служащий городской полиции, переодетый партизаном, пришел ночью к одному из пригородных крестьян и, угрожая оружием, потребовал письменного согласия работать на стороне Советов. Крестьянин против воли подписал готовую бумажку, а на утро прибежал в город к о. Иоанну за помощью и советом. Мы направили его в фельдкомендатуру. Там его допросили и оставили временно при рабочей команде. На другой день Гестапо явилось в деревню за мужиком. Не найдя его дома, власти чуть-чуть не расстреляли его жену и детей. Смиловившись, они все же подожгли хату, а жену сбежавшего крестьянина, его соседа и деревенского старосту

арестовали. Скандал получился страшный. Неприятности из-за него между Гестапо и фельдкомендатурой продолжались несколько месяцев. Кончилось дело, однако, ничем, если не считать сгоревшей хаты. Из людей не пострадал никто — ни сам «партизан», ни его семья, ни полицейский провокатор.

3. В самую распутицу в городскую больницу из деревни Россоно, расположенной в 25–30 километрах от Полоцка, привезли «на излечение» трех женщин — мать и двух дочерей. У матери были отрезаны груди и выколоты глаза, у девушек были отрублены ноги выше колена. Все три, конечно, очень скоро скончались в страшных мучениях, ибо у них, кроме того, были отбиты все внутренности. Это была семья крестьянина, которого незадолго перед тем партизаны попытались насильно взять к себе в отряд. Крестьянину удалось обмануть начальника отряда и бежать к родственникам в город. В наказание за бегство, а главное «чтобы и другим было неповадно», партизаны зверски расправились с его семьей.

4. В марте на Полоцк был сделан большой налет советской авиации. Город, совершенно засыпанный снегом, сливался во мраке с окружающей равниной, а на небе были развешаны зловещие «лампады» осветительных ракет, которые медленно спускались на парашютах. В разгар бомбежки, когда сильные фугасные бомбы беспорядочно падали на огромные пустыри и на оставшиеся от пожара немногочисленные жилые дома, в окнах большого каменного здания ортскомендатуры, стоявшего на высоком берегу Западной Двины, вспыхнул яркий электрический свет. Кто-то повернул, очевидно, выключатель в комнате с незавешанными окнами, и верхний этаж здания сиял, как фонарь. Немецкие часовые, которые во время бомбежки предпочитают обыкновенно сидеть в укрытии, не сразу заметили с земли этот свет. Зато самолеты ринулись на огонь со всех сторон. Свет был, в общем, все-таки довольно быстро потушен, зато бомбы еще в течение целого часа ложились около ортскомендатуры. Последнюю, очевидно, спасло высившееся рядом здание бывших Иезуитских коллегий, занятое под немецкий лазарет, а также громада Николаевского кафедрального собора, расположенного на той же площади. Комендатура совершенно тушевалась рядом с ними. И бомбы попадали в госпиталь, в собор, в реку, на площадь, но только не в комендатуру. Причина несвоевременной иллюминации не была

выяснена, но с той поры во время воздушной тревоги стали выключать ток сразу во всем городе прямо с электростанции.

5. В связи с участвовавшими визитами парашютистов и партизан в отдаленные деревни и неприятием немцами действительных мер для охраны и защиты от них населения, началось массовое бегство крестьян в город. Весной они наводняли со своими семьями улицы Полоцка, не находя для себя ни крова, ни работы. От полной безвыходности своего положения они начали добровольно записываться на работу в Германию. Около биржи труда, где шла запись, и на вокзале железной дороги, где происходила погрузка в вагоны, целыми неделями стояли очереди в десятки и сотни человек. Немцы были этим очень довольны.

6. Ранним июньским утром к дому, где жил один из младших врачей городской больницы, хирург по специальности, подъехала подвода. Врача просили оказать срочную помощь опасно больному крестьянину в пригородной деревне. Врач собрал инструменты и отправился. К вечеру он не вернулся. Так его больше никто и не видал. Нарождающиеся партизанские отряды постепенно обзаводились собственным медицинским персоналом. Но на немцев подобные случаи попрежнему производили удивительно малое впечатление.

7. С наступлением темноты в городе по ночам время от времени были слышны сильные отдаленные взрывы. Это партизаны взрывали полотно железной дороги. Зимой этого совсем не было. Немцам пришлось пустить для охраны полотна подвижные патрули, кроме того, они из предосторожности стали всегда прицеплять перед паровозом по две порожних платформы. Крупная катастрофа от взрыва поезда в течение лета 1942 года мне известна только одна. Тогда целую ночь и весь последующий день возили раненых в полоцкий военный госпиталь,

единственный между Витебском и Двинском. Что же касается взрывов полотна, не имевших серьезных последствий, то к концу лета они имели место почти каждую ночь.

8. Вернувшись в середине лета 1942 года на родину, местный житель, высланный в свое время из Полоцка большевиками за политическую неблагонадежность, встретился на улице нос к носу с бывшим следователем НКВД, который несколько лет тому назад вел его дело и на допросе собственноручно выбил ему все передние зубы. До крайности удивленный и взволнованный господин последовал за своим бывшим следователем, благо тот его не заметил. Так они дошли до дверей городской управы: бывший энкаведист занимал там должность заведующего финансовым отделом. Тут пострадавший разразился, наконец, бурным негодованием и поднял такой крик, что сбежались все сотрудники. С помощью дежурной полиции его долго пытались унять и наконец выпроводили вон силой. Вечером того же дня он был арестован. Опять для спасения человека должен был выступить на сцену фельдкомендант. Человека спасли, но бывший следователь НКВД так и остался в горуправе на своем финансовом посту. Он, как оказалось, кроме горуправы весьма предусмотрительно работал еще и в Гестапо. Фельдкомендатура не имела реальной власти над этим особым учреждением.

9. На собранные путем добровольных пожертвований довольно крупные суммы уже с весны энергично производился ремонт старых церковных зданий. О. Иоанн жил сам более чем скромно, на хлебе и воде в буквальном, а не переносном смысле этого слова. Все свои личные, очень большие доходы он отдавал на восстановление монастыря, где за лето собралось уже свыше 35 монахинь.

Для вновь открываемых церковей нужны были священники. Верующие стали выдвигать из своей среды подходящих кандидатов. Их можно было тогда уже посылать или в Смоленск к епископу Стефану[106], или в Минск к епископу Филофею[107] для рукоположения. Но вот однажды к общему удивлению, действуя через головы церковной общественности, предложил сам свою кандидатуру один старый городской педагог, естественник по специальности, хорошо известный местной молодежи при большевиках в качестве добровольного антирелигиозного пропагандиста. Он не был никогда в партии, но всегда старался перещеголять своим усердием партийных товарищей. Когда церковный отдел его категорически отверг, заведующему отделом была предложена крупная взятка. Приходилось только удивляться, откуда у скромного человека могут быть такие большие средства. Но и это ему не помогло. Решением Совета приходов кандидат был окончательно отвергнут.

Каково же было общее удивление и недоумение, когда через некоторое время мы узнали, что вышеуказанное лицо, получив прекрасную рекомендацию от бургомистра города и проездные документы от ортс-комендатуры, отправилось через голову церковного отдела в Минск на рукоположение. Пришлось срочно принимать меры: провести это было уже не так трудно. За один день под заявлением протеста собрали сотни подписей. Бумага была послана епископу, и рукоположению удалось помешать в последнюю минуту. Из-за этой истории я имел большие неприятности от ортскоменданта. Ему это дело кто-то представил в превратном виде, и он был в полной ярости на меня и на Совет.

Случай этот показал, что оживление церковной работы наконец обратило на себя чье-то совсем не благосклонное внимание. Приходилось, очевидно, держать ухо особенно остро. К слову сказать, самозванный кандидат в священники, спустя значительное время, был изобличен в причастности к активной коммунистической организации города.

10. В казармах русской полиции с ведома гестаповского начальства был устроен самосуд. Полицейские целую ночь истязали одного из своих же товарищей за измену. Дикие, нечеловеческие крики и стоны были слышны далеко за полночь, приводя в ужас и смятение всех соседей. Замученный человек не был близко известен никому из членов нашей группы, так же как и старым прихожанам наших церквей. Что в действительности было причиной его ужасной участи,

так и осталось невыясненным. Но всем было ясно, что под тонкой пленкой поверхностного натяжения в городе что-то кипит и клокочет. Ясно ощущаемые подземные удары следовали один за другим.

11. Качество хлеба, выдаваемого в городе по карточкам и выпекаемого на городском хлебозаводе, в течение весны непрерывно ухудшалось, а летом казенный хлеб не могли есть уже не только люди, но и домашние животные. Мы показали краюху карточного хлеба фельдкоменданту; он долго с великим удивлением его рассматривал, потом пожевал, выплюнул и распорядился послать для ознакомления к великим мира сего в Берлин. Самым удивительным было то, что зимой, весной и летом для выпечки хлеба отпускалась одна и та же более или менее удовлетворительная мука, а качество хлеба все ухудшалось и ухудшалось. Никакие жалобы и расследования не помогали. Общее возмущение достигло крайних пределов. Самые терпеливые — и те приходили в бешенство. Для беженцев это был просто зарез. В горуправе пожимали плечами, разводили руками и совсем недвусмысленно намекали, что если немцы отпускают для гражданского населения мякину пополам с соломой вместо муки, то нет такого пекаря, который бы мог из этой смеси сделать хороший хлеб. Это был явно несправедливый намек, хотя отдельные немцы могли, конечно, принимать в этой акции какое-то гнусное участие. Переплет между русскими и немецкими инстанциями, воровство и, несомненно, злая воля делали следствие над плохим хлебом безнадежно трудным. Но всем было ясно, что преобладает в этом деле именно злая воля.

12. Партизаны во многих местах пытались помешать весеннему севу. Советские листовки, сбрасываемые с самолета, запрещали крестьянам под страхом смерти обрабатывать землю «для немцев». В Белоруссии очень много леса, поля обычно окаймлены деревьями. По работающим в полях из леса нет-нет, да и постреливали из винтовок. Были убитые и раненые. Создавалась далеко не уютная обстановка для работы. Местами из-за этого почти совсем нельзя было выходить в поле. Крестьяне, возлагавшие всю свою надежду на урожай, впадали в отчаяние и — по большей части тщетно — взывали к немцам о помощи. Наконец прибыли немецкие отряды для охраны полей. Это были чаще всего маленькие группы, состоявшие из пожилых нестроевых людей. Потом появились какие-то русские казачьи отряды[108]. Трудно было понять, почему чужим казакам можно дать оружие в руки, а крестьянам, которые пламенно желали сами охранять свое добро, нельзя.

Тем не менее, присланные отряды все же позволили с грехом пополам засеять почти всю земельную площадь: силы партизан в то время были ничтожны. Стрельба из леса по работающим крестьянам производилась пока, как правило, единичными гастролерами, непрерывно переходившими с одного места на другое. У дальновидных людей возникали, однако, сомнения в том, как придется осенью собирать урожай. Но немцы обещали прислать к осени для охраны сильные отряды. Урожай интересовал их не менее, чем крестьян, и можно было надеяться, что они сдержат обещание. Они его, собственно, и сдержали, но за лето количество партизан и парашютистов так возросло, что в итоге соотношение сил изменилось далеко не в пользу немцев. Урожай собрали. Но если засеяно было почти все, то собрать всего урожая не удалось. Партизаны к осени не только стреляли в людей, но и жгли хлеб на полях, а это было хуже. Легкомысленное отношение немцев к партизанской проблеме и полное непонимание того, какого совершенно особого противника имеют они в лице большевиков, начинало сказываться.

13. Насильственная вербовка крестьян в партизанские отряды стала в течение лета 1942 года обычным явлением. Успеху этого мероприятия в значительной степени содействовали сами же немцы своей косностью, примитивным формализмом и строгостью, применяемой без всякого смысла и разбора. По немецким правилам крестьянам запрещалось без особого на то разрешения выходить за пределы своих земель. Всякое исчезновение человека из деревни на один день считалось уже большим преступлением, почти доказательством связи с партизанами. Родственные связи с другими деревнями не принимались во внимание. Отсутствие документа с

немецкой печатью, удостоверяющего личность, расценивалось тоже как принадлежность к партизанам, парашютистам или шпионам, хотя бы человека давно и хорошо знали все в окрестностях. Бефель есть бефель[109]: не взял вовремя документ или утратил его — пеняй сам на себя. Все это упрощало задачу советчиков до последней степени. Они уводили крестьянина из деревни силой (пусть даже при свидетелях — свидетелям немцы не верили, да и некому их было опрашивать), сейчас же уничтожали все его документы, перегоняли его под конвоем в другой район. После этого человек был кончен, он не мог больше возвратиться к легальному положению и должен был — хотел он этого или не хотел — остаться навсегда у партизан. Худшей трагедии трудно себе представить.

Немцы ужасно любили в качестве наказания и острастки жечь деревни, а после этого вообще нечего уже было терять. Разве это тоже не надежный способ пополнения партизан? А тут еще двухсторонняя провокация со стороны полиции и других «русских» властей — невозможность своими силами сопротивляться разбойникам за отсутствием оружия и сомнительная помощь охранных отрядов, которые сами были иногда не лучше других партизан. Комментарии, конечно, излишни.

14. Три района, в которых у нас была заведена крестьянская самооборона, были единственным, которые не обращались к немцам за помощью во время сельскохозяйственных работ. Они сеяли и растили в условиях относительного спокойствия, вводя этим в заблуждение многочисленное немецкое начальство и вызывая нездоровое любопытство русской администрации. Только членам группы было известно, какие маленькие кровавые трагедии скрываются под этим завидным спокойствием. Иногда же это были не только трагедии, но и страшные тайны. Так, например, еще во время весеннего сева в мужичка одной из зувских деревень[110], работавшего в поле, было из леса сделано несколько выстрелов. Пока удивленный мужик делал вид, что бросил работу и уходит с поля, дежурная группа самообороны, скрывавшаяся тоже в лесу, вышла в тыл стрелявшему и быстро покончила с ним. К всеобщему удивлению и замешательству лесной стрелок оказался городским полицейским, проходившим, очевидно, со своим казенным оружием по какому-то тоже казенному делу в этих местах. Полицейского зарыли вместе с его винтовкой под тем же самым кустом, из-под которого он стрелял. Предполагал ли кто-нибудь в городе, где и как окончил он свои дни?

Единственным человеком из немцев, не столько удивлявшимся, сколько восхищавшимся внешнему спокойствию, царившему в районах крестьянской самообороны, был, конечно, наш милый фельдкомендант. Все благополучные деревни «Республики Зуева», как их тогда в независимости от района начали в шутку называть, были у фельдкоменданта тщательно занесены на его собственную карту Полоцкого округа. Комендант, конечно, был уже давно лично знаком и с Зуевым, и с двумя другими членами группы, приставленными к делу крестьянской самообороны. Догадывался ли он о том, что мы имеем оружие? Не знаю; до поры до времени ни он, ни мы больше не касались этого вопроса. Но комендант ведь был военный человек...

15. Я заканчиваю свой перечень одним любопытным явлением. Начиная с лета 1942 года, особенно после шума, разгоревшегося вокруг недоброкачественного хлеба, фельдкомендатура начала все больше и больше интересоваться городскими делами, вызывая этим ревнивое недовольство ортскоменданта. Скоро этот интерес стал приобретать и конкретные формы. Церковные, школьные, финансовые и дорожностроительные дела перешли почти целиком в ведение фельдкомендатуры. Но самое важное было то, что, желая «разгрузить» ортскомендатуру, фельдкомендатура взяла на себя выдачу пропусков из города. Прием посетителей в фельдкомендатуре был поручен двум прекрасно говорившим по-русски зондерфюрерам, балтийским немцам, неизменно внимательным и вежливым в обращении с населением. Народ повалил в фельдкомендатуру не только за пропусками, но вообще чуть ли не со всеми своими нуждами и делами. Замкнутый порочный круг — горуправа, русская полиция, Гестапо, ортскомендатура — был таким образом окончательно разорван.

Осенний кризис 1942 года

Нельзя отрицать, что нашей группе сразу же сильно повезло: за несколько месяцев ей удалось достигнуть многого, о чем она раньше и не могла мечтать.

Тем не менее, несмотря на успехи, может быть, даже частично именно благодаря им, группа быстро зашла как бы в тупик: и так уже неопределенное положение ее становилось с каждым днем все труднее и труднее. Было ясно, что и как дальше делать. Слава Богу, о существовании группы в городе никто еще не знал. Но за голову о. Иоанна уже было назначено партизанами сначала пять, а потом десять и, наконец, пятнадцать пудов хлеба. Это была очень хорошая цена по тем временам. Мои постоянные встречи со стареньким священником были также у всех на виду. Кроме того, на протяжении короткого времени, каких-нибудь полутора-двух месяцев, меня уже несколько раз вызывали на «беседы» в Гестапо. Со мной были вполне вежливы («Не то, что НКВД», — невольно думалось мне) и как бы не допрашивали, а просто «разговаривали» обо всем понемногу и ни о чем в особенности. Но Гестапо было создано не для салонных разговоров, и интерес этого учреждения ко мне никак нельзя было считать хорошим признаком.

Приглашали в Гестапо два раза и о. Иоанна. «Разговор» вертелся больше вокруг его проповедей, всегда окрашенных в русские национальные цвета и очень смелых по тому времени. Ему намекнули, что желательно было бы, чтобы он представлял свои «конспекты» на предварительную цензуру. Умный старик, ссылаясь на свою малограмотность, предложил им со своей стороны, чтобы Гестапо составило для него несколько хороших «конспектов» на богословские темы. Так из этого разговора ничего не вышло. В другой раз ему предложили попробовать служить не на славянском, как обычно, а на так называемом белорусском языке. Отец Иоанн не возражал, но выразил пожелание, чтобы немцы сейчас же открыли школу белорусского языка, ибо он, хоть и чистокровный белорус, но такого языка не знает. «Стар уж я для учения, да и коллеги ваши из НКВД отшибли у меня разум, — сказал он. — Но для вас я постараюсь: года через три начну служить не то что на белорусском, а хоть и на немецком языке — на каком прикажете. Только вот курсы, курсы скорее открывайте». Так они от него ничего и не добились. Отпустили с миром, но чувство неусыпно наблюдающего глаза родило у нас в душе тревогу.

Церковный староста Софийского собора, один из самых деятельных членов группы, имел неосторожность непочтительно выразиться при посторонних об «отцах города»: были употреблены такие слова, как «безбожники» и «большевики». И его и меня (как заведующего церковным отделом), каждого порознь, сейчас же вслед за этим вызвали для объяснения в ортскомендатуру. Старосте переводчик, он же непререкаемый глашатай воли коменданта, прямо сказал, что за дискредитацию властей, поставленных германским командованием, его загонят «куда Макар телят не гонял». Мне же объяснили более вежливо и пространно, что я несу персональную ответственность «за нездоровые настроения в приходах» и что, если я «не уйму своих попов», то меня придется заменить другим, более подходящим лицом. Очень выдержанный вообще переводчик был на этот раз явно не в своей тарелке.

Однако все это были относительные пустяки по сравнению с заботой о дальнейшей судьбе крестьянской самообороны, которую мы сами толкнули на такие рискованные пути. В этом деле кризис чувствовался особенно сильно. Нажим партизан быстро усиливался. Партизаны подбрасывали Зуеву письма, в которых сначала уговаривали его, а потом стали угрожать. Можно было думать, что партизаны готовят серьезное нападение на гнезда крестьянского сопротивления, чтобы разом покончить с ним. Их, очевидно, еще удерживали от этого недостаток собственных сил и неизвестность: они понимали, что у крестьян самоохранный есть какое-то оружие, но не знали точно, сколько и на каких правах. И тем не менее все соображения, особенно те, которые мы старались строить от лица самих партизан, заставляли нас вот-вот ожидать большого нападения.

Отбивать его, имея по одной винтовке на деревню, нечего было и думать. А вынуть из тайников большее количество оружия (оно хранилось в достаточном количестве на дне озера) — к чему, может быть, хотели нас вынудить партизаны своими письмами — это значило подвергаться смертельной опасности со стороны полиции и немцев, которые могли обвинить нас в подготовке восстания или еще Бог знает в чем.

Кстати, с русской полицией у самоохраны уже были такие неоднократные столкновения, не считая того случая, который был описан в предыдущей главе. Полицейские по два, по три и больше человека захаживали в «наши» деревни, и часто трудно было понять, зачем. Это, во всяком случае, было очень похоже на соглядатайство. Они держали себя нагло, грубо и вызывающе оскорбительно. Они не задерживались в деревне на ночь, а дать им решительный отпор без оружия днем было невозможно. Показать же оружие значило навлечь на себя карательную экспедицию.

Наше любимое детище, крестьянская самоохрана, оказалось в отчаянном положении, между молотом и наковальней. Ждать больше было нельзя. Мы решили не останавливаться ни перед чем и во что бы то ни стало достать от немцев официальное разрешение хоть на одну винтовку для каждой деревни. Только это одно и могло тогда спасти положение. Если бы кто-нибудь только знал, каких это нам стоило усилий и трудов! Мучительно трудный это был период, он чуть-чуть не привел нас к ссоре с нашим благодетелем, полковником из фельдкомендатуры. Зуевская деревня Гендики, как и некоторые другие «наши» деревни, стояла на большом озере: фельдкомендатура обьедалась у нас свежей рыбой. Самогон и для фельдкомендатуры, и для штаба армии[111] привозили бочками. Но сам комендант, надо ему отдать справедливость, хоть и ел, конечно, рыбу, был несомненно нашим искренним и совершенно бескорыстным другом. Мы не давали ему спокойно жить, непрестанно надоедая своими просьбами о винтовках, а он надоедал в свою очередь армии, всячески расхваливая крестьянскую самоохрану.

Дело это тянулось уже почти от самой Пасхи, то есть, во всяком случае, не меньше двух месяцев. И до сих пор невозможно сказать, что сыграло для него решающую положительную роль: бесконечные надоедания, живая рыба, посланная с полковником в армию, близость ли сбора урожая или последняя выдумка нашего барона-фельдкоменданта, который сказал в штабе армии, что безоружные крестьяне отобрали у партизан винтовки и просят оставить их для охраны своих деревень. Но наконец разрешение на восемь винтовок было все-таки получено. Заложников как таковых, которых мы все время предлагали из своей среды за винтовки, немцы при этом не взяли, но три человека из группы все же должны были отвечать своей головой за оружие. Немцы любят такие штучки. Что значит в данном случае «отвечать», было совершенно не ясно, но на радостях и не хотели особенно уточнять.

Ликованию в группе и в деревнях не было границ. Но времени терять было нельзя. Наш «генералиссимус», М. Е. Зуев, распорядился немедленно поднять со дна озера два ящика винтовок и привести их в боевую готовность. Каждое разрешение должно было прикрыть собой, по крайней мере, пять винтовок. В местной деревенской кузнице фабричные номера оружия исчезли как по волшебству, на их место сейчас же были набиты новые. Но — чудо — что ни винтовка, все один и тот же номер, и при этом как раз тот самый, который указан в разрешении фельдкомендатуры. И так на каждый комплект из пяти винтовок. На деревенском участке полоцкого фронта «жизнь стала легче, жизнь стала веселей», как сказал бы товарищ Сталин. Но к Сталину после получения разрешения на винтовки мы стали относиться уже несколько свысока, теперь у нас был действительно свой генералиссимус: сорок винтовок — это не шутка!

Почти в то же самое время на другом участке фронта, в самом городе Полоцке, назревал в высшей степени серьезный кризис, получивший, однако, вскоре сколь неожиданное, столь же и благоприятное свое разрешение. В один из ясных августовских дней к зданию фельдкомендатуры приехал на своей машине ортскомендант со своим переводчиком, бургомистром города и начальником полиции. Вид у всей четверки был мрачный и озабоченный. Ортскомендант приехал

для того, чтобы договориться о посылке карательной экспедиции против нескольких мятежных деревень. Обстоятельство дела было следующим. Накануне русская полиция случайно наткнулась около одной из этих деревень на изуродованный труп немецкого солдата. Все указывало на то, что это дело местных крестьян. Полиция уже давно наблюдала за ними, им приписывались следующие тяжкие преступления: укрывательство советских парашютистов, незаконное хранение оружия и неоднократные попытки подрыва близлежащего железнодорожного полотна. Не менее убедительным доказательством виновности несчастных деревень, чем труп солдата, уже привезенный в город, служили несколько перехваченных писем от какого-то начальника партизанского отряда к одному из крестьян вышеуказанной деревни.

Дело было ясное и простое. Все четверо представителей власти во главе с ортскомендантом требовали самых срочных мер, жестокого наказания в назидание прочим. Они считали нужным послать для расправы хорошую строевую воинскую часть. Если она обнаружит при обыске в деревнях, упоминаемых в письме партизанского начальника, оружие, деревни должны быть сметены с лица земли. Если же оружия не окажется, полиция арестует только наиболее подозрительных и сама произведет дальнейшее расследование. Все было логично, просто и ясно за исключением одного: деревни, предназначенные к разгрому, были зувевские!

Полковник забрал все «вещественные доказательства» для доклада в штаб армии. Затем распрощался со своими гостями, вызвал к себе старшего врача гарнизона и поехал с ним осматривать труп. Когда вечером того же дня мы — я, о. Иоанн и М. Е. Зуев — по срочному вызову входили в кабинет фельдкоменданта, он, как можно было предполагать, уже принял какое-то определенное решение. Он изложил нам суть дела, как она была ему самому преподнесена ортскомендантом, и задал несколько отрывочных вопросов. Видно было, что он взбешен до последней степени. Наши уроки, очевидно, не пропали даром: полковнику было ясно, что это грубая фальшивка, рассчитанная на прихотливый немецкий вкус. Осмотр трупа только подтвердил эту уверенность: труп был свежий, а немецкий военный мундир, слишком большой и широкий, был надет на него уже много спустя после смерти. Очень многое указывало на то, что покойник вообще не немец. Полковник в этот наш визит был как-то необычно сух и сдержан. Он ничего не сказал нам о своих планах и, кажется, в первый раз за все наше знакомство простился с нами холодно и невнимательно. Мы не знали, уходя, чего теперь следует ждать.

Дом, в котором я тогда жил в Полоцке, стоял как раз напротив ворот двора, в глубине которого была квартира начальника русской полиции. На другой день утром, завязывая галстук перед отходом на службу, я увидел в окно небольшую группу немецких солдат с винтовками, которая под командой унтер-офицера быстро пошла через ворота во двор. У них был какой-то не совсем обычный, слишком уж деловой вид. За чашкой чая я все посматривал и посматривал во двор, но группа не возвращалась. Так и не дождавшись ее, я пошел на службу. Чем дальше я шел, тем больше мне попадалось вооруженных солдат. В центре города они стояли уже правильными, хотя и не очень плотными шпалерами по обеим сторонам улицы, куда только хватает глаз. Было совершенно очевидно, что в городе находится какое-то новое крупное войсковое соединение. Люди были пыльные, они пришли издалека. Прохожие стояли кучками, недоумевающее поглядывая и шушукаясь между собой. Как раз в тот момент, когда я переступил порог городской управы, все пешеходное движение было приостановлено — каждый должен был оставаться там, где застала его операция. Началась поголовная проверка документов. У проверяющих в руках были большие списки, с которыми они постоянно справлялись. Несколько человек из числа сотрудников арестовали тут же в магистрате. Затем к дверям здания приставили караул и ушли. Время в ожидании и неизвестности тянулось медленно. Кое-кто сел было от скуки за работу. И вдруг часа через два от окна закричали, что солдаты уходят. Они исчезали из города так же быстро, как и появились. Караул у дверей был тоже снят. Большинство служащих сейчас же разбрелись по домам. Без всякого предварительного соглашения вся группа вечером того же дня собралась в келье о. Иоанна. Только тут явилась какая-то возможность охватить и

проанализировать все происшедшее. Ничего себе отколол штучку наш полковник! Всем было ясно, что это его рук дело.

Число арестованных не было, конечно, еще известно в городе, но оно измерялось сотнями. Переводчик ортскомендатуры, бургомистр города, начальник полиции, все заведующие отделами горуправы и многие переводчики при немецких учреждениях оказались под замком[112]. Обыски у них продолжались почти всю ночь: поднимали полы, разламывали печи и потолки, переворачивали чердаки и сараи. Тут же или несколько позднее мы узнали о результатах некоторых обысков. Например, при обыске у переводчика ортскоменданта нашли под полом списки всей коммунистической организации города, диспозицию немецких войск, перечень воинских соединений и частей, а также военных грузов, проследовавших через город за последний месяц. Кроме того, у него, как у бургомистра города, были найдены свежие советские инструкции и предписания, партизанские явки, шифры, всевозможные предложенные документы, немецкие бланки, штампы и печати. Среди прочих интересных вещей у переводчика было найдено также и его собственное советское удостоверение личности, выданное Ленинградским окружным отделением НКВД[113].

Немцы руководствовались при первых арестах главным образом списками городской партийной организации ВКП(б) времен 1941 года, которые благодаря окружению целиком попали к ним в руки. С тех пор многое, конечно, изменилось. Целый ряд видных местных коммунистов к осени 1942 года уже ушел в партизаны, и наоборот — много новых, неизвестных до того в городе людей, как, например, начальник банка или сам переводчик ортскомендатуры, прибыли неизвестно откуда. Поэтому списки, найденные у переводчика, были особенно важны: они дали немцам самые свежие сведения, чрезвычайно ценные и при последующих арестах и особенно при производстве следствия.

После получения этих списков общая картина и все детали стали для немцев яснее, чем для нас. Подавляющее большинство арестованных были служащие. Рабочих было очень мало, слободских крестьян не было совсем. Среди церковных людей всех вероисповеданий не был арестован никто.

Следствие по делу тянулось не менее месяца, а может быть, даже и значительно дольше: мы так и не узнали, когда оно действительно кончилось. Результаты следствия, к сожалению, также остались почти неизвестными. В город сведений не просачивалось совсем, а наш фельдкомендант, даже наиболее хорошо знакомый членам группы, не сказал ничего, кроме нескольких общих фраз, вроде: «Вы были совершенно правы во всем» или «Вы не можете себе представить, что они тут натворили!». И это было все. Главой организации после ареста и расстрела начальника банка был, очевидно, переводчик ортскомендатуры. Менее чем по прошествии недели многих арестованных стали отпускать на волю за невиновностью; однако одновременно с этим последовала волна новых арестов. В конечном итоге, по нашим подсчетам, сделанным уже в 1943 году, из тюрьмы не вернулось от 125 до 130 человек.

Есть основания думать, что лица, признанные виновными, попали в три разные основные категории: одни были расстреляны тут же в Полоцке, других отправили в Германию, а третьи отбывали принудительные работы где-то около Смоленска. Последние писали время от времени родственникам в Полоцк из мест заключения, хотя гражданская почта тогда и не работала. Часть из этих последних к весне 1944 года вернулась даже домой в Полоцк на постоянное жительство. Они получили обычный в то время для всех немецкий вид на жительство и по большей части были прописаны на своих же старых квартирах.

Новая эра оккупации

Не вызывает никакого сомнения, что немцы, пришедшие в Россию как бы с завязанными глазами, за годы оккупации очень многому научились. Те из немцев, которые были на оккупированной территории лично, научились больше, другие, там, на верхах, — конечно, несоизмеримо меньше. Но чему-то научились все, даже эти последние. Решающим фактором оккупационной эволюции к лучшему были, конечно, военные неудачи немцев. Но опыт организации гражданской жизни на занятой территории и непосредственное соприкосновение с русскими вообще должны были неминуемо сыграть здесь какую-то свою немаловажную роль. По крайней мере, про Полоцк и окружающие его районы можно смело сказать, что после ареста коммунистов там началась как бы новая эра оккупации. Но, прежде чем перейти к описанию, хочется сказать несколько слов о том, какое впечатление произвели аресты на местное население.

В первый момент город был, конечно, очень ошеломлен: уж слишком неожиданно все произошло, слишком трудно было сразу учесть все далеко идущие последствия произведенной операции. Но замешательство продолжалось недолго, смысл происшедшего был всем достаточно ясен. Население квалифицировало его как поворот в политике, и при том — поворот в лучшую сторону. За время советской власти русские люди привыкли к крутым поворотам и научились быстро и хорошо разбираться в них. Здесь был типичный случай поворота политики, причем на этот раз «беспартийной сволочи» ничто как будто бы не угрожало. Удар впервые был направлен совсем в другую сторону, поэтому среди массы гражданского населения не чувствовалось ни подавленности, ни страха. Все с любопытством ждали, что будет дальше. В большинстве случаев арестованные за время своего пребывания у власти успели досадить всем: о чувстве сожаления к ним не могло быть и речи. Наоборот, многие люди ликовали и злорадствовали, готовые под влиянием ненависти приписать арестованным абсолютно все жизненные невзгоды и все неприятности оккупационного режима. Уж такова психика толпы.

На другой же день после арестов на улице можно было слышать такие фразы: «Слава Тебе, Господи, забрали, наконец, гадов», или «Попили нашей кровушки и довольны», или «А у немцевто, видно, не все дураки — есть и умные». Доносы на вредительскую и провокационную деятельность арестованных посылались сотнями, так что никому уже нельзя было укрыться больше от правосудия, «народного гнева» и людской подлости. Говорят, что были доносы даже на членов нашей группы. Однако в маленьком провинциальном городке все настолько хорошо знают друг друга, что разобрать, где правда и где ложь, даже для немцев не представляло особого труда. В конечном итоге благодаря всеобщей ненависти к коммунистам немцы извлекли из доносов огромный дополнительный материал.

Русское гражданское управление было совершенно обезглавлено арестами. Фельдкомендант пригласил к себе несколько человек из нашей группы, в том числе и меня, для совещания о том, каким образом лучше всего замещать освободившиеся административные должности. Мы были к этому готовы: у нас уже был список главных кандидатур, но нам хотелось воспользоваться случаем и придать смене властей в немецких глазах елико возможно более общественный характер. Было очень важно создать некий прецедент. Мы предложили полковнику собрать, хотя бы неофициально, совещание местных старожиллов. Мы напирали на то, что только круговая порука может гарантировать прочное спокойствие в городе, поддержку новых русских властей, а значит, и немцев гражданским населением и предотвратить всяких опасных сюрпризов. Очень боялся фельдкомендант какого бы то ни было призрака «ответственного министерства», но после двух с половиной часов оживленной беседы уступил. Между нами было заключено конфиденциальное соглашение «о дружбе и взаимной поддержке по мере возможности», которое, кстати сказать, старый немецкий джентльмен ни разу впоследствии не нарушил.

В силу этого соглашения мы, хотя и неофициально, собрали в помещении фельдкомендатуры не только всю группу, но и некоторое количество своих прихожан, старожиллов города. Это было очень длинное заседание. Выдвинутые на нем люди, всем известные и всеми уважаемые, заведомо

непримиримые противники советской власти, были утверждены фельдкомендатурой без каких-либо изъятий и немедленно приступили к работе. До 75 % не занятых до того членов группы были назначены на ответственные посты в городской и районной управах.

О. Иоанн по своему сану и по своей физической слабости не получил никакого нового назначения, хотя на этом настаивали как немцы, так и члены импровизированного «учредительного собрания»; я остался по-прежнему во главе церковного отдела. Нам казалось очень удобным также, чтобы несколько человек из группы не получили никаких административных назначений и, занимаясь своими обычными делами (сельским хозяйством, ремеслами, церковью и т. п.), оставались в толще народа, целиком разделяя интересы и представляя точку зрения последнего. Добиться этого было совсем не трудно. При таких условиях любое мероприятие можно было обсуждать и проверять всегда с двух разных, противоположных концов.

Единственная область, в которой ни нам, ни честному фельдкоменданту не удалось достигнуть никаких улучшений, была полиция. Идти на то, чтобы заменить своими людьми места арестованных полицейских чинов, значило посадить порядочных людей в осиное гнездо. Нужна была не частичная, а полная замена всего наличного состава полиции, но Гестапо не хотело об этом и слышать. Власть фельдкомендатуры не распространялась на Гестапо. Поэтому мы решили на этот раз совсем отказаться от рекомендации людей в полицию. При создавшихся условиях нам было удобнее и безопаснее вместо того, чтобы прославлять честными людьми бесчестную организацию, создавая в противовес гестаповской полиции свою собственную вооруженную силу. Зачатком такой силы уже являлись наши отряды крестьянской самообороны. Значит, дело было только в дальнейшем расширении и укреплении последней. Будущее показало, что мы были в своих расчетах совершенно правы. В усиленных с течением времени крестьянских отрядах мы нашли не только опору против той или иной угрозы со стороны большевиков, но и хорошую острстку против своеволия «казенной» полиции.

Заседания группы при новом порядке вещей стали регулярно-еженедельными. Население о них по-прежнему ничего не знало, ибо они, как и раньше, происходили неофициально, в разных местах, а чаще всего в помещении расширенного теперь церковного отдела, получившего в свое распоряжение отдельный маленький домик. За все свои действия городские служащие — члены группы и, в том числе, оба бургомистра, городской и районный, — несли ответственность прежде всего перед группой. Все важнейшие мероприятия обсуждались и решались только сообща.

Немцы в лице фельдкомендатуры, обратившись однажды за помощью к русской общественности, неминуемо в какой-то, хотя бы и незначительной, степени уже связывали этим себя. Группа со своей стороны старалась, конечно, закрепить случайное положение и заставить немцев считаться со своими мнениями и решениями. Благодаря благожелательному отношению фельдкоменданта, с одной стороны, и нашей умеренности — с другой, это дело довольно успешно налаживалось. Не видя для себя в этом большого ущерба, полоцкие оккупационные власти постепенно привыкли к такому положению, и оно стало даже как бы своего рода традицией.

Придя к власти на смену коммунистам, русская национальная общественность, кстати сказать, очень оживившаяся и расшевелившаяся в городе после арестов, поставила своей целью прежде всего исправить то зло, которое было умышленно привнесено в жизнь провокаторами. Сделать это сразу, особенно принимая во внимание условие оккупации и крайней тупости некоторых немецких хозяйственников, было, конечно, не только очень трудно, но и просто невозможно. Поэтому в группе был тщательно разработан план действий на довольно продолжительный период времени. О нем можно составить некоторое представление, если перечислить основные мероприятия, осуществленные в течение зимы 1942–1943 года. Вот они:

А. Перемена политического и общего курса в работе русских учреждений. Бывшим коммунистам и советским активистам было не место на ответственных должностях после городского переворота. Администрация старалась опереться, наоборот, больше на лиц, враждебных коммунизму или

пострадавших от советской власти. Таким образом, какая-то «чистка» аппарата вначале была неизбежна. Но мы не хотели делать ее по-советски. Бывших рядовых коммунистов, не замеченных в последнее время в особо вредной деятельности, не следовало совсем выбрасывать из жизни, лишая куса хлеба, толкать обратно в объятия и их и наших врагов. При благоприятных условиях они могли еще стать самыми обыкновенными, вполне благонадежными и даже весьма полезными членами некоммунистического общества. Этими соображениями мы все время руководствовались при перестройке работы.

Перестановка старых и подбор новых людей в учреждениях и предприятиях потребляли массу внимания, времени и сил. Особую нашу заботу составляло выработавшееся у многих сотрудников при немцах под коммунистическим руководством небрежное отношение к интересам просителей и всяких иных посетителей, обращавшихся по своим делам в учреждения. Отныне каждый посетитель должен был ясно чувствовать, что он как русский обращается к своим естественным друзьям, русским, которые рады сделать для него все, что только находится в пределах возможного. Нужно отдать должное: все русские учреждения очень быстро и охотно усвоили общий резко антисоветский, подчеркнуто национальный дух. Даже многие бывшие коммунисты старались в этом отношении не отставать от других. Дальнейшая практика работы показала, как неглубоко вообще сидят в людях идейные корни «марксизма-ленинизма». Клочок хорошей земли под огород и возможность спокойно жить и честно зарабатывать на кусок хлеба с маслом любой случайный коммунист (а ведь таких большинство) легко предпочитал мировой революции. В каждом русском коммунисте, если, конечно, не говорить об отдельных фанатиках или просто глубоко преступных натурах, собственник и хозяин сидит также глубоко, как и во всяком другом нормальном человеке.

Б. Борьба со взяточничеством составляла также одну из первейших наших работ. В Советском Союзе, как бы ни было в нем много дурного, взяточничество жестоко преследуется и распространено мало. При немцах на оккупированной территории взяточничество стало обычным явлением, какой-то классической формой официальных деловых взаимоотношений и настоящим бичом для бедного населения. Мы сразу же объявили жестокую войну взяточничеству. Только мы тут пошли несколько иным путем, чем большевики. На все должности, где взятка может играть особенно большую роль, мы тщательно подбирали особенно надежных людей. Так, например, самым «хлебным» местом в городе считался квартирный отдел, который распределял не только жилую площадь, но, что самое главное, и землю под огороды. На должность заведующего этим отделом был назначен, несмотря на его протесты, самый богатый человек в городе, семидесятилетний, но еще очень бодрый одинокий старик, хозяин частного кожевенного завода. Он много жертвовал на церковь и при всей своей деловитости не отличался жадностью. В связи с новым назначением ему пришлось взять на свой завод опытного мастера, что было явно не выгодно, но он был одним из старейших членов группы и, как и другие, не посмел отказаться от назначения. Есть основания думать, что в городской и районной управах количество взяток сократилось до минимума. Во всяком случае, народ громко и откровенно высказывал разницу между этими учреждениями и недоступной нашему влиянию полицией.

В. Распределение земли под огороды. Земля, как уже было неоднократно указано, являлась чуть ли не главным источником благосостояния во время оккупации. Справедливому распределению земли еще зимой было уделено очень много внимания. Под наблюдением заведующего квартирным отделом распределение земли было поручено комиссии из трех свободных от служебной работы членов группы и, в том числе, живущему вне города М. Е. Зуеву. На Зуева в этом деле у нас были особые виды. Мы удовлетворили землей, кажется, всех, благо в городе было так много пустырей. По крайней мере, в течение двух лет недоразумений и жалоб по поводу распределения земли почти не было, если не считать нескольких очень серьезных стычек с полицейскими, которые привыкли уже самовольно хватать все, что им понравится. Но, имея за

собой чистую совесть, содействие фельдкомендатуры и, главное, винтовки Зуева, комиссия уже могла с незаконными требованиями полицейских совсем не считаться.

Г. Реорганизация школ была одним из самых трудных и безнадежных дел. Наверху — немцы, которые хотят сокращать программы, выкидывать отдельные предметы и вводить белорусский язык. Внизу — учителя-комсомольцы, малообразованные и полные советского энтузиазма. После упорной борьбы с немцами к весне 1943 года удалось добиться включения в программу Закона Божьего и географии России. Что же касается истории и, в частности, русской, то систематические лекции по этому предмету для молодежи (и то вне школ) удалось начать только осенью 1943 года. С педагогическим персоналом было труднее. Часть наиболее активных учителей-большевиков оказалась изъятой во время арестов, другие после кризиса ушли в партизаны, третьих пришлось перевести на иную, менее ответственную работу. С великим трудом удалось вернуть к педагогической деятельности бывших преподавателей высших учебных заведений и техникумов, которые при немцах по большей части работали в немецких хозяйственных учреждениях. Из числа этих последних назначены были и новые директора.

Некоторое косвенное благоприятное влияние на другие школы оказало новое, созданное летом 1943 года, учебное заведение — пастырские курсы. Последние были подчинены даже не церковному отделу (то есть не горуправе), а вновь образованному епархиальному управлению и не терпели совсем никаких стеснений в смысле программ от немцев. Ректором их был священник, член НТС, настоятель Софийского собора. Преподавателями — разные лица, по большей части непрофессионалы из городской околоцерковной интеллигенции. Слушателями — учащая и учащаяся молодежь из местных школ и районов. Без всякой помехи и постороннего вмешательства мы собирали и развивали на пасторских курсах своих молодых городских друзей.

Далеко не все из них собирались идти в духовное звание. Мы никому не отказывали. Через эту молодежь мы осуществляли свое идейное влияние на остальные школы. Новые учебники для школ взамен советских нам удалось, в конце концов, выписать из Риги через ту же фельдкомендатуру. Это были учебники на русском языке, что чисто механическим путем разрешило в отрицательном смысле вопрос о белорусизации школ. После получения учебников немцы больше не стали настаивать на обязательном преподавании всех предметов побелорусски.

Д. Укрепление религиозной жизни в результате непрерывного кропотливого труда продолжалось своим чередом. К ранней весне 1943 года параллельно церковному отделу горуправы, ведавшему по преимуществу сношениями всех имеющих в городе вероисповеданий с оккупационными властями, было создано независимое церковное учреждение «Православное епархиальное управление». Все должности в нем были выборные, подчинялось оно смоленской епископской кафедре. Попытка этого учреждения установить непосредственную связь с митрополитом Германским и Берлинским Серафимом[114], однако, не удалась, немцы сказали, что это категорически запрещено[115]. Со своим епископом мы сносились письменно и через нарочных из числа командировочных.

Ремонт храма все время шел полным ходом; уже к началу лета 1943 года успели открыть два новых. К тому же времени окончательно оформился организационно и признан юридически женский монастырь с 35–40 монахинями. К осени в монастырь удалось с необычайным торжеством перевезти из Витебска мощи основательницы этого самого монастыря св. Евфросинии, княжны Полоцкой, которые раньше хранились у большевиков в антирелигиозном музее. Недостаток в священнослужителях поставил перед епархиальным управлением вопрос об организации пасторских курсов, о которых уже было сказано выше.

Е. Расширение и довооружение крестьянской самообороны было и осталось нашей постоянной, неустанной заботой. После стольких, почти бесплодных, трудов нас наконец посетил в этом отношении неожиданный успех. Вскоре после городского кризиса зувевская цитадель

действительно подверглась большому нападению партизан. Плохо бы пришлось крестьянам, если бы они располагали только теми восемью винтовками, на которое первоначально было выдано разрешение фельдкомендатуры. Партизаны, очевидно, не ожидали серьезного сопротивления. Бросив на эту операцию несколько десятков хорошо вооруженных людей, они были уверены в легкой победе. За ближним лесом они оставили свои подводы, на которых приехали и посредством которых собирались везти назад пленных и награбленное имущество.

Благодаря угрожающим письмам и некоторым другим признакам, Зуев ждал нападения и хорошо подготовился к нему. Только незначительная часть его «вооруженных сил», какие-нибудь семь — восемь человек, оставалась на ночь в деревне и держала оборону в окопах по окoliце. Остальные составляли силу главного подвижного ударного отряда под командой самого Зуева. Эти последние с наступлением сумерек уходили куда-нибудь на опушку леса в овраги или в придорожные кусты. Секреты были расставлены со всех сторон в достаточном количестве. Для связи служили мальчишки-посыльные по двенадцать — пятнадцать лет.

Когда неосторожно продвигавшийся в темноте отряд подвыпивших партизан стал приближаться к деревне Гендики, Зуев со своим ударным отрядом бесшумно пошел вслед за ними. У околицы партизаны оказались между окопами первой линии обороны спереди и ударным отрядом — с тыла. Это был, конечно, самый подходящий момент для начала военных действий. Раньше, чем партизаны успели что-либо сообразить, несколько дружных залпов в упор выкосили их ряды чуть ли не до полного уничтожения. Оставшиеся в живых бросились врассыпную — кто куда. Пленных не брали, все было кончено буквально в несколько минут. Винтовки, автоматы, ручные гранаты, пистолеты и один ручной пулемет стали легкой добычей победителя. У Зуева потерь не было. Эта операция, наглядно показавшая серьезность партизанской опасности и эффективность крестьянской самообороны, дала нам возможность вырвать у немцев разрешение еще на 50 винтовок, на несколько автоматов и пистолетов, а также на ручной пулемет. Дальнейшее развертывание крестьянской самообороны было таким образом сразу обеспечено.

Ж. Попытка облегчения участи военнопленных была запроецирована группой еще очень давно. Но дело это было нелегкое, и другие события городской жизни его сильно задерживали. О. Иоанн, проникнув в лагерь военнопленных на предмет удовлетворения их религиозных нужд, подвергся сначала со стороны русской администрации лагеря, назначенной немцами среди самих же военнопленных (так называемая лагерная полиция), ожесточенной травле. Лишь путем длительных усилий упорный священник добился возможности беседовать без помехи с отдельными заключенными и таким образом сблизиться с ними. Сколько дней потратил он для этого перехватывания людей на дорогах или разыскивая их где-то на работе в городе, знает один Бог.

В лагере говорить свободно с заключенными было невозможно: там царил чудовищный красный террор. В лагерях полновластно распоряжалась лагерная полиция, которая сплошь состояла из бывшего политсостава. Эти люди действовали в контакте с лагерным немецким начальством и помогали ему красть и так уже скудные пайки заключенных. Больше всего они боялись какого-либо доброжелательства между военнопленными и немцами. Путем докладов, лжи и изыскания фактов они старались всячески ожесточить немцев. Действуя от имени немецких властей, они, в свою очередь, всячески издевались над военнопленными, пытаясь таким образом довести последних до отчаянных поступков. Одним словом, в лагере происходило почти то же самое, что и в городе, только в еще худшей, еще более страшной редакции. Это был настоящий ад. Отнимание у голодных людей пищи или бессмысленная порча ее, страшное избивание резиновыми палками и другие необычайно жестокие и при этом совершенно не заслуженные наказания происходили по преимуществу от своих, а не от немцев. Критическое отношение к советской власти каралось тихой смертью. Только после отстранения коммунистов от власти в городе группа смогла предпринять какие-то решительные шаги и в отношении лагеря военнопленных.

Благожелательность фельдкомендатуры и свежее впечатление в немецких военных кругах от городских событий премного тому способствовали.

Сначала в лагере произошла смена немецкого начальства, затем из него сразу же удалили всю русскую полицию. С остальными негодями, а их было немало, военнопленные расправились в первую же ночь сами, немцы этому не препятствовали. Несколько позднее общими усилиями удалось добиться от немцев разрешения собирать для лагеря продовольствие в городе (главным образом, картофель и другие овощи). Но этого, конечно, было недостаточно, поэтому картошку возили время от времени и прямо из городских складов, что было, конечно, уже незаконно. «Хищения» картошки покрывали общими усилиями сотрудников продовольственного отдела. Еще позднее имели место отдельные случаи полного освобождения военнопленных из лагеря или перевода их на работу во вспомогательные команды при немецких военных учреждениях. Но и то и другое коснулось, конечно, ничтожного меньшинства. Что случилось с лагерем при последнем отступлении немцев, мне не известно.

К описываемому времени относятся еще два общественно-политических мероприятия, о которых я считаю необходимым сказать именно здесь несколько слов. Речь идет о раскопках развалин «архитектурного ансамбля» НКВД в Полоцке и о раскопках братских могил прибалтийских народностей около города Улы.

О раскопках развалин комбината НКВД, разрушенного авиабомбами и пожаром еще в 1941 году, неоднократно ходатайствовали перед горуправой многие жители города. Эти раскопки позволили наконец открыть для всеобщего обозрения много «чудес» коммунистического правосудия, как-то: бассейн для холодной воды, при помощи которого при длительных допросах заключенного по нескольку раз подряд то топили, то опять откачивали; камеры, в которых «поджаривали» или наоборот — подмораживали людей, желая их заставить отдать спрятанное золото; «операционную», где над людьми с целью пытки производились разные «хирургические» операции и многое-многое другое. Лица, оставшиеся в живых после допросов и проживавшие при немцах в Полоцке, рассказывали, что все эти «операции» и «чудеса» производились под наблюдением и руководством молоденькой женщины — врача, исчезнувшей из города в первые же дни после прихода немцев.

В засыпанных подвалах здания были откопаны склады одежды расстрелянных. Одежду эту разложили для обозрения на огромном дворе бывшей территории [отдела] НКВД, и какие же душераздирающие сцены происходили здесь! В первый же день на место раскопок сбежался весь город. Жены опознавали одежду мужей, дети — родителей, родители — детей. Самым страшным из всех был, кажется, момент, когда пожилая женщина, смотревшая на все с безразличным любопытством, вдруг увидела окровавленное платье своей дочери, которую она считала живой. Ее дочь была арестована незадолго до начала войны и, по официальным данным, якобы отправлена в Москву в качестве свидетельницы по какому-то делу местной молодежи. Матери и в голову не приходило, что дочь ее давным-давно расстреляна в самом Полоцке.

Братские могилы около Улы были указаны немцам местными крестьянами. История этих могил следующая. Летом 1941 года большевики гнали этапом из Прибалтики колонну арестованных приблизительно в 3 тыс. человек. Это был цвет интеллигенции Эстонии, Латвии и Литвы: врачи, адвокаты, профессора, журналисты и т. п. По большей части, все люди средних лет, пожилые или даже старые. Известия о начале войны и стремительном немецком наступлении застали колонну на этапе. Согласно предписанию свыше, все три тысячи были сейчас же перебиты конвоем прямо на походе — в них стреляли, забрасывали их ручными гранатами, кололи штыками[116]. Несколько человек из местного населения, проявивших слишком большое любопытство к происходящему, были тоже убиты конвоем и похоронены вместе с балтийской интеллигенцией. Время трагедии, способ убийства, социальная и национальная принадлежность не вызывали никаких сомнений.

Раскопки целиком подтвердили рассказы местных крестьян. При всех убитых сохранились в малоповрежденном виде их документы.

Весна, лето и осень 1943 года

Весна и лето 1943 года начались для нас очень неудачно. Неудачи вообще стали как бы знамением этого времени. Сначала «после непродолжительной, но тяжелой болезни» скончался семидесяти семи лет от роду о. Иоанн, духовный руководитель и вдохновитель нашей группы. Он захворал классической смертной болезнью старости, крупозным воспалением легких, и, желая обязательно умереть на посту, продолжал служить в церкви с температурой в 40 градусов. Через сутки или несколько больше после того, как он лег, его не стало.

На похороны о. Иоанна из деревни и города собралась масса народа, что не только большой собор, но и весь монастырский двор не могли вместить всех. Это было всеобщее горе православного и национально настроенного Полоцка: тысячи людей заливались слезами, подхватывая проникновенные погребальные песнопения. Похоронили старенького священника около алтаря большого монастырского собора, только что отремонтированного его же собственными трудами и заботами.

Второй по значению для нас тяжелый удар последовал вскоре вслед за первым: нашего другаполковника, фельдкоменданта, отозвали в Берлин. Пришло, очевидно, время рассчитаться ему за свою отсталость от национал-социалистического века. Ортскомендант был заменен еще раньше того, но это для нас не было сколько-нибудь существенно. В городе оказалось новое начальство, может быть, только для того и присланное, чтобы прекратить «попущения» старых, слишком либеральных, с национал-социалистической точки зрения, властей. Это сознание вселяло в нас всех кроме грусти еще и большую тревогу.

Приближающийся фронт делал жизнь также все менее и менее уютной. Слабые стекла в окнах, дверцы буфетов и посуда на столе круглые сутки позвякивали от отдаленной артиллерийской стрельбы. А стрельба не смолкала ни днем, ни ночью. Воздушные бомбардировки города повторялись все чаще и чаще и наконец стали почти ежедневными. В ночь с 31 мая на 1 июня 1943 г. город подвергся почему-то особенно сильной, прямо чудовищной, бомбардировке советской авиации. Все этого давно ждали, ибо сведения о беспощадных бомбардировках с воздуха Смоленска, Витебска и Минска уже дошли до Полоцка. Ясно было, что очередь за нами. Так и случилось.

На маленький, уже и так очень сильно разрушенный пожарами городок в одну ночь было сброшено свыше 1200 бомб крупного и самого крупного калибра. Сохранившаяся лучше других задвинская часть Полоцка горела, как куча сухих веток. Масса ни в чем не повинных русских людей опять осталась без крова и имущества[117]. Многие огороды пришлось после бомбежки перекапывать и сажать заново. Однако, как это ни странно может на первый взгляд показаться, человеческих жертв было относительно мало — 73 человека из числа гражданского населения и 5 или 6 немцев. К этому времени мы были уже достаточно хорошо натренированы быстро скрываться в убежища или покидать город при первых звуках воздушной тревоги.

Деморализующее действие Сталинградского поражения, приближающегося фронта и бомбежек с воздуха явно сказывалось не только на русских, но и на немцах. У гордых и самовлюбленных завоевателей появилась нотка замешательства и тревоги. Население стремилось покинуть город; особенно сильна была тяга в Западную Белоруссию и прибалтийские страны.

Как раз в этот момент свалилось новое величайшее бедствие — принудительная вербовка на работу в Германию. По сравнению со многими другими областями оккупированной территории, до

Полоцка это мероприятие докатилось удивительно поздно[118]. И протекало оно беспорядочно, вяло и, я бы сказал, с немецкой точки зрения, весьма неудовлетворительно. Никаких вопиющих безобразий в самой технике проведения этого гнусного дела у нас не было: людей не хватили на улице или в общественных местах, не забирали «в чем есть», как это, говорят, имело место в Киеве и других городах с немецким гражданским управлением. Даже наоборот — внешне все происходило довольно прилично, как бы законным путем: заранее развешенные объявления, расписание явки на сборные пункты, митинг перед отъездом и т. п. Но были допущены многие вопиющие несправедливости, если в таком деле вообще можно говорить о какой-либо справедливости.

Так, например, родственников полиции и «секретных» осведомителей Гестапо (в провинциальном городке это отнюдь не секрет) не брали; немецких любовниц и добровольных проституток — тоже. За цинично таксированную взятку в 20 рублей золотом немецкий военный врач высокого ранга освобождал «по болезни» вообще кого угодно. Этим многие, конечно, сейчас же воспользовались. Молодежь из дальних деревень по дорогам следования в город на вербовочный пункт перенимали партизаны. Зуев, в районе влияния которого партизаны были бессильны, сам отказался наотрез отпускать кого-либо из молодежи на работу в Германию, во-первых, потому что тогда «будет некому драться с партизанами», во-вторых, потому что его деревни «нисколько не хуже полиции». Немцам было очень трудно со всеми справляться. Мало рабочей силы получили они из Полоцка и Полоцкого района летом 1943 года в порядке мобилизации, много меньше, чем уехало летом 1942 года добровольно.

Толку для немцев из мобилизации не вышло почти никакого, а шум, неприятности и политические осложнения получились большие[119]. Недаром мы так настойчиво пытались отговорить нового фельдкоменданта отказаться в виде исключения вообще от всякой вербовки в Полоцком районе.

На этот же несчастный период лета 1943 года приходится новая, весьма странная немецкая попытка белорусизации города Полоцка. После «артиллерийской подготовки», выражавшейся в неоднократном вызове ряда общественных деятелей города в Гестапо на предмет внушения им идей белорусского (читай — антирусского) национализма, в Полоцк прибыли из Минска агитаторы, представители якобы недавно образованного белорусского правительства (Рады)[120]. Эти последние держались до последней степени глупо и бестактно. Большинство населения не понимало их нарочитого, искусственного, псевдо-белорусского языка, каким никто и никогда не говорил в Полоцке. А они сами делали вид, что не понимают по-русски. Получилось Бог знает что. Ни один деловой разговор, ни одна запроецированная немцами встреча при таких условиях не могла фактически состояться. На «белорусский» митинг, неоднократно объявлявшийся посредством разъездного громкоговорителя немецкой пропаганды, никто не пришел. Во время официального визита в горуправу минских гостей с их провинциальным шовинизмом подняли на смех и уличили в полном незнании истории края. На этом белорусизация у нас и закончилась. Люди уехали обратно в Минск, если действительно приезжали из Минска, а не из Берлина.

Однако от грубых приемов нечистой игры, обнаруживших колонизационные приемы немецкой политики в занятых областях, у всех остался один неприятный осадок, как бы ни хотели отдельные представители германских властей замазать потом этот поистине «скверный анекдот». В особенной ярости были, конечно, те, кому внушали белорусский национализм через Гестапо.

Замена нашего милого полковника, фельдкоменданта, новым лицом, столь огорчительная для группы сама по себе, не повлекла, тем не менее, за собой каких-либо резких политических перемен. Очевидно, общая ситуация уже была такова, что новому фельдкоменданту, безусловно неглупому человеку, ничего более не оставалось делать, как продолжать политику старого.

Только через несколько месяцев в тенденциях фельдкомендатуры обозначились некоторые нотки, которые при желании можно было истолковать как попытку если не изменить вообще, то, во всяком случае, как-то ослабить (и уж, конечно, отнюдь не усилить) русскую национальную линию в

Полоцком округе. Укажу три случая, которые заставили нас в этом отношении особенно насторожиться, быть может, даже и без достаточных к тому оснований. Вот они.

1. Быстрое распространение и усиление партизанщины, сильно осложняя и гражданскую и военную жизнь Полоцкого района, не встречало фактически большого противодействия со стороны немцев в 1941–1942 годах. За лето 1943 года немцы уже почувствовали серьезную опасность с этой стороны, но они теперь уже не имели достаточных свободных резервов для борьбы на внутреннем фронте.

Учитывая это обстоятельство, группа предложила немцам вытеснить партизан из ряда прилегающих к городу районов своими, русскими, силами. Для этого нужно было крестьянское воинство Зуева увеличить до 1–1,5 тыс. человек и снабдить его несколькими легкими полевыми орудиями. Полное устранение немцев от активного участия в операциях и амнистия добровольно сдающимся партизанам, конечно, при этом подразумевалась.

Немцы от предложения категорически отказались. Выходило так, что «сами не можем и вам не позволим». Или, может быть, даже так: «Партизан не любим, но вас боимся больше, чем партизан».

2. Не говоря нам ни слова, фельдкомендатура осенью 1943 года сделала попытку организовать в одном из особо угрожаемых со стороны партизан районов свою, совершенно не связанную с нашей, крестьянскую самооборону. Для этой цели один «украинец» из бывших военнопленных был назначен на должность бургомистра вышеуказанного района. Ему выдали сразу же и некоторое количество винтовок для будущей самообороны, которую он легкомысленно взялся организовать. Мы узнали о всей этой затее уже постфактум, когда новоявленный бургомистр, спасая свою собственную шкуру, бросил район и прибежал обратно в Полоцк. Район прочно заняли партизаны.

3. К осени 1943 года фельдкомендатура постановила создать новое русское учреждение — Полоцкое окружное управление. По замыслу оно должно было стать посредником между фельдкомендатурой и русским населением округа, так же как городская и районная управы состояли между ортскомендатурой и русским населением города и района. Такого учреждения до этого времени не было, идея сама [по себе] казалась вполне разумной. Однако при проведении в жизнь этого мероприятия обращало на себя внимание то обстоятельство, что к участию в новом учреждении не было привлечено ни одного человека не только из города и района, но даже из всего Полоцкого [округа]. Весь аппарат целиком был составлен из людей, работавших до того где-то совсем в другом месте.

Мы, конечно, увидели в таком подходе к делу также скрытые коварные замыслы нового фельдкоменданта. Не странно ли действительно: если крестьянская самооборона, то, по возможности, без Зуева; если Окружное русское управление, то без всякого участия со стороны округа? Мы внутренне приготовились к осложнениям, но осложнений не последовало.

На деле, может быть, вопреки проискам коменданта, а может быть, и без всякого к ним отношения, все уладилось в конце концов совершенно благополучно. Новых людей, предназначенных на округ, мы проверили через НТС[121] по месту их прежней деятельности. Народ оказался вполне доброкачественный, надежный, весьма близкий по духу к нашей группе. Поэтому большинство из них вскоре к взаимному удовольствию и было принято в последнюю. Мы приобрели в их лице очень ценных, жизненно опытных и самоотверженных товарищей. В результате национальная работа только выиграла от назначения «чужих» людей: она покатила по прежним рельсам дальше, захватывая теперь не только с полным основанием, но уже и с практической необходимостью весь округ и соблазняя нас к еще более широкому распространению. В немецкие расчеты все это, конечно, не входило.

Переходя опять к изложению дальнейших событий, может быть, именно здесь следует указать, что к этому времени группа получила некоторое подкрепление и за счет новых беженцев. Среди лиц, эвакуированных немцами из Смоленска и распределенных у нас на работу по различным гражданским учреждениям, оказались очень ценные люди. Они сейчас же стали в строй. Пополнение группы в это время было вообще [как] нельзя более кстати, т. к. все мы просто задыхались от работы. С одной стороны, от нас требовало много сил политическое завоевание белых пятен на карте новоявленного округа; это была, так сказать, наша «периферия». С другой — все больше и больше требовала от нас внимания разгорающаяся не на шутку гражданская война между красными партизанами и крестьянской самообороной. Остановлюсь несколько подробнее на том и на другом.

Группы, подобные Полоцкой, были скоро созданы и в других населенных пунктах округа, как-то: в Дриссе, в Десне (Луначарск), в Бигосове, в Боровухе и в Ветрине. Эти периферийные молодые группы, естественно, стали как бы в подчиненное положение к Полоцку, требуя от него на первое время и помощи и руководства. Старые члены группы в связи с этим все время разъезжали и иногда сидели на местах целыми неделями.

Сила бессильных только в моральном праве и в их организованности, а суть организованности — в единстве и в централизации управления. Наша когда-то совсем маленькая группа, поначалу более похожая на какое-то религиозно-церковное братство, превращалась постепенно под давлением обстоятельств в русскую национальную организацию партийного типа. Идеологической основой этой организации, как и более широких масс населения, на которые опиралась и в которые она уходила своими корнями, кроме чисто отрицательного момента — непримиримости к большевизму, — было знаменитое в свое время Смоленское воззвание генерала А. А. Власова[122], выпущенное, кажется, еще осенью 1942 года. Воззвание содержало краткую и простую программу[123], чрезвычайно широкую и терпимую; его цель и ближайшие конкретные задачи были ясны каждому до полной очевидности. Несмотря на то, что в расширенную группу входили люди самого разного уровня развития, воспитания и взглядов, политических споров и недоразумений у нас совсем не было. Когда люди заняты делом, им не до пустой болтовни.

С крестьянской самообороной у нас было много забот, во-первых, потому, что она все время расширялась, а во-вторых, потому, что еще более расширяющееся одновременно с ней партизанское движение привело нас к острому столкновению этих двух сил, к настоящей гражданской войне чисто местного, конечно, значения.

Летом 1942 года у нас было уже не три, а целых четыре группы деревень с крестьянской самоохраной. Тяжелый, постоянно непрекращающийся нажим на них красных партизан потребовал перед уборкой урожая разработки новой тактики обороны и выделения грамотных в военном отношении людей для усиления крестьянского «генерального штаба». Особенно полезными оказались в этом отношении два новых члена группы: недавно рукоположенный для вновь открытого храма молодой священник (в прошлом член тайной «катакомбной» церкви, советский артиллерийский офицер, а затем военнопленный) и один уже пожилой агроном из офицеров Великой войны[124], руководивший в Белоруссии до 1927 года неуловимыми отрядами антисоветских повстанцев[125].

Новая тактика заключалась в активной обороне. В то время как основная масса крестьян занималась уборкой, их сильный ударный отряд должен [был] совершать набеги на соседние районы, контролируемые красными партизанами. Сковывая партизанские силы на их собственной территории и забирая инициативу военных действий в свои руки, мы могли, таким образом, более или менее надежно обеспечить крестьянам, работающим на полях, необходимые для этого мир и безопасность.

Операции ударного отряда по большей части носили характер вылазок или кратковременных набегов, что давало возможность не занимать этим делом слишком много людей. Но иногда

происходили настоящие длительные сражения. При одном таком набеге, имевшем целью захват вновь открытого по приказу Москвы сельсовета, сам Зуев чуть-чуть не погиб вместе с ударным отрядом. Дело это было так. На пути к намеченной в качестве объекта нападения дальней деревне отряд Зуева, состоявший из пятнадцати-двадцати человек стрелков, неожиданно нарвался на значительно превосходящие силы противника. Была ли то засада в результате измены или случайная встреча с красным отрядом, направляющимся в свою очередь в «Республику Зуева», — так и не удалось выяснить.

Зуевцы быстро двигались прямо по полевой дороге, проходящей метрах в двухстах от леса. Партизаны же засели почти на их пути, в большой группе кустарника, примыкавшего одним краем к лесной опушке и заполнявшей в этом месте более половины пространства между лесом и дорогой.

Не ожидая встретить здесь противника, зуевские дозорные слишком поздно обнаружили партизан в кустах напротив дороги, нодвигающийся отряд все же успел залечь в придорожную канаву. Партизаны открыли бешеный огонь из автоматов, который, однако, не мог причинить лежащим в канаве сколько-нибудь существенного вреда. Зуевцы начали отвечать редкими выстрелами из винтовок. Никто не заметил сгоряча, как и когда ехавшие вслед за зуевским отрядом две подводы — обоз ударного отряда — повернули оглобли и ускакали прочь.

Часа через два бесплодной перестрелки партизаны предложили зуевцам сдаться, им ответили дружным залпом, хотя ударному отряду и приходилось уже подумывать об экономии патронов. Перестрелка продолжалась. Партизаны боялись зайти к зуевцам с тыла по совершенно открытой местности. Но зато они приволокли откуда-то миномет. Скоро дорога и канава покрылись шапками черных разрывов от маленьких мин и густыми клубами пыли. Эхо рокотало по лесу со всех сторон, шум получался прямо как на фронте.

Такую картину застали сильные подкрепления, вызванные из деревень крестьянской самообороны своевременно ускакавшим назад обозом. Тихо и незаметно подошли они под прикрытием леса с той и с другой стороны к месту сражения и стали быстро устанавливать пулеметы для ведения перекрестного огня по кустам. Им в это время казалось, что в придорожной канаве почти никого уже не осталось в живых; в действительности же к этому времени там было всего только двое легко раненых в руки.

Кусты — плохая защита от пулеметного огня. Обстреливаемые с флангов из пулеметов, а с фронта из винтовок партизаны в полном беспорядке бросились в лес, где попали в заранее поставленную, конечно, на пути их предполагаемого отхода засаду. Это был разгром. Недаром загнала отцовскую лошадь младшая дочка Зуева, которая первой прискакала в деревню на одной из сопровождавших ударный отряд подвод.

С этого времени зуевский ударный отряд не выезжал уже на операции без ротного миномета, взятого у партизан. Все трофейные автоматы пошли на вооружение новой команды автоматчиков, сформированной Зуевым несколько позднее из партизанских перебежчиков.

Итак, весной, летом и осенью 1943 года труды и заботы группы все время перемежались с огорчениями и скорбями. Каким-то образом Гестапо узнало о наших связях с партизанами; весьма вероятно, что об этом было сообщено с советской стороны через агентуру, работающую на обе стороны. Сразу же заварилась страшная кутерьма. Мы не знали точно, что известно Гестапо; я постарался прямо и открыто объяснить фельдкомендатуре суть дела и в подтверждение своих слов предоставил уже готовый к тому времени в письменном виде проект лагеря для «раскаявшихся партизан». Увы, нашего барона — фельдкоменданта — уже не было тогда в Полоцке. Гестапо настаивало на аресте всей группы. Военные власти, однако, понимали, что для этого нужно сначала разоружить крестьянскую самоохрану. На этом основании фельдкомендатура категорически возражала против арестов. В результате все дело было передано на рассмотрение

смешанной воинской комиссии из представителей штаба армии и фельдкомендатуры. На наше счастье, туда попали культурные и доброжелательные люди; они вынесли нам только порицание за слишком самостоятельные действия и прекратили дело. Но проект был при этом, конечно, окончательно загублен.

Едва успела кончиться история о нашей связи с партизанами, как пришел указ об эвакуации. Он свалился как снег на голову. Очевидно, усилившиеся атаки большевиков на Витебск или какойнибудь неожиданный прорыв красных вызвали у немцев самые сильные опасения. Весь округ всполошился. О кровавой бане, которую устраивают большевики для местных жителей после «освобождения», знали уже все[126]. Если партизаны и их родственники еще рассчитывали как-то на свои заслуги перед батькой-Сталиным, то у остальных граждан не было ни надежд, ни иллюзий[127]. Немцы предоставляли для желающих эвакуироваться жителей железнодорожные составы; людей направляли в Ригу. Наплыв желающих был колоссальный. Сотрудники всех главных русских учреждений работали над составлением списков и день и ночь и прямо-таки валялись с ног от усталости. Поезда один за другим уходили в направлении на Двинск, увозя сотни и тысячи людей. Принуждения к выезду в тот период не было. Всем разрешалось брать с собой довольно много имущества. Эвакуирующиеся крестьяне оставляли ежедневно около железнодорожной станции десятки запряженных лошадей, которых они бросали, садясь в поезд. Вести животных не разрешалось. План эвакуации был рассчитан примерно на две недели. За первую неполную неделю из самого города Полоцка успело выехать около 4 тыс. жителей. О количестве выехавших крестьян судить очень трудно.

И вдруг эвакуация кончилась так же неожиданно и быстро, как и началась. Очевидно, благоприятные перемены на фронте принесли в город приказ о ее полном прекращении. Те, кто успел уехать, больше не вернулись, и город потом получал от них через фельдкомендатуру многочисленные письма из Латвии. Все люди устроились на работу по вольному найму и жили более или менее удовлетворительно. Те же, кто не успел уехать, остались, и остались прочно. Остались еще почти на целый год, до июня 1944 года, когда произошла вторая, и последняя, эвакуация перед окончательным занятием Полоцка советскими войсками.

Последний период оккупации. НТС, РОА и Национал-социалистическая трудовая партия России

Этот последний период оккупации, т. е. вторая половина зимы и весна 1944 года, был во многом не похож на все предыдущее время. После осенней частичной эвакуации 1943 года, так неожиданно возникшей и так неожиданно прекращенной, всем стало сразу как-то особенно ясно, что немцам приходит конец и они очень скоро уйдут из России.

За это говорило все. И неуклонное приближение фронта, и беспрепятственный рост партизанского движения, с которым немцы совсем перестали активно бороться, и откровенные высказывания самих немцев, конечно, в частных, конфиденциальных разговорах. Но самым убедительным симптомом приближающегося конца было то, как немцы распустили вожжи управления оккупированной территории. Давно ли они с болезненной ревностью оберегали все прерогативы своей хозяйской власти, считали долгом всюду совать свой нос и вообще — держались так, как будто бы они устраиваются в Белоруссии навсегда. После осенней эвакуации все это сразу переменялось. Немцы, конечно, продолжали заниматься делами, но лишь по инерции, вяло и неохотно. К специфически русским делам они потеряли почти всякий вкус и интерес. По всему было видно, что жадная душа колонизатора покидает еще двигающееся, но уже холодеющее тело оккупации.

Гражданское население, которого после прекращения эвакуации оставалось в городе тысяч 14–15, понемножку разбегалось. Кто хотел уходить к партизанам, делал это почти открыто: грузили на подводы наиболее ценное имущество, забирали целиком семьи «со чады и домочадцы» и уезжали

утром на рассвете «в неизвестном направлении». Аргумент партизанствующих был самый понятный и простой: «Лучше вернуться обратно в город вместе с победителями, чем ожидать расправы НКВД дома в качестве побежденных». Опять же, если окажется, что расправа с гражданским населением будет слишком сурова или бессмысленно несправедлива, то в город можно будет и совсем не возвращаться, а остаться пока в лесу или же пытаться переехать на жительство в какое-либо другое место.

Здесь можно прибавить, что во время наших дальнейших переговоров с партизанами уже весной 1944 года последние неоднократно высказывали то же самое намерение остаться на нелегальном положении после возвращения красных. Отсиживаясь в относительно безопасном месте, люди хотели посмотреть со стороны, действительно ли сдержат большевики обещания, данные народу во время войны[128]. У многих партизан было также и другое, не менее существенное соображение в пользу политики выжидания. Под влиянием беззастенчивой советской пропаганды против своих же собственных союзников, Англии и Америки, все ожидали тогда скоро [начала] новой войны, войны между «англо-американцами» и Советским Союзом. В этом последнем случае антибольшевистски настроенным партизанам не имело смысла слишком спешить с выходом из леса: Америка пользовалась тогда огромной популярностью, все симпатии были на ее стороне.

Весьма характерно, однако, что в это тревожное переходное время из города к партизанам ушло очень немного народу, всего лишь несколько десятков человек. По отношению ко всему населению города это составляет совершенно ничтожный процент — приблизительно] полпроцента.

Значительно больше народа уплывало постепенно в Западную Белоруссию. Люди отправлялись туда как бы временно, под видом посещения родственников, закупки продуктов и тому подобного, и оставались навсегда. Это делалось как законно — с пропуском по железной дороге, так и не законно — без пропуска, пешком. В Западную Белоруссию или просто в «Западную», как говорят в Полоцке, ушли многие десятки, чтобы не сказать сотни, семейств. В процентном отношении это должно составить не менее 5–6 %.

Новая обстановка — ожидаемый скорый приход красных и значительное ослабление оккупационного режима — ставили перед нами, т. е. перед группой и всем, что к ней примыкало, совершенно новые задачи. Что нужно успеть сделать до прихода большевиков? Как наилучшим образом использовать немецкую слабость? — вот вопросы, которые стали тогда перед каждым из нас во весь рост.

Однако разрешением этих вопросов Группа занималась уже не одними только своими силами, а совместно с представителями Национально-Трудового Союза (солидаристы) и представителями Русской Освободительной Армии (власовцы)[129]. Поэтому, прежде чем продолжать дальше повествование, здесь придется сначала довольно подробно остановиться на нашем знакомстве и сотрудничестве с обеими вышеуказанными организациями.

О Национально-Трудовом Союзе Нового Поколения, как его тогда называли, мы узнали впервые ранней весной 1943 года. Одно временно прикомандированное в город духовное лицо доставило к нам из Польши различную «союзную» литературу. Мы сейчас же, конечно, занялись ее жадным изучением и в общем одобрили. Более личное знакомство с другим представителем Нац[ионально-]Труд[ового] Союза состоялось несколько позднее, уже в середине лета того же года. Этот во всех отношениях интересный для нас русский человек с типично немецкой фамилией[130] был командирован из Берлина в Белоруссию какими-то государственными учреждениями и должен был везде входить в официальные отношения с высшими местными германскими властями. Во время делового разговора в нашей фельдкомендатуре один из старших офицеров последней, приняв приезжего за настоящего немца, сказал ему между прочим: «Есть тут местная русская национальная организация; без нее было бы трудно сейчас обойтись, но со временем эти люди станут нашими очень опасными противниками». Приезжий насторожился и

выразил желание познакомиться с руководством группы. После обеда офицер привез его к нам, а сам уехал.

Началась взаимная прощупка. Приезжий «немец», к нашему крайнему удивлению, говорил порусски [так], как может говорить только прирожденный москвич. Неосторожно сказанная в фельдкомендатуре фраза о нас до крайности упрощала все дело. Не больше чем через час мы стали друзьями. Наш новый знакомец, и ныне еще благополучно здравствующий в эмиграции, оказался одним из старших, руководящих членов НТС... С той поры «союзники» всех рангов зачастили в Полоцк и всегда останавливались уже прямо у нас[131]. Они знакомились с нашей группой, читали доклады на наших собраниях и вели длинные частные беседы на политические темы. Через некоторое время руководство НТС не только одобрило, но и высоко оценило нашу самостоятельную национальную работу. Двери Союза были для нас широко открыты. Желая координировать свои скромные местные усилия с более старой, широко разбросавшей свою сеть боевой организацией, мы, т. е. я и еще несколько ведущих членов группы, осенью 1943 года вступили в Национально-Трудовой Союз.

Этот последний свел нас вскоре с чинами так наз[ываемой] Русской Освободительной Армии, или РОА. Неизвестными нам тогда путями он направлял этих людей в Полоцк, видя взаимную пользу в нашем с ними постоянном общении и сотрудничестве. Приезжие чины РОА, как правило, были членами НТС. Они посещали лагеря военнопленных, хотели организовать запись добровольцев из гражданского населения и поддерживали связь с немногочисленными русскими воинскими частями, сражавшимися уже тогда на Восточном фронте. Мы старались по мере сил помочь приезжим в выполнении служебных поручений; они со своей стороны не оставались у нас в долгу. Они посещали деревни крестьянской самообороны, решали тактические задачи в борьбе с партизанами, объезжали вместе с нами местные отделения группы и давили в том или ином отношении на немецкие учреждения, если это зачем-либо было нужно. Я уже не говорю о таких вещах, как передача писем и материалов, закупка для нас в Германии книг и т. п.

Поздней осенью 1943 года в Полоцке появился новый немецкий армейский отдел пропаганды. Его главной задачей были антикоммунистические выступления по радио на фронте для советской армии. Из трех его главных работников двое были русские, оба члены НТС. В связи с пребыванием этой «пропаганды» служебные посещения чинов РОА в Полоцк значительно участились, и русско-немецкая форма стала более обычным явлением на улицах города. Наши поездки, общественные доклады и политические беседы, проводимые по округу совместно с ними, быстро дали реальный результат: поднялась новая волна заявлений о приеме добровольцев во власовскую армию. Эти заявления опять, как и в 1941 году, несли в обе комендатуры, во все русские гражданские учреждения и передавали на улицах города прямо в руки русским, одетым в военную форму. Это дало нам основание снова ходатайствовать перед немцами об открытии в округе вербовочных пунктов. Переписка по этому поводу между фельдкомендатурой и выше нее стоящими военными учреждениями тянулась несколько недель. Наконец пришел окончательный отрицательный ответ. В нем было сказано, что это «пока еще несвоевременно». Зато через приезжих военных наши крестьянские отряды быстро и легко договорились с командованием РОА об автоматическом включении их в русские воинские части при уходе немцев из России. Эта полуофициальная договоренность оказалась впоследствии более реальной, чем можно было бы думать: многие участники отрядов полоцкой самообороны пробрались таки в 1944–1945 годах на юго-запад Германии, где под конец происходило формирование частей и соединений РОА. При зачислении в армию служба в крестьянских отрядах всегда принималась во внимание.

Зимой 1943–1944 годов у нас в группе совместно с приезжими представителями НТС происходили длинные совещания о том, что теперь делать. Всем было ясно, что до прихода большевиков нужно как можно больше распропагандировать население в национальном антикоммунистическом духе, вернее, просто подвести более солидную теоретическую основу под имеющиеся уже и так почти у всех русских людей здоровые социальные инстинкты и стихийную ненависть к советской

власти. Мы не располагали временем. А быстро охватить все население политической работой можно было при условии совершенно открытых действий, хотя бы частично или условно санкционированных германскими оккупационными властями. Кроме того, для обращения к населению нужно было выступать от лица какой-то независимой русской общественнополитической организации. НТС для этого тогда совершенно не подходил — он уже подвергался жестоким преследованиям со стороны германского национал-социалистического правительства: семьдесят старших чинов его — в том числе почти все руководство — сидели в Берлине за решеткой, а Гестапо исподтишка убивало отдельных наиболее деятельных членов организации прямо на улицах городов[132].

Поэтому руководство Национально-Трудового Союза[133] поручало нам, новым и еще недеконспирированным своим членам, создать немедленно для открытой работы какую-нибудь особую, временную, обязательно легальную по отношению к немцам русскую политическую партию на основе группы и ее разветвлений. Мы уже имели достаточный для этого технический аппарат, недоставало только разрешения властей и соответствующего ярлыка или названия. Ярлык нужно было прикрепить не только к самой организации, но и к «союзным» изданиям, лежащим на секретных складах втуне, т. к. распространять их от лица самого Союза было уже невозможно. Группа обратилась в фельдкомендатуру за разрешением на партию, предоставив упрощенную краткую программу, составленную на основе Смоленского воззвания генерала Власова и «Схемы» НТС[134].

Идея партии была встречена в фельдкомендатуре очень сочувственно, но после месяца переписки по этому делу нам все же отказали. Однако при отказе мы получили неофициально драгоценный дружеский совет «примазаться», хотя бы фиктивно, к какой-нибудь из существующих, уже ранее признанных немцами организаций. Для открытия филиала разрешения не требовалось, достаточно было зарегистрироваться у местных властей односторонним заявлением. Это была блестящая идея. Двое старших приезжих чинов Союза ринулись сейчас же на поиски подходящих «приемных родителей», будущей партии, а мы на месте занялись деятельным приготовлением к ее открытию. Работа закипела. Были составлены проекты воззваний к местному населению, планы организационных собраний и конспекты докладов для публичных выступлений. Не забыли мы и трехцветных национальных флагов, которые с величайшим трудом и почти детским восторгом были наконец сшиты из старых крашенных простыней. Для инструктажа местных групп на случай быстрого разворачивания партийной работы из Полоцка были посланы по округу наиболее способные и энергичные люди.

Таким образом, под несмолкаемый отдаленный гул артиллерии со стороны Витебска к марту месяцу 1944 года у нас уже все было готово. Между тем от друзей, уехавших за названием партии, не было ни ответа ни привета. Мы стали изнывать от бездействия и неизвестности; время на возможный рывок в дальнейшей работе сокращалось с катастрофической быстротой: красные уже заняли Велиж, Невель и Городок; всем было ясно, что Витебск долго не продержится. А Полоцк стоял на очереди вслед за Витебском. Мы старались сами перебирать в уме все существующие в «европах» русские антибольшевистские партии и организации: эсеров, социал-демократов[135], монархистов[136], фашистов[137], какое-то Штабс-капитанское движение[138], Общевоинский союз[139] и т. д. Одни из них были запрещены, так же, как и НТС, немцами, другие не годились потому, что уже имели свою определенную, общеизвестную политическую программу и под их фирмой распространять «союзные» издания было неудобно.

На занятой территории разные беспокойные политические деятели тоже пытались шевелиться по своим углам, кто как умел. В Борисове или в Орле существовала какая-то организация или партия Октана[140]; в Минске, около Рады, была своя белорусская партия[141]; где-то за Лепелем немцы отдали или предполагали отдать целый округ в управление командиру отдельной дивизии[142] русских головорезов Каминскому[143], там могла быть тоже какая-нибудь русская национальная политическая организация. Неужели же из всего этого солидного ассортимента нельзя было

выбрать какую-нибудь подходящую фикцию, пригодную для нашей цели на два-три месяца работы?

И вдруг, кажется, уже в апреле месяце 1944 года, к нам прикатила наконец целая группа руководящих работников НТС: наш вопрос был разрешен, можно было приступить к работе. Как оказалось с их слов, в округе, которым управлял в это время Каминский, была только что организована новая русская политическая партия под весьма одиозным по нашим временам названием — Национал-социалистическая трудовая партия России[144]. Она не была разрешена немцами; но ее не запрещали. Легализация партии прошла как-то сама собой или, вернее, явочным порядком. Не дожидаясь немецкого разрешения, а ориентируясь только на предварительный ни к чему не обязывающий разговор с командующим немецким генералом, группа предприимчивых русских людей, не без участия НТС, пользуясь оккупационной экстерриториальностью округа Каминского, устроила организационное собрание своей партии, а потом поместила об этом подробный отчет в контролируемой немцами немецкой прессе. Цензура пропустила, опровержения не последовало. Дело сейчас же закрутилось, а немцы со своей приближающейся катастрофой не обращали на него серьезного внимания.

Нам было приказано взять псевдоним НСТПР. План, выработанный в верхах НТС, сводился к следующему. В ближайшее время в нашу фельдкомендатуру вместе с другой периодической прессой из немецкого армейского отдела пропаганды должны поступить газеты с отчетами об организации и работе НСТПР. Нам привезли этих газет тоже целую пачку вместе с формальными полномочиями от партийного центра на открытие филиала в Полоцке. При таких условиях оставалось только выждать несколько дней и уведомить фельдкомендатуру об открытии в Полоцком округе отделения партии. План был хорош, прост и вполне осуществим. В нем было, верно, две очень неприятные стороны: глубоко отвратительное название партии (хотя в него для самоутешения, в виде намека на НТС, и включили слово «трудовая») и связь, пусть и чисто фиктивная, с Каминским, которого многие считали полубандитом[145]. Однако выбирать дальше было уже некогда. Да и многочисленные ящики с литературой НТС, напечатанной без каких-либо изъятий или изменений и лишь снабженной везде нелепым ярлыком «Национал-социалистическая трудовая партия России», уже стояли у нас в сарае.

Сказано — сделано. Фельдкомендатура пошла нам навстречу даже больше, чем мы этого ожидали. А заранее подготовленная и переполненная всяческого нетерпения человеческая машина по первому сигналу пришла в самое интенсивное действие. В течение одной недели весь округ снизу доверху был оклеен нашим воззванием, по всем крупным населенным пунктам прошли организационные собрания, а грандиозные открытые митинги собирали сотни и даже тысячи людей из местного населения. Немцы, не ожидая ничего подобного, только руками разводили от удивления: расовая теория трещала по всем швам.

«Союзная» литература, благо у нас ее было вполне достаточно, расходилась в чрезвычайно большом количестве. Это была бурная вспышка жизни перед самой смертью. Все было ново, невероятно и привлекательно для русского сердца — и трехцветные флаги, и категорическое требование признания российского суверенитета, и открытая критика немецких ошибок, и восхваление исторических заслуг перед Европой, и громогласное, несмолкаемое «ура» Русской Освободительной Армии.

Люди, привыкшие только мрачно молчать, приходили в настоящее неистовство от восторженного возбуждения. И при всем этом — полный порядок, несмотря на отсутствие полиции, жандармерии и немецких солдат, которые вот уже три года как были всегда и везде. Почетный караул на митингах несли вооруженные крестьяне отрядов самообороны. Было бы просто неправильно сказать, что все переживали тогда вместе с народом в минуты жгучей, незабываемой радости, которая с лихвой вознаградила нас за все волнения, опасности, чудовищно большие предварительные труды.

В Полоцке первый митинг[146] происходил в помещении огромного концертного зала бывшего Дома Красной армии на 800 с лишним сидячих мест. Зал ломился от людей, во всех проходах и у задней стенки стояли люди. Митинг продолжался больше трех часов. План его был примерно следующим:

1. Информация о постановлении организационного собрания.
2. Исторические пути России на протяжении 1000 лет.
3. Большевики, немцы и русский народ.
4. Партизанское движение и крестьянская самооборона.
5. Русская Освободительная Армия и ее вождь генерал А. А. Власов.

После докладов были бесконечные выступления с мест и ответы на вопросы. Мы добились того, чего хотели, большего ждать было нельзя, и терять нам было уже нечего. Поэтому на митинге говорили буквально всё, что хотели. А хотелось сказать очень-очень многое.

Началось прямо с объяснения того, что название партии — искусственно выдуманное, что у нас оно не имеет ничего общего ни с немецким национал-социализмом, ни с каким-либо другим фашизмом вообще. А потом и пошло, пошло все в том же духе. Немцев не только критиковали, но и своеобразно похваливали. Похваливали за то, что они подняли меч против Советов; за то, что разрешили формирование русской армии; за то, что они, наконец, задумались и дали нашей общественности свободу политической деятельности. Похвалы, конечно, явно сомнительного свойства. Присутствующий на митинге в качестве почетного гостя немецкий полковникфельдкомендант сидел в первом ряду, ничего, очевидно, не понимал и время от времени одобрительно кивал головой. Всякие чудеса бывают на свете, к чуду можно было отнести и то, что нас при выходе из зала не забрали прямо в Гестапо. Но, очевидно, времена были уже не те. Арестовывать кого-либо в присутствии возбужденной тысячной толпы, в которой, кроме почетного караула, сидело еще не менее полусотни вооруженных крестьян, было просто невозможно.

Итак, я без помехи сделал свой исторический доклад; мой ближайший друг из числа освобожденных при помощи группы советских военнопленных, тоже «союзник», — доклад политический; Зуев говорил о партизанах и крестьянах; а приезжий офицер-власовец — о РОА.

Мы вышли из зала, дружески разговаривая с фельдкомендантом, который, несмотря на присутствие двух переводчиков, едва ли что-нибудь толком понял, но был, как и все, радостно возбужден и взволнован. После того, как у нас в Полоцке все сошло благополучно и о митинге появилось сообщение в местной печати, провести то же самое в других населенных пунктах округа было уже сущим пустяком. Во всех других местах митинги проходили по той же примерно программе. Только в деревне отрядов крестьянской самообороны они носили несколько иной, еще более откровенный и несравненно более интимный характер. Там мы знали наверно, что ни один тайный агент Гестапо нас не подслушивает.

Через две недели после первых митингов мы имели по округу более 600 членов партии, которые для того чтобы записаться, должны были приходиться сами лично в местный комитет. О каком-либо давлении или принуждении к вступлению в партию не могло быть, конечно, и речи, да в наших руках просто и не было никаких средств для такого принуждения, если мы даже и хотели им заниматься. Скорее вызывает удивление, как люди вступали в партию в каких-[то] сорокашестидесяти километрах от надвигающегося фронта, накануне страшной развязки и при откровенном запугивании со стороны советской агентуры. Кстати сказать, мы очень надеялись, что на наших митингах будет достаточное количество партизан, и мы в этом не ошиблись. «Зараза» пошла таким образом в лес и наделала там тоже много шума.

Объехав весь округ с сильной группой своих пропагандистов и наладив везде текущую работу, мы посвятили небольшой остаток времени, который нам еще предоставляли надвигающиеся события, установлению личных связей с русскими национальными кругами ближайших крупных городов — Двинска, Вильны, Режицы и Риги. Одновременно мы составили общий план вывода своих людей на Запад в случае ожидаемого ухода немцев. Все остальное наше внимание было обращено на подготовку специальной пропагандной литературы, которую мы хотели в расклеенном и разбросанном повсюду виде оставить для наступающей советской армии. Некоторое количество политической литературы систематически выделялось также партизанам в лес, мы с успехом использовали для этой цели связи, оставшиеся еще с 1943 года. Те же связи очень пригодились нам, когда НТС стал направлять через нас отдельных людей[147] и даже целые вооруженные группы в тыл красным. Отсутствие сплошной линии фронта, объясняющееся недостатком людей как у немцев, так и у большевиков, как нельзя более [кстати] способствовало всегда таким нелегальным переброскам.

Надеюсь, что в какой-то довольно значительной степени мы успели вовремя справиться со всеми этими задачами. Знакомства, заведенные в больших городах, особенно в Режице и в Риге, не только обещали самое плодотворное дальнейшее развитие, что, пожалуй, теперь уже и не было особенно нужно, но очень нам помогли при дальнейшем бегстве на Запад. Благодаря плану организованного отхода, мы во время последующего бегства через партизанские районы потеряли сравнительно очень немного людей и, кроме того, имели возможность помочь местному населению, тоже эвакуировавшемуся в огромном количестве, своей вооруженной охраной. Ведь на немцев тогда уже нельзя было рассчитывать — им было [дело только] до самих себя.

А о некоторых лицах, прошедших в начале лета 1944 года через нас в тыл к красным, я имел сведения еще в 1947 году. НТС, в котором я больше не состою, имеет, может быть, такие сведения еще и сейчас. И уж во всяком случае, можно с полной уверенностью сказать, что большевики получили Полоцкий округ обратно в свои руки с хорошей политической начинкой[148].

Рано утром 30 июня 1944 года, когда снаряды советской полевой артиллерии начали ложиться по городу, мы вместе с многочисленными другими местными жителями вышли из Полоцка и взяли направление на единственную еще не отрезанную красными железнодорожную станцию — Бигосово. Нам предстояло пройти до нее через леса 104 километра...

Общественный инстинкт и попытка государственного строительства в условиях немецкой оккупации западных областей России[149]

[Введение]

Современная социологическая наука Запада невольно пришла к необходимости трансплантировать мировые социологические проблемы в проблемы России. Это совершенно естественно, так как всякое научное исследование мирового плана неизменно придет и приходит к выводу, что без решения вопроса о месте, которое занимает Россия в мировом общественном процессе, невозможно сделать конечные выводы и избежать однобокости построений. При этом для всякого объективного исследования и исследователя, работающего в широкой перспективе будущего, важно установить критерии рассмотрения и оценки не России сегодняшнего дня, а России будущего. Именно желание предвидеть это будущее приводит исследователей к необходимости изучать главным образом душевный мир России, комплекс мировоззрений, существующий в России, устремления, свойственные русским, в которых естественно отражены проблемы будущего России.

Одним из важнейших вопросов, привлекающих внимание исследователей, является вопрос о государственном инстинкте народов России. Каким представляют себе русские свое государство, к какому государству они стремятся? Какие формы государственного бытия наиболее привлекательны для них? Поиски ответа на этот вопрос часто приводят западных исследователей и политиков к грубым, трудно исправимым ошибкам, накладывающим отпечаток на все дальнейшее. Между прочим, ответ на этот вопрос можно, хоть и отчасти, найти в недавнем прошлом — в первых годах войны с Германией, когда проявился не только политический, но и национальный инстинкт, нашедший и свое практическое воплощение. В этом недавнем прошлом можно найти и ответ на вопрос о том, к какому государственному типу стремятся русские и куда ведет их национальный инстинкт. И это тем более важно, что этот национальный инстинкт действовал в условиях абсолютного отсутствия организации (политической, общественной и пр.), следовательно, в данном случае мы имеем этот инстинкт в чистом виде[150], поддающемся рассмотрению вне воздействующих на него внешних фактов.

Не претендуя на ответ на поставленные вопросы в полной мере, я хотел бы этой запиской рассказать, по возможности просто и без выводов, о проявлении государственного и национального инстинкта в первые годы немецкой оккупации западных областей России, с тем чтобы исследователь мог по-своему оценить эти факты и сделать из них выводы.

Появление немцев

Можно считать установленным, что немецкая военная машина в наименьшей мере была приспособлена для решения политических задач лишь своими средствами[151]. Именно этим объясняется, что, заняв огромные территории с десятками миллионов населения, немецкая армия на первых порах предоставила их самим себе, тогда как освоение их немецкими тылами происходило медленно и часто растягивалось на годы[152]. Известное значение имело и то, что немецкая армия по своей структуре строит очень глубокие тылы, часто до трехсот километров в глубину. И в этих тылах влияние немецких тыловых учреждений было сведено до минимума. Это создавало довольно странную картину. Занятые области в России резко делились на две части: лежащие в зоне германского военного тыла и отошедшие во власть германского гражданского управления. И это не было только условным делением. Строй жизни, порядки, вводимые оккупантами, даже налоги на население — все было различным. Все, что я буду рассказывать в дальнейшем, относится к областям, находившимся под немецким военным, но не под гражданским управлением. Под военным управлением до самого отступления немцев из России находились территории с тридцатью миллионами населения, тогда как территории с пятьюдесятью миллионами населения управлялись немецкими гражданскими управлениями[153].

Общеизвестны два факта[154] из первых дней советско-германской войны:

1. Пятимиллионная советская армия[155], находившаяся на Западе, распалась и проявила откровенное нежелание воевать против немцев[156].
2. Население встречало немцев как освободителей от большевизма, оно не только не сопротивлялось немцам, но старалось создать условия, при которых бы немцы быстрее оккупировали территорию.

Оба эти факта одного порядка. В них воплотился политический инстинкт народа, не желающего мириться с большевизмом, первая фаза активного сопротивления большевизму, находящего свое выражение в отрицании большевизма и в готовности примириться со всякой силой, являющейся антибольшевистской. Готовность эта необязательно должна учитывать также качества и особенности той силы, которая борется против большевизма. Дело в том, что врагом № 1 для народа был большевизм, и поэтому всякая система, действующая против него, принималась как

дружелюбная[157]. Это совсем не значит, что у русских не было страха перед немцами, — он, конечно, был, — но надежда на лучшее свойственна народам в беде, и поэтому от немцев ждали все же лучшего, чем то, что давал большевизм.

Как я уже сказал, сама немецкая военная машина не была приспособлена для решения политических задач в оккупированных землях лишь своими средствами, и эта кажущаяся слабость на самом деле увеличивала силы оккупации и отдаляла столкновение их с населением.

Германская армия была заинтересована только в одном — в сохранении спокойствия тыла. Организация оккупированных земель, управление ими и даже взывание налогов, кроме случаев прямой военной необходимости, — все это интересовало армию лишь в минимальной степени и постольку, поскольку вызывалось прямой необходимостью. В связи с этим в землях России, занятых германской армией, но не получивших гражданского немецкого управления, создавалась обстановка некоторой свободы населения. Конечно, это был суррогат свободы, и воплощался он, главным образом, в том, что германская армия не интересовалась населением без особой нужды, но все-таки в этих условиях условной свободы могло проявиться стремление народа к устройению начальных форм общежития. И оно проявилось. Если в городах военные коменданты все-таки назначали каких-то лиц из среды русского населения для поддержания порядка, то в селах и этого не делалось — население предоставлялось собственной инициативе.

Взгляды населения на имущественное право государства

Только условно это можно назвать «взглядом». На самом же деле, с первого дня прихода немцев в населении заговорил инстинкт возвращения имущества, отнятого государством у народа. Так как это было в первые дни оккупации, то этот инстинкт действовал вне влияния какой бы то ни было внешней обстановки, поскольку немцы не считали для себя нужным вмешиваться в то, что происходило.

На западе советское правительство концентрировало огромные запасы военного снабжения. Следует иметь в виду, что вся советская стратегия была стратегией наступления, а не обороны. Она получила свое законченное выражение в утверждении наркома Ворошилова, сказавшего на одном из съездов: «Мы врага будем бить на его собственной территории». Эта стратегия воплотилась не только в характере подготовки армии, но и в географии распределения военных запасов страны. Именно на западе, во всех больших и малых городах, а часто и в селах, были созданы огромные интендантские склады, которые и попали в руки немцев. В это время немецкая армия интересовалась, главным образом, складами военной амуниции, да и то для того лишь, чтобы уничтожить эту амуницию; продовольственными же и вещевыми базами интересовалась мало.

Население на западе, как и во всей стране, во все предвоенные годы испытывало большие продовольственные затруднения. Сахар, жиры, мясо получались населением в очень ограниченном размере, хотя [обычно] торговля была свободная и без карточек. Магазины стояли перманентно пустыми, и достать килограмм сахара считалось за счастье. Когда немцы заняли города, в которых были продовольственные базы армии, население ринулось к этим базам, открыло запасы, и их обилие и разнообразие поразило изголодавшихся. Законом поведения населения в первые дни оккупации стал известный лозунг Ленина «грабь награбленное», бывший до этого полузабытым, а теперь зазвучавший в смысле, противоположном тому, какой ему придавал Ленин в 1917 году. В народе очень сильно было развито сознание, что государство Сталина — грабительское государство, что оно живет за счет грабежа народа. Это порождало сознание права народа вернуть себе награбленное государством. Понятие «государственная собственность» в сознании населения перевоплотилось в понятие «награбленная государством собственность», которая должна вернуться к народу.

В условиях первых дней войны и речи не могло быть о том, чтобы решить этот вопрос о государственном имуществе по справедливости. Поступали так, как в этот момент подсказывал инстинкт, а он вел к возвращению народу отнятого у него государством имущества только одним путем — путем грабежа народом государственного имущества. Если вначале этот инстинкт сдерживался страхом перед немцами, которые могли бы наказать [за] ограбление военных складов, брошенных советской армией, то потом этот страх исчез, так как немцы всем своим поведением показывали, что это их не интересует. Иногда они сами давали населению приказ разобрать по домам то, что оказывалось на базах советской армии.

Все это привело к тому, что население оккупированных немцами областей в первые дни оккупации осуществило путем грабежа свой взгляд на имущественное право сталинского государства и в уродливых формах отняло у него то, что было им, по мнению населения, [отнято] у народа.

Пуховичи

Это небольшой городок у железной дороги Бобруйск — Минск. Население — около 10 тыс. человек. До войны стоял здесь гарнизон из двух полков. У города [были] созданы огромные базы продовольственного снабжения Красной армии. По данным интендантства, к началу войны на этих базах имелось:

Сахара — 3 тыс. т

Жиров в бочках — 2,5 тыс. т

Мясных консервов — 4 тыс. банок

Круп различных — 1,2 тыс. т

Муки — 900 т

Растительного масла — 500 т

Рыбы в бочках по 100 кг — 1,5 тыс. бочек

Пакетов НЗ (неприкосновенного запаса; 5-дневный рацион солдата) — 10 тыс. штук

Данные приводятся по ведомостям, оставшимся в городской управе Пуховичей. Цифры округлены.

Немцы вошли в городок 2 июля, т. е. через десять дней после начала советско-германской войны. Первыми вошли танковые части, принадлежащие к 3-й танковой армии. Население вначале боялось выходить из домов. Городок был занят в полночь, население появилось на улицах только с рассветом, часов в пять. Первыми вышли старики и старухи. Немецкие войска проходили через город. Постепенно у уцелевшей церкви собралась большая толпа. Неизвестно, как родилась идея приветствовать немцев, но толпа двинулась к дороге. Предводительствовали толпу двое — старик рабочий и бывший начальник городского коммунального хозяйства, коммунист. Жандарм, регулировавший движение войск, понял, что от него хотят жители, и приказал ждать. Вскоре появился командир немецкой части с переводчиком.

Командир выслушал население, поблагодарил за приветствие и просил соблюдать спокойствие и не допускать актов саботажа. На вопрос, что делать с военными складами, командир ответил, что армия не заинтересована в них и население может поступить с ними [так], как найдет нужным.

Это был сигнал к началу грабежа. Население ринулось к складам, взломало их, начало растаскивать сахар и другие продукты по домам. Тащили на плечах, так как транспорта в городе не было, тот, который был, был взят отступающими войсками. На складе происходила давка, женщин затапывали насмерть, несколько детей тоже было затоптано. Склад заполнялся

рассыпанным сахаром, крупой, мукой, все это смешивалось в кучки, и в этом месиве люди барахтались, пытаясь вытащить со склада продовольствие. Если человек не мог поднять на плечи мешок с сахаром, он взрезал его и половину высыпал на пол, чтобы другую половину утащить домой. Очень скоро появились крестьяне из окрестных деревень. Они приехали с подводами и стали нагружать [их]. Городские жители стали избивать крестьян, у складов начались драки. Это продолжалось до тех пор, пока немецкий командир части не прислал наряд солдат для наведения порядка. Солдаты установили очередь, и ограбление склада приняло организованный характер.

В тот же день наполовину склады были пусты. Если считать, что в их ограблении приняли участие три тысячи городских семей и три тысячи крестьян, то и тогда в среднем на каждую семью пришлось немало продовольствия. На короткое время ограбление склада было приостановлено немцами, которые выставили охрану у того отделения, которое содержало половину всех запасов продовольствия (это продовольствие было передано городу позже), так что всего в первый день населением была занята половина продовольственных запасов. Но и это означает, что на каждую семью, принявшую участие в ограблении складов, в среднем пришлось больше 200 кг сахара, около 200 кг жиров, около 35 кг круп, не считая рыбы, индивидуальных пакетов НЗ и растительного масла, которое по большей части погибло. Такого богатства жители города давно уже не видели.

Ограбление складов было, по существу, первой реакцией населения на уход советских войск. Конечно, это чисто русская реакция; вероятно, в других странах все это выглядело бы иначе, но и основания для нее в России иные, чем где бы то ни было. Сознание, что государство грабит народ, настолько глубоко [сидит] в народе, что при первой же возможности население старается вернуть себе отнятое у него государством.

Бобруйск

Здесь также имелись огромные склады военного ведомства, и также произошло их ограбление населением, когда оно увидело, что немцы не возбраняют этого грабежа. Но здесь уже, в довольно большом городе (до 100 тыс. жителей), грабеж принял более развитые формы и охватил не только военные склады, но и магазины и государственные аптеки. И по времени грабеж начался иначе. Здесь не стали ждать прихода немцев и как только увидели, что советская армия распадается и отступает, в городе началось ограбление магазинов, перекинувшееся потом и на военные склады. Что важно отметить, так это то, что в грабеже приняли участие и отступающие войска советской армии с той только разницей, пожалуй, что пока население грабило магазины, красноармейцы грабили население.

Однако, как и в других местах, в Бобруйске ограбление не затронуло предприятий города, которые остались в неприкосновенном виде. Пострадали предприятия только в тех местах, где не было военных складов, и население поэтому не могло удовлетворить своего инстинкта за счет военных запасов.

Ограбление военных запасов и магазинов государственной торговли было первым стихийным проявлением чувства свободы, охватившего население. В нем, в этом ограблении, неправильно было бы усматривать только низменный инстинкт, который не раз проявлялся и до этого; правильнее будет сказать, что этот низкий инстинкт на этот раз сочетался с чувством большой вражды к советской власти, которая держала население без сахара и без необходимого снабжения вообще и в то же время создавала большие запасы продовольствия для войны. Больше того, эту полосу грабежей надо рассматривать как способ сведения народом старых счетов, как своеобразный имущественный спор народа и государства, возникший в единственно возможной тогда обстановке и в единственно возможном виде.

Возникновение администрации в городах

Как уже сказано, немецкая армия не проявляла особого интереса к вопросам управления занятыми областями, ограничившись назначением в городах военных комендантов. Германская гражданская администрация в германских тылах, весьма глубоких, на что я уже указал, не появлялась. Между тем обширные области нуждались в гражданской администрации для налаживания жизни и сохранения порядка.

Таким образом, русская администрация появилась как бы самотеком и была вызвана к жизни образовавшейся после распада советов пустотой, которую надо было заполнить. Насколько у немцев не было выработано особого подхода к проблеме создания администрации, видно из того, что она в различных городах возникала по-разному, и это объяснялось не разностью условий — они везде примерно были одинаковы, — а сочетанием случайностей, в цепи которых не последнее место занимала точка зрения на русскую администрацию, какой придерживались военные коменданты германской армии. Отчасти этой личной точкой зрения, вернее ее различностью у различных лиц, определяется принцип создания русской администрации. Прежде чем перейти к описанию приемов возникновения русской администрации, следует несколько слов сказать о военных комендантах германской армии. Институт военных комендантов в Германии существовал во всех районах. Он начинал действовать, как только немецкая армия выходила из пределов Германии и занимала чужие территории. Кадр военных комендантов пополнялся офицерами, не пригодными по преклонности возраста к строевой или штабной службе. Именно этим объясняется, что в занятых областях России все военные коменданты были людьми пожилыми, в прошлом офицерами кайзеровской армии, сохранившими традиции этой армии и только очень в малой степени воспринявшими идеологию национал-социализма[158].

Военные коменданты видели свою задачу в том, чтобы сохранить спокойствие в занятых немецких областях, обеспечить расквартирование немецкой армии, ее снабжение и выполнение населением приказов военного командования. Как правило, дальше этого военные коменданты не шли. Поэтому когда дело касалось гражданского управления, они предоставляли известную свободу действий населению. Одни из них вообще отказывались вмешиваться или вмешивались только в необходимых случаях в дела местного населения, другие вмешивались не в силу приказов, данных им, а по собственной инициативе, и при этом решали вопросы управления в соответствии со своей точкой зрения и своим пониманием обстановки, третьи действовали чисто военными средствами и пытались сами наметить вид и форму гражданской администрации и подобрать людей для этой администрации. Вот поэтому-то в создании гражданской администрации была допущена такая «пестрота», как в смысле характера этой администрации, так и [в отношении] лиц, ее возглавляющих.

Гомель

Некоторое время город вообще не имел администрации, составленной из местного населения. Он управлялся военным комендантом, который категорически отказывался решать чисто гражданские дела. Вступая в управление городом, комендант издал приказ, в котором установил, что гражданское население до конца войны не должно стремиться к разрешению политических проблем. Вот этот приказ, восстановленный по воспоминаниям жителей города Гомеля:

Населению приказывается:

1. С полным доверием относиться к германской армии, которая несет русским освобождение от большевизма.
2. Акты саботажа и неповиновения будут караться смертью.
3. Жители должны трудиться для себя и не искать помощи от германской армии, так как армия не имеет сейчас возможности оказать эту помощь.

4. Жители должны жить мирно, без ссор, грабежей и нарушения общественной благопристойности. За невыполнение этого пункта приказа — тюремное заключение и принудительная работа.
5. Школы, больницы, магазины, заводы должны продолжать работать под ответственность тех, кто в них работает. Если какое-либо из этих учреждений не будет выполнять своей обязанности по отношению к германской армии и населению города, оно будет отобрано и передано в другие руки.
6. После 8 часов вечера появление на улицах строжайше запрещается до 6 часов утра.

Из этого приказа военного коменданта города Гомеля видно, что он сам очень смутно отдавал себе отчет в том, как действительно можно организовать жизнь в занятом городе. И тем не менее это был единственный приказ в продолжение первых полутора месяцев, если не считать приказа об обязанности населения сообщать комендатуре о всех случаях заболевания сыпным тифом среди населения. Этот приказ как нельзя лучше характеризует ту административную «пустоту», которая образовалась на первых порах оккупации в городах.

Жизнь большого города, естественно, не могла развиваться в узких рамках, определенных приказом военной комендатуры, с каждым днем она все более настойчиво требовала установления администрации. Город оставался без продовольствия, заводы, к которым немцы не проявляли интереса, бездействовали (несколько нужных им заводов они заняли), медицинское обслуживание населения разрушалось, наступало время открытия школ, но неизвестно было, возможно ли было возобновить работу школ и на какой основе.

Работники школ, больниц, городского хозяйства осаждали комендатуру с вопросами, на которые та не могла ответить и не считала себя обязанной отвечать, так как они никакого отношения к армии не имели. Только после длительных переговоров комендант признал необходимость создания городской администрации, которая существовала при Советах, и предложил ее восстановить, за некоторым, конечно, исключением. Во главе города он предложил поставить бургомистра, которого население сейчас же переименовало в городского голову. Однако определить, кто такой бургомистр, комендант не хотел. По его мысли, было бы самым лучшим, если бы все сотрудники, работавшие при советском управлении, снова вернулись и продолжали свою работу. Но так как верхушечная часть советского аппарата бежала, то комендант не находил возможным назначить кого-нибудь бургомистром. Он предложил избрать его на общегородском собрании. Такое собрание не было возможно, да и строжайше было воспрещено самой германской армией. Тогда комендант предложил собраться к нему в комендатуру всех лиц, которые уже работали в администрации. Им он и предложил выбрать бургомистра, что и было сделано.

Через несколько дней появился приказ коменданта:

1. Я по просьбе лиц, принадлежащих к управлению города, назначил бургомистра и его помощников.
2. К этим лицам и надлежит населению обращаться по всем вопросам гражданской жизни.
3. По этим вопросам запрещено обращаться к ортскоменданту.

Когда дело коснулось структуры городского управления, комендант оказался непреклонным. Он не знал, какая структура будет наилучшей, и не верил, что назначенные им лица способны создать хорошую структуру. Поэтому он предложил восстановить структуру, существовавшую при Советах, на том основании, что менять ее надо будет «после войны». Таким образом, в городе возникло городское управление, почти в точности копирующее городской совет. Городское управление, как и городской совет, имело следующие отделы:

— отдел снабжения;

- отдел коммунального хозяйства;
- финансовый отдел;
- отдел народного образования;
- отдел здравоохранения;
- отдел учета и статистики;
- промышленный отдел;
- отдел планировки;
- правовой суд;
- суд;
- отдел охраны порядка (полиция).

Конечно, восстановление старой структуры выглядело несколько странным, но было в этом много разумного. Население привыкло к структуре власти, и, когда она была восстановлена на прежней структурной базе, все пришло в надлежащий порядок, и население уже знало, где и кем могут быть разрешены вопросы, нуждающиеся в разрешении.

Городское управление приняло в свое ведение больницы, аптеки, школы, предприятия, рынки, коммунальное хозяйство, бани и т. д. Первые же шаги показали, что городское управление может действовать во многих областях самостоятельно, согласовывая с комендатурой только вопросы, которые как-либо затрагивают армию. При этом ясно стало и то, что на чью-либо помощь рассчитывать нельзя и надо на месте искать возможности наладить жизнь. Начал создаваться городской бюджет. Упорядочены были налоги с населения (старые долги были прощены). Школы получили топливо. Учителя получили хоть небольшое жалование и открыли школы. Не было учебников, но тогда стали учить по советским учебникам, удалив из них явную пропаганду. Начали работать больницы, пополненные врачами из лагерей военнопленных. Восстановление коммунального хозяйства (водопровод, бани, санпункты, канализация) было проведено под наблюдением немецких специалистов (армия нуждалась во всем этом) и, главным образом, за счет германской армии. Город начинал жить нормально, имея администрацию, возникшую на описанной выше основе.

Мглин

Небольшой городок Белоруссии. В нем сложились такие же условия, как и в Гомеле, но здесь все это происходило в значительно меньших размерах. Комендант Мглина объявил, что население само должно избрать свою администрацию. В приказе коменданта так и было написано: «Для налаживания жизни без коммунистов необходимо, чтобы население на прежней основе восстановило совет».

И совет был восстановлен. На собрании жителей города был избран состав совета, в который вошли наиболее популярные среди жителей люди, в том числе и два коммуниста, оставшиеся в городе и не эвакуировавшиеся с Красной армией. Так как этот совет был порожден именно антисоветскими настроениями населения, то он был назван

Народный совет города Мглина, чем, по мысли жителей, подчеркивалась его разница с антинародным советом большевиков. Впоследствии совет Мглина был преобразован в городскую управу по типу, который уже складывался в других городах Белоруссии.

Осиповичи

Военный комендант здесь считал, что в его обязанности не входит заниматься обязанностями русской администрации. В то же время он не разрешал собираться этой администрации. Он назначил бургомистра, ограничив его функции обслуживанием нужд армии и выполнением приказов комендатуры, какой бургомистр никак не мог решать городских проблем. И тогда в городе при молчаливом согласии комендатуры произошло избрание выборщиков. Каждая улица выбрала одного выборщика, который должен был от имени жителей улицы участвовать в избрании городских властей. Так как выборщиков было немногим больше ста человек, то городской комендант разрешил их собрания в здании комендатуры и сам присутствовал на нем. Инициатива созыва этого собрания выборщиков и выборов представителей улиц принадлежала учителям и врачам города, которые нуждались в помощи власти для продолжения своей работы. Собрание выборщиков избрало городского голову (один из старейших и заслуженных учителей) и к нему в помощь — десять уполномоченных, которые в дальнейшем и стали во главе отдельных участников работы городского управления.

Рогачев

Здесь все городское управление было назначено комендантом города по собственному вкусу, именно поэтому рогачевское городское управление прославилось своей враждебной деятельностью по отношению к населению.

Четыре различных метода формирования русской администрации в оккупированных землях дают возможность сделать вывод о том, что население занятых немцами русских городов инстинктивно стремилось к созданию таких органов власти, которые были бы демократическими по своему существу. Если не забывать, что такая тенденция проявилась населением в условиях оккупации армией тоталитарно-фашистского государства, то тем яснее становится, что инстинктивное влечение русского народа в сторону подлинной демократии в других, более благоприятных условиях, могло бы стать решающим.

Следует сделать еще некоторые выводы:

1. В дореволюционной России не было бесплатного медицинского обслуживания населения. Большевизм ввел его. Отрицая сам большевизм, жгуче ненавидя его, население оккупированных немцами земель, тем не менее, даже не помышляло о том, чтобы вернуться к дореволюционной системе медицинского обслуживания. В частности, не было ни одного случая, когда бы поднялся вопрос о платном лечении. Если он иногда и поднялся, то только в силу финансовой слабости городских управлений, которые не могли дать медицинским управлениям достаточных средств, но тогда плата за лечение установилась в таком минимальном размере, что она не была ни для кого обременительной. Были случаи, когда отдельные врачи желали покинуть больницы и желали открыть частную практику. Против этого обычно восставало все население. Врачи должны были работать в существующих медицинских учреждениях. Впрочем, к чести врачей, случаи нежелания работать в очень трудных условиях больниц и амбулаторий были очень редкими.
2. Население стремилось сохранить систему всеобщего бесплатного обучения. Во имя этого приходилось городским управам повышать налоги с населения, но это никогда не вызывало предложения ввести ограничения обучения.
3. Даже в условиях немецкой оккупации, известной своей бесцеремонностью, население рассматривало себя как хозяев города. Именно поэтому коммунальные предприятия, бани, мастерские и даже заводы забирались в руки городских управ и рассматривались как их собственность. И когда позже немецкие власти наложили руки на все это имущество, населением это было воспринято как попытка немцев отнять то, что принадлежит населению, а не оккупантам. Население считало законным, когда немцы забирали военные объекты, но все остальное оно считало принадлежащим городам, поэтому начавшийся вскоре грабеж оккупированных областей

(осуществляемый не армией, а специально для этого созданными организациями) нанес весьма чувствительный удар представлениям населения о собственных имущественных правах.

4. Поиски новых форм администрации — это в миниатюре поиски нового государственного строя, и то, что эти поиски велись в направлении демократического решения этого вопроса, за немногими исключениями, говорит об инстинктивном стремлении народа к созданию демократического правопорядка.

Возникновение администрации в селах

В селах масштабы этого процесса были еще более мелкими и настолько отличными, что весьма трудно идти по линии обобщений; дифференциация в этом отношении была настолько сильной, что свести происходившие тогда процессы хотя бы к нескольким типовым — дело нелегкое. И тем не менее, это единственный путь представить себе, как развивался процесс в русской деревне, на землях, занятых германской армией. При этом мы опять подчеркиваем, что речь идет об областях, занятых армией, но не подпавших под власть германского гражданского управления (министерство Розенберга[159]), где положение было иным, коренным образом отличным от тех мест, на примере которых мы строим свое обозрение.

Русский крестьянин привык смотреть на колхозное имущество как на свою собственность, временно у него отобранную советской властью[160]. Поэтому всякие жизненные изменения в советской деревне будут начинаться с экономических изменений, квинтэссенцией которых является перестройка сельского хозяйства на новых основах, исключающих колхозное рабство, но в то же время и не ведущих к возрождению дореволюционных земельных порядков.

Особенно ярко все это проявилось с первых дней германской оккупации России. Вопрос экономических изменений, внесенных этой оккупацией, вернее, фактом исчезновения большевизма, сам по себе очень интересен и нуждается в специальном рассмотрении, но здесь следует сказать, что он теснейшим образом переплетался с созданием администрации в селах, а часто и определял тип, характер и направление деятельности этой администрации.

Если в городах перед администрацией стояла задача восстановления условий, при которых может развиваться жизнь, если там вопрос пуска предприятий, снабжения населения питанием, предоставление заработков населению, не имеющему никакого своего личного хозяйства, является самым важным и, по существу, эти вопросы вызывали к жизни русскую администрацию, то в селах она порождалась совершенно иными задачами, и в первую очередь, задачей сохранения экономической основы села и поддержания порядка, при котором эта основа была бы уничтожена. Практика в оккупированных немцами областях намного определила появление декрета Розенберга о земле. По существу, этот декрет в целом ряде областей смотрелся странно, так как вопрос о земле был уже решен без всякого участия министерства Розенберга, и, по правде говоря, никто всерьез не думал, что министерство Розенберга может распоряжаться русской землей.

Но оставим все эти вопросы в стороне, они заслуживают отдельного рассмотрения, и ограничимся лишь рассмотрением путей, по которым шло создание русской администрации в селах с тем, чтобы установить и в них наличие инстинктивного тяготения крестьян в ту или иную сторону. Если города были сразу же охвачены немецкой оккупацией, то для сел оккупация сама по себе выглядела несколько иначе. Проходили через села войска, если села лежали у больших дорог, иногда они забирали фураж или продовольствие, иногда останавливались на постой, а потом опять уходили. Если же села лежали вдалеке от больших дорог, то и такого ограниченного общения с немцами они не имели, и было немало сел, которые до ухода немцев из России не видели на своих улицах ни одного немецкого солдата. Во всяком случае, государственная

самостоятельность сельских жителей была затруднена в еще меньшей мере, чем городских, и это делает государственное творчество крестьян в оккупированных областях чрезвычайно интересным для изучения. Я полагаю, что будет правильно свести это творчество к трем основным видам:

- 1) разрушение советского уклада и попытка создать совершенно новый уклад;
- 2) приспособление существовавшего ранее государственного строя, изменение его в деталях, наполнение новым содержанием;
- 3) сохранение существовавшего уклада.

Разрушение советского уклада и попытка создать совершенно новый уклад

Такой подход к решению проблемы наиболее оправдан теоретически. Народ резко отрицательно настроен [по отношению] к советскому укладу государственного управления, и естественным его побуждением при падении этого уклада является создавать на его обломках нечто новое. Но для строительства этого нового нужна организующая политическая сила или хотя бы организующая идея государственного строя. Опыт оккупации показывает, что такой разрушительный подход и имел место как раз там, где находилась организованная сила и организующая идея нового уклада. При этом сразу надо сказать, что это не обязательно должна быть положительная, в смысле общественно-моральном, сила, может быть, и сила отрицательная, и тогда начинается процесс создания нового зла на развалинах старого зла. Пример такой отрицательной силы мы и приводим.

Село Кличево Бобруйской области

Оно лежит далеко в лесах, поэтому немцы в нем не появились. Однако после занятия области немцами в селе появился местный житель Григорий Пашенный с двумя сыновьями. В 1935 году он был осужден судом к десяти годам тюрьмы за то, что ограбил и ранил соседа. Ему удалось бежать. Вскоре из села исчезли и два его сына, тоже весьма склонных к воровству и разбою. Теперь они вернулись в родное село. И вернулись не просто, а в роли доверенных лиц немцев. В городе Пашенный явился в комендатуру к немцам, предъявил свои бумаги, из которых видно, что немецкие войска освободили его из тюрьмы, захваченной ими на западной границе, и попросил полномочий на наведение порядка в родном селе. Комендант дал ему такие полномочия как узнику большевизма, тем более что Пашенный сказал, что он сидел в тюрьме за борьбу против Советов и коммунистов. Снабженный бумагой, на которой крестьянам был понятен только германский орел и печати со свастикой, Пашенный приступил к «управлению» селом. Два его сына заняли места милиционеров, которые были в этом селе при советской власти. При этом одного милиционера они убили. Теперь они стали называться полицейскими.

Григорий Пашенный, бургомистр, назначенный немцами, почувствовал себя полновластным хозяином в лесном селе. Естественно, никто не смел противиться ему. У него была «идея» перестройки села и создания нового политического и экономического уклада. Для человека вообще склонного к преступлению и к насилию это была, может быть, даже не совсем неразумная «идея». Ничего нового Пашенный не мог, конечно, придумать, все его мысли были направлены лишь на то, чтобы обеспечить свое личное положение и благополучие. Поэтому в то время как кругом происходил раздел земли между крестьянами и устанавливались новые порядки землепользования, возникала новая структура жизни и администрации. В это время в селе Кличеве семья Пашенного, имеющая «идею» «нового строя» производила переустройство села на свой лад.

Село имело 1,2 тыс. гектаров пахотной земли. Пашенный выделил из этой земли 300 гектаров, которые когда-то принадлежали местному помещику. Эти 300 гектаров он объявил «государственной собственностью», находящейся в распоряжении бургомистра. Остальная земля была объявлена «общественной собственностью» и передана крестьянам в пользование на принципах издельщины. Крестьянин должен был обработать эту землю, но четверть своего урожая сдавать Пашенному. В дальнейшем, когда немцы установили налог на землю,

Пашенный снизил поборы в свою пользу до 15 % урожая. Земля, отнесенная Пашенным к «государственной собственности», сдавалась им в аренду крестьянам. Это в течение одного года сделало Пашенного богатым человеком. В этом и заключается смысл его «идеи». Однако кончилось тем, что немцы расстреляли Пашенного за насилие над крестьянами.

Об этом случае и не стоило бы говорить, если бы в условиях России в случае войны не возникали тенденции, подобные той, какую проводил Пашенный. Однако удивления достойно не то, что Пашенный возможен, а то, что Пашенных было очень мало, и автору этой записки известно всего два подобных случая. Между тем как попыток осуществить положительную идею было немало, не все эти попытки можно одобрить, но все они исходили из мысли о необходимости разрушить большевистский уклад жизни и заменить его новым. Учесть опыт именно такого рода попыток значительно важнее для будущего.

Независимый Локотской округ[161]

Локоть лежит глубоко в брянских лесах. Это небольшой городок [с населением] до 6 тыс. жителей, с винокуренным заводом и находящийся в том переходном состоянии, когда трудно сказать, является ли он городом или селом[162]. Такое состояние типично для довольно большого числа населенных пунктов, прогрессирующих от поселений сельского типа к типу городских поселений. Вокруг Локтя лежат чисто сельскохозяйственные районы с довольно развитым полеводством. Известное значение имеют лесные промыслы, главным образом, смолокурение. Если попытаться определить районы, тяготеющие к Локтю как к своему естественному центру, то мы получим довольно большую лесную область, населенную приблизительно 100 тыс. жителей.

В начале войны в Локте появился инженер Воскобойник. Он [был] участник старой партии социалистов-революционеров, к которой принадлежал еще до революции. Это при советской власти делало его опасным, и он много лет провел в тюрьме, откуда был освобожден немецкой армией[163]. Локоть по существу не был занят германской армией, [так] как находился он вдалеке от всех стратегических направлений на Москву. Тем не менее, германское командование понимало значение этого лесного пункта, который мог быть использован Советами для действий против немецкой армии в тылу, и поэтому держало в Локте маленький гарнизон, больше для наблюдения, чем для борьбы с противником. Воскобойник понял значение Локтя по-своему. Здесь могли быть созданы условия относительной свободы для населения. Здесь мог быть проведен тот социологический опыт, над которым он раздумывал в тюрьме. И он предложил немецкому командованию обезопасить округ для немцев при условии, что они признают независимость округа и не будут вмешиваться в его внутреннюю жизнь. Для немцев — имеется в виду немецкая армия, в зоне которой округ находился, — предложение Воскобойника показалось заманчивым. Пойдя на условия, поставленные им, они избавлялись от опасности использования лесного округа противником. Они избавились от необходимости посылать в этот округ гарнизон. К тому же Воскобойник гарантировал им, что район будет поставлять германской армии причитающиеся с него запасы продовольствия. Одним словом, предложение Воскобойника было принято.

Воскобойник приступил к переустройству округа. Воодушевлен он был большой идеей народной самодеятельности. Он считал, что в условиях свободы народ сам найдет наилучшее решение всех стоящих перед ним задач. На первое время он ставил задачу сохранения экономической базы крестьянского хозяйства, поэтому автоматической ломки колхозов он не допустил. Землю поделили между крестьянами, но трактора и сельскохозяйственные машины, принадлежавшие

колхозам и МТС[164], остались в общественном пользовании. По мысли Воскобойника, крестьяне, единолично владеющие землей, будут собираться в машинные товарищества, которые и будут использовать машинный парк, оставшийся в округе от прежнего режима. Машине предоставлялась роль организатора коллективной обработки земли, а крестьянин становился коллективным собственником машины.

На первый взгляд покажется, что это было продолжение политики МТС, но на самом деле это было нечто совершенно иное: машина потеряла свое значение, приданное ей советской властью, но идея реконструкции и механизации сельского хозяйства оставалась. Теперь она базировалась не на принудительных колхозах и не на принудительных МТС, а на добровольных машинных товариществах крестьян, в которых все отношения строились самими крестьянами. Создание административной структуры Воскобойник ставил в зависимость от самодеятельности населения. И такая структура вскоре определилась. Независимый Локотский округ управлялся начальником округа, имеющим исполнительную власть. Законодательная власть концентрировалась в собрании общественных представителей, некое подобии маленького парламента. Это собрание составлялось из представителей, выбранных сельскими обществами. Районы управлялись по тому же принципу — начальник района и совещание сельских представителей. Села избирали старост.

В данном случае не имелось законченного демократического пути создания власти, но надо учитывать обстановку, в какой это происходило, и цель, к которой шли в Локотском округе. Воскобойник, человек, безусловно, сильный и свободолюбивый, привил всему населению мысль о том, что Локотский округ призван сыграть историческую роль, создав в маленьком масштабе прообраз будущей антибольшевистской России. При этом, будучи человеком умным, будущую Россию Воскобойник не связывал только с победой германцев. Ему казалось, что у русских есть две возможности получить свободную Россию:

— победа немцев, изгнание немцев из России (или, если возможно, их уход) и создание нового российского государства;

— поражение немцев от большевизма, временное усиление большевизма, новые его столкновения с внешним миром и с собственным народом и все же разрушение большевизма.

Опыт Локтя Воскобойник рассматривал нужным для обоих этих вариантов будущего. На весь этот опыт он смотрел как на создание начальной ячейки, которая могла потом послужить прообразом устройства жизни на более широких пространствах России. Именно поэтому, учитывая настроенность в пользу демократического решения вопросов государственного устройства, Воскобойник все время усиливал элемент демократичности в строительстве местных органов власти. Он создал систему выборности старост и их ответственности перед населением села. Он ввел обязательные отчетные доклады всех выборных лиц перед избирателями и очень тщательно следил, чтобы эти отчетные доклады делались. Одновременно он поставил оценку деятельности администрации в зависимость от практических достижений. Открытие школ, налаживание медицинского обслуживания населения, помощь семьям, кормильцы которых ушли с Красной армией, будучи мобилизованными в армию, — все это были критерии, по которым определялась деятельность организаций и лиц округа. В то же время развивалась бурная хозяйственная деятельность населения[165]. Достаточно сказать, что всего лишь за один год крестьяне создали и укрепили единоличные свои хозяйства, сохранив при этом коллективистическую смычку между ними, осуществляемую, главным образом, через коллективное использование машинного парка. Опыт Воскобойника привлек внимание Москвы к Локотскому округу. В нем увидели большую опасность. Сброшенные десантники убили Воскобойника[166].

С этого времени округ пошел по совершенно иному пути, продиктованному немцами, и в конце концов вылился в совершенно противоположное тому, что замышлял вначале Воскобойник.

Округ стал местом формирования бригады Каминского. Опыт Воскобойника чрезвычайно интересен с точки зрения искания новых форм государственного режима. И снова здесь, как и применительно к большинству мест оккупации, где народ получал возможность действовать, ясно проступает стремление к демократическому устройству жизни и государственного правления. Именно такого рода попытки типичны для всех мест, где подсоветские люди получали возможность осуществить свое стремление в формировании органов власти, а это как нельзя лучше говорит о том инстинкте, который руководил в это время русскими.

Приспособление существовавшего ранее государственного уклада, изменение его в деталях, наполнение новым содержанием

Администрация такого типа возникала особенно часто [в тех районах], где не имелось нужных культурных кадров для решения проблемы управления, и особенно в тех местах, где оккупация ощущалась населением лишь косвенно, прямо же жизненного уклада она не затрагивала. Этот вид администрации чаще всего можно было найти в глухих лесных местах, покинутых советской администрацией, но не привлечших внимание немцев. При этом уходила самая верхушечная часть администрации, аппарат же оставался, и он продолжал работать по инерции и в [том] направлении, в каком работал и до этого. По этой причине сохранялись формы прежней государственной власти, лишь изменившие свои названия. Районные исполкомы стали называться районными народными комитетами, районные съезды советов заменились районными собраниями сельских делегатов, заведующие отделами стали называться начальниками отделов и т. д. А по существу аппарат власти стал продолжать свою же деятельность и был в основном заполнен теми же людьми, какими был заполнен и при Советах, исключая, конечно, верхушечную часть этого аппарата.

Инерция в этом направлении была столь большой, что сохранилось многое из того, что существовало и при Советах. В таких районах обычно продолжали существовать МТС, земельные отделы, отделы культпросвета и пр. Налоги взимались с населения в размерах, существовавших при советской власти, проводился сбор культналога на содержание школ и т. д. Стороннему наблюдателю показалось бы, что существует та же советская власть. И лишь при ближайшем рассмотрении можно было обнаружить коренное отличие этой власти от той, какая была. Дело в том, что население, не проявившие активного государственного импульса, не могло построить здание новой государственности хотя бы в узких рамках ограниченной территории, а людей, способных по-новому решить проблему устройства власти, в данном месте не оказалось. И тогда шли по линии сохранения формы власти, наполняя ее отличным от прошлого содержанием. Вот это-то отличие и не было заметно сразу, но становилось совершенно ясным при ближайшем знакомстве с деятельностью органов власти, действующих в старой форме, но на новой основе.

Глусский район

Глухой лесной район[167], оторванный от больших дорог сотнями километров пути через лес. Железной дороги нет. Район исключительно сельскохозяйственный. Немецкие войска не появились в этом районе. Старая администрация бежала. Начинаясь развал района, кое-где вспыхивал грабеж. Тогда во главе района по собственному желанию встали два брата — простые крестьяне этого же района. Они создали отряд из десятка вооруженных людей и усмирили грабителей, прекратили террор уголовных элементов по отношению к населению. В районе наступило успокоение, и появилась возможность для установления администрации. Братья Макаровы и все, кто с ними в это время сотрудничал, пошли по простейшему пути. Они обязали всех сотрудников районных учреждений, существовавших при советской власти, явиться в свои учреждения. Из их среды они выбрали начальников отделов. Перед этими учреждениями были поставлены те же задачи, какие стояли перед ними при советской власти. Письменная инструкция Макаровых гласила:

Отдел народного образования должен обеспечить работу школ. Дрова для школы должно поставлять население, дети которого в данной школе обучаются. Учителя должны получать жалованье от района. Так как время тяжелое, то население должно в порядке самообложения помочь учителям продовольствием. Учебники надо употреблять старые, при советской власти изданные, но только удалить из этих учебников страницы, где говорится о Ленине, Сталине, коммунизме.

Финансовый отдел должен собирать с населения такие же налоги, как и при советской власти, обращая эти налоги на районные нужды. Если немцы наложат налог на район, то его надо будет платить из собранных с населения средств по налогу. Если этих средств не хватит, то тогда изменить налоги с таким расчетом, чтобы покрыть самые неотложные районные нужды и уплатить немцам.

Административный отдел (милиция) должен наблюдать за порядком в районе и отдавать под суд всех, кто этот порядок будет нарушать.

Суд должен работать по старым законам, но только так, чтобы наказать уголовные преступления. Суд должен стараться не перегружать тюрьму заключенными и всегда, когда это можно, ограничиваться штрафом и передачей виновного на поруки сельского хозяйства, из которого он происходит.

Машинно-тракторная станция остается собственностью района. Она должна заключать с сельскими общинами и с группами крестьян договора на обработку земли и предоставление машинно-тракторного парка, но цены надо установить и справедливые и для крестьян необременительные.

Эта инструкция братьев Макаровых — в значительной мере экспромт, порожденный чрезвычайной обстановкой в районе, но в ней именно и отражен страх разрушить старую форму государственности и оказаться в условиях административной пустоты, тем более что население уже видело, что без постоянной администрации жизнь наладить нельзя. (До возникновения этой администрации район захлестнула волна грабежей.) В сохранении старой формы государственности Глусский район пошел еще дальше: он восстановил советы под названием «общные советы»; он привлек к работе в них прежде всего старых членов прежних сельсоветов, воссоздал секции советов как способ привлечения населения к постоянной работе в управлении. При этом надо сказать, что впервые массовые органы советов заполнились подлинной деятельностью только после разрушения советской власти в целом. Впервые они получили возможность [действовать] в духе собственной инициативы, которая при советской [власти], или при диктатуре партии, не могла проявиться, так как была скована руководящей ролью коммунистов и враждебными народу законами.

В советской государственной системе созданию массовой базы советов придается огромное значение. Советы низовые окружены, в соответствии с советской Конституцией, целой сетью массовых органов — секций советов. По мысли творцов советской государственности, в этих массовых органах должно осуществляться участие народа в управлении государством. Это те самые органы, которые должны приготовить из ленинской кухарки государственного деятеля. Но в условиях всепронизывающей диктатуры партии секции советов выродились в формальность — ненужную государству и неприятную для тех, кто в них должен был принять участие[168]. В новых же условиях те же секции вдруг приобрели свое настоящее значение. Они стали именно теми органами, в которых предварительно решались важнейшие вопросы крестьянского бытия. Особенное значение приобрели земельные секции, которые должны были найти правильный путь решения земельного вопроса. Раздел земли в Глусском районе прошел наиболее организованно, и это заслуга секций советов, предварительно наметивших формы вопросов раздела земли и его порядок.

Через пять месяцев после начала оккупации в Глусском районе были восстановлены все 22 совета. Каждый совет имел от шести до девяти секций. Обычно это были такие секции:

- земельная;
- культурно-просветительская;
- налоговая;
- дорожная; —
- благоустройства;
- санитарии и гигиены.

Кроме этих секций, имевшихся во всех советах, возникли новые секции [например, такие], как мостовая, там, где надо было заново отстраивать мосты, разрушенные отступающей Красной армией; заготовительная, которая собирала по лесам имущество, брошенное Красной армией; учетная, которая учитывала на территории совета новое население и вела его общественную проверку. Вскоре в Глусском районе произошло и пополнение сельских (общинных) советов. Для этого по всем селам были произведены довыборы членов советов, а в отдельных селах — и перевыборы. Местное государственное творчество в Глусском районе продолжалось до мая 1942 года, когда немцы охватили этот район своими ландвиршафткомандатурами и распустили общинные советы, заменив их бургомистрами, действующими уже вне воздействия со стороны местного населения. А вскоре после этого Глусский район стал одним из центров партизанского движения.

Сохранение существующего уклада

При этом имеется в виду не форма, а существо уклада, т. е. его отношение к населению. Советский строй именно тем и характерен, что он при внешней своей демократичности, по существу, совершенно от населения не зависим и действует вне всякого влияния [на него со стороны] населения. Это законченная форма разрыва власти с народом, хотя и прикрытая демократическими покрывалами, прозрачность которых общеизвестна. Советский строй может принимать различные формы, не меняя при этом своего существа — диктаторского управления страной и средствами террора, подавления национальных и государственных инстинктов народа, подавления его стремления к свободе. Время оккупации показало, что советский строй в видоизмененном облике способен сохраниться в обществе. Форма власти, как это видно из практики оккупации, — в конце юнцов одно из производных от ее существа; она может быть различна, но существо, если она основана на принципе подавления народа, неизменно приближается к советскому, как бы оно ни называлось.

Нижеследующее утверждение может показаться парадоксом, но оно вытекает из множества наблюдений: существо советского строя могло быть очень легко сохранено в недрах немецкой оккупации. Это объясняется, по-видимому, чрезвычайной близостью национал-социализма и большевизма в вопросах управления массами. В целом ряде районов Белоруссии старый вид власти был разрушен до основания. Ничего не осталось от советов и исполкомов, существовавших при советской власти. На развалинах старого строя начал возникать новый строй, приспособленный для военных нужд Германии. И чем больше этот строй оформлялся, тем яснее становилось, что он почти в точности по своему существу повторяет то, что было. Возникли управления уполномоченных по заготовкам для немецкой армии (Кировский и др. районы). Они стали облагать население налогом в виде продразверстки. На село накладывалась обязанность поставить известное количество продовольствия. Были взяты существовавшие при Советах

нормы, впоследствии еще повышенные. Это в точности копировало институт уполномоченных комитета заготовок при Совнаркоме СССР. Те действовали тоже в районах и тоже методами продрозверстки, накладывая налог на колхозы. А так как в этих местах колхоз в прошлом неизменно совпадал с селом, то наложение налога на село при немцах означало то же самое, что налог на колхоз при Сталине.

Появились бургомистры районов и сел, которые стояли над общинными самоуправлениями. Вся власть оказалась в руках этих бургомистров. Они руководили общинными самоуправлениями, наказывали виновных, разрешали или не разрешали открытие школ. Это в точности напоминало и повторяло практику деятельности партийных секретарей в районах и селах. Те точно так же руководили советами, могли разрешать им или не разрешать принимать решения, наказывали и миловали. Партийные секретари были глазом и аппаратом Сталина; бургомистры в данных условиях становились представителями немцев. В школах было запрещено преподавание по старым учебникам. Потом оно было разрешено. Но учебники подверглись «переработке». Там, где в советских изданиях писалось: «Ленин и Сталин дали нам хорошую жизнь», теперь стояло: «Гитлер дал нам хорошую жизнь». [Лозунг] «Спасибо товарищу Сталину за наше хорошее детство!» теперь звучал так: «Спасибо Гитлеру за счастливое детство!». Появлялись уже и признаки того же раболепства перед вождем. В школах появились лозунги «Слава великому Гитлеру-освободителю!». Они висели на тех местах, где раньше висели лозунги «Слава великому Сталину!».

Аналогии можно было бы продолжать до бесконечности, но сказанного достаточно для установления факта, что в практике оккупированных областей имело место разрушение формы старой государственности при одновременном сохранении диктаторского существа ее. А так как примат существа над формой власти бесспорен, а вопрос о единстве формы и существа весьма спорен, то это и дает нам право выделить все подобные тенденции к сохранению диктаторского существа власти в тип, сохраняющий старый уклад власти, характеризующийся антинародностью и особыми целями, ничего общего с интересами народа не имеющими.

Не претендуя дать законченные выводы из всего вышесказанного, я все же полагаю бы необходимым рекомендовать исследователю этого вопроса обратить внимание на следующее:

1. Существо советского строя заключается в подавлении стремления к свободе. Это вызывает незримую, но непрекращающуюся борьбу правительства с народом, в котором до известного сочетания обстоятельств государство как сила организованная одерживает победу над народом как силой неорганизованной.
2. Гитлеризм является откровенной формой подавления воли народа своего и закабаления народов чужих. Сходство облика гитлеризма и облика большевизма бывает иногда разительным.
3. Активность народа в условиях гитлеризма или большевизма сводится к минимуму; проявляемая активность ведет к пополнению концлагерей, к повышению числа жертв режима.
4. Однако это несколько не уменьшает инстинктивного стремления народа к свободе, если он ее лишен. Свобода становится важнее всего, и убить ее в сознании народа невозможно. Это придает новое освещение сказанному когда-то поэтом и историком Ламартином[169]: «Свободу можно заглушить, но убить ее невозможно» (цитирую по памяти).
5. Всякое изменение отношения внутренних сил в России с неизменностью поставит во главу угла проблему свободы для народа. Даже в условиях гитлеровской оккупации эта проблема была поднята, и ее пытались разрешить.

Но поиски решения этой проблемы будут мучительно трудными для России после тридцати лет большевизма, так как понятие свободы для русского народа стало отвлеченным, лишенным реальных очертаний. Поэтому порыв к свободе в изменившихся условиях (в момент борьбы

против большевизма и даже после победы над ним) будет означать не прямой путь к свободе, а поиски пути, не всегда удачные, часто мучительные и требующие жертв.

6. Вот почему проблема организующей идеи для России — проблема чрезвычайной важности. И вот почему помощь внешнего мира России должна быть выражена прежде всего в форме создания у русских представления о внешнем мире как о мире дружественном, несущем помощь России. С этой точки зрения атомная политика США, из которой, к общему счастью, Штаты уже выходят, является наихудшей политикой по отношению к России.

7. Организующая идея, которую внешний мир должен принести с собой в Россию (я не говорю, в каких это должно быть сделано формах), избавит Россию в момент критического столкновения с большевизмом от раздробления сил борьбы против большевизма, сделает народ России единым в его устремлении.

8. Вот почему идея свободы, которую в России никто не будет оспаривать, не является идеей борьбы против большевизма. «Свобода народов» — это не лозунг для России. Несомненно приоритет социальных проблем над национальными. Несомненно, отсутствие в России серьезных устремлений сепаратизма. Несомненно, народ сейчас так един, как никогда един он не был. И создает это единство не принцип свободы народов (автоматизированное представление, какое существует на Западе, несомненно, культивируется большевизмом, который сам уже давно от такого автоматизма в решении национального вопроса отказался и пытается выступать в роли защитника единства России), а стремление к всеобщей свободе и освобождению от большевизма.

Все факты, которые я приводил выше, относятся к Белоруссии [кроме Локотского округа], однако в этих фактах, как и в жизни тех лет, вы не найдете указания на то, что людьми, или хотя бы маленькими группами людей, белорусов, двигало стремление к созданию свободной от России государственности.

Немецкая оккупация Белоруссии в 1941–1944 годах[170]

По приходе немцев в Белоруссию преимущественное большинство населения встречало немцев радостно и было довольно тем, что рухнул колхозный строй и советская власть[171]. Еще немецкая армия не входила в деревню, а Красная армия уже отступила из деревни, как крестьяне начали разбирать колхозное и общественное имущество. При занятии немецкой армией данной территории имущество, которое не успело население разобрать, было забрано немецкой армией, как-то: магазины, склады, базы, мельницы и другое общественное богатство. Крестьяне начали заниматься разделом колхозного имущества, то есть [брать] инвентарь, скот и землю. (Скот — который не успели большевики угнать.) Раздел происходил неодинаково в каждом колхозе. В некоторых колхозах раздел земли происходил просто на душу, то есть бывший колхозный урожай, а после уборки урожая еще раз делилась земля уже на постоянно. В других колхозах уборка урожая происходила совместно, то есть как в колхозе, и собранный хлеб делили по трудодням, а уже осенью, после зимовых, и вообще вся земля делилась по хозяйствам (единоличным).

В тех деревнях, где люди были высланы на Урал в 1929–1931 годах[172], земля которых по приходе немцев оставалась свободной, там крестьяне брали земли больше, чем он имел до колхоза, но для формальности нужно было писать заявление в земельное управление и просить, что я, член общины такой-то, прошу [о] начислении меня землей в количестве таком-то (при немецкой оккупации деревню называли общиной). В тех деревнях, где крестьяне не выслались на Урал и запасной земли не было, там крестьяне получили свою землю, которую имели до коллективизации. Раздел земли происходил более-менее спокойнее, чем раздел скота и инвентаря. Раздел скота и инвентаря происходил в большинстве случаев скандально лишь только потому, что советская армия угнала скот, машины и другой сельскохозяйственный инвентарь. Но,

несмотря на отсутствие мужских рабочих рук, машин и рабочего скота, с неожиданной быстротой возродилось единоличное хозяйство, и, несмотря на большие налоги немецких оккупационных властей, крестьянство подняло свой жизненный уровень и показало преимущество над рабским колхозным трудом. Но этот расцвет единоличного хозяйства был недолгим. Немецкие оккупационные власти стали убивать население, забирать на работы в Германию и проводить другие репрессии, что привело к созданию партизанского движения. Немецкая сельскохозяйственная комендатура старалась организовывать так называемые МТС. Но эта помощь могла быть только до организации партизанского движения. При появлении партизанского движения ни один трактор уже не мог работать, ибо будет уничтожен.

Участие немцев в разделе земли, инвентаря, рабочего скота было пассивным. Приезжали в деревню немецкие представители военных комендатур, где собирали общие собрания и слушали мнения крестьян, как лучше поступить с уборкой урожая. Немцев интересовало главное — чтобы крестьяне своевременно убрали урожай и сдали им военные поставки, то есть продналоги всех видов. По приезде немецкой сельскохозяйственной комендатуры были даны планы, сколько и какая община должна сдать военные поставки.

Немецкое сельскохозяйственное управление работало при помощи работников местного населения, преимущественно бывших работников советского земельного управления. Управление имело данные, сколько в какой общине земли, скота, птиц; исходя из этого спускался посевной план и план военных поставок в общем на общину. Главная работа сельхозуправления сводилась к тому, чтобы доведенные планы военных поставок выполнялись точно в срок. Там, где добровольно крестьяне не выполняли или мешали партизаны, туда посылались отряды милиции. Это были первые времена немецкой оккупации, когда партизаны не имели больших сил. Но когда партизанское движение было в больших масштабах, тогда военные поставки населением не выполнялись. После чего работа сельхозуправлений встала в тупик. Они не могли контролировать, какая община и какой член общины и чего не выполнил. Тогда работа управления свелась к тому, что [крестьяне] давали сведения военным властям, какая община и какое количество имеет задолженность в целом.

Военные власти мобилизовали большое количество подвод, то есть транспорт, и выезжали отрядом войск, окружали деревню и занимались выкачиванием необходимого количества военных поставок. В последние времена немецкой оккупации, когда вообще целые районы были заняты партизанами, малые военные немецкие отряды [были] не в состоянии выполнять прежнюю работу. Тогда сельхозкомендатура вместе с крупными соединениями немецких войск выезжала на операцию [против] партизан. И если последним [немцам] удавалось занять оккупированную территорию партизан, то на этой территории забирали весь скот, хлеб, картошку, сено, последние женские тряпки и все возможное и нужное для немцев, казачьих войск[173] и французских легионов[174] СС.

Операции [против] партизан, которые они [иностранные добровольцы] производили, для них были лакомым кусочком. При появлении казачьих частей в районе, оккупированном партизанами, все местное население убегало в леса и все [имущество] оставляли [на месте], боясь, чтобы [его] не забрали на работу в Германию. И все брошенное населением было для них [казаков] военной добычей[175]. После такой операции, возвращаясь обратно, казаки пьянствовали, продавали или меняли на водку привезенные разные вещи. Одни казаки продавали и потом рассказывали другим казакам, кому они продавали. Последние шли [к покупателям] и, угрожая тем, что это [купленные] партизанские вещи, забирали [имущество] обратно.

Поведение партизан было еще хуже. В тех местах, где временно пребывали немецкие войска или их сообщники и позже уезжали на фронт или другое место, а население оставалось одно, после чего приходили партизаны и жестоко расправлялись с населением за то, что они работали у немцев, или даже за то, что немцы стояли в их квартирах, выполняя лозунг «кто работал для немцев два часа, тот наш враг». [Партизаны] убивали невинное население, грабили все

основательно, дома и даже целые деревни. Те деревни и местечки, которые находились недалеко от железных дорог, автомагистралей и станций, партизаны выпаливали начисто, для того чтобы немцы не могли там расположить свои воинские части или сделать опорный пункт. В населенных пунктах, которые были далеко расположены от немецких войск и оккупировались партизанами, или местах, которые служили для укрытия партизанам, немецкие войска с большими силами разбивали партизан, а с населением поступали еще жестче[176], чем партизаны: грабили, убивали, забирали на работы, вылавливая целые районы. Это делалось для того, чтобы партизаны не могли иметь места пристанища и извлекать пользу из населения.

Были партизаны, которые боролись против немцев и так жестоко с населением не поступали. Они были убеждены, что после войны колхозов не будет и законы советской власти изменятся. К таким партизанам относился отряд Кошелева[177]. Были еще партизаны такие, которые не хотели воевать ни за Гитлера, ни за Сталина, а просто избегали немцев, чтобы их не забрали на работы или [в] лагеря военнопленных, но не помогали и Сталину, и называли себя «самосохранение»[178], и надеялись на какую-то третью силу извне.

Обращение немцев с населением

С первых дней немецкой оккупации можно было наблюдать недовольство населения: одни были униженные, а другие обиженные, третьи оскорбленные, четвертые расстреляны. Чем дальше продолжалась немецкая оккупация, тем больше создавалось недовольство у населения. Немецкие солдаты и офицеры брали последние продукты питания, насиловали молодых девушек и престарелых женщин, отправляли людей в Германию на работы, [происходили] массовые убийства невинных детей, женщин и стариков еврейского происхождения. Вот что служило [причинами для] создания большого партизанского движения. Некоторые примеры немецкого обращения [с местным населением]. Недалеко от местечка N. была расположена одна немецкая компания[179], которая отдыхала после [анти]партизанских операций. Два немецких солдата или подофицера[180] в пьяном виде пришли в рядом расположенную деревню, где зашли к одному крестьянину в дом, семья которого состояла из двух подростков, мужа и жены. Дети, видя появление немецких солдат, спрятались под печку, мужу предложили удалиться с квартиры. Последний, не понимая разговора, не уходил с квартиры, после чего солдаты применили насилие, сперва избили, потом прострелили руку и выбросили в зимнее время голого на улицу. Оставшаяся в хате бедная 40-летняя женщина и двое подростков подняли крик, но бедным никто не пришел на помощь. Сила оружия заставила молчать, после чего кровожадные немецкие изверги начали использовать отбивающуюся женщину. Было заявлено в ближайшую немецкую комендатуру, но там ответили: мы не знаем, из какой компании были эти солдаты[181].

В одной деревне партизаны убили старосту деревни[182]. Этот староста имел два сына, одному [исполнилось] 17, а другому — 20 [лет]. Вскоре после убийства отца старшего сына забрали немцы на работу на один лесопильный завод, где работали военнопленные — 200–300 человек. В одно прекрасное время военнопленные убили часового, и 15 военнопленных бежали. Тогда немецкие власти построили всех военнопленных и работающих там гражданских и расстреливали каждого десятого, где [и] пал жертвой гитлеризма сын старосты. Отца убили партизаны, брата — немцы, и 17-летнего юношу ждала участь брата, который после [его гибели] решил пойти в партизаны.

Потерпевшая поражение от партизан одна немецкая компания возвращалась назад и проезжала через одну из деревень, в которой в эту ночь одна молодая девушка отказалась поехать в Германию и ушла в партизаны, но семья ее оставалась в данной деревне. Узнав об этом, немцы избили прикладами винтовок всю семью (трех человек) и бросили полуживыми в колодец.

В одной немецкой сельхозкомендатуре, где мне приходилось ежедневно бывать, работала переводчицей одна молодая девушка 16–17 лет. Один из офицеров комендатуры неоднократно

пытался использовать эту переводчицу, несмотря на его 45-50-летний возраст. Последняя не хотела быть жертвой [его домогательств] и заявила в военную комендатуру. Узнав об этом, офицер сельхозкомендатуры написал ложное заявление в Гестапо, что эта переводчица имеет связь с партизанами. Гестапо арестовало [девушку] и после жестоких пыток отправило [ее] на работу в Германию.

В одну деревню приехал верховой немецкий солдат, чтобы достать яиц, но не успел собрать и двух десятков, как партизаны были уже в деревне... Солдат, заметив партизан, начал удирать, но пуля была быстрее лошади, и солдат упал убитым. Узнав об этом происшествии, недалеко стоявшая немецкая военная часть приехала на расправу с партизанами. Партизаны были уже в лесу, куда немцы малыми силами боялись ехать, и обозленные немцы решили отомстить мирному населению. Люди, зная свою участь, прятались, кто куда мог. Тогда немцы решили запалить деревню. Из горящих домов и сараев стали выскакивать люди, по которым немцы открыли огонь. Тем самым немцы выполнили свой приказ [уничтожить] за одного [убитого] солдата 100 мирных жителей.

Подобных случаев были сотни.

Поведение французских СС легионов

Стоявшие в местечке N. французские легионы[183] часто грабили население. Однажды группа солдат пошла в деревню, расположенную в полукilометре от местечка, где [они] забрали у крестьянина лошадь с повозкой и убили свинью-матку, а сами скрылись. Крестьянин обратился за помощью в сельхозкомендатуру. Сельхозкомендатура была заинтересована в развитии свиноводства, тем более деревня находилась вне угрозы нападения со стороны партизан. Сельхозкомендатура при помощи орткомендатуры нашли свинью на кухне у французов и отдали [ее] снова крестьянину. Но крестьянин не успел выехать за местечко, как группы французских солдат снова забрали свинью, а крестьянина избили и бросили в речку. Проходящие люди, видя совершившееся, заявили первостоящему полицейскому посту, который подал сигнал тревоги, по которому пришла полицейская группа. В результате стычки французских солдат с полицейской группой был убит один французский солдат и ранен один полицейский.

Поведение немецких чиновников было крайне грубым. Гражданское население, не зная [немецкого] языка, не могло правильно поступать, а в ответ на это можно было слышать со стороны чиновника: «Вон, свиньи!». Обиженный служащий или рабочий, получавший во время немецкой оккупации в месяц 6 кг муки, 160 гр. соли и две коробки спичек, уходил униженный и оскорбленный.

Обращение немцев с евреями

По приходе немцев в Белоруссию немцы с евреями не везде поступали одинаково. В одних местечках [евреи] были расстреляны сразу, в других [их] сгоняли в несколько домов или квартир, где они охранялись, и оттуда гоняли их на разного вида работы. Но были и такие места, где евреев было небольшое количество (30–40 человек), они жили без охраны до момента их убийства или перевозились в другие места, где их было больше, то есть [шла] подготовка для уничтожения. Все евреи носили на спине желтый кусок полотна круглого вида и шестиконечную желтую звезду.

Примеры некоторых жестокостей и убийств евреев. В одно из местечек, где жило преимущественное количество евреев, приехал один СС отряд. Окружили местечко, согнали всех евреев в одно место, собрали мужчин и погнали недалеко от местечка рыть яму. После окончания рытья ямы евреями СС отряды начали свою бандитскую работу. Поубивали сперва тех, которые

копали ямы, а потом начали пригонять к яме женщин и детей, старух и стариков, партиями 10–15 человек, ставили над ямой у трупов павших отцов и сыновей и повторяли свое злодеяние. Крики детей, стоны женщин, мольбы молодых девушек — ничто не могло остановить разъяренных палачей.

Одна молодая девушка упала на колени и просила пощадить ее жизнь. Но ни ее мольба, ни одаренная красота не могли смягчить сердца пиратов. Некоторые [евреи], не прося пощады, просто покорно ожидали своей смерти. Спасались лишь только те, которые или бежали каким-либо образом, или просто при расстрелах были ранены и притаились, что они убиты, и, имея большую силу воли и терпение, ожидали, пока убийцы не уедут, если только ямы сразу не засыпались, а просто присыпались.

В других местах, где немецкие войска и Гестапо находились постоянно, производились одиночные расстрелы. Постепенно забирали людей и сажали в тюрьмы, пытками вымогали золото и другие драгоценности, и потом Гестапо и СД [их] расстреливали. Те семьи, которые были смешанные, то есть муж белорус, жена еврейка и наоборот, — с теми поступали по-другому. Сперва забирался член еврейского происхождения и уничтожался. Детей и взрослых забирали и отправляли на работы или тоже уничтожали, были [и такие] случаи. Член семьи не еврейского происхождения в последнюю очередь арестовывался и исчезал в неизвестность.

Были еще и другие методы уничтожения евреев. Недалеко от города Вильно[184] был большой еврейский лагерь, из которого гоняли на работы и частично расстреливали. К 1943 году в данной местности появилось много партизан, которые имели связи с лагерем, что угрожало немцам. Немцы, видя опасное положение, решили лагерь уничтожить, вызвали самолеты и бомбили лагерь, а со стороны охраны СС обстреливали минами из минометов. Таким образом, лагерь был уничтожен. Были сотни случаев разного вида убийства евреев, но на паре страниц описать [все] невозможно.

Как немцы забирали людей на работы

С первого времени немецкой оккупации военные власти назначили нужное им количество людей. Районные управления и биржа труда назначали [людей] на каждую волость. Волость назначала на каждую общину, где староста общины назначал персонально. [Если] люди добровольно не являлись, высылались волостная полиция, и забирали [на работы] насильно. Но это было до появления партизан, при появлении партизан волостная полиция не могла выполнить первой роли, после чего высылались немецкие войска и вместе с полицией окружали деревню. И [немцы] забирали всех трудоспособных людей, пригоняли в район и запирали в школу или церковь и потом молодых отправляли в Германию, а старших летями посылали на местные работы или брали в воинские части рыть окопы.

Когда и почему изменилось отношение населения к немцам

С первых дней немецкой оккупации население относилось [к немцам] относительно хорошо и считало их освободителями[185]. Но, узнав дальнейшее их поведение, хамское отношение, посылание на работу в Германию, раздевание населения среди улицы (снимали валенки и полушубки), непосильные военные налоги, репрессии и расстрелы, [белорусы] изменили отношение к немцам. Некоторые крестьяне выражались, что лучше колхоз, чем немецкое освобождение. К концу 1943 и началу 1944 года в деревне исчезло все, начиная с курицы и кончая коровой, кроме картошки и кое у кого [оставшегося] хлеба. В 1941 году, по приходе немцев, в районе насчитывалось 6 тыс. коров; к началу 1944 года в районе осталось 400–450 голов и [только] те, которые находились в самом районе или на опорных пунктах.

По приходе немцев в Белоруссию первые полтора года были открыты церкви, молодежь женилась, венчалась в церквях, устраивали гуляния, вечеринки, устраивали пьянки. Но время быстро сменилось: из церквей сделали сараи, куда постилали солому и загоняли людей полно, как скот, после чего отправляли на работы разного вида. В селах и местечках молодежь исчезла, все закрылось, никаких гулянок-вечеринок не устраивали. От большинства сел остался только пепел [в итоге их] обоюдного уничтожения немцами и партизанами.

Как отступали и кто отходил

Начиная с осени 1943 года, когда немцам пришлось отступить, население эвакуировали подчистую, конечно, где это им удавалось. [Немцы] посылали [местных жителей] в глубокий тыл, размещали в оккупационных зонах или отправляли в Германию. Чем дольше немцам приходилось пребывать на Восточном фронте, тем реже удавалась массовая эвакуация. Весной 1944 года немецкий фронт в Белоруссии находился по линии Витебск — Орша Могилев. И когда советская армия пошла в наступление по всему фронту, [то советские войска] разрезали немецкий фронт на несколько частей и перерезали главную автомагистраль Москва-Минск, по которой немцы могли бы легко отступить. Немецким армиям пришлось отступить по узкой шоссейной дороге, которая проходила через белорусские леса и болота. Армии с оршинского и могилевского направлений отступали по этой единственной дороге, по которой впереди [на] 100–120 км на реке Березине советскими самолетами был разбит мост. Немецкая армия подвергалась уничтожению как со стороны самолетов, десанта, так и со стороны партизан.

Тысячи солдат и гражданских отступающих, переплывая реку, погибли. На протяжении 60–70 км перед мостом через Березину все шоссе было завалено разбитыми и сгоревшими машинами и танками, подводами, убитыми лошадьми и людьми. Для того чтобы проехать этой дорогой, приходилось целыми километрами расчищать дорогу и сваливать все в сторону. Население, отступавшее с немцами, боявшееся Красной армии, металось как кот в мешке, не зная, что делать. Целые опорные пункты полицейских с пулеметами, винтовками, гранатами шли в леса, превращаясь в новых партизан. Немногим счастливым удалось вырваться из этого котла и попасть в Европу[186].

И. К. Соломоновский Русские дети в рядах РОА[187]

Один из них был 14 лет, Вася Пискарёв [принятый в полк] из лагеря[188] под Смоленском в конце ноября 1942 года. Его взяли денщиком командира 4-й роты батальона «Березина»[189]. ГФП числила его как «опасного партизана». Ваську увезли в ГФП. Потом звонят: «Забирайте, безопасен». А он не хочет. «Почему?» «Там немцы хлеб белый дают и конфеты, а у вас нет». Через три дня, когда конфеты закончились, Васька опять сбежал. [Я] рассердился и посадил его в карцер. Через 30 минут прибегает [заведующий карцером] фельдфебель Маяковский[190]. Ваську стали сидевшие там дразнить, а он в драку. Избил одного (лет 25) довольно сильно. [Я] пошел разбираться. Васька заревел:

— А чего они дразнятся, я тоже солдат.

— Удерешь?

— Удеру.

— Сиди хоть год.

Через две недели Маяковский доложил, что Васька лезет на разговор. Все его баловали, каждая рота — передачи, плюс от офицерской кухни усиленное питание. Передо мной стоял уже не Васька, а «рядовой 4-й роты русского Восточного полка[191] по личному делу».

— Господин капитан, разрешите служить в вашей команде, не хочу быть денщиком.

— Не обманешь?

Васька обиделся. Я его зачислил... Как разведчик Васька работал прекрасно, уходил переодетым в партизанские места и приносил ценные сведения.

Летом 1943 г. мы издали воззвание к [местному] населению с предложением идти к нам [в полк]. Но добровольцев почти не было. Васька был ефрейтор, имел пистолет и медаль за Восточный фронт на зеленой ленте[192]. Спустя [некоторое] время звонит начальник полевой германской жандармерии Бем[193]: «Забери своего, он черти что делает». Васька собрал «митинг» на главной улице [Бобруйска][194]. Я протолкался.

Васька, красный и потный, бил себя кулаком в грудь: «Вы что же, под юбками у баб сидите, а мы кровь должны за вас проливать, как вас честно просят — поступайте в полк, а вы морды воротите, небось у коммунистов так бы с вами не разговаривали». Увидев меня, Васька вытянулся: «Господин капитан, так что уговариваю вот этих — он презрительно махнул рукой в сторону толпы, — сопливых, к нам в полк идти». Бабы [зашумели]: «Господин офицер, он правильно говорит, нечего мужикам прохлаждаться, пусть к вам идут, чтобы коммуна опять не вернулась».

Однажды дежурный говорит: «Ефрейтор Пискарев просит разрешения войти». Вошел Васька, а за ним оборванный мальчик, лет 11, худой, босиком, испуганный. «Господин капитан, добровольца привел. Парень что надо, и большую охоту имеет». «Митька», — прошептал мальчик. Васька ткнул его в бок: «Уж очень напуганный, еще с детства. Энкавэдисты его испугали».

— Ты, Митя, есть хочешь?

— Хочу, — прошептал мальчик.

— Ну вот что, Васька. Идите к старшине и скажи, я приказал: «Вымыть Митю в бане, накормить, пригнать обмундирование».

Через два часа явились. История [Мити такова]. Отец — колхозник, был арестован НКВД и пропал, там же исчезла и мать, но дед его взял к себе, плел корзинки, делал свистульки. Но много не заработаешь...

— Так ты не любишь коммунистов?

— Не люблю, они моих батьку и мамку забили.

— Ну а дед тебе позволил?

— «Как теперь царя нет, ничего не понять, а если против коммунии — иди и служи», — сказал лишь дед.

— А знаешь кто такой царь?

— Не знаю.

— А где ты его нашел? [— спрашиваю у Васьки]

— На базаре. Там его все какой-то пакет уговаривали отнести, а он не соглашался. Он и раньше партизанам пакеты носил, а увидел, как партизаны пленных немцев расстреляли, не захотел больше.

— Как же ты его привел?

— А Митька знает, где у партизан тут штаб в Бобруйске, и где что у них запрятано. Вы нам дайте велосипед и 5 человек, и через 30 минут все Вам доставим.

Через полчаса явились с двумя людьми в штатском.

— Вот, — торжественно проговорил Вася, поставив передо мной английскую магнитную мину, несколько германских печатей и целую большую стопку разных германских бланков.

— А эти? (на поясе у Митьки висел новенький ТТ[195]).

— Начальник Бобруйского штаба и связной.

По сообщению Митьки, германские саперы осмотрели электростанцию и нашли еще три точно таких же мины. Я отобрал, пока не будет формы, у Митьки пистолет, и он ходил каждый день и любовался им, приговаривая: «Эх, мне бы хоть одного энкавэдиста поймать, я бы ему и батьку, и мамку вспомнил». Пока ему шили обмундирование, вместе с Васькой они ходили на базар в штатском и ловили партизан. Они помогли раскрыть многих коммунистов. Русский Восточный полк ушел на Запад — Митька [остался] в России с дедом в деревни недалеко от Бобруйска, судьба их неизвестна. Васька уехал с нами во Францию.

Васька, якобы по доносу хозяина кафе, украл хлеб. Он этого не мог сделать, но его арестовали. Из тюрьмы полевой жандармерии в городе Рен[196] Васька бежал и явился ко мне. Я прятал его под кроватью десять дней, а потом сделал документы и устроил в русский батальон майора Иванова[197]. Васькина служба на побережье была отмечена в приказе по 7-й армии. Он получил Железный крест, ручные часы и радиоприемник за разоблачение четырех английских разведчиков в [зоне] дислокации 7-й армии. Они разъезжали в форме Вермахта: один «полковник», два «капитана» и шофер. Васька был унтер-офицером и командиром отделения. «Немцы» подъезжали к его посту, но он потребовал документы, «полковник» начал орать. Васька вызвал караул, шпионы [бросились] врассыпную, русские открыли огонь и всех убили. Васька догонял «полковника», тот отстреливался, тогда Васька бросил гранату и убил его. У разведчиков нашли важные документы.

В июле 1944 года маки[198] убили трех стрелков и захватили Васю, который перевозил почту. Через трое суток батальон Васи разбил лагерь партизан, нашел мундир Васи с кровавыми пятнами на груди и на спине. Но Васи так и не нашли. В отместку батальон сжег одну из деревень маки, где только убитыми потерял 30 человек. Погибло все отделение (10 из 12), которым командовал Вася. Пленных не брали. Батальон Васи дрался так, что немцы дали ему высший знак отличия, разрешив носить «мертвую голову» на пилотках, не будучи зачисленным в войска СС. Стрелки этого батальона были все добровольцы, из ближних к Бобруйску деревень, не старше 18 лет.

Впоследствии в моей роте особого назначения[199] в Мюнзингене[200] были еще четыре мальчика, которых в 1942 году подобрала какая-то германская часть и в 1944 году передала русским.

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ I

Документ 1

Главная квартира 10.X.1942 года

Полевая почта 47340

Командующий генерал охранных войск и командующий тылом армейской группы «Центр»

Оперативный отдел. Регистр. № 571/42, секр. командов.

ГЛАВНОМУ КОМАНДОВАНИЮ АРМЕЙСКОЙ ГРУППЫ «ЦЕНТР». ОПЕРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ

СООБЩЕНИЕ ОБ ОБСТАНОВКЕ[201]

В сообщении за июнь 1942 года ОКХ / Главная квартира, датированном 14.7.42 г., указывалось на то, что приказ Сталина «создать в тылу немецкой армии невыносимые условия для врага»[202] недалек от своего выполнения. Этим самым было лишь повторено то, что излагалось в прежних сообщениях об обстановке. В направленном сообщении об обстановке Главному командованию группы армий «Центр» от 10 апреля 1942 года в особенности указывалось на то, что необходимо срочное усиление сил, находящихся в распоряжении командующего тылом армейской группы «Центр», если мы хотим справиться с растущей бандитской деятельностью. Положение в тылу армейской группы «Центр» основательно обсуждалось также с начальником Орготдела ОКХ генералом Блюментритом[203], в связи с его посещением 31.5.1942 года в том отношении, что передача в свое время в декабре месяце[204] подчиненных командующему генералу войск Действующей армии постепенно, но вполне уверенно способствовала овладению бандитами территорией тыла армейской группы «Центр». Господину генералу Блюментриту настойчиво было указано на всю серьезность положения. В качестве выхода из критического положения ему было сделано давно выдвигаемое предложение о передислокации на территорию тыла армейской группы «Центр» в качестве «начинки»[205] запасных армейских частей.

С тех пор обстановка развивалась следующим образом. При роспуске группы Шенкендорфа[206] в июне этого года большое количество охранных батальонов были оставлены при фронтовых соединениях, так что пополнение составило всего лишь 9 батальонов. Нельзя отрицать того факта, что прибытие этих 9 батальонов было весьма ценным пополнением сил, но их количество оказалось недостаточным, чтобы в целях охраны железнодорожных магистралей в основном оголенную от войск территорию снова прочно взять в свои руки. Пополнение сразу же было использовано, чтобы возобновить пришедшую в упадок по причине нехватки сил активную борьбу против партизан. Но за это время русские умножили свои усилия, чтобы добиться волнений. Если ранее прежде[207] речь шла о более или менее случайно объединившихся силах из числа оставшихся красноармейцев, бежавших военнопленных и т. п., то теперь следует признать строгое, плановое руководство бандитским движением. Благодаря постоянному пополнению этого движения организаторами, обученными бойцами и подрывниками, забрасываемыми воздушным путем или наземным через брешь на фронтовом участке LIX армейского корпуса[208], бандитское движение получает все больший размах[209], если даже то там, то здесь и удалось разбить некоторые бандитские центры и в некоторых крупных операциях[210] усмирить обширные районы.

Одновременно усиленно и ловко была популяризована пропаганда, призывающая массы русского народа на оккупированной территории к борьбе против «захватчиков и угнетателей Родины». Борьба бандитов, руководимых Москвой, получает отпечаток отечественного героизма, и нельзя отрицать тот факт, что под впечатлением успехов бандитской войны местное население все больше прислушивается к пропаганде и все больше и больше уклоняется от сотрудничества с немцами. Отрицательное влияние на население в городах оказывает тяжелое продовольственное положение. Не полностью проведенная реформа[211] вызвала недоверие к нам крестьян. Вдохновляемая первыми успехами, бандитская война на территории тыла армейской группы «Центр» принимает все более серьезные формы.

«В ответ на призыв товарища Сталина по всему огромному фронту и на всей территории, временно оккупированной врагом, разгорается пламя партизанской войны. В огне партизанских сражений против немецко-фашистских оккупантов куются смелые и мужественные кадры народных мстителей, которые покрыли себя неувядаемой славой. Борьба не прекращается! Она разгорается, принимает все более ожесточенный характер», — с таким призывом обратился политический отдел русской армии ко всем партизанам и партизанкам. «Начальник Центрального штаба партизанского движения[212] в ставке Верховного Главнокомандующего» в одной из боевых директив, попавшей в наши руки, призывает бандитов выполнить свой долг так, как выполняют его бойцы на фронте, разрушать немецкие коммуникации снабжения (в частности станцию Орша), уничтожать мосты и немецкие склады.

Призыв и директива создают новое положение.

Молниеносно, на основании этой директивы, усилилась бандитская война и следует рассчитывать на то, что еще до зимы будут возрастать усилия противника с целью добиться крупных успехов. Тем более вынужденное теперь использование почти всех частей только на охране дорог благоприятствует возможности таких успехов. Мы вынуждены отказываться от проведения срочно необходимых и хорошо подготовленных крупных операций против банд. Важные в хозяйственном отношении районы[213] мы уже были вынуждены оставить врагу. Ожидаемый с большими надеждами урожай в этих районах будет уничтожаться. Населенные пункты, жители которых сотрудничали с немецкими учреждениями, сжигаются бандитами, пронемецки настроенные жители убиваются.

Располагающиеся еще в этих населенных пунктах команды военных или хозяйственных учреждений находятся под величайшей угрозой. Как уже показали примеры, банды стараются также актами саботажа, применением горючих веществ и т. д. сжечь на складах снабжения запасы продовольствия, сена, соломы. С грубой жестокостью принуждают бандиты пассивные русские массы к антинемецким действиям. Таким образом, нельзя даже привлечь рабочую силу для очистки дорог от снега. Предусмотренное обеспечение войск за счет страны больше неосуществимо. Население сожженных деревень, ищущее защиту у немецкого Вермахта, представляет дополнительную обузу. Несмотря ни на какое усиление охраны железнодорожных путей, можно будет только уменьшить количество диверсий[214], а тем самым сократить и время простоя подвижного состава, но не предотвратить таковые[215]. Общие коммуникации снабжения армейской группы «Центр» остаются[216]. Как мы ведем борьбу против вражеского тоннажа, так и русские ведут борьбу против районов погрузки и наших эшелонов со снабжением.

Изложенная выше угрожаемая обстановка представляет большую опасность для территории между фронтом и рейхом и показывает, [какое] важное значение имеет усмирение этой территории. Некоторые надежды на ослабление деятельности банд связаны с переброской на территорию тыла учебно-полевых дивизий и запасных формирований Военно-воздушных сил, а также с возвращением 5 охранных батальонов. Однако не признается, что резервные части Вермахта и Люфтваффе смогли бы принести некоторое облегчение. В связи с тем, что эти части не могут быть использованы для активной борьбы против банд, их значение как «начинки» может проявиться в полной мере только тогда, когда рядом с ними появятся наготове охранные части для наступательной борьбы против банд.

Запасные формирования и в районах расквартирования, и в районах усмирения будут предоставляться в распоряжение охранных дивизий только в ограниченных размерах. Решающее значение имеет возвращение охранных батальонов[217]. Отсутствие их означает еще большее усложнение обстановки в связи с тем, что возвращение двух батальонов, временно предоставленных в распоряжение LIX армейского корпуса, задерживается.

Я серьезно указываю на серьезность создавшегося положения. Используемые на охране дорог части располагают только незначительными ударными группами, но ни командующий генерал, ни

командиры дивизий не имеют какого-либо резерва. Впрочем, нельзя не принять во внимание все возрастающую усталость войск, непрерывно занятых в операциях и на охране дорог[218]. Части сознают свою полную ответственность перед фронтовыми войсками и прилагают все усилия к тому, чтобы обеспечить им безопасный тыл и беспрепятственное снабжение.

Что касается населения, то оно в основной массе настроено против Сталина, большевизма и бандитской деятельности. Оно одобряет защиту их немцами и опасается слабости немцев в борьбе против банд, в результате которой оно подвергнется террору бандитов. Так как мы не можем сообщить населению свои политические цели[219], то есть опасность, что оно в районах, не контролируемых нами, под давлением банд присоединится к ним, в особенности, когда ловкая и интенсивная русская пропаганда усиленно проповедует участие в бандитском движении как национальную обязанность.

В приложении обзор имеющихся в распоряжении охранных сил, а также распределение их по охраняемым дорогам и прочим объектам.

Командующий генерал ШЕНКЕНДОРФ.

Генерал пехоты

Приложение к сообщению № 571/42, секр.

БОЕВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИМЕЮЩИХСЯ В РАСПОРЯЖЕНИИ СИЛ

а) На охране дорог:

35 охранных батальонов

7 полицейских батальонов

3 русских батальона

Итого: 45 батальонов

б) На других охранных объектах:

4 охранных батальона

5 полицейских батальонов

1 русский батальон

Итого: 10 батальонов

Общее количество:

39 охранных батальонов

12 полицейских батальонов

4 русских батальона

Итого: 55 батальонов[220]

Исходя из 13500 человек боеспособного состава в 45 батальонах[221], которые несут охрану дорог (300 чел. в каждом батальоне), в общем на каждую охраняемую линию в 2700 км в среднем приходится на каждые 400 метров один сдвоенный пост. Но так как патрули должны сменяться через 12 часов, то один сдвоенный пост приходится на 800 метров. При этом не учитывается, что значительные силы выделяются для охраны инженерных сооружений и в резерв ударной группы. Группой армий «Центр» отдан приказ о возвращении 44-го охранного полка с двумя батальонами (Главное командование группы армий «Центр», оперативный отдел, регистр. № 7900/42, секр. командов.), в то время как возвращение двух охранных батальонов из 2-й танковой армии, одного охранного батальона из 4-й армии и двух охранных батальонов из 9-й армии, итого 5 батальонов, снова отложено.

Документ 2

ПИСЬМО КОМАНДИРА ОСОБОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ ГРУППЫ — НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА ТРУДА
РУССКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ[222] Гражданину Кумейша Николаю[223]!

Нам известно, что вы работаете начальником отдела труда. Вы встали на путь предательства и измены Родине, на путь борьбы со славянским народом.

Вы славянин, за немецкие гроши встали на путь злодеяний и преступлений, творимых немцами на нашей земле. Каждый их шаг делает отпечаток крови тысяч замученных и расстрелянных славянских народов.

Вас в скором времени ожидает возмездие и суровая расправа народа. Час расплаты недалек. Красная Армия наступает и недалеко от наших краев. Немцы отступают на Запад, но им не уйти от расплаты. А что вы будете делать? Вас народ раздавит и задушит, как изменников Родины, как участников всех злодеяний и убийств, совершенных немцами на наших полях.

Для вас остается одна возможность, которая спасет вам жизни и вашей семье. Эту возможность мы вам предоставляем, если вы сейчас приложите все силы для борьбы с немцами, то есть, если вы изъявите свое согласие с нами работать и выполнять наши поручения.

Вам необходимо:

- 1) предоставить подробный список всех работников управы, указывая их возраст, национальность, местожительство и <...>[224]
- 2) Дать список лиц, с которыми вы имеете связь. Вот, Николай! Задача для вас очень легкая, но выполнение ее гарантирует вам жизнь. Смотрите — или жизнь или умереть от руки народа. Ответ и список, а также согласие о связи с нами передайте родителям в дер[евню] Подлесье к 29/XI. Делайте так, чтобы об этом знал я и вы.

Если вы только вздумаете предать подателя сего письма или об этом разболтаете, то <...>[225] вместе со всей семьей, вы будете уничтожены.

Чтобы подтвердить ваше согласие о работе с нами, подпишите приложенную подписку.

Командир особой партизанской группы,

23. XI.43. Андрей[226]

ПОДПИСКА

Я, Кумейша Николай, изъявляю свое согласие выполнять данные мне поручения командира партизанской группы. О своей связи обязуюсь никому не говорить.

В случае нарушения подписки буду расстрелян как изменник Родины вместе со всей своей семьей.

Подпись:[227]

Документ 3

РЕЗУЛЬТАТЫ ПАРТИЗАНСКИХ ОПЕРАЦИЙ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ В ТЫЛУ ГРУППЫ АРМИЙ «Центр» за период с апреля 1943 года по май 1944 года (по данным штаба группы армий «Центр»)[228]

Месяц

Количество диверсий, нападений, засад и т. п.

Взорванные и поврежденные мосты

Поврежденные ж/д рельсы (в погонных метрах)

Попытки вызвать крушения поездов

Поврежденные локомотивы

Поврежденные вагоны

Апрель 626

—

1760

210

—

—

Май 765

—

1640

232

35

106

Июнь

841

44

1780

272 298

1222

Июль

1114

39

4290

306

— —

Август

1392

56

20505

205

266

1378

Сентябрь

1256

38

14150

343

109

600

Октябрь

1073

47

—

285 323

1114

Ноябрь

—

26

—

—

353 989

Декабрь

750

— —

—

233

506

Январь 870

—

17500

—

298

845

Февраль 907

—

23000

—

291

645

Март 775

—

24000

—

237

824

Апрель

1013

—

—

—

330

1108

Май

1052

—

14000

—

299

805

Знак «—» вероятно означает, что в оригинале документа сведения отсутствуют или не поступили.
— К. А.

Документ 4

Члену Политбюро ЦК ВКП(б)

Секретарю Центрального Комитета КП(б)У

Тов. ХРУЩЕВУ Н. С.[229]

От военного корреспондента «Правды» капитана Л. Коробова[230]

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

В конце мая и в начале июня с. г., согласно решению ЦК КП(б)У, я побывал в 1-й Украинской партизанской дивизии им. дважды Героя Советского Союза генерал-майора Ковпака, действующей в тылу врага. Собирая материал для «Правды», я наткнулся на несколько вопросов, волнующих личный состав дивизии. Считаю своим долгом сообщить об этом Вам.

1. При выдвижении некоторых товарищей на заместителей командиров подразделений по политчасти было установлено, что не только они, но и многие, уже работавшие заместителями командиров по политчасти, имеют неоформленные партийные дела. Почти у всех кандидатов в члены партии и членов партии, принятых в парторганизации дивизии, нет окончательного решения о приеме. Окончательное решение должен выносить Райком. Но Райком там нет, а являться на большую землю[231] в Райкомы, естественно, партизаны не могут. Сам командир дивизии подполковник ВЕРШИГОРА[232] также не утвержден окончательно.

Коммунисты-партизаны просили меня передать Вам следующее по этому вопросу: может быть, можно ввести в дивизии партийную комиссию с правами партийной комиссии дивизии Красной Армии. Если этого сделать нельзя, то может быть ЦК КП(б)У пришлет в дивизию группу

товарищей, которые на месте вынесут окончательное решение о вновь принятых в кандидаты партии и произведенных из кандидатов в члены партии.

Кроме того, в дивизии партийная организация нуждается в разъяснении в отношении приема в партию бывших пленных, «окруженцев», отличившихся в боях с немецкими захватчиками.

2. Многие партизаны дивизии выражали обиду на то, что после Карпатского рейда[233] в дивизии осталась большая группа товарищей, отличившихся в боях, но не награжденных[234].

3. Командиры, политработники и бойцы, заботясь о дальнейшей судьбе своей дивизии, выразили такое пожелание: после войны 1-ю Украинскую партизанскую дивизию им. дважды Героя Советского Союза генерал-майора КОВПАКА нужно закрепить за Наркоматом Обороны Украины и на базе ее развернуть дивизию с полным составом офицеров и бойцов. Многие партизаны выразили желание, чтобы дети украинских партизан, когда подрастут, проходили бы службу в своей родной партизанской дивизии.

4. Видимо, назрел вопрос о расширении дивизии. В каждой роте, батальоне, полку, где бы я ни был, всюду шли разговоры о росте, о введении третьих батальонов в полках (сейчас два батальона в полку). Я спросил командира дивизии о том, хватит ли для роста дивизии командного состава, подполковник ВЕРШИГОРА ответил, что командного состава хватит еще на такое же количество бойцов, народ вырос, и многих бойцов, в особенности старых партизан, можно вполне ставить командирами взводов и т. д.

Очевидно, дивизия нуждается в разъяснении — стоит ли ей развернуться до крупных размеров или же оставаться в прежнем составе, придерживаясь 1500–2000 человек[235].

5. Ежедневно в дивизию приходят белорусские партизаны с просьбой принять их в украинские партизаны. Они заявляют, что наголодались по войне, что за время пребывания в белорусских отрядах многие из них по врагу не сделали ни одного выстрела.

Когда их принимают в дивизию, то вскоре от белорусских партизанских бригад начинают приезжать командиры и учиняют «розыски» сбежавших, называя их дезертирами. Несколько человек, ушедших из белорусских отрядов в дивизию, были отозваны обратно в бригады и в них расстреляны как предатели Родины[236].

Некоторые белорусские бригады и отряды изъявили желание целиком перейти в 1-ю Украинскую партизанскую дивизию. Почему большое количество белорусских партизан хочет уйти из подчинения партизанских краев и районов БССР?

Этот вопрос оказался весьма глубоким и сейчас как никогда требует срочного поправления.

Белорусское партизанское движение весьма мощное по количеству[237]. В советской печати я читал о боевых действиях белорусских партизан, сам три раза переходя линию фронта, в районе Витебск — Невель, имел возможность видеть боевые действия партизан БССР в 1942 году.

Но, дважды посетив партизан Минской группировки и встретившись с большим количеством партизан других областей на западе Белоруссии, я пришел к выводу, что сейчас в белорусском партизанском движении на западе республики не все благополучно.

В Пинской области движение мощное по количеству, такая же картина видимо и в других областях, но по силе воздействия на коммуникации врага и его военные объекты движение весьма слабое[238].

Белорусский штаб партизанского движения[239], об этом говорят многие партизаны БССР, по отношению к противнику принял оборонительную тактику. В областях были созданы группировки, в них посажены подпольные Обкомы и Райкомы, в задачу их входит — оборонять районы, в которых

они дислоцируются. Это делается для того, чтобы сохранить от противника мирное население и воздействовать на коммуникации и военные объекты врага. В Пинской области, да по рассказам и в других областях, в результате этого партийные работники, будучи невоенными людьми, подмяли военных и ввели оборону районов, где они находятся, сковали инициативу руководителей партизанских подразделений.

Если посмотреть на карту, то мы увидим следующее: болота и лесные массивы в руках партизан. Равнины, шоссейные и железные дороги — в руках противника.

На примере Пинской группировки, к которой по территории примыкает Барановичская и Минская, можно установить причины слабой активности белорусских партизан. Пинская группировка, как и другие, противником была оттеснена в болотистые районы. Немцы эту группировку обложили полицией, а свои силы поставили на охрану коммуникаций. Кроме того, противник ослабил удары партизан по коммуникациям тем, что организовал гражданскую войну на западе Белоруссии между партизанами, полицией и так называемой «самооховой», насчитывающей по разведанным 200000 штыков[240].

Белорусские партизаны и бойцы 1-й Украинской партизанской дивизии по этому поводу мне рассказали следующее: между партизанскими краями и немцами лежат нейтральные села и деревни. Пинские партизаны в такие села и деревни ездили на хозяйственные заготовки и по существу грабили их. Немцы, приезжая в такие села, говорили крестьянам: «Вас грабят бандиты, сочувствуем. Эти бандиты оккупанты из Белоруссии, и с ними надо бороться». Это нашло сочувствующий отклик среди жителей нейтральных населенных пунктов. В другой раз немцы привозят винтовки и, раздавая их населению, говорят: «Мы о Вас заботимся, мы Вас жалеем, вот Вам оружие, обороняйтесь». Вооруженные крестьяне начали бить мелкие заготовительные группы партизан. Тогда бригады Пинских партизан начали посылать в нейтральные села и деревни отряды. Эти отряды, конечно, одерживали победу и объявляли нейтральные села и деревни «сволочными и полицейскими».

После этого немцы в нейтральные села и деревни начали засылать комендантов, которые говорили крестьянам, что им нужна организация. Вооруженные мужчины разбивались на взводы, были введены караулы, заставы и засады. Тогда партизанские отряды, засидевшиеся в лесах, отвыкшие от настоящих боев, начали бояться нейтральных населенных пунктов.

И тогда немцы, одев взвода деревенской самообороны в свои шинели и обувь, повели их на партизанские отряды для того, чтобы отбить угнанных последних коров. Так противник организовал гражданскую войну, которая начала отвлекать партизан от разрушения коммуникаций и военных объектов.

А затем немцы стали увозить сформированные в деревнях подразделения в так называемую «белорусскую армию»[241].

(О грабежах Пинскими партизанами нейтральных сел и деревень, об организации противником «самооховы» в Белоруссии и о раздувании немцами гражданской войны подробные материалы находятся у командования 1-й Украинской партизанской дивизии.) О том, что немцы считают белорусских партизан оккупантами, свидетельствует следующий факт: Ганцевичский гебитскомиссар прислал командиру дивизии подполковнику ВЕРШИГОРА письмо, в котором предлагает обменять находящихся у него пленных партизан, на плененных партизанами немцев и белорусов[242].

То, что нейтральные населенные пункты не являются «сволочными и полицейскими» подполковник ВЕРШИГОРА проверил следующим образом. Без шума и выстрелов второй полк его дивизии под командованием майора КУЛЬБАКИ[243] занял нейтральное село Морочь. Население встретило полк враждебно. «Самооховцы» частью разбежались, а большинство, не успев уйти,

осталась. Комдив приказал полку не воевать[244]. Полк стоял в селе два дня и жители удивлялись — почему их не грабят. Тогда Кульбака собрал собрание и, учтя семьи красноармейцев, вдов и стариков, выделил часть лошадей полка для запашки последним земли. Полк в Морочно стоял 10 дней. Крестьяне с помощью партизан посеяли, «самооховцы», бежавшие ранее, стали группами возвращаться в село. Они рассказывали, как жестоко грабили село Пинские партизаны генералмайора КОМАРОВА[245]. Немцы, увидя, что соседняя рота «самооховцы» разложилась, мгновенно вывезли ее в Барановичи.

Когда полк уходил из села, жители вышли провожать его и плакали, говоря: «Не уходите — придут партизаны и нас побьют».

После этого случая в нейтральных населенных пунктах пошел слух о том, что из Советского Союза прилетел сам КОВПАК[246], спустил с парашютами лошадей, телеги, бойцов и помогает крестьянам сеять. КОВПАК стоит за мужиков, а немцы в Барановичской области жгут посева.

КОМАРОВ утверждает, что он контролирует свою область. Это неверно. Его группировка загнана в болота, находится без районов, бригады ее выключены из войны, в боевом отношении подразложились. КОМАРОВ считает, что у него 40000 бойцов. Это сплошное очковитительство. Он развил своеобразное крестьянское движение, отнюдь не похожее на партизанское, не работающее в интересах фронта.

Видимо, об этом не знает Белорусский штаб. Трусливые Пинские партизаны бегут от малочисленных немецких подразделений, оставляя врагу села и деревни. В этой группировке я был полтора года назад, видел села и деревни, сейчас же, побывав там, я нашел на месте населенных пунктов одни пепелища.

Видимо, люди, бывшие в командировках от руководящих органов у Пинских партизан, не подсказывали Белорусскому штабу, что после сбора партизанских сил необходимо перейти от оборонительной тактики к маневренно-наступательной, что не в традиции советских партизан ждать, когда на них пойдет противник, что в партизанских действиях решает не количество, а качество и военные приемы, как внезапность появления и стремительность удара.

Бойцы Пинской группировки не виноваты — они засиделись, обнищали, оборвались, их разлагает оборона. Они плохо вооружены, автоматическое оружие, в большинстве своем, стянуто к штабам для их охраны. Наиболее сознательные бойцы, чувствуя упреки совести, приходят в 1-ю Украинскую партизанскую дивизию, боевая слава о которой гремит от Карпат до Варшавы, с просьбой включить их в войну.

Совершенно возмутителен тот факт, что в Пинской группировке людей, желающих воевать наступающе, а не оборонительно и ищущих поэтому пути к рейдирующим соединениям, считают дезертирами и расстреливают. При мне, в 1-ю Украинскую партизанскую дивизию было принято несколько десятков бойцов, перешедших из различных бригад и отрядов. Командование бригад, приезжавшее в дивизию, говорило о них как о предателях; характерна в этом отношении следующая записка: «Начальнику особого отдела 1-й Украинской партизанской дивизии[247] от комбрига 118-й партизанской бригады им. Фрунзе — сообщаю по существу Вашего запроса о дезертирах моей бригады: предварительное заключение на ярых шпионов Вам дал мой начальник особого отдела. На других у меня также есть компрометирующий материал. Комбриг КЛИШКО[248]». Так командование Пинских партизан клеймит бойцов, желающих по-настоящему сражаться за Родину.

Для характеристики переходящих в дивизию можно привести хотя бы такой факт: один из минеров Пинской группировки пришел к подполковнику ВЕРШИГОРА и попросил взять его в дивизию. На вопрос командира: «Почему он хочет уйти из своей бригады?» — последний ответил: «Когда приходишь с диверсии, тебя заставляют охранять жен командиров, совершенную диверсию тебе

не записывают, и если поднимешь об этом разговор, то грозят расстрелом. Непокорных расстреливают.

В 1-й Украинской партизанской дивизии командование правильно считает, что в Пинской, Минской и Барановичской группировках надо дать оружие не разложившимся, ввести жесткую партизанскую дисциплину, поставить задачи на рейды; нацелить на военные объекты противника и заставить воевать.

Находясь у генерал-майора Комарова, я почувствовал, что он заботится больше не о войне с немцами, а о достойном выходе из нее. В его штабе раздавались разговоры о том, что можно, не заметив того, остаться в тылу советских войск. КОМАРОВ мало похож на генерала. Он родом из деревни Хорустов (ныне сожженной), находящейся в расположении группировки, имеет по деревням много родных. Партизаны рейдирующих групп называют его помещиком. При встрече с командирами полков 1-й Украинской партизанской дивизии он говорил так: «Вы травите мои посева, вы находитесь на моей земле, я Вам не дам своего аэродрома». Это трусливый человек, поэтому он отказался от наступательных действий и ушел в болота.

Надо было бы белорусских партизан вывести из болот и заставить работать на коммуникациях врага.

Вот все, что я хотел Вам доложить.

Л. КОРОБОВ /подпись/ 23 июня 1944 года

ГЛАВА II. КИЕВ

Э. К. Штеппа Из воспоминаний[249]

19 сентября 1941 года

19 сентября 1941 года... Можно не сомневаться в том, что этот день живет в памяти киевлян того времени, где бы они сейчас ни проживали, более отчетливо, чем большинство прочих дней за прошедшие после него пятьдесят семь лет. Многих, очень многих из них нет уже, конечно, среди нас, еще живущих... Вечная им память. Вечный покой и царство Небесное...

Дана ли им, ушедшим из жизни земной, Богом, Творцом всего сущего, способность вспоминать былое, никто этого не знает. Ум человеческий не в силах постичь даже того, что такое жизнь сама по себе... А уж как, зачем, почему и т. п. — обо всем этом ни говорить, [ни] тем более спорить не приходится, не стоит. Так вот же, пока я еще живу и помню, могу поделиться тем, что помню, что понял. Имея потребность общения с мне в разной мере подобными живущими, попытаюсь это сделать, начав с этого упомянутого мною дня.

Всю предшествующую этому дню ночь мы, как и большинство соседей наших, не спали, возбужденные сознанием значимости происходившего, страхом, точнее, душевным трепетом перед неизвестностью ближайшего будущего... Ощущалась и боль, смешанная с радостью, при мысли о чем-то уходящем, так привычном... Как нам тогда казалось, навсегда... Говоря «мы», я подразумеваю нашу семью, состоявшую тогда из четырех человек: отец — Константин Феодосьевич Штеппа[250], сорока шесть лет, профессор истории; мать — Валентина Леонидовна, сорока одного года, учительница русского языка и литературы; сестра моя старшая — Аглая, выпускница средней школы, семнадцати лет; и я — ученик девятого класса, в возрасте без одного месяца шестнадцати лет, младший сын Эразм.

Кроме внутренних факторов, не дававших нам заснуть, были и внешние: прежде всего гул канонады, близкий и угрожающий, вой с визгом пролетающих над домами снарядов, грохот, сотрясающий и дом наш и, казалось нам, всю землю, взрывов подрываемых складов боеприпасов в скверах города арьергардом уходящих из Киева советских войск[251]. К великому счастью горожан, столицу Украины решено было из стратегических соображений сдать без боя. Слишком уж далеко на восток от Киева смыкалось кольцо окруженных на этом участке фронта армий[252]. «Слава Тебе, Господи!» — говорили многие понимающие, что этим самым избежали жители возможного ужасного кровопролития в так называемых уличных боях.

Я и Аллочка, так называли сестру мою в семье, лежали на застланном ковром и одеялами бетонном полу нашего любимого балкона, находившегося на втором этаже дома номер 37 по улице Большой Владимирской, переименованной в Короленко, квартиры 12 А. Мама лежала в кровати. Она тоже не спала, конечно, и окликала нас после каждого близкого взрыва, звала настойчиво зайти в комнату, где, как ей казалось, было бы безопаснее. Папы не было дома: он благоразумно пошел ночевать к надежным друзьям, опасаясь ареста как бывший политзаключенный в годы «ежовщины». Опасения папы были очень обоснованными, мы убедились в этом, так как за ним в эту ночь «приходили». Мы с Аллой видели с балкона подъезжавшую к дому нашему машину и отвечали приехавшим, дрожа и заикаясь, что отца дома нет, — он мобилизован военкоматом. Это подтвердил и сопровождавший их дворник. Слава Богу, они поверили и ушли.

Как мы позже узнали, многих в эту ночь «взяли»... Навсегда... Многие опознали тела своих близких в подвалах НКВД после открытия их пришедшими немецкими солдатами. О, как ждали мы папу все утро!.. Особенно после этого визита. Мама и Алла не переставая плакали, допуская худшее. Я, как мужчина, не позволял себе эту слабость. С балкона мы видели проходящий, отступающий к Днепру, отряд красноармейцев. «Прощай, дочечка! Мы уходим!» — крикнул один из солдат Алле, заметив ее заплаканное личико. Алла бросила ему цветочек с балкона и зарыдала. Многие махали нам руками. Некоторые опустили головы, а некоторые нервно смеялись[253].

Папы все не было. Появился мой друг Володя Полуботько, безуспешно ухаживавший за Аллой в последнее время. Она не любила, когда он приходил, но сегодня обрадовалась его появлению, как всегда сопровождаемому шутками и смехом. Володя пришел в военной форме, в «полном боевом» — с винтовкой, противогазом, патронташами и проч. Мама испугалась, что соседи услышат и донесут. Просила всех говорить тише, дала ему переодеться. Винтовку и патроны, положив в мешок, отнесли в сарай, где мы все это надежно, как нам казалось, спрятали. «Может быть, после пригодится», — сказал Володя, многозначительно усмехаясь. Когда мы вернулись в комнату, там уже были слышны громкие голоса, еще тревожные, но с нотками облегчения и радости. Соседи из нашей коммунальной восьмикомнатной квартиры, не взятые по разным причинам в армию, сидели за столом, на котором стоял графин с вишневым и стаканы и кое-что для закуски. А самое радостное для меня было то, что за столом сидел и папа — цел и невредим. В комнате слышался его тихий, всегда успокаивающий голос. Он, как всегда охотно, старался дать исчерпывающие ответы на возбужденно и наперебой задаваемые ему вопросы.

Все желали узнать его мнение о создавшемся необычном положении. Высказывались разные мнения. Иногда одно опровергало другое, но, прислушавшись, я понял, что в окончательном поражении советского режима никто не сомневался. Даже Тимофей Полуботько, отец Володи, парторг завода «Большевик», был здесь и, хотя и с горечью в голосе, но признавал этот, тогда казавшийся неоспоримым, факт. Включили радиоприемник, еще не сданный властям, слушали сообщения советского Информбюро об успешных, правда, оборонительных боях на Житомирском направлении и ни слова о сдаче Киева[254]. Как же можно было дальше верить советским новостям! Володя предложил мне и Алле побродить по городу — увидеть все своими глазами. Не послушавшись [предостережений взрослых, мы пошли.

Улицы были полны возбужденным народом. Люди то тут, то там стояли группами, слушая рассказы всезнаек. Говорили, что в городе безвластие: не видно ни наших, ни немцев. Идет грабеж магазинов, учреждений. Одни сокрушались, иные и возмущались, кое-кто и радовался, предвкушая возможность наживы. Вскоре мы увидели то, о чем только что слышали, не веря своим ушам. А теперь приходилось воочию убедиться: бились огромные витрины, высаживались натиском толпы двери магазинов под смех и улюлюканье молодежи[255]. Были и редкие, робкие призывы к гражданской совести, но их или не слышали, или высмеивали. Некоторые женщины плакали. Некоторые крестились, чего нам раньше не приходилось замечать. «Господи, скорее бы пришли немцы! — причитали старушки. — А то после магазинов дойдет очередь и до квартир».

Кто-то крикнул, что немецкие моторизованные части вступают в город со стороны Воздухофлотского шоссе по бульвару Шевченко. Когда мы добежали туда, необычная картина предстала пред нашими глазами: по мостовой двигались автомобили и мотоциклы с немецкими солдатами. Солдаты были усталые, в пыли дорог, а некоторые — с перевязанными руками и головами[256]. Но лица их доброжелательно улыбались. Жители города сначала робко и недоверчиво, но с минуты на минуту смелее, подходили все ближе к обочине тротуара. Пока мы дошли до угла Крещатика, там уже было настоящее ликование и братание. Люди дарили пришедшим солдатам только что награбленные детские игрушки, цветы, пестрые косынки. Подбрасываемые шапки летали в воздухе. Слышны были крики «ура!». Многие крестились... Я думал, что некоторые крестились впервые в жизни. По многим лицам текли слезы. Это были слезы разрядки измученных постоянным страхом людей[257]. Некоторые, особенно пожилые крестьянки, становились на колени, пытались обнять ноги проходящих победителей — освободителей? захватчиков? Я смотрел на это и сам заражался общим настроением: хотелось смеяться, петь, радоваться. Проезжала автомашина с громкоговорителем, из которого по-русски громко и ясно разъяснялась ситуация. Сообщалось положение на других участках фронтов.

Возбужденные неожиданным зрелищем всеобщей, как казалось, радости, мы поспешили домой, чтобы поскорее поделиться с родителями, рассказать им обо всем виденном и слышанном. По дороге домой встречали многих знакомых. Лица многих выражали восторг. Другие недоверчиво мотали головами, говоря, что веселье неуместно и «то ли еще будет»...

Около нашего дома нас догнал мотоцикл с тремя немцами. Один из них спросил на чисто русском языке: «Где ваше НКВД?» Я вызвался показать им. Ведь это страшное заведение было через один дом от нашего, на нашей улице. Оно так и называлось в народе — «Короленко, 33». Вскочив на коляску мотоцикла, я поехал с солдатами. Остановились перед этим пугалом. Перед фасадом его еще вчера стояли вооруженные часовые, по тротуару ходили бдительные агенты, не позволявшие никому останавливаться.

Я ходил когда-то в школу мимо этого монстра[258]. Мне было тогда семь лет. Как-то [я] уронил свой ранец, рассыпалось его содержание: учебники, тетради, карандаши. Стал я собирать свои школьные принадлежности. Сейчас же как с неба свалились, подбежали ко мне две фигуры в цигейковых полушубках и фетровых бурках, помогли собрать, фамилию и адрес записали, обыскали, прогнали, пригрозив строго, чтоб этого больше не было, чтоб никогда больше перед домом этим не останавливался. И вот впервые через девять лет нарушил я данное им мое «честное пионерское»... Сейчас не было здесь никого, кроме нас, приехавших. Прохожие по привычке переходили на другую сторону улицы во избежание неприятностей или даже... Да кто его знает, что им вздумается. Подальше от греха.

Некоторое время стояли мы молча перед закрытыми огромными парадными дверьми, казалось, спящего громилы... Немцы о чем-то совещались между собой. Я содрогнулся, вспомнив, что в этом доме два года назад сидел арестованным мой отец, и, выйдя на волю почти перед самым началом войны, он рассказывал нам об ужасных пытках, которым подвергались арестованные в стенах этой цитадели советской власти, ее главной, надежной, примитивно жестокой опоре. Эта

грубая и бездушная, казалось, безликая, никем и ничем не ограниченная сила была всегда способна и готова уничтожить, замучивши, каждого не только враждебно настроенного или недовольного, но и самого лояльного, боявшегося даже подумать — не то что сказать — что-либо негодное власти имущим. Этот таинственный, легендарный под псевдонимами ЧК, затем — ДОПР[259], затем — ГПУ и, наконец, НКВД, молох с кровожадностью неслыханной поглотил уже к этому времени не только бывших противников своих — белогвардейцев... Его жернова перемололи все существовавшие революционные оппозиционные партии — эсеров, анархистов, меньшевиков и пр. У обжор, говорят, аппетит приходит с едой, а преступники, пролившие кровь невинных, не могут сами остановиться, становясь маньяками... Так и большевистские каратели принялись поглощать себе подобных, из своих же рядов: чекистов, ветеранов революции, казалось бы, до сих пор неприкосновенных, прославленных и воспетых в песнях революционных борцов за советскую власть[260].

А молодежь, в том числе и дети замученных в тюрьмах и лагерях жертв, распевали с энтузиазмом: «Легко на сердце от песни веселой...» Они размахивали кроваво-красными знаменами, с восторгом в глазах и криками «ура!» несли портреты «вождя народов» и других еще уцелевших вождей и руководителей, трепетавших по ночам в своих кремлевских покоях. С холодящим сердца ужасом они ожидали своей очереди...

Это была какая-то «эпидемия» — агония исчадиев ада, чующих приближение возмездия, давно заслуженного, [но] так до сегодняшнего дня и не наступившего. От попадания в число жертв не застрахован был никто[261]. «Вот она — легенда, т. е. по-русски былина, про Змея Горинчища», — объяснял нам наш папа. Чаще всего попадали на мушку интеллигенты, люди, получившие образование хоть в царское, хоть в советское время, а следовательно работающие на различных руководящих постах социалистического «народного» хозяйства. Но и колхозники, не имевшие даже паспортов в большинстве своем, и без- или малограмотные не имели гарантии от возможной «посадки» по политической статье УК СССР, известной всем 58-й с ее шестнадцатью пунктами[262], на срока от десяти до двадцати пяти лет лишения свободы и поражением в правах. Это могло означать и вечную ссылку в места, где Иван телят не пас. Особенно пострадали русские немцы, жившие в так называемых колониях. Большинство из них было расстреляно без суда и следствия по постановлению так называемых «троек»[263].

Все узнали обо всем этом. Но реакция была разная — по многим причинам. Неистовые колхозники утверждали, что в лагерях им было легче, сытнее и беззаботнее, чем в родном колхозе. После освобождения они получали паспорта, а значит и шанс уйти из колхоза в города. Многие из них становились дворниками, грузчиками и даже извозчиками. Многих засасывала трясина преступного мира. Таким образом, тюрьма была для них родным домом. Все в жизни относительно. И не только пути Господни неисповедимы. Хоть мне тогда еще не исполнилось и тринадцати лет, но я по ряду обстоятельств научился видеть все это без розовых очков. Моему раннему прозреванию способствовали почти повальные аресты среди интеллигенции, в том числе и отца моего. Был я к тому же очевидцем многолетнего страха, каждодневного ожидания ареста того, что «за ним придут». Рассказы отца после освобождения о методах следствия и их жертвах вызвали содрогания в моем детском воображении. В числе жертв была и мать моего друга Виктора, Анна Лобачёва, работник радиовещания, убежденная коммунистка, но очень порядочная и образованная женщина. Она потеряла по очереди своих двух мужей, уничтоженных чекистами, — легендарного чекиста Броневского[264] и партийного руководителя Половцева. В заключение она сама пала жертвой сталинской инквизиции.

Важную роль в моем интеллектуальном созревании сыграли, конечно, моя первая, по-детски чистая и не по возрасту сильная, любовь к моей соученице Асе Могилевич, и тот факт, что ее отец, известный врач «ухо — горло — нос» был также арестован и выпущен почти в одно и то же время с моим отцом. Ася была старше меня на два года и, следовательно, умнее и наблюдательнее.

Общее горе сблизило нас настолько, что мы полностью доверяли друг другу. Я любил ее так, что увидел окружающий мир ее глазами, и ее понятия и взгляды стали моими. Под влиянием Аси я понял, конечно, по-своему, по-мальчишески, всю аморальность, жестокость и безумие коммунистической идеи, сеющей вражду и ненависть, особенно в проведении [ее] в жизнь Сталиным и его «соратниками». Аси нет уже давно среди живых, но она жива в душе моей.

Сейчас вернемся к Киеву 1941 года, к этому страшному дому на Короленко[265], 33. В доме не было ни живой души, как говорится. Но в подвале, где находились камеры следственной тюрьмы КПЗ[266], были оставлены трупы убитых перед отступлением заключенных. Дом был заминирован, но немецким саперам удалось вовремя обнаружить и обезвредить взрывные устройства. Дом остался неповрежденным и сослужил верную службу оккупационным властям. Там расположилось с удобством немецкое Гестапо[267], продолжавшее дело уничтожения людей за их взгляды и потенциальную опасность с не меньшей активностью. В 1943 году после «освобождения» Киева советскими войсками вернулись и старые хозяева — НКВД, — [но] уже под другим названием: КГБ при МВД[268]. Меняются только названия и флаги на крыше. Теперь там гордо развевается «жовто-блакитный» с трезубом. «Крепка тюрьма, да черт ей рад» — гласит народная мудрость.

Картина, увиденная мною в подвале, поразила мою юную психику, в глазах потемнело, мысли спутались, и сердце выбивало барабанную дробь. Я схватился за холодную каменную стенку коридора и, не поворачиваясь, попятился к выходу. На лестнице, споткнувшись, упал, встал, развернулся и бегом выскочил в вестибюль мимо копошившихся там людей, вылетел на улицу. «Папа... папа...» — шептали мои губы. Ведь он находился в этом кошмаре два года, а я с мальчишками по вечерам, бывало, прижимал ухо к высокой черной стене, одним углом своим выходящей во двор, в котором мы играли. Иногда нам слышны были раздирающие душу вопли и крики подследственных. Тогда я прислушивался, дрожа от мысли, что это мог быть и папин голос. Мы знали, что он сидит в этом доме. Боже мой, какое счастье, что он сейчас дома! А мог бы...

По дороге домой я дал себе клятву, что пойду сражаться против «Змея Горинчища» при первой возможности. Каждого немецкого солдата при оказии я расспрашивал: «Где части русских добровольцев? Когда придут они сюда?»[269] В существовании таковых я не имел ни малейшего сомнения, это было для меня само собою понятное, логически неизбежное... К великому сожалению, я начал скоро убеждаться, что логика далеко не всегда руководит действиями разумных или, в крайнем случае, считающих себя таковыми людей, даже находящихся на самых высоких ступенях человеческого общества. Но логика — это Божья воля. Кто не выполняет ее — обречен на поражение. Выполняя волю Бога, нельзя никогда забывать о данных Им же границах дозволенного. Кто их переступает, наказывается. Это закон бытия — один из столпов, на которых держится мир человеческий. Рухнет один из них.

Еще одно, казалось бы, небольшое событие в этот незабываемый день возымело роковое значение на формирование моих убеждений, а следовательно, и поступков и их последствий.

Выйдя уже вечером на улицу, я услышал звуки музыки и хорового пения из кафе, находившегося в соседнем доме, на углу Прорезной улицы. Окна были завешены. Соблюдался закон военного времени о затемнении, так что заглянуть внутрь было невозможно. Я дерзнул приоткрыть дверь и зайти в помещение кафе. Свет многих зажженных свечей и карманных фонариков освещал небольшую группу немецких военнослужащих. Они сидели за столиками. Один из них, стройный высокий юноша с приятным лицом, сидел за роялем и аккомпанировал, остальные пели: «Ди ганце Вельт дред зих ум дих»[270]. Эти слова и мелодию я запомнил на всю жизнь. Она звучит и сегодня в моих ушах. Потом они пели много незнакомых мне песен. Хотя все сидящие были в военной форме, с оружием, как говорится, в «полном боевом», от картины этой веяло миром, порядком, доверчивостью. Мое непрошеное появление никого не возмутило, не рассердило и даже не удивило. Некоторые заметившие меня даже приветливо улыбнулись и продолжали петь, не выразив ни недовольства, ни недоверия. Это поразило меня до мозга костей.

После наблюдаемых еще вчера дезорганизации, пьянки, матерщины среди советских солдат, наводнявших всевозможные общественные учреждения, да и улицы города, буквально кишевшие отставшими от своих частей неряшливыми, опустившимися солдатами Красной армии, одна внешность подтянутых, со спокойной самоуверенностью и достоинством немецких солдат говорила сама за себя. Вспомнилась с первых дней войны подстрекаемая милицией, парткомами и комсомольскими активистами шпиономания. Каждому прилично одетому человеку буквально не давали прохода по улицам. Его принимали за шпиона, диверсанта, агитатора. Все стены домов были залеплены бездарно составленными плакатами, призывавшими к бдительности, ненависти к врагу и беспощадной мести: «Буде, буде морда быта Гитлера-бандита», «Смерть шпионам», «Убей немца» и тому подобными.

А тут вдруг... Я стоял как «зачарованный странник», смотрел, слушал и думал... Вспоминались слова из учебника истории Покровского, по которому мне пришлось учиться в начальной школе: «Страна наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Придите к нам и правьте нами». Слова эти не проникнуты духом национальной гордости, но я невольно вспоминал их и не возмущался ими, как тогда, на школьной скамье, с пионерским галстуком на груди, с зажимом и эмблемой — горящими пяти языками пламени костра. Это означало, как нам тогда разъясняли вожатые, нашу цель жизни — разжечь пожар мировой революции на пяти материках. Как все это было заманчиво, романтично, даже величественно... Казалось, что жизнь имела смысл. Цель жизни была ясно видна, объяснена и понята. Но вместе с тем — Соловки[271], Колыма[272], Печора[273], крики пытаемых за черной стеной НКВД... Эти позорные захватнические войны с Финляндией[274], Прибалтикой[275], Польшей[276], Румынией[277]... Эти анекдоты, скрывающие цинизм проводимой политики и пропаганды о «протянутой братской руке»[278], об «освобождении от цепей», о бездушной жестокости Сталина и его опричников — Дзержинского[279], Ягоды[280], Ежова[281], Берии[282]... Расстрел дяди Володи, издевательства над дедушкой, дядей Вячиком, папой...

Вспомнив о папе, я побежал домой. Меня уж наверняка ждут и волнуются. Время-то было военное... В моей голове звучали заученные и столько раз повторяемые куплеты: «Если завтра война, если завтра в поход, если темная сила нагрянет...»[283] Вот она — эта темная сила...

Вся семья была дома. Все были рады моему появлению и почти не упрекали и не выговаривали за легкомыслие, за то, что поздно пришел домой. Папа ходил по комнате, лавируя между мебелью. Аллочка и мама сидели на диване, слушая с интересом рассказы папы о событиях давно прошедших дней. Впервые в жизни он осмелился рассказать нам, своим детям, правду о своем участии в гражданской войне на стороне белых, о том, что он был в чине капитана, командиром пулеметной роты у генерала Врангеля[284]. Он оборонял легендарный Перекоп. Он был и у Деникина[285], и у Петлюры[286], и в плену у Красной армии. Папа рассказывал о поражении белых и его постоянном страхе быть разоблаченным как белый офицер. «Особенно после того, как я стал отцом вашим, детушки мои родные! — Папа притянул нас к себе и крепко обнял. В его глазах стояли слезы. — О Боже, слава Тебе, что я дожил до этого дня! Неужто их больше нет и не будет больше?..»

Папа сел в кресло и задумался, подперев голову ладонью. Я стал рассказывать о моих впечатлениях, о виденном и слышанном на улице, в тюрьме, в кафе. Долго мы не спали в этот памятный вечер. Лежа в кроватях, каждый из нас думал о том, что произошло, что было понята и не понята каждым по-своему, в разной мере, глубине и степени. Но все мы были согласны в одном — жизнь, которой мы жили до сегодняшнего дня, закончилась. Начиналось что-то новое, может быть, и «гирше», но другое. Засыпая, я думал о европейских городах, иллюминированных ночами, утопающих в зелени днем, их широких многолюдных улицах и высоких домах. Видел себя среди них гордо идущим. И уже совсем во сне слышал музыку и песню: «Ди ганце Вельт ист фоль Музик»[287].

Этой песней, ее словами и смыслом этих слов, вселяющих надежду и желание жить, и бороться, и побеждать, окончился для меня день 19 сентября 1941 года.

20 сентября 1941 года

Во сне, в ночь на 20 сентября 1941 года, я сидел за столом, развалившись в кресле, в роскошном ресторане в Сингапуре или Рио-де-Жанейро — не помню точно — и обнимал за стройную талию какую-то нарядную блондинку с огромными глазами, смотрящими на меня со страстью, как и я на нее, когда вдруг услышал голос будящего меня Витюшки Козубовского — моего любимого друга, которого я называл Пантелеем за его «отечественный» нос и добродушный нрав, за его преданную любовь и белую зависть ко мне. Милый, бедный мой друг Витюшка был рожден неудачником. Почему? Да вот — «неисповедимы пути Твои, Господи!» Более полного и определенного ответа на этот вопрос нет. Витюшка был старше меня на два года, следовательно, и раньше меня стал мечтать о будущем, о карьере штурмана дальнего плавания. Экзотика южных стран и морей, в джунглях и прериях, открываемых необитаемых островах, трудностях и опасностях и прочих заманчивых прелестях, которые сулила профессия моряка, соблазняла всех нас. «По морям и океанам злая носит нас звезда...»[288] — напевал мой безусый красноносый Пантелей, заразивший и меня этой страстью к познанию мира путем подвигов и скитаний.

Но когда окончил он седьмой класс и мог ехать в Херсон поступать в Морской техникум, вдруг ни за что ни про что арестовали его отца — молодого способного научного работника, «человека из народа», даже заслуженного красного партизана, бойца Чапаевской дивизии[289]. Он плакал в зале кинотеатра, вспоминая знакомых людей и события, в которых участвовал лично.

Милая Анна Захаровна, супруга Федора Козубовского, гордая заслуженной популярностью своего супруга, ходила с задранной носиком, была весела и приветлива с окружающими, будучи уверена, что в жизни ей повезло, что мужу путь в академики открыт и гладок. Да так бы и быть должно было. Но кто-то всеильный думал иначе. Прилепили красному партизану, «чапаевцу», ярлык «враг народа», забрали его года за два до ареста моего отца, бывшего белогвардейца, поповича и т. д. «Окончен бал, потухли свечи». Больше ни Анна Захаровна, ни ее прекрасные сыновья, Витька и Славка, друзья моего детства, никогда мужа и отца не увидели. Лишь после смерти [неразборчиво] сообщили [неразборчиво] репрессированного, как и многим-многим другим подобным, что умер он в тюрьме от воспаления мозгов и реабилитирован посмертно за отсутствием состава преступления. Сыну «врага народа» дорога для поступления в Морское училище была закрыта. Но он был искренне рад за меня, своего любимого друга, так как ко времени моего поступления отец мой был уже отпущен на «покаяние» и я смог ехать в Херсон и готовиться быть моряком дальнего плавания.

Витюшка подарил мне свою фотографию, где он был сфотографирован в моем морском кителе, с надписью: «Если будешь утомлен борьбой или заброшен судьбой, не унывай... В дали сверкает юг, а вот и верный Виктор-друг». Спасибо, Витюшка, друг ты мой родной... Я и сейчас еще глотаю слезы от переполняющего сердце мое чувства благодарности за твою искреннюю, бескорыстную любовь ко мне. Мне удалось еще раз в жизни убедиться в его чувствах: в 1959 году, когда я после отбытия десяти лет сталинской каторги посетил Витюшку и был так ласково принят и тобой, Витя, и мамой твоей, Анной Захаровной, и братом, Ярославом Федоровичем Козубовским, хотя это было очень опасно в то время. Да хранит вас Бог, дорогие друзья, хоть на этом или на том свете!

Для полноты понимания красоты Витюшкиной души хочется мне коротко рассказать один характерный случай из времен нашего детства. Этот момент я всегда вспоминаю с умилением, когда вдруг начинаю думать о нем. Как-то, будучи под впечатлением от чего-то прочитанного, я высказал в дружеском откровении мысль о том, что при настоящей любви человек любит сильнее, чем себя самого, и бывает счастлив счастьем любимого им человека. Витюшка, как видно, думая

об этом, после нашего разговора спросил меня, краснея от смущения: «А как ты думаешь, можно маму свою любить такой большой настоящей любовью — больше самого себя?» Не помню, что я тогда ответил, да это и не так важно, я думал.

Так вот, стоя у моей кровати и дергая меня за ногу, Витюшке удалось оторвать меня от приятных сновидений.

— Вставай, принц! Недопустимо просыпаться сейчас часы, настало такое время, когда каждый его момент принадлежит истории.

— Ну, Пантелей, ты даешь, как поешь, а поешь неважно, — отшутился я и стал быстро одеваться, внутренне согласный с доводами друга.

Пока я собирался, Витюшка рассказывал мне о том, что наш товарищ Иван Сакунок, оказывается, не пошел в армию, как все думали, а вот после двухмесячной спячки под кроватью вылез на свет Божий и ждет нас внизу во дворе. Так оно и оказалось. Во дворе я увидел и Ивана, и с ним весело беседовавшего Толю Клёца — мальчика моих лет, оставшегося полным сиротой, т. к. родителей его, интеллигентных евреев, приехавших в 1939 году из захваченного Львова, арестовали. Бабушка Толи умерла от горя, а старший брат Беньямин уехал в начале войны в командировку в Туркмению и еще не вернулся. Судьба Толика в дальнейшем — это настолько очевидное чудо, что мне хочется при первой возможности рассказать о ней.

Как я уже говорил, Толик был польским евреем, и внешность его при первом взгляде не вызвала сомнения в этом. Его черные кучерявые волосы, большие печальные глаза с длинными ресницами, как у девочки, нос с характерной горбинкой и даже «музыкальные» уши свидетельствовали так убедительно не в его пользу во время немецкой оккупации, что, казалось, ему неминуемо и неизбежно суждено было после первого появления на улице разделить трагическую судьбу тысяч его одноплеменников, вписавшую в историю Германии черную страницу. Но что человеку невозможно, то Богу возможно, и Он сохранил Толика Клёца. Сбылась воля Его! Невзирая на предостережения доброжелателей, Толик ходил часто на базар, чтобы что-нибудь продать или перепродать, чтобы купить себе необходимые съестные припасы. Если и бывал он несколько раз задержан полицейскими, то всегда благополучно отпускался, так как находились люди, свидетельствующие своими подписями о том, что Толик не еврей. Трижды это делал и я. Толик остался жив.

Тогда же, во второй день оккупации, мы еще ничего не знали, как говорится, ни слухом, ни духом о грозящей опасности. Даже в советской прессе ничего не говорилось об этом конкретное. Если и были какие-то неопределенные упоминания о погромах в Германии в 1930-е годы, то, приученные к постоянной лжи и демагогии, читатели просто не верили этому[290]. Мы вчетвером со спокойной совестью пошли в город. По дороге замечали происшедшие за один день перемены; от этого было и грустно, и радостно. Мы дошли до нашего любимого Пролетарского, бывшего Купеческого, парка. Туда мы часто хаживали, чтобы людей посмотреть и себя показать.

Улицы, по которым мы бодро шагали, как «хозяева необъятной родины своей», выглядели не вполне обычно. Почти все витрины магазинов были разбиты, осколки стекла не убраны с тротуаров. Среди прохожих было много военных, но не в советских «хаки», а в зеленых немецких мундирах. Часто проезжали по мостовой или стояли у обочин тротуаров автомашины, легковые и грузовики, но не обычные советские «полуторки» или «трех-» и «пятитонки», а незнакомые нам марки европейских фирм всех образцов. Невольно чувствовалось их техническое превосходство.

Во многих местах перед гостиницами и учреждениями копошились немецкие солдаты, разгружая что-то и вселяясь в пустые дома. Все выглядело вполне мирно, даже погода — солнечная, теплая и безветренная — [не] предвещала никаких неожиданностей. Поднявшись по гранитным ступеням за несколько лет перед войной воздвигнутой лестницы с фонтанами, ведущей в парк, мы тут же

уселись на удобную скамью, чтобы сверху вести обозрение нашего любимца, всегда многолюдного Крещатика. Так мы делали уже много раз и раньше, во времена внешне мирного, казалось бы, нерушимого, созданного, по мнению некоторых, мудро и справедливо, «под гениальным руководством великого кормчего» — вождя, отца и учителя — порядка. Мы, мальчишки тридцатых годов, называли его всегда с легкой усмешкой или коротко Ус, иногда — Усатый, иногда — Грузин, а в другие моменты и Людоед. Бывало, и возникали споры по этому поводу, но все это в нашей среде носило сравнительно мирный характер.

Мы уселись поудобнее на скамью. Вдруг оглушительный грохот недалеко от нас происшедшего взрыва потряс и землю, и воздух, и сердца ничего подобного не ожидающих людей — и наши в том числе. Посмотрев друг на друга широко открытыми от испуга и неожиданности глазами, не сговариваясь, [мы] бросились бежать вниз по лестнице по направлению к взрыву. Столб дыма, пыли и летящих сначала вверх, а через несколько мгновений вниз больших и малых камней возник в солнечном небе, превращая день в вечер. За первым взрывом[291] последовал второй, потом третий и т. д. Люди, шедшие по тротуару в противоположных направлениях, превратились в бегущую толпу, гонимую чувством страха и инстинктом самосохранения. Мы, мальчишки, бежали им навстречу, т. к. наше любопытство было сильнее страха. Мы желали собственными глазами увидеть, что случилось.

На месте, где несколько минут тому назад стояло огромное новое здание Центрального почтамта, вырисовывалась сквозь облако дыма и пыли бесформенная куча каменных глыб и стальных балок, согнутых в «бараний рог». Завалены обломками разрушенного здания были и тротуар, и проезжая часть улицы перед домом. Бегущие люди кричали что-то непонятное, указывая в сторону, откуда раздавались все новые взрывы. После взлета в воздух большущего дома Гинсбурга на Николаевской улице, гостиниц «Континенталь»[292] и «Красная звезда», где расположились штабы занявших город немецких войск, мы поняли, что весь центр города, по-видимому, заминирован оставившими город советскими войсками[293].

После того как Иван вспомнил о том, что, по словам его сестры, в подвале нашего дома были оставлены два больших, очень тяжелых чемодана, мы поспешили домой, чтобы предупредить наших родных об опасности. Тут же и Толик признался, что к нему, жившему в подвале после ареста родителей, тоже заходил перед отступлением какой-то офицер и попросил его уберечь до своего возвращения огромный чемодан. Подгоняемые ужасными подозрениями, мы буквально неслись к дому, затем позвали немецких саперов, рассказав им о чемоданах. Слава Богу, мы пришли вовремя. Там действительно находились взрывные устройства с часовыми механизмами, как нам объяснили обезвредившие их солдаты.

Взрывы продолжались. Паника в городе увеличивалась. По улицам ездил машина с репродуктором, разъясняя ситуацию, объявляя приказы об эвакуации[294]. Мамы и Аллы не было дома, они были на Прорезной улице, в толпе отступающих вверх. Многие жители выносили вещи, покидая свои дома. Крики, плач и проклятия носились в воздухе. После того как взлетел на воздух Дом ученых на углу Пушкинской, мама почти насильно потащила нас домой. Это было вовремя, т[ак] к[ак] дома мы застали Володю Полуботько, раненого, засыпанного пылью, в оборванной одежде, то и дело теряющего сознание. После оказанной ему первой помощи Володя рассказал, что он находился в помещении кинотеатра «Комсомолец Украины» на Крещатике, куда он и его отец явились для регистрации по приказу властей, который [предписывал] всем бывшим военнослужащим зарегистрироваться. По его словам, во внезапно происшедшем взрыве погибло много явившихся на регистрацию наших людей и много офицеров немцев, производивших регистрацию. По всей вероятности, в числе погибших был и отец Володи. Это ужасное предположение оказалось правдой. О Тимофее Полуботько его семья никогда больше не слышала.

Володино спасение было очередным чудом. Он очнулся под целой кучей погибших при взрыве

[людей], погруженных в грузовую автомашину, готовую уже тронуться в неизвестный путь. Слава Богу, что у него было достаточно сил, чтобы выкарабкаться из-под наваленных на него тел, спрыгнуть с грузовика и убежать. После своего рассказа Володя снова потерял сознание. Пришлось вызвать «скорую помощь» и отправить его в больницу. После этого был издан приказ покидать все дома и на нашей улице, где саперы должны были искать мины и тушить горящие дома.

Поджогов было много. Никто не знал, кто их совершал. Немцы решили свалить вину на евреев[295]. Когда вся наша семья пришла на площадь Богдана Хмельницкого, где собралось уже много народа, люди, покинувшие свои кто еще целые, а кто и сожженные дома, собрались там для получения ордеров на квартиры. На всех углах, стенах домов и заборах были расклеены объявления ужасного содержания: за одного убитого немца расстреливали сто заложников[296]. Люди подолгу молча стояли перед этими приказами. Изредка звучали отзывы читающих: «Вот когда кошка когти показала! Вот тебе и освободители! Война есть война... Борьба есть борьба... Борьбы без жертв не бывает... Везде бывают и победители и побежденные...»[297]

Эту ночь мы провели на площади у памятника Богдану Хмельницкому, у стен Софийского собора. Темноты не было. Белые стены собора и домов вокруг площади, и небо над нашими головами, и памятник, и лица людей — все было освещено розовым светом пожарищ. Время от времени гремели взрывы, то одиночные, то раздвоенные, то сдвоенные, то строенные. Спать не хотелось — было о чем подумать, поговорить. Люди больше молчали, потрясенные, ошарашенные, растерянные, перепуганные, разочарованные. Еще накануне выселения нашего отца вызвали в комендатуру, где немцы собрали по неизвестно кем данным адресам группу интеллигентов, из которых они были намерены сформировать городское управление — «миську управу».

Председателем был назначен профессор истории Украины Оглоблин[298]. Отец наш стал заведующим отделом культуры и образования. Городское управление провело учет квартир, оставленных людьми, уехавшими в тыл страны, так называемыми эвакуированными. Квартиры эти заселялись пострадавшими от взрывов. Таким образом, квартирный вопрос оказался довольно легко разрешимой проблемой. У большинства жилая площадь даже увеличилась. Предоставляемые квартиры были меблированными, так что и в этом отношении люди были если не совсем довольны, то всё же удовлетворены.

Мы получили квартиру на нашей же улице, в так называемом доме Морозова, напротив университета, на углу Караваевской улицы. Квартира была из пяти комнат, так что каждому из нас впервые в жизни досталась отдельная комната. Была одна общая комната — гостиная. Все это было бы очень приятно, если бы комнаты были до нашего вселения пусты и ничьи, но в них были оставлены вещи, личные вещи эвакуированных, даже их фотографии, письма и прочее. Все это напоминало нам о том, что наша удача зиждется на чьем-то горе... А при сознании этого человеческая совесть начинает проявлять активность, и вместо радости рождается ощущение виновности, заглушить которое может только раскаяние. А раскаяние только тогда искренне, [когда] человек прекращает совершать зло. В данном случае мы должны были уйти в нашу однокомнатную квартиру, но на такой поступок духу у нас не хватило, с моей точки зрения. Пострадавшим стало бы от этого не легче, ибо нашлись бы сразу другие желающие вселиться вместо нас. В общем и мы, как и многие вокруг и рядом с нами, пошли на компромисс, т. е. зашли в нам предоставленную квартиру и стали, как в сказке говорится, «жить-поживать да добра наживать».

Киев в октябре-декабре 1941 года

Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. Дома в заминированном и взорванном центре города превратились в груды кирпича и щебня. Пожары немцы очень успешно и умело

потушили, протянув шланги до самого Днепра, т. к. ТЭЦ (теплоэнергоцентр) тоже была взорвана, и ни воды, ни электричества у жителей города не было[299]. Ходили слухи о деятельности партизан, которая состояла в поджогах и взрывах. Кого-то арестовывали, кого-то наказывали. Магазины не работали, никакие товары не поступали. Население жило за счет запасов, обменной торговли на базаре. Все более активно становилось хождение горожан в окрестные деревни — «мешочничество», куда люди носили одежду, выменивая на нее у крестьян продукты питания. Привозили кое-что и крестьяне на базары, которые разрослись до небывалых раньше размеров.

Украинская полиция, частично привезенная немцами из Западной Украины, частично набранная из местного населения — больше из бывших военнопленных, — следила как-то за порядком. Особого разгула преступности не наблюдалось. К тому же все знали, что немцы не церемонятся — даже за маленькое преступление грозил расстрел или даже повешение. Это не вызывало особого возмущения: каждый понимал, что война есть война. О положении на фронтах, который сразу отдалился за сотни километров, знали только по слухам, рассказам военнопленных и солдат. В огромных лагерях положение военнопленных было ужасным. Если бы немцы и хотели, то прокормить миллионы при полном отсутствии какой-либо организованной системы хозяйства было бы невозможно[300]. Многие люди носили в лагерь, что им удавалось достать, но это были капли в море. Смертность военнопленных от голода и болезней росла с каждым днем[301].

Заводы, фабрики и др. производства не работали, хотя и был приказ городской управы всем выйти на работу. Осуществить это было невозможно. Многие оборудование было вывезено советской администрацией, многое уничтожено, чтобы не досталось врагу. Об оставшихся в оккупированном городе бывших советских гражданах ни у кого «голова не болела». С точки зрения коммунистической власти, оставшиеся стали изменниками — пособниками врагу, вольными или невольными. Отступая, советское командование взрывало дома, совершенно не учитывая тот факт, что в домах этих были живые люди. Хорошо известны всем были слова И. В. Сталина во время коллективизации, чисток и других репрессий: «Лес рубят — щепки летят» и ленинские изречения, что цель оправдывает средства и что все, что нужно для дела мировой революции, — морально. «Совесь — понятие, насаждающееся господскими классами для защиты своих интересов». Подобными мерками мерили и немцы. Судьбы гражданского населения интересовали их постольку-поскольку, как потенциальная рабочая сила. Городская управа не имела в достаточной мере ни самостоятельных прав, ни денежных средств, ни даже достаточного числа служащих и сотрудников. Она была марионеточной, но пыталась облегчить по мере возможности положение людей.

В это время неуверенности, растерянности и удрученности в сердцах населения немецкое командование, по им одним ведомым соображениям, которые и сейчас, спустя пятьдесят лет, не укладываются в голове у молодого поколения и у оставшихся в живых прямых свидетелей, издало приказ, который был развешан по стенам домов города. В нем было сказано: «Всем жидам города Киева явиться 26 сентября по указанному адресу с запасом продуктов питания на три дня и теплыми носильными вещами. Комендант города Киева, (подпись)»[302]. [Те], кого это распоряжение не касалось, то есть люди не еврейской национальности, читали молча, стояли, как остолбеневшие, не веря своим глазам. У некоторых людей подозрение закрадывалось в душу: «Их повезут или пешком погонят?.. Зачем? Куда?.. В другой город?» О возможности самого страшного невозможно было и думать. Здравый рассудок нормального человека не мог примириться с этой мыслью[303]. В Киеве было немало смешанных браков. А как поступать в таких случаях?.. Дети от смешанных браков... Да что же это такое?! Неужто это возможно?!

А если бы моя Ася осталась в Киеве, то и она?.. У меня опять потемнело в глазах и помутилось сознание, как несколько дней назад в подвале НКВД при виде трупов заключенных. Мой рассудок не мог воспринять тогда. Но оно ведь было! Было!.. И папа мог быть среди них... О Боже, сколько зла на свете! Зачем Бог допускает это?.. Я не мог смириться с этой мыслью, как не мог понять

никогда ребенком, зачем Бог допустил распятие Христа, Сына Своего? И зачем толпа кричала: «Распни Его!» Его, который так любил людей... Любил их, кричащих, требующих Его мучительной смерти на их глазах... Какая ужасная жестокость! Дико... А инквизиция во времена Средневековья... Живых людей сжигали на кострах... Сжигали священники, проповедующие Христа, сказавшего: «Не убий!», «Возлюби ближнего своего, как самого себя». А крестовые походы... А бои гладиаторов... А пожирание живых людей на арене цирков хищниками — и это завлекало публику. Женщины, прелестные девушки смотрели — эти зрелища развлекали их. Боже, а ведь и сегодня любят боями быков в Испании. А бокс, джудо[304], борьба, карате...

Я оглянулся. Рядом стоял Витюшка. Стоял с перепуганным лицом, бледный. Я взял его за руку и почувствовал, как он дрожал всем телом и душой. «А как же Толик?..» Мы посмотрели друг другу в глаза: «Пошли к нему!»

Когда мы шли по улице к дому, то нам встречались уже те, которых касался этот приказ. Шли взрослые — мужчины и женщины, шли дети всех возрастов, шли — а некоторые еле-еле плелись — старики и старушки. Многие везли с собой коляски, тачки, нагруженные пожитками. Некоторые везли больных, инвалидов и дряхлых стариков. Шли евреи города Киева в свой последний путь, сами не веря еще в это. Большинство лиц было сравнительно спокойными, т. к. надежда на лучшее не оставляла их. У некоторых на лицах была написана обреченность, беспомощность[305]. Это последнее чувство беспомощности, смешанное с чувством виновности, наполняло и наши сердца. Но человеческому рассудку ведь всегда свойственно стараться оправдывать свои ошибки, слабости, поступки. Разум редко обвиняет сам себя, не каждый способен на искреннее раскаяние. Если оно и наступает, то на непродолжительное время, т. е. пока рассудок не найдет, или кто-либо не подскажет, если и не оправдывающих доводов, то хотя бы смягчающих обстоятельств: вроде бы как не я один, все мы такие, жить-то нужно, своя рубашка ближе к телу...

Мы с Витюшкой поспешили к Толику. Он был дома, плачущий, с письмом в руках. Письмо от брата Бени из Ашхабада. Последнее письмо от него, полученное уже недели две тому назад, которое и мы все, друзья Толика, читали и помнили, что Беня советовал брату оставаться в Киеве и ждать его. Он не допускал мысли, что столицу Украины могут сдать немцам, и все ждал крутого поворота событий, как видно, под влиянием пропаганды и обманчивых сводок советского информбюро.

Но почему, почему они не предупредили нас? Почему не эвакуировали всех евреев? Ведь не могли же они не знать, как поступают с ними немцы?.. Да что им жизни человеческие!.. Сами евреи спасали не только свои «шкуры», но и пианино, и мебель. Свои семьи и пожитки вагонами вывозили, а бедных стариков и детей оставили в заминированном ими же городе. А в лагерях и тюрьмах сколько лучших людей загубили... За что? И еще надеются, что за них народ воевать будет!.. И моих родителей сгноили... А они-то в Союз так стремились, как рады были, когда, от немцев спасаясь, Польшу покинули... А получилось — из огня да в полымя. Их коммунисты, а меня — фашисты...

— Толик, никуда ты не пойдешь! Не пустим мы тебя! Понял?.. Не пустим мы тебя! Распаковывай свои манатки и помни, что ты поляк.

Долго мы убеждали Толика таким образом и почти насильно заставили его остаться, обещая не оставить в беде. Весь день мы были вместе, видели, как люди шли на «сборный пункт», для отправки, как мы все думали.

Перед вечером я увидел одного моего одноклассника Алешу Френкеля, сына известного врача, идущего с матерью и младшим братом в направлении «оттуда». Я подбежал к ним, надеясь услышать что-либо утешительное:

— Что, отпускают?! — Алеша молчал, вид у него был подавленный, усталый, в глазах — слезы. Он смотрел не на мое лицо, а в сторону или в землю.

— Ну, говори же, Леша, что случилось?!

Он в отчаянии махнул рукой.

— Нас отпустили, Эрик, мы показали документы, что отец окончил университет в Берлине... Мы идем пока домой... Дальше не знаем... — сказала мать тихо.

— А остальные? — с дрожью в голосе, но все еще с надеждой спросил я.

— Не спрашивай... — дальше говорить у нее не было сил. Она не плакала, но по ее как-то необычно широко открытым глазам я почувствовал, что случилось что-то такое, чего словами выразить нельзя.

Алеша подхватил свою пошатнувшуюся мать, держащую за руку младшего сына. Они пошли медленно вдоль по улице. Идущие навстречу люди уступали им дорогу, никто не поворачивал голову в их сторону. Люди старались не смотреть, не видеть, не думать... Как это им удавалось, не знаю. Очевидно, каждому по-своему.

Много лет спустя я рассказал Асе про эту ужасную встречу. Она, выслушав, постаралась заглянуть мне в глаза, хоть голова моя была опущена, и спросила: «А если бы это была я? Ты тоже постарался бы не видеть и не думать?» Увидев, что я затрудняюсь с ответом, Ася схватила мою голову в свои нежные, маленькие, почти детские руки, которые я так преданно обцеловывал когда-то, и поцеловала меня в губы. Это был поцелуй прощения. Спасибо, девочка моя, любимая, забываемая... Я закрыл лицо ее руками, целовал ее мокрые от моих слез руки. Ася положила свою голову на мою, покрывши [ее] своими пышными, упавшими на мою голову волосами. Ее дыхание обжигало меня. Я мысленно молился, благодарил Бога за еще одну очередную милость ко мне, грешному. Ася засмеялась, когда я рассказал ей об этом, отвечая на ее вопрос: «О чем ты думаешь?»

— Ты все еще веришь в Бога и делаешь лицо Цариеля... Глупенький, а спутники? Ракеты? Они тебе ни о чем не говорят?

— Нет, почему же? Напротив — они говорят мне о величии и доброте Бога к нам, Его грешным подобиям.

Она немного помолчала, вздохнула и сказала:

— Понимаю, Эрка, ведь ты так много пережил... И то, что ты остался жив и любишь меня, и мы с тобой — этим всем ты обязан твоей детской вере, над которой я когда-то — ты помнишь? — так смеялась. А все же как нам хорошо с тобой!.. Почему, Эрка? Ну за что я тебя люблю? Я и раньше этого не понимала, а теперь и подавно... Так обещай же мне, что мы с тобой встретимся еще, еще побудем вместе, хотя твоих обещаний ты не выполняешь... Помнишь, что ты обещал мне, что женишься на мне, когда станешь взрослым? А теперь ты женат на другой, и у тебя двое детей. И я ведь тоже замужем, и у меня уже большая дочь...

С Асей я больше не встречался. Эта встреча была единственной после войны — первой и последней. Когда я через пятнадцать лет снова приехал в Киев из Казахстана с сыном Костей и зашел к ней, на мой звонок мне отворила дверь Ася... Но она была пятнадцатилетней девочкой, точно такой, какой я помнил ее в те далекие школьные годы, когда вспыхнула ярким пламенем наша чистая детская любовь, которая прожила в наших сердцах в течение нашей жизни. Ася рассказала мне после того, как я, опомнившись, спросил ее о матери, что мама ее умерла уже пятнадцать лет назад, родивши ее. Ася никогда не узнала ее лично, а только по рассказам бабушки и дедушки, отца ее, старшей сестры и по фотографиям, среди которых были и такие, по которым она узнала и меня. Обо всем этом рассказывала ей ее бабушка, которой тоже уже нет.

Глядя на Асю, тронутый до глубины души и рассказом ее и сходством ее с матерью, я не мог не поблагодарить Бога за то, что Он дал мне силы душевные тогда, когда были мы с моей Асей вместе, и, невзирая на ее согласие и даже готовность на полную близость со мной, не допустил ее. Иначе сейчас я ничуть не сомневался бы, что передо мной сидит дочь, что добавило бы мне и не только мне, безусловно, много боли душевной и раскаяния... А может быть, и с примесью радости... «Может быть, может быть», — подумал я тогда, но сегодня уж я говорю вполне уверенно. Слава Богу, что все было так, как было по воле Его. Да свершится Воля Бога и в настоящем, и в будущем! Да будут в душе моей желания и силы выполнять Ее...

Вечером все киевляне знали уже, что произошло в так называемом Бабьем Яру[306].

Эта для всех неожиданная кровавая драма и по сей день, по прошествии более полувека, своей бессмысленной жестокостью и бездушностью потрясает весь цивилизованный мир. Невзирая на то, что она многократно описана людьми разных взглядов, способностей, вероисповеданий, [эта драма] еще в недостаточной мере осознана, осмыслена, воспринята разумом человеческим. Тем более становится она в сознании человека необъяснимой, когда думаешь о том, что возможным подобное безумие смогло стать после двух тысяч лет после Христа и как будто принятых данных им заветов: «Не убий», «Возлюби ближнего своего, как самого себя». И страшнее всего было то, что люди, свершавшие это злодеяние, считали себя христианами. Большинство из них молилось ежедневно: «Остави нам долги наши...» Идеологи этих убийств старались даже оправдать их с помощью Библии, как это имело место во времена разгула так называемой инквизиции. Так было во время всех войн, так и по сей день...

Об этом всем уже так много сказано и написано, существует так много различных, часто противоположных, мнений. Я не льщу себя надеждой, что смогу сказать что-нибудь новое или оригинальное на эту тему. Поэтому благоразумно ухожу от нее.

Наступил октябрь 1941 года. Жизнь продолжалась для всех живущих. У каждого человека есть свои индивидуальные, личные, семейные, производственные проблемы, которые каждый решает по-своему, с различной целенаправленностью и с различным успехом.

Всегда бывают проблемы и общего характера в границах и объемах данного коллектива — дома, города, страны, человечества. Эти проблемы разрешаются уже не каждым отдельно взятым индивидуумом, а соответствующими избранными, или назначенными, или выбранными, или захватившими эти должности лицами. Эти решения создают определенную атмосферу, в которой под ее прямым и косвенным влиянием живут личности.

В оккупированном Киеве атмосфера жизни резко изменилась: чего-то привычного не стало, появилось что-то новое, незнакомое, необычное, желанное и нежеланное. Не стало советской власти, ее органов, символики, прессы, радиопередач. Перестали существовать наркоматы, обкомы, горком, отделы милиции, НКВД. Не функционировали театры, стадионы, кино, университет, институты, школы, клубы и т. д. Многочисленные памятники Ленину, Сталину и их соратникам были низвергнуты. Не стало и Крещатика, и многих прилегающих к нему улиц, превратившихся в гигантские груды развалин. Это был мемориал ушедшего режима и власти, создавшей его. Последнее проявление ее разрушительной сути, основанной на ненависти к врагам и презрении к подвластному ей народу, ее «гениального» руководства и с демагогическим цинизмом называемого им «любовью и заботой». Закрыты были хотя и не обильные, но все же существовавшие источники всего необходимого. [Не стало] так называемых потребсоюзов, рабснабов, райпо и их магазинов, а следовательно, и очередей перед ними. Не стало и евреев, торговавших в них.

Но для оставшихся в живых граждан жизнь продолжалась. Остались основные ее проявления — людские потребности, желания, поиски, страхи, ужасы, радости, стремления и надежды на лучшее. Все это затеняло собой вышедшее на первый план — борьба за существование. Людям

свойственно привыкать, адаптироваться, смиряться, наконец, с самыми большими трудностями, несчастьями и ударами. Кто-[то] говорил: «Что ж, Божья воля...» Другие вздыхали: «Что ж, судьба, никуда от нее не денешься...» Третьи с умным видом твердили: «Все, что ни делается, все к лучшему». А украинцы советовали: «Молчи, глуха, меньше греха». И как бы ни успокаивал кто себя, что не так страшен черт, как его малюют, приходилось наконец принять мудрость: «С волками жить — по-волчьи выть». И оставалось лишь руками развести после такого довода — эх, была не была! — и вспомнить потом: «Кто же есть на свете без греха?» На все случаи в жизни есть народный фольклор, мудрость неизвестно кем сочиненная, но отвечающая на все жизненные вопросы.

У многих, конечно, изменился их образ жизни и деятельности. У кого сузился, у кого расширился круг знакомых, появились новые проблемы, требующие разрешения. Папа, работая в городской управе, столкнулся впервые в жизни со служебными административными обязанностями. Он чувствовал себя не в своих санях, тем более что все мероприятия усложнялись до степени невыполнимости отсутствием денежных средств, определенных законов и препятствиями со стороны оккупантов и привезенных ими украинских националистов.

Конечно, решение всех вопросов принималось ими. Ежедневно нужно было ходить на консультации с немецкими чиновниками в генералкомиссариат, заменивший собою исчезнувший обком. Приехавшие из Западной Украины политики усложняли проблемы. [Они], будучи в Киеве чужаками, не ориентировались в местных условиях, отношениях между людьми и в их жизненных ценностях. Взаимопонимания с местными людьми у них не было. Трудности возникали даже в языке, так как население Киева в большинстве своем говорило по-русски, а галичане — на диалекте, создавшемся на Западной Украине под влиянием государственного польского языка. Эта конфронтация и непримиримость «западников» ко всему русскому усложняли положение. «Западники» требовали, чтобы люди говорили с ними на «украинском» языке и пытались ущемлять русскоязычных даже в материальном отношении. Предоставление рабочих мест и отказ в выдаче карточек на хлеб были примерами этого.

Украинские полицейские свирепствовали на базарах, единственных местах, где можно было найти продукты питания, возимые крестьянами подгородных деревень. После полнейшего унижительного бесправия в колхозах сельское население даже во время войны и оккупации в занятых немцами областях почувствовало облегчение, получив возможность самостоятельно вести свое собственное хозяйство.

Одним из важных мероприятий, о котором нельзя умолчать, было отношение немецкого командования к православным церквям[307]. Во времена советской власти большинство церквей города Киева было закрыто, взорвано[308] или превращено в склады, кино, архивы, а иногда, в лучшем случае, в музеи[309]. Благодаря благоприятному отношению немцев и подъему религиозного чувства людей, началось буквальное воскрешение церковных зданий, казавшихся уже умершими навсегда. Прекрасный своей архитектурой и местоположением на склонах Днепра Андреевский собор был открыт и засиял в лучах солнца веры и надежды для тысяч истосковавшихся по церковной жизни русских людей. Никогда не забыть мне первый праздник — Пасху 1943 года[310]. Освещенный светом прожекторов, установленных оккупантами, собор олицетворял собой проснувшиеся чувства веры, надежды и любви. Комендантский час был отменен, и многотысячная толпа, желающая участвовать в процессии, не помещалась на территории собора. В Чистый Четверг процессия, несущая фонарики, казалось, проходила через весь город с фонариками в руках.

Открытие Владимирского собора привлекло тысячи людей и воодушевило верующих. Знаменательно то, что большевистская власть, вернувшись в Киев, не дерзнула закрыть собор. До сих пор Владимирский собор, находящийся в центре города, всегда переполнен верующими.

Поездка в Германию

В ноябре 1941 года произошли некоторые изменения в городской управе, и мой отец был назначен редактором выходящей в Киеве газеты «Нове українське слово»[311]. Следуя своим убеждениям, он предложил немецким властям выпускать параллельно с украинской раз в неделю газету на русском языке — «Последние новости» — для потребностей многочисленного русскоязычного населения. В декабре месяце в редактируемой отцом газете появилось объявление о том, что производится набор добровольцев для работы в Германии. Каждый желающий мог записаться в число едущих, чем внести свою лепту в дело борьбы против все еще сопротивляющегося кровавого большевистско-сталинского режима, врага всего прогрессивного человечества. Я сейчас же решил, что это как раз то, что мне нужно для моей шестнадцатилетней жизни.

«Я — первый доброволец в этом великом почине братания и солидарности этих двух народов — немецкого и украинского. Самоотверженным трудом я докажу это на деле. Два года, пока мне исполнится восемнадцать, буду работать, а затем, если война еще не закончится, пойду добровольно в немецкую армию и приму самое активное участие в этом великом сражении против сил зла и “мракобесия”...» Так писал папа в передовой статье этой газеты. Все киевляне должны будут убедиться, что профессор Штеппа не кривит душой.

Помню, мне удалось сагитировать на этот подвиг друга моего Ивана Сакунка. После двух недель подготовки, выдержав всевозможные атаки наших родителей, которые пытались отговорить нас и удержать от этого решения, 22 декабря 1941 года первый поезд[312] с пятьюстами таких же юнцов и девиц отправился с песнями с перрона киевского вокзала в Германию.

До Перемышля настроение у всех было на высоте, хотя и мороз стоял трескучий. Все были тепло одеты, и запасы продуктов, взятых из дому, еще не истощились. Горячий кофе нам давали во время остановок на станциях два-три раза сестры Красного Креста. В Перемышле [нас] высадили, завезя прямо в большой лагерь — перегрузочный, т. к. дальше железнодорожная колея была другая — европейская. Пересадка была необходима. Не помню, сколько дней мы провели на пересылке. Наш энтузиазм поубавился, скромно говоря. Здесь мы повстречали много людей, едущих туда [же], куда и мы, но не добровольно, а по набору и без энтузиазма, а с желанием убежать по пути.

Как бы то ни было, [вскоре] погрузили нас в пассажирские вагоны и на следующий день мы проснулись на немецкой земле. Мы подъезжали к городу Галле, как объяснила нам молодая общительная и добродушная, но робкая кондукторша, т. к. никогда не улыбалась нам в присутствии своей старшей партнерши, которая была, по-видимому, старше не только по возрасту, но и по положению. Она никогда не смотрела нам в глаза, когда что-либо говорила по долгу службы. [Она] говорила коротко и резко. По-видимому, она никогда не забывала, что мы люди чужой, враждебной, воюющей против них стороны, в которой, может быть, в этот же момент наши братья убивают ее сыновей. О том, что сыновья ее солдаты, нам рассказала Сандра, у которой брат тоже был на фронте. По-видимому, всяких ужасных предположений она не делала.

С тревожным и жадным любопытством мы смотрели в окна мчащего нас поезда. Германия... Так вот она какая — страна, дерзнувшая напасть на нашу и успешно захватывающая ее, сравнительно с ней такую огромную и мощную... Мы, все жители Киева, видели с самого детства военные парады — эти бесконечные колонны танков, артиллерии, кавалерии... А в небе — бесчисленные самолеты... А каждый шестой рубль, идущий на оборону, а песни, которые мы с гордостью распевали... Мы верили в свою непобедимую страну. «На вражьей земле мы врага разобьем...», а теперь Германия воюет против нее и почти против всего мира... США, Англия, Франция, Польша, которые уже побеждены и захвачены. А Финляндия? Ведь целый год почти мы воевали против нее и так и не смогли захватить, неся ужасные потери. Все госпитали были переполнены ранеными, а про убитых и говорить не приходится — сколько «похоронок» получали тогда их семьи. Как это все странно и непонятно. Особенно странным казался тот факт, что финский народ оказался

патриотом и героически, единодушно защищал интересы своего «господствующего класса», а не ненавидел его, как это должно было происходить соответственно с коммунистической идеологией. Наши головы были напичканы этими идеями «под завязку».

Глядя через призму этих впитанных нами убеждений, на панораму незнакомой нам, чужой и, на данном этапе, враждебной, воюющей против нашего государства страны, мы, советские люди, хоть и в разной степени и под разными углами зрения, но все с широко открытыми глазами созерцали то, о чем раньше и подумать-то страшно было. За окнами [поезда], мчащегося по идеально чистому бетонному полотну с бетонными шпалами, мелькали картины немецких городов. Мы видели их черепичные крыши, более крутые, чем наши, со шпильями, прямо врезающимися в небо, куполов католических церквей. Нас поражала чистота и парадность домов, как на параде красующихся перед нашими глазами. Города соединялись между собой серыми лентами автострад, протянутых ровно, как под линейку, по полям, лугам, лесам. Все здесь, казалось нам, гордо, с чувством собственного достоинства демонстрировало нам свою уверенность, аккуратность, довольство и спокойствие.

— Вот, глядите, вот они, трущобы рабочих поселков! — воскликнул один из нас, указывая на ряды маленьких домиков, стоящих на таких же крохотных земельных участках вдоль полотна железной дороги.

Судя по лицам зрителей, можно было наблюдать различные реакции, вызванные в их сознании этим новым открытием. Были и злорадные улыбки, было и удивление, был и испуг, и разочарование, и растерянность непонимания: «Как же так? Наряду с таким [пейзажем], выражающим общий порядок и достаток, вдруг такая бедность...» Мне вспомнился фильм с Чарли Чаплином «Огни большого города» и тот жалкий, выстроенный подругой героя фильма домик. Мне стало грустно от поднимающегося в груди чувства разочарования — значит, есть доля правды во всей лжи советской пропаганды...

— Да нет же, товарищи! Вы не заблуждайтесь! Это ведь огородные участки, выделяемые жителям городов, любителям. А домики — это беседки и сарайчики, где люди держат свой инвентарь и сами иногда отдыхают. Называются они «шредергарден», по имени придумавшего этот вид отдыха д[октор]а Шредера, — [объяснил] кто-то знающий происхождение этого явления, пассажир с интеллигентным лицом. Многие вздохнули с облегчением, но немало было и скептических улыбок и замечаний.

Через пару часов езды наш поезд остановился в городе Магдебурге, где все мы должны были выйти с вещами. Мы были построены, пересчитаны, заведены на вокзал, где, как нам объяснили с помощью переводчика, [мы] будем накормлены и переданы в руки предпринимателей, у которых нам придется жить и работать «во благо и славу, создающиеся великим немецким народом, третьей мировой империей арийской расы».

Из всей этой высокопарной и содержательной речи нас, уже два дня не евших, заинтересовали, конечно, и обрадовали слова о кормежке. Значение этого многие из нас ощутили впервые на собственной шкуре, вернее, собственными желудками. После получасового ожидания через стеклянные двери вокзала был внесен огромный ящик, наполненный кусками хлеба, порезанного на приблизительно одинаковые порции. Внесли также два термоса с горячим кофе. Непривыкшая еще к новому порядку, но уже голодная толпа парней и девчат с шумом и энтузиазмом окружила принесенные вещи: «Мне, битте, пан, мне!»

Так как в толпе было много людей, а все не могли быть первыми, задние напирали на передних, так что сестрам милосердия пришлось обратиться в бегство. Началось «самообслуживание», в результате которого «кто смел, тот и съел», а кто был робким — получил «дырку от бублика». В числе последних оказался и я. Не потому, что «не смел» был: отвратительна была для природы моей эта борьба за большой кусок. Хотя я не участвовал в этой свалке, а стоял в стороне и с

гадливостью наблюдал эту картину, мне было стыдно за моих земляков. Возмущенные сбежавшие сестры милосердия появились на «поле боя», приведя с собой поддержку — двух полицейских. Не получившие стали жаловаться, их жалобы и реакции для них перевел переводчик. В данном случае им оказался я, т. к. владел постольку-поскольку немецким языком с детства. Какая-то женщина всунула мне в руку, незаметно подойдя сзади, завернутый в бумагу бутерброд. Голодным я не остался и был тронут чуть не до слез добротой неизвестной добродетельницы.

Я попал с большой группой приехавших и моим другом Иваном Сакунком на завод Круппа. Приехавший автобус доставил нас на место назначения. Нашим глазам предстал барак, окруженный колючей проволокой с двумя вышками по углам. Всех завели в зону, ознакомили с помещением, в котором оказалась большая комната, посреди которой были построены трехэтажные нары. На нарах лежали тюфяки со стружками — постели для нас.

В соседнем меньшем помещении была контора. Туалеты были в отдельном меньшем здании. Все было новым. Мы оказались первыми жителями этого барака, воздвигнутого, очевидно, для военнопленных. Зачем понадобилось немецкому правительству завозить тысячи гражданских рабочих, в то время как миллионы военнопленных умирали с голода, не получая ни работы, ни хлеба насущного, я и сегодня понять не могу. Здравый смысл отказывается понимать эти «гениальные» соображения верховной власти немецкого рейха. Разве только то объяснение, что от великого до смешного — один шаг. Тогда понятно. Вот сейчас, вспоминая эти события, невольно думаешь о том, что все советские люди, особенно колхозные крестьяне, ненавидели сталинские кровавые опыты: насильственную коллективизацию, раскулачивание, чистки, репрессии, «великие стройки», голодоморы и «неусыпную заботу» головорезов-коммунистов о «благе народа». Все пленные — и военные, и гражданские — были воодушевлены (ничуть не преувеличиваю) поражением советской власти, успевшей уже за годы своего правления пролить море крови, слез и горя. Все это было сделано с таким цинизмом, извращением всех человеческих духовных ценностей, так, что почти все были готовы без всякой «политической» подготовки сражаться против истинных поработителей своей родины — коммунистического режима.

Самым большим преступлением расистов против человечества, безусловно, является это их упущение. Эта на тупости основанная гордыня затмила их разум. Она привела к нежеланию делиться с кем-то плодами своей победы, которая казалась им такой близкой, но которая, оказалось, была недостижима. Это было понято ими перед самым концом войны, далеко не в полной мере, конечно, когда наконец была создана Русская Освободительная армия — как Освободительное движение русского народа или, вернее, его подобие. Это было уже слишком поздно и идеологически и практически. Воодушевленная Красная армия была уже в Европе, и ее ожидали как освободителя. Эту же ошибку повторили союзники антигитлеровской коалиции. Вытянув сталинский режим за уши из болота, они поставили его на ноги на твердую почву, вооружили, накормили и воодушевили на победу. Они предали миллионы лучших русских людей, истинных противников большевизма, поднявшихся наконец на сознательную непримиримую борьбу с этим мракобесием. А ведь это было возможно... Конечно, победителя не судят. Да и Запад не пострадал материально от этого предательства. Но преступление есть преступление. Вещи должны быть названы своими именами. Да свершится Божья воля!..

Великий Шекспир в своей величайшей драме «Король Лир», в эпилоге к ней, из глубины своего восприятия мира воскликнул: «Горе тому потомству, если хотя бы одно вопиющее о возмездии преступление окажется безнаказанным!..» За безнаказанность сталинистов и всех, кто помог им остаться безнаказанными, отвечает сегодня поколение [не только] на Востоке, но и на Западе. Самым ярким проявлением этого наказания является все еще прогрессирующая, дошедшая до уродства бездуховность и аморальность современной цивилизации, правомерно названной величайшим мыслителем этого века, Александром Исаевичем Солженицыным, «озверевшей». Тогда, конечно, я не знал всего этого, не понимал, не предвидел. Тогдашнее время было только началом, даже не разгаром, священной борьбы против достаточно — о, предостаточно! —

проявившего себя и показавшего всему миру делами своими [свое] звериное лицо коммунизма. Благодаря поддержке западной коалиции Сталин победил, и были уничтожены многие миллионы лучших людей в СССР, в Восточной Европе, в Китае, в Камбодже, в Корее, во Вьетнаме, в Африке, в Латинской Америке. Материально процветающий Запад, глядя на все это равнодушно и сам богатея на чужом горе, сам разложился духовно. Запад еще желает сыграть роль мирового жандарма. Но тут уж можно с уверенностью сказать: поздно, господа! После драки кулаками не машут.

Но вернемся в Магдебург 1941 года. Тогда мы, то есть украинская и русская молодежь города Киева, добровольно приехавшая в Германию, горя желанием активно участвовать в этой борьбе миров, чувствовала себя как в холодную воду опущенной. Ни слова приветствия, ни жеста благодарности, ни хоть примитивного уважения, элементарной вежливости, никакого проявления минимального гостеприимства — ничего этого не было. Как в песне поется, «и намек даже нет». Все было построено на насилии.

Пришли представители городской администрации, даже без переводчика. Я снова предложил им свои услуги. За недолгое время было оформлено все, что им было нужно. Все подписались под документом, в котором говорилось, что нас ознакомили с порядком жизни и работы в лагере и на заводе, что мы обязуемся добросовестно работать и выполнять все требования начальства, соблюдать правила поведения. Когда дошла очередь до меня, я ответил им на все вопросы, но подписывать отказался, мотивируя это тем, что в договоре не указан срок его действия. Чиновники пригласили меня пойти с ними в контору, там, закрывши двери, меня сбили неожиданным ударом в голову, и лежачего били три пары ног [со словами]: «Коммунист!.. Большевик!.. Не хочешь подписывать?! Мы научим тебя, как ты должен себя вести... И ты поймешь, что ты и кто ты, и как вести себя должен...» Я понял, с кем имею дело, и, сообразив, что упорствовать не в мою пользу, согласился с их доводами и подписал «фертраг»[313], после чего был великодушно отпущен в барак со словами: «Скажи своим друзьям, что они здесь не у тещи в гостях!»

Я долго лежал на третьем этаже нар и плакал. Иван пытался меня расспрашивать и успокаивать. К утру в душе моей созрело твердое решение — бежать при первой возможности. В Берлине у меня было два адреса: маминной родственницы Марии фон Клот-Гайденфельд и папиного друга по камере киевского КГБ[314] в 1938 году Фрица Гоутерманса. На их помощь я рассчитывал. В беседах со здешними старожилками, поляками и французами, о возможности побега выходило, что нужно ждать весны. Я согласился с их доводами. На работу нас водили под конвоем, в строю, по четыре человека в ряду. Мы шли по проезжей части улицы, стуча по мостовой деревянными подошвами выданным нам ботинок. Здесь родилась шутка: «Спасибо Сталину-грузину, что одел нас всех в резину, а Гитлеру-гермашке — что одел нас в деревянные».

Да... Шутки шутками, а время шло. А время-то, говорят, — лучший лекарь от всех недугов. Лучшее лекарство у времени — привычка. Ведь привычка — это вторая натура. Человек привыкает и к хорошему, и к плохому, и даже к жизни в неволе, к получаемому рациону питания, к грубым окрикам надсмотрщиков, к их тумакам и пощечинам. Мускулатура привыкает к физической нагрузке, а на коже рук и ног вырастает и крепнет защитный слой мозолей. Глаза привыкают не плакать, а зубы — стискиваться, кулаки — сжиматься, губы — подкусываться или льстиво улыбаться, когда сердце обливается кровью. Сердце готово бывало выпрыгнуть, а иногда сжималось, и становилось так больно, что и душа болела, а то и плакала. Когда голова наполняется грустными мыслями, затоскует, терзаемая проглатываемыми обидами или раскаянием, она становится невыносимо тяжелой.

На заводе Круппа мы работали недолго. Скоро половину нашей группы перевели на завод «Польте», производящего гильзы для снарядов. В эту группу попал и я как неквалифицированный рабочий. Этим переводом я был разлучен с моим другом Иваном Сакунком и так больше [ничего] не слышал о его дальнейшей судьбе. Наш новый лагерь находился на берегу реки Эльбы, в

помещении бывших конюшен. Часто по субботам и воскресеньям мы слышали музыку из парка на берегу Эльбы. Чаще всего это были немецкие марши, вселяющие в сердца слушателей бодрость, решительность и желание шагнуть с надеждой к чему-то лучшему, желанному... Иногда звучали вальсы, напоминавшие нам о том, что и мы — люди, что и мы любим и кем-то любимы, а не только рабочий скот, который одевают, кормят и поят лишь потому и для того, чтобы он оставался трудоспособным.

На новом месте нас стали лучше кормить, этой переменной все остались довольны. Завтракали и обедали мы на территории завода, вернее, под этой территорией, в помещении подземного бункера. Бункер этот был построен для спасения рабочих от возможных воздушных налетов противника. Время ведь было военное. Тогда, в конце 1941 и в начале 1942 года, бомбежек еще не случилось. На заводе работали и французские военнопленные, и другие иностранные рабочие. Хотя это и запрещалось немецкой администрацией, нам удавалось часто входить с ними в контакт, от которого у нас были большие выгоды.

Французы относились к нам хорошо, по-дружески. У них была возможность даже поддерживать нас материально. Все пленные, кроме советских, получали поддержку от Международного Красного Креста. Помощь эта была очень ощутимой. Они не знали голода, даже сами немцы признавались, что французы снабжались лучше, чем они, получающие тогда продуктовые карточки, то есть жизненно необходимый минимум. Излишков у них не оставалось. А вот пленные французы имели другой источник снабжения — от Красного Креста и от немецких властей. Французы отдавали нам свои излишки. Проглотивши поспешно выдаваемую нам баланду, мы шли и забирали термосы с оставшейся несъеденной ими пищей. И пировали же мы от души! Немецкие надсмотрщики за животы держались от смеха, глядя, как мы поглощали «через борт» по пятьшесть мисок брюквенного супа, который расширял наши желудки до состояния «барабанов». Мы тоже смеялись от удовольствия чувствовать себя сытыми после месяцев недоедания. Подобную картину я вспомнил через три года, хоть без злорадства, но с пониманием, когда наблюдал подобное, только с той разницей, что роли поменялись: сытые русские солдаты также смеялись над голодными немецкими военнопленными. Правда, смех русских был смешан с сочувствием, ибо все они имели большой опыт в перенесении голода.

Этот новый источник снабжения способствовал мне и моему новому другу, Виктору Буткевичу, в нашем плане подготовки побега.

Об этом плане мы продолжали думать. Насытившись баландой, мы получали возможность, не ущемляя желудков, откладывать в запас получаемый хлеб. Мы старались делать это не будучи замеченными ни немцами, ни нашими друзьями. Многим из них мы не доверяли. Не исключена была возможность как кражи, так и предательства. Это последнее и произошло в скором будущем. Об этом я узнал лишь через несколько месяцев, когда после нашей неудавшейся попытки к бегству, поимки, отбытия трех месяцев наказания в штрафном лагере № 21, в городе Вотерштадт (вблизи от Брауншвайга), я снова по пути в Берлин увиделся со своими друзьями и Виктором Буткевичем. Виктор, попавший в больницу, раньше меня вернулся в лагерь и рассказал мне об этом. Наступила весна. Парк зазеленел, все чаще и громче там звучали музыка, и голоса, и смех гуляющей молодежи, имеющей на это и право, и возможность. Все болезненнее ощущался в наших сердцах соответствующий резонанс. [Все это] возбуждало жажду свободы, права на которую нас так жестоко и незаслуженно лишили. В наших сердцах гасла вспышка политического сознания, заставившая нас добровольно поехать в Германию.

Запланированный побег провалился сразу. Не успели мы оказаться вне лагеря, преодолев два ряда колючей проволоки, как были ослеплены ярким светом фонарей и оглушены грозными криками «хальт!». Несколько сильных рук схватили нас за спины и грубо сопроводили под аккомпанемент немецких проклятий в помещение охраны. Там мы были брошены на пол и избиты сапогами. После этой процедуры нас бросили в кузов грузовой машины и доставили без лишних

объяснений в тюрьму города Магдебурга. Нас поместили в разные камеры. В первой из них я познакомился с поляком Станиславом Горецким. Он ожидал суда за любовную связь с молодой арийкой и очень боялся получить высшую меру. Горецкий сказал мне, что его преступление считается одним из тяжчайших. Меня он успокоил, сказав, что за первый побег получают три месяца штрафного лагеря. Он добавил, что отбыть эти три месяца не так легко — режим там строжайший.

Вторым сокамерником был один бельгиец, пытавшийся уже в третий раз убежать через Ла-Манш в Англию. Он не был еще осужден и утверждал: чем дольше срок, тем режим легче и условия лучше.

Допрос был короток и прост — прямо в коридоре, вроде заполнения анкеты. Кто, откуда, возраст, цель побега, куда, как, зачем?.. После этого я встретился с Виктором при посадке нас в тюремный автобус. У Виктора было убийственное настроение. У него было бледное лицо. Губы дрожали. Когда мы оказались рядом, он шепнул мне: «Наверное, повезут на расстрел». Бедный Виктор не знал немецкого языка, он не мог общаться с людьми и получать от них нужную информацию. Я поспешил успокоить друга, рассказав ему быстро и уверенно о том, что узнал от арестантов различных национальностей, с которыми объяснялся по-немецки. Витя, видимо, успокоился, открыл полученный нами от надзирателя чемодан, желая вынуть и съесть кусок хлеба, но увы — хлеб не был достаточно высушен и заплесневел. С болью в сердце его пришлось выбросить.

Через два часа езды мы подъехали к лагерю № 21. Вид его для нас, новичков, показался жутким. Та же колючая проволока, которая окружала и наш лагерь, но гораздо выше и в два ряда. Между проводов были из нее же сделанные кольца. По запретной зоне бегали кровожадные псы, по углам, на вышках, стояли прожектора и пулеметы. Перед воротами был недосыпанный до краев ров. На досыпанной его части было множество деревянных крестиков с номерами вместо фамилий. Это была братская могила, приготовленная для тех, кто не доживет до конца срока. Картина, знакомая мне теперь, но тогда, впервые оказавшись в такой ситуации, я был поражен более чем удручающе. Бараки были построены по периметру прямоугольника. Снаружи можно было видеть только их задние стены без окон и без дверей. Последние находились внутри прямоугольника. Бараки были построены сплошной стеной, а между ними образовывалась свободная площадь. Она использовалась для развода арестантов, проверок и проч. Над двумя бараками, с торцевой стороны, находились служебные помещения — контора, баня и санитарная часть. Там же были и прожарки для дезинфекции одежды. Остальные бараки были жилыми помещениями для штрафников.

В бараках было двадцать дверей, над каждой дверью вывеска с указанием национальности арестантов. Всех нас завели в предбанник, приказали раздеться догола, побрили все возможные волосы и отправили под холодный душ, [затем] обмундировали в арестантскую одежду с номерами, выдали железные бирки на шею. Всю личную одежду забрали в мешки после прожарки. После всего этого нас построили по национальностям и распределили по баракам. Я получил номер 4899 и был, к моему ужасному огорчению, направлен не к украинцам, а к румынам, по причине, мне до сих пор не известной. При заявлении, что я не румын, я заработал первую порцию палкой по горбу, и притих, и подчинился во избежание худшего.

После четырехчасового сна мы получили свой завтрак. Продвижение по зоне было только по команде «бегом!». После sireны выходили на развод, строясь перед бараком. Надзиратели выкрикивали номера, арестант отвечал: «Я!» — и бежал к указанному самосвалу. Набитые до отказа самосвалы возили нас на работу. Мы работали на территории чугунолитейного завода. Работа заключалась в погрузке шлака, поступавшего из доменных печей в расплавленном состоянии. Его в вагонках по рельсам провозили паровозики и вываливали в котлованы. Шлак застывал там, остывал, поливаемый водой из брандспойтов, грузился нами вручную на такие же вагонетки, подъезжающие с другой стороны котлована.

Не переживши это, трудно себе представить кромешный ад в дыму и паре. Люди должны были выдерживать это двенадцать часов без перерыва. Я был в их числе. Теперь, рассказывая об этом, [я] и сам не могу поверить, что весь этот кошмар был действительностью на одной из страниц моей жизни... Я выдержал только два месяца этой пытки плюс каждодневное дневальство в камере румын. На третий месяц я свалился, выбившись из сил. В таких случаях арестантов добивали, но в моем случае не была на то Божья воля. Что человеку не возможно, то Богу возможно. Он остановил поднятую на меня руку эсесовца рукой другого. Этот «другой» приказал пленным французам взять меня в свою будку, ими сооруженную для обогрева и отдыха. Французы ухаживали за мной, как за братом, поили горячим кофе, когда я сам уже не мог держать кружку в руках. Я подумал, что умираю, но я не умер, я заснул.

Я проснулся на кровати лагерного медпункта от прикосновения руки моего ангела-хранителя. Я видел его во сне, но, когда я открыл глаза, надо мной стоял санитар в сером халате, в таком же полосатом костюме, какой был у меня. Он улыбнулся, говоря: «А, ты жив... А мы хотели тебя уже на носилки класть и туда. Ну, полежи еще немного здесь. Завтра утром уж снесем...» А я лежал там, к его удивлению, целый месяц. Высох как скелет. С трудом, но съедал пайку хлеба. Я и сам, конечно, уже не верил, что когда-либо встану. Одно легкое мое уже не работало, и дышать было трудно. Я плакал, бывало, глядя на мои обтянутые кожей кости. Я молился, каясь во всех грехах своих, которые я успел совершить за свою шестнадцатилетнюю жизнь. Слава Богу, их было у меня еще немного, что было Богу, я думал, известно.

Как и все по воле Бога, сам того не зная, в палате появился какой-то важный врач в чине полковника — проверять санитарное состояние лагеря. Он зашел и в наш медпункт, обратил внимание на меня, поговорил о чем-то с санитаром. Санитар принес листы. По приказу врача меня посадили на весы и взвесили (по-видимому, для удовлетворения любопытства). Доктор дал еще какие-то указания тому же санитару, взглянул в мою сторону, передернулся как-то и вышел. После его ухода санитар сказал, что меня отправят в больницу. Когда я очутился в автомобиле «скорой помощи», то вдруг поверил, что останусь жив. Моя душа почувствовала, что свершилось чудо, что теперь уж мне ничего не страшно. Я попал под опеку Того, Кто нас создал и ведет нас по дорогам жизни наших, по Своему всемирному усмотрению. Моя вера спасла меня.

Это было весной, в конце апреля, когда вся природа воскресает к новой жизни, когда цветут многие деревья, а те, что сами не цветут, радуются цвету цветущих. Я видел всю эту красоту, как зачарованный, как будто впервые в жизни. Я был слишком слабым для того, чтобы даже думать о том, что случилось. Я просто плакал от счастья — жить и верить, что ты жив и останешься жить. Уставши даже думать и радоваться, я заснул и сразу очутился в объятиях моей мамы, тоже плачущей от радости, что я с ней. Она целовала меня и приговаривала: «Сынок мой Эринька, я с тобой... Бог услышал мои молитвы, никогда не забывай этого!»

Открывши глаза, шепча только одно слово «мама!», я протянул руки, желая обнять ее, но вдруг понял, что это был сон. Меня сонного переодевали во все чистое, больничное, две сестры милосердия — две монашки — швестер Инга и швестер Лиза. Увидев их добрые, на меня смотревшие глаза, я улыбнулся и сразу снова заснул. Я даже не проснулся, когда воткнули шприц через мою кожу и выкачали жидкость из легкого. Между ребер разрезали кожу и вставили в плевру резиновый шланг, через который текла жидкость в стоящую под кроватью банку в течение двух месяцев. Сестры Инга и Лиза ухаживали за мной и молились обо мне и меня научили молиться на латинском языке. Они же и письма к моей маме написали, утешили ее тем, что сынок ее Эрик жив, и будет жить дальше, и поцелует маму свою любимую. Так оно и получилось, о чем я уже писал в одной из глав моих воспоминаний. Швестер Лиза дала мне номер военно-полевой почты, который был у нее, так как она считалась военнообязанной. Я начал писать и получать письма по ее адресу, когда в достаточной мере окреп для этого.

Как-то у меня подскочила температура. Я взглянул на термометр и потерял сознание, заметив, что ртутный столбик добрался до предела. Увидев меня в таком состоянии, врачи определили меня в разряд безнадежных и приказали санитарам перевести меня в маленькую палату, служащую пересылкой в лучший мир. Но и тут я «не оправдал их доверия», а с помощью моих двух ангеловхранителей пришел в себя и стал поправляться. Мама, кроме писем, начала посылать мне посылочки по полевой почте, что тоже способствовало возврату ко мне жизненных сил. Как-то я получил письмо и большую посылку от родственницы из Берлина. В письме фрау Мария фон Клот писала, что она будет хлопотать о том, чтобы меня отпустили к ней. Она надеялась на успех, т[ак] к[ак] ее сын, капитан подводной лодки, недавно погиб, и она пользовалась некоторыми льготами и надеялась, что ее просьба будет удовлетворена. Как я позже узнал, обо мне хлопотал и бывший сокамерник моего отца, профессор атомной физики Фриц Оттович Гоутерманс. Все эти события укрепляли в моей душе веру в благоприятный исход и даже в возвращение домой. Об этом мне говорили и врачи, обещая выдать медицинское удостоверение о моей нетрудоспособности.

Настал день, когда мои благодетельницы-медсестры со слезами на глазах сообщили мне о том, что завтра я буду выписан. Я плакал вместе с ними и от радости и от грусти, предчувствуя разлуку навсегда. За мной пришел незнакомый человек в штатском, оформил все необходимое в администрации больницы, принес мне полученные от них справки. Сестры выдали мне одежду и личные вещи, отобранные при аресте, документы и даже деньги. Особенно приятно меня поразило, что в кошельке моем сохранился даже один царский червонец, подаренный мамой перед отъездом в Германию. Я распрощался трогательным образом с оставшимися в больнице больными и сопровождаемый неизвестным, за мной пришедшим, отправился на вокзал. Впервые за время пребывания в Германии я шел по тротуару, а не в строю, по улицам города Брауншвайг. У вокзала мне бросилась в глаза полицейская машина, из которой была выведена группа арестантов в гражданской одежде. Это были счастливики, отбывшие свой срок в штрафном лагере № 21.

Мой провожатый передал меня конвою и, кивнув мне сухо для проформы, прошел прочь. Конвоиры скомандовали нам строем подходить к арестантскому вагону подошедшего поезда и передали нас и нашу документацию конвою, сопровождающему арестантов в вагоне во время следования поезда. «Вот тебе и свобода, и поездка в Берлин к тете Марии, и возвращение в родную семью на Украину...» — подумал я с горестью. Но я уже привык, что события разворачиваются и протекают не по моей воле, без моего личного в том участия. В купе за решеткой было полным-полно народу. Кому повезло, сидели, большинство же стояли, так что, когда я чувствовал головокружение от недостатка чистого воздуха, я терял сознание несколько раз, но падать было невозможно. Я вспомнил тесноту в наших трамваях в нашем Киеве, в которых когда-то ездил в школу ежедневно. О, как бы мне хотелось тогда, чтобы это был не бред, а наяву...

В Магдебурге нас, вызывая по фамилиям, высадили, отвели в тюрьму. Уже знакомое мне здание из красного кирпича приняло нас без приветливой улыбки, но с официальной готовностью обслуживающего персонала. Пока нас пересчитывали и оформляли по камерам в тюремном коридоре, до слуха моего донесся такой знакомый мотив распеваемой в какой-то камере русской песни. Я не поверил своим ушам: это была «Широка страна моя родная...»[315] Надзиратель открыл дверь, прогремел замками, как обычно бывает, прикрикнул без зла, по долгу службы, на поющих и впустил меня с группой других внутрь. Двери закрылись. В камере я встретился глазами со множеством с любопытством на меня прицеленных глаз земляков моих. «О Господи, не сплю ли я?!» Толпа доброжелательных парней окружила меня. Это были наши, русскоязычные. Чьи-то руки потянули меня, усадив на какую-то подстилку. Кто-то подал воды, много голосов хором спрашивали: «Кто?.. Откуда?..» Все глаза смотрели с ожиданием в мой рот, который счастливо улыбался и не мог произнести ничего внятного — спазмы сжимали горло. По щекам текли ручейки, теплые ручейки слез, текущих из глубин сердца... Ведь родного русского языка я уже не слышал

несколько месяцев. На нем я только мыслил, писал письма домой, читал письма ответные... Даже молился я уже не всегда по-русски. Ведь сестра Лиза научила меня читать молитвы по-латыни. Особенно часто я повторял слова молитвы Божьей Матери: «Санта Мария...»

После первых эмоций начались разговоры, вопросы, ответы, короткие рассказы. Здесь были парни из Киева, из многих других городов, оккупированных немцами. Все пришли к заключению, что меня отпустят: «Ну какой же ты трудяга?! Кожа да кости... Скелет ты в отпуску!.. Дай Бог тебе до Украины доехать. Процедура в инвалидском лагере тянется долго. Не все и тут выживают до отправки». Я верил, что все будет хорошо, брал из многих рук записочки родным и знакомым с указанием адресов. Слушал просьбы, о чем передавать и что сказать только лично. В камере кроме тридцати арестантов находился еще один еврей средних лет, не русскоязычный. Он не был ни подследственным, ни осужденным. Но, по-видимому, обреченным, что, я думал, было тяжелее всего воспринимать. Человек этот по имени Давид выполнял здесь роль уборщика, судомоя, отвечал за чистоту параша и бачка с едой. Пожизненно? До конца войны? Может быть. «Он несчастнее меня», — думал я. И почему-то стало стыдно...

Нас разбудил надзиратель, вызвавший меня в контору с вещами. Распровавшись с земляками, я вышел из камеры. Я был сопровожден полицейским в контору, где, кроме всех предыдущих, получил еще одну справку о том, что я освобождаюсь после отбытия срока наказания и после перенесенной болезни направляюсь на Украину на излечение. «Свежо придание, да верится с трудом», — подумал я и поблагодарил, попрощался, вышел... Впервые один, без всякого сопровождения. Я оглядывался несколько раз — никого, никого не было... Куда же теперь? Я пошел на завод, откуда бежал, хоть попрощаться с друзьями. Виктор ведь заходил ко мне, когда я там умирал. Как это ему удалось?.. Так я и сделал. Не буду описывать встреч и прощаний.

Шеф завода помог мне созвониться с «тетей Марией». Я условился с ней, где она меня будет встречать и как я ее узнаю. Шеф завода дал мне в сопровождение полицейского, который проводил меня до вокзала, купил мне билет и посадил меня в поезд Магдебург — Берлин.

Встреча с «тетей Марией» была теплой, и приятными были дни, проведенные у нее. О ней я молюсь и ныне — дальнейшей судьбы ее [я] не знаю. Не знаю, как отразились на ее судьбе послевоенные события. Упокой, Господи, душу рабы Твоей Марии! Скоро и [я] уже буду там, где жизненные пути людей кончаются... Тогда же, в 1942 году, приласканный ею и окрепший, я был посажен моей благодетельницей в поезд и расцелован был на прощание со словами: «Поезжай к маме своей и радуй ее своей любовью! Я пообещала ей помочь тебе. Да хранит тебя наш Спаситель Иисус Христос!»

Я прибыл в мой родной Киев. Благодаря уходу и молитвам мамы моей, сестры и папы, я снова набрался сил. На костяхросло достаточно мяса, чтобы жить. Жизнь продолжалась. В 1943 году вместе со своими родителями я выехал снова в Германию. Там отец мой получил немецкое подданство, я был мобилизован в немецкую армию и отвоевал еще до капитуляции. Я был за это [приговорен] к двадцати годам каторги и пяти годам поражения в правах. Десять из этих лет я отбыл, освободился в 1955 году. Я завел семью, дочь и трех сыновей-богатырей Бог мне подарил. У меня четверо чудесных внуков, и сестру свою я нашел наконец. И остались мы с ней вдвоем на белом свете, и живем в любви и дружбе, оба овдовевшие. Ну как же не славить волю Всевышнего за эти чудеса!

Л. В. Дудин В оккупации[316]

Немцы в Киеве

Киев был, есть и будет советским.

Н. С. Хрущёв

Весь август и первую половину сентября [1941. — К. Л.] Киев был в положении полусажженного города. В первых числах августа[317] немцы подошли к его окрестностям и остановились на расстоянии орудийного выстрела. Каждый день и особенно по ночам мы слушали канонаду. Звуки ее то приближались, то удалялись, стрельба по временам приобретала характер ураганного огня, но положение не менялось. Немцы стреляли мало, действовали, главным образом, наши батареи. Стрельба была явно бессмысленной, но мало ли творилось в нашей стране бессмысленных вещей? Над городом кружились немецкие самолеты, но бомб не бросали. Вообще немцы не бросили на Киев ни одной бомбы: они хотели взять его целым. Зенитки стреляли часто, но всегда почти бесполезно. Наши истребители почти не появлялись; за эти два месяца киевляне ни разу не видели в воздухе одновременно более трех наших самолетов. Это был период полного господства немцев в воздухе. Наши самолеты иногда пробовали атаковать немцев, но безрезультатно: немцы летали гораздо быстрее. Город казался обреченным, и мы не понимали, чего немцы так долго медлят.

Не знали мы тогда, что задержка немцев под Киевом была вполне естественной. Они выходили к Днепру гораздо севернее и южнее Киева и подготовляли создание того «мешка», в который попали в конце сентября[318] пять армий маршала Буденного. Киев еще держался в то время, как немцы взяли уже Днепропетровск и Запорожье[319]

и форсировали Днепр южнее Киева, почти на всем его протяжении. Наконец немцы взяли на флангах киевского участка фронта Чернигов и Кременчуг[320] и почти подошли с обеих сторон к дороге из Киева на Москву, а командующий 38-й армией[321] и начальник гарнизона Киева генерал Власов все еще получал приказы из Москвы удерживать город. Слишком боялась Москва морального эффекта от падения Киева. Тяжелое, но неизбежное событие старались по возможности оттянуть и выиграть время, которое тогда ничего изменить не могло. Только по этой причине была разгромлена почти миллионная группировка Буденного и потеряно свыше 600 тысяч человек одними пленными[322]. Берлин долго и зло тогда издевался над непонятной трусостью Москвы, но потом сам много раз делал то же самое, но еще с более губительными последствиями. Видимо, ошибки противника ничему не могут научить некоторых людей.

В это время город жил странной, почти нереальной жизнью. У людей было такое настроение, какое бывает на вокзале у отъезжающих и провожающих в последние минуты перед отходом поезда. Уже сказано и сделано все, что нужно, а поезд все еще не уходит и люди стоят без дела на перроне, курят и смотрят на часы, в ожидании минуты отправления. Служащие и рабочие еще автоматически ходили на свои прежние места работы, хотя делать было совершенно нечего, оборудование, планы и документы были вывезены, поломаны или сожжены. Ожидание было таким длительным, томительным и неопределенным, что некоторые учреждения, вывезенные ранее за Днепр, вернулись опять в город. Но к работе они не приступали, и все их имущество оставалось лежать нераспакованным. По полупустым комнатам правительственных зданий бродили без дела отдельные люди, как осенние мухи перед смертью. Сказывалась долготелная привычка: люди боялись потерять работу даже теперь, когда всем было ясно, что дни советской власти в городе сочтены.

Жители сушили сухари и стояли в очередях за случайными продуктами. Советские деньги старались сбыть, чтобы они не пропали. О порядках у немцев рассказывали всякие небылицы. Никто ничего определенного не знал. Газеты писали, что Киев был, есть и будет советским, и расписывали подвиги бойцов народного ополчения. Но мы давно знали, что если газеты пишут о витаминах и калориях, то значит, есть нечего, а раз прославляют подвиги бойцов народного ополчения, значит, армия не держит фронта. Как выглядят эти ополченские герои и каков их воинский дух, мы наблюдали у себя на улицах. Поэтому газетная лирика цели не достигала и реальной жизни и настроений, конечно, не отражала. Вообще судить о жизни в Советском Союзе по советским газетам человек может примерно с таким же успехом, как глухонемой о достоинствах

сонаты Бетховена или слепой о тонах на картинах Рембрандта. В эти дни мы искали в газетах только известий с фронтов, но и то безуспешно: в сводках говорилось туманно о боях на Житомирском и Белоцерковском направлениях, а немцы стояли в 20 километрах от Киева.

На улицах строили баррикады и людей тысячами гоняли на окраины города рыть окопы. Многие при этом погибли от огня немецких самолетов, а пользы от всех этих окопов и баррикад не было никакой. Из них не было произведено ни одного выстрела. Советские войска оставили Киев без боя, стремясь как можно скорее выйти из окружения, хотя как немецкая, так и советская сводки писали, что Киев занят немцами после упорных и жестоких уличных боев. Это был один из ярких примеров лживости военных сводок обеих воюющих сторон. В ночь на 10 сентября был получен из Москвы приказ об оставлении города[323]. Каким образом этот приказ стал известен населению в ту же ночь, я до сих пор не знаю, но еще до рассвета начался грабеж правительственных и интендантских складов и магазинов. Первыми были разбиты и разграблены склады, в которых были сложены отобранные ранее у населения радиоприемники. Примерно с 7 часов утра через город начали проходить советские войска, отходящие за Днепр. Части всех родов оружия двигались сплошным потоком, в полном беспорядке. Главная улица города, Крещатик, была сплошь загружена автомашинами, повозками, орудиями, конными и пешими частями, продвигавшимися к мостам. В центре города войска сами подали пример к грабежу. Красноармейцы и командиры врывались в закрытые магазины, выбивали витрины и двери, ломали прилавки и кричали населению, что все надо разобрать и уничтожить. Чтобы ничего не досталось врагу.

В этом грабеже приняло участие почти все население города. Противодействовать было некому, так как в этот момент в городе уже не было никаких властей, а все склады, магазины и товары в них принадлежали советской власти, то есть уже никому. К вечеру все магазины и склады в городе были совершенно разграблены, товары частью расхищены, а большей частью разбиты, поломаны и втопты в грязь озверевшей толпой. Все улицы были завалены осколками разбитых витрин, дверей и окон. Никто не думал о том, что после этого разгрома населению громадного города придется голодать и нуждаться в самом необходимом. А это так и было. Когда немцы спустя некоторое время предложили возобновить торговлю, то этого нельзя было сделать, так как в магазинах и на складах не осталось совершенно никаких товаров.

Однако товары не только разграблялись, но и бессмысленно уничтожались. Так, например, начальство нескольких киевских хлебных заводов перед своим бегством распорядилось затопить все оставшиеся запасы, и в Днепр было сброшено несколько десятков вагонов муки. Такое же распоряжение получили все колбасные, консервные и другие предприятия пищевой промышленности. На этих предприятиях уничтожить продуктов просто не успели, и их разграбила толпа. Киевский спиртоводочный завод выпустил в Днепр по канализационным трубам несколько тысяч ведер спирта. Спирта было выпущено в реку так много, что вся рыба опьянела и всплывала на поверхность. Люди выбирали спирт ведрами из сточных канав, не обращая внимание на нечистоты, плававшие в нем.

Вечером 18 сентября на окраинах города начались взрывы. Подрывные команды разрушали военные объекты. В эту ночь не только были подорваны все мосты и железнодорожные пути, представлявшие, несомненно, военные объекты, но также сожжены и подорваны оба вокзала, все текстильные фабрики, часть обувных, хлебных, колбасных, консервных, кондитерских и других заводов и фабрик пищевой и легкой промышленности, все три электростанции и водопроводная станция. Город, насчитывавший еще в этот момент более 500000 жителей, был оставлен без воды, света, продуктов и возможности приготовить эти продукты[324]. В эту ночь были подожжены и затоплены все стоящие в киевском порту пароходы, катера и баржи Днепроовского речного пароходства. Но этого мало. Видимо, в паническом страхе преследования со стороны немцев бежавшие советские власти приказали перепилить и затопить в реке все рыбацкие и спортивные гребные и парусные лодки, как государственные, так и принадлежавшие частным лицам. Во всех

этих действиях не было никакого военного смысла. Это был просто варварский акт бессильной мести по отношению к оставшемуся своему же мирному населению[325]. Но в это время советские власти и не считали население оставленных областей своим. Всех тех, кто не хотел или не мог бежать на восток в полную неизвестность, они называли «фашистами», «фашистскими подпевалами», «врагами народа» и не скрывали своего желания уходя «хлопнуть дверью», то есть, попросту говоря, уничтожить этих людей или обречь их на голодную смерть. А таких людей в стране были десятки миллионов.

В других городах картина была такая же. В Харькове уничтожены те же объекты, что и в Киеве, и город также оставлен без света и воды, а кроме того, сожжена тюрьма с оставшимися в ней полутора тысячами политическими заключенными[326]. Когда население хотело разбить тюрьму и освободить несчастных заживо горевших людей, то подрывные команды разогнали это пулеметным огнем. После оставления Днепропетровска советская артиллерия, отойдя за Днепр, 35 дней обстреливала город и совершенно разрушила всю центральную часть его. Все это время немцы в город не входили, и под советским огнем гибли исключительно местное мирное население, то есть советские же граждане. Минск, Смоленск, Псков, Брянск, Курск, Орел и десятки других городов были полностью или частично сожжены советскими войсками или подорваны советскими минами. Новгород был полностью разрушен советской артиллерией. Все эти преступления против своего народа были впоследствии приписаны немцам, разрушившим также весьма много, но гораздо позже и совсем не все, что им приписывают. В Киеве я видел сам всю картину разрушения города, а о других мне рассказывали десятки их жителей, совсем не принадлежавших к сторонникам или поклонникам немцев и их политики в нашей стране. Вина немцев перед нашим народом велика, но это совсем не является основанием сваливать на их плечи все преступления, совершенные по отношению к нашему народу самой советской властью. Это счет особый, и рано или поздно народ этот счет предъявит, и советской власти придется по этому счету заплатить.

Поздно ночью начались взрывы в самом центре города. Это рвались снаряды, сложенные неизвестно с какой целью, в Николаевском сквере против университета. Снарядов было несколько тысяч, и рвались они всю ночь. Это был своеобразный салют в честь оставления Красной армией Киева. Население прилегающих к скверу улиц не было предупреждено и дело не обошлось без жертв. К счастью, снаряды успели не все взорвать. Но и взорванных оказалось достаточно, чтобы совершенно исковеркать лучший в городе сквер и привести в необитаемое состояние около двух десятков домов.

Утром 19 сентября Киев был пуст. По городу еще мотались в разных направлениях несколько автомашин с растерянными людьми, которые не знали, как выбраться за Днепр, но к 9 часам утра и эти последние машины исчезли. Улицы были пусты — все войска ушли на левый берег Днепра. Киев перестал быть советским. Мы остались на «ничьей земле». Население притаилось по домам, и только отдельные смельчаки доканчивали вчерашний грабеж. Город ждал вступления врага.

Немцы начали входить в город около полудни, сразу с трех сторон. Шли тихо, вежливо, без выстрела. Все те, кто хотел и мог сопротивляться, покинули город еще ночью, а остальное население ждало немцев не как врагов, а скорее как друзей[327]. Старожилы Киева помнили еще, что в 1918 году при немцах жилось не так и плохо, и этого воспоминания даже советской пропаганде вытравить не удалось. Насколько немцы изменились с тех пор, мы не знали. На Крещатике первых немецких офицеров встречали цветами, как избавителей от ненавистной советской власти. Этот момент был заснят для немецкого киножурнала и демонстрировался на всех экранах Европы. Через 777 дней, 5 ноября 1943 года, на том же Крещатике, население встречало цветами первых офицеров Красной армии, как избавителей от ненавистной немецкой власти. Этот момент был заснят для советского киножурнала и демонстрировался на всех экранах Советского Союза. Таков был результат политики господ Розенберга и Коха.

В немцах нас поразили их хороший вид, дисциплина, простота и беспечность. По описаниям советских газет мы ожидали увидеть полуголодных, оборванных и измученных тяжелыми боями солдат. Вместо этого мы увидели хорошо одетых, выбритых, подтянутых и совершенно свежих людей[328]. Пехоты не было совсем или нам так казалось. Войска ехали на машинах, мотоциклах и велосипедах. В это время у германской армии было еще много механизмов. Многие ожидали грабежей, но их не было. Немцы разместились быстро, спокойно и никого не трогали. Очевидно, пункты расквартирования у них были намечены заранее. Почти у каждого шофера был подробный план Киева и его окрестностей. На планах были обозначены все важнейшие военные объекты города. Это нас тоже удивило. У нас все планы городов еще в мирное время считались секретными и фотографирование многих районов было запрещено, но немцы все равно все знали. К чему была эта мания все засекречивать? Нас поразило также удобство германского обмундирования, многочисленность типов их машин, обдуманность, простота и удобство их конструкции. Мы сравнивали их крытые грузовые машины с нашими ЗИС'ами и ГАЗ'иками, с привязанными к бортам палками и растянутыми на этих палках полотнищами палаток. Это не было техническое превосходство. У каждой немецкой автомашины над передними колесами были привязаны связки толстых прутьев, переплетенных проволокой. Эти деревянные коврики укладывались под колеса, если машина застревала в грязи. Мы вспоминали, как наши шоферы ломали заборы, таскали доски с построек и часами ругались, стоя около застрявших в грязи машин. Это тоже не было техническое превосходство. Это была обдуманность, точность и аккуратность у противника, и безалаберность, бесхозяйственность и беспечность у нас. Сознать это было обидно и оскорбительно.

Нам говорили, что германская армия держится на палочной дисциплине, что германские солдаты должны постоянно тянуться перед офицерами и что офицеры за всякую провинность бьют их по лицу. Ничего этого мы не увидели. К нам пришла армия с дисциплиной крепкой, хотя и достаточно свободной. Илья Эренбург[329] нам внушал, что немецкий фриц может только жрать курицу, пить водку, насиловать женщин и разбивать прикладами головы маленьким детям. Мы должны были ему верить: ведь он жил в Германии, а мы нет. Но мы скоро увидели, что немецкие фрицы умеют также читать газеты, знают свою историю и могут себя вежливо вести. Насчет куриц и водки они, правда, были мастера, а гроссмейстером был сам рейхсмаршал Герман Геринг. Но насиловать женщин им не приходилось: от этого женщины их избавили сами. Кто знает, было ли причиной этому любопытство ко всему иностранному, обилие вина и продуктов у немцев или просто недостаток мужчин и тоска, но немцам особенно жаловаться на недоступность наших женщин не приходилось. На открытое сожительство с немцами, правда, шли далеко не все, но, как у нас говорили, «встречались» с ними очень многие.

Однажды я шел в Киеве по Подвальной улице. Впереди меня шел немецкий офицер и рядом с ним наша русская молодая женщина или девушка. Она усиленно уговаривала немца зайти к ней выпить рюмку водки или стакан чаю. Немец молчал. Потом она спросила: «Скажите, это правда, что немецкие солдаты насиловали женщин?». Немец засмеялся и ответил: «Как видите, получается как раз наоборот». Слышать это было невыносимо. Я перешел на другую сторону улицы.

Я пишу это не в обвинение русской женщине, ибо у всех других народов отношение женщин к победителям было во время этой войны точно таким же.

Самой неожиданной и малопонятной для нас была доверчивость и даже какая-то странная беспечность немецких солдат и офицеров. Мы привыкли к недоверию и подозрительности и считали в порядке вещей, если нужно было часами стоять за пропуском в какое-нибудь совсем не секретное учреждение или проходить не останавливаясь и не поднимая глаз мимо какого-либо дома, где жил наш очередной «вождь». Нам было странно наблюдать, как на другой день после прихода немцев толпа детей окружила немецкий автомобиль или орудие и даже некоторые взбирались на них, а немецкий солдат стоял рядом и не обращал на это никакого внимания. Мы не могли привыкнуть, что немецкие офицеры, входя в незнакомый дом или учреждение, оставляли в

передней свои фуражки, портфели и даже пистолеты. Нам это казалось невероятной беспечностью. Гораздо позже мы поняли, к своему большому стыду, что немцы делали только то, что принято во всем мире, кроме пашей страны. Правда, от слишком большой доверчивости немцев скоро отучили наши уличные специалисты.

На другой день после прихода немцев я вышел в город. Улицы были запружены толпой обоего пола. Поразительно было видеть в этой толпе множество молодых здоровых мужчин призывного возраста. Перед уходом советских войск казалось, что в городе остались только старики, женщины и дети. Только теперь стало ясно, как много людей скрывалось от призыва в армию и от вывоза в советский тыл. Толпа казалась веселой и оживленной, люди делились новостями, и страха перед немцами не было заметно. Около немецкой городской комендатуры на углу улиц Крещатика и Прорезной стояла большая очередь. Это давали пропуска на выезд из города тем, кто жил неподалеку. В очереди было также много молодых мужчин. На некоторых зданиях были вывешены флаги: красный со свастикой на белом кругу — немецкий и желто-голубой украинский. На немецкий флаг люди смотрели с удивлением, многие не знали, что у фашистов также принят красный флаг. Борьба одного красного флага против другого казалась страшной. Украинского флага вообще никто не ожидал. Когда же он появился, люди стали ждать также русского трехцветного, но так и не дождалось: немцы боялись русского флага.

В первые же дни мы начали чувствовать немецкую политику в национальном вопросе. Русским было приказано сдать радиоприемники, украинцы могли оставить. Украинцев освобождали из плена, русских задерживали. На работу принимали только украинцев, русским в работе отказывали. В немецкой комендатуре заявили: «Против украинцев мы не воюем. Наши враги — русские». Радость от прихода немцев начала рассеиваться, наступало похмелье. Немецкая политика начала проявляться: население раскололось на две части. В дальнейшем немцы старались только поглубже вбить клин национальной вражды.

21 сентября в помещении бывшего областного совета профессиональных союзов начала работать Киевская городская управа. Организована она была тоже исключительно из украинцев, то есть вернее из жителей Киева, в паспорте которых в графе национальность было проставлено слово «украинец». Никаких других оснований для причисления себя именно к украинской национальности у большинства из них не было: многие родились за пределами Украины, говорили всю жизнь на русском языке и даже большую часть жизни провели за пределами Украины. Графа «национальность» появилась в советских паспортах сравнительно недавно и заполнялась, в отличие от всех других, со слов владельца паспорта, без предъявления каких-либо документов. Многие из советских граждан единственный раз в жизни задумывались над своей национальностью при получении паспорта и заполняли эту графу совершенно случайно. И вот немцы, единственно на основании такой случайной и отчасти заведомо неверной пометки в старом советском паспорте, начали делить население на группы, одной из которых они как будто бы благоприятствовали за счет всех других. Но это было только начало, и подробнее о национальной политике немцев в захваченных ими областях Советского Союза я буду говорить позже.

Киевская городская управа начала свою работу в очень тяжелых условиях. Все энергетическое хозяйство города, водопровод, промышленные и пищевые предприятия были разрушены, склады и магазины разграблены, и помещения их частично или полностью приведены в негодность. Тем не менее работа вначале продвигалась энергично и быстро. Десятки и сотни ученых и специалистов всех отраслей и специальностей представили себя немедленно в распоряжение новых городских властей. Люди не знали еще истинных намерений германских оккупационных властей и мечтали о восстановлении народного хозяйства, особенно о возможности проявить наконец свободную частную инициативу. Это казалось тем более возможным, что немецкие военные власти вначале никаких препятствий частной инициативе не ставили, а даже наоборот, ее поддерживали. На предприятиях началась регистрация рабочих и служащих, а в учебных

заведениях — студентов и преподавателей. Всем мерещилась возможность нового нэпа, и люди оживленно строили разные планы на будущее. Никто не знал, что в это самое время в Берлине Альфред Розенберг (впоследствии прозванный Альфредом Безземельным) создавал свое министерство Восточных областей, деятельность которого принесла нашему народу столько горя, страданий и унижения и окончательно развалила германский тыл на Востоке.

23 сентября Киев начал гореть. В 3 часа дня в самом центре города в подвале большого пятиэтажного дома на углу ул. Прорезной и Крещатика, в котором находился магазин детских вещей и игрушек «Детский мир», взорвалась мина большой разрушительной силы. Дом со всеми находившимися в нем людьми рухнул на переполненную прохожими центральную улицу города. Жертв было особенно много, так как в этот момент на противоположном углу около здания германской комендатуры стояла большая очередь ожидающих пропусков. Немецкие офицеры работали прямо на тротуаре за несколькими столами, когда на них и на стоявшую очередь обрушилась стена подорванного дома. При этом взрыве погибли почти все чиновники немецкой комендатуры и большое количество жителей Киева. Точно установить число жертв от первого взрыва не удалось, так как через несколько минут последовали новые, и к вечеру Крещатик со всеми прилегающими улицами представлял собой одно сплошное море огня. Второй взрыв произошел в гостинице «Гранд-отель», где помещался какой-то немецкий штаб.

Киев горел три дня. Жители прилегающих улиц и немецкие части, размещенные в городе, прилагали отчаянные усилия, чтобы потушить пожары, но справиться с огнем не могли. В городе не было воды, и все пожарные части были вывезены советскими властями за Днепр на расстояние сорока километров от города. Немцы пробовали локализовать бедствие, подрывая начинающие гореть дома, но все было безуспешно. Следовали новые взрывы, и пожар возникал в самых неожиданных и удаленных от прежних пожаров местах. Огонь перебрасывался через улицы, пустыри и через руины подорванных зданий. Пожары возникали в запертых и пустых квартирах, внутри закрытых магазинов и складов, даже в кварталах, из которых были выселены все жители. Было совершенно очевидно, что какая-то тайная организация планомерно уничтожает город. Мы опять вспомнили, что большевики обещали перед уходом «хлопнуть дверью» и грозили остающимся, что им придется еще поплакать. Они хлопали дверью после ухода и вымещали на несчастных жителей свою бессильную злость.

Только теперь обратили внимание на стоявшие на лестницах и в подъездах больших домов бидоны, бутылки и бочки. В них оказался бензин, керосин и другие виды горючего, заранее приготовленные для поджогов. На третий день пожаров немцам удалось вернуть в город увезенные за Днепр пожарные команды и доставить из Львова на самолетах пожарные шланги. Их проложили через весь город до Днепра и стали подавать воду из реки на расстояние более полутора километров. Три раза шланги кто-то перерезал. Пятерых молодых людей поймали за этим делом и тут же перед входом в бывший Царский сад расстреляли. Из них трое были евреи и два русских. Два дня их трупы лежали на месте расстрела. Никто их не жалел. Жалели только, что не поймали всех остальных.

25 сентября к вечеру огонь начал стихать. Тут только стали очевидны гигантские размеры бедствия. Весь центр города оказался уничтоженным. Более десяти центральных улиц, застроенных лучшими домами, несколько театров, цирк, почти все кинотеатры и лучшие магазины города были обращены в груды развалин. Десятки тысяч жителей сидели несколько дней на площадях и улицах города на своих немногих спасенных вещах. Тысячи людей лишились всего своего имущества, а многие — и жизни. Но это было еще не все. Более двух недель после пожаров немецкие саперы извлекали мины из подвалов различных домов. Заминированными оказались почти все крупные здания в городе, все правительственные учреждения, почти все театры, музеи, библиотеки и высшие учебные заведения. Размеры бедствия оказались бы еще несравненно большими, если бы один из советских подрывников не передал немцам план минирования всего Киева. Только это и спасло город от полного уничтожения. Один из самых

красивых городов Советского Союза был заранее хладнокровно обречен на уничтожение вместе со всеми жителями, и это было сделано не озверевшим врагом, а собственным правительством. Где в истории можно найти пример подобного злодеяния?

Как выяснилось позже, минирование Киева проводилось в течение всего августа месяца специальными командами, работавшими под видом частей противовоздушной обороны. Эти команды отбирали у дворников и управляющих домами ключи от подвалов и по несколько дней работали там, обычно по ночам и в строжайшей тайне. Дворникам и жильцам говорилось, что это готовят бомбоубежища. Но бомбоубежищ ни в одном из этих домов так и не было приготовлено. Под некоторые дома были заложены заряды огромной разрушительной силы. Так, например, под здания УССР[330] и штаба Киевского [особого] военного округа[331] было заложено более чем 50 тонн взрывчатых веществ. Здание Центрального комитета Коммунистической партии Украины[332] было так глубоко заминировано, что всех мин вообще не смогли извлечь и его оставили не заселенным, а впоследствии начали разбирать. Это преступление советской власти перед своим народом оказалось полностью разоблаченным, и сотни тысяч жителей Киева и его окрестностей наблюдали все его подробности своими глазами или участвовали в работах по ограничению его размеров.

И тем не менее руководители советской власти нашли в себе достаточно наглости приписать это преступление противнику. В ноябре 1943 года, вскоре после занятия Киева обратно советскими войсками, на страницах правительственного органа «Правда» была напечатана статья журналистки Татьяны Тасс[333] под заголовком «Крещатик». В этой статье автор пишет, что немцы сожгли Крещатик перед своим уходом и что Красная армия застала еще его дымящиеся развалины. А к этому времени на развалинах Крещатика и других улиц уже выросли небольшие деревья. Надо обладать, мягко выражаясь, большой смелостью, чтобы отважиться опубликовать подобное вранье. Явная и бездарная ложь Татьяны Тасс была настолько очевидна, что даже советские газеты не рисковали более ее повторить. Тогда была выдвинута другая версия. Через несколько недель после этого появилось во всех советских газетах сообщение правительственной Чрезвычайной комиссии по расследованию немецких зверств. В этом сообщении уже приводились точные даты пожаров и подробно перечислялись произведенные разрушения, но довольно невнятно и совсем невразумительно доказывалось, что Киев сожгли и подорвали немцы. Зачем понадобилось немцам в сентябре 1942 года, когда они имели все основания считать себя победителями, разрушать уже захваченный ими крупнейший город и губить при этом своих людей, советская Чрезвычайная комиссия не пыталась доказать, да и не могла этого сделать. Видимо, даже мудрецы из советского Информбюро и агитпропа ЦК ВКП(б) не смогли из себя выжать никакого подходящего объяснения. Им было тем труднее это сделать, что немцы перед захватом Киева его не бомбили и не обстреливали, хотя более месяца стояли на расстоянии орудийного выстрела от города. Они явно хотели взять его в целом состоянии и сделать из него лучший трофей своей летней военной кампании на Востоке. К моменту опубликования вышеупомянутого советского сообщения всему миру было ясно и сами советские газеты писали об этом десятки, если не сотни раз, что немцы собирались сделать Украину своей колонией. Так зачем же им могло понадобиться разрушать столицу Украины, да еще попавшую им в руки в целом состоянии? Кому могла прийти в голову такая безумная, идиотская мысль?

В этом же сообщении советской комиссии говорилось, что немцы взорвали в ночь на 3 ноября 1941 года Успенский собор Киево-Печерской лавры, один из древнейших памятников русского зодчества, якобы для того, чтобы скрыть произведенное ими разграбление сокровищ, находившихся в этом соборе. Когда читаешь это объяснение, не знаешь, чему больше удивляться: безмерной ли наглости его составителей или их наивной уверенности, что весь мир состоит из людей, у которых отшибло память? Каждому пионеру в Советском Союзе было известно, что все драгоценные камни, золото и прочие ценности из всех церквей бывшей России и в том числе и из Киево-Печерской лавры были изъяты еще в первые годы советской власти и заменены разноцветным стеклом, позолотой или просто ничем. Значительная часть этих ценностей была

продана за границу в период индустриализации страны, и на эти средства куплено промышленное оборудование. В церквях осталось только то, что невозможно было вывезти или продать. Об этом официально говорилось с трибун многих советских органов власти, об этом писали совершенно открыто советские газеты и газеты всего мира, наконец, об этом с гордостью говорили экскурсоводы музеев, в которые были обращены многие наши соборы. И вдруг оказывается, что все эти ценности украли немцы. Есть от чего прийти в изумление даже привыкшим к вранью советским гражданам.

Но какие бы лживые версии ни придумывала советская пропаганда, ей не удастся вытравить из памяти народа этого своего страшного преступления. Сожженный Киев останется вечным памятником советской власти и символом ее истинного отношения к народу. Много городов было разрушено в течение этой войны, и развалины центральных улиц Киева кажутся незначительными перед кладбищами Берлина, Варшавы, Дрездена, Будапешта и Сталинграда, но моральное их значение гораздо больше. Все эти и многие другие города были разрушены в ходе военных действий или обращены в груды развалин авиацией врага[334], а Киев был сожжен и подорван по приказу своей власти, именовавшей себя народной. Это массовое убийство и разрушение было обдумано и подготовлено заранее, и было предусмотрено все, чтобы сделать количество его жертв как можно больше. Именно с этой целью взрывы начались в центре города в самый оживленный час дня. Какую можно и нужно вынести кару виновникам этого преступления?

Два дня после пожаров в Киеве было внешне спокойно, но в действительности [было] страшно тревожное и напряженное состояние. Среди населения носились слухи, что Гитлер был взбешен разрушением Киева и что немцы готовят какую-то страшную месть. Мечь их была действительно страшна и невероятна по своей жестокости, тем более, что она была обращена против невинных. На страшное преступление советской власти немцы ответили другим еще более страшным преступлением, и имя ему — Бабий Яр.

Бабий Яр

Мы позаботимся о том, чтобы в Европе не осталось евреев.

А. Гитлер

В первые дни после прихода немцев о евреях как-то никто не думал. На улицах их не было видно, и некоторые даже считали, что они вообще почти все выехали из города еще до ухода советских войск. Во время пожаров оказалось, что их осталось в городе довольно много. Среди погорельцев, сидевших на своих вещах по улицам и площадям, было много евреев, и вид у них был такой же жалкий и несчастный, как и у всех остальных. Большевики при поджоге и подрыве домов не приняли во внимание, кто жил в этом доме, евреи или русские: судьба и тех и других была для них одинаково безразлична. Среди пойманных и расстрелянных поджигателей были и евреи, и русские, и украинцы. Организация, вербовавшая этих людей, руководствовалась не их национальной принадлежностью, а какими-то другими, одной ей известными данными. Во всяком случае, евреев среди поджигателей было не больше, чем лиц других национальностей. Возможно, что их больше среди тех, кто отдавал приказ о поджоге и подрыве Киева, но это до сих пор не доказано.

Несмотря на это еще во время пожаров жители стали говорить, что Киев сожгли евреи. Слух этот был явно инсценирован, но нашел широкое распространение вследствие острой вражды населения против евреев, особенно усилившейся за годы советской власти. Никто не сомневался, что немцы ответят на разрушение города жестокими репрессиями, и каждый житель дрожал за свою судьбу. Люди охотно поддерживали и всячески раздували версию о том, что именно евреи сожгли город, чтобы отвести месть немцев от других слоев населения. Скорее всего, можно

ожидать, что немцы обрушат свой меч на головы партийцев, комсомольцев и так называемых активистов советской власти. Это было логично, и как будто бы это естественно вытекало из самого характера советско-германской войны. Все поджигатели и подрывники были именно из этой среды, и эта часть населения особенно охотно поддерживала версию о виновности евреев[335]. Сами евреи были в ужасе от разрушения города. Они знали враждебность к ним немцев и не сомневались, что немцы используют пожар Киева как предлог для расправы с ними. Они больше всех проклинали поджигателей и, вероятно, в этот момент ненавидели советскую власть сильнее, чем кто-либо другой. Никто из них не выходил на улицу, и даже соседи по квартирам их видели мало. Кто может себе представить, что пережили все эти несчастные люди за эти несколько дней? Но даже они не предполагали в то время, какая судьба их ожидает, насколько действительность оказалась ужаснее самых страшных и фантастических предположений.

Немцы свои планы скрывали и ничем не показывали, как они собираются реагировать на разрушение города. Только во время пожаров и непосредственно после них в город прибыло большое количество полиции и, как говорили у нас тогда, «Гестапо». В действительности это были части СС или, вернее, СД. На мнение местного населения они, как тогда, так и потом, обращали весьма мало внимания и руководствовались исключительно приказами из Берлина. Поэтому было бы, конечно, совершенно неверно думать, что слухи среди населения о виновности евреев в разрушении города в какой-то мере явились причиной немецких репрессий против них в Киеве. Слухи эти были инспирированы самими немцами и потом постоянно и очень старательно поддерживались.

Утром 27 сентября мы увидели небольшие серо-голубые листочки, наклеенные на стенах домов и на заборах во всех районах города. На них было напечатано на русском, украинском и немецком языках приказание немецких властей всем евреям, проживающим в г. Киеве и его окрестностях, собраться 28 сентября в 8 часов утра на углу улицы Мельника (бывш. Дорогожицкой) и какой-то еще, название которой я сейчас не помню. В скобках было прибавлено «возле кладбищ». Все евреи, найденные в городе после этого срока, будут расстреливаться на месте. Евреям было приказано взять с собой все документы, деньги, ценные и теплые вещи и запас продовольствия на несколько дней. Адрес сборного пункта произвел ужасное впечатление, но распоряжение взять с собой документы, теплые вещи и продовольствие действовало успокоительно. В конце концов, население решило, что евреев просто выселяют из города. После страшного бедствия последних дней и упорных слухов о виновности евреев эта мера многим не казалась чрезмерно жестокой. Все хорошо помнили массовые высылки и аресты при советской власти, и многие со злорадством говорили, что наконец и евреям придется испытать на себе подобную участь. Жалости или сочувствия к евреям в этот день еще чувствовалось мало. Но 28 сентября, когда выяснились размеры, хотя и не вся страшная перспектива этой меры, — картина изменилась.

Рано утром 28 сентября по улицам, ведущим к кладбищам, начали тянуться первые группы обреченных евреев. Это были главным образом старики и маленькие дети, молодых женщин было очень мало, а молодые мужчины попадались буквально единицами. Все несли на себе столько вещей, сколько могли захватить; многие везли вещи на тачках и тележках, а некоторые группы, очевидно родственники или соседи, соединились вместе, складывали свои вещи на ломовых извозчиков, а сами шли рядом. Большинство таких повозок было завалено громадным количеством чемоданов, корзин и тюков. Попадались даже мебель. Очевидно, что владельцы этих вещей были уверены, что их просто вывозят из Киева, и не предполагали своей страшной участи.

К семи часам утра эти отдельные группы обреченных превратились в несколько громадных потоков. Евреи шли из трех наиболее густо населенных ими районов города по трем улицам, а именно из нагорных частей города по улицам Львовской и Дмитриевской, и из нижней части города Подола, по Глубочицкому шоссе. Эти три улицы соединяются в начале Дорогожицкой улицы. Около Лукьяновского базара и в этом месте три части их потока сливались в один, заполняющий

оба тротуара и мостовую широкой улицы. Люди шли тесной толпой, как при выходе со стадиона после футбольного матча, и казалось, что не будет конца этому страшному шествию. Большая часть шла медленно, а некоторые старики и старухи едва передвигали ноги под тяжестью своих вещей, и казалось, что у них не хватит сил дойти до назначенного пункта. Было непонятно, что смогут делать эти старики, выброшенные из квартир, без сил, без помощи и без поддержки, как смогут также такие люди вообще жить дальше, оторванные от прежних условий существования. Никто не мог тогда поверить, что все эти люди шли на смерть. Слишком казалась чудовищной мысль, что можно уничтожить такое количество явно невинных в пожаре Киева людей.

Сплошной поток евреев тянулся по Дорогожицкой улице более двух часов. Точного количества их мы не знали, но, вероятно, их было от 60 до 70 тысяч. Они шли без охраны и их никто не подгонял, их гнала угроза смерти позади. Многие плакали, но большинство шло внешне спокойно, без жалоб и криков, столь обычных у евреев. Это было стихийное бедствие, и так его все воспринимали. Человек может пережить горе, драму или трагедию и как-то на них реагировать; но это было нечто такое, для чего на человеческом языке до сих пор названия не придумали. Это было убийство, это была бойня, и люди шли покорно, как скот на бойню. Говорят, такая покорность была среди обреченных при массовых расстрелах в ЧК и НКВД. Быть может, на людей успокаивающим образом действовало их большое количество, не допускавшее мысли об уничтожении. Но кто знает, что творилось в душах всех этих несчастных, когда они шли на место своей гибели? Этому никто и никогда не узнает.

Многих евреев провожали через город их друзья и близкие знакомые, желавшие их успокоить или найти какой-либо способ оставить их в городе. Сотни людей хлопотали накануне перед немецкими властями за крупных ученых или специалистов евреев или за лиц, породнившихся с русскими или украинцами, но все было напрасно: им отвечали, что все евреи должны быть выселены. Такие ответы немцев давали надежду, что евреи не будут истреблены, а только вывезены из города. Был ряд случаев, когда русские, украинцы и даже местные немцы шли на кладбище за своими родственниками евреями, в надежде облегчить там их участь. Эти люди также не вернулись. На тротуарах улиц, по которым проходили евреи, стояли оставшиеся в городе жители других национальностей и смотрели на уходящих. Люди стояли молча, многие плакали, некоторые старались успокаивать проходящих, обращавшихся к ним с одним и тем же вопросом: «Что с нами будет?» Некоторые сначала злорадствовали и говорили, что это справедливое возмездие евреям за все то, что от них терпели остальные, но зрелище непрерывной вереницы больных, стариков и детей, главное в большинстве своем бедных, заставило этих людей замолчать. Бедствие было слишком страшным и грандиозным, чтобы выражать по этому поводу какие-либо другие чувства, кроме ужаса.

Около девяти часов утра поток евреев начал редеть, и в это время к кладбищам проехало около двух десятков автомобилей с немецкими полицейскими, вооруженными только винтовками и револьверами. По сравнению с массой евреев их казалось так ничтожно мало, что было невозможно предположить, чтобы эта горсточка могла предпринять против них какие-нибудь меры. Этот факт тоже действовал успокаивающим образом на тех, кто впоследствии не хотел верить, что немцы уничтожат евреев, а таких было довольно много среди населения. Наконец все евреи прошли, и в городе остались только некоторые тяжело больные, которых немцы приказывали местной украинской полиции доставлять на подводах на кладбище или пристреливали на месте. В конце Дорогожицкой улицы стояли первые немецкие патрули. Те, кто провожал, поворачивали в этом месте назад, а евреи проходили вперед в район кладбища, оцепленный со всех сторон полицией. Больше их никто никогда не видел.

Непосредственно за кладбищами находится очень большой и глубокий овраг, носящий название «Бабий Яр», и к этому оврагу и были проведены евреи. Оттуда никто не вышел, все они остались там. Все время пребывания немцев в Киеве район «Бабьего Яра» был оцеплен колючей проволокой, и никто туда не допускался. Каким образом немцы уничтожали в этом месте такую массу людей, жителям Киева и в том числе мне до сих пор неизвестно. В упоминавшемся уже в

предыдущей главе сообщении советской Чрезвычайной комиссии по расследованию немецких зверств говорилось, что немцы приводили евреев группами по 100–200 человек, предварительно заставив их раздеться, на край оврага и затем расстреливали из пулеметов. Это очевидно неверно, так как при такой системе непрерывный расстрел евреев должен был продолжаться несколько дней, а между тем все жители прилегающих районов города утверждали, что выстрелов они вообще почти не слышали[336]. Раньше в этом и прилегающих оврагах постоянно проводились учебные занятия по стрельбе, и звуки выстрелов были слышны достаточно далеко. Весь город интересовался много месяцев подряд тем, какая судьба постигла евреев, и именно потому для многих этот вопрос оставался неразрешенным, что почти не было слышно стрельбы. Теперь уже известно, что немцы имели много зверских способов для массового уничтожения людей, и в конце концов не так важно, какой из них они применяли в этом случае. Важно только, что живым из этого ужасного места не вышел никто.

От населения судьбу евреев немцы упорно скрывали. В тех отдельных случаях, когда им приходилось отвечать на прямо поставленный об этом вопрос, они отвечали, что некоторых, признанных виновными, расстреляли, а других отправляли на работы в неизвестном направлении. Чаще же всего каждый немец отвечал, что он вообще ничего не знает. Но все равно страшная правда скоро стала известна всем, хотя многие упорно отказывались ей верить, настолько она была бесчеловечной и отвратительной. Примерно недели через две после ухода евреев на кладбища, как у нас называли этот ужасный факт, немцы начали вербовать рабочих для разборки еврейских вещей, оставшихся на месте их последнего пребывания. Работа это продолжалась свыше месяца, и сотни людей обогатились на ней. Между еврейским и православным кладбищем, где были собраны евреи, лежали громадные груды одежды, в которой часто были зашты золотые вещи и драгоценные камни, документы, облигации займов и очень много советских денег, которые тогда еще сохраняли хождение. Все ценности рабочие должны были отдавать немецким властям, но, конечно, очень много их прилипло к рукам. Одежду немцы раздали местным немцам, так называемым фольксдойче, и потерпевшим при пожарах и взрывах в городе. Это способствовало тому, что население постаралось вычеркнуть евреев и их страшную судьбу из памяти, так как многие жители если не принимали участие в этом страшном деле, то оказались материально в нем заинтересованными. Теплые вещи и ценности скоро были разбросаны, розданы, распределены или куда-то увезены, но еще много месяцев около входа на оба кладбища лежали сотни полуистлевших еврейских паспортов и разных документов, все, что осталось от нескольких десятков тысяч человек.

Уничтожение евреев в Киеве явилось как бы сигналом к массовым расправам немцев с ними в других больших и маленьких городах и местечках захваченных немцами областей Советского Союза. На Украине евреев было особенно много, и потому здесь эти расправы приняли особенно массовый характер. В Умани около двух тысяч евреев заперли в подвал, завалили дверь кирпичами и песком и все они там задохнулись. Эта расправа на местное население не произвела почти никакого впечатления, потому что большевики перед своим уходом умертвили в этом же подвале и таким же способом более тысячи политических заключенных из числа местных жителей и крестьян окрестных районов. В Львове, так же как и в Киеве, евреев вывезли за город и там уничтожили. И тоже эта мера не произвела особенного впечатления, так как именно в то время немцы открыли для широкого обозрения тюрьму местного отделения[337] НКВД, где были найдены трупы людей, подвешенных за ноги, насаженных заживо на крюки, как туши скота на бойнях.

В Одессе немцы и румыны вывели несколько десятков тысяч евреев зимой в сильный мороз, на товарную станцию, раздели их до белья и заперли на несколько дней в товарных вагонах. Когда вагоны открыли, то все находящиеся в них люди были мертвы. А в это время все жители Одессы говорили только о тысячах трупов, замученных НКВД советских людей, найденных немцами в катакомбах, расположенных под городом. Зверства одной стороны перекрывались зверствами другой, и население, как всегда это бывает, ужасалось и толковало о тех преступлениях, которые

ему показывали и описывали в газетах, и замалчивало те, которые от него скрывали. Кроме того, советскую власть люди знали уже много лет, и большинство испытало на собственной шкуре ее повадки, а немцев никто не знал, их встречали многие как избавителей, и на них возлагалось много надежд. Поэтому верить их жестокости многие не хотели и старались закрывать глаза на проявления ее.

В некоторых местах местные украинские власти старались как могли облегчить судьбу евреев и спасти их от расправы. Так, например, в гор. Виннице местный городской глава профессор Севастьянов[338] в течение нескольких месяцев сопротивлялся требованиям немцев о выселении евреев, и немцы долгое время не решались действовать против него, так как он пользовался всеобщим уважением и имел большое влияние на население. Но в конце концов даже и его старания спасти евреев не помогли. Но в большинстве случаев немцы сажали во главе местного самоуправления людей безвольных, не имевших поддержки широких масс населения, а часто таких, которые сами по той или иной причине имели основания бояться за свою судьбу и потому покорно выполняли все немецкие распоряжения.

Расправы немцев с евреями проводились все осень 1941 и зиму 1941–1942 годов и везде самым зверским нечеловеческим образом. Были случаи, когда обреченных загоняли в специальные загоны, окруженные колючей проволокой, и заставляли по несколько дней дожидаться без пищи и воды, под дождем и снегом, пока придут специальные команды для их уничтожения. Но детальных описаний немецких зверств в концентрационных лагерях и в так называемых лагерях уничтожения было так много опубликовано за последнее время в мировой прессе, что повторять их здесь нет никакого смысла. Этого ужаса все равно человечество никогда не забудет, и виновники его, как бы ни было сурово наказание, получают только по заслугам. Зверства немцев по отношению к евреям так же доказаны перед лицом мира, как и большая часть преступлений советской власти в отношении народов Советского Союза. И попытки господ Геринга, Розенберга, Кальтенбруннера, Ламмерса[339] и прочих доказать в Нюрнберге, что они ничего не знали об истреблении евреев и даже о существовании концентрационных лагерей, звучат, конечно, несколько смешно и довольно подло.

Я не собираюсь рассматривать здесь моральную сторону поведения немцев, или, вернее, национал-социалистов, ибо для этого существуют специальные и достаточно компетентные международные организации, которые успели уже разобрать этот вопрос почти во всех подробностях. Данная работа преследует цель произвести политический анализ некоторых обстоятельств, связанных с советско-германской войной, и только в этой связи я и хочу коснуться здесь немецкой антиеврейской пропаганды и политики в оккупированных ими областях Советского Союза.

Ни в одной из стран, оккупированных Германией, антиеврейская пропаганда не проводилась так ожесточенно и настойчиво, как в Польше и в западных областях Советского Союза. Каждый номер газет и почти каждая передача по радио для «освобожденного» населения Советского Союза должны были обязательно включать материалы антиеврейского характера. Господа Розенберг, Борман, Геббельс[340] и Кох, следуя прямому указанию Гитлера, положили в основу всей своей антисоветской пропаганды и теоретической борьбы против большевизма тезис, что советская власть есть власть чисто еврейская. Поэтому они и все их подчиненные намеренно закрывали глаза на все те факты, которые опровергали этот тезис, и всячески раздували все то, что, как им казалось, могло подтвердить справедливость их основной политической линии. Антиеврейская пропаганда, по их мнению, была тем козырным тузом, который должен был нанести политически смертельный удар по большевизму. И эта карта была бита, и бита самими же немцами.

По немецкому вопросу немцы потерпели в Советском Союзе такое же полное политическое поражение, как и по другим. К моменту начала немецких военных поражений зимой 1942–1943 года, т. е. после почти полутора лет непрерывной и очень интенсивной антиеврейской пропаганды, немцы добились только того результата, что население отмахивалось от этой пропаганды так же,

как раньше от советской антирелигиозной пропаганды и надоевших всем криков о строительстве социализма в одной стране. Люди вполне справедливо рассуждали: «Зачем немцы кричат так много о евреях, когда они сами их всех уничтожили. Может быть, только побуждаемые своей нечистой совестью». Это было первое и очень крупное политическое поражение националсоциализма в Советском Союзе, тем более ощутительное, что руководители националсоциалистической Германии возлагали на него так много надежд.

Немцы в своих попытках доказывать чисто еврейскую сущность советской власти постоянно смешивали подлинные факты с вымыслом, всякого рода слухами и сплетнями и не останавливались даже перед фальсификацией и подтасовкой всем известных и неопровержимых фактов. При этом они совершенно не принимали во внимание тех изменений, которые произошли в нашей стране за последние годы в результате борьбы Сталина внутри партии за власть[341]. В еврейском вопросе высшие германские партийные и правительственные круги проявили такое же полное невежество, как и во всех остальных вопросах, связанных с Советским Союзом и последними внутривнутриполитическими изменениями в нашей стране. Их пропаганда, базировавшаяся на бульварных сочинениях Штрассера[342] и его коллег и на грязноватых анекдотах о личной жизни Сталина, Кагановича, Литвинова, Майского[343] и даже Ленина, в сочетании с их бесчеловечной и ужасной практикой, производила и не могла не производить самое противное впечатление. Вот почему чисто русские круги, вставшие на борьбу против советской власти, решительно отказались поддерживать немцев в этом вопросе и хранили по еврейскому вопросу полное молчание[344], несмотря на все их настояния. Русские люди слишком хорошо знали свою страну, и поэтому еврейский вопрос, во всяком случае, в его немецкой постановке, для них не существовал.

Нельзя забывать, что во время борьбы Сталина за власть лагерь его политических противников внутри партии и особенно в самых ее верхах состоял в значительной мере из евреев. Достаточно назвать таких лиц, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Гамарник, Якир и десятки других более мелких[345]. Советский террор, особенно в последние перед войной годы, был в такой же мере обращен против евреев, как и против всех остальных народностей Советского Союза. В 1937–1938 годах процент евреев среди репрессированных был весьма высоким, особенно если коснуться репрессированных среди членов Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). В последние перед войной годы в высших советских органах власти, а именно в Политбюро, в ЦК ВКП(б), в Совнарком, в Президиуме Верховного Совета СССР и других на руководящие посты выдвинулся ряд лиц, не только не имеющих никакого отношения к еврейской национальности, но, как говорили в народе, даже антиеврейски настроенных. Таким людям, как Молотов[346], Жданов[347], Вышинский[348], Андреев[349], Хрущёв, Калинин[350], Ворошилов[351], Жуков[352], Шапошников[353], Маленков[354] и, наконец, сам Сталин даже немцы не могли приписать еврейского происхождения, а между тем всем советским гражданам прекрасно было известно, что именно эти люди вершат судьбу всего государства. Немцы без конца кричали о Кагановичах[355], Литвинове[356], Майском[357] и Берии, но при замалчивании или явном искажении роли всех остальных это звучало необъективно и потому неубедительно. Такими же неубедительными были попытки немцев доказать еврейское происхождение Ленина, и уж совсем беспомощным оказалось разоблачение марксизма как еврейского учения. Те, кто хотел этому верить, верили и без немецких доказательств, а тех, кто не верил, немцы убедить ни в чем не смогли. С теоретической точки зрения вся их пропаганда была просто жалкой.

Немцы нам неустанно доказывали, что евреи использовали в своих целях все особенности советской системы, что они наполнили все учебные заведения, переселялись в громадных количествах в большие города, захватили в свои руки большинство наиболее выгодных мест и должностей в советском, государственном и хозяйственном аппарате и что наше искусство, литература, музыка и пресса пестрят еврейскими именами. Множество подобных фактов мы знали и без немцев. Но мы знали также, что формально советская власть никаких особых привилегий

евреям перед другими национальностями не представляла, что ни в одном из советских законов нет никаких особых прав на основе расовой принадлежности, что если в Советском Союзе было запрещено употребление оскорбительного слова «жид», то в такой же мере были запрещены для употребления слова «хохол», «кацап» и другие, оскорблявшие национальные чувства или достоинства других народов нашей страны и, наконец, что еврейские национальные обычаи, религия и священнослужители преследовались советской властью так же ожесточенно, как и национальные обычаи, религия и священнослужители всех других национальностей.

Трудно, да пожалуй и невозможно, доказать советскому человеку что партийный активист, прокурор, следователь или исполнитель (то есть палач) из НКВД еврей хуже, чем такой же русский, украинец, поляк, латыш или грузин. Немцы вешали на всех заборах и стенах домов плакаты с изображением евреев в кожаных куртках и в фуражках с голубым верхом и пурпурным околышем (форма НКВД). Мы видели и сами таких. Но разве в НКВД были только евреи и разве представители других национальностей были лучше? Немцы нам доказывали, что евреи вдохновляли и руководили советским террором. Но разве Дзержинский, Лацис[358], Менжинский[359], Ежов, Меркулов[360], Вышинский и, наконец, сам Сталин были евреями и разве приход к руководству НКВД полуеврея Берии на смену русскому Ежову не был встречен с облегчением всей страной?

Мы ожидали от немцев подлинной идейной борьбы против большевизма и надеялись увидеть в них сынов того народа, который дал человечеству Шиллера, Гёте, Канта и Гегеля, а вместо этого к нам пришли люди, практическая деятельность которых далеко превосходила самые мрачные картины, нарисованные Фейхтвангером[361] или советскими антифашистскими фильмами, а теоретическая сторона учения сводилась к разжиганию чувства зависти к жертвам их необузданного и свирепого террора. Немцы нам описывали в своих газетах, как хорошо жили многие евреи при советской власти, и мы сами помнили много подобных фактов. Но разве это могло быть причиной и основанием для физического уничтожения целого народа?

Мы достаточно хорошо помнили миллионы жертв зверской и бесчеловечной советской расправы с дворянством, купечеством, офицерством и духовенством. Мы не забыли потока крови и слез, сопровождавшего так называемую политику ликвидации кулачества как класса. Единственным реальным стимулом и причиной всего этого была зависть. Забыть этого и примириться с этим было нельзя. Так какое же было основание уничтожать целый народ, и тоже руководствуясь, главным образом, чувством зависти, и кто дал немцам такое право? Немцы говорили нам, что репрессии против евреев являются только возмездием за жестокость, учиненные ими по отношению к другим народам нашей страны. Но эти жестокости творили не только евреи, и, кроме того, те люди, которые причинили нам горе и страдания, бежали задолго до ухода последних советских войск и были вне досягаемости немецких карательных органов. Гибли же в немецких лагерях уничтожения, «Фабриках смерти», «Бабьих Ярах» и прочих ужасных местах люди, виновные только в том, что они имели несчастье родиться евреями. Мы знали, что многие из оставшихся евреев ненавидели советскую власть так же, как и мы, и никаких враждебных намерений по отношению к немцам у них не было. И все эти люди погибли мученической смертью. За что?

Среди сотен тысяч жертв расправы немцев с евреями на территории Советского Союза не было, вероятно, ни одного советского или партийного ответственного работника, ни одного следователя или исполнителя (то есть палача) из НКВД, ни одного прокурора, председателя или члена трибунала, ни одного директора треста, завода или фабрики, ни одного заведующего крупным складом или магазином, одним словом, ни одного из той оравы мелких и крупных хищников, которые грабили и обирали народ или мучили лучших его представителей в советских застенках. Все эти люди, многие из которых безусловно и многократно заслужили смертную казнь, бежали вместе со своими семьями, друзьями и соучастниками своих преступлений и увезли с собой награбленное народное достояние. А немцы, или вернее национал-социалисты, в своей безумной

жажде еврейской крови погнали на ужасную смерть массы мелких торговцев, ремесленников, рабочих, студентов, врачей, инженеров и беззащитных женщин, детей и стариков. И это они называли политической борьбой и каким-то возмездием!

Теперь уже достаточно хорошо известно (несмотря на запирательство некоторых господ в Нюрнберге), что гитлеровская Германия проводила такое же зверское, такое же массовое и такое же преступное истребление евреев и в других захваченных ею странах. Но нигде она не пыталась так сильно использовать свой антисемитизм как политический козырь, как в Советском Союзе. И этот козырь был бит самой же зверской политикой немцев. Их теоретические и идеологические предпосылки остались недоказанными, а их практическое поведение приравняло их в глазах нашего народа к таким бандитам и преступникам, как Махно, Зелёный и Петлюра[362], которых они даже во много раз превзошли в своей бесчеловечной жестокости. Их антисемитская политика вызывала в нашем народе только отвращение и возмущение и, следовательно, способствовала привлечению симпатий к советскому правительству. В еврейском вопросе гитлеровская Германия понесла первое и очень тяжелое политическое поражение в Советском Союзе, но никто не может сказать, что она этого не заслужила.

Таков политический вывод из антиеврейской политики немцев на Востоке.

Эрик Кох начинает действовать

Вы не можете даже представить, сколько в этой стране сала, масла и яиц.

Г. Геринг

Много месяцев подряд во время оккупации немцами Киева я проходил по утрам на работу мимо одного из киевских базаров. Между обгоревшими лабазами стояли у заколоченных касс с лотками или сидели прямо на земле крестьянки или местные торговки, продавали населению свой нехитрый товар. Перед каждой был разостлан небольшой и обычно довольно грязный платок, на котором были разложены, смотря по сезону, два десятка яблок или груш, несколько кочанов капусты, две или три кучки картофеля, соленые огурцы и почти всегда семечки. У некоторых, кроме того, были пачки немецкого сахара, соль, спички и немецкие, но чаще венгерские папиросы. Рано утром можно было встретить также молоко, творог, яйца, птицу, мясо и даже сало. Все эти товары, за исключением молока, были запрещены немцами для свободной продажи, и потому торговцы их старательно прятали. Извлекались они из мешков и корзин, завернутые в довольно грязные тряпки, и продавались со всевозможными предосторожностями. Около этих продавцов была всегда толпа покупателей, так как достать эти продукты было весьма трудно, в толпе можно [было] видеть людей, державших под мышкой печеный хлеб. Это жители продавали полученный по карточкам хлеб[363], чтобы купить себе других продуктов. Хлеб этот был почти несъедобным и состоял на три четверти из перемолотых каштанов, кукурузных отрубей и тому подобных «эрзацев», и, тем не менее, его покупали, так как другого хлеба не было.

Цены на все были страшные, совершенно несравнимые с получаемой на немецкой службе заработной платой. Немцы платили своим рабочим и служащим из местного населения в основном старые советские довоенные ставки, на которые и в мирное время было очень трудно прожить. Люди получали в среднем 500–600, редко 1000 рублей в месяц, не считая вычетов, а на базаре хлеб стоил 80–100 рублей кило[364], сало и масло 1000–1500 рублей кило, молоко 50 и больше рублей литр, одно яйцо 10 руб. и т. д. Неудивительно, что люди научились все покупать микроскопическими порциями. Обычно сало и масло продавалось кусочками не больше спичечной коробки, а хлеб ломтями толщиной в один палец. И такой кусок хлеба стоил 8–10 рублей. На все остальные продукты цены были соответственные.

На другом конце базара стояли густой толпой горожане, продававшие свои вещи, чаще всего одежду. Редко у кого можно было увидеть на руках новую или хорошую вещь, в подавляющем большинстве все это было старое, заношенное и часто дырявое. И все-таки крестьяне охотно покупали даже и это старье: ведь нового не было, и достать было невозможно. Несколько в стороне на низеньких скамеечках или просто на нескольких сложенных кирпичях сидели какие-то полу-оборванные старики и старухи, и перед ними прямо на земле были разложены старые гвозди, винты, гайки, подсвечники, ложки, ножи, старые галоши, какие-то древнего вида украшения, тряпочки и старые ноты и книги. Эти люди сидели на тех местах и с тем же товаром долгие годы еще при советской власти, приход немцев для них ничего не изменил. Впрочем, и для всей остальной базарной публики смена властей ничего не меняла. Базары при немцах сохраняли свой старый советский вид, только они стали грязнее и товары были дороже. Условия же торговли и состав продавцов остались неизменными.

Среди продавцов и покупателей из местных жителей всегда можно было увидеть немецких солдат и особенно много их союзников: венгров, румын, словаков и итальянцев. Немцы больше смотрели и фотографировали непривычное для них экзотическое зрелище. Иногда они продавали спички[365], папиросы и сахарин. Покупали они почти исключительно семечки, которые они называли «украинским шоколадом». Щелкать семечки немцы сначала не умели, но довольно быстро научились и очень это занятие полюбили. Впоследствии даже в Германии я часто встречал в поездах немецких солдат, угощавших друг друга «украинским шоколадом». Союзники их ориентировались гораздо быстрее и торговали весьма бойко, особенно венгры. Эти продавали решительно все: от спичек и папирос до вина, ликеров, шоколадных конфет, ботинок и грампластинок. Их перецеголяли только итальянцы, которые после бегства из-под Воронежа зимой 1942 года[366] продавали на базарах в Харькове свое вооружение и амуницию. Вообще, по нашим наблюдениям, немецкие союзники проявляли на базарах значительно большую активность, чем на фронте, и проводили на них значительно больше времени.

Иногда вдруг, без всякой видной причины, на базарах поднималась паника, и через несколько минут они пустели. Это означало, что господин Кох или кто-либо из его приближения прислал свое очередное глубокомысленное распоряжение о новом регулировании или запрещении торговли. Базары каким-то неведомым путем узнавали об этом раньше местных властей и немедленно реагировали. Торговля на несколько дней замирала или переносилась на соседние улицы, а затем базары снова наполнялись, и все оставалось по-прежнему. Только каждый раз при этом цены подсакивали. Никаких иных результатов немецкие экономические мероприятия не производили. Я наблюдал эти базары летом и зимой, во всякую погоду. Товары и люди мокли под дождем, мерзли в снегу или окутывались облаками пыли, но общая картина не менялась, и базары оставались символом немецкой экономической политики в занятых ими областях, политики бесплановой, бездарной и беспомощной.

До поздней осени 1941 года управление всеми занятыми на Востоке областями оставалось в руках военных властей[367]. Появление гражданской администрации ожидалось в самом ближайшем будущем, и потому немецкие оккупационные власти занимались только тем, что было совершенно необходимо для обеспечения продвижения вперед германской армии. На устройство жизни местного населения германские военные власти обращали весьма мало внимания и оставили это дело на усмотрение местных властей, созданных из самого населения. В деревнях немцы прокламировали отмену колхозов, а пока предложили крестьянам в этих колхозах оставаться до уборки урожая и проведения осенних работ. В селах были повсеместно назначены новые старосты, и колхозы, впредь до их отмены, были переименованы в общинные хозяйства. Деревня начала постепенно оправляться от ударов, нанесенных войной, и крестьяне охотно взялись за работу. Казалось, что многолетняя мечта наших крестьян о возвращении им в частную собственность земли начала осуществляться. Кое-где крестьяне сами приступили к переделу колхозной земли, скота и сельскохозяйственного инвентаря. В одних местах немцы этому не препятствовали, а в других запрещали[368].

Впоследствии, уже после изгнания немцев из пределов Советского Союза, председатели Совнаркомов Украины и Белоруссии Хрущёв и Пономаренко доказывали в своих выступлениях в Киеве и Минске, а также на страницах «Правды» и «Известий», что немцы искусственно насаждали в городах и селах частнособственнические инстинкты и разваливали колхозы вопреки желаниям большинства крестьян. Это, конечно, совершенно неверно. Крестьяне никогда не могли примириться с колхозной системой и всегда мечтали о возвращении индивидуальной частной собственности на землю, скот и сельскохозяйственный инвентарь. Борьба крестьян против колхозной системы, по сути дела, никогда не прекращалась, и сама советская власть под напором крестьянской массы вынуждена была, время от времени, идти на те или иные изменения и послабления в своей колхозной политике.

Советская власть всегда придерживалась политики кнута и пряника и неизменно, после особенно сильных нажимов на какую-нибудь часть населения, давала ей те или иные поблажки. Только этим и объясняется предоставление в последние перед войной годы крестьянам небольших приусадебных участков в индивидуальное пользование и разрешение иметь в своем личном распоряжении небольшое количество птицы и мелкого скота[369].

От немцев крестьяне ждали полной и быстрой отмены колхозов и возвращения хотя бы политики нэпа. Поэтому в первые месяцы, когда казалось, что немцы идут навстречу этим пожеланиям крестьян, как на Украине, так и в Белоруссии в деревнях и селах господствовало полное спокойствие. Все советские сообщения о росте партизанского движения в немецком тылу в этот период являются чистейшим вымыслом[370]. В первые полгода или даже год все партизаны без исключения засылались через фронт на самолетах[371], или же партизанами называли советские сводки те небольшие отряды регулярных частей Красной армии, которые были отрезаны от остального фронта и действовали в немецком тылу на свой страх и риск[372]. У местного сельского населения все эти мелкие отряды или банды никакой поддержкой не пользовались и даже наоборот, крестьяне весьма деятельно помогали немецкой местной полиции вести с ними борьбу. Настоящая партизанская война в немецком тылу развернулась значительно позже, и была она вызвана совсем не патриотическими чувствами по отношению к советской власти, а исключительно политикой немецких гражданских властей в тылу. В этом кардинальное различие от партизанской войны 1812 года против французской армии Наполеона. Пока население ненавидело немцев меньше, чем советскую власть, и пока немцы не вынудили своими мерами часть его уйти в леса, никакой партизанской войны не было, а была лишь диверсионная деятельность переброшенных через фронт советских отрядов.

Значительная часть продуктов урожая от 1941 года осталась на местах. Это способствовало тому, что, несмотря на войну, весной 1942 года во всех захваченных немцами областях полевые работы были проведены довольно нормально, и было засеяно значительно большее количество земли, чем это можно было предполагать. Ведь нельзя забывать, что очень большое количество скота было угнано или уничтожено, а горючее для тракторов немцы давали очень мало. Единственной причиной успеха сельскохозяйственной компании 1941–1942 годов было обещание разделить осенью 1942 года весь урожай между крестьянами и провести раздел земли. В ответ на это наше крестьянство показало такие успехи, которых после нэпа наша страна никогда не видела. Но немцы и, в частности, министерство Розенберга крестьян обманули, колхозы были оставлены с еще более жесткой системой налогов всех видов, и начался насильственный угон наиболее молодой и здоровой части крестьянства на работу в Германию. И тогда крестьянство ответило партизанской войной. Но все это были уже результаты работы господ Розенберга, Коха и им подобных.

Осенью и зимой 1941 года деревня имела мирный и цветущий вид как никогда при советской власти[373]. Хотя много продуктов было взято для германской армии, но у крестьян оставалось всего столько, что они могли не только хорошо прокормиться, но и начали вывозить большое количество продуктов для продажи в ближайшие города. В это время почти всё население

больших городов ездило и ходило пешком в деревни, и крестьяне очень охотно меняли продукты сначала на вещи, а потом и продавали за советские и особенно немецкие деньги. Доверие к немцам еще не было подорвано. Показателем благополучия крестьян в этот период является необычайно большое количество разных празднеств, устраиваемых в селах, и широкое гостеприимство, оказывавшееся в деревнях освобожденным пленным и даже горожанам, хотя за годы советской власти крестьяне научились смотреть на город, как на своего врага, который только тянет из села все продукты и ничего не дает взамен. Все возвращавшиеся в этот период времени из сел горожане говорили, что такого обилия продуктов у крестьян они никогда не видели. Хлеба было достаточно, и из него гнали самогон. Крестьяне утверждали, что за одну эту зиму они выгнали больше самогона, чем за все годы советской власти. После революции это был самый точный показатель продовольственного благополучия на селе. Немцы сначала удивлялись, как русские могут пить такую гадость, но очень скоро привыкли и уничтожали его в неменьших количествах, чем русские. Самогон и семечки быстро вошли в их обиход.

В городах частная инициатива также начала быстро разворачиваться, хотя и приняла несколько нездоровый, спекулятивный характер. Для того чтобы правильно понять, почему в эти первые месяцы немецкой власти частная инициатива пошла по тому, а не по другому пути, необходимо не забывать, что при советской власти не только все средства производства, но и вся торговля без исключения и почти все средства транспорта находились в руках государства. Все это было разрушено и разграблено при смене власти. Более или менее крупного капитала тоже ни у кого не было. В таких условиях можно было создавать только такое предприятие, которое бы почти без первоначальных затрат давало сразу какой-то доход и обеспечивало быстрый оборот ничтожного основного капитала. Транспортные средства люди стали быстро налаживать своими силами, большей частью за счет сборки и ремонта брошенных советскими войсками автомобилей. Эти ресурсы были громадными. Так, например, только в районе Киева, между станциями Дарница и Бровары, находилось огромное кладбище автомобилей, на котором было в разной степени сохранности около сорока тысяч автомашин всех типов. Бензин для этих машин некоторые достали сами, а другие получили какими-то путями у немцев. В результате, к зиме 1941–1942 годов у каждой организации и у многих частных лиц оказалось по одной или даже несколько автомашин, вполне пригодных для эксплуатации.

Мелкие ремесленные предприятия и мастерские росли, буквально как грибы. Значительная часть их в скором времени была в состоянии выполнить довольно крупные заказы. Если бы немцы продолжали и дальше их поддерживать, то нет никакого сомнения, что очень скоро эти предприятия оказались бы основной для возрождения всей хозяйственной жизни в их тылу. Частная торговля пошла по двум, на первый взгляд несколько странным, но в действительности вполне понятным путям. Почти на каждой улице стали возникать рестораны и закусочные и магазины случайных вещей. Эти два вида торговли можно было начать почти без основного капитала. Несмотря на полное отсутствие запасов старых товаров и большие затруднения с транспортом большая часть из них уже через три-четыре месяца были в самом цветущем состоянии. Магазины случайных вещей начали свою деятельность с продажи разных мелких вещей, принятых на аукцион от местного населения, а уже к весне 1942 года в них можно было найти товары из Берлина, Варшавы, Бухареста, Будапешта. Во многих ресторанах можно было получить почти любое кушанье и любой напиток, вплоть до самых редких деликатесов. Конечно, все это было очень дорого, но пока не было немецких репрессий, цены непрерывно падали и становились все более доступными для широких кругов покупателей.

Все данные говорили за то, что при благоразумной немецкой экономической политике раны, внесенные войной, были бы очень скоро залечены. При этом нельзя забывать, что в очень многих районах, особенно на Украине, военные действия продолжались в 1941 году всего несколько дней, и повреждения, нанесенные ими, были очень незначительными. Мы все хорошо помнили, в каких тяжелых условиях провозгласил Ленин свою новую экономическую политику (нэп) и какие быстрые и благотворные результаты она имела для всей страны. От немцев не требовали никакой

особенно помощи, от них ждали только покровительственной политики в отношении частной инициативы местного населения. Все остальное мы сделали бы сами. Мы знали гораздо лучше немцев наши трудности и недостатки и сами умели находить лекарства от наших болезней. Если бы немцы правильно поняли наши нужды и приняли во внимание наши потребности, то и мы были бы сыты, и они смогли бы получить для своей армии и для вывоза в Германию гораздо больше, чем они смогли выколлотить своими грубыми колонизаторскими, грабительскими мерами. Наш город ожидал от них очень немного, но и этого они не хотели нам дать. Они хотели захватить себе все и в результате все потеряли.

Поздней осенью 1941 года Гитлер подписал постановление о создании министерства занятых восточных областей[374] и назначил Розенберга министром, Коха — рейхскомиссаром Украины, но прошло более полугода, прежде чем это разрушение развернуло в полной мере свою разрушительную работу. В первые месяцы они еще только знакомились с положением, и особенных изменений мы не почувствовали, хотя сразу повеяло новым духом, и дух этот был весьма неприятный.

Говоря о первых месяцах пребывания немцев на Украине, нельзя не упомянуть о темных проделках и махинациях прибывших с ними из Западной и Закарпатской Украины разных авантюристов[375]. Эти люди постарались повсюду и особенно в Киеве захватить в свои руки наиболее важные и хлебные места и немедленно принялись издеваться над местным населением. Они создали ряд дутых акционерных предприятий, очень быстро успели присвоить большие суммы казенных денег и разворовали большое количество товаров, еще оставшихся на тех или иных складах. Но самую разрушительную работу они начали в области разжигания национальной вражды и послужили причиной гибели очень многих русских людей. Их деятельность была настолько губительной и послужила причиной таких крупных политических событий в будущем, что мне придется посвятить здесь целую главу для ее разбора. Сейчас же нужно только сказать, что если немцы позже для оправдания своего экономического зажима ссылались на безобразные спекулятивные комбинации украинцев и русских, то отныне разными комбинациями занимались, главным образом, и во всяком случае их возглавляли те люди, которых они привезли в своем обозе, и местное население тут было совершенно ни при чем.

Коричневых или, как их называли сами немцы, «золотых» фазанов[376] мы увидели впервые в конце осени 1941 года. Сначала они вели себя очень сдержанно и ни во что не вмешивались. Но уже тогда мы заметили глубокий антагонизм между германской армией и этими людьми.

Причины мы тогда понять не могли и поняли ее уже гораздо позже. В начале декабря в Киеве был создан генерал-комиссариат и стал постепенно забирать все в свои руки. Какой-либо заботы о населении мы от него не увидели, но первые неприятности заметили довольно скоро. Начал он свою работу с того, что приказал выселить всех жителей из лучшей части города, так называемых Липок. Никому из выселяемых квартир не представлялось, а предлагалось устраиваться своими средствами. Людей выбрасывали прямо на улицу в 24 часа, в лютую погоду, и ничего не желали принять в соображение. Насильственные переселения людей производились немцами во всех занятых ими городах все время, пока они оставались в нашей стране. Людей выбрасывали совершенно бесцеремонно, причем часто только по той причине, что кому-нибудь понравился тот или иной дом или квартира. Точно так же поступали с нами и советские власти, в особенности НКВД, но ведь немцы заявляют, что они борются против большевистского самоуправства и хаоса за восстановление человеческих прав и справедливости. А сами поступают так же, как большевики. Как же это понимать? Такого рода вопросы тогда стали впервые задавать себе советские граждане. Тогда мы еще многому удивлялись. Но скоро перестали: немцы нас отучили.

Затем были развеяны наши иллюзии о восстановлении нормальной культурной и научной жизни. Все высшие и средние учебные заведения были закрыты под тем предлогом, что по советским учебникам заниматься нельзя, а других учебников нет. В отношении большинства высших учебных

заведений это, конечно, был только предлог, так как по целому ряду предметов и, в частности, почти по всем специальным предметам было достаточное количество учебников, совершенно безвредных с политической точки зрения. Если бы было желание, работу учебных заведений можно было бы наладить. Но этого желания у немцев не было. Как раз наоборот, если даже и начинало при военных властях работать какое-либо учебное заведение, то, как только приходили гражданские власти, его немедленно закрывали. Немецкие власти не разрешали даже студентам последних курсов закончить и защитить дипломные проекты. Это было уже преступление перед этими людьми, проучившимися пять лет и сейчас терявшими все плоды своей работы. Все ходатайства и старания профессоров и местных украинских властей ни к чему не приводили. Немцы показывали распоряжение Коха о закрытии всех учебных заведений и говорили, что они бессильны в этом случае что-либо сделать. Разговоры велись только об открытии первых четырех классов школ, но до самого ухода немцев нормальная работа даже и этих первых ступеней народного обучения налажена не была.

При немцах работали в Киеве только, да и то не в полном объеме и с большими перебоями, медицинский институт и консерватория. Медицинский институт был нужен им ввиду острого недостатка медицинского персонала. Но, несмотря на это, осенью 1942 года даже и этот институт был закрыт и студентов его в принудительном порядке послали на работу в Германию. Консерваторию германские гражданские власти терпели некоторое время, так как хотели за счет ее студентов пополнять ряды актеров разных театров, которые они впоследствии перевели почти исключительно на обслуживание немецких зрителей. Она продержалась несколько дольше медицинского института, но весной 1943 года она была также закрыта, и студентов ее также начали посылать на работу в Германию. Так печально закончились попытки сохранить хоть какое-то подобие высших учебных заведений в столице Украины. В других городах даже и этих попыток допущено не было.

После капитуляции Германии союзники опубликовали секретный циркуляр Гиммлера^[377] о насильственной германизации ряда народов, и в том числе украинского. Согласно этому примечательному документу вся наша молодежь должна оставаться безграмотной и уметь только подписывать свое имя и проводить несложные арифметические действия в пределах до тысячи. Был ли этот циркуляр принят в качестве обязательной инструкции, я не знаю, но практические действия германских властей на Украине полностью соответствовали его духу и букве. Давать образование нашей молодежи немцы явно не хотели.

Вскоре после прихода немцев в Киеве начали работать три театра: оперный, оперетта и варьете. Программу их немцы усиленно приспособляли к своим вкусам и постепенно перевели значительную часть постановок на немецкий язык. Наши актеры в большинстве немецким языком не владели и учили свои партии с голоса режиссера и преподавателя, часто не понимая смысла произносимых слов. В результате, после нескольких месяцев упорной работы из приличного спектакля получался жалкий балаган. Но немецкие солдаты кое-что понимали, и немецкие «художественные» руководители бывали вполне довольными. А тот «незначительный» факт, что при этом калечилось произведение, уничтожалось наше великое искусство и оскорблялись национальные чувства всего населения, немецкими руководителями во внимание не принимался. Им было важно только то, чтобы они понимали, что происходит на сцене, а до остального не было никакого дела.

Только по этой причине при немцах в Киеве, да и в других городах Украины, не работал ни один драматический театр, а их помещения отдавались другим, более понятным для немцев видам театрального искусства или вообще стояли все время заколоченными, как, например, лучший в Киеве и на Украине театр имени Ивана Франко (бывший Соловцова). Актеры этих театров, и часто весьма квалифицированные, должны были, чтобы не умереть от голода, продавать свои вещи на базарах, торговать на этих же базарах спичками, конфетами и пирожками своего производства или ехать в Германию чернорабочими. Наша драма, составлявшая всегда, наравне с балетом, гордость русского театрального искусства, гибла, но немцев это нисколько не беспокоило. Они

нашего искусства вообще не знали, не ценили и не понимали. Им нужно было только развлекать своих солдат. Надо все-таки сказать, что, с точки зрения оформления, многие спектакли были достаточно хороши, несмотря на то что лучшие силы советские власти вывезли при своем отступлении. Во многих театрах их руководители, рискуя своей жизнью, сохранили достаточно сильные коллективы и декорации, поддерживали в хорошем состоянии помещения. Немцы поблагодарили этих людей тем, что всех Их уволили, а многих даже посадили в концентрационные лагеря, а на их место прислали своих, часто полуграмотных руководителей.

В том, что в конце концов наши театры при немцах только оскорбляли наши национальные чувства, нет никакой вины актеров или наших режиссеров: они делали все, что было в их силах, чтобы сохранить наше искусство на каком-то более или менее высоком уровне. Постепенное падение нашего искусства было исключительно результатом безграмотной немецкой партийной политики. Протестующие голоса отдельных культурных немцев, преимущественно старых офицеров, оставались в полном смысле слова гласом вопиющего в пустыне. Безграмотный кабатчик из Кёнигсберга Эрик Кох шел тупо, упрямо и самовольно по своему пути. Путь этот вел прямо к поголовной ненависти всего нашего населения к немцам, но ему до этого не было никакого дела. Мы были «унтерменшами», и считаться с нами не стоило. Мы были предназначены только для выполнения черной работы для обслуживания высшей германской расы. Эти тупые люди не понимали, что путь колонизации нашего народа был также кратчайшим путем для Красной армии в Берлин.

Если зимой 1941–1942 годов в деревнях население не чувствовало недостатка в продовольствии и было сыто, то в городах, а особенно в таких больших, как Киев, Харьков, Днепропетровск, Минск, Смоленск и Брянск, эта зима была очень тяжелой. Местных запасов продовольствия после ухода советских властей не осталось совершенно, а подвоз из деревень был недостаточным. Население питалось фактически исключительно тем, что оно могло достать на базарах, но из-за очень высоких цен почти никто не мог прожить на получаемую заработную плату, и все жили тем, что продавали свои вещи. Немцы продавали по карточкам и по твердым ценам только хлеб очень плохого качества. Кое-какую помощь оказывали кооперативы, организованные при разных предприятиях, но они доставали продукты не регулярно и в совершенно недостаточном количестве. Надежд на расширение или улучшение работы государственной продовольственной сети не было никаких. И вот в таких условиях «золотые фазаны» начали свой поход против возрождавшейся частной инициативы.

Причины для этого были очень простые. Придя к нам с лозунгами борьбы против советской власти и ее экономического режима, немцы очень скоро увидели, что советская власть создала за ряд лет почти идеальную систему для ограбления населения и выкачивания из него всего того, что ей было нужно. Сблазн воспользоваться этой готовой и уже привычной для населения системой был очень велик, и, главное, это не заставляло задумываться над созданием чего-нибудь нового и очень близко подходило к той экономической политике, которую национал-социалисты проводили у себя в Германии. Пока власть в занятых районах находилась в руках военных, относившихся тогда в своем большинстве отрицательно к партийцам и их системе, до тех пор советские порядки отменялись, и население получало какие-то права. Как только власть перешла к министерству Розенберга, составленному почти на 100 % из людей в коричневых мундирах с «конфетками» в петлицах, все советские порядки стали постепенно восстанавливаться, с той только разницей, что раньше все шло в советский карман, а теперь поплыло в немецкий.

Высшие немецкие чины из Киева и Ровно, где находился рейхскомиссариат Украины[378], не скрывая, говорили, что советская система чрезвычайно удобна, хотя и не добавляли, для каких целей. Я не знаю, была ли в то время самому Розенбергу и его ближайшему штабу в Берлине известна во всех подробностях советская экономическая система, но вернее всего, что нет. Во всяком случае, их низовые работники, проводившие всю практическую работу на местах, были совершенно безграмотны во всех вопросах советского хозяйства и в первое время поражали нас

своими нелепыми идеями и мыслями. Их знания о Советском Союзе не шли дальше последней главы из книги Гитлера «Моя борьба» и передовых статей газеты «Фелькишер Беобахтер»[379], и были немногим больше абсолютного нуля. Германская армия, придя к нам после своих громадных побед и увидев страшную нищету населения и его ненависть к советской власти, вполне естественно пришла к мысли, что взять с этого народа, пожалуй, нечего и надо дать ему возможность самому несколько оправиться своими силами. Но коричневые пришли к нам несколько позже, когда мы кое-что уже наладили, и, осмотревшись и расспросив, убедились, сначала к своему большому удивлению, что хотя народ и очень беден, но что советская власть умудрялась даже и из этого народа выколачивать очень и очень многое. Безграничное пространство нашей страны, казалось, хранило в себе неисчерпаемые богатства.

Нет ничего удивительного, что они начали быстро воссоздавать если и не вполне советские порядки, то нечто очень к ним близкое и с радостью наблюдали, что при подобной системе они могут быстро и легко обогатиться. Национал-социалистический Берлин ликовал, и сам толстый рейхсмаршал Герман Геринг[380] в одной из своих речей, захлебываясь, кричал, что никто в Германии не может вообразить, сколько в этой стране (Украине) сала, масла и яиц. Все это казалось легко доступным, беззащитное население ничего возразить не могло, и коричневые начали быстро и весьма энергично орудовать. То, что при этом население наших городов опухало и умирало от голода, их, конечно, остановить не могло. Соблазн быстрой и легкой наживы был слишком велик. Решающим для войны на Востоке, а следовательно, и на всех остальных фронтах, был 1942 год. Несмотря на ужасную гибель миллионов пленных зимой 1941–1942 годов и на зверское истребление евреев, население оккупированных областей еще верило немцам, а в глубине Советского Союза еще не была преодолена паника прошлого года, армия еще не была перестроена, и позиции советского правительства были очень шаткими. Взоры народа были все еще обращены к немцам, советский режим казался обреченным. Тысячи людей стучались в двери многочисленных германских учреждений и устно, и письменно предлагали простые, но радикальные меры, которые могли привлечь на сторону немцев весь наш многомиллионный народ и в течение нескольких месяцев решить войну против советского правительства. Но все было тщетно. Слепленные своими победами, уверенные в своем могуществе немецкие большие и малые начальники считали войну на Востоке уже выигранной, думали только о том, как приспособить захваченные области к колониальным целям Германии и как побыстрее и потуже набить свои собственные карманы. Эти люди не могли и не хотели понять, что война еще далеко не кончена и что своими действиями они только рыли для себя могилу.

Экономическая политика немцев во всех оккупированных ими областях Советского Союза 1942 и 1943 годов, вопреки распространенному мнению, представляла собой нечто бесплановое, бесформенное и в достаточной мере бесполезное. Ни одной из обещанных нашему народу хозяйственных реформ они не провели и не добились также тех результатов, которые ожидалось в Берлине. Прокламированная ими отмена колхозов, являвшаяся одним из главных козырей их антисоветской положительной пропаганды, нигде не была проведена до конца[381] и свелась, по сути дела, к некоторому увеличению приусадебных участков и к передаче крестьянам небольшого количества колхозного скота. В некоторых областях Украины, о которых немцы особенно много кричали, было передано в единоличную собственность от 5 до 8 % земли. И это было все. Во всем остальном колхозная кампания была сохранена немцами без изменений, и только налоги 1942 и 1943 годов стали еще более тяжелыми, чем при советской власти. Крестьяне остались прикрепленными к колхозам, не имели права выезжать из своего района, и даже те немногие льготы в отношении права продажи продуктов с приусадебных участков, которые были даны советской властью крестьянам в последние годы, были немцами отменены.

Все командные высоты в сельском хозяйстве в виде сахарных, винокуренных и пивоваренных заводов, боен, мельниц, маслобоен, элеваторов, россыпных пунктов, совхозов, МТС и др., которые раньше находились в руках советского государства и служили основными орудиями для подчинения и порабощения крестьянства, немцы взяли полностью в свои руки. На каждом из этих

предприятий был поставлен немецкий управляющий, подчиненный гебитс- или генерал-комиссару, а к концу 1942 года все они начали переходить в ведение специально созданных немецких акционерных компаний, товариществ с ограниченной ответственностью (GmbH) или воссозданных по советскому образцу, но полностью подчиненных немцам Главных управлений и трестов. Советские газеты в это время и потом кричали о передаче совхозов и колхозных земель немецким баронам и помещикам и даже рассказывали всякие сказки о порядках, заводимых этими помещиками и баронами. Все это было выдумано в редакциях советских газет и притом довольно грубо, примитивно и неудачно. Действия немцев были гораздо проще, не так эффективны, быть может, для журналистов, но не менее неприятны для населения. Они просто решили стричь советских баранов советской машинкой, но шерсть забирать себе. И в этом духе они все время и действовали.

В городах немецкие гражданские власти в 1942 и 1943 годах отменили все льготы местному населению, данные ранее военными властями, закрывали все частные предприятия, а собственность их конфисковали и передали своим акционерным обществам или просто разделили между собой. Мотивировали они это тем, что раньше вся эта собственность принадлежала советскому государству и, следовательно, представляла собой военный трофей. Действия их были достаточно бесцеремонны и почти ничем не отличались от простого грабежа. Так, например, летом 1942 года в Киеве и многих других городах они закрыли все магазины случайных вещей и конфисковали все вещи, отданные в эти магазины частными лицами на комиссию. Некоторым ограбленным таким образом владельцам выплатили ничтожные суммы, не составляющие и 10 % стоимости вещей, а другим вообще ничего не дали. Сделано это было даже еще более бесцеремонно, чем позволяла себе советская власть. Все население городов было возвращено к прежнему советскому состоянию, то есть превращено в бесправную наемную рабочую силу. Разница была только в том, что хозяином стал вместо советского коммуниста немецкий националсоциалист, говоривший на чужом языке, презиравший нас и подчеркивавший нам на каждом шагу свое превосходство, хотя в глазах нашего народа это превосходство немцев заключалось только в том, что у них в руках была сила и временная власть. В результате, вчерашние враги советской власти стали вспоминать о ней с сожалением.

В отношении снабжения голодающего населения городов немецкие гражданские власти не смогли придумать ничего лучшего, как преследовать частную торговлю, производить периодические разгоны базаров и номинально ввести карточную систему, несмотря на то что они не имели реальной возможности выдавать хотя бы минимально необходимого количества продуктов по карточкам и были не в силах прекратить репрессивными мерами спекуляцию. Мне пришлось наблюдать организацию немцами снабжения или, вернее, голода только в Киеве, но в других городах картина была точно такой же. Я вспоминаю два совещания по продовольственным вопросам, состоявшиеся летом 1942 года у киевского городского комиссара, майора СА Берндта[382]. На первом из них Берндт сказал, что рейхскомиссариат в Ровно требует немедленно закрыть базары, запретить частным лицам подвоз продуктов к городу и перевести все население исключительно на снабжение по карточной системе. В ответ на это представители городской управы (украинской) сообщили, что это будет означать немедленный голод всего четырехсоттысячного населения Киева. При полном напряжении всего городского транспорта и при использовании всех немецких ресурсов население сможет получать в этом случае только 200 гр. хлеба в день, около 600 гр. крупы в месяц и эпизодическое небольшое количество овощей. Жиров, молока, яиц, мяса, сахара и целого ряда других продуктов первой необходимости городская торговая сеть вообще не может достать для населения и даже для детей. Поэтому украинские представители просили, хотя бы в виде временной меры, до улучшения общего продовольственного положения оставить комбинированную систему частной торговли и базаров, при одновременной выдаче некоторых продуктов по карточкам.

Тогда Берндт полностью согласился с мнением представителей местного населения, но через месяц он вызвал их вновь и на этот раз уже без всякого обсуждения приказал выполнить

распоряжение Ровно. Это имело для населения Киева самые губительные последствия. На всех ведущих в город дорогах были выставлены наряды немецкой и украинской полиции, набранной немцами из самых подозрительных элементов, спекулянтов, бывших уголовных преступников и даже бывших советских милиционеров, жестоко ненавидящих население и олицетворявших в его глазах советскую власть. Эти наряды должны были конфисковать продукты у едущих в город крестьян и даже у возвращавшихся из деревень голодавших горожан и передавать эти продукты в распоряжение городских властей. Но эти узаконенные бандиты поняли свою миссию несколько иначе и просто присваивали себе конфискованные продукты на глазах у ограбленных жителей или же передавали их тут же своим женам и приятельницам, а те несли их дальше в город и продавали из-под полы на тех же базарах или дворах.

За все время пребывания немцев в Советском Союзе им так и не удалось убить базарную торговлю и прекратить спекуляцию. Их запреты приводили только к тому, что торговля переносилась с базаров на улицы и в дома, цены при этом каждый раз поднимались, а голодные жители терпели еще большую нужду и проклинали немцев и их распоряжения. Эти меры только восстановили против них все городское население, а такие, как оставление колхозов и принудительный набор в Германию, восстановили все сельское население. Немцы оказались на практике еще хуже советской власти. Справедливость требует сказать, что даже в последний период немецкой оккупации наши крестьяне жили лучше, чем при советской власти, а голодало преимущественно городское население. Крестьяне не только не ездили в город за хлебом, как это было раньше, но даже очень охотно меняли продукты своего хозяйства на необходимые им промышленные товары и одежду. Но искать в этом какую-нибудь немецкую заслугу не следует: просто немцы еще не успели наладить всеобъемлющей системы контроля, на которой только и держится советская власть.

Для полноты картины следовало бы остановиться также на политических и экономических мероприятиях немецких властей в Прибалтике, северных областях, в Белоруссии, в Крыму, на Кавказе, на Дону и в Новороссии, где местами наблюдались очень своеобразные явления, но я, к сожалению, слушал об этом из вторых уст и потому не могу описывать во всех подробностях, а, кроме того, эти явления были результатом самостоятельной деятельности местных командующих отдельными фронтами и ни в какой мере не отражали общей политики Берлина и министерства Розенберга, юрисдикция которого еще не распространялась на эти области.

Впоследствии мне не раз приходилось говорить в Берлине с немцами по поводу их экономической политики в оккупированных ими областях Советского Союза. Немецкие руководители утверждали, что они были вынуждены временно оставлять советскую систему хозяйства и проводить различные ограничительные меры для бесперебойного снабжения своей армии на Восточном фронте и для поддержания военного потенциала в тылу на необходимом уровне. Они говорили, что невозможно было допустить свободную частную торговлю в Советском Союзе при сохранении карточной системы во всей остальной Европе. О захвате немцами в свои руки всех командных хозяйственных высот они вообще предпочитали не говорить или объяснять это отсутствием необходимых капиталов у местного населения. Почти никто из немцев и, во всяком случае, никто из партийцев не был в состоянии понять, что при разрешении свободы торговли и промыслов, при действенной и быстрой ликвидации колхозов, то есть при повторении нэпа, они могли бы получить значительно больше для себя и предотвратили бы голод в стране.

Советскую же систему они не могли сохранить в полной мере уже хотя бы по той причине, что не имели возможности установить того всеобъемлющего контроля, на котором только и держится вся эта хозяйственная система. Этому препятствовало их слабое знание нашей экономики, ближайшей истории, быта, состава и психологии населения и, наконец, незнание русского языка. При этих условиях они могли только копировать все отрицательные стороны советской системы, но были не в состоянии извлечь для себя выгод, даваемых ею советскому правительству. Своими экономическими мерами они развеяли у нашего населения все надежды, возлагавшиеся ранее на

них, способствовали развитию партизанского движения и передали своему советскому противнику все свои политические козыри. Их экономическая политика у нас составляла часть общего германского плана эксплуатации Европы, и проводилась она в жизнь с тупой, автоматической и, как казалось, чисто немецкой методичностью, но в действительности, в достаточной мере беспланово. Своей политикой они создали себе врагов из всех народов Европы, но только у нас они превратили в своих врагов народ, встречавший их как друзей и возлагавший на них все свои надежды.

Полному политическому поражению немцев в Советском Союзе немало способствовали также политическая безграмотность и невежество людей, которые были посланы туда из Германии для организации тыла и для работы с местным населением. Они терялись в самых элементарных вопросах нашей жизни, не знали советской системы, но были слишком самоуверенны и ленивы, чтобы спросить совета у нас или чтобы действительно изучить нашу страну. Их лень и уверенность в божественной премудрости своего фюрера были настолько велики, что они не были способны углубиться ни в один из подаваемых им документов и читали только приказы своего начальства. За три с лишним года, в течение которых мне приходилось с ними встречаться, я не видел ни одного немецкого чиновника, у которого бы хватило терпения прочитать внимательно бумагу, содержащую более трех страниц. Большинство поданных им докладов даже важнейшего характера просто потому не производили никакого действия, что их никто не читал. И эти люди хотели политически победить советский строй!

Так действовали господа Розенберг, Кох и их подчинение.

Гитлер и Петлюра

Германия несет освобождение всем народам, страдающим под игмом Москвы.

А. Розенберг

Октябрь 1941 года. Всего несколько дней тому назад десятки тысяч евреев ушли на кладбища. Население Киева еще полно ужасными переживаниями пожара города и расправы с евреями. Весь город копошится, как муравейник. Тысячи людей переселяются из своих углов, каморок и подвальных помещений, в которых они жили при советской власти, в квартиры, оставленные людьми, бежавшими с советской властью и евреями, ушедшими на кладбища. Люди, долгие годы скрывавшиеся от преследований советской власти и опустившиеся только по этой причине до самых глубин социальных низов, с надеждой смотрят на будущее и стараются вновь после многих лет приобрести человеческий облик. Что несут с собой немцы, еще неизвестно, но каждый думает, что хуже, чем при советской власти, быть не может.

На стенах домов развешаны большие обращения к населению на украинском языке. Возле них толпы людей. Под обращениями подпись: Бендера[383], — глава объединения украинских националистов или что-то в этом роде. Обращения написаны на каком-то странном и малопонятном для местного населения наречии украинского языка. Содержание их заключается в том, что евреи, поляки и русские являются смертельными врагами украинского народа и должны быть уничтожены или немедленно изгнаны из пределов Украины. Обращения переполнены самой оскорбительной клеветой по адресу России, русского народа, русского языка и русской культуры, причем слова «Россия» и «русский» везде заменены словами «Московщина» и «московский», так же как и слово «еврей» заменено словом «жид». Впечатление от этой бумаги ужасное: ведь более половины населения Киева и других городов Украины составляют люди русские по месту рождения и по документам и почти все 100 % населения являются русскими по языку, образованию, культуре, привычкам и симпатиям. Ближайшие родственники очень многих проживают за пределами Украины и им при чтении этого обращения уже мерещится отрыв от их

близких. Другие с ужасом думают, что их постигнет такая же судьба, как и евреев. Ведь обращение развешано по городу с согласия немецких властей, и кто знает, какие полномочия дали немцы этому Бендере?

Каких-либо замечаний по поводу этой странной бумаги в толпе не слышно: за годы советской власти люди привыкли к сдержанности. Реакция населения видна только по одному — подходя к плакату, люди говорят на русском языке, уходя, после прочтения, на украинском. С этого момента на несколько месяцев на улицах и в общественных местах начинает господствовать украинский язык, и только дома, где нет опасности быть услышанным посторонними ушами, люди возвращаются к своему родному и привычному языку. Над городом, как дамоклов меч, повисает страх перед украинскими националистами. Для того чтобы понять правильно и оценить странную и для многих губительную роль, которую сыграли в дальнейших событиях украинские националисты, надо несколько остановиться на украинском вопросе вообще и на национальной политике советской власти на Украине в частности.

Судьба украинского народа и история всех испытанных им за ряд столетий иноземных влияний чрезвычайно сложна, противоречива и запутана, впрочем, как и всех остальных славянских народов Юго-Восточной Европы. Представители не только самой Украины, но и всех заинтересованных в направлении ее политики стран трактуют совершенно по-разному большинство фактов ее истории, в зависимости от своих специальных интересов, обычно ничего общего с исторической наукой не имеющих. Здесь не время и не место заниматься разбором истории Украины, так как это завело бы слишком далеко от цели настоящей работы проследить политику и ошибки немцев во время их похода на Советский Союз. Я хочу только напомнить несколько несомненных и не оспариваемых никем, даже фанатиками из лагеря украинских националистов, фактов современной украинской истории:

1. В течение ряда столетий украинский народ был разделен на две большие группы: восточную, находившуюся под властью и культурным воздействием России, и западную, или Галицию, находившуюся под властью и культурным воздействием Австро-Венгрии. Язык, быт и культура обеих этих половин одного народа отличаются в настоящее время друг от друга больше, чем, скажем, язык, быт и культура восточных областей Украины отличается от русских.
2. Все городское население украинских областей, входивших веками в состав Российской империи, не только полностью русифицировано, но в основной своей массе является просто русским и ничем, кроме одного заметного акцента в произношении некоторых слов, не отличается от населения Москвы, Ленинграда и других городов России. Такие новые города на Украине, как Одесса, Днепропетровск (Екатеринослав), Запорожье, Николаев и даже Харьков, являются как по своей истории, так и по составу населения вообще чисто русскими.
3. В экономическом отношении восточные области Украины не представляют собой в настоящее время обособленного, самодовлеющего хозяйственного комплекса, а, именно, являются составной частью более крупного хозяйственного комплекса России или Советского Союза. Такого самодовлеющего хозяйственного комплекса они не могут представлять даже и после присоединения западных украинских областей. Попытки выделить Украину в самостоятельный хозяйственный комплекс несколько раз предпринимались и каждый раз были неудачными.
4. В силу ряда исторических причин Украина в настоящее время не имеет своего чисто украинского крепкого слоя интеллигенции и государственных деятелей с достаточно широким кругозором, без чего создание самостоятельного государства едва ли возможно. Большая часть современной украинской интеллигенции представляет собой либо ученых теоретиков кабинетного типа, либо мечтателей, ищущих спасения от неблагоприятного, по их мнению, настоящего в розовых мечтах о прошлом. Да и этот, сравнительно незначительный, слой народа слишком глубоко уходит своими корнями в культуру русскую, польскую или австро-венгерскую.

Украинский народ, так же как и всякий другой, имеет безусловное право на свою самостоятельность, самобытность и развитие своей национальной культуры, но он не имеет сейчас никаких данных, чтобы противопоставить себя великому русскому народу и идти на открытую вражду с ним. Подобная политика может привести и уже приводила не раз только к бедствиям для самого украинского народа. Политика, направленная на отрыв Украины от России, губительна не только для России, но в еще гораздо большей степени для Украины. В разжигании вражды между русским и украинским народами были всегда заинтересованы только посторонние и обычно враждебные обоим народам силы, и это ярче всего сказалось на событиях нынешнего столетия.

Сейчас ни для кого не представляет секрета, что шовинистические и антирусские страсти на Украине в конце прошлой Мировой войны и в период гражданской войны в России разжигались, главным образом, Германией и Австрией, хотя к этому делу приложила свою руку также Антанта. Но преимущественная роль Германии видна хотя бы из того, что после победы большевизма почти все украинские группировки нашли себе приют и поддержку в Германии. Более четверти века на территории Германии, а также Чехословакии существовали и действовали по временам весьма активно все украинские группировки, причем некоторые из них, как например, группировка бывшего гетмана Скоропадского[384], получала даже финансовую поддержку от германского правительства или Генерального штаба. Все эти большие и маленькие группы держались в запасе и подкармливались на случай будущей войны Германии против Советского Союза.

Советское правительство было прекрасно осведомлено о всех этих планах и не раз показывало свою осведомленность как в печати, так и в дипломатических документах. В противовес этому оно вело непрерывную и очень ожесточенную борьбу против тех элементов, которых можно было заподозрить в сепаратистских тенденциях. Как и во всех остальных случаях, руководители Советского правительства считали, что заразу нужно выжигать каленым железом и что лучше уничтожить сто невинных, чем упустить одного виновного. Жертвами ожесточенного советского террора на Украине пали многие десятки тысяч человек, и советская метла не прекращала своей жестокой работы ни на один день[385]. В конце концов, большевикам удалось добиться своей цели, и та немногочисленная украинская интеллигенция, которая стремилась к независимости своего народа, была почти поголовно уничтожена. Это было хорошо известно за границей и еще до войны, а во время немецкой оккупации Украины об этом были исписаны горы бумаги, и возвращаться к этому еще раз нет необходимости. Советские власти истребляли украинских националистов так же свирепо и беспощадно, как и всех своих остальных действительных, потенциальных или даже воображаемых противников и никаких особенных исключений для них не делали. Советский террор в Киеве и Харькове был не менее и не более кровав, чем в Москве и Ленинграде, Баку и Тифлисе или Хабаровске и Владивостоке.

Значительно менее была известна за границей, и главным образом потому, что некоторые заинтересованные круги из зарубежных украинцев это тщательно скрывали, советская национальная политика на Украине и даже насильственная украинизация наших городов[386]. В борьбе против украинских сепаратистов советское правительство действовало весьма мудро и не только физически истребляло своих противников, но также выбивало у них из рук все возможности обвинить Москву в зажиме национальных стремлений украинского народа. Так называемая украинизация, то есть внедрение украинского языка во все сферы общественной жизни, и проводилась советской властью несравненно настойчивее, чем в свое время правительствами Петлюры или гетмана Скоропадского. С конца 1930-х годов и вплоть до войны во всех административных и правительственных учреждениях Украины государственным и обязательным при всей переписке языком являлся украинский.

Преподавание почти во всех средних и во всех высших учебных заведениях велось на украинском языке, и тех преподавателей, которые не знали этого языка, увольняли с работы. По этой причине многие профессора оставили свои кафедры в украинских городах и переехали в Москву,

Ленинград и другие, чисто русские города. В некоторые года украинизация проводилась особенно ожесточенно, и тогда даже разговор на улице или в трамвае на русском языке рассматривался как антисоветское действие. Вся периодическая пресса на Украине выходила на украинском языке, и первая газета на русском языке «Советская Украина» начала издаваться в Киеве всего за несколько лет до войны[387]. Все театры работали на украинском языке, и только в некоторых больших городах были созданы, в виде исключения, русские драматические театры. Сотни миллионов рублей тратились ежегодно на издание украинских книг и на переводы на украинский язык произведений мировой и даже русской литературы. На Украине, как и во всех остальных национальных республиках, была создана своя самостоятельная Академия наук и десятки всевозможных научных институтов[388]. Советская власть развивала украинскую культуру насильственно, на самую широкую ногу и самыми форсированными темпами.

Как во всех своих остальных делах, так и в политике сплошной украинизации большевики стремились поразить мир своими масштабами и, как у нас говорили, беспощадно перегибали палку. Смешно было видеть в украинских театрах постановки таких опер, как «Евгений Онегин» или «Пиковая Дама», на украинском языке или слышать, как в некоторых постановках на этом языке говорят русские императоры или придворные. Жалкими и ненужными казались переводы на украинский язык произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Чехова и Горького. На эти переводы тратились сотни тысяч рублей, но все читали только оригиналы, а никому не нужные переводы переполняли полки всех библиотек и книжных магазинов, где годами лежали под толстым слоем пыли. Нечего и говорить, что все произведения Сталина, Ленина и остальных вождей неизменно и немедленно переводились на украинский язык. Были ли нужны эти последние переводы — сказать трудно, так как на полках всех библиотек одинаково пылились как русские, так и украинские экземпляры этих трудов. Пробовали переводить на украинский язык даже технические и научные книги, но ввиду полной путаницы с украинской технической терминологией эту затею скоро бросили. Оказалось, что всем инженерам требовались технические словари, чтобы понять что-либо в этих переводах, а соответствующих словарей вообще не было, так как украинская техническая терминология до сих пор не разработана. В результате переведенные с большой затратой времени и денег специальные книги могли читать и понимать только те люди, которые над этими переводами работали. Для всех остальных они были недоступны.

Вообще со словарем и грамматикой украинского языка положение было трагикомическое. За время советской власти грамматика его менялась три раза, и все три раза предыдущая грамматика признавалась вредительской, искажающей линию партии и отменялась, а все население должно было переучиваться. Многим может показаться непонятым, как грамматика того или иного языка может искажать политическую линию какой-либо партии, однако в Советском Союзе это не только возможно, но даже стоило многим ученым свободы или жизни[389]. С украинским словарем дело обстояло еще сложнее и печальнее. Более десяти лет институт языковедения Украинской Академии наук непрерывно работал над составлением словаря и так и не мог довести дело до конца. Выходившие несколько раз временные словари почти немедленно после своего появления в свет признавались вредительскими, т. к. в них преобладали либо иностранные, либо русские слова, и это давало возможность обвинить их составителей либо в великороссийском шовинизме, либо в стремлении оторвать Украину от Советского Союза. Любителей составлять себе карьеру на обвинении других во вредительстве всегда более чем достаточно, и несчастные ученые, которым поручали составлять словари и грамматику украинского языка, воспринимали подобное поручение как первый шаг к будущему близкому знакомству с органами НКВД и почти никогда в этом не ошибались.

Результатом всей этой грамматической и словарной чехарды было то, что до самого последнего времени никто не знал, как нам надо писать по-украински, и все переводы сильнейшим образом отличались один от другого. История работы над украинским и другими национальными языками в Советском Союзе является самым убедительным примером того, насколько губительным бывает стремление подчинить науку политическим установкам той или иной партии. Всему миру известны

анекдотические нелепости в немецком языке, вызванные противоестественной политикой онемечивания (Verdeutschung[390]) этого языка. Но это кажется детской забавой по сравнению с той вивисекцией языковедения, которая проводилась в Советском Союзе. Словари и грамматики языков разных народов нашей страны неизменно утверждались правительственными комиссиями, в которые входили с правом решающего голоса люди не только ничего не понимающие в языковедении, но часто даже не говорившие на том языке, словарь и грамматику которого они утверждали.

Однако эти внутренние неурядицы были мало кому известны, а с внешней стороны советское правительство делало все возможное для максимального афиширования своей благосклонности к малым народам. В Москве постоянно устраивались роскошные фестивали народного искусства различных республик, громадные деньги тратились на создание опер, основанных на народных мотивах, во всех концах Советского Союза снимались кинокартины, посвященные рекламированию неустанных забот советского правительства о малых народах. На Украине все были сыты по горло насильственной украинизацией и народным искусством. Мы месяцами слышали по радио бесконечные повторявшиеся и надоевшие всем до смерти украинские народные песни в исполнении разных самодеятельных (то есть любительских) и обычно весьма слабых в художественном отношении ансамблей и должны были слушать в опере вместо произведений Чайковского, Римского-Корсакова, Пуччини, Гуно или Вагнера[391] бездарные, но роскошно поставленные, национальные оперы такого типа, как «Тарас Бульба»[392].

Конечно, у нас развивалась и насильственно внедрялась так называемая культура национальная по форме и социалистическая по содержанию. Это означало в переводе на обычный язык, что все органы печати и все средства науки и искусства пропагандировали и внедряли на Украине народу на украинском языке те же самые мысли и партийные установки, которые пропагандировались и внедрялись в Великороссии на русском, в Белоруссии на белорусском, где-нибудь в Каракалпакии на каракалпакском языке и т. д. Это было бесчисленное множество разных форм, в которые вливался единый напиток, изготовленный а Политбюро ЦК ВКП(б) в Москве. Все газеты в самых отдаленных концах Советского Союза, из которых многие выходят на языках, никому за пределами нашей страны не известных, заполняют неизменно свои страницы материалом, передающимся ежедневно по радио из Москвы в так называемой диктовке для районных и областных газет. В этой диктовке указывается даже текст заголовков и на какой странице и каким шрифтом должны те или иные сообщения быть напечатаны. Редакциям местных газет остается только эти материалы перевести на свой язык, что ими прделывается весьма добросовестно и пунктуально, так как малейшее отклонение от текста оригинала грозит виновникам весьма печальными последствиями. Точно такая же картина наблюдается и во всех остальных проявлениях национальной науки, культуры и искусства. По форме они независимы, да и то не всегда, как было выше показано на примере словарей и грамматики, а по содержанию полностью беспрекословно подчинены центральному руководству из Москвы.

Что же касается политической самостоятельности и независимости союзных национальных республик, о которой так много говорилось и писалось в мировой прессе в последнее время, то ее проще всего проследить по составу лиц, стоящих во главе правительства той или иной союзной республики. На Украине, например, основными фигурами, имевшими полномочия Политбюро ЦК ВКП(б) и решавшими все политические и хозяйственные вопросы за последние десять лет были: поляк Косиор[393], сибиряк Постышев[394], москвич Хрущёв и еврей Мануильский[395]. Так выглядит советская национальная политика, если снять с нее всю маскарадную мишуру. Неудивительно, что почти все население украинских городов, где эта национальная политика проводилась особенно назойливо и особенно надоедала, отождествляло украинизацию с большевизацией и с облегчением вздыхало, когда советские власти по какой-либо причине эту политику временно ослабляли. Тогда все немедленно возвращались к привычному русскому языку и требовался новый нажим властей, чтобы снова внедрить украинский. Как будет видно из

дальнейшего, немцы своей глупой и бездарной политикой это отвращение населения к украинизации только усилили.

На украинские группировки за рубежом и на их руководителей население советской Украины смотрело ставшими привычными за много лет советскими глазами. Гетмана Скоропадского считали марионеточной фигурой, какого-то полуопереточного типа в руках германского правительства, а Петлюру, Коновальца[396] и прочих деятелей Украинской Центральной Рады вспоминали по еврейским погромам и их предательской политике по отношению к Деникину и Врангелю и отождествляли их с такими бандитами, как Махно, Зелёный и прочие. Да, по правде говоря, особенных причин для изменения такого мнения у нас и не было. В таком положении был национальный вопрос на Украине в момент прихода немцев.

Как уже говорилось выше, вместе с немцами на Украину прибыли в довольно большом количестве украинцы из Галиции и главным образом из Закарпатской Украины. Часть из них работала в германской армии в качестве переводчиков, а часть предназначалась немцами для занятия разных постов в оккупированных ими областях. Все эти люди более или менее свободно говорили на немецком языке и многие из них имели долгие связи с немцами или даже проходили специальную подготовку в разных немецких политических и полувоенных школах. По всем этим причинам они пользовались несравненно большим доверием у немецких властей, чем местное население, и многие немцы смотрели на все их глазами. Насколько мне теперь известно, большая часть из них примыкала по своим политическим убеждениям и личным связям к последователям Петлюры и Коновальца, и лишь весьма небольшая группировка состояла из сторонников гетмана Скоропадского. Всех этих тонкостей наше население вначале не заметило, нам бросилась в глаза только одна их общая отличительная особенность, а именно — непримиримая ненависть к русским и ко всему тому, что носило отпечаток русской культуры.

Эти люди, с благословения германских властей и, в частности, СД, возглавили почти во всех украинских городах местную украинскую полицию, заняли командные должности почти во всех органах местного самоуправления и полностью получили в свои руки всю местную прессу. Таким образом, они сконцентрировали у себя всю власть и все средства воздействия на общественное мнение. Представители местного населения в первое время были совершенно бессильны им противодействовать, так как они не пользовались доверием немцев и из-за незнания немецкого языка не могли им как следует объяснить положение и настроение местного населения и вредного влияния на все стороны жизни приехавших из-за границы украинских деятелей или вернее, как это выяснилось позже, преступников-авантюристов. Вред, нанесенный этими NN, еще в значительной степени усугублялся той страшной деятельностью, которую развернули приехавшие из Галиции и Польши некоторые священнослужители разных вероисповеданий.

Центрами политической активности этих украинских экстремистов явились Ровно как место, где был размещен рейхскомиссариат Эриха Коха, и Киев как историческая столица Украины. Кроме того, они завладели очень сильными позициями во Львове, Кракове и, наконец, в Берлине, где они имели наиболее сильные связи в министерстве Розенберга и в Главном управлении СС, хотя достаточно сильна была их позиция также и в кругах Верховного командования германской армии. Они принимали участие во многих закулисных интригах и знали много секретов и разных течений, враждовавших между собой группировок в германских высших сферах. В этом была их сила и причина их непонятого влияния. Немалое значение имела также суровость внутренней дисциплины их организации, разветвленность их низовой сети, особенно в областях бывшей Польши и в Германии, и достаточно крупные средства, собранные за ряд лет украинскими организациями. Всего этого мы тогда не знали, и нас удивляла тайна их непонятого влияния на немцев.

В Киеве украинские экстремисты не ограничились подобными эпизодическими листовками, какая была упомянута в начале этой главы, а занялись немедленной обработкой общественного мнения

при помощи местной украинской газеты, которую они полностью захватили в свои руки. Эта газета под названием «Українське слово» была единственной на Украине при немцах ежедневной газетой, и издавалась она в помещении бывших центральных советских украинских газет «Коммунист» и «Советская Украина». За многие годы жители Украины привыкли видеть в этих двух последних газетах официальных выразителей политики и намерений внешних органов власти на Украине. Обычно материалы, напечатанные в этих газетах, являлись директивными, критике и обсуждению не подлежали, и все местные органы власти и провинциальная пресса принимали указания этих газет как обязательные для себя. На газету «Українське слово» сразу стали смотреть, как на законного преемника этих двух советских газет со всеми их функциями и правами. Ведь, несмотря на смену власти, население еще не успело изменить своей психологии и на все смотрело советскими глазами, так, как нас приучили смотреть в течение долгих лет.

Редактор газеты, по нашему мнению и по нашему долголетнему опыту, являлся человеком, облеченным большими правами и полномочиями, пользующийся полным доверием вышестоящих властей и вполне посвященный в их цели и намерения. С таким именно мнением я переступил в первый раз порог кабинета главного редактора новой газеты. Первое впечатление от кабинета только подтверждало заранее сложившееся мнение. Большая и прекрасно обставленная комната была вся застлана огромным ковром, а стены ее были отделаны панелью под карельскую березу. Мягкая удобная мебель из того же материала, всюду цветы, посередине два больших стола, составленные «по-наркомовски» в виде буквы «Т», и на них последние номера разных немецких и украинских газет. Над креслом редактора — два больших портрета. На одном Гитлер в шинели с поднятым воротником, на другом — Петлюра. В первый момент я не поверил своим глазам: слишком диким и непонятным казалось это сопоставление. Гитлер и Петлюра. Что могло быть общего у этих двух людей и как могли их портреты находиться в кабинете редактора издаваемой немцами газеты для местного, еще так недавно советского, населения?

Навстречу мне поднялся из-за редакторского стола маленький человек лет тридцати на вид в пиджаке и брюках, заправленных в сапоги (так почему-то одевались все приехавшие с немцами украинцы). Это был редактор газеты Иван Рогач[397], в прошлом секретарь словацкого деятеля Волошина[398], а в то время, о котором я пишу, глава всех украинских экстремистов в Киеве и один из самых влиятельных людей на Украине (если, конечно, не принимать во внимание немцев). Он был чрезвычайно любезен и даже как-то непривычно для нас, советских людей, подчеркнуто предупредителен, и не верилось, что этот маленький, любезный человечек может пропускать и благословлять весь тот поток грязной клеветы, который переполнял страницы его газеты. А между тем газета писала возмутительные и гнусные вещи. Почти каждый номер и, во всяком случае, каждая передовая статья, принадлежавшая нередко перу самого Рогача, были наполнены оскорблениями и циничной руганью по адресу русского народа, его языка, истории, культуры и великих людей его прошлого. Основной мишенью этого, с позволения сказать, органа печати были такие священные для каждого русского человека имена и личности, как Пётр I, Пушкин, Суворов и Толстой.

В то время, как население ждало от газеты ответа на целый ряд самых насущных вопросов, она занималась только передергиванием и искалечиванием исторических фактов, прославлением никому не нужных, неизвестных и явно второстепенных деятелей эпохи гражданской войны на Украине и возвеличиванием разных украинских гетманов XVI и XVII столетий. Газета так беззастенчиво ставила все исторические факты вверх ногами, что при чтении ее невольно возникала мысль, что либо редактор ее сошел с ума, либо все читатели этой газеты всю свою жизнь были идиотами и не умели отличать черного от белого. Но редактор этой газеты был человеком отнюдь не сумасшедшим, а, как показали последующие события, весьма практичным и оборотистым. Единственно, в каком пункте он, как и все его коллеги, страдал некоторыми навязчивыми идеями, это в своей неистребимой ненависти ко всему, что носит название русский.

Пожалуй, если только это вообще возможно, еще более нетерпимую позицию занимала выходившая в Ровно газета «Волынь». Там ежедневно помещались дикие материалы и погромные по отношению к русским призывы, что любой здравомыслящий человек, читая их, отказывался верить своим глазам. Однажды, в середине ноября 1941 года, в Киев приехал на несколько дней редактор или заместитель редактора этой газеты, фамилии которого я сейчас, к сожалению, не помню. Этот человек среди местных украинских экстремистов пользовался очень большим влиянием, и они не скупилась на похвалы его эрудиции, честности взглядов и литературным достоинствам. На другой день после приезда в Киев он осчастливил его граждан передовой статьей в газете «Украшське слово» под таким многообещающим заголовком «Народ или чернь». В этой статье пространно доказывалось, что все население Киева, включая и его интеллигенцию, представляет собой не народ, а чернь и отбросы общества, без своих традиций, культуры и нравственных устоев. Все это было пересыпано руганью и клеветой по адресу русской культуры и языка и программными призывами против русской части Киева. Эта статья была перепечатана всеми выходившими на Украине газетами как образец новой украинской журналистики, хотя никакими особенными литературными достоинствами, кроме большого количества ругательств, она не обладала. С точки зрения содержания я должен откровенно сказать, что, пожалуй, никогда в жизни ничего более гнусного и отвратительного не читал, кроме, разве, антирелигиозных упражнений Демьяна Бедного[399].

Основную свою цель вся эта публика видела в том, чтобы доказать, прежде всего немцам, а затем и местному населению, что большевизм — явление чисто русское, а все украинцы являются некими невинными ягнятами, не имеющими никакого отношения к этому зловердному учению. Доказать это нелепое положение было, конечно, довольно трудно, и в погоне за этой непостижимой целью редакционные коллеги всех украинских газет городили ежедневно на своих страницах массу всевозможного исторического вздора и самых нелепых измышлений. Все эти литературные упражнения [не имели бы значения][400], если бы они не происходили в обстановке 1941 года и не сопровождалась на практике самым откровенным антирусским террором. Вся беда была в том, что господа вроде Рогача и его коллег стремились проводить свои бредовые идеи по искоренению русского влияния и изгнания русских с Украины на практике и притом, главным образом, террористическим путем.

Поход против русских осенью 1941 года далеко не ограничился только погромными и клеветническими статьями в газетах, а принял самые конкретные формы. Русских не принимали нигде на работу, им отказывали в перемене квартир, в получении разрешения на право выезда из города, русских пленных не освобождали из плена, если они даже были местными жителями, хотя украинцев освобождали и даже одно время в киевской городской управе усиленно дебатировался вопрос — не выдавать ли русским хлеб по карточкам. Местная украинская полиция фактически объявила русских вне закона: производила среди них без всяких оснований аресты, выбрасывала русских из квартир, насильственно переселила их из одного города в другой. Когда немецкие власти приказывали этой полиции произвести какие-нибудь репрессии против населения, то всегда тяжесть их обращалась против русских, а украинцы оставались в стороне. Население было искусственно расколото на две группы, и русская часть его жила в постоянном страхе преследований, террористических выступлений и незаслуженных оскорблений.

Своего кульминационного пункта этот поход против русских достиг в следующем возмутительном случае. В двадцатых числах октября 1941 года в одну из ночей было подорвано и сожжено здание киевской Городской думы. Это было проделано теми людьми, которые поджигали и подрывали Киев в конце сентября, то есть оставленными в немецком тылу советскими подрывными командами. В ту же ночь немецкий комендант города, генерал-майор Эбергардт[401], приказал в виде репрессии за этот террористический акт расстрелять 300 жителей Киева и отдал приказ украинской полиции предоставить к 12 часам дня указанное количество жертв для казни.

Предполагалось, что в украинской полиции имеется значительное количество заложников из числа лиц, подозреваемых в принадлежности к этой организации. Но у начальника украинской полиции,

одного из приехавших с Рогачем из Закарпатской Украины экстремистов, таких заложников не было.

Тогда он выставил на некоторых улицах, прилегающих к Софийской площади, наряды своих полицейских и приказывал им в течение часа задерживать всех прохожих и проверять по документам их национальность. Украинцев пропускали, а русских задерживали и отводили во двор полиции. Так было собрано 300 невинных людей, в том числе несколько известных всему городу ученых и врачей, и в тот же день все эти люди были расстреляны. Вся их вина заключалась в том, что в их паспортах стояло слово «русский». Я знаю об этом факте очень хорошо, так как при этом едва не погиб мой брат[402], и мне удалось его спасти в последнюю минуту только благодаря знанию немецкого языка. Я выхватил его из толпы, которую немцы сажали на автомобили для отправки на место казни. Я до сих пор вижу лица стоявших в этой толпе женщин и стариков, не чувствовавших за собой никакой вины и не предполагавших своей страшной участи. Можно себе представить, какое ужасное впечатление произвела эта варварская и бессмысленная расправа на русскую часть населения города. Русские почувствовали себя бесправными париями и даже боялись выходить на улицу. Конечно, дружеских чувств к немцам и их пришлым украинским подручным этот факт не прибавил.

В ноябре и начале декабря эти новые незаконные хозяева города окончательно распоясались, чувствуя свою полную безнаказанность. Они поселились в шикарных квартирах в лучших домах центральной части города, начали вести самую широкую жизнь, с постоянными пьяными оргиями и всяческими подчеркиваниями своего привилегированного положения. Почти ежедневно возникали какие-то новые акционерные общества, капиталы которых составлялись из бывшего советского государственного имущества, а акционерами были все одни и те же лица, а именно небольшая компания, прибывшая вместе с Рогачем из Закарпатской Украины и из Галиции. Формально всю эту спекулятивную горячку возглавлял председатель киевской городской управы, бывший ассистент университета, Багазий[403]. Этот человек был сам по себе безусловно честный и стремился делать для города все, что он мог. Беда его заключалась в том, что он полностью попал под влияние таких авантюристов, как Рогач и Ко, игравших на национальных чувствах Багазия и его ближайших сотрудников, простодушно поверивших в их идеализм и глубокие патриотические чувства по отношению к украинскому народу.

Тот же Рогач со своей компанией начал в это время игру с созданием в Киеве какого-то украинского правительства, так называемой Украинской Национальной Рады[404]. Подготовка к созданию этого «правительства» велась келейно в редакционном кабинете Рогача и в кабинете Багазия. Широкие круги местного населения, или хотя бы его интеллигенцию, никто из этих господ даже и не думал ставить в известность о своих планах и намерениях. Это была закулисная возня того же типа, к которой так привыкли русские и украинские эмигранты за годы своего долгого пребывания в изгнании. Начиналась на новой почве привычная игра в министры, причем люди, распределявшие между собой будущие министерские портфели, не только не имели никакого представления о действительных нуждах народа, но даже нисколько этим не интересовались. Более того, они всячески подчеркивали свое презрительное отношение к местному населению, и если не называли нас вслух, как немцы, «унтерменшами» и неграми, то всем своим поведением показывали, что считают нас людьми какой-то низкой породы. Неудивительно, что население скоро возненавидело этих людей гораздо сильнее, чем даже немцев и советскую власть. Подлинная их сущность нам стала очень скоро ясна, и мы не смогли только понять, как немцы терпят явное разложение их тыла.

А между тем этот непонятный нам факт объяснялся очень просто. Люди эти в своем большинстве прибыли по рекомендации из Берлина, а местные немецкие военные начальники в политике Берлина на Востоке разбирались очень слабо и, полагаясь во всем на авторитет таких людей, как Розенберг, Кох, Борман и Гиммлер, предоставили украинским экстремистам полную свободу действий. В этом сказывалось рабское благоговение немцев перед бумажками всякого начальства,

а берлинского в особенности. Кроме того, немцы, упоенные своими грандиозными летними победами, считали войну против Советского Союза уже выигранной, судьбу Украины и остальных его частей предрешенной Гитлером и германским правительством и не придавали долгое время никакого значения этой, как им казалось, невинной возне каких-то украинцев, предназначенных, так или иначе, быть колониальными рабами Великой Германской Империи.

Погромных статей в «Украшським слове» и других украинских газетах долгое время никто из немцев вообще не читал, так как зондерфюреры немецких рот пропаганды, которым подчинялись сначала эти газеты, украинского языка не знали и знакомились с содержанием газет только по заголовкам, которые им переводил сам редактор газеты или кто-либо из его ближайших помощников. Я помню, как был удивлен зондерфюрер киевской редакции г. Ганзен, очень милый и скромный филолог, не понимавший ничего в особенностях украинской национальной политики и очень смутно представлявший себе отличие украинцев от русских, когда он случайно обнаружил, что газета, которую он так спокойно подписывал каждый день к печати, помещала какие-то дикие и зловерные материалы. Берлинские политики, ткавшие свою подозрительную паутину национальной вражды, не заботились о том, чтобы сообщать свои цели подчиненным, а особенно военным. Их они держали в таком же полном неведении о своих планах, как и наше население. Немцы, соприкасавшиеся с городской управой и другими украинскими организациями, были заняты главным образом устройством своих личных дел, очень часто также спекулятивного характера и потому смотрели сквозь пальцы на подозрительные махинации прибывших в их обозе дельцов.

Только когда комбинации украинских экстремистов приняли уже слишком скандальный характер, а некоторые из них даже начали вести антигерманскую пропаганду, немецкие власти спохватились и произвели разгром этого гнезда авантюристов. Рогач, Багазий и ряд других лиц из их компании были арестованы, состав городской управы и редакции был изменен, и газета в знак нового курса стала выходить под несколько измененным названием «Нове українське слово». Это произошло в Киеве в середине декабря 1941 года[405], и почти немедленно отразилось, в той или иной мере, во всех остальных городах Украины. Особенное впечатление произвел на немцев тот факт, что у Рогача в момент ареста было обнаружено на квартире более двухсот тысяч рублей советскими деньгами, а у Багазия и прочих большие запасы продовольствия, вина и разных товаров.

В то время в Киеве уже начинал приступать к своим обязанностям немецкий генерал-комиссариат, и начальник его политического отдела Рейнгардт[406] решил немедленно наставить население на путь истинный и стал забрасывать новую редакцию газеты своими обязательными для опубликования длиннейшими статьями, рассуждающими об обязанностях населения и о том, какую оно должно чувствовать громадную признательность к своим освободителям немцам. Статьи эти были выдержаны в стиле многословных рассуждений Геббельса в журнале «Дас Рейх» или призывов Роберта Лея[407] в «Ангрифе», помещались без подписи, начинались неизменно словами «Мы, украинцы» и производили самое гнетущее впечатление на местное население. На нового редактора газеты, профессора Штеппу[408], сыпались со всех сторон в то время и гораздо позже обвинения в подхалимстве и низкопоклонничестве по отношению к немцам, а он, собственно говоря, ни в чем не был виноват, так как не имел права ни изменить, ни сократить этих статей. Он только должен был ставить свою подпись под газетой, помещавшей, главным образом, материалы, выбранные Рейнгардтом и лишь переведенные редакцией с немецкого.

Примерно через две недели после этого произошло еще одно событие, как будто знаменовавшее изменение курса немецкой политики и воспринятое с большим удовлетворением большей частью населения Киева и всей Украины. В Киеве начала выходить газета на русском языке. Произошло это таким образом. Около двух месяцев наряду с ежедневным «Украинським словом» выходила по понедельникам, когда этой газеты не было, маленькая газетка «Останни висти» («Последние новости») чисто бульварного типа, помещавшая разные мелкие заметки из местной жизни и из-за границы. Нескольким киевлянам удалось убедить местные немецкие власти, что эту газетку

следует издавать на русском языке, так как значительная часть населения не знает украинского и потому не может следить за распоряжениями немецких властей. Новая русская газета была с самого начала поставлена в очень тяжелые условия, так как ей было строжайшим образом запрещено печатать какой-либо материал политического характера, и она должна была носить характер чисто информационного листка, с некоторым количеством развлекательного материала. Поэтому газета была весьма убогой и, собственно говоря, даже не имела права носить название настоящей газеты.

Для того чтобы подчеркнуть, что новая газета является лишь переводом своего предшественника, в газете «Нове українське слово» было напечатано сообщение немецкого генерал-комиссариата, что с такого-то числа газета «Останни висти» начинает выходить на русском языке под заголовком «Последние новости». Для этой газеты вначале даже не было создано отдельной редакции, а делать ее должны были сотрудники ежедневной украинской газеты. И тем не менее эффект от ее появления был грандиозный. Начиная с первого номера эта газета, выходившая, как и украинская, в очень ограниченном количестве экземпляров, перепродавалась мальчишками на базарах по 3 и даже по 5 рублей за экземпляр, при нормальной ее стоимости в киосках 50 копеек. В день выхода ее первого номера около газетных киосков стояли громадные очереди, и с этого дня Киев опять заговорил по-русски. Сотрудники редакции, вышедшие посмотреть, как идет продажа, слышали, как в очередях люди говорили друг другу: «Ну, сегодня мы имеем право опять говорить по-русски». Русские почувствовали, что они после долгих гонений и издевательств стали опять полноправными людьми, во всяком случае, в такой же степени, как и украинцы.

Однако надежды населения на изменение курса немецкой политики были неосновательными и очень скоро рассеялись. Изменение произошло только в том, что немцы в Киеве и некоторых других городах восточных областей Украины просекли уже бурную деятельность приехавших с ними украинских экстремистов. В Ровно и во всех западных областях даже и в этом смысле положение осталось без изменений и газета «Волянь», а за ней и многие другие, продолжали свою погромную агитацию против русских. В таком же стиле были и украинские передачи по радио, редакция которых сидела в Берлине и была составлена исключительно из приверженцев Украинского национального объединения или, иными словами, из последователей Петлюры и Коновальца. Станный и непонятный для нас политический союз Гитлера и Петлюры продолжал доминировать, и только в восточных областях был несколько смягчен.

Редакция местных газет, выходивших в старых областях Советского Союза[409], было самым строжайшим образом запрещено упоминать слово «русский», как будто одно это слово могло развалить всю зыбкую структуру немецкого тыла, как даже самое слабое дуновение разваливает картонный домик. Все, что относилось к русской истории, культуре, науке и искусству, было запрещено и подвергнуто остракизму, и редакции могли заполнять свои страницы только переводами из немецких газет, да и то далеко не всех. Предполагалось пользоваться материалами только выходившей в Луцке газеты «Дойче Украине Цайтунг». Это делалось для того, чтобы скрыть от местного населения слишком откровенные высказывания центральных германских газет, нисколько не скрывавших германских планов расчленения России и колонизации ее составных частей. Населению же «освобожденных областей» должна была преподноситься некая розовая пропагандная водица о том, что Германия ведет только священную идеологическую войну против большевизма за спасение мировой культуры и цивилизации и сама никаких материальных интересов не преследует. На стенах наших городов и во всех учреждениях развешивались увеличенные цветные литографии германского фюрера с подписью на всех языках «Гитлер-Освободитель». Господин Рейнгардт и ему подобные писали статьи, начинавшиеся словами «Мы украинцы» и рассказывавшие о высоко исторической миссии германской расы на Юго-Востоке Европы, якобы служившей первопричиной культуры и даже самого появления славян на этой части земного шара. А в это время в Берлине издавался журнал «Унтерменш», и господа Гитлер, Геринг и Геббельс утверждали перед бешено аплодировавшей им многочисленной аудиторией в берлинском «Спортпаласе», что Советский Союз населен болотными людьми и

прочими, лишь по внешнему облику человекоподобными существами, а в действительности представителями какой-то низшей расы.

Иногда «прорывало» в этом смысле и наших высоких руководителей Коха и Розенберга. Но тогда господу Рейнгардты звонили в редакции подчиненных им местных газет и запрещали печатать такое выступление или присылали специально выправленный ими экземпляр, из которого были старательно вычеркнуты откровенные места. Излюбленный некоторыми метод фальсификации применялся немцами у нас даже в отношении выступления их же собственных вождей. В то время, как наше население ждало от немцев возвращения нормальных человеческих прав, отнятых советской властью, немцы отнимали у нас даже те немногие права, которые нам эта власть оставила, и неуклонно, хотя тщательно скрывая свои планы, подготавливали полную колонизацию нашей страны. Странный союз Гитлера и Петлюры, основанный только на ненависти к русским и на еврейских погромах, постепенно превращался в гораздо более естественный, но не менее для нас губительный блок Гитлер-Гиммлер-Розенберг. Этот блок полновластно диктовал свою политику в занятых Германией областях Советского Союза, и эта политика привела Красную армию в Берлин[410].

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ II

ИЗ РАДИОГРАММ 1943 года НАЧАЛЬНИКУ УКРАИНСКОГО ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ комиссару госбезопасности III ранга Т. А. СТРОКАЧУ[411]

Документ 1

РАДИОГРАММА АГЕНТА «КАРМЕН»

О ПОВЕДЕНИИ КОМАНДОВАНИЯ СУМСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО СОЕДИНЕНИЯ

6 февраля 1943 года Шифровка вх. № 395

Сообщаю, что все командование часто занимается выпивкой. Коваля [т. е. Ковпака. — К. А.] все боятся как огня — потому что как выпьет, так может кого угодно отхлестать плеткой.

Документ 2

РАДИОГРАММА АГЕНТА «МАРИИ»

О ПОВЕДЕНИИ КОМАНДОВАНИЯ СУМСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО СОЕДИНЕНИЯ

26 февраля 1943 года

Пьянки и картежная игра не прекращаются.

Рукописная резолюция Т. А. Строкача:

«Молния. Ковпаку — Рудневу[412].

Снова меня вызывали [в] ЦК ВКП(б), предупредили [о] наличии [в] ваших отрядах мародерства и пьянства. Прошу принять решительные меры борьбы [с] этими позорными явлениями. Для доклада сообщите [о] принятых мерах. 28.02.1943. Строкач».

Документ 3

РАДИОГРАММА АГЕНТА «КАРМЕН»

О МАРОДЕРСТВЕ ПАРТИЗАН СУМСКОГО СОЕДИНЕНИЯ 3 марта 1943 года

Сообщаю, что многие из отряда занимаются мародерством, берут все, что попадается им под руки, вплоть до того, что берут одеяла, простыни, белье нужное и не нужное им. Командование мер не предпринимает.

Документ 4

РАДИОГРАММА АГЕНТА «ЗАГОРСКОГО»

О МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ ПАРТИЗАН СУМСКОГО СОЕДИНЕНИЯ

16 апреля 1943 года

Парт[ийно]-полит[ической] массовой работы в отряде и среди населения нет. За короткое время убито много партизан при добыче себе трофеев с целью личной наживы. Партизаны с уважением говорят об отряде Фёдорова[413], Сабурова[414] называют смелым. Своих командиров ругают за бахвальство, последствия воздушного налета — нераспорядительность их. Они пьянствовали.

Документ 5

ИЗ ДНЕВНИКА за 1943 год Г. В. БАЛИЦКОГО[415] —

КОМАНДИРА ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА ИМ. СТАЛИНА ЧЕРНИГОВСКО-ВОЛЫНСКОГО СОЕДИНЕНИЯ

8 марта 1943 года. Этот день в отряде отмечался как международный коммунистический женский день. Для женщин была организована выпивка, гулянка, поздно вечером Фёдоров пригласил меня к себе в штаб соединения. Вечером я лег спать, и вдруг вбегают радисты — человек семь — с криком: «Ура, ура! Где Балицкий Григорий Васильевич?» Подняли сонного меня и стали качать и поздравлять меня со званием Героя Советского Союза. Не только поздравляли радисты, а и партизаны.

30 марта 1943 года. Рано утром пошел в штаб соединения, здесь узнал, что [у] Алексея Федоровича Фёдорова (нач. соединения) день рождения, т[о] е[сть] Фёдоров именинник. Поздравил его с днем рождения. Выпить нечего было, но перспектива в этом была. Не успел прийти в отряд, которого командиром являлся, как приезжает верховой из соединения Механика[416] с просьбой, чтобы приехал в отряд им. Сталина — соединения Мельника. Приезжаю в отряд, там застаю тт. Фёдорова, Рванова, Шеремета[417] и других, оказывается, что Механик и командир отряда им. Сталина соединения Мельника[418]. Здесь было ведро самогона и несколько литров спирта 96 градусов. В 17.00 Фёдоров пригласил меня и моих командиров рот к себе пообедать. Обед начался, пили, веселились, были танцы, песни, анекдоты и прочее.

7 апреля 1943 года. С 17.00 6 апреля на 7-е сделали большой марш, прошли через следующие населенные пункты: Лукьяничи, Моклице, Кориневка, Октябрь, Оленичи, Петровск, Тупивщина, Буда-Пульгович, Кохи. В 9.00 вместе с Фёдоровым поехал к Колпаку[419] (ком. партизанского соединения). Встреча была исключительно хорошая. Сам Колпак редкозубый, хитрый и шутник, похож на цыгана. Колпак — подлинный герой, народный рыцарь. В часов 12 дня собрались четыре Героя Советского Союза — Фёдоров, Колпак, Наумов[420] и я. Пили, гуляли и, наконец, начался бой на реке Припять.

9 апреля 1943 года. Рано утром Фёдоров вызвал меня в штаб. Было предложено ехать в часть соединения Наумова — Героя Советского Союза. В часть выехали нас три Героя — Фёдоров, Колпак и я. Со своей свитой. Эх! И погуляли крепко, было очень много самогонки и хорошей закуски.

2 мая 1943 года. Сегодня и вчера с утра был приглашен Фёдоров на завтрак и обед. Была самогонка и хорошая закуска. Тов. Фёдоров все время танцевал. Вечером организованы были различные танцы и игры. Все это хорошо, но плохо то, что несколько десятков дней не ведем боя с противником, не разрушаем ж[елезно]д[орожные] пути и не пускаем эшелонов под откос. Чертовская скука без боя. Когда ведешь бой и уничтожаешь фашистскую гадину, веселей становится, получаешь удовлетворение, наслаждение, но самое главное — выполняешь долг перед Родиной своей. Черт возьми, засиделись в этих лесах.

11 мая 1943 года. С утра стало хмарно наступать, стал дождик крапать, и вот в это время меня вызывают в штаб соединения, сам не знал чего, оказывается, Фёдоров стал угощать самогонкой, короче говоря, был приглашен на завтрак. После завтрака пошли с Фёдоровым и Рвановым Митей рыбу глушить на реку. Наловили рыбы примерно килограммов пять, хороший обед был со своей рыбой. И так прошел день — выпивка и закуска свежей рыбой.

18 мая 1943 года. Тов. Чижова в 4.00 отправил на хозяйственную операцию[421]. В 9.30 час. завтракали с тов. Фёдоровым — была самогонка и неплохая закуска.

5 июня 1943 года. Было приказано выехать на аэродром и вылететь [из Москвы] в тыл противника, группа подготовилась, но изменилось положение — погода ненастная. Пришлось отложить это дело. Ночью же пришлось погулять, водки достали 20 литров и 20 лит. спирту. Гуляли крепко. Попартизански. Сегодня также был у девушки Лидии. Сегодня у Лиды были Танюша, Алёнка, Оля, Полина и Роза. Гуляли, поздно пришлось задержаться у Лидуси лишь потому, что не было ночного пропуска.

17 июня 1943 года. <...> А в 10.00 тов. Фёдоров прислал связного с донесением немедленно явиться в штаб. Я быстро стал собираться. Сам себе думал. В чем дело, зачем вызывают. Все торопился, спешил, оказалось, что тов. Фёдоров обедает с чаркой и решил пригласить меня. На обеде присутствовали ком. бригады и его заместитель тов. Ботя[422] (сам поляк) из местных отрядов. Пришлось маленько выпить. За обедом тов. Рванов (нач. штаба соединения) подал тов. Фёдорову приказ для подписи, но тот категорически отказался подписывать. Все это явилось результатом того, что тов. Фёдоров был крепко выпивши. В 17.00 часов приказ был зачитан. Суть этого приказа была по нашему дальнейшему маршруту. В 20.00 часов двинулись на марш.

27 июня 1943 года. С самого утра поехал [осматривать] и заставы и оборону, которую занимает 1-й батальон. В часов 9.00 тов. Фёдоров вызвал меня к себе и сказал, что он выезжает в местный отряд, а я остаюсь за него. Когда все выехали в гости, я совместно с тов. Милейко[423] выехал [ко] всей обороне части 0015 (соединения). В процессе проверки оказалось много недостатков в занимаемой обороне нашей части. 7-й и 3-й батальоны не окопались, а 7-й батальон занял оборону в 25–30 метрах от своего расположения. Правда, эта ошибка была на месте устранена, и оборону 7-го батальона пришлось выбросить на высоту по направлению дер. Озерцо. Почти такое положение было и в 5-м батальоне. Застава была выставлена почти возле самого лагеря. Вечером обо всем этом было доложено тов. Фёдорову. Из гостей все командование приехало пьяное, даже комсомолка Мария Коваленко[424] приехала крепко выпивши, Г. Г. Кудимов[425] — секретарь парткомиссии и Рванов — нач. штаба части № 0015 были в дрезину пьяные. Как только приехали, так положились спать. После того, как было доложено о состоянии занимаемой нами обороны, я пошел в санчасть проведать своих раненых. Так прошел день 27 июня.

28 июня 1943 года. Ночь была чертовски холодная. Пришлось замерзнуть и даже кашлять. С утра пошел в штаб части, там как раз завтракали, было много частей, завтрак сопровождался водкой. Часть понапивалась до потери сознания. Сам тов. Фёдоров пошел с гостями по батальонам и стал проверять станковые и ручные пулеметы, а также автоматы. Все бойцы, которые не знали, в чем дело, поднялись по тревоге. И это и неудивительно, что поднялись по тревоге, потому самому, что были даны длинные очереди со станковых пулеметов, что просто ужас один, не так ужас оттого, что такое количество патронов выпускалось бесцельно, напрасно. Всего выпущено патронов со всех видов оружия больше 1500 шт. Это просто преступление, напрасно выпускать такое количество патронов. Сейчас выпускаем такое количество патронов без цели, а придет время, что не будет патронов для того, чтобы уничтожить фашистскую гадину. Очень плохо действуется. Конечно, это все делается в результате пьянки. Ну, что я, старшему начальнику ничего не скажешь, несмотря на то, что даже глупость делает...

29 июня 1943 года. Ночь и день прошли спокойно, нормально. Правда, с самого утра пришел тов. Фёдоров в расположение 1-го батальона (имени тов. Сталина). С ножом в руках, обрезал неснятые палатки, в том числе была обрезана палатка моего комиссара тов. Кременецкого[426]. После такой небольшой проверки тов. Фёдоров пригласил меня к себе на завтрак. Завтрак был исключительно хорош. Был спирт, закуска, жареные грибы, вареные яички, молочная каша, но нельзя забывать и о таком блюде, как жареная свежая рыба.

9 августа 1943 года. В 2.00 час. на заставе 3-й роты поднялась стрельба, оказалось, что огонь вели по группе тов. Коновалова. Коновалов прибыл. Очень много рассказал о делах части. Привез письма, в которых указывается, что 7-й батальон подорвал 30 поездов, тов. Попудренко убит, Пасынков[427] также убит (был пьян).

22 сентября 1943 года. С утра получил тол и другое имущество, стал готовиться к выходу в район своего действия. Сначала решил подготовить лошади, повозки, но быстро это перерешил и стал готовить две подводы. День 22 сентября продолжался и сопровождался выпивкой, но это и неудивительно, так как день был прощальный[428]. Каждый командир, боец-партизан старался угостить, при выпивке и за обедом, каждый старался вспомнить свою историю о партизанской жизни, о своих подвигах.

28 сентября 1943 года. Тов. Кременецкий почти целую ночь пьянствовал с горя. Утром также был пьян, ходит по всему отряду и всех шуточно бьет, все прощается. Не раз подходил ко мне и говорил: «Я Вас любил, еще не имел такого командира хорошего, как Вы, хотелось работать с Вами, ну, что же, по-видимому, некоторым не понравилось, что мы с Вами так хорошо работали, я должен сказать, что о Вас никогда не забуду». На память тов. Кременецкому подарил пистолетик.

2 октября 1943 года. Поздно вечером возвратилась 1-я рота с хозяйственной операции, которая производилась в с. Омелено. Из операции привезено пудов 80 муки, 50 голов крупного рогатого скота и более 150 штук овец. Нужно сказать, что старшина батальона тов. Ковеза и старшина 2-й роты Арендаренко напились, как сукины сыны, и шухарили, как не следует делать партизанам[429]. За неправильное поведение обоим им объявлен выговор с предупреждением. Хотел выгнать к чертовой матери, но учел то, что за ними не было никакого замечания, решил оставить на прежней работе.

9 октября 1943 года. В часов пять прибыл Платонов со своей группой из задания. Платонов доложил, что задания не выполнил, кроме этого, убит командир диверсионного взвода тов. Лавриненко. Стал уточнять: почему не выполнили приказа и почему потерял убитым тов. Лавриненко? Оказывается, что тов. Платонов, несмотря на неоднократные мои предупреждения, он во время выполнения боевого задания — напился, в результате пьянки провалил операцию. Тов. Платонов не первый раз уже проваливал боевое задание. Во время выполнения боевого задания был пьян не только т. Платонов, а и его командиры взводов — Никитин напился до потери

сознания, Кришханов и другие. Пришлось принимать самые строгие меры. Платонова снял с должности командира 3-й роты, Никитину объявил выговор, Дубинину[430], всех остальных предупредил.

15 октября 1943 года. Сегодня приехал тов. Медведев[431] со своей свитой. Все каялся передо мной, что мне неправильно информировали — его отношение ко мне <...> Целый день почти пьянствовали в связи с приездом тов. Медведева. Водка была его. У меня ее нет, и никогда не водится.

22 октября 1943 года. В 9.00 час. подошел тов. Медведев со своим отрядом, расположился севернее моего отряда. Почти весь день пили. У Медведева до черта самогонки, у него имеется свой аппарат...

28 октября 1943 года. С самого раннего утра начал заниматься разведкой. Пришлось снова брать в оборот тов. Зубко[432]. Выяснилось, что он специально посылал разведчиков за самогонкой, а не по делу. Вместо дела он вместе с бойцами занимался пьянкой. Сегодня послал тов. Зубко и всю разведку в населенные пункты Бересцаны, Олько и Городище с целью организации и расширения агентурной сети.

31 октября 1943 года. Ездил к Медведеву: ох и окопался, черт побери — вроде собирается жить в этих землянках не менее пяти лет. Я из этого не удивляюсь, делать ему нечего, а поэтому нужно чем-нибудь занять людей. Отряд у него 800 человек, а работает на агентурной работе не больше 50–60 человек.

3 ноября 1943 года. Был в гостях у тов. Карасёва Виктора Александровича[433], со мной ездил и тов. Прокопюк[434]. В часа два приехал тов. Медведев и его заместитель по контрразведке тов. Лукин[435]. Погуляли неплохо, договорились о совместной борьбе [с] немецкими извергами...

7 ноября 1943 года. В 15.30 поехал в гости к Медведеву. Немножечко погуляли, и я поехал с тов. Прокопюком к себе в лагерь.

12–14 ноября 1943 года. Живем в с. Бяле. Жизнь протекает нормально. 14 ноября уехал вместе с тт. Медведевым, Прокопюком, Карасевым и Лукиным к тов. Фёдорову. Ехали по маршруту — Млынок, Борова и Кунецкая Воля. В 19.00 час. прибыл в лагерь тов. Фёдорова. Прием был исключительно хорош.

20 ноября 1943 года. Сегодня пришлось крепко ругать командира и политрука 3-й роты, которые поехали в хутор Слободка и организовали выпивку. Тов. Назарова снял с должности командира роты. Широкого также снял с должности командира 2-й роты. Вместо тов. Широкого назначен командиром тов. Циркуненко Василий. Широкого[436] снял за пьянку и самодурство, а также за избиение бойцов.

25 ноября 1943 года. В 12.00 час. уехал тов. Фёдоров со своей свитой к Медведеву и Прокопюку в с. Вел. Денисовичи. Я с группой разведки провожал своего боевого командира Алексея Федоровича Фёдорова. У тов. Медведева пришлось заночевать, так как Фёдоров также остался ночевать, погуляли очень хорошо. Ночевал у тов. Прокопюка, также ночевал Володя вместе с Марусей[437] — это дело их, личного характера.

8 декабря 1943 года. Командир разведки тов. Ганжа доложил, что бойцы 2-й роты Никишин, Шорий и Лепёшкин, которые были в с. Привитовка, мерзавцы напились и стали стрелять. Очень печально — крестьянин накормил, напоил, а они стали стрелять в квартире. Лёва Кузкин[438] стал стрелять по ульям. Не успели эти чудачки приехать в лагерь, я их арестовал и посадил под строгий арест.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА БЫВШИХ ПАРТИЗАН СОЕДИНЕНИЯ им. БУДЕННОГО В. Г. БУСЛАЕВА И М. СИДОРЕНКО наркомун госбезопасности УССР С. Р. САВЧЕНКО О ПОВЕДЕНИИ ПАРТИЗАН СОЕДИНЕНИЯ[439]

12 мая 1944 года

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ Тов.
САВЧЕНКО[440]

Мы, члены партизанского отряда им. «За Киев», Буденновского соединения БУСЛАЕВ Василий Григорьевич и СИДОРЕНКО Михаил[441], влились в указанный отряд в феврале м-це 1944 года в районе г. Луцк, Волынской области. До этого были в группе «БОГДАНОВИЧА»[442]. По пути движения нашего отряда, личный состав отряда, помимо выполнения своих прямых задач, имел большие недостатки, как-то: грабежи, мародерство мирного населения и насилие над женщинами.

Примеры:

1. При переходе через город Горохов, Волынской области, старшина отряда МЕЗЕНЦЕВ Анатолий Гаврилович[443] напился пьяным и избил ручкой нагана до потери сознания двух неизвестных граждан.
2. В с. Майдан-Гута, Мизочского района, Волынской области, партизан МИХАИЛЕНКО Анатолий ограбил старика и забрал ненужную ему женскую одежду. На замечание ему он ответил, что отвезет жене или пропьет.
3. На расквартировании в селе Голыбисы, Шумского района, Волынской области, старшина МЕЗЕНЦЕВ в пьяном виде избил прялкой двух девушек, требуя от них согласия на сожительство.
4. В селе Дубовцы, под Тарнополем, была изнасилована женщина в возрасте 40–45 лет партизанами ГАРДАНОВЫМ, ПАНАСКЖ, МЕЗЕНЦЕВЫМ, ком. отряда БУБНОВЫМ и др. Фамилия пострадавшей неизвестна.
5. В селе Верхобуж, под Бродами, старшина МЕЗЕНЦЕВ пытался изнасиловать девушку. Она не соглашалась. Тогда он, МЕЗЕНЦЕВ, взял девушку и ее мать 65 лет, вывел на улицу ночью и под страхом оружия требовал их согласия. Поставил к стене и стрелял из автомата над головами, после чего изнасиловал старуху 65 лет. Фамилия пострадавшей неизвестна.
6. В одном селе, названия не помню, под г. Снятином, старш. МЕЗЕНЦЕВ, напившись пьяным, вынул пистолет и пытался изнасиловать девушку, которая убежала, тогда он изнасиловал бабушку ее, которой было 60–65 лет. При проверке этой квартиры было обнаружено много коммунистической литературы. По утверждениям соседей, сын этой старушки был учителем и членом Коммунистической партии, за что арестован и расстрелян немцами. Другой сын в Красной Армии, взят по призыву 1940 года.
7. Командир взвода БУБЛИК Павел сам лично и на это подговаривал бойцов, занимался продажей лошадей за водку, которых перед отъездом забирал обратно. Примерно, был случай в с. Раковчик, под Делятином, и под Борщевым. Систематически пьянствовал, делал самостоятельно незаконные обыски и требовал водку у населения. Делал это всегда с оружием в руках, стрелял в квартирах, запугивал население.
8. В с. Бискив (в Карпатских горах) в квартире штаба соединения поваром штаба (фамилию его не знаю) были прострелены окна, кухонная посуда и потолок за то, что хотел изнасиловать хозяйку, но она убежала. После этого справился на столе.

9. Там же, в с. Бискив, партизанами отряда «КАРМЕЛЮК» ограблена женщина — вдова, у которой забрали все вещи, разбили шкаф и сундук. О действиях этих лиц было известно командованию, но последнее не обратило внимания.

10. В с. Маринычи (Карпатские горы) в центре расположения соединения ограблена квартира одного хозяина, забраны вещи и убита поросная свинья. На жалобу хозяина в штабе соединения не обратили внимания.

Как общий вывод.

Несмотря на целый ряд фактов безобразий со стороны командования отряда мер никаких не принималось, а факты росли все с большей силой.

29 апреля 1944 года в с. Луковчах по инициативе нескольких сознательных людей было созвано совещание комсостава отряда по вопросу дисциплины. На совещании говорили, разошлись, а мародерство, грабеж и насилие над женщинами продолжалось дальше и безнаказанно. На всем своем пути движения лошади менялись в каждом населенном пункте, так как пьяницы безжалостно и бездельно в разъездах за водкой загоняли лошадей до непригодности. Многие за два с половиной месяца ухитрились замучить по 10–12 лошадей. Грабежи проводились, обыкновенно, при обысках под предлогом — нет ли «шпионов» или «бандеровцев»[444], а осмотру, обыкновенно, подвергались такие места, где могли быть часы или другие ценности. Такие вещи, как часы, бритвы, кольца, дорогие костюмы, просто безоговорочно отбирались.

О приближении нашего партизанского соединения население обыкновенно знало за 30–40 км. И в последние дни можно было встретить села, оставленные с одними стариками, или совсем пустые дома. При расспросах у населения, почему они разбегаются, объясняют положение следующим: «Мы Красной Армии не боимся, а боимся тех, которые одеты в штатское, так как они сильно грабят, насилуют женщин и избивают невинных людей».

Такие общие невыносимые недостатки, как в отряде, так и в целом соединении.

Тов. Нарком! Сообщая о вышеизложенном, просим принять меры и не дать возможности в дальнейшем позорить традиции советских партизан.

Б[ывшие] члены партизанского отряда «За Киев» соединения им. БУДЕННОГО.

БУСЛАЕВ Василий

СИДОРЕНКО Михаил.

В настоящее время прикомандированы к Вашкивскому РО НКВД, Черновицкой области. 12

мая 1944 года

с. Вашкивцы

ВЕРНО:(подпись) Из.

17. [неразб.] 44

ГЛАВА III. ОДЕССА

Евгений Тверской Румынская оккупация области между Бугом и Днестром в 1941–1944 годах и ее политические и экономические черты[445]

Область, находившаяся между Днестром и Бугом, была оккупирована румынской армией в 1941 году[446]. Еще до исхода войны эта провинция[447] во главе с главным городом Одессой вошла в состав Румынского королевства под названием Транснистрия (в переводе с румынского это означает «Заднестровье»). Транснистрия являлась, т[аким] о[бразом], подарком Гитлера маршалу Антонеску[448] за утрату Трансильвании, переданной румынами Венгрии[449], и Добруджи[450], уступленной Болгарии.

Аннексию Транснистрии румынские государственоведы пытались оправдать, как это ни кажется парадоксальным, ссылкой на «мудрую» конституцию Сталина, признавшую существование «Молдавской республики»[451], т. е. наличие провинции за Днестром с коренным румынским населением. Не обошлось, конечно, и без «исторических экскурсов». Нашлись «историки» вроде академика Чебана[452], утверждавшего на основании «исторических» памятников, что Транснистрия входила «когда-то» в «Молдавское княжество» (?). Однако не все румынские политические деятели оправдывали правительственную точку зрения. [Некоторые], напротив, резко осуждали аннексию Транснистрии. Во главе последних стоял лидер Национал-царенистской (крестьянской) партии Юлий Маниу[453], резко критиковавший действия правительства маршала Антонеску. Однажды на собрании Ю. Маниу бросил фразу: «Румынам вообще не везет с “транссами” (намек на потерю Трансильвании), а за Транснистрию мы все поплатимся своими головами!» И действительно, Ю. Маниу поплатился. Он был отправлен в кадет и просидел там до переворота в Румынии[454]. Затем он был избран вице-председателем Совета министров, а потом коммунистическое правительство Петра Гроза[455] снова отправило его в кадет, где он и умер от истощения в возрасте 72 лет.

Однако признание Транснистрии частью Румынского королевства пошло на пользу (тоже как будто парадокс) туземному, т. е. бывшему советскому, населению. Румынские оккупанты чувствовали себя, так сказать, стабильными хозяевами и, не в пример гитлеровским пришельцам, не разоряли хищнически занятой области, но напротив — стремились всячески восстановить ее хозяйство и т[аким] о[бразом] поднять экономические ресурсы населения. Такое решение далось не сразу, и осуществление его обошлось не без внутренней борьбы среди самих оккупантов. Часть высшей администрации яркой нацистско-гитлеровской ориентации, вроде директора пропаганды профессора] Херсени[456] и некоторых военных, считала себя «победительницей», а население — «завоеванным», называя его с пренебрежением «локальнич» («локальници» — туземцы, т. е. почти то же, что гитлеровские «остовцы»). Напротив, другая часть высшей администрации придерживалась противоположной точки зрения, а именно: родившиеся в Транснистрии суть румынские граждане — «ромьнь транснистриень» («романи транснистриени»), и [они] не «завоеваны», а освобождены и поэтому должны пользоваться правами наравне со всеми румынами. Эту группу составляли главным образом бессарабцы во главе с известным политическим деятелем Германом Пынтя[457], назначенным на пост городского головы Одессы. Профессор] Алексиану[458], губернатор Транснистрии (сам уроженец Буковины), поддержал, если не официально-декларативно, то, во всяком случае, фактически, бессарабскую группу. В этой поддержке основную роль, конечно, сыграли успехи по восстановлению городского хозяйства, достигнутые Г. Пынтя и его сотрудниками и оказавшиеся возможными лишь при правильном политическом курсе по отношению к местному населению.

Перейдем к населению. Население, конечно, меньше всего интересовалось проблемой Транснистрии. Его лозунгом, как и всякого подсоветского гражданина, было: «Мы хотим жить», т. е. жить сытыми и свободными. Эту психологию учла бессарабская группа. Оно и понятно, т. к. в большинстве случаев бессарабцы — люди русской культуры. Без сотрудничества, поддержки и труда самого населения ничего не восстановишь — это было ясно и бессарабцам. Поэтому методы принудительного «сталинского» труда и «стахановщины»[459], равно как и методы «остовского» труда[460] по рецептам Гитлера, были администрацией Транснистрии признаны негодными.

Нормальная жизнь в Транснистрии восстанавливалась постепенно. Слишком тяжелое наследство оставили бывшие хозяева. Одесские городские предприятия, как-то: водопровод, электрическая станция и мн[огие] др[угие] — были взорваны. Продовольственные склады повсюду сожжены. Подъездные пути испорчены. В порту царил хаос, во входах в гавань торчали мачты затопленных пароходов. Некоторые здания были ликвидированы и взорвались при участии «пятой колонны»[461]. Самым ужасным был взрыв (22 октября 1941 года) бывшего здания НКВД, в котором происходило заседание смешанного германско-румынского военного совета. Почти все участники совещания погибли, а за совершенное злодеяние ответило много ни в чем не повинных людей, которых расстреляли только потому, что они находились возле здания[462]. На фоне этой ужасной декорации население голодало и холодало, но терпеливо ожидало наступления лучших времен. «Эпоха военного коммунизма» — так окрестили одесситы первые месяцы хозяйничанья оккупантов — пройдет, и настанут лучшие времена. Приходится удивляться, сколько терпения и такта было проявлено со стороны местного населения. И оно в своей надежде на лучшее не ошиблось. Румыны не вывозили, а ввозили продукты питания.

В первую очередь румынами были отремонтированы церкви, а на колокольнях водружены колокола[463]. Этим самым подчеркивалась идея «крестового похода против коммунизма», как называли официально румыны войну с СССР. Затем начались другие работы по восстановлению городских предприятий. Сначала рабочие, а потом и крестьяне Транснистрии без всякого принуждения со стороны администрации начали охотно и интенсивно работать, потому что увидели, что работа оправдывается. Заработной платы, варьировавшейся от 4 до 7 марок в день при 8-часовом рабочем дне, хватало на жизнь. Городской и сельской администрацией была организована сеть кооперативов, в которых можно было получить по карточкам паек. Этот паек был вполне достаточен. Он во много раз был больше немецкого пайка в Германии, не говоря [уже] об «остовском» или советском. Укажу, на одного рабочего полагалось в один месяц: жиров — 1/2 кг (сливочного масла или свиного смальца) и 1 литр масла постного; сахару — 2 кг; по несколько кг белой муки, макарон и круп (в среднем 5–6 кг); 2 кг мяса; 1/2 литра водки и 300 штук папирос; хлеба — по 1 кг в день. Интересно отметить, что наряду с правительственными кооперативами новой властью была объявлена свобода торговли. И всякий желающий в городской управе или сельской коммуне мог получить «лицензу»[464] на открытие торгового заведения. В эту тяжелую эпоху военного времени, эпоху доктрин автаркии и полицейско-экономических ограничений одесское городское самоуправление, а вслед за ним и все прочие учреждения Транснистрии не побоялись бросить лозунг свободолюбивых физиократов: «Laissez faire — laissez passer». И они не ошиблись — население не нужно было кормить. Оно само кормилось.

Уже весной 1942 года Одесса стала неузнаваемой и была полна всевозможных товаров[465]. Твердых цен на вольном рынке не существовало, но они все-таки стабилизировались, потому что созданные муниципальные магазины эти цены как-то регулировали. Укажу, например: 1 кг сахару по карточкам стоил в кооперативах 3 марки, а в муниципальном магазине без карточек тот же сахар стоил 20 марок; сливочное масло по карточкам (1 кг) — 6 мар[ок], без карточек —

30 мар[ок]. Папиросы по карточкам (100 шт.) — 4 марки, без карточек (20 шт.) — 1 марка[466]. По этим коммерческим ценам в муниципальных магазинах можно было покупать товары в любом количестве[467]. Таким образом, частник, желавший торговать, не мог поднимать цен выше тех, которые диктовались муниципальными магазинами. Из вышесказанного видно, что одесский муниципалитет предвосхитил бельгийскую послевоенную так называемую экономическую политику азарта. В Одессу потянулись и крупные румынские коммерсанты из Бухареста и Галаца.

Они открыли большие мануфактурные магазины и дали, таким образом, бывшему подсоветскому населению то, что оно при сталинском режиме не только не имело, но и не видело. Румыны привезли в Одессу и сельскохозяйственный инвентарь, [в котором] ощущалась острая потребность в деревне. И — чудо — бывший колхозник повез в город сельскохозяйственные продукты, потому

что, продав их, он мог купить себе лопату, косу и грабли, рубаху и штаны, сапоги и галоши и даже шляпу и часы. Базары начали ломиться от всякой деревенской снеди и живности.

Аграрной реформы в Транснистрии проведено не было, но губернаторство выпустило указ, согласно которому крестьянам, желавшим выйти из колхозов, разрешалось перейти на самостоятельное отрубное хозяйство. Благодаря такому указу, многие колхозы по постановлению «мира» самоликвидировались. Промышленность Транснистрии (фабрики и заводы, насчитывавшие более ста рабочих) находилась в ведении губернаторства и частично городских самоуправлений. Необходимо отметить, что в число членов городских управ, назначавшихся губернаторством, должны были обязательно входить представители местного населения. Выше мы касались роли рабочих и крестьян в восстановлении хозяйства Транснистрии на новых началах. Труженики интеллигентных профессий: врачи, учителя, адвокаты, инженеры, чиновники, моряки, служители искусства — также внесли лепту по своей специальности в общее дело восстановления[468]. Были восстановлены в полном объеме и снабжены необходимыми медикаментами и инструментами городские больницы. Возобновились занятия в средних и начальных школах с изменением программы — уничтожение во всех видах «политграмоты» и введение обязательным предметом в средних и начальных школах Закона Божьего, а в университете — богословия.

Полностью был восстановлен Одесский университет, ректором которого был избран известный на весь юг России хирург, профессор Часовников. (После оставления румынами Одессы профессор] Часовников переехал в Бухарест, где получил право частной практики. При смене режима профессор] Часовников был выдан советским властям, каковые его отвезли обратно в Одессу и там же повесили[469].) Студенты последнего курса имели возможность при новой власти закончить свое образование и получить дипломы, которые были признаны румынским правительством дипломами румынских университетов, несмотря на то, что преподавание в Одесском университете велось на русском языке. Одесские адвокаты, объединившись в Союз (бюро), имели право выступать защитниками в военных трибуналах и иных судах. Инженеры нашли применение своим знаниям и опыту в многочисленных городских предприятиях. Многие из них остались на тех же заводах и фабриках, на которых они работали и при советской власти. Большинство чиновников получило работу в городских учреждениях и городском транспорте.

Одесские моряки работали по специальности в порту и по навигации. Лоцманская служба была доверена также бывшим советским лоцманам. Между прочим, последние оказали неоценимую услугу по очистке гавани от поставленных большевиками мин. Ремесленники, как-то: сапожники, портные и портнихи, парикмахеры, слесаря, механики и т. п. — получили возможность открыть собственные предприятия и работали, главным образом, для себя, а не на «государство», как это было при Советах. Короче говоря, всякий, кто хотел работать, работу имел и от труда рук своих или головы мог существовать и спокойно жить, забыв о «черном вороне». Неработающие лишались права на паек, а кроме того, для них существовали «трудодни» по «Положению о трудовой повинности в Транснистрии». Граждане неработоспособные и престарелые получали денежное вспомоществование из городской управы с правом на продовольственный рабочий паек. Не единым хлебом жив человек. Необходимы зрелища. И во всем блеске была восстановлена Одесская городская опера. Директором оперы был назначен хорошо известный старым одесситам, бывший когда-то первым тенором Селявин[470] (при большевиках он получал крохотную пенсию, влача полугодовое существование). Слава об Одесской опере перекинулась и за Днестр. Много румын, да и немцев также, приезжало в Одессу, чтобы послушать «Бориса Годунова», «Евгения Онегина», «Кармен» и посмотреть балеты «Лебединое озеро», «Спящая красавица» и др. Так же, как и университет, полностью была восстановлена Одесская консерватория[471], директором которой была назначена известная певица Лидия Липковская (уроженка Бессарабии и в прошлом первая певица Мариинской императорской оперы в Санкт-Петербурге)[472].

Известный русский артист Василий Вронский[473], эмигрант, уроженец Одессы, открыл в бывшем собственном театре «Театр русской драмы и комедии», местный опереточный актер Анчаров — «Русскую оперетту». Группа бывших советских актеров, переехавших из Крыма и Киева, открыла «Романтический театр». Культурная секция губернаторства при содействии местных сценических деятелей создала детский театр, во главе которого стояла известная русской колонии Мюнхена режиссер Р. М. Раневская (в настоящее время живет в Бразилии). Известный исполнитель цыганских романсов, уроженец Бессарабии и владелец ресторана в Бухаресте Пётр Лещенко[474] отремонтировал бывшую «Северную» гостиницу под ресторан-кабаре, в котором сам и выступал. В Одессе выходило две ежедневные газеты — «Молва» и «Одесская газета», в которых работали бывшие советские журналисты[475].

Дав сухую хронику того, что было в румынской оккупационной зоне, мы менее всего склонны идеализировать оккупационную власть. Конечно, далеко не все было гладко. Существовали коррупция, взяточничество и незаконные деяния румынской полиции и «сигуранцы» (политическоуголовный розыск). Но разве их не было и в самой Румынии?! Однако эти прискорбные факты являлись лишь отклонениями от основной политической линии, проводившейся румынской оккупационной властью. И советское население, прожившее три десятилетия под сталинским террором, великодушно прощало эти отклонения оккупационной власти. Более того, между населением и новой властью установилось взаимное доверие и полный контакт в созидательной работе. Не было зарегистрировано ни одного акта саботажа, несмотря на то, что директорами многих фабрик и заводов являлись бывшие советские инженеры, например, на городской электрической станции, кожевенном, маслособойном, водочно-ликерном и пивоваренном заводах, портовом холодильнике и др., на железных дорогах, которые на 75 % обслуживались советскими железнодорожниками, не было зарегистрировано ни одного крупного крушения поездов.

В Одессу приезжали румынский король Михаил[476], его мать, королева Елена[477], маршал Антонеску, и не только не было раскрыто какого-либо заговора о покушении, но о такой возможности никто даже и не думал, несмотря на то, что высочайшие особы совсем запросто осматривали достопримечательности Одессы и посетили городскую оперу («Борис Годунов»), Что же касается городского головы Г. Пынтя, то он без всякой охраны и на удивление самих одесситов совершенно неожиданно около 6 часов утра, когда все чиновники еще спали, посещал городские базары и привозы и запросто беседовал с торговками, торговцами и колхозниками, интересуясь их нуждами. Г. Пынтя все знали в лицо и называли его просто Германом Васильевичем.

Установлению контакта между властью и населением способствовал один психологический момент. Бухарест посылал на административные посты Транснистрии главным образом бессарабцев ввиду того, что все они знали русский язык. Население же в бессарабцах увидело своих, т. к. большинство из них были люди русской культуры. В заслугу чиновников-бессарабцев надо поставить то, что они относились к населению не как бездушные «люди в футлярах», а как друзья, сочувствующие трагедии, переживаемой русским народом, и готовые поэтому подать ему руку помощи. И за грамм кислорода, полученный от новой власти, население Транснистрии, как мы видели выше, платило сторицей. Не только партизанского движения, но даже пассивного сопротивления оккупационной власти в Транснистрии не существовало[478]. Более того, слава о хорошей жизни между Бугом и Днестром перебросилась далеко за берега Буга, и в румынскую оккупационную зону бежали люди с Украины, так же как сейчас из советской зоны бегут в зону американскую. Центральное бухарестское правительство, учтя успехи политической линии, проводимой бессарабской группой, склонилось в сторону признания за уроженцами Транснистрии прав на румынское подданство и на этом основании потребовало от германского военного командования освобождения всех военнопленных — уроженцев Транснистрии. Это требование германское командование удовлетворило, а транснистрианцы, к своему великому удивлению, были отпущены по домам. Однако в румынскую армию их не завербовывали.

На особом положении в Транснистрии находились коммунисты. Рядовые члены коммунистической партии не имели права на работу в губернаторских и городских предприятиях, кроме того, еженедельно они должны были являться в соответствующий полицейский участок для получения визы на право проживания в данной местности. Активные члены компартии отбывали тюремное наказание с момента оккупации. Но летом 1943 года все они были собраны на Куликовом поле, и при огромном стечении публики командующий Одесским военным округом ген[ерал] Георгиу[479] отпустил их на волю с напутственным словом, в котором призывал их отказаться от коммунистической доктрины и начать новую и честную жизнь. Это событие произвело сильное впечатление на население всей Транснистрии и главным образом, конечно, на амнистированных. Интересно отметить, что отпущенные «активисты» сделались лояльными гражданами и даже не помышляли об организации партизанского движения.

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ III

СООБЩЕНИЕ ДИРЕКТОРА РУМЫНСКОЙ СПЕЦСЛУЖБЫ «СИГУРАНЦА» Е. КРИСТЕСКУ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ РУМЫНИИ Й. АНТОНЕСКУ И РЯДУ ДРУГИХ ЛИЦ О ЛЮДОЕДСТВЕ В ОДНОМ ИЗ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ ОДЕССКИХ КАТАКОМБ[480].

18 апреля 1942 года[481]

СОДЕРЖАНИЕ: Доклад специальной службы информации о подпольной и партизанской деятельности в Транснистрии и на других территориях СССР

[...]

Секретно

Сообщение

18 апреля 1942 года.

Группа партизан-людоедов

Одесский областной комитет Коммунистической партии организовал еще в августе месяце 1941 года группу партизан, предоставленную в распоряжение советского военного командования для ее использования со шпионскими и террористическими заданиями в тылу румынского фронта. Операцией руководили советские капитаны Фролов и Лемичик[482]. Эта группа первоначально состояла из 42-х человек, оснащенных необходимым обмундированием, оружием, боеприпасами и продуктами.

10 сентября 1941 года группа была выслана с заданием, но была засечена румынским патрулем, поэтому она отказалась от перехода линии фронта, возвратившись в Одессу. После этой неудачи в составе группы осталось 18 человек. В этом положении, когда возник вопрос об оставлении города Одессы советскими войсками, члены партизанской группы, оставшейся под руководством Солдатенко Александра[483], получили задание войти в Одесские катакомбы на улице Дальницкой № 47, с тем чтобы в данный момент выйти из города и принять участие в действиях в тылу фронта шпионскими и террористическими актами. В катакомбе они заблаговременно сложили продукты и большое количество ящиков с боеприпасами — примерно 6 тысяч винтовочных патронов, несколько ящиков с гранатами, 47 винтовок, 3 ручных пулемета, пистолеты и т. д.

Группа в катакомбе состояла из:

1. Солдатенко Александр, ныне мертвый и съеденный наполовину[484].

2. Малицкая Елена, жена Солдатенко, находится в том же положении, что и ее муж.
3. Николенко, расстрелянный Солдатенко.
4. Богушевский Михаил, арестован.
5. Колос Афанасий, арестован.
6. Мельников Иван, арестован.
7. Корней [может быть, Черней. — Прим. пер.] Леонид, арестован.
8. Буряк Леонтий, арестован.
9. Драчук Петр, арестован.
10. Быстрицкий, до сих пор не задержан.
11. Бялик, убитый и съеденный целиком.
12. Женя, его жена, имела ту же судьбу.

Эта группа должна была установить контакт с другой группой, оставшейся на поверхности.

С этой целью Черней Леонид трижды покидал катакомбу в течение первой половины ноября месяца 1941 года для того, чтобы встретиться с девушкой-связной. Однако они никогда не смогли встретиться, так что группа Солдатенко осталась изолированной. В дальнейшем, после того как власти предприняли меры к замурованию всех входов в катакомбы, находящиеся внутри потеряли любой контакт с внешним миром. Полиция пыталась 13 ноября 1941 года проникнуть в катакомбу, однако попытка не увенчалась успехом, т. к. группа была встречена огнем, и в результате был убит один полицейский. С момента замурования выходов из катакомбы и до февраля м-ца[485] 1942 года находящиеся в катакомбе не показывали никаких знаков жизни. Из последующих проведенных расследований установлено, что группа в катакомбе стояла перед двумя проблемами:

1. Отсутствие продуктов;
2. Желание некоторых партизан выйти из катакомбы и сдаться румынским властям, это намерение было решительно отвергнуто руководителем этой партизанской группы Солдатенко Александром, угрожавшим смертью любому, кто бы осмелился уйти.

Первая проблема была решена убийством Бялика и его жены, которые были разрезаны на куски, положены в бочки и засолены. Это продовольствие потреблялось некоторое время в виде борща и жаркого. Солдатенко, как руководитель, оставил для себя мозги расстрелянных. Это решение было принято Солдатенко на основании специфического большевистского критерия. Бялик и его жена не были членами этой группы и не были членами коммунистической партии. В определенный момент, когда кончались эти продукты, перед каждым встала проблема, кого следующего положить в бочку. Мысль покинуть катакомбу пустила корни. По этой причине несколько лиц считали себя более подходящими для первенства (в бочонок), поэтому 1 февраля 1942 года часть из них смогли прислать бдительность[486] Солдатенко и выйти через недостаточно хорошо замурованное отверстие. Эта первая группа состояла из: Мельникова Ивана, Чернея Леонида, Буряка Леонтия и Быстрицкого. Им удалось уйти из-под взгляда часовых, и они разошлись по домам. Будучи выданными соседями, они были арестованы полицией, кроме Быстрицкого, которого невозможно найти до сего времени.

Тем временем, другая часть группы пробует бежать. Для того чтобы быть уверенными в удаче, они решаются убить Солдатенко и его жену, что и было ими сделано, после этого они направляются к выходу. Они вынуждены возвратиться от выхода. Их встретила густая туча дыма, введенного в катакомбу властями. Группа принимает решение переждать несколько дней, чтобы рассеялся дым. Тем временем, так как у них нет продуктов, они решили съесть мускулы рук и ног Солдатенко и его жены. Когда стал возможным подход к выходу из катакомбы, они вышли и сдались властям. В составе этой группы вышли Богушевский Михаил, Колос Афанасий и Драчук Петр.

[...]

Начальник специальной службы информации, генеральный директор

Еуджен Кристеску Сообщено:

Председателю Совета министров,

Кабинету Министерства национальной обороны;

Генеральному штабу армии;

Министерству внутренних дел;

Губернатору Транснистрии;

Губернатору Бессарабии;

Генеральному управлению жандармерии.

ГЛАВА IV. СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ ОБЛАСТИ СССР

Русские и РОА в Пскове, 1943 год[487]

Помимо листовки с текстом обращения генерала Власова[488], неведомым путем попавшей [к нам] в руки, никаких других сведений о РОД[489] тогда[490] во Пскове не было. Связи с Власовским комитетом не было, связи с Берлином не было, не было также ни печатных материалов о РОА, ни директивных указаний. Газета «Заря»[491] еще не была знакома псковичам, а «За Родину»[492] упорно обходила молчанием все, что касалось РОД. Офицеры РОА, бывшие во Пскове, были таковыми лишь по названию, а в действительности их никто в офицеры РОА не производил. Все это очень мешало и усложняло деятельность ИГ[493].

Сбор пожертвований

После собрания 12 марта положение главы ИГ[494] несколько упрочилось. «Оппозиция» на время поджала хвост[495], и в ИГ, казалось, воцарилось до того невиданное согласие. После того как собрание 12 марта вынесло «вотум доверия» РОД, члены ИГ горели желанием расширить деятельность группы и от словесных разглагольствований перейти к делу. Однако «незаконность» существования группы[496] весьма ограничивала возможности практической деятельности, и ИГ решила для начала ограничиться таким лишь «мелким» делом, как сбор пожертвований на подарки русским добровольцам[497]. Однако это доброе начинание неожиданно приняло масштабы большого патриотического дела, вылившись в яркую демонстрацию народной любви к своим воинам.

Кампанию по сбору пожертвований возглавляли две женщины, Л.[498] и П.[499], причем если первая из них искала в этом деле себе лавров и почета, то вторая в действительности всерьез отдалась благородному делу помощи родным русским воинам (эта П. в свое время явилась главой организации молодежи, явившейся из землемерного училища к Х.[500] с просьбой использовать их в работе ИГ. П. оказалась очень дельной и умной девушкой и, следует признать, принесла немало пользы РОД своей деятельностью. Позже она перешла работать в редакцию журналисткой и писала серьезные статьи под псевдонимом «В. Александрова»). П. подняла на ноги молодежь, составив из нее несколько групп, которые двинулись с подписными листами по городу. Сбор пожертвований оказался чрезвычайно успешным, и конечная сумма пожертвований достигла, если мне память не изменяет, суммы 80 тыс. рублей. Особенно значительным оказался вклад купечества. Каждый из них жертвовал не менее 500-1000 рублей. Однако более показательным было отношение трудового населения. В редакцию газеты приходили простые люди — рабочие, служащие, домашние хозяйки, молодежь, старики. Порой разыгрывались трогательные, волнующие сцены. Так, однажды в редакцию пришел старик нищий и принес семьдесят с чем-то рублей — все, что он имел — и отдал эти деньги, а к ним в придачу три нательных креста, заявив, что он просит передать эти кресты русским добровольцам. «До тех пор, пока они будут честно служить своему народу, эти кресты будут оберегать их от пуль, потому что эти кресты — чудотворные кресты», — сказал старик. Затем он пришел еще раз и опять принес небольшую сумму денег.

На собранные деньги были приобретены подарки для русских добровольцев[501]. Во время пасхальных дней специальная делегация из трех человек во главе с П. отвезла эти подарки в район Дно и вручила их солдатам русской добровольческой части, стоявшей там[502]. К подаркам были приложены письма от жителей Пскова. Простые, недорогие подарки были приняты добровольцами с глубоким волнением: всех растрогало это внимание жителей Пскова и Псковского района к русским солдатам-добровольцам[503].

Известную сумму ИГ оставила в своем распоряжении на случай возможных расходов. Эти деньги легли в основу денежного фонда ИГ, все время пополнявшегося в дальнейшем опять-таки за счет добровольных пожертвований.

Пасха в Пскове

Во Пскове ИГ организовала на Пасху угощение для добровольцев отдела пропаганды. На этом угощении присутствовали представители городского управления[504] и члены ИГ, и, таким образом, это празднество превратилось в своего рода «смычку» между добровольцами и гражданским населением. На этой встрече присутствовал также Экзарх Сергей[505], который обратился к собравшимся со словом, в котором было немало связано с необходимостью борьбы с большевизмом.

Жалобы

ИГ пользовалась столь значительным авторитетом среди псковичей, что в редакцию газеты[506], которая фактически являлась штабом ИГ, приходили люди со своими заботами. Одни просили совета, другие — помощи, третьи жаловались на немцев. В последнем случае речь шла об истязаниях рабочих. Х. приложил все усилия, чтобы этим жалобам был дан дальнейший ход, считая делом престижа ИГ, чтобы виновники истязаний были наказаны. В одном случае, тогда, когда виновником был признан поляк-переводчик, справедливость восторжествовала, а зло было наказано. Вторая жалоба осталась без последствий, так как было установлено, что поркой рабочих занимался мастер-немец.

Большое событие

30 апреля во Псков неожиданно прибыл генерал Власов[507]. До этого в течение длительного времени о генерале Власове ничего не было слышно — и вдруг генерал собственной персоной предстал перед псковичами! Встретиться с народом генерал Власов желал, без сомнения, уже давно. Но немецкие «покровители» препятствовали вождю освободительной борьбы русского народа против большевизма установить непосредственный контакт между ним и населением оккупированных областей. Возможно, что немцы опасались, что антибольшевистское движение Власова станет и антинемецким, если дать генералу Власову полную свободу действий[508]. Разумеется, учитывая истинное отношение русского народа к немцам их опасения не были бесосновательны. Но теперь, видимо, настал момент, когда немцы решили рискнуть и проверить, каково же действительное отношение русского народа к генералу Власову и насколько принципы и положения РОД отвечают желаниям русских людей. Дескать, может быть, русский народ смотрит на генерала Власова как на немецкого ставленника и не пойдет за ним? Если подобного рода сомнения существовали, то, надо сказать, встречи генерала Власова с русским населением оккупированных областей не только эти сомнения разбили, но и доказали, что русский народ настолько решительно настроен следовать за генералом Власовым, что степень этой решительности даже таит в себе известную опасность для немцев[509].

Доклад в Большом городском театре

Первая встреча генерала Власова с псковичами, в то же время его вообще первое выступление на русской земле перед русскими людьми[510], состоялось в помещении Большого городского театра. Этот театр с момента оккупации города был приспособлен под солдатский театр, и никто из местных жителей не имел права входа в него, и только прибытие генерала Власова в Псков открыло двери этого театра для псковичей. Правда, в дальнейшем все шло по-старому.

Выступление генерала Власова было назначено, если мне не изменяет память, на 10 часов утра. Зал театра был способен вместить примерно около двух тысяч человек — и он был набит битком к часу начала торжественного собрания, так что не каждый желающий мог пройти в театр. Как гражданское население, так и военные допускались лишь по приглашительным билетам. Эти билеты были распределены по учреждениям и предприятиям города, а также среди крестьянского населения[511]. Таким образом, было достигнуто, что участниками собрания были представители всех без исключения слоев населения и даже военнопленные. В первых рядах сидело довольно большое число немецких офицеров. Сцена театра была украшена русскими трехцветными и немецкими флагами, транспарантами, зеленью. Власов вошел в зал в сопровождении целой свиты немецких офицеров. Словно по команде, все присутствующие в едином порыве поднялись со своих мест и бурными продолжительными аплодисментами приветствовали генерала.

Когда генерал Власов занял место в первом ряду, к нему подошел один офицер (не могу припомнить точно, кто это был, но кажется — немецкий офицер, говоривший по-русски). «Господа, — сказал он, обращаясь к залу, — разрешите вам представить генерала Власова». Генерал Власов поднялся со своего места и, повернувшись лицом к залу, сказал: «Здравствуйте, господа!» Снова все встали и снова долго гремели аплодисменты.

Затем на сцену вышел Б.[512] Он говорил, как обычно, хорошо и удостоился в дальнейшем похвалы генерала Власова. После того, как Б. кончил говорить, тот же офицер, игравший роль неофициального председателя, объявил: «Слово имеет генерал Власов». Под аплодисменты генерал Власов поднялся на сцену. Он говорил не по бумажке, а от себя, его речь была очень яркой и произвела большое впечатление. Зал слушал генерала Власова, затаив дыхание, лишь

аплодисментами прерывая время от времени его доклад. Ценность речи генерала заключалась в том, что он говорил о всех вещах совершенно по-новому для псковичей. Он говорил то, что думал каждый настоящий русский, и так, как об этом нужно было говорить, обращаясь к русскому населению, а не так, как о подобного рода вопросах изъяснялась немецкая пропаганда.

В своей речи генерал коснулся всех основных вопросов РОД, уделив должное внимание и вопросу борьбы с большевизмом, и вопросу сотрудничества с немцами, и вопросу государственнополитического и хозяйственного устройства новой России. Доклад генерала имел огромный успех, и когда он, окончив, сошел со сцены и, покидая зал, направился к выходу, все стоя восторженно аплодировали и кричали «ура», пока высокая фигура генерала не скрылась за дверью зала[513].

Генерал Власов в редакции газеты

После собрания генерал Власов навестил редакцию газеты «За Родину». Вместе с ним в тесное помещение редакции ввалилось свыше пятидесяти немецких офицеров старших чинов — почетной свиты генерала. В редакции генерала Власова ожидала небольшая группа наиболее активных деятелей ИГ и журналистов. Х. представил всех генералу и рассказал о работе, проделанной ИГ. Генерал Власов выразил большое удовлетворение тем фактом, что псковичи сами, без указания «сверху», так активно участвовали в РОД. Ответив на ряд заданных ему вопросов, генерал простился с членами ИГ и сотрудниками редакции, пожелав им успеха в дальнейшей работе[514].

Генерал Власов среди рабочих псковских предприятий

После визита в редакцию генерал Власов посетил два псковских предприятия. Здесь он беседовал с рабочими, расспрашивая их об условиях труда, о зарплатке, о настроении. Рабочие с большой радостью встречали генерала, видя в нем своего вождя и заступника. Последнее подтверждалось тем, что рабочие обращались к нему с жалобами и даже подавали письменные прошения, в которых просили его защитить их от произвола немецкой администрации. Псковский радиоузел транслировал встречу генерала Власова с рабочими завода «Металлист».

Печать нарушает молчание

Как уже было указано выше, до выступления генерала Власова в Пскове печать обходила молчанием РОД. Читая газеты, можно было подумать, что РОД вообще не существует. Теперь же картина изменилась. В ближайшие же дни во всех русских газетах появились пространные отчеты о выступлении генерала Власова в Большом псковском театре и о его пребывании в городе. Авторами этих отчетов по поручению редакции газеты из отдела пропаганды были я и А. Коваленко[515]. Она как раз к этому времени вернулась из месячной экскурсии по Германии, в которой тоже принимал участие Б. и журналистка А.[516] (из радиоузла). (За все время было организовано четыре экскурсии: одна — для начальников районов, другая — для журналистов, третья — женская и четвертая — для так называемых доверенных лиц, в которой как раз и принимали участие Б. и Коваленко.) Однако от того, что мы с ней написали, в газетном отчете остался лишь жалкий след. Цензура и усердные редакторы так его исковеркали, что я, признаться, был рад, что отчет появился без подписи. Но как бы то ни было, печать заговорила о РОД, и это было уже хорошо!

Поездка генерала Власова по городам Сов[етской] России

Из Пскова генерал Власов поехал в Дно, где тоже выступал с докладом среди местных жителей и русских добровольцев[517], затем — в <...>[518], кажется, в Сольцах[519] и, наконец, — в Волосово (посетил ли он Гатчину[520], я точно не помню). В Волосово[521] генерал Власов принимал парад русских добровольцев и инспектировал их полевые занятия. Повсюду население оказывало генералу Власову восторженный прием, встречая его, как родного отца. В этой поездке генерала Власова сопровождал Х., дававший для газеты отчеты о выступлениях генерала[522]. Однако одновременно с ним кто-то из сопровождавших генерала немцев давал отчеты на немецком языке. И эти отчеты, выдержанные в немецком духе, помещались в газете, в то время как отчеты Х. шли в корзину. Поездка генерала Власова продолжалась свыше недели. На обратном пути он уже не задерживался в Пскове и ехал прямо в Берлин.

Результаты пребывания генерала Власова в оккупированных областях

Поездка генерала Власова по городам и селам оккупированных областей России имела огромный успех. Даже самые большие оптимисты были потрясены приемом, который оказывали генералу Власову простые рабочие и крестьяне[523]. Поездка доказала, что русский народ в своем подавляющем большинстве настроен резко враждебно [по отношению] к большевизму, что он готов идти за генералом Власовым, признавая его своим идейным, политическим и военным руководителем в борьбе с большевизмом.

Однако в этих народных демонстрациях доверия к генералу Власову было нечто, что встревожило и напугало немцев. Во всех заявлениях, во всех декларациях красной чертой проходило ярко выраженное стремление вести борьбу против большевизма собственными силами. Ни слова о фюрере «Великогермании», ни слова о «великом германском народе», протянувшем «братскую руку помощи» мученикам большевизма. От помощи немцев никто не отказывался, однако ясно чувствовалось, что в прочих отношениях немцы для русского народа интереса не представляют. Немцы почувствовали в этих речах и заявлениях опасность того, что антибольшевистское РОД может стать и антинемецким. Видимо, этим следует объяснить тот факт, что вместо всеми ожидаемых дальнейших решительных шагов со стороны немцев в области разрешения наиболее острого «русского вопроса» РОД после поездки генерала Власова не только не получило дальнейшего размаха, а наоборот — как-то непонятно для широких слоев русского населения застыло на одном месте. Вернее, оно развивалось и ширилось, но это происходило только за счет инициативы самого русского населения, без поддержки со стороны высших организаций. Станным и непонятным было то, что, хотя о самом РОД и его рядовых деятелях русская печать теперь писала, имя самого генерала Власова старательно обходилось молчанием и вычеркивалось из всех статей. Что было тому причиной, я не знаю до сих пор. Официальное немецкое объяснение, которое немцы дали, уступая настойчивым требованиям русского населения, желавшего знать, что случилось с генералом Власовым, гласило: «На генерала Власова был совершен ряд покушений. Поэтому его местопребывание держится сейчас в тайне, и он воздерживается от публичных выступлений. Но он жив и продолжает работать на своем посту». Конечно, это была ложь, но для чего было прибегать к этой лжи — непонятно.

Заслуга псковских журналистов

Снятие табу в печати о РОД после выступления генерала Власова немедленно дало свои результаты. Газеты стали писать о РОД, и в этом отношении деятельность псковских журналистов оказалась особенно положительной. Находясь в городе, в котором вопросы РОД представляли волнующий интерес почти для всех, псковские журналисты, естественно, жили этими проблемами,

и это было причиной того, что очень многие их статьи писались на тему РОД. Главным «поставщиком» статей и всякого рода иных материалов, связанных с РОД и РОА был я (это, конечно, не значит, что мои статьи были наилучшими и что моя заслуга в деле популяризации идей РОД больше других). Я писал большие статьи публицистического характера, рассказы, фельетоны, короткие заметки об отдельных фактах и событиях, пространные очерки. Х., Климушкин[524] и П. писали на темы РОД меньше, чем я, но их статьи носили фундаментальный характер

Военнослужащие вермахта в Бессарабии. Молдавская ССР, июль 1941 года.

Еврейское гетто на оккупированной территории, 1941–1942 годы.

Местная жительница на улице разговаривает с военнослужащими Вермахта. Керчь, ноябрь 1941 года.

Советские военнопленные в одном из транзитных лагерей в тылу группы армий «Юг», ноябрь–декабрь 1941 года.

Казнь арестованных местных жителей по обвинению в саботаже и связях с партизанами. Велиж Смоленской области, 1942–1943 годы.

Добровольцы казачьих частей Вермахта. Юг РСФСР, лето–осень 1942 года. Публикуется впервые.

Добровольцы казачьих частей Вермахта. Юг РСФСР, лето-осень 1942 года. Публикуется впервые.

Немецкий военный врач осматривает больного русского ребенка. Орловская область, 1942 год. Фотограф Васке.

Гражданское население у стенда с пропагандистской литературой оккупационных властей. Западные области РСФСР, 1943 год.

Партизаны на марше. Пинская область БССР, 1943 год. Фотограф М. Трахман.

Командование Сумского партизанского соединения за обедом. Сумы, 1943 год. Второй слева (сидит) — С. А. Ковпак. Первый справа от женщины-повара (сидит) — С. В. Руднев.

На курсах пропагандистов РОА. Рига, июнь-июль 1944 года. Публикуется впервые.

Военнослужащий Вермахта и русский крестьянин сеют хлеб, 1942–1943 годы. Фотограф Демау.

Сельский крестный ход, 1942–1943 годы. Фотограф Блашке.

Беженцы с Дона и Кубани по пути на Запад. Район Николаева, 1943 год. Публикуется впервые.

Уроженка бывших областей казачьих войск по пути на Запад. Район Николаева, 1943 год. Публикуется впервые.

и шли большею частью передовицами. Сотрудники главной редакции (в Риге) относились довольно враждебно к РОД, и поэтому псковские журналисты были единственными, кто заставлял газету уделять место на своих страницах статьям о РОД и РОА.

Прибытие в Псков генерала Жиленкова и И.

В конце мая в Псков прибыли первые офицеры РОА. Это были генералы И.[525] и Жиленков[526] и полковник К.[527] Они обосновались не в самом Пскове, а в деревне С.[528], в нескольких километрах от Пскова, где была расположена одна из частей РОА (об этой части — ниже). Офицеры нанесли визит редакции газеты, где их радостно приветствовал Х. Между ИГ, которая тогда называлась уже Группой содействия Освободительному движению, и офицерством РОА установился постоянный контакт. Этот контакт мог бы, несомненно, дать много пользы для дела РОД в Пскове, однако дал очень мало. Причину этого я усматриваю в том, что Х. знакомство с генералами РОА стремился использовать в чисто личных интересах, забыв об общественных делах[529], к коим он, возможно, уже потерял интерес к тому времени (что было вызвано все еще не прекратившейся грызней и склоками внутри ИГ, или ГСРОД).

РОА в районе Пскова

Прибытие части РОА[530] в район Пскова, где она расположилась летним лагерем, было большим событием для города и всего района. До этого о РОА было известно только понаслышке, а теперь жители Пскова видели солдат и офицеров РОА воочию. Эти русские солдаты и офицеры с нашивкой «РОА» на рукаве фактом своего существования свидетельствовали о том, что РОА не выдумка, как о том распускались слухи. Она существует и будет воевать с большевиками. Прибытие части РОА в район Пскова все рассматривали как начало переброски частей РОА в зону Восточного фронта для предстоящего участия их в боях с Красной армией. Солдаты и офицеры РОА были в центре внимания. Их везде и всюду провожали глазами, с ними заговаривали, их зазывали в гости. Отношение населения к русским воинам было во многих случаях прямо трогательным. Для крестьянки солдат РОА был «родимым», на которого она не могла смотреть, чтобы не проронить слезу, и этого солдата она окружала любовью и вниманием, действительно, как сына родного. Надо сказать, что солдаты РОА держали себя очень дисциплинированно и достойно. Никто не мог упрекнуть солдат РОА в грубости.

Пропагандисты РОА

В это же время во Пскове появились первые «профессионалы»-пропагандисты, то есть пропагандисты РОА. Сперва прибыло четверо молодых и довольно неотесанных поручиков. Затем появились другие офицеры РОА, среди них капитаны Вас.[531] и Вор.[532] Оба они оказались

дельными людьми, и каждый по-своему принес немало пользы делу РОД. В самое последнее время перед концом войны Вас. возглавлял русских добровольцев и пропагандистов в районе Либавы. Эти пропагандисты РОА частично были направлены в «провинцию», частично остались в городе. Это были не «активисты» инициативной группы, часто не считавшие для себя обязательным выполнить дело, за которое они брались по доброй воле, а действительно работающие, активные «рядовые» великого движения, которые всякой словесной «трепалогии» предпочитали конкретные дела.

Пропагандисты РОА во многом подменили ИГ, взяв на себя целый ряд функций ИГ, от чего РОД только выиграло (по крайней мере, в масштабах Пскова). Пропагандисты РОА ежедневно и ежечасно занимались пропагандой и популяризацией идей РОД. В то же время они старались быть первыми друзьями, советниками и помощниками горожан и сельского населения. Они выступали с докладами перед рабочими и крестьянами, в лагерях военнопленных и добровольческих частях, шли на фабрики, заводы, [в] дома рабочих, ехали в деревни и в то же время как военные участвовали в военных действиях против партизан. К сожалению, с работой пропагандистов РОА в Пскове я знаком только в общих чертах и поэтому не в состоянии привести отдельных интересных эпизодов и фактов. Следует, однако, отметить, что далеко не все пропагандисты заслуживали такой характеристики, какова дана выше. Были среди работавших в Пскове и в провинции пропагандисты, которые к своему делу относились формально и были даже такие, которые перешли на сторону партизан.

Работа ИГ в новых условиях

ИГ, однако, продолжала свою деятельность, только теперь она ее вела на пару с пропагандистами РОА. В то же время имелся еще один важный фактор, оказывавший влияние на работу ИГ, — часть РОА в С. и генералы РОА в ней. ИГ шла по-прежнему главным образом по линии устройства всякого рода докладов и собраний. Правда, теперь, уподобляясь пропагандистам РОА, члены ИГ не зазывали псковичей к себе на собрания, а сами шли к ним в гости — на предприятия и в учреждения — и там делали доклады и проводили собрания. Однако деятельность ИГ теперь казалась бледной по сравнению с той работой, которую проводили пропагандисты РОА или хотя бы даже один Б. С момента его выступления на собрании волостных старшин Б. заделался «присяжным оратором». Он разъезжал по всему району, выезжал даже в другие районы и везде делал доклады о РОД. Аудитория его бывала самой разнообразной, но успех его выступлений был постоянен. Б. также много выступал по радио из студии радиоузла города Пскова.

Школа медсестер

Как на одно из полезных дел ИГ последнего периода ее деятельности (ибо, фактически, ИГ к концу лета прекратила свое существование) следует указать на организацию школы медсестер. Эта школа была организована по инициативе девушек[533]. Предполагалось, что она подготовит небольшую группу медсестер, которые впоследствии могли бы приносить пользу РОД в качестве сестер милосердия РОА. В школу записались 25 девушек. Занятия проводились по вечерам через день. Посещаемость была очень хорошая. Курсы были проведены до конца. Однако с выпуском сестер милосердия произошла заминка, поскольку немецкие власти возражали против выдачи аттестатов, в которых бы стояло, что окончившие курсы выпускаются сестрами милосердия РОА. В конце концов, такие удостоверения не были выданы.

Ансамбль добровольцев

В марте месяце отдел активной пропаганды при активной помощи Б. выбрал из лагеря военнопленных довольно значительную группу музыкантов, певцов, танцоров, художников. Из этих лиц был организован музыкально-хоровой ансамбль, который в дальнейшем получил название «ансамбль добровольцев». Благодаря тому, что руководителями ансамбля оказались опытные специалисты, ансамбль в короткое время вырос в хороший художественный коллектив. Он положил в основу своего репертуара русские песни, которые исполнял с большим мастерством. Затем и песни РОА заняли достойное место в репертуаре ансамбля. Участники ансамбля настойчиво работали над повышением своего мастерства, и, как следствие этого, каждая новая программа ансамбля была значительным шагом вперед. Первое же выступление ансамбля имело огромный успех у псковичей. Все последующие выступления, как в Пскове, так и в других населенных пунктах, были не менее успешны. Независимо от того, что [его] репертуар был довольно-таки аполитичен, ансамбль самим фактом своего существования принес немало пользы РОД. «Ведь это наши, русские добровольцы», — говорили псковичи об ансамбле. Однако нельзя не отметить, что политические взгляды самих участников ансамбля оставляли желать много лучшего. За время существования ансамбля, по крайней мере, одна четверть числа участников перебежала к партизанам. Конечно, тому много способствовали немцы. Участников ансамбля держали на положении полупленных. Их заставляли в течение дня выполнять тяжелую физическую работу и лишь затем разрешали приступать к творческой работе[534]. Разумеется, все это вредило делу пропаганды, ибо каждый в городе знал, в каких условиях добровольцам — участникам ансамбля приходится жить и творить. После падения Пскова этот ансамбль долго обслуживал лагеря русских рабочих в Прибалтике и распался лишь с падением Прибалтики. Одна часть его участников вошла затем в состав ансамбля песни и пляски при школе пропагандистов в Дабендорфе.

Парад 22 июня

22 июня 1943 года — день второй годовщины войны с Советским Союзом — немцы решили сделать праздничным днем для населения оккупированных областей и праздновать его как «День освобождения». В Пскове программа празднования предусматривала парад на городской площади. К полной неожиданности для псковичей в этом параде, наряду с немецкими частями, приняла участие и рота РОА. Это была сводная рота из лагеря в С. Рота войск РОА открывала парад[535] (я сам не присутствовал на параде и рассказываю о нем по свидетельству очевидцев). Впереди шел высокий статный офицер, несший в руках трехцветное русское знамя[536]. По обе стороны от него — два офицера с саблями наголо[537], а сзади — рота, в образцовом порядке. Это трехцветное знамя явилось причиной целого ряда волнующих патриотических сцен. Один старик, стоявший в толпе зрителей на тротуаре, выделился из толпы, когда офицер со знаменем в руках поравнялся с ним, подбежал к офицеру, обнял его, как родного сына, расцеловал, а затем, со слезами на глазах опустившись на колени, в благоговении припал губами к шелковому знамени: «Наконец я снова вижу наш родной русский флаг, — воскликнул он, — я уже думал, что не доживу до такого счастливого дня!» По отзывам лиц, присутствовавших на параде, русская часть прошла несравненно лучше, чем немецкие войска, и это явилось предметом гордости для псковичей[538]. Парад принимали немецкие офицеры и офицеры РОА — генералы И. и Жиленков, полковники Боярский[539] и К. Большую речь произнес полковник Боярский[540].

Лагерь в С.

О лагере РОА в С. я не могу ничего рассказать, потому что никогда там не был. Знаю только, что в лагерь часто ездили гости из города, которые знакомились с порядками в лагере и с жизнью

солдат и офицеров в нем. О лагере РОА в С., мне кажется, могли бы подробнее рассказать полковник К. или полковник С.[541], игравшие видную роль в командовании части.

Боевые офицеры РОА

Из офицеров РОА, находившихся в районе Пскова, выделялась небольшая группа смелых, храбрых вояк, которые служили делу борьбы с большевизмом не словом, а повседневной вооруженной борьбой с партизанами. Из этих офицеров назову трех: Гавринского[542], Комарова[543] и Х.[544] Первый из них имел четыре боевых отличия, оба последних имели только по одному, но их заслуги были не меньшими. О боевых делах этих офицеров стоило бы рассказать отдельно. Кстати, о Гавринском я написал специальную статью («История трех медалей»), которая была помещена в газете. Комарову я посвятил две статьи.

Пропагандист на фронте

Неутомимый Б., объездив чуть ли не все города и деревни северо-восточной России, в конце концов перенес свою деятельность на фронт. В разговоре со мной он сказал [во-первых], что в тылу его работа в качестве пропагандиста не приносит и десятой доли той пользы, которую она будет давать на фронте, а во-вторых, что на фронте — «спокойнее», там нет этих склок и интриг, которые уже вконец скомпрометировали ИГ. На фронте Б. занимался следующим: он прямо из окопа обращался, пользуясь рупором, с речами к красноармейцам. Собственно, это не были пропагандные речи в буквальном смысле этого слова. Б. просто предлагал красноармейцам «поговорить», и красноармейцы иногда шли на разговор.

Каров Д. П Немецкая оккупация и советские люди в записках русского офицера Абвера, 1941–1943 годы[545]

Латвия и Рига, 1941 год

Рабочие почти все стояли на стороне советской власти, во-первых, потому, что латыши, страшные шовинисты, их притесняли, а во-вторых, потому, что хозяева фабрик их действительно как русских только притесняли, а советская власть в Риге с ними заигрывала и отдавала им предпочтение перед латышами. Ремесленники к Советам относились менее восторженно, но все же видели в них русских. Гестапо пока не начало «чистить» «московский форпост», и люди жили там спокойно.

Я начал было уже заводить среди обитателей «форштадта» кое-какие знакомства и связи[546], предвидя интересную работу, но в это время был послан на фронт и уехал, передав все дела моему преемнику.

Я был придан специальному отряду (Зондеркоманда) капитана Бабеля, который должен был проверять действия морской артиллерии в сухопутном бою. Отряд был численностью пятнадцать-двадцать моряков, и функции мои при нем были очень неопределенны — не то переводчик, не то адъютант второго ранга.

Мы выехали из Риги рано утром и скоро въехали в леса. В одном месте, где лес был особенно густой, вдруг раздались выстрелы. Автомобили остановились, и матросы стали обстреливать лес из автоматов. Когда стрельба прекратилась, мы пошли осматривать деревья. Под одним из них мы нашли пустые гильзы, а взлезши на дерево, обнаружили на нем искусно сделанную из плетёных ветвей очень маленькую площадку, вполне удобную для [укрытия] одного стрелка.

Обломанные ветки указывали на то, что стрелок этот, выпустивший обойму, карабкаясь с дерева на дерево, ушел.

Такой способ стрельбы был изобретен финнами в войну 1939–1940 годов, и Советы также пытались ввести его в войне с немцами. Назывались такие стрелки «кукушками», но были довольно редки, во всяком случае, мне их больше встречать не приходилось.

Ехали мы в Нарву и по дороге остановились в городе Вайзенберг. Город был большой. Невероятное количество пьяных [производило] страшное впечатление. Трезвые или полутрезвые были редким исключением. По улицам ходили большие отряды полевой жандармерии, за ними ехали телеги, на которые складывались пьяные немецкие солдаты; гражданские же лица, если они загоразивали дорогу, сначала бились палками, а если и после этого продолжали лежать, то их попросту оттащивали в сторону и так бросали. Это, впрочем, помогало мало: из домов выходили другие солдаты и не солдаты, такие же пьяные, и вновь валялись с ног, загоразивая улицы.

Такое поголовное пьянство объяснялось тем, что в Вайзенберге, где находился самый большой в Эстонии водочный завод, советские войска при отступлении, конечно, его разбили и начали пить спирт и водку; немцы, ворвавшись на завод, тоже стали пьянствовать, и наутро территория завода была усеяна немцами и русскими, спавшими вперемешку. Полевые жандармы занимались тем, что отыскивали русских солдат и забирали их в плен; жители же тем временем бросились грабить другие склады завода и успели сделать по домам и сараям огромные запасы алкоголя. Приходившие немецкие войска меняли все, что могли, на спирт и тут же его выпивали.

На другой день вдоль дороги, по которой шли войска на восток, на территории города были поставлены через каждые десять метров полевые жандармы, которые и не [давали никому] сойти с нее. У населения произвели поголовный обмен, отобрали все спиртное.

Выехав из Вайзенберга, мы скоро встретили колонну сильно избитых русских пленных под конвоем немецкого взвода пехоты. На вопрос капитана Бабеля, почему пленные имеют такой печальный вид, фельдфебель, сопровождавший пленных, объявил, что километрах в пяти-шести на восток они нашли на опушке леса девять трупов немецких [солдат], ужасно изуродованных (с выколотыми глазами, поломанными руками, оторванными языками и членами), и что его возмущенные солдаты стали мстить за это, избивая пленных, так что ему стоило большого труда предотвратить убийство последних[547].

Я слышал еще в Риге, что советские истребительные отряды нарочно уродовали трупы немецких солдат, чтобы таким образом вызвать ненависть немцев к русским, что, в свою очередь, вызывало озлобление русского населения к немцам. В течение войны мне много раз приходилось встречаться с такими явлениями, и только в 1943 году, и то в конце, было разрешено объяснить немецким солдатам и офицерам, кто действительно виноват в этом.

К вечеру мы приехали в Нарву.

Нарва, 1941 год

Мы заняли квартиры в корпусе, где раньше жили инженеры мануфактурной фабрики Крегсхольм. Инженеры с семьями были насильно увезены в Советский Союз еще в начале 1941 года, так же как и большинство рабочих-специалистов.

Фабрика принадлежала очень противному балтийскому барону по фамилии Кноп[548]. На ней было занято около десяти тысяч рабочих, и почти все они жили в огромных деревянных корпусах, расположенных на западном берегу реки Наровы. Утром я пошел гулять по городу, который производил впечатление чисто русского провинциального городка, за исключением его заводской части. Дома на девяносто процентов были деревянные, самые большие — в два этажа. Среди

населения большинство было русских, но почти все они носили эстонские фамилии, так как этого в свое время требовали эстонцы. Русские жители относились к эстонцам довольно равнодушно — последние русских ненавидели и притесняли где и как могли[549].

Я очень скоро завел знакомство с русскими семьями самого разного социального положения. Рассказы новых знакомых о советском режиме были ужасны. Я не видел ни одного семейства, среди членов которого не было бы арестованных и пропавших без вести близких людей. Мне рассказывали также о многочисленных случаях увоза целых семей, которые забирались Советами ночью, без всякого предупреждения о предстоящем вывозе. Эстонцев также вывозили в большом количестве. Все жители города — и русские и эстонцы — ненавидели большевиков лютой ненавистью, но все делали [различие] между простыми солдатами, которых хвалили, и их начальством — партийцами, для характеристики которых не находили бранных слов в своем лексиконе.

Эстонцы особо ненавидели советчиков-евреев. Вообще, должен сказать, что ненависть к еврейству среди населения прибалтийских стран меня поразила еще в Латвии. В Германии, во время службы моей в Ганновере, о евреях, несмотря на всю пропаганду по этому поводу, ничего не говорили, хотя они и имелись в то время в городе, а в Латвии, в Риге, в первое время были нередки случаи, когда чины Вермахта брали под свою защиту евреев, которых латыши беспощадно убивали[550], а главное, грабили. В Нарве было еще хуже. Эстонцы ловили евреев, которых в городе было немного, вначале передавали их немцам, обычно отпускавшим их по домам (военные истреблением еврейства не занимались, а ни полевые жандармерии, ни Абвер по инструкции не имели ничего общего с расовым вопросом — это было дело СД), а затем, видя, что немцы поступают с евреями мягче, чем им хотелось, перестали это делать, а попросту уводили их за город и там [расстреливали]. Когда я приехал в Нарву, расправа жителей с евреями уже закончилась[551], ибо евреев в городе больше не было.

Вскоре после моего приезда в городе начались таинственные пожары, горели то дом, то склад, то еще что-нибудь. Мои русские знакомые были того мнения, что поджоги совершают оставшиеся в городе советские агенты-истребители.

Тем временем мой капитан стал разъезжать по окрестностям и особенно часто посещал курорт Гугенберг на взморье, где стояло несколько морских орудий. Гугенберг отстоял от Нарвы на двенадцать километров. По дороге туда нас несколько раз обстреливали из леса, как мы потом выяснили, пробивавшиеся за линию фронта окруженцы. Стреляли они плохо.

В Гугенберге я присутствовал при открытии трупов русских и эстонцев, замученных и убитых чинами НКВД. Убили их перед самым приходом немцев и трупы готовились сжечь, облив бензином, но не успели этого сделать. На процедуре открытия трупов я познакомился с сыном одного из убитых, русским молодым человеком Олегом[552]. Я спросил его, не может ли он помочь мне найти поджигателей, орудующих в Нарве. Он с радостью согласился быть мне в помощь и уже в следующий мой приезд в Гугенберг сообщил, что нашел дом на окраине, в котором собираются очень подозрительные люди. Вернувшись, я написал сводку и подал ее капитану Бабелю, который внимательно ее прочел, а затем послал меня в отдел контрразведки 18-й армии, находившейся в Нарве.

В отделе контрразведки 18-й армии я был хорошо принят, мне высказали сожаление, что я попал на службу во флот, и намерение попросить капитана «одолжить» меня им. Так и было сделано. Капитан согласился откомандировать меня в распоряжение отдела контрразведки 18-й армии на десять дней. Моим прямым начальником стал старший лейтенант барон фон Клейст[553], работавший в Абвере уже двадцать лет, очень хорошо говоривший по-русски и очень любящий Россию и все русское. Лейтенант Клейст долго и внимательно читал мою сводку о поджогах, подробно расспрашивал про Олега, а затем приказал мне установить тщательное наблюдение за домом в Гугенберге.

Через два дня, под вечер, полевые жандармы окружили дом и арестовали всех там находившихся. Это были две старушки эстонки, владельцы дома, два молодых человека, тоже эстонцы, хорошо говорившие по-русски и имевшие пистолеты, из которых пытались отстреливаться. Мы предложили им чистосердечно во всем признаться, обещая, что [если они сознаются] их не расстреляют, а только пошлют в лагерь. Они сначала пытались запереться и лгать, а затем, видя, что мы шутить не собираемся, рассказали, что подожгли два дома в Нарве, указали их точные адреса и объяснили, как они это сделали. Затем мы узнали, что приказы о поджогах они получают от некоего Петрова[554], который живет в рабочих казармах Крегсхольма.

Агенты, которых мы немедленно отправили на поиски Петрова, скоро нам донесли, что он [найден]. При аресте Петрова у него были найдены пистолет, маленькие бутылочки с бензином и много спичек. Поджигатели, арестованные в Гугенберге, его, однако, не знали. Поиски начались снова, снова был найден человек по имени Петров, и тоже очень подозрительный. На допросах оба сказали, что дело идет о майоре Петрове, а они только мелкие исполнители. По указанию арестованных было взято еще два человека, которые тоже имели документы на имя Петрова. Все эти люди имели задание поджигать город. После произведенных нами арестов поджоги прекратились, но настоящего майора Петрова мы так и не нашли, хотя допросили всех Петровых в городе и окрестностях. Этот прием с однофамильцами, насколько я знаю, был применен только раз советской агентурой, но он нас действительно сильно запутал и позволил уйти майору.

Тем временем фон Клейсту донесли, что в деревне Фёдоровка на берегу реки Усть-Луга скрывается много окруженцев, делающих оттуда вылазки и нападающих на проезжие немецкие повозки. Клейст взял с собой роту солдат и отправился в ту деревню. В соседних поселениях нам сказали, что в деревню Фёдоровку проникнуть очень трудно, потому что она окружена со всех сторон непроходимыми болотами, а мостов через Усть-Лугу нет. Мы послали разведку, которая скоро вернулась и с недовольством рассказала, что, во-первых, их обстреляли и ранили двух солдат, а во-вторых, они все чуть не утонули в болоте.

Возвращаясь обратно, Клейст приказал мне сказать бюргермайстерам соседних деревень, что если окруженцы будут и дальше безобразничать по дорогам, то [немцы] привезут артиллерию и сотрут с лица земли все деревни. На мой вопрос, зачем это, Клейст ответил, что это самый верный способ заставить окруженцев сидеть спокойно. «Им тоже воевать за Сталина не очень хочется, а наиболее ретивых коммунистов они и сами навсегда успокоят, опасаясь артиллерии», — добавил он. Должен сказать, что после нашей угрозы окруженцы из Фёдоровки совершенно прекратили нападения. Весной 1942 года я случайно встретил около деревни Котлы одного парня, жившего в семье тамошнего крестьянина с его дочерью. Он рассказал мне, что был в Фёдоровке, в то время как мы туда приезжали в сентябре 1941 года и что все действительно произошло так, как предвидел Клейст, с тою только разницей, что коммунисты ушли сами, когда увидели, что их никто не хочет поддерживать. Оставшиеся постепенно разошлись по деревням, где переженились.

В скором времени Клейст сказал мне, что получил разрешение сформировать небольшой русский отряд и просил помочь ему в этом. Я предложил Олегу поступить в этот отряд, на что он с радостью согласился, а затем мы набрали еще десять человек, живших в Нарве и ее окрестностях. В отряд мы принимали только лыжников и стрелков, то есть охотников. Люди получили немецкое довольствие и жалованье, но фронтовой формы мы им не дали, а одели в полувоенные костюмы из хорошего эстонского сукна. Вооружены они были карабинами и финскими ножами. Документы получили, как рабочие в армии.

По-моему, это был первый русский боевой отряд в немецкой армии[555]. Особой пользы он нам не принес, так как состоял сплошь из эмигрантов, мало знавших советские порядки, неопытных в работе, хотя и безрассудно храбрых. Храбрость эта привела к тому, что очень скоро, уже к декабрю того же года, все они были убиты советскими агентами-диверсантами.

В сентябре я узнал о гибели трех русских разведчиков, эмигрантов из Праги. В свое время Абвер набрал в Чехии несколько десятков русских эмигрантов, главным образом студентов, которые должны были работать агентами в Советской России. Трое из них были переодеты в крестьянское платье и по заданию своего глупого начальника отправились в окрестности города Луга, где и тогда уже скрывалось много партизан. Придя в одну деревушку, они попросили натопить им баню и стали мыться. В это время кто-то из жителей вошел в баню и увидел на них золотые нашейные кресты. Кресты на шее в Советском Союзе — вещь, вне сомнений, совершенно необычная, а потому и неудивительно, что вся деревня об этом заговорила. В ту же ночь в деревню явились несколько человек из лесу, схватили бедных «агентов» и увели их с собой.

Район Кингисеппа

Я пробыл в разведке 18-й армии дольше, чем мне было позволено, но, к моему большому огорчению, пришло время, когда капитан потребовал меня обратно.

Отряд ехал в Россию, ближе к фронту. Мне выдали автомат (до этого я имел только пистолет), и рано утром в конце сентября мы выехали. Я был взволнован, думая, что вот сейчас попаду в настоящую Россию, покинутую мной в 1919 году. Проехав приблизительно километров десять на восток, мы увидели большой ров, и капитан Бабель, остановив автомобиль, сказал: «Вот граница, вот Ваша родина» — и посмотрел на меня выжидающе. Я огляделся по сторонам и тоже стал ждать, что мне прикажет делать капитан. После минутного молчания капитан Бабель вдруг рассерженным тоном приказал ехать дальше. И только позже я узнал, что он ждал от меня каких-либо сентиментальных манифестаций, ибо были случаи, когда, например, один русский переводчик, переехав границу, вышел из автомобиля и стал целовать землю, стоя на коленях; другой объявил, что будет ночевать в лесу, чтобы всю ночь слушать русских соловьев, хотя, справедливости [ради] стоит отметить, что лег он недалеко от поста, памятуя, что партизаны существуют и менее безобидны, нежели соловьи; третий проявил свой патриотизм тем, что стал накладывать русскую землю в мешочки, чтобы отослать ее в Париж. Таких случаев было множество. Я же не обладал характером, способным на подобные сцены, а потому мой капитан, неоднократно слышавший о трогательных проявлениях любви к родине и желавший посмотреть на занимательную сцену, был мной разочарован.

Скоро мы приехали в Кингисепп (Ямбург). Город был русским и носил следы недавнего боя: улицы были пусты, там и сям лежали на них еще не убранные трупы. Мы проехали по дороге вдоль реки Усть-Луга и скоро увидели стрелявшую немецкую артиллерию; изредка залетали сюда и советские снаряды. Делать капитану здесь было нечего: стреляли сухопутные орудия (10,5 см)[556], и отвечали им такие же.

Посмотрев некоторое время на стрельбу, мы поехали на наши квартиры в городе. Мне было очень скучно в отряде капитана, и я попросил его отправить меня в разведку 18-й армии, что привело его в бешенство и заставило долго ругаться, причем главным аргументом было то обстоятельство, что я не моряк, чему я несколько не противоречил, а наоборот — всячески старался убедить капитана, что я разведчик и никогда не имел желаний стать моряком.

— Хорошо, я вас завтра же отправлю к чертовой матери, где вы будете заниматься вашими гадостями, — закончил он разговор.

На другой же день утром адъютант капитана принес мне приказ от имени Эбергартта[557] отправиться в деревню Глинки[558] на берегу Финского залива. Мне дали машину и шофера, и мы, несмотря на все предупреждения об опасности поездки из-за оруduющих в районе партизан, благополучно прибыли в деревню Глинки. По дороге, правда, был случай, который сильно напугал нас: на одном из поворотов дороги мы услышали топот копыт множества лошадей, и через

несколько минут прямо на нас выехала советская кавалерия. Я не сразу обратил внимание, что все они были без оружия, и решил, что мы пропали. Люди хорошо сидели на лошадях, форма на них была хорошо прилажена, по кантам на синих штанах я узнал в них артиллеристов. За отрядом ехало несколько немецких артиллеристов. Они объяснили мне, что сопровождают пленных в лагерь. На мой вопрос, не опасаются ли они, что пленные перебьют конвой и убегут, они беспечно отвечали мне, что весь отряд сдался добровольно, перебив предварительно свое начальство.

В деревне Глинки находилась морская радиоередаточная станция, при ней — восемнадцать матросов с фельдфебелями и молодым лейтенантом. Меня ждали, так как Эбергарт радировал из Ревеля о моем приезде, и лейтенант сказал, что мне приказано наблюдать за партизанами и советской агентурой в районе. В тот же вечер я пошел в деревню. Жители имели сытый и довольный вид, многие гуляли по улицам. Дома были хорошо построены и внутри очень чисто прибраны.

На окраине я услышал пение и направился туда. Там стояло и сидело много молодежи. Человек двадцать девок пели модную в то время песню «Катюша». Песня эта своим мотивом и словами глубоко меня тронула, и, сильно взволнованный, я вернулся домой. Действительно, я был в русской деревне.

Я скоро познакомился со всеми бургомистрами своего района. Все они были люди пожилые, верующие в Бога, в большинстве своем старожилы. При советской власти они подвергались преследованиям и сидели в тюрьмах. Двое из них побывали в ссылке. Все население больше всего боялось, что немцы уйдут и придут Советы. Я тщетно искал хоть кого-нибудь, кто бы этого не боялся. Даже люди, не пострадавшие персонально, говорили, что если Советы вернуться, то НКВД их не пожалеет. Главным промыслом в этих деревнях была рыбная ловля, но все жаловались, что в бытность советской власти они вынуждены были стать членами артели, начальство которой отбирало у них весь лов, и, несмотря на обилие рыбы, они голодали. Сапог у большинства населения тоже не было. К немцам, то есть к восемнадцати матросам радиостанции, население относилось очень сочувственно и постоянно приносило им то рыбу, то яйца, то еще что-нибудь. Кроме этих матросов, они других немцев не видели, а эти, действительно, ни во что не вмешивались.

Дней через десять по моем приезде бургомистр всей деревни сообщил, что к нему пришли окруженцы из леса и спрашивали, что с ними будут делать, если они покинут лес и явятся в деревню. Я подумал и расспросил бургомистра о том, что это за люди, и, узнав, что последний их знал и полностью отвечал за их благонадежность, решил выдать им бумаги и отпустить с миром. С этого дня почти ежедневно ко мне стали являться окруженцы, огромному большинству которых я помогал вернуться к мирной жизни.

Так как по закону всех лиц, несших какую-либо военную службу, я обязан был отправлять в лагеря военнопленных, то, избегая слишком большого риска попасть в немилость своему начальству, я просил бургомистров одевать [людей] в штатское платье и в предварительных с ними разговорах приказывать им, чтобы на мои вопросы они отвечали, что в армии не были, а были только мобилизованы на рытье окопов. Среди возвращавшихся находились и такие, за которых никто из бургомистров не мог поручиться. Этим мне приходилось брать под арест, а затем с помощью отправлять в лагерь военнопленных в Нарву. Но, побывав в Нарве в ноябре и увидев, в каких ужасных условиях содержались там пленные, я горько пожалел, что не взял на себя риска отпустить и этих.

Организация агентурной сетки в моих деревнях оказалась очень трудной задачей. Здоровые элементы [из числа] жителей наотрез отказались заниматься этой работой. Правда, бургомистры давали мне сведения о каждом по первому требованию, но никакой инициативы проявлять не желали.

Наконец, мне удалось завербовать одного пожилого крестьянина по имени Семён[559]. Он сказал мне, что будет работать, так как считает, что коммунистов надо уничтожать всеми возможными способами, но денег за это получать не желает, так как это грех. Другая моя агентка — Шурка[560] — была из Ленинграда, где занималась проституцией. Она ненавидела равно коммунистов, крестьян и немцев. В деревне к ней относились очень враждебно. Затем я под угрозой отправки в лагерь завербовал еще несколько человек — бывших окруженцев. Все мои агенты работали с большой неохотой и материальной выгодой, кроме водки, интересовались мало.

Скоро бургомистры стали мне доносить, что в некоторых окрестных деревнях по ночам стали появляться таинственные лыжники, наутро исчезающие. Я несколько раз пытался устраивать со своими матросами засады в домах, но никого поймать не удавалось. По неуловимым признакам я все же чувствовал, что не только советская агентура стала появляться все в большем количестве, но что кто-то сидит на месте, совсем недалеко от нашей деревни, и влияет на жителей. Я опять и опять перебирал биографии наиболее подозрительных и наконец остановился на нескольких бывших учителях и учительницах. Рядом со мной жил бывший учитель Кузнецов[561]. Это был человек лет сорока пяти, с очень неприятной внешностью, сведения о нем были самые скудные, а его коллеги говорили о нем крайне неохотно. Как-то утром я пошел к Кузнецову, чтобы привести его в свою контору и более подробно с ним поговорить. Увидев меня, Кузнецов явно испугался, но все же надел шапку и пошел со мной.

Войдя с ним во двор дома, где находилась радиостанция, я мигнул часовому, чтобы он без меня никого не выпускал, а затем пригласил Кузнецова войти в канцелярию, где я обыкновенно вел допросы, и, посадив его на стул, вышел зачем-то в соседнюю комнату. В этот же момент в канцелярии раздался сильный шум, падение тела, а затем автоматная стрельба во дворе. Я вбежал в канцелярию и увидел, что писарь лежит на полу, обливаясь кровью, а окно разбито. Во дворе лежал в луже крови Кузнецов, а вокруг него стояли матросы. Оказывается, как только я вышел, Кузнецов схватил со стола большой камень, служивший писарю пресс-папье, ударил им последнего по голове и, разбив окно, выскочил во двор. Часовой, увидев странный прыжок Кузнецова и что тот бежит прямо на него, дал очередь из автомата, а подбежавшие матросы dokonчили дело.

К сожалению, Кузнецов был мертв (на таком близком расстоянии автоматная очередь всегда смертельна) и мне не удалось его допросить.

В это же время мне удалось установить, что в одиноком домике, неизвестно когда построенном, километрах в шести от деревни, в глухом лесу, появляются по ночам таинственные лыжники. Установить агентурную [слежку] при наступивших морозах [с учетом] уединенного положения дома технически было невозможно. В доме жило несколько семейств — беженцы из Ленинграда. Потому я устраивал (в одном из пустых сараев по соседству с домом) небольшие засады, обычно я и два-три матроса. Долгое время нам никак не везло, сколько мы ни сидели — никого не видели. Но вот однажды, придя на рассвете, мы увидели следы четырех лыж на снегу. Пойдя по следам, мы пришли к одной из деревень нашего района, но дальше следы терялись. Я решил все же спросить бургомистра, почтенного старовера лет шестидесяти, что он об этом доме знает.

Надо сказать, что недавно я получил от ГФП[562] Нарвы сообщение о том, что при допросе одного пойманного там советского курьера было выяснено, что последний ночевал у этого бургомистра. Конечно, это могло быть случайностью, но я все равно обязан был расследовать это дело. Я вошел к бургомистру в то время, как он пил чай, и сразу заявил ему, что он советский агент, причем грубо обругал [его] за это. Бургомистр побледнел, глаза его загорелись (староверы очень не любят, когда поминают в непочтительной форме их мать и отца), и вдруг [он] выхватил из-под подушки наган. Хотя я не предвидел такой реакции со стороны почтенного старика, все же я успел ударить его по голове рукояткой своего пистолета, что вызвало у него легкий обморок. После того как жена привела старика в себя и завязала ему голову полотенцем, я стал продолжать допрос.

Бургомистр вначале неохотно, а потом, очевидно, махнув на все рукой, рассказал мне следующее. В 1931 году он был раскулачен и за свои религиозные идеи сослан в концлагерь. Вскоре, уже в лагере, выяснилось, что он принимал участие в гражданской войне на стороне белых (в армии Юденича[563]). Жизнь его стала невыносимой. Для своего спасения он выдал группу заключенных, готовившихся бежать из лагеря, в благодарность за что условия жизни в лагере для него были смягчены, а через год его освободили и вернули в родную деревню, но заставили быть сексотом НКВД. Последний очень его ценил, во-первых, потому что получить агентов среди староверов было очень трудно, а во-вторых, потому что он жил недалеко от эстонской границы и все местное население уважало его. В обязанности его входило следить за собравшимися бежать через эстонскую границу и за лицами, приходящими из Эстонии в Советский Союз. Его непосредственным начальником, или, вернее, передаточным пунктом, был соседский лесник.

Бургомистру было чрезвычайно тяжело работать на НКВД, но его держали, главным образом, угрозой сообщить о его работе его единомышленникам.

— Поверь мне, — сказал он мне со слезами на глазах, — смерти я не боялся, а теперь и совсем не боюсь, жизнь мне в тяготу. Но позора боюсь больше всего.

В этом я ему поверил. В 1935–1936 годах НКВД передало его ГУПО[564], где он продолжал свою работу. В начале войны все его начальство сбежало, чему бургомистр очень обрадовался, ибо был уверен, что ему больше не придется иметь дело с ГУПО. Все продолжалось до октября. В первых числах этого месяца, ночью, к нему постучали и на вопрос, кто стучит, ему ответили, что он сам знает, от кого это. Затем вошедший назвал несколько слишком хорошо знакомых ему имен и объявил, что теперь к нему будут приходить советские агенты, которым он обязан будет предоставлять ночлег и продовольствие. Бургомистр на другой день думал сообщить об этом мне, но знал он меня слишком мало для этого. Затем он рассказал мне, что помимо погибшего Кузнецова советскими агентами являются Ася[565], служившая в НКВД еще до войны, и лесник. Я решил не трогать бургомистра, так как его рассказ был вполне правдив. То, что он ненавидел советскую власть, по крайней мере, для меня [было] все всякого сомнения. Но поблажка эта не помогла ему. Через несколько дней после того как я арестовал лесника и Асю, бургомистра нашли в лесу, куда он поехал за дровами, с финским ножом в спине.

Лейтенант, командовавший матросами в Глинках, был молодой человек лет двадцати четырех — двадцати пяти, очень красивый и совершенно не интересующийся службой. Всю работу нес на себе старый фельдфебель; лейтенант же проводил все свое время с одной русской девушкой, в которую был страшно влюблен. Девушка жила в соседней деревне, звали ее Асей и было ей двадцать три года. Была она очень красива, блондинка, и к тому же хорошо говорила по-немецки. С нею жили мать и брат, придурковатый парень. Я не обращал особенного внимания на времяпрепровождение лейтенанта, так как и я и фельдфебель были довольны тем, что он ни во что не вмешивается.

Теперь положение переменилось: по словам бургомистра оказалось, что Ася была советской агенткой. Прежде всего я серьезно попросил лейтенанта, чтобы он не виделся больше с Асей. Затем я сообщил обо всем случившемся, хотя это [было] не по правилам, Клейсту из 18-й армии, прося его совета, ибо боялся, что, в случае если я дам делу законный ход, Асю немедленно расстреляют, а лейтенанта отдадут под военный суд; обоих по их молодости мне было жалко. Лейтенант меня не послушал и продолжал встречаться с Асей. От Клейста скоро пришел ответ, в котором он сообщил, что о лейтенанте поставлен в известность штаб, которому тот непосредственно подчинялся, а Асю требовал доставить к себе. Лейтенанта действительно немедленно отозвали из Глинок. Много времени спустя я узнал, что он, будучи не в состоянии забыть Асю и утешиться, вскоре попросился добровольцем на какое-то совсем отчаянное дело и погиб с честью.

Выполняя распоряжение Клейста, я посадил Асю в автомобиль вместе с ее матерью, которую она ни за что не хотела оставлять (кроме того, мною руководило соображение, что всегда полезно иметь заложником близкое лицо агента), и отвез их в Сиверскую[566], где стоял штаб 18-й армии. Там Асю поместили в особом доме для агентов, конечно, под сильным, но незаметным наблюдением. Клейст имел намерение перевербовать ее для немецкой службы. Для матери Аси нашли легкую и приятную работу в городе Вайзенберге и тоже, конечно, установили за ней наблюдение. С Асей пока не вели никаких переговоров о ее будущей работе, но, я думаю, она догадывалась, почему с ней так хорошо обращаются. Однажды она попросила разрешения бегать на лыжах по окрестностям. Ей разрешили такие прогулки в сопровождении агента, хорошего лыжника. И вот в одну из таких прогулок Ася заколола агента его собственным кинжалом и ушла. После товарищи агента, сопровождавшего Асю, пояснили нам, что последний очень быстро влюбился в Асю, а потому, естественно, и потерял нужную осторожность в обращении с ней.

Отправив Асю к Клейсту (все эти дела заняли всего два дня), я, взяв восемь матросов и Семена, своего первого агента, отправился в лес арестовывать лесника, что нам и удалось сделать, арестовав попутно и подозрительного молодого человека в лыжном костюме, сидевшего у него. Связав им руки, мы повели их с собой, но, очевидно, пока мы шли лесом, были замечены, ибо, не доходя еще до нашей деревни, подверглись обстрелу, причем молодой человек был убит, а лесник смертельно ранен. Все же и тело неизвестного молодого человека, и раненого лесника мы доставили в штаб, где обыскали обоих. На трупе не было обмундирования, а лесник просил меня дать ему принять пилюлю цианистого калия, зашитую в его одежде (мы обнаружили ее при обыске). Будучи совершенно уверенным, что он вскоре так или иначе умрет, я сам (хотя это и было против инструкции) подал ему пилюлю, приняв которую, он очень скоро умер. Через несколько дней после смерти лесника прилетел советский самолет и обстрелял нашу радиостанцию из пулеметов. К счастью, кроме двух рыбаков, никого не задело.

После этого меня вызвал к себе в штаб начальник береговой охраны, о котором я уже говорил, и приказал мне расследовать дело его переводчика — русского эмигранта из Берлина лет сорока пяти, действия которого кажутся ему подозрительными. Опросив бургомистра и двух или трех почтенных староверов, я выяснил, что переводчик этот скупал землю у крестьян, причем в случае отказа продать землю угрожал им отправкой в лагерь в Нарву или передачей [их] как подозрительных в СД. При покупке он требовал подписания бумаги, в которой значилось, что крестьянин получил от него за землю большие деньги. В действительности же он ничего им не давал.

Такая подлость со стороны русского человека на немецкой службе, подлость по отношению к русскому же населению, страшно меня возмутила. Я попросил у капитана разрешения допросить его переводчика с глазу на глаз, на что последний согласился. Переводчик вначале не пожелал мне ничего говорить и вел себя чрезвычайно нагло. Потеряв терпение, и несмотря на то, что я был в форме и поступок мой мог иметь печальные последствия по службе, я ударил его по челюсти кулаком. Результат получился поразительный. Оказавшись страшным трусом, встав с пола, переводчик чистосердечно во всем признался, и я без труда убедил его подписать протокол допроса, после чего он был немедленно арестован и отправлен в Ревель, где его предали военному суду.

В начале декабря 1941 года я был внезапно вызван в Ревель к моему начальнику, который по приезде сообщил мне, что Гестапо из Риги прислало [по поводу] меня целый ворох обвинений и что это обстоятельство чрезвычайно неприятно и хлопотно для него. Меня обвиняли, во-первых, в том, что я имел письменные сношения с лицом, служащим на немецком аэродроме во Франции, и в том, что, служа на заводе, я [во время] своих поездок во Францию брал с собой письма рабочих, чтобы они, таким образом, избегали немецкой цензуры. Это действительно имело место; я брал письма для передачи, потому что мне было иногда жаль иностранных рабочих и хотелось помочь им. Затем мне ставили в вину то обстоятельство, что, уезжая из Ганновера на фронт, я не

сообщил о своем отъезде в полицейский участок (я действительно не сделал этого) и, наконец, что при допросах я часто избиваю допрашиваемых. Последнее обвинение до глубины души меня возмутило: не органам Гестапо обвинять сотрудников Абвера в таких вещах! Не менее меня последним был возмущен и капитан, и потому, защищая меня по всем пунктам, он написал в Ригу резкое и ядовитое письмо, что несколько успокоило Гестапо и побудило их оставить меня временно в покое. Тут я вспомнил их угрозу, что, отказываясь служить у них, я еще не раз услышу о рижском Гестапо. И действительно, органы эти не останавливались ни перед чем в своем стремлении добиться нужных им грязных и безнравственных целей.

В конце нашего разговора капитан Эбергарт спросил меня, справедливы ли дошедшие до него слухи, будто на нашей радиостанции два раза в неделю устраиваются танцевальные вечера, на которых под граммофон наши матросы танцуют с девушками из окрестных деревень и угощают их сладостями. Слухи эти были справедливы, ибо по просьбе фельдфебеля, очень любившего и заботившегося о своих молодых матросах, я приказал бургомистрам собирать два раза в неделю девок и молодых баб на танцы в радиостанцию, причем мужчинам также разрешалось эти танцы посещать, но они не должны были это делать в принудительном порядке, а только по собственному желанию. Вечера эти сразу же стали пользоваться таким успехом, что нам пришлось ограничивать вход желающим, а затем перенести их в школу, где было больше места. В скором времени составилась даже смешанный (из немцев и русских) оркестр и очень хороший хор. Но так как в конце 1941 года существовал еще строгий приказ фюрера об изоляции немецких солдат от населения, о котором я, конечно, знал, то мне пришлось объяснить капитану, что вечера эти устраивались населением и что если матросы и бывают там, то это случается очень редко. Капитан моим объяснением совершенно удовлетворился.

Вербовка агенты в Нарве

Вернувшись из Ревеля, я решил развернуть работу и для этого увеличить число агентов. Для осуществления намеченного мною плана мне пришлось довольно часто ездить в Нарву. Я думал, что самым легким будет для начала поискать подходящих людей в тюрьмах, и мне пришлось поэтому обратиться в СД и в эстонскую политическую полицию. СД, впрочем без всякой охоты, дало мне разрешение на вербовку агентов в тюрьмах, но советовало еще поговорить с эстонцами.

На другой день, одевшись в штатское, я отправился в эстонскую политическую полицию. Мне было интересно посмотреть, как они обращались с публикой. Помещалось это учреждение на окраине города, в великолепном каменном доме. Часовым при входе я сказал, что желал бы поговорить с их начальником или его заместителем, и меня направили на второй этаж. Чиновник, к которому я обратился по-русски, с руганью сообщил мне, что «только свиньи говорят на этом языке», а на мое возражение, что другого языка я не знаю, неприлично выругался сначала по-эстонски, а затем, очень чисто, по-русски. Я отошел от него и пошел по другим комнатам. В доме этом царил страшный беспорядок. Всюду сидели brave молодые, курили, рассматривали друг у друга оружие или что-то деловито писали. Некоторые, несмотря на ранний час, пили водку и закусывали. На меня решительно никто не обращал никакого внимания.

В одной из комнат я услышал крики и, войдя, увидел, как какой-то эстонец избивал двух русских девушек. На мой вопрос по-немецки, что он делает, он ответил, что допрашивает двух русских свиней, подозревавшихся в шпионаже. Мое пояснение, что такого рода арестованных следует передавать в немецкую контрразведку, а эстонской политической полиции — заниматься своим делом, рассердило его, а мой ответ на его вопрос, немец я или русский, окончательно вывел его из себя. Он, грубо схватив меня за шиворот и ругаясь по-русски и по-эстонски, потащил в соседнюю комнату, где сидело несколько молодых, вскочивших, когда мой спутник объяснил им что-то по-эстонски. Молодцы стали наперебой задавать мне вопросы на немецком, эстонском и русском языках. Когда я увидел, что один из них достает из шкафа резиновую палку, а другой

старается снять с меня пальто, я попросил их успокоиться и отвести меня к их начальнику, предупредив, что, если они этого не сделают, им будут грозить крупные неприятности. После долгого объяснения между собою на эстонском языке, из которого я ничего не понял, они толпой повели меня на третий этаж и, постучав, ввели в хорошо обставленный кабинет. За столом сидел пожилой, очень приличный по внешности господин, которому молодцы начали что-то объяснять, сильно жестикулируя. Господин сделал нетерпеливый жест, приказав им всем удалиться, а затем очень величаво, на чистом русском языке предложил мне сесть и угостил папиросой.

— Надеюсь, что вас не успели избить? — спросил он меня. — Видите, как неосторожно вы сделали, придя к нам в штатском. Эти молодые люди — энтузиасты, очень быстро дают волю рукам, — пояснил он грустно. Оказалось, что он видел меня в форме и знал, кто я. Я объяснил ему цель моего посещения. Выслушав меня внимательно, он с радостью согласился мне помочь, сказав, что на другой день пришлет мне чиновника с биографиями подходящих для меня людей. Он также согласился исполнить мою просьбу о переводе избиваемых его молодцами девушек в тюрьму и записать их за мной. Прощаясь, он, вероятно из осторожности, сам проводил меня до выхода из здания.

На другой день из списка, принесенного мне чиновником эстонской политической полиции, я выбрал себе двух убийц, одного грабителя и одного жулика, причем последнего чиновник мне особо рекомендовал, как человека чрезвычайно ловкого. Все эти люди прекрасно говорили порусски, и всем им грозил расстрел за совершенные преступления, ибо действовали законы военного времени. Чиновник же проводил меня в тюрьму, где я приказывал вызывать к себе кандидатов по очереди, беседуя с ними. Один из убийц оказался совершенно неинтеллигентным человеком, убившим будучи пьяным, что доказывало его несдержанность, а потому я вычеркнул его из своего списка; другой убил из ревности, до этого случая никогда не судился, бойко отвечал на вопросы, семья его жила в Эстонии (что давало мне уверенность в том, что он не сбежит), ненавидел советскую власть, забравшую его брата на службу в Красную армию, и охотно согласился быть агентом, ибо, помимо всего прочего, это спасало ему жизнь и давало свободу.

Грабитель был чисто уголовным типом, но имел красивую внешность и был очень смелым человеком. Во время советской оккупации он несколько раз побывал в Ленинграде, сошелся там с уголовным миром и находил теперь, что люди его профессии в Советском Союзе живут бедно, а риск несут значительно больший, чем в Эстонии. Это обстоятельство заставило его относиться чрезвычайно недоброжелательно к советской власти. На мое предложение он согласился, предварительно выяснив материальную сторону службы и риск, с ней связанный. Такой деловой подход к будущей работе мне понравился, так как доказывал, что грабитель этот был осмотрительным человеком. Должен сказать, что со временем из него выработался прекрасный агент, с которым было приятно работать. Жулик оказался уже пожилым человеком, с очень скромной внешностью. Он много раз сидел в тюрьмах и в Латвии, и в Польше, и в Литве, а работать у меня согласился без особого удовольствия. Но из него вышел тоже прекрасный, надежный агент. В тот же день я перевез вновь завербованных агентов на специальную квартиру, служащую только для этих целей, где и заставил их писать подробнейшие биографии.

Допрос двух девушек оказался очень интересным. Обе были студентками Института физической культуры имени Лесгафта в Ленинграде и в 1941 году учились уже второй год. В конце сентября со многими другими они были мобилизованы и перешли в распоряжение начальника партизанского штаба Ленинградской области, находившегося на улице Декабристов, в доме 25[567]. Военным комиссаром этого штаба был некий Курочкин[568], очень талантливый и энергичный разведчик. В штабе они подписали обязательство и принесли присягу. Затем прошли краткий курс обучения. Программа этого курса была самая шаблонная, для начинающих агентов: часов пять-шесть в день их учили радировать и умению обращаться с радиоаппаратом типа «Север». Потом их знакомили с характеристикой органов немецкой контрразведки и с разными немецкими формами и знаками отличия. Много времени занимало также обучение шифрам (правда, самым простейшим),

которыми они должны были владеть, и изучение индивидуальных легенд. В курс обучения входило также умение обращаться с простейшим подрывным материалом.

Когда они были, по мнению Курочкина, достаточно подготовлены, их посадили на две недели усиленного питания, ибо царивший уже в это время в Ленинграде страшный голод, несмотря на то что в школе они получали лучший продовольственный паек, придавал им такой истощенный внешний вид, который не мог бы не броситься в глаза в Эстонии, где продовольствия было вдоволь и люди в массе своей выглядели упитанно. В конце концов, их прилично одели и в начале декабря сбросили с самолета в районе Кингисеппа. Парашюты девушки по инструкции зарыли в снег, а сами пошли пешком в Нарву, куда и прибыли благополучно. Отсюда они должны были ехать поездом сначала в город Еви, а оттуда в Ревель. На вокзале в Нарве их арестовали эстонцы, очевидно, привлеченные их разговором по-русски. Я, конечно, не поверил их рассказу в части, касавшейся Нарвы. Несомненно, что в Нарве они должны были иметь явку и пароль к этой явке. Я долго и упорно допрашивал девушек и по одиночке и вместе, лишал их временами пищи и сна или воды, но обе обладали исключительно твердым характером и ничего не говорили. Несколько раз я предупреждал их, что мне придется предать их военному суду, который приговорит их к смерти, и старался доказать им, как это будет печально, ибо они еще молоды и будущее их может быть хорошим, но и это не помогало.

Наконец я затребовал опытную агентку из штаба 18-й армии, которую снабдил подходящей легендой и посадил в камеру, рядом с ними. Агентка познакомилась с девушками при выходе на прогулку и, быстро войдя к ним в доверие, установила, что посланы они были именно в Нарву, к резиденту с радиостанцией, проживавшему в рабочих казармах фабрики Кренхольма. Я немедленно с помощью чинов ГФП оцепил указанный дом и арестовал резидента с радиоаппаратом. Он оказался старым эстонским коммунистом, долго жившим в России. Роль его была небольшая, и знал он очень мало, почему был мне неинтересен, и я очень быстро передал его военному суду. Девушки очень огорчились, когда, вызвав их в последний раз, я сообщил все, что узнал, и указал им, что чистосердечное признание вовремя облегчило бы их положение. Мое предложение работать в немецкой разведке они отвергли с негодованием. Преданные и осужденные военным судом, они умерли очень храбро, с криком: «Да здравствует Сталин! Смерть фашистам!»

Вернувшись к себе в Глинки, я застал там одного знакомого мне по Риге переводчика, о котором слышал уже несколько раз в штабе соседней дивизии. Он рассказал мне, что, как только попал с немецкой частью в Россию, ему стало очень противно немецкое общество, и он, подобрав себе из военнопленных группу человек в пять, предложил своему начальству заняться чисто военной разведкой. Несколько раз, переодевшись в красноармейскую форму, ходил он через фронт и рассказал мне много интересного: солдаты за Сталина драться не хотели, но боялись немецкого плена, общей мечтой было, прогнав из России немцев, перебить и сталинцев и коммунистов, установить в стране свободный политический режим, а главное — уничтожить колхозы. Познакомил он меня также со своим товарищем, бывшим военнопленным по имени Миша[569]. Миша был парень лет двадцати шести, очень красивый и интеллигентный. Родители его были раскулачены и сосланы в Сибирь. Он несколько раз поступал в высшие технические училища и блестяще учился, но всякий раз как только выяснялось, кто были его родители, его выгоняли. Миша со слезами на глазах говорил, что ни за что не пошел бы воевать вместе с немцами, если бы видел хоть малейшую возможность жить в России для себя и для десятков миллионов других.

Мы с грустью попрощались друг с другом, и я с завистью смотрел на уезжавших в легких санках друзей. Мне тоже было бы приятней быть на фронте и честно воевать, но судьба моя сложилась иначе. Я встретился с Ш.[570] в апреле 1945 года в Хойберге[571], куда он прибыл немного раньше меня. Ш. был уже майором и имел много орденов. Он был убит в начале мая советскими парашютистами в Чехии. Миша погиб в 1943 году при отступлении власовской армии.

Русские агенты, завербованные Абвером

Агенты все без исключения были добровольцы и могли в любой момент отказаться от работы, причем в этом случае им обеспечивали хорошие места в тылу. Исключение составляли только агенты, отказавшиеся от работы в последнюю минуту, т. е. получившие задание и не выполнившие его. Таких отправляли до конца войны в специальные лагеря около Кёнигсберга, которые назывались «лагерями для знающих секретные вещи» и в которых с заключенными очень хорошо обращались: получали они военный паек, много папирос, и при лагере имелась хорошая библиотека; жили заключенные по три-четыре человека в одной комнате и имели возможность гулять в саду, который, правда, был разделен по квадратам высоким забором. Самоубийства в этих лагерях были редким явлением. Довольно часто в них попадали и немцы. В 1945 году всех заключенных успели выпустить на свободу до приезда гестаповцев, желавших во что бы то ни стало расстрелять последних при приближении советских войск.

Я стал знакомиться с нашими агентами и проводить у них вечера. Кормили агентов совершенно исключительно, исполняя в этом отношении все их желания; папирос и водки тоже выдавали много, но, конечно, следили, чтобы они не очень напивались. В отдельном доме жили несколько девушек-агенток, которым было вменено в обязанности по вечерам развлекать агентов-мужчин (половые сношения были запрещены) и вместе с тем узнавать тайные их помыслы, конечно, насколько это им удавалось. Внутренним начальником у агентов был русский литовец, человек лет сорока пяти, толстый и хитрый, давно служивший в немецкой разведке.

Я был заинтересован, главным образом, узнать, что именно побуждало этих людей идти на такое опасное дело, и притом совершенно добровольно. Через несколько дней, когда мы привыкли друг к другу, я смог сделать следующие выводы: большинство из них шло в разведчики из желания отомстить; эти опять разделялись на две группы людей: первые — и их было большинство — потеряли родственников, дом, положение, друзей; их зацепило НКВД, а раз пострадавши, они по существующим неписаным законам этого органа не имели никакой надежды опять вырваться и стать полноправными людьми. Обещаниям власти, что на войне они смогут искупить свою вину, которой они за собой не чувствовали, они не верили. В начале войны эти люди были мобилизованы, в большинстве своем попадали в специальные части, из которых при первом же случае перебежали к немцам, надеясь, что смогут вместе с ними свергнуть владычество Сталина. Понимая всю ужасную и преступную политику Гитлера, они все же верили, что немцы опомнятся. «Ведь не такие же они все-таки дураки», — говорили они. Помимо этого, переходя фронт на советскую сторону, они смутно надеялись найти в России какие-то перемены к лучшему. Это были вообще люди, близкие к отчаянию и старающиеся забыть на опасном деле. Их часто мучил вопрос, правильно ли они поступают. Разведчики эти давали очень большой процент потерь, ибо нервы у них были истрепаны и жизнью они не особенно дорожили. По нашей статистике, из десяти человек, посланных через фронт, восемь погибало.

Вторая группа состояла из лиц, обиженных почему-либо начальством. Иногда эти обиды были совсем пустяшными. Долго не раздумывая, они, пустив предварительно из куста пулю в обидчика, бежали к немцам. Над переходом фронта они тоже много не думали, а работали хорошо и охотно. Некоторые попадали к немцам просто потому, что хотели уйти из советской действительности, а в разведку поступали случайно, не зная вначале, в чем будет состоять их работа. Были и просто любители опасной жизни, которые ценили время, выпадающее на их долю между двумя заданиями, когда они могли многое себе позволить. Наконец, были и такие, и их было меньшинство, которые, перейдя фронт три обязательных раза, уходили потом, согласно условию, на покой. Таким предоставляли все возможности хорошо устроиться в глубоком тылу. В большинстве своем это были люди в возрасте между тридцатью и сорока годами, смелые, но не любившие зря рисковать жизнью. Но все разведчики, представители всех абсолютно групп,

ненавидели советский режим и мечтали о свержении советской власти. Приблизительно 80 % из всех категорий после трехчетырех заданий не могли больше работать: нервы их не выдерживали, их отправляли лечиться в Германию, а после лечения хорошо устраивали в тылу. Десять процентов нервно заболело на всю жизнь.

Вскоре меня перевели стажировать во второй отдел, занимавшийся саботажем и убийствами на вражеской территории. В немецкой разведке по традиции, установившейся еще при полковнике Николаи[572], этот вид разведки не пользовался популярностью, поэтому, быстро и поверхностно изучив разные способы подрывной деятельности, я был переведен в отряд ГФП. Здесь меня ознакомили с научными методами ведения следствия, умением обыскивать людей и квартиры, а затем поручили старому и опытному криминалисту обучить меня простейшим приемам криминальной полиции, как-то: начаткам дактилоскопии, умению разбирать и классифицировать фотокарточки и быстро запоминать различные лица на них, некоторым приемам грима, а уже под конец обучения доктор-специалист учил меня простейшим приемам легальной медицины и умению обращаться с ядами. Этим мое техническое образование закончилось, и майор решил послать меня познакомиться на месте с разными отрядами разведчиков и их начальниками, так как предполагалось, что я стану их инспектором, то есть буду проверять их работу.

Такие отряды имелись во всех крупных населенных пунктах района, подчиненного штабу 18-й армии, и все они были за редкими исключениями построены по одному шаблону. Отряд состоял из начальника, обыкновенно завербованного в самом начале войны или сильно чем-либо отличившегося и умевшего заставить себя слушаться. Обыкновенно при начальнике жила и его любовница, заведовавшая хозяйством, а иногда принимавшая участие и в работе. Заместитель начальника был всегда человеком с образованием и говорящий по-немецки. Он писал все донесения и вел денежную отчетность. Затем, в зависимости от важности пункта, в котором отряд находился, имелось от четырех до восьми кадровых агентов, вербовавших себе осведомителей среди населения, и две-три агентки-женщины. Был также повар-агент и два-четыре агентабоевика, обыкновенно очень сильных, храбрых и глупых людей. Эти несли караулы, конвоировали и охраняли арестованных, делали засады и т. д.

Первый отряд, куда меня послали, стоял в Вырице, а командовал им уже тогда известный Шмеллинг (настоящая фамилия Тулинов[573]). Он был завербован лично Клейстом в лагере военнопленных в Волосово в сентябре вместе с его теперешним помощником, носящим кличку Штирк. Кличку Шмеллинг дали Тулинову за его сходство со знаменитым немецким боксером, носящим то же имя. Шмеллинг был человеком огромного роста, очень широкий в плечах и отличавшийся невероятной физической силой. Черные вьющиеся волосы и большие жгучие глаза при его богатырском сложении придавали ему очень красивый вид. Когда я с ним познакомился, ему было двадцать восемь лет. До войны он был комиссаром на небольшом военном судне на Дальнем Востоке и убежденным, искренним коммунистом. Но расстрелы и аресты среди военных после раскрытия заговора Тухачевского его страшно потрясли, до того, что, как он говорил мне, он заболел нервным расстройством.

Каждый отряд причислялся на довольствие к местной комендатуре, от которой и получал такое количество пайков, какое требовал его начальник. Проверять начальника, кроме нас, никто не имел права. Комендатура также была обязана предоставлять в их распоряжение автомобили и бензин, но только со своими шоферами, а также помещение в тюрьме для арестованных. Все агенты имели выданные нами специальные удостоверения, а Шмеллинг — еще и бумагу, запрещавшую кому-либо из немцев входить на территорию их дома и сада. Водку, деньги, табак и другие товары привозили им раз в неделю из нашего штаба.

Красногвардейск (Гатчина)

Через некоторое время меня перевели в отряд, находившийся в Красногвардейске (Гатчина). Отряд этот был очень похож на отряд Шмеллинга и по числу людей и по составу, но командовала им молодая женщина по кличке Женька[574]. Она, двадцати шести лет от роду, была скорее некрасивой, до войны жила в Ленинграде и работала в НКВД мелкой сексоткой, занимаясь немного и проституцией. Через фронт ее заслали в начале сентября, и она сейчас же явилась в комендатуру Северной, прося отвести ее в немецкую контрразведку. Там она чистосердечно рассказала о своей жизни, сообщила о полученном задании и предложила работать агенткой для немцев, объясняя это тем, что жизнь в Советском Союзе ей страшно надоела своей серостью и скукой и что она уверена, что своей хорошей работой сумеет заслужить себе доверие, а после окончания войны — обеспеченную жизнь за границей. Действительно, работала она очень хорошо, аккуратно и осторожно и вскоре, подобрав себе несколько хороших сотрудников, попросила дать ей группу. В декабре для пробы в ее распоряжение предоставили небольшую группу, работая с которой, она быстро доказала, что вполне достойна быть ее начальником. В январе начальник и заместитель начальника отряда в Красногвардейске были убиты при аресте советских агентовпарашютистов, и, не имея никого под рукой, наш майор назначил туда командиром Женьку. В 1943 году Женька просила отпустить ее со службы, мотивируя просьбу большой усталостью, и отправить в Германию, где она желала работать в мастерской дамского платья. Просьба ее была исполнена, и, кроме того, она получила крупную денежную награду. Женька и сейчас живет в Германии[575], имеет хорошо налаженный и приносящий доход магазин дамского платья, мужа — бывшего разведчика ее отряда и двух прелестных детей.

Красногвардейск в 1941–1942 годах был довольно большим городом, в котором, помимо всего прочего, находились самый большой армейский продовольственный лагерь (в бывшем дворце), огромный склад боеприпасов и самый большой русский базар. Базар этот занимал очень большую площадь и на нем можно было купить все что угодно: золото, драгоценные камни, валюту любой страны, продовольствие во всех видах, пистолеты и автоматы или полное немецкое обмундирование. Мы, конечно, имели на этом базаре несколько резидентов и осведомителей, и, как ни предупреждал Курочкин и другие советские органы разведки своих агентов о том, чтобы они и близко не подходили к базару, все же обилие маленьких трактиров и чайных с водкой, к которым после голодного и трезвого Ленинграда так и тянуло, как магнитом, советских агентов, позволяло нам почти каждый день делать там хороший улов. Конечно, крупной рыбы мы там не ловили — эти были осторожны, — но агентов с мелкими заданиями, шедших из Ленинграда или в Ленинград, было нами схвачено немало. Как ни просили штаб армии полевые жандармы и тайная полиция позволения закрыть этот базар, мы этого не допускали, так как он позволял нам быть в курсе дел вражеской разведки. Думаю, что и Курочкин и ленинградское НКВД от всей души желало ликвидации базара в Красногвардейске.

Из Красногвардейска я был переведен в Тосно. Там стоял небольшой отряд под командой бывшего командира Красной армии сибиряка лет сорока по кличке Валдман[576]. Валдман был взят в плен после долгого сопротивления, оказывая которое, поразил немцев своей исключительно меткой стрельбой. Взявшие его в плен солдаты хотели было убить его в отместку за столько погибших от его руки товарищей, но Валдман объяснил офицеру (он говорил довольно хорошо по-немецки), что ненависти к немцам не имеет, а только исполнял свой долг русского офицера. Его пожалели, отвезли в лагерь, а в деле указали на его исключительную храбрость и упорство. Нашим офицерам стоило большого труда убедить его поступить к нам на службу, причем главным аргументом в уговорах служило преследование религии в России. В конце концов он согласился. Командовал он своим отрядом хорошо, но, к сожалению, слишком любил военные действия, постоянно устраивал засады на парашютистов или нападал на небольшие группы партизан и вскоре по моем прибытии в отряд был тяжело ранен. Перед самой смертью Валдман признался мне, что рад тому, что умирает, ибо служба у немцев, да еще в разведке, совершенно измучила его душевно. Мы похоронили его с честью в Тосно, и я приказал местному священнику

служить по нему панихиды чаще. После смерти Валдмана я временно принял командование отрядом.

Набор добровольцев из военнопленных и борьба с советской агентурой

В конце декабря 1941 года наш штаб решил создать боевую роту разведчиков из русских, в задачу которой входило бы преследование небольших групп партизан, парашютистов, диверсантов и других агентурных групп. Кроме того, рота могла бы устраивать заградительные кордоны в местах, где ожидалось советские агенты, и из состава роты избирались бы люди, могущие вести агентурную самостоятельную работу. Клейст и майор надеялись развернуть эту [роту] в более крупную единицу и положить таким образом начало русским самостоятельным формированиям, необходимость которых они видели с самого начала. Мне приказано было с начала января [1942] ездить по разным лагерям и отбирать там людей в роту.

Для начала я поехал в небольшой лагерь военнопленных, находившийся в городе Копорье. В лагере было около тысячи человек пленных, живших в одном старинном доме. Я просил показывать мне пленных в их комнатах после работы, для чего, одевшись в штатское, пошел к ним.

К моему удивлению, пленные не голодали и жаловались главным образом на скуку и отсутствие табака. Не голодали они потому, что днем работали в разных немецких частях, где их кормили. Паек, выдававшийся им как пленным, был, как и везде, совершенно ничтожен.

Походив по помещениям, я наметил себе двух наиболее подходящих парней и вызвал их на другой день в канцелярию. Оба они были дети зажиточных родителей, потерявших все во время коллективизации. В самом начале военных действий они перебежали добровольно к немцам. Я объяснил этим людям цель своего посещения, причем они с радостью согласились войти в боевую роту и обещали выполнить мое поручение — подобрать еще человек десять-пятнадцать, годных для этой цели. Через день мне был принесен список, в котором значилось более ста имен желающих вступить в роту. Все расписавшиеся хотели бороться с Советами. Выдав кандидатам бумагу и карандаши, я приказал им написать краткие биографии. Еще через день я получил более трехсот биографий о зачислении в роту. Читая биографии, я был поражен тем обстоятельством, что несмотря на самые разные профессии — от рабочего до профессора — все эти лица так или иначе пострадали от советской власти, если не сами, то их ближайшие родственники. К вечеру я имел еще сто биографий, написанных на самой разнообразной бумаге (я больше бумаги не давал), в которых повторялось почти то же самое. Я мог взять из этого лагеря только пятнадцать человек, а потому выбрал наиболее подходящих, послал их на медицинский осмотр и просил коменданта лагеря отправить отобранных мною как можно скорее в Левашово, куда переселился весь наш штаб.

Из Копорья я поехал в лагерь Волосово. Это был огромный, на несколько тысяч человек, лагерь, где пленные жили в землянках, в ужасающих условиях; смертность в лагере была очень велика. Комендант лагеря, очень добрый старый офицер, старался, как мог, помочь пленным, но был не в состоянии сделать, что хотел, так как пленных было чересчур много. Зима стояла лютая, пленные были одеты плохо, поэтому два раза в неделю комендант сажал нескольких пленных на телеги и в сопровождении немецких солдат отправлял их в деревни для сбора у жителей продовольствия и теплой одежды. Не было случая, чтобы телега вернулась пустой, а ведь населению жилось не очень хорошо.

В Волосове, при штабе Корюка (командующего тылом[577]), жил хороший знакомый Клейста зондерфюрер Бер[578]. До революции Бер проживал в Москве, говорил по-русски, как русский, и больше любил Россию, чем Германию. Будучи извещен о моей миссии, он заранее подготовил мне списки и биографии, среди которых две особенно обратили на себя мое внимание. Оба автора

биографий были офицерами Красной армии и кавалерами орденов Красного Знамени и Ленина, полученных за финскую и эту войну, и оба перебежали добровольно к немцам в октябре 1941 года.

Шубко[579], которого я первым вызвал к себе для беседы, оказался уроженцем Украины, но считал себя русским и к самостийникам относился иронически. Ему было двадцать семь лет, и он имел чин старшего лейтенанта пехотных войск. Он окончил специальную снайперскую школу и часто поражал нас потом избирательной меткостью своей стрельбы. Сын очень бедного крестьянина, окончив среднюю школу, Шубко поступил на военную службу. Учился он очень хорошо и скоро стал офицером. На финской войне отличился, и ему предстояла блестящая карьера. Противником советского строя стал он на войне, когда увидел, с какой преступной легкостью посылают советчики солдат на верную гибель. «Это не правительство, а сволочь и преступники, раз они народ не жалеют», — говорил он с дрожью ненависти в голосе. С ним мы быстро договорились. Другой офицер, Полежаев[580], был сыном московского рабочего и прирожденным авантюристом. В детстве он несколько раз убежал из дому, с трудом окончил школу, а затем поступил на военную службу. В боях при Хасане он отличился, был награжден и направлен в офицерскую школу. Окончив ее кое-как, по дороге в свою часть он страшно напился и учинил в ресторане грандиозный скандал. Из уважения к его наградам дело кончилось для него только отчислением в запас. Во время финской войны он был снова призван в армию и снова отличился. К немцам он перебежал потому, что застрелил своего командира, чем-то его обидевшего. Обоих я взял с собою и привез в Левашово, где Шубко был назначен командиром роты, а Полежаев — его помощником.

Я побывал еще и в других, более мелких, лагерях и набрал требуемых для начала сто человек. Всюду, куда я приезжал, немцы, заведовавшие лагерями, выражали свою радость по поводу начавшегося формирования русского отряда, причем говорили, что уже много раз писали начальству, предлагая то же самое, но ответа не получали. Все люди отряда были одеты в новую немецкую форму и получили документы. Продовольствие они получали то же, что и немецкие солдаты, но за табак и водку, причитавшиеся им, пришлось сильно бороться — интенданты говорили, что русским это не полагается. Шубко и Полежаев получили офицерскую форму и погоны зондерфюреров в офицерском звании. Нам стоило большого труда заставить немцев относиться к ним с должным уважением. С другой стороны, и бойцы отряда доставляли нам своим поведением много хлопот. Во-первых, через неделю после их прибытия во всех окрестностях не осталось ни одной курицы, а у многих жителей пропали даже свиньи и коровы. Во-вторых, при первом же учебном походе посыпались жалобы гражданского населения, главным образом на приставание к женщинам, а коменданты жаловались на то, что чины отряда избивали несколько немецких солдат, причем когда полевые жандармы хотели задержать наиболее активных, то Шубко и Полежаев вынули пистолеты.

Между тем все люди отряда прошли военную службу в Красной армии, а там, после приказов Тимошенко[581], с дисциплиной не шутили. Все эти люди пошли в отряд добровольно, и каждому было указано, что в любой момент он может уйти, получив документы освобожденного из лагеря. И все они без исключения ненавидели советский строй: до конца войны не было ни одного случая перебежки к красным. Только много позже я узнал причину часто безобразного поведения чинов русских отрядов и трагических срывов отдельных людей. Объяснялось это тем, что у них все же никогда не было полной уверенности в том, что они поступают правильно, сражаясь в рядах немецких войск. Не было всегда этой уверенности и у меня. Кровь, которую мы проливали, ложилась лично на нас, так как у нас не было авторитетного начальника, который бы взял всю моральную ответственность на себя. Я помню вечера, когда такие железные люди, как Шмеллинг, плакали и жаловались: «Набил я русских агентов до черта, а ведь они свои, а ведь все равно немцев из России выгонять придется». Начальники отрядов или офицеры, взыскивая с людей за совершенные проступки, нередко слышали за спиной возмущенные реплики: «Продался немцам, а нас наказываешь!» Искоренить такие настроения русских отрядов в чисто немецких формированиях было невозможно.

Зато необычайно быстро и абсолютно прекратились они с появлением Власова. Власов был человеком, которому действительно все верили, и, как это ни странно, особый авторитет ему придавало то обстоятельство, что он разбил немцев под Москвой. Казалось, люди смутно надеялись, что придет момент, когда вновь придется драться с немцами уже за освобождение родины, и что Власов сумеет тогда от них избавиться. Власов был тем вождем, который взял на себя кровь и твердо сказал: «Да, вы правильно делаете, сражаясь с большевиками любыми способами». Но Власовское движение началось значительно позже, а пока нам приходилось держать людей в руках другими мерами.

В середине февраля 1942 года мы стали посылать людей боевой роты на выполнение разных заданий. В одной из деревень недалеко от Сиверской не было немецкого гарнизона, а мне стало известно, что там постоянно бывают партизанские отряды и группы диверсантов. Большинство жителей деревни были настроены просоветски. Я послал туда отряд в двадцать человек, приказав людям надеть под мундиры красные звезды (с фуражек), но показывать их жителям только как бы случайно. Так и было сделано. Отряд под вечер пришел в деревню на лыжах и потребовал у бургомистра квартиры для ночевки. Расположившись по избам, бойцы стали ужинать. Население отнеслось сначала враждебно к русским в немецкой форме, но, увидев несколько красных звезд, искусно показанных, решило, что имеет дело с партизанским отрядом, переодетым в немецкую форму, но не желающим говорить об этом. Отношение сразу переменялось: на столах появилось продовольствие и самогон, под влиянием которого языки у жителей развязались. На другой день мы оцепили деревню и произвели много арестов. Среди взятых людей оказалось много весьма интересных.

Следующим делом было взятие советского самолета. Путем игры по радио, выдавая себя за партизан, мы затребовали у Курочкина специалистов — радистов и подрывников — для крупного дела. Был установлен день и час, а также сигналы для спуска, который должен был произойти на одном из озер около города Тосно. Наши бойцы под начальством Шубко и Полежаева окружили озеро, а человек десять из них ждали прибытия самолета на озере. Эти последние были одеты как партизаны. Все прошло очень гладко: самолет спустился, четверо специалистов высадились, принимая бойцов за партизан, а самолет благополучно улетел. Гостей отвели в лес, в заготовленную заранее землянку, и они там в течение двух дней вели с бойцами откровенные беседы, будучи уверенными, что находятся у своих. Горю их не было предела, когда они, привезенные ко мне, поняли, что были обмануты.

Вскоре советские войска взяли Тихвин с налета^[582] и стали приближаться к городу Чудово, что вызвало в штабе большую панику. Боевой роте было приказано нести сторожевую службу на реке Оредеж. Через две недели рота вернулась, блестяще выполнив свое задание.

В конце февраля или начале марта 1942 года я участвовал с боевой ротой в штурме одной деревни, в которой засел крупный партизанский отряд. Мы шли с юга, а с севера наступал отряд эстонцев. Почти одновременно ворвавшись в деревню, мы быстро покончили с партизанами. Я был занят допросами уцелевших партизан, когда в избу прибежали бойцы и взволнованно сообщили, что эстонцы грабят население и насилуют девушек. Взяв бойцов своего конвоя, я бегом бросился к одному из домов, откуда слышались женские крики и эстонские ругательства. Войдя в дом, я увидел, как эстонский офицер валил на кровать девочку лет четырнадцати-пятнадцати. Оттащив его за шиворот, я спросил, что он собирается делать, в ответ на что офицер хотел вытащить пистолет. Разведчики моментально его обезоружили, а затем вытащили во двор и, сняв штаны, нещадно выпороли. Одевшись, офицер объявил мне, что будет жаловаться, а затем немедленно собрал свой отряд и ушел, двигаясь с большим трудом, опираясь на двух бойцов. Дело это не имело для меня последствий, ибо эстонец жалобы не подал (очевидно, ему стало стыдно рассказывать, что его пороли), но майор все же о нем узнал и посоветовал отнять нагайки у тех бойцов, которые их имели.

После штурма деревни мы скоро обнаружили следы небольшого диверсионного отряда в районе Вырицы[583] и после долгого преследования на лыжах окружили одинокий дом в лесу, в котором отряд засел. После перестрелки мы бросились в атаку, но были удивлены тем, что по нам не стреляют. Ворвавшись в дом, мы увидели четырех мужчин и двух женщин, сидевших вокруг стола. Головы у всех были прострелены, а некоторые держали пистолеты в мертвых руках. Остальные члены отряда были убиты или тяжело ранены нашими пулями, они валялись тут же в комнате, на полу. Из захваченных документов и по другим признакам мы установили, что все члены отряда были евреи, а потому и не удивительно, что, будучи твердо уверенными в судьбе, которая ожидает их в случае сдачи в плен, они предпочли покончить с собой. Снявши с трупов все, что нам было нужно, мы облили дом бензином и подожгли его.

Часть боевой роты постоянно патрулировала на лыжах по далеко лежащим глухим деревням, куда немцы никогда не заглядывали, и нередко захватывала там подозрительную публику. Попутно с работой боевой роты разведчиков шла агентурная работа среди населения. Так, наше внимание давно уже привлекал небольшой поселок с аэродромом, где жили жены и дети бывших советских летчиков. Агенты доносили, что жители поселка настроены очень просоветски, что было вполне понятно, и добиться от них чего-нибудь трудно. Мы составили список наиболее активных женщин, и в один прекрасный день полевые жандармы арестовали их. Затем всех их вместе с детьми развезли по деревням Белоруссии.

По агентурным сведениям мне стало известно, что в районе между Вырицей и Тосно ожидается прибытие группы партизан-диверсантов.

Группа эта действительно спустилась на парашютах. Всей агентуре в этом районе было немедленно дано задание найти парашютистов. Через неделю нам сообщили, что в одном уединенном доме в лесу недалеко от Вырицы поселились два человека. Они были обнаружены по дыму из трубы дома — раньше в этом доме никто не жил. В дом была послана наша агентка Г. С. с заданием войти в контакт с обитателями дома. Агентка Г. С. не вернулась в назначенное время, и через день нами был послан в дом агент Б., который недавно был нами перевербован, а до этого состоял агентом Курочкина. Б.[584] удалось благодаря этому войти в связь с двумя обитателями дома и благополучно вернуться. Он нам сообщил, что, действительно, в доме жили недавно сброшенные парашютисты, которые надеются, что их потерянные товарищи — студент и студентка [института] Лесгафта — их найдут, так как дом был им указан как верное убежище при отлете с советской территории. О своих заданиях они ничего не сообщили. Никаких явок они не имели и должны были действовать самостоятельно. Ввиду того, что длительное наружное наблюдение в данных условиях (стояли морозы минус сорок градусов) было очень трудно, было решено арестовать этих парашютистов.

Агент Б. сообщил нам, что оба были вооружены автоматами, пистолетами и имели при себе еще ручные гранаты и тол. Обоих агентов поэтому через Б. завлекли под предлогом встречи с интересным для них лицом на одну квартиру в Вырице, где, внезапно схватив, обезоружили, причем было обнаружено, что у каждого лежала в кармане ручная граната, боек которой тонкой бечевкой был привязан к руке, так что при команде «руки вверх!» она бы неминуема взорвалась. Мы знали этот прием и потому при аресте прежде всего прижимали руки к туловищу схваченного. При допросе оба парашютиста сказали в самом начале, что о том, что касается лично их, они охотно расскажут, никаких же имен и адресов называть ни при каких обстоятельствах не будут.

Начальником группы оказался старший по возрасту (тридцатипятилетний), очень сильный, среднего роста мужчина с исключительно ушлым и энергичным лицом. Фамилия его была Путилов[585], и он служил на заводе в Ленинграде инженером. В прошлом он оказался сыном зажиточных родителей, окончил десятилетку, техникум, хорошо знал немецкий и английский языки. Мобилизован в армию не был как хороший специалист. Его завербовал лично Курочкин и уговорил работать в тылу у немцев. Особого обучения как инженер и очень интеллигентный

человек он не проходил, а получил несколько индивидуальных уроков. В Ленинграде у него остались жена и дочь, которых должны были в скором времени вывезти на самолете в глубокий тыл. Его товарищ был спортсмен и знал все виды спорта как студент [института] Лесгафта. Там же, в институте, он и был мобилизован и назначен в распоряжение «партизанского штаба». При штабе, с группой других студентов, он прошел краткие курсы (три месяца) по диверсии и агентурной работе, причем главное внимание было обращено на немецкий язык и изучение методов работы немецких органов контрразведки, а также на изучение немецкой формы разных войск, знаков отличия и орденов.

Двое других — их товарищи, из которых одна была девушка, — были тоже студенты [института] Лесгафта. Фамилий и личного описания, несмотря на наши усилия, они не пожелали дать. При прыжке они потерялись и не смогли в темноте и в лесу найти их (девушка через месяц была нами арестована в Нарве и полностью подтвердила их слова). В их задание входило связаться с женами советских военных летчиков, которых очень много проживало в местечках Сиверское, Левашово и Болшево, где находился раньше военный аэродром, затем взорвать на этом аэродроме большие немецкие склады горючего. Для этой цели они имели с собой тол и все необходимое для взрыва. По проведении этой операции один из них — не Путилов — должен был вернуться на лыжах в штаб, а остальные отправиться в Нарву, где их ждал советский резидент. Фамилию его они не пожелали назвать. Нашу агентку Г. С. они раскрыли весьма быстро, закололи финским ножом и закопали в снегу недалеко от дома. Это убийство произвело на обоих очень тяжелое впечатление и явно очень их мучило. Работать, как мы им предлагали, в немецком Абвере они наотрез отказались.

Дальше они сказали, что оба ненавидят советскую власть и особенно Сталина, которых обвиняют в позорном ведении финской войны и в том, что допустили немцев так далеко в глубь России, считают, что колхозы стоят России миллионы жертв, но не хотели бы возврата монархии. [В качестве] политического строя, наиболее подходившего для России, они бы хотели республику, как в Америке. С немцами русский народ будет драться до победы, а затем народ, получив оружие, сумеет рассчитаться со Сталиным и коммунистами. Перед расстрелом Путилов написал короткое письмо своей семье, которое мы и передали по адресу через нашего агента, шедшего в Ленинград. Оба они умерли очень храбро и спокойно.

В декабре наши агенты задержали одну девушку двадцати пяти лет по имени Тося[586]. Установить, что она была действительно советской агенткой, нам не удалось, и она жила у нас на другой половине дома вместе с другими агентками. Она рассказывала нам, что была дочерью врача из Ленинграда, окончила десятилетку, затем сначала училась на медицинском факультете, а потом перешла в Высший институт физической культуры имени Лесгафта. Уехав на лето в Лугу, она была захвачена там немецким наступлением и осталась в оккупированной области. Единственное, что было достоверно, — это что она знала кое-что в медицине и прекрасно владела всеми видами спорта. В феврале она вдруг исчезла, а ночью меня и Клейста разбудил испуганный майор и сообщил, что ему только что звонили из штаба 1с корпуса, потому что ими совершенно случайно была задержана Тося, искавшая ночлега. Приведенная в комендатуру Тося без всякого принуждения рассказала (она была, по словам зондерфюрера, в истерическом состоянии), что она отравила двух немецких офицеров разведки в Сиверской. Мы вспомнили, что, действительно, накануне, часа в четыре дня, Тося принесла нам чай, разлила его в стаканы и поставила на стол, после чего немедленно вышла, и с тех пор ее никто не видел. В тот же момент майор прислал за нами, и, не выпив чаю, мы пошли к нему, а денщик, видя, что чай остыл, вылил его и стаканы вымыл. Оказалось, что в этот-то чай Тося и подмешала отраву.

При последующих долгих допросах Тося призналась, что была послана к нам именно с заданием отравить меня и Клейста, но, узнав нас лично и наблюдая за окружающими немцами, она убедилась, что все мы далеко не такие звери, как о том говорила советская пропаганда, а потому и медлила с выполнением задания. Тогда она получила предостережение с угрозой, что если она не

выполнит поручения в самый короткий срок, то нам сообщат, кто она в самом деле. Подал нам отравленный чай, Тося надела лыжный костюм, взяла лыжи и направилась в [сторону] села Шапки[587], думая, что там легче пройти через фронт, но сильная усталость заставила ее искать ночлега в одной из деревушек недалеко от линии фронта, где она и была арестована. Приговоренная к смерти, Тося умерла очень храбро.

Вместе с Тосей и другими агентками в нашем доме жила также девушка двадцати двух лет, очень хорошенькая и хитрая блондинка. Галя[588] была дочерью полковника войск НКВД, и все ее родственники служили там же. Девушка эта отличалась редкой жестокостью и бессердечием, любила сильные ощущения и неоднократно просила нас показать ей расстрелы, уверяя, что ее дядя несколько раз водил ее на такие зрелища. Ей также доставляло удовольствие доносить на других агентов и агенток, причем она умела раскопать о них такие вещи, что нам приходилось только удивляться. Бездействие ее угнетало, она жаловалась на скуку, но давать ей работу мы опасались и в конце концов передали ее нарвскому отделению СД, где она пришлась к месту и где, говорила она мне при встречах, ей тоже очень нравилось, потому что «похоже на НКВД». В Россию она не боялась вернуться ни при каких обстоятельствах, так как была убеждена, что ее родственники и отец выручат ее из любого положения и покроют все ее похождения.

С начала января 1942 года к нам стали приводить все больше и больше мальчиков и девочек в возрасте двенадцати-четырнадцати лет, посылаемых через фронт советской разведкой. Некоторые из них имели при себе зашифрованные записки, другие несли тол, части радиоаппаратов и т. д. Встретив ласку и хорошее к себе отношение, дети эти охотно рассказывали о своей жизни. Многие ребята потеряли родителей (часто от бомбежки) и, сделавшись беспризорными, бродили по страшным и голодным улицам Ленинграда. Сначала милиция их не трогала, но с декабря 1941 года детей стали хватать и сажать в особые дома, куда периодически являлись офицеры разведки (к сожалению, дети не могли объяснить, к какой разведке они принадлежали) и отбирать для себя наиболее подходящих, то есть наиболее смелых и менее истощенных питомцев этих домов, которых они помещали в особое здание, где подкармливали недели две, а затем, объяснив детям, что они должны были делать, отвозили на фронт и посылали на немецкую сторону ночью. В немецком тылу дети должны были, спрятав багаж в лесу, отправиться в определенную деревню и там ждать, пока за ними придут и скажут условленный пароль. Следуя указаниям этих детей-агентов, мы часто находили принесенный ими багаж, но сколько [мы] ни устраивали засад, нам ни разу не удалось поймать лицо, которое должно было детей принять.

Немецкий Абвер был очень озабочен судьбой этих детей; [только за] январь 1942 года было задержано более тридцати человек, и так как ни под какие законы они не подходили, то Абверу пришлось запросить высшее начальство о том, что мы должны с ними делать. Ответ адмирала Канариса[589] пришел быстро и [предписывал] немедленно устроить специальный детский дом около Пскова, в котором содержать детей (мальчиков отдельно от девочек во избежание могущего быть разврата), пригласить к ним учителей, кормить за счет Абвера, а одевать на средства и помощь окрестных жителей. В конце февраля 1942 года засылка детей-агентов прекратилась так же внезапно, как и началась. О дальнейшей судьбе этого специального интерната для детей я больше ничего не слышал.

Церковь и местное население

В январе 1942 года мне выдали настоящее удостоверение от ОКВ на звание разведчика-офицера. С ним я имел право ходить в штатском, ездить на любом поезде, производить аресты и требовать для этого от местного начальства солдат, не объясняя им причин требования. Вообще это удостоверение давало мне много преимуществ и означало большое повышение по службе. Орденов в то время русским еще не давали.

В это время я часто ездил по разным делам в Нарву и встречался там со многими русскими семьями. Отношение эстонцев к нам значительно переменялось к лучшему, но советских агентов в Нарве было по-прежнему очень много. В эти дни произошел случай, произведший огромное впечатление на население Нарвы: было арестовано и расстреляно по приговору военного суда десять докторов и старших сестер [из числа] (немцев), работавших в главном лазарете, за продажу по спекулятивным ценам продовольствия и медикаментов. Население было удовлетворено тем, что немцы безжалостны не только к чужим, но и своим проступков не спускают; авторитет немцев после этого случая поднялся.

Начиная с Рождества, майор, Клейст и Бер носились с мыслью организовать какое-нибудь подобие русского центрального самоуправления на весь район 18-й армии, надеясь в дальнейшем передать ему все гражданское управление. Хотя меня и не посвящали в эти проекты, я знал, что высшие офицеры штаба относились к нему очень одобрительно. Бер подобрал уже подходящих людей, и я занялся их проверкой, когда пришел грозный приказ ОКВ, запрещавший даже думать и мечтать о каком бы то ни было русском самоуправлении.

Население нашего района было очень религиозно и во многих деревнях само восстановило церкви. Во всем районе при занятии его немцами не было ни одного не разрушенного большевиками храма. Священников было на весь район только два. Один из них, скрывавшийся во время советской власти восьмидесятилетний старик, теперь безостановочно ездил по деревням, где отпевал, крестил и женил людей, причем совершал все эти требы (в большем числе случаев) над десяти-, пятнадцатилетними детьми, давно жившими вместе супругами и Бог знает сколько лет пролежавшими в земле покойниками (впрочем, последних было достаточно и только что умерших: зима в этом году была лютая). Многие считали этого старичка святым. Другой священник жил подолгу на одном месте и был прохвост: брал с населения больше за выполнение треб, а не могущим платить отказывал. Оба священника получали военный паек.

Поведение второго вызывало ропот населения и очень не нравилось мне. Поэтому, не будучи духовным лицом, я все же вызвал его к себе, указав на неподобающую его сану жадность, дал понять, какие печальные последствия могут иметь место, если он не поймет, что ему нужно делать, и если наше заключение будет окончательно принято. Внушение мое, очевидно, имело действие, ибо поп быстро исправился и стал требовать значительно меньшую мзду за услуги, оказываемые населению. Я был рад этому, так как было бы неприятно отправлять духовное лицо на каторжные работы. Убедившись, что двух священников для нашего района недостаточно, я просил майора разрешить мне в частном порядке пригласить таковых из Нарвы, где их было больше тридцати человек. Майор согласился, но не очень охотно: он не любил духовенства вообще. При очередной поездке в Нарву я посетил несколько духовных лиц, предложив им переехать для работы в наш район, но должен сознаться, что все они — и священники, и дьяконы — проявили интерес только к материальной стороне моего предложения, и все, поломавшись более или менее продолжительное время, в конце концов ехать к нам отказались, выставив разные мотивы. Это так возмутило меня, что я даже пожалел, что действовал в частном порядке, что избавило их от обычных в таких случаях печальных последствий.

Положение пленных тем временем становилось все хуже — многие среди них умирали. Тем более поразил меня в декабре вид колонны пленных, шедших по дороге даже без конвоя. Они были одеты в советские солдатские ватники и штаны, на головах имели меховые треухи и на многих были прекрасные валенки, обшитые кожей. Шли они в порядке, и командовали ими такие же пленные. На мои недоуменные вопросы пленные [ответили], что составляют часть колонны пленных в две тысячи человек, занятых у начальника транспорта армии.

Через несколько дней я из любопытства поехал к этому начальнику. Он жил в деревне недалеко от Сиверской и оказался старым офицером, служившим еще в Императорской армии. Угостив меня очень любезно, он сообщил, что имел в начале только сто пленных, но, видя, как они хорошо

работают, постепенно довел число последних до двух тысяч. Выдавал он им полный военный немецкий паек, табак и водку. Одел же он их из захваченного случайно склада Красной армии. Пленными начальник транспорта не мог нахвалиться, верил им, а некоторых, знающих немецкий язык, устроил работать писарями в своей канцелярии. Он жаловался, что многие немцы не понимают, что гуманное отношение к пленным — единственный способ завоевать симпатии населения и что из-за этого непонимания многие доносят на него, жалуются, что он дает преимущество русским перед немцами. Действительно, в зиму 1941–1942 года не все немецкие солдаты были так тепло одеты, как его пленные. Я не слышал ни об одном случае побега из этой колонны или проникновения туда советских агентов.

К весне 1942 года отношение немцев к русским стало меняться в лучшую сторону. Немцы, те, которые находились в прифронтовой полосе, все больше начинали понимать, что без русских им войны не выиграть и что нацистская пропаганда о русской дикости и некультурности оказалась сплошной ложью. Их уже не удивляли случаи, когда одетый почти в лохмотья, с длинной бородой, русский человек свободно, на прекрасном немецком языке, говорит с ними о философии Канта, или грязный, голодный пленный умеет разобраться в сложной машине самолета и поправить ее часто скорее и лучше немецкого механика. В Нарве перемена отношения к русским была еще заметней. Немцы, несмотря на возмущение эстонцев, явно начинали отдавать предпочтение русским. Эстонской полиции дали понять, что не следует зарываться и притеснять русских жителей. Фельджандарм, ударивший по лицу без всякой причины русского разведчика, зашедшего по делу в комендатуру, был немедленно строго наказан и послан на фронт. Случаи защиты прав русских на оккупированной немцами территории стали нередким явлением.

Чудово

В начале апреля <.. > майор приказал мне в двадцать четыре часа выехать в город Чудово[590], лежавший под артиллерийским огнем, в пяти километрах от фронта. Там я должен был организовать крупную резидентуру и разведотряд. Никаких агентов мне не дали, а дозволили взять с собой только денщика. По дороге я остановился на одну ночь в Вырице, где разведчики уже знали о постигшей меня неприятности и отнеслись ко мне с большим сочувствием. Мы долго сидели за ужином, мечтая о том времени, когда мы сможем выгнать немцев, свернуть шею коммунистам Сталина и жить самостоятельно в России. Шмеллинг и я, мечтали мы, были бы начальниками районов пограничной разведки на Юге России, агентов бы наших мы сделали резидентами, а наиболее способных взяли бы к себе в штаб... Иллюзии эти были так приятны, что засиделись мы долго, а наутро, увы, пришлось мне вставать рано и ехать в Чудово.

Чем ближе я подъезжал к городу, тем более грустный вид принимали местность и населенные пункты. Всюду виднелись следы войны, разрушения попадались все чаще. Встречались деревни, из которых были эвакуированы все жители и где жили только солдаты. Таким оказалось селение Бабино[591], в котором был расположен артиллерийский склад боеприпасов. По дорогам тянулись бесконечные колонны транспорта — к фронту и от фронта; кавалеристы лениво понукали маленьких русских лошадок. Снег еще лежал на дорогах, и потому все ехали на санях. Недалеко от Чудова меня предупредили, что дорога лежит под обстрелом. Шофер дал полный ход, и мы благополучно проскочили, но следовавшая за нами машина была менее счастлива: прямым попаданием снаряд разметал ее так, что и трупов опознать было нельзя.

Прибыв в Чудово, я явился к коменданту, который был сильно пьян, равно как и все его офицеры. Удивившись, что я русский, и не поверив моим документам, они посадили меня, денщика и шофера под арест, но, позвонив в штаб армии, на другое утро выпустили и принесли извинения. Мне отвели хорошую квартиру в отдельном доме на окраине города, который для начала я тщательно осмотрел. Город был сильно разбит и воздушными налетами, и артиллерийским обстрелом. Правда, артиллерия стреляла довольно редко, но все же то обстоятельство, что мы

были в полосе досягаемости, вызывало неприятное чувство неуверенности. В городе жило около десяти тысяч гражданского населения и стояло около восьми тысяч войска и штаб дивизии СС[592]. Городом управлял выбранный и затем утвержденный немцами бургомистр. Большой жулик и спекулянт, но умный и энергичный человек, он хорошо выполнял свои обязанности, в чем ему помогали четыре или шесть тоже выбранных бургомистров, сидевших во главе районов, на которые был разбит город, и подчинявшихся непосредственно ему. Имелись в Чудове русские полиция и пожарная команда. Немецкие полевые жандармы [исполняли] функции криминальной и наружной полиции и работали в тесном контакте с главным бургомистром.

Комендант оказался хорошим и добрым человеком, любившим выпить в компании, главной слабостью которого была любовь строить бункера (бомбоубежища) для солдат и мирных жителей. Эта страсть коменданта всем страшно надоела, ибо, заметив где-либо свободное место, он тотчас же приказывал соседним жителям копать бункер и сам ездил каждый день наблюдать за работами. Зато постройкой бункеров и ограничивалось его вмешательство в жизнь гражданского населения. В остальном он совершенно полагался на бургомистра, подписывая все, что тот ему ни приносил. Хуже всех жилось интеллигенции Чудова, ранее служившей в различных советских учреждениях и администрациях. Население всегда считало этих людей дармоедами и никогда не любило, теперь же, когда они оказались без работы, никто не хотел им помочь. В большинстве это были самоуверенные и противные люди, но настроенные явно антисоветски. Узнать от них, какой политический режим они предпочли бы для России в будущем, было почти невозможно: монархии они не желали, Сталина — тоже, о демократическом строе на европейский манер имели очень смутное понятие. Ленин и нэп — вот, как мне кажется, то, что было их идеалом.

Очень хорошо жилось торговцам, которых было невероятное количество: люди как бы изголодались по запрещенной в советской России частной торговле, и все, кто мог, бросились на это дело, где они могли проявить свободную инициативу. Приходилось удивляться изобретательности и смелости, которую они проявляли. Я видел мастерскую дамских платьев, в которой все шилось из крашенных немецких одеял и шинелей, а ведь за кражу или скупку военных вещей полагался расстрел. Я помог этим храбрым и трудолюбивым людям советом, за что они мне при случае давали ценные сведения. Другие представители торговой профессии открыли рестораны и чайные дома, где, несмотря на запрещение, главными клиентами были немцы и где даже устраивались танцы. Были магазины меховых вещей, имелись и серебряных и золотых дел мастера. Все купцы ненавидели советскую власть и желали только свободы торговли. Немцев они в России не хотели, но находили, что у них многому можно поучиться.

Рабочие все работали на немцев, получали военный паек и очень мало денег. Они находили, что при немцах жить им свободней, но были крепко спаяны, очень осторожны, и узнать, что они думали в действительности, было невозможно. Слишком способные и любопытные агенты в их среде нередко исчезали, и найти их следы я не мог. Но и активной помощи советской агентуре рабочие не оказывали. Я также не знаю ни одного случая саботажа, которого вообще не было в Чудове до конца 1943 года. Советские чины НКВД, с которыми мне случалось беседовать во время допросов, говорили, что после крестьянства Сталина больше всего ненавидели рабочие и что сексотов НКВД нередко убивали на фабриках. Ремесленникам жилось прекрасно. Часовщики, сапожники, портные были завалены работой и в виде вознаграждения получали продовольствие или вещи. Так, сапожник, который мне сшил очень хорошие сапоги, затребовал при заказе пять литров спирта и десять пачек табаку, причем тянул с выполнением заказа так долго, что мне это надоело. Зато, как только я сообщил ему о функциях, выполняемых мною в городе, сапоги были готовы за гораздо меньшую цену и в двадцать четыре часа. Беженцы, ушедшие или не желавшие оставаться под советской властью, жили в больших домах (бывших советских учреждениях), куда их поселил бургомистр. Они искали себе работы у местных жителей и у немцев согласно своим способностям. С ними в город просочилось много советских агентов, которых я усердно вылавливал. Впрочем, агенты, попавшиеся мне там, были все больше мелкие и малоинтересные.

Духовенство, жившее в городе, было православное и староверческое. Церкви были давно разрушены, поэтому молились просто в домах. Начетчики староверов пользовались всеобщим уважением и были начитанными и справедливыми людьми. Православных же священников и дьяконов, которых было человек шесть-восемь, население особым уважением не отличало. На меня тоже хорошего впечатления не произвели, а завербованные моими агентами поп и дьякон работали плохо, учились у меня неохотно, а вознаграждение требовали постоянно.

Через несколько дней по прибытии в Чудово я отправился в лагерь военнопленных с целью набрать себе агентов. Лагерь был очень небольшой, а пленные обыкновенно днем работали в воинских частях, где и кормились. Жили они в деревянных бараках, довольно чистых и теплых. Комендант лагеря, узнав о цели моего визита, посоветовал мне сначала поговорить с неким Семёном Михайловичем[593], который, по его словам, пользовался большим авторитетом среди пленных. На работы Семён Михайлович не ходил, так как, объяснял мне комендант, занимался умственным трудом и писал книгу, почему и кормили его с комендантской кухни. Какую именно книгу писал Семён Михайлович, комендант не знал, говорил только, что ежедневно поступали требования на бумагу и карандаши.

Меня отвели к Семёну Михайловичу, который занимал в бараке отдельную комнату с чистой накрытой кроватью с письменным столом. Он оказался мужчиной лет сорока с очень мрачным лицом и грустным взглядом. Руки он мне не пожелал подать, а спрятал их за спину. Сначала я думал, что он сделал это намеренно, с желанием меня обидеть за то, что я — русский — ношу немецкий мундир и служу в разведке, но когда мы сели за стол и он стал угощать меня чаем, я увидел, что на всех десяти пальцах у него не было суставов с ногтями. На мой вопрос, где он потерял их, Семён Михайлович рассказал, что пальцы ему раздавили в НКВД, и подробно описал аппарат, для этого употребляющийся.

Семён Михайлович был по профессии инженер-водник, беспартийный, а до своего ареста — большой сторонник сталинских пятилеток. Однажды (в каком именно году, не помню) плотину, которую он строил, прорвало, его обвинили в саботаже, допрашивали много раз и сослали. Незадолго до войны он бежал с места ссылки с мыслью через Польшу пробраться в Германию, но по дороге был схвачен, посажен в тюрьму, а с начала войны отправлен в штрафной батальон, с остатками которого и попал в плен. На мой вопрос, какую книгу он пишет, Семён Михайлович рассмеялся и откровенно сознался, что книга выдумана им только для немцев с тем, чтобы получать от них бумагу, на которой он пишет учебники, лекции по математике и алгебре для желающих учиться пленных. На мое предложение работать у меня главным резидентом Семён Михайлович ответил неопределенно и попросил три дня для размышления; тогда же он обещал дать список подходящих для меня людей. Через три дня он принял мое предложение с условием, что, если работа у меня ему не понравится, он вернется в лагерь.

Начальство лагеря очень жалело о потере Семёна Михайловича. Из списка, данного мне последним, я отобрал еще восемь пленных, привез всех в Чудово и поселил в реквизированном мною для этой цели уютном домике с садом неподалеку от меня. Каждое утро я читал им элементарные лекции по нашей работе и экзаменовал по пройденному накануне, а после обеда, всегда очень сытного, высылал их на практику за город. Часам к десяти вечера они приносили мне письменные сводки, в одиннадцать все ложились спать, чтобы со свежими силами утром приняться за учение и работу. Скоро характеры их и способности определились, и работа наша пошла дружно и успешно.

Особенно обратил на себя мое внимание агент по кличке Курица[594]. В прошлом он занимался уголовными делами, сидел несколько раз в тюрьме и был действительно прирожденным и талантливым провокатором. Стоило мне посадить Курицу на два-три дня к арестованному, как Курица, какими-то ему одному ведомыми путями войдя в доверие к заключенному, узнавал от него всю подноготную. Товарищи мои мне очень завидовали, и иногда я «одалживал» им на время

Курицу. Был среди моих агентов и сутенер, тоже очень хороший и старательный парень. Он горевал по поводу того, что его профессия вымирает в советской России. Очень умело входил он в доверие к пожилым женщинам, но в опасных положениях смелостью не отличался.

Семёну Михайловичу наша работа не понравилась, но я не отпустил его, как было условлено, в лагерь, а приказал заниматься хозяйственной частью группы, писать сводки и следить за моралью наших агентов. Постепенно у меня образовалась в городе хорошая сетка сотрудников, и мне удалось раскрыть несколько крупных дел.

Витебск, 1943 год

Начальником отряда, в который я был переведен, состоял капитан Шульце[595] — старый кадровый разведчик, человек лет сорока пяти, очень добрый, знавший о моей трагической любви и потому старавшийся меня развлечь и рассеять. Из этих же соображений меня не обременяли службой, и я имел полную возможность ознакомиться с жизнью Витебска, который особенно интересовал меня потому, что до этого времени я еще никогда не был в большом чисто русском городе.

Во главе города стоял бургомистр, молодой человек лет тридцати, не больше, фамилии которого я не помню. Он выдавал себя за белоруса-патриота и поэтому в присутствии немцев говорил только на белорусском языке, в остальное же время объяснялся по-русски. У него было много чиновников (во всяком случае, около ста человек), и ему же подчинялась наружная и уголовная полиция. Большим вором и взяточником он не был, но много пил. В дела полиции и городского самоуправления, кроме грабежей, немцы совершенно не вмешивались, но и ничем не помогали, предоставляя жителям самим заботиться о продовольствии, дровах, одежде и т. д.

Торговля процветала на удивление: лавки и магазины были повсюду, и хотя официально немцы каким-то образом должны были ограничивать их размах, практически их никто не трогал. Предприимчивые купцы «по-черному» ехали в Германию, Польшу, Австрию, а иные, говорят, добирались и дальше, закупая там товары, которыми бойко торговали в Витебске. В обороте были немецкие марки (настоящие и оккупационные), русские рубли (бумажные и золотые — последних, к моему удивлению, было очень много) и в обмен. Церквей было несколько, и среди населения считалось хорошим тоном посещать их по воскресеньям; служили всюду по-русски, попы были интеллигентными и народ не обирали, в политику не вмешивались, а занимались своими духовными делами. Я испытывал отрадное чувство, видя нормальную церковную жизнь и пастырей, с которыми мне служебно не надо было иметь дела[596]. Я тоже стал посещать главный храм города, куда по большим праздникам приказал ходить и своим агентам, и все мы там говели по очереди. Во дворе храмов после службы собирался всякий народ, но я приказал там никого не ловить из уважения к церкви, а хватать только не менее как за двести-триста метров от ограды.

В городе было две или три городские больницы, сильно запущенных из-за недостатка средств, но с очень хорошими докторами, которых немцы постоянно приглашали к себе для консультации. Было и несколько частных больниц, очень хороших и дорогих, которые обслуживали главным образом спекулянтов.

На главном вокзале всегда — днем и ночью — толпилась масса народа, и он представлял настоящий базар. Все покупали и продавали. Немецкие солдаты, ехавшие домой, закупали продовольствие. На приезжающих набрасывались торговцы, предлагали менять все на все, а кругом ходили пьяные казаки из антипартизанских отрядов, приехавшие на отдых в город. Перед вокзалом стояли носильщики и несколько извозчиков, а также бойкие молодые люди, предлагавшие перевозку на немецких автомобилях, принадлежавших казенным учреждениям и стоявших со своими немецкими шоферами на соседних улицах в ожидании клиентов[597]. Отойдя

немного дальше от вокзала, вы были поражены обилием чайных и маленьких подвальных ресторанов, обычно замаскированных. Цены всюду и на все были ужасные, но все эти заведения были полны и всюду в них пили водку (польскую), самогон, немецкое пиво, балтийское вино из фруктов и просто чистый спирт. Еда в этих ресторанах тоже была в изобилии.

В Витебске в это время имелись также и публичные дома, чего ни до, ни после в России я не видел, причем были дома для немцев и русских войск, официально разрешенные, там нередко происходили страшные драки: русские штурмовали дома для немцев. Вечерами по некоторым улицам разгуливали девицы легкого поведения и тоже совершенно открыто зазывали к себе гостей — полиция их не трогала. Кино[театры] были, только фильмы в них шли немецкие, но, правда, с чисто русскими надписями. Посещались они не очень охотно. Было также два русских театра, пользовавшихся большим успехом. Во многих кафе и ресторанах по вечерам устраивались танцы, хотя официально это и не разрешалось. В городе была также тюрьма, подчинявшаяся бургомистру, в которую сажали приговоренных русским судом, имевшимся при городской управе.

Помимо множества немецких солдат было очень много в городах и русских военных. Больше всего обращали на себя внимание казаки[598], носившие папахи, шашки и нагайки; кроме того, это были самые большие скандалисты. Затем, в городе были люди из особых отрядов СД — русские, латыши, эстонцы, кавказцы и другие, которые были очень хорошо одеты в разнообразные костюмы, а на рукавах имели роковые буквы в треугольнике — «СД». Людей этих, известных своей жестокостью и грабежами, никто в городе не любил, а другие военные, как русские, так и немецкие, избегали общаться с ними. Имелись отряды нацменов, состоящие из армии казахов и особенно татар[599]. Много они не воевали, а больше несли службу по охране складов; всерьез к ним никто не относился. Русские, числившиеся при разных штабсротах, местных ортскомендатурах и т. д., отличались [главным образом] офицеры, пышностью своих обмундирований и особенно знаков отличия, плечи их и воротники были залиты серебром, особенно ярко блестящим в солнечные дни, а грудь увешана орденами, которые они носили в натуральном виде, не ограничиваясь только лентами на колодках. Головы их украшали или цветные фуражки, или папахи с ярким верхом. Я не сомневаюсь, что они с удовольствием носили бы и шашки, но делать это было разрешено только казакам, а остальным строго запрещалось.

В городе имелось несколько газет, из них одна белорусская, которую решительно никто не читал. Журналисты были интеллигентными людьми, убежденными противниками коммунизма и Сталина; советская агентура иногда убивала наиболее ретивых из них. К сожалению, немцы стесняли их деятельность, не позволяли много писать, а страницы газет заполняли вздором, присылаемым из министерства пропаганды. Работа советской агентуры в Витебске была энергичной и многосторонней. Она касалась решительно всех областей жизни города, не говоря уже об обычной шпионской работе, направленной исключительно на получение сведений, касающихся военной стороны дела; велась умелая и интенсивная пропаганда среди населения. По утрам на улицах очень часто висели небольшие плакаты, сообщавшие, что немцы расстреляли столько-то и столько-то народа за текущую неделю, забрали там-то все продовольствие или что они понесли на фронте большие потери. На четырех имевшихся в Витебске базарах шныряли агентыпропагандисты, распуская различные слухи.

Отряды советских диверсантов время от времени устраивали взрывы то водопровода, то электростанции, то склада боеприпасов или убивали людей, слишком преданно, по их мнению, работавших на немцев. Характерно, что ни один русский, служащий в СД, за это время убит не был. Особые агенты занимались разложением русских отрядов, спаивая людей, возбуждая недовольство начальством или указывая на гнусность для русского человека помогать немцам, вместо того чтобы защищать свою родину. Особый упор в этой пропаганде делался на то, что в России теперь якобы уничтожены колхозы, дана свобода и войска — это особенно подчеркивалось — носят погоны и красивую форму.

На немецкие войска также было обращено внимание. В этой области действовали главным образом красивые молодые женщины. Они приглашали военных к себе, поили их водкой и предлагали помочь дезертировать. Согласившемуся или предлагали перейти через фронт при помощи партизан, или переехать в другой русский город, или уехать в Польшу или Францию, затем его снабжали документами, штатским платьем и деньгами. Другие агенты скупали у немцев и других лиц, имевших к этому отношение, оружие и боеприпасы, выплачивая за это хорошие деньги, или подкупали их для облегчения его кражи.

Вообще, много еще происходило дел в это время в городе Витебске.

ГЛАВА V. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Письмо Л. Н. Леонидова-Польского — Г. А. Беликову[600]

Публикуется с сохранением оригинального авторского стиля.

Дорогой Герман[601]!

Давно собираюсь послать Вам свой «исторический мемуар» о том событии, которое наш Ставрополь[602] перенес с 3 августа 1942 года по 20 января 1943 года. И Вы, наверно, запомнили начавшееся страшной бомбежкой воскресное утро, унесшее несколько сотен жизней людей, стоявших в очередях в районе Нижнего базара и бежавших вслед за отступавшими воинскими частями по улицам Невинномысской (Молотова) и Госпитальной (Ленина). Московское радио в тот день с утра щебетало об упорных боях в районе Сальска, тогда как на беззащитный Ставрополь уже неслась[603] грозная армада танков армейской группы «А»[604] фельдмаршала Клейста[605]. Это было незабываемое зрелище! Не успели прозвучать разрывы последних бомб над городом, как с северной стороны — с Ташлы показалась лавина громадных машин и танков, еще с вечера сосредоточившихся в районе села Донского. На протяжении всего дня нескончаемая вереница главных сил армейской группы «А» (ее лозунг был «Panzer voran» — «Танки вперед!») вливалась в город, растекаясь по улицам и рассредоточиваясь по городским окраинам. Большое число танков сразу же расположилось в роще (парке культуры и отдыха) и простояло до конца оккупации[606].

Внезапность возникновения главных сил [Вермахта. — К. А.] в Ставрополе непостижима! Бюро Ставропольского крайкома прервало свое заседание, когда по городу уже неслись немецкие танки... Курсанты авиационного училища[607] разбежались куда попало, увидя грохочущие танковые колонны прямо из окон учебных классов. Госпитали остались не эвакуированы, и их «ранбольные» недвижимо лежали на койках[608]. Наиболее предусмотрительным оказался НКВД: еще за неделю до событий по дороге на Старомарьевку брели многочисленные этапы в сопровождении охраны и лающих овчарок. Какую-то часть самых отъявленных «врагов народа» успели расстрелять и их тела бросить в устроенные во дворе тюрьмы известковые ямы...[609]

Захваченные врасплох райкомы не могли сообщить в крайком партии о стремительном продвижении немецких авангардных частей. Телефонная связь с городом была перерезана, и звонить уже было некуда. О секретаре крайкома М. А. Суслове[610] тогда говорили, что будто бы он на второй день оккупации приходил к зданию горкома партии «напротив входа в рощу» и сокрушенно печалился: «Что я скажу о случившемся своим коммунистам?». Это может быть и родившаяся в те дни легенда. Но на форштадте упорно ходила молва, что в первые дни оккупации Суслов скрывался в сарае своей прислуги на Невинномысской улице. Этот слух косвенно подтвержден появившимся в печати воспоминанием о том, как ночью 5–6 августа 1942 года

видели Суслова ехавшим в машине вблизи села Татарка. Не исключено, что Суслов, застряв в городе, вынужден был пойти на прорыв по неустойчивым тылам противника, держа курс на Кизляр, где он затем и обосновался. Сам он эту свою тайну так и унес с собой в могилу, нигде и никогда не обмолвившись словом, как ему пришлось бежать из тогдашнего Ворошиловска, захваченного оккупантами[611]. Город достался им целехоньким «на блюдечке с голубой каемочкой».

Немецкое командование обратилось к населению с приказами и извещениями, возложив заботу о жителях на городскую управу во главе с бургомистром С. Н. Меркуловым[612]. Городская управа расположилась в здании горисполкома. Организовалась полиция и набраны полицейские. По одному из первых распоряжений все жители должны были с паспортами зарегистрироваться в отделениях полиции. Всем было предписано оставаться на своих рабочих местах. В здании Госбанка открыли биржу и там надлежало взяться на учет тем, кто не имел работы. В первые дни оккупации немцы смотрели сквозь пальцы на грабежи магазинов и складов, и население таким путем запасалось разными продуктами. На мельницах пустили в переработку не сгоревшее на элеваторах зерно[613] и из муки начали выпекать хлеб, который стали выдавать населению по карточкам (по 500 гр.). Хлеб был задымлен, но у не избалованного советской властью населения он с успехом шел в пищу...

Шел август, на полях созрел богатый урожай картофеля, овощей, фруктов. Горожанам предложили исполу собирать эти дары природы и тем восполнять свои продовольственные запасы. На верхнем рынке началась бойкая торговля, и за немецкие оккупационные марки можно было приобрести все сельскохозяйственные припасы — птицу, баранину, масло, яйца и пр. Немецкие солдаты, в отличие от наших, регулярно ездили к своим семьям в отпуск и, возвращаясь из него, везли с собой товары на любой вкус от французских духов и чулок до португальских сардин и бутылок рейнского вина. Это был тот самый вольный рынок, о котором мы все мечтали, что он откроется по прошествии 500 дней[614]. Такие многолюдные рынки были отличительной особенностью всех оккупированных городов. Люди с коммерческой жилкой вели успешную торговлю, открывали мастерские, комиссионные магазины, кофейни, ресторанчики. Богаты были базары в Херсоне, Николаеве, Киеве, Харькове, Симферополе. Особенно же поражал своим изобилием знаменитый одесский «привоз», где румынская администрация Транснистрии давала полную свободу коммерции. В магазинчиках были колбасы всех сортов, которые как лавровый венок можно надеть на шею, сало толщиной в две ладони, на каждом шагу были т[ак] называемые «бодеги», где подавалась свиная отбивная величиной в тарелку с «прилагательной» бутылкой вина... Голодающие ныне[615] одесситы, наверно, сейчас умиленно вспоминают те далекие времена румынской оккупации! Неизвестно, что стало бы в Ставрополе, пробудь немцы тут дольше...

Тем временем в город прибыли высшие эшелоны оккупационной власти. В здании крайкома (б[ывшем] губернаторском дворце) разместились штабные учреждения армейской группы «А», а в б[ывшем] здании крайисполкома оборудовали квартиру фельдмаршалу Клейсту вместе с надежным бомбоубежищем. Но что могли поделывать те ночные налеты «кукурузников», которые предпринимало советское командование? Эффективность налетов была ничтожной, они лишь нервировали население ежевечерним гулом моторов над городом и ответным огнем зенитных батарей. Самолеты беспорядочно сбрасывали жалкие бомбочки на «изменническое» население и спешили вернуться на свои недалекие полевые аэродромы. Вскоре население настолько привыкло к этим ночным налетам, что перестало на них реагировать...

С первых дней оккупации командование обратилось к солдатам и к населению с особым воззванием, подчеркивая, что войска здесь оказались в особо благоприятных условиях. Терские и кубанские казаки, горцы, ставропольские хлеборобы — потомки первых поселенцев Кавказа, изнемогавшие под гнетом колхозного строя, гонимые, преследуемые, истреблявшиеся искусственно создававшимся в 1933 году голодом в массе своей были рады приходу немцев[616].

После объявления мобилизации бывало, что, опасаясь дезертирства, местные власти в ряде случаев везли казаков в райвоенкоматы связанными, погруженными навалом в машины... О так называемых «казачьих частях» [РККА. — К. А.] даже сам Шолохов[617] в первые дни войны иронически писал, что они состояли из «токарей, пекарей», подчеркивая, что «казаков» в них набирали «с бору да с сосенки»...[618] Настоящие казаки охотно пошли в станицах в полицейские отряды[619].

Фельдмаршал Клейст от своих солдат настоятельно требовал ни в коем разе не посягать на честь и достоинство женщины, уважать горские традиции и казачьи порядки и обычаи, бережно относиться к религиозным чувствам местного и горского населения, предоставлять свободу хозяйственной деятельности[620]. Благодаря этому искусственно насаждаемое партизанское движение не имело в крае глубокой почвы под ногами и все отряды, состоявшие из работников НКВД, милиционеров, сотрудников райкомов партии, прокуратуры быстро распались[621]. Один из таких примеров — известный «лермонтовский отряд»[622] в горах под Кисловодском, ставший жертвой амбиций и склок и не оставивший существенного следа. Все позднейшие попытки расписать его мнимые «подвиги» успеха не имели!

В Ставрополе же возник такой же герой сопротивления Геннадий Голенов[623], вся деятельность которого свелась к воровству рождественских подарков из немецких машин. После оккупации поспешили присвоить его имя одной из городских улиц. Нашлась еще другая героиня — бывшая прокурорша, при таинственных обстоятельствах расстрелянная со своими дочками[624]. Можно думать, что ее засекла радиопеленгаторная машина в момент радиосеанса, а в таких случаях карающий меч разведслужб без промедления обрушивался на захваченных на месте преступления. С голов же коммунистов за всю оккупацию не упал ни один волос! В первые дни оккупации был расстрелян бывший священник Павлик[625], возможно, тоже за участие в разведывательной деятельности против оккупантов. В Пятигорске также захватили в кладбищенской Лазаревской церкви во время радиосеанса с колокольни священника Гекеля[626] и, конечно же, без лишних слов, с таким убедительным «вещдоком», как радиопередатчик, немедленно расстреляли.

Немецкий Абвер (контрразведка) знал свое дело «туго». Он быстро вылавливал советских неопытных и плохо подготовленных массами засылаемых ГРУ (Гл[авным] развед[ывательным] управлением) на оккупированные территории «разведчиков», следуя принципу «числом поболее, ценою подешевле»... Похоже, что вчерашних школьниц на краткосрочных курсах радисток в Армавире при штабе Северо-Кавказского фронта не учили элементарным азам разведки, а что такое радиопеленгатор, не сочли нужным даже сообщить! В повести о советской разведчице Нине Попцовой[627] рассказывается, как она, выброшенная вблизи Пятигорска, заметалась и, увидя, что за ней идет «хвост», ничего умней не придумала, как сразу пошла на явку и здесь попала в западню, несмотря на сделанное на окне сигнальное предупреждение, что в дом входить нельзя. Неумолимое вещественное доказательство — радиопередатчик на дне сумки с помидорами и абрикосами — тотчас же решило ее судьбу. Низкий профессионализм таких радисток не вызывал даже необходимости в их проверке и привлечению к «радиоиграм» для всучивания штабной «дезы»...

Такой неумной «дезой» были передаваемые Совинформбюро сообщения о событиях в Ворошиловске. Левитан[628] только рвал напрасно свои связки, читая сводки о кровопролитных, ожесточенных уличных боях за каждый дом. Через несколько дней он повеселил жителей, сообщив, что на главной улице — Сталинском проспекте — на каждом фонаре висели жертвы фашистского террора. В числе жертв была названа фамилия известного всему городу неистового атеиста, профессора биологии в педагогическом институте. Этот бойкий армянин, быстро прижившийся к новым порядкам, тут же в газете поспешил вслед за Марк Твенем объявить, что слухи о его повешении на проспекте г. Ворошиловска «сильно преувеличены»...

Впрочем, вестниками смерти вскоре оказалась появившаяся в городе команда СС с эмблемами черепа над козырьками их фуражек. Это была Айнзатцкоманда СД 13, прибывшая для проведения в Ворошиловске «очистительных операций». Первыми жертвами оказались сумасшедшие, которых и у себя в Германии немцы безжалостно уничтожали, очищая нацию от неполноценных, «тронувшихся умом» людей. В Ставрополе в бывшем женском монастыре располагалась большая психиатрическая больница, и 10 августа 660 ее больных подверглись уничтожению с помощью хорошо отработанных эффективных средств. Но оказалось, что на форштадте у его жителей на квартирах находилось много «тихих больных». Когда их собирали на «ликвидацию», многие уже отдавали отчет о своей участи...

Нельзя не коснуться и «ликвидации» евреев, которых в оккупацию скопилось довольно много. Еврейская проблема не так проста, как кажется... Причастен к ней не только «фюрер» Адольф Гитлер, но и злобный антисемит Иосиф Сталин. Грубо приближенно, в уничтожении евреев в СССР 49 % вины на немцах, а 51 % — на Сталине. Сталинская оголтелая пропаганда за всю войну ни одним словом не обмолвилась о массовых казнях евреев на оккупированных территориях. Она неизменно твердила и талдычила, что немцы убивают всех советских людей, абсолютно всех, хотя под оккупацию попало до 120 млн. человек[629] советского населения. В начальный период войны они не были к евреям столь агрессивны. Их поселяли в гетто, заставляли носить желтые звезды на одежде, ограничивали в приеме на работу, не давали продовольственных карточек, отправляли в «кацеты»[630] —концентрационные лагеря. Но стоило Сталину начать террористические акты массового действия, отдать приказ о массовых диверсиях против немцев с применением взрывов по радио заранее заложенных мощных мин, как немцы, понеся большие потери в офицерском составе, завопили о недозволенных методах ведения войны.

В Киеве взорвали оперный театр, Крещатик, Киево-Печёрскую лавру. Немцы остервенели и сделали евреев «козлами отпущения», уничтожили в Бабьем Яру десятки тысяч евреев. Затем загремели взрывы в Харькове, Одессе, Симферополе, где мины были заложены в зданиях госбезопасности и повлекли гибель многих сотен офицеров СС[631]. В Симферополе были заложены в сейфах списки мнимых агентов НКВД, фактически лиц, не захотевших эвакуироваться из Крыма, и немцы сгоряча, не разобравшись в списках, второпях их расстреляли. Среди них было много профессоров, врачей, адвокатов и прочих, которые не поддались на удочку советской пропаганды, предпочли остаться на месте под впечатлением того, что видели в 1918 году, когда немцы, оккупировавшие Украину и Крым, были образцом добропорядочности, установили всюду полный порядок и никого из мирного населения не тронули пальцем.

В Ставрополе к лету 1942 года оказалось множество лиц из еврейской интеллигенции, эвакуированных из Одессы, Днепропетровска, Кировограда и др. Все они не принимали всерьез крикливых пропагандистских сообщений о том, что немцы уничтожают всех советских людей. Такая же картина была и в городах-курортах КМВ[632], где осело много представителей еврейской медицинской профессорской элиты. А тут еще в мае еврейский популярный поэт Илья Сельвинский[633] напечатал очерк об освобожденной Керчи, где, по его словам, немцы убили до 8 тысяч советских людей. Снова и намек не сделал, что убиты были сплошь керченские евреи. Со стороны Сельвинского это было чудовищной подлостью в отношении своих же единомышленников. Ну, а что сказать тогда о десятках расфранченных молодых гебистов со стеками в руках, нагло фланировавших перед зданием НКВД (КГБ) в Ставрополе? Своим видом и манерами они вызывали всеобщее возмущение. При первой же тревоге они тотчас дружно сбежали в более спокойные и далекие от фронта места. Никому из них и в голову не пришло предупредить своих ставропольских соплеменников безотлагательно покинуть город... Этот факт был предательством по отношению к своему народу! Уж они-то наверняка знали, что ждет их, останься они под оккупацией! Но они и не подумали о таком предупреждении.

Среди оказавшихся в Ставрополе евреев была одна красавица-еврейка, жена русского профессора. Ее муж прилагал много усилий, чтобы спасти жену от гибели, просил священника окрестить ее. Но немцы сразу же предупредили, что все такие крещения запрещены и будут считаться недействительными. А знай она заранее о том, что ее ждет, она, бросив все вещи, могла бы с мужем пешком дойти до Невинки и уехать в сторону Баку поездом. Точно так же наши власти в Кисловодске ли, в Пятигорске ли могли уведомить через общины, что евреям нельзя оставаться на месте в ожидании немцев. И тогда они вместо того, чтобы быть расстрелянными в противотанковых рвах под Минеральными Водами, могли бы пешком по Зольским лугам дойти до Нальчика, где немцы в течение целого месяца топтались на месте, перешивая железную дорогу и не ведя боевых действий. Все это дает основание считать еще одним подлым преступлением Сталина, что он не ударил палец о палец, чтобы спасти заведомо обреченных на гибель евреев!

Кстати, обращает внимание, что евреи, бежав из Ленинграда в Ташкент и Алма-Ату, безжалостно бросили на произвол судьбы своих родителей. С ужасом я смотрел в Ленинграде на ветхих стариков и старух, которых в дни блокады влекли под руки на службу в синагогу, где беспомощные, едва передвигающие ноги старцы с длинными пейсами могли получить по кусочку хлеба от их общины. Оцепенело глядел я им вслед, про себя посылая проклятия в адрес их безжалостных эгоистов-внуков. Надо было видеть эти библейские фигуры в патриархальных одеждах, чтобы проникнуться к ним жалостью!

Ставропольская еврейская «колония» исторически не была многочисленна и состояла некогда из служивших на Кавказе кантонистов. Среди них было много замечательных известных всему городу ремесленников, провизоров, врачей, купцов и пр. Но к лету 1942 года она еще сильно возросла за счет партаппаратчиков, следователей, торговцев, врачей из мединститута, давшего свой первый выпуск в 1942 году, и особенно из эвакуированной с Украины интеллигенции. Ловкая и предприимчивая часть из числа «партайгеноссе»[634], как только разгорелись бои с интенсивными бомбежками за Ростов-на-Дону, поспешила сбежать. Те же, кому уже приходилось испытать ужасы эвакуации, не торопились, считая, что немцы не дойдут до тихого и уютного Ставрополя. А они не только дошли до Волги, поднялись на Эльбрус и повели бои за Владикавказ! Было от чего потерять голову!

К началу оккупации число евреев составило до 5 тыс. человек. Жребий их был жалок! Вначале их разбили на группы, распуская слухи, что их переселят на Украину и заставят там работать на шахтах под присмотром немцев. Но потом неожиданно появилось строгое предупреждение, чтобы все евреи собрались 14 августа на Ярмарочной площади с запасом продовольствия на неделю. Евреи решили, что их и впрямь повезут на работу и дружно собрались на указанном месте, где только что русское духовенство служило молебен в честь освободителей города от большевизма. Но вместо дальней дороги их ждал ближний путь до аэродрома, где набившая руку на массовых «ликвидациях» евреев Айнзатцкоманда учинила их массовый расстрел (3500 человек) в противотанковых рвах. Руководил штандартенфюрер Мюллер.

Об этой акции у меня самого осталось мучительное и гнетущее воспоминание. Еще до оккупации, в середине июля я неожиданно встретился в театре Пахалова в роще на спектакле оперетты с питерской своей приятельницей, исчезнувшей из поля зрения. Ее мать арестовали в 1937 году и отправили на Беломорстрой, а оставшуюся сиротой девочку взяла на воспитание жившая с ней в одной квартире жена моего товарища. Теперь в театре я встретился с молодой дамой, врачом одного из ставропольских госпиталей. В первую неделю оккупации, когда я сам находился в оцепенении и никуда еще не выходил, вдруг раздался звонок. Я поспешил выйти на него, открыл дверь. Передо мной стояла моя приятельница. Она отпрянула от меня и изумленно спросила: «А где же батюшка? Мне нужен православный батюшка-священник. Почему Вы здесь?» — «А я его сын, — ответил я. — А что случилось? Зачем он Вам понадобился, милая Тамара? Заходите в дом!»

Волнуясь, она сказала, что их госпиталь 3 августа разбомбило, здание, где жили врачи, сгорело, погибли все вещи и документы, и она бросилась искать приюта и нашла его у старушки на Подгорной слободке. С бабушкой она поделилась, что ее нация еврейская, и она не знает, как ей быть, что делать в ее положении? Бабушка ей посоветовала сходить к батюшке и перекреститься, авось немцы ее не тронут. И тут же повела ее на 1-ю Подгорную улицу к нашему дому. Пришлось мне разъяснить Тамаре, что немцы запретили крестить и выдавать справки об этом всем евреям, очутившимся к их приходу в Ставрополе. «Но есть и другой выход, — предложил я. — О том, что Вы еврейка, знают только Ваша бабушка и я. В Вашей внешности нет ничего еврейского, Вы — блондинка и даже говорите по-нижегородски на “о”. Поезжайте на мою родину в станицу Казьминскую, найдите наших друзей, скажите, что Вы моя невеста, во время войны, в блокаду Ленинграда потеряли друг друга и теперь пришли по данному мною адресу на мою родину отыскивать меня здесь, куда я непременно дам о себе знать. Тут Вы получите приют, станете работать врачом, завоюете всеобщее уважение, а по прошествии времени, когда все наладится, я сам к Вам приеду и увезу в Ставрополь, где Вас никто не знает». Тамара ответила, что подумает, и ко мне придет, и скажет о своем решении.

Скоро она снова пришла и сообщила, что решила разделить судьбу своего народа и пойдет на место последнего сбора евреев у здания СД (у аптеки напротив входа в б[ывший] дом НКВД). Сколько я ни упрасивал, ни умолял отправиться пешком в ст[аницу] Барсуковскую и там, переправясь через Кубань, пройти еще пешком 20 верст от станции Богословской в Казьминку, она наотрез отказалась. Попросила на прощание перевести ее через дорогу и открыть перед ней дверь, чтобы она вошла в здание, не подав виду, что у нее от страха подгибаются ноги. Я шел с ней, держа ее под руку, под знаком зловещего черепа на фуражке свирепого верзилы шарфюрера СС, сопровождавшего, как Харон, в ад еще живых, трепетно дрожащих людей в мертвые подвалы СД для погрузки в последний рейс... Самое ужасное, что уже в ноябре произошло поражение немецкой армии в Сталинграде, повлекшее уход войск Клейста с Кавказа. Бедной Тамаре не пришлось бы долго томиться в Казьминке, последуй только она моему настоятельному требованию.

Весной 1945 года по пути к собственной Голгофе — в Лиенце на Драве я встретил случайно земляка-казьминца и от него узнал, что за всю оккупацию они у себя так и не увидели живого немца! Тамаре Гансбург, следовательно, ничто не грозило, доберись она, пройдя пешком 60 км от Ставрополя до Казьминки. Последний ее взгляд кролика, идущего покорно в пасть удаву, до сих пор считаю мучительнейшим эпизодом моей жизни! Зрелище легендарного, прикованного к скале Эльбруса Прометея, которого клевал хищный орел, не давая покоя, видится еще и теперь по прошествии полувека этих событий! Вот так и на приют альпинистов — метеостанцию на Эльбрусе — неожиданно явились солдаты горного корпуса «Эдельвейс» и попросили ее персонал немедленно покинуть занимаемое ими помещение. И они, бросив все, в чем были, пошли, обходя зияющие трещины, вниз, слепо и безоговорочно подчинившись чужим солдатам с автоматами в руках...

Однажды на улицах города вдруг заиграл духовой оркестр. За ним к вокзалу шагала гражданская публика. Преобладала молодежь с заплечными мешками и с сумками в руках. Их сопровождали сумрачные и озабоченные родители, родственники и приятели. Толпа направлялась к вокзалу к поезду, состоявшему из десятка стареньких пассажирских вагонов. После погрузки состоялся краткий митинг. Событие оказалось необычным. Это ехала ставропольская молодежь, согласившаяся добровольно завербоваться на работу в Германию. Многие юноши и девушки решились сделать крутой поворот в судьбе, познакомиться с Германией в трудные годы войны. Такой эшелон был в те дни отправлен и из Минеральных Вод. Они не попадали в категорию мобилизованных остарбайтеров, обязанных носить на себе знак OST, а устраивались на работу через биржи труда и получали продукты по карточкам наравне с другими иностранными рабочими, которых в ту пору в Германии было множество. Мы мало что знаем, как проходила их жизнь в этой

стране в годы войны. Часть вернулась в 1945 году в общем потоке репатриантов. Кто-то погиб в самой Германии под градом бомб, сбрасываемых авиацией США и Англии. Кто-то, вернувшись в Россию, попал на восстановление разрушенных в войну заводов, фабрик, шахт, где жизнь в послевоенный период отнюдь не была сладкой. Перед кем-то открылись и двери «Архипелага ГУЛАГ»...

Мне удалось в Пятигорске познакомиться с одной девушкой, благополучно вернувшейся домой. Ей посчастливилось работать горничной в одной немецкой семье, у хороших людей, относившихся к ней, как к родной. Вопреки привычному стереотипному советскому мышлению об ужасах жизни «не у нас», она с радостью вспоминала так называемые «годы фашистской неволи». Здесь же ее жизнь не сложилась, ее ждали тоска, одиночество, постылая работа с мизерной зарплатой, выплата займов, унылое существование. Мальчики ее юности не вернулись с войны, и она тоже оказалась в числе миллионов русских женщин, обреченных на безбрачие. Не лучше, наверно, оказалась судьба тех молодых ставропольцев, которые осенью 1942 года отважились поехать в дальний путь из своего города. Повезло лишь тем, кто уцелел в войну, остался после нее на «гнилом капиталистическом Западе», женившись на иностранцах, не отягощая себя ностальгической тоской по родине... [635] Пошли им, Господь, радостной жизни в свободных от ига КПСС и КГБ европейских странах!

Неожиданно в один из сентябрьских дней в городе появилось множество съехавшихся со всего Северного Кавказа казаков в черкесках, бурках с башлыками. Это были делегаты казаков Кубани, которых германское командование созвало в бывшем военном центре Предкавказья — Ставрополе, новом административном центре обширного края. Немцы созвали такое совещание для обсуждения нового аграрного закона [636]. Жители города смотрели во все глаза на непривычное зрелище. Настоящие казаки разгуливали по бульвару, разглядывая город! Совещание проходило в зимнем театре (бывшем) Меснянкина) и ставило целью провести достойным образом осеннюю посевную кампанию. По злой иронии собирать урожай снова пришлось летом 1943 года прежнему корпусу секретарей райкомов, директоров совхозов и председателей колхозов. В сиянии зажженных свечей блистало убранство банкетного зала со всей старинной сервировкой, привезенной из рейха штабом армейской группы «А». Увы, с поражением армий Паулюса [637] и Гота [638] в битве за Сталинград все планы о введении нового аграрного закона на Кавказе так и остались на бумаге!

В те же дни произошел еще один значительный эпизод в жизни Ставрополя — открытие сельскохозяйственного института. Фактически это возобновилась деятельность ранее существовавшего с 1930 года агропедагогического института. Был произведен набор студентов на 1-й курс, для ведения учебных занятий подобрали преподавателей из тех, кто не отправился в эвакуацию. Занятия велись не в бывшем епархиальном училище, а в здании бывшей учительской семинарии — напротив. Открытием сельскохозяйственного института немцы подчеркнули роль агрономии и профессии ученого агронома в будущем экономическом развитии Северного Кавказа. На митинге, посвященном торжеству, выступил ректор института А. Флоренс [639] и новые молодые студенты. Но им тоже предстояло проучиться лишь один семестр, а дальше деятельность нового института прервалась. С уходом немцев карающая рука органов обрушилась на головы преподавателей, а юношей-студентов в качестве трофейных солдат забрали в армию, где из них мало кто выжил и дождался «Дня победы»... «Их имена Господи веси»...

С давних пор в Ставрополе газовые скважины установили несколько выходов природного газа, но пользовались им лишь на пивоваренном заводе Груби, да на кухнях одного-двух ресторанов. О применении газа в энергетических целях не было и речи, возможно, из-за отсутствия специального оборудования для этой цели. Между тем город тонул во тьме, электрическое освещение горело лишь в центре города, так как не хватало мощностей небольшой электростанции, работавшей на Кафедральной горе на привозном жидком топливе. Немцы, вопреки сложившемуся о них мнению,

первыми позаботились об устройстве газовой электростанции. Ее неожиданно начали строить на Ярмарочной площади, неподалеку от ж[елезно]д[орожного] вокзала. На выбранном месте проложили к месторождению газовые трубы, установили привезенное из Германии оборудование газовой станции мощностью до 1000 киловатт. О ее пуске сообщили в газете, благодаря ей резко сокращался дефицит осветительной энергии, она внесла свой вклад в освещение города. На собрании рабочих б[ывшего] завода Шмидта немецкие офицеры экономической службы, говоря о перспективах экономического возрождения города, привели как пример своей заботы о населении города и довольно быстрое возведение первой в стране электростанции, работавшей на местном природном газе. Неизвестно лишь, что сделали немцы с электростанцией, покидая город: то ли демонтировали оборудование ее и увезли с собой, то ли попросту взорвали. Это, было, конечно, проще[640].

Как-то, проходя по б[ывшей] Воронцовской улице, на здании кинотеатра взор скользнул по афише, что здесь выступает прибывший из Пятигорска Терский казачий ансамбль. Это было забытое, ушедшее в прошлое зрелище. Канули в прошлое времена, когда, заигрывая с уцелевшими после голода 1933 года казаками, секретарь крайкома Евдокимов[641] до своего ареста и объявления «врагом народа» проводил конные пробеги по Кавказу, устраивая в Пятигорске красочные и живописные дни джигита. Музыка «наурской», лезгинки, кабардинки и др. местных танцев неслась отовсюду, сопровождаемая ритмичным похлопыванием. Да и сам Евдокимов всюду тогда появлялся в казачьей Черкесске. Публика млела от удовольствия, вспоминая воинственные времена покорения Кавказа и пленения Шамиля[642]. Теперь снова произошло неслыханное в истории России событие — немцы-враги водрузили свои штандарты на вершине Эльбруса[643].

Потеряв лишь за первый месяц войны 4 млн. пленными[644], поневоле пришлось думать и Сталину о восполнении армии новыми дивизиями и корпусами. Уже во время битвы за Москву, где особенно отличился командарм 20-й армии А. А. Власов[645] (через полгода за окружение его 2-й ударной армии и сдачу в плен заклеянный как «изменник и предатель родины»[646]), Апанасенко[647] с Дальнего Востока перебросил множество дивизий «пушечного мяса». Ставропольский (Орджоникидзевский еще по названию) край донимал население «добровольнопринудительным» набором в «казачий корпус» Доватора[648]. Возникали казачьи корпуса Белова[649], Плиева[650], Селиванова[651] и др. Многие из «казаков» не всегда знали, с какого бока подойти к ставшему редким древнейшему домашнему животному — коню. Как иронически пели дети, «конница Будённого давно пошла на колбасу»[652]... Трактор повсюду заменил коня, его поголовье пало до рекордно низкого уровня[653], а в угоду Будённому[654] формировались все новые и новые конные соединения. Конница в походе была очень уязвима, легко «засекалась» с воздуха авиацией, во время проводившихся в тылах противника рейдов несла большие потери. Рядом с солдатом конь становился одной из страшных жертв новой войны моторов. Верный друг человека, гибнув массами в артиллерийских, авиационных налетах, лишь своим ужасающим предсмертным, раздирающим слух ржанием мог обратиться к бросившему его человеку, моля выстрелом в ухо прекратить страдания.

Пока смотрел и слушал казачьи пляски и песни, эти горестные мысли не давали покоя! Не скрою: на самый концерт казачьего ансамбля под руководством Ландоги[655] я шел с внутренним чувством, что во мне под впечатлением старинных казачьих песен, танцев пробудятся казачьи чувства, что они в то смутное время укрепят живший издавна во мне казачий дух. Вспоминая затеянные Сталиным лицемерные игры вокруг казачества[656], я только наполнился жгучей скорбью по поводу гибели конского состава «лжеказачьих» частей в войну. Безжалостный к людям, воевавший по принципу «людей не жалеть!»[657], уничтоживший на полях сражений 27 млн. человек[658], можно ли было ждать от него сострадания к коню, тем более к казачьему?! Сам Ландога дорого заплатил за воссоздание казачьего ансамбля: ему дали 10 лет лагерного срока. Но такой же срок дали за выступление в концертах любимцу ставропольской публики артисту оперетты К. Белоусову[659]. Не слишком ли много за пение невинных некогда популярных

романсов «Белой акации гроздь душистые»[660]? Но у советских карательных органов никогда ни в чем не было чувства меры! Тот же срок получил и диктор радиостудии Яровский[661] за передачу в оккупацию радиоизвестий немецкого оберкоммандо... Тот же срок получили и агрономы Крайзо[662] за разработку плана посевной 1943 г., хоть и убирали урожай наши колхозы.

На бойком месте, у театра б[ывшего] Меснянкина действовал книжный киоск, где продавались книги. В их числе был карманный словарь немецко-русского языка, знаменитые «Протоколы сионских мудрецов», вышедшие в недрах министерства пропаганды Геббельса, книга воспоминаний Ивана Солоневича[663] «Россия в концлагере» — давняя предшественница «Архипелага ГУЛАГ» А. И. Солженицына[664], повествовавшая о жизни заключенных на Беломорстрое. Обращала внимание и широко разошедшаяся в оккупацию книжка Альбрехта[665] «В подвалах ГПУ». Автор — немец-коммунист — был наркомом лесной промышленности, затем угодил на Воркуту, перед войной освободился и поехал на Украину, где в первые месяцы войны попал из лап ГПУ в руки гестапо. В его одной из первых незаслуженно забытых книг на лагерную тему описывалась жизнь на строительстве шахт Воркуты, массовые расстрелы троцкистов, произведенные Кашкетиным[666], сообщались нормы питания заключенных, рисовалась картина расстрела во дворе Лубянки М. Н. Тухачевского[667] и др. видных военачальников.

Книжка Альбрехта, разошедшаяся на оккупированной территории большим тиражом, первая задолго до других авторов[668] приподняла завесу над тайнами подвалов Лубянки, где томились «смертники» в ожидании расстрела в битком набитых расстрельных камерах. Ей, ей не помешало бы ее переиздать и в наши дни в память того, что по существу она старая знакомая, первая в России открыла в 1941–1942 годах глаза на ужасы застенков ГПУ. Немцы же первыми открыли для показа советские секретные тюрьмы в советских посольствах в Берлине и Париже, сделали предметом обозрения известковые ямы в тюрьмах Ставрополя и Пятигорска, куда бросались тела расстрелянных «врагов народа» в канун бегства чекистов из этих городов, захоронения убитых польских офицеров в Катюни, братские могилы на месте тира в Виннице, где в 1937 году расстреляли тысячи украинских крестьян[669], свезенных со всей области, ужасный подвал в тюрьме [города] Ростова-на-Дону, где в здании ГПУ на Садовой ул., д. 33, выстрелом в затылок приводились в исполнение приговоры «тройки» к высшей мере наказания, о которых потом скупно и лицемерно сообщалось родным и близким: «осужден на 10 лет без права переписки». В те годы это была формула расстрела! А из расстрельного подвала, как и с Луны, нечего было ждать писем!

Немцы готовились отпраздновать самый почитаемый ими праздник Рождества Христова (Вайнахт[670]). На имя солдат в Ставрополь шли сотни праздничных посылок. В свою очередь отдел пропаганды выпустил в Ставрополе новогоднюю поздравительную открытку с изображением местной достопримечательности — колокольни Кафедрального собора, которая была видна за 60 км от города и в свое время звонила своим особенным колоколом «густого баса». Снимок колокольни был сделан от танцплощадки в «роще» и фактически стал ее последним изображением. После возвращения «серого кардинала» М. Сулова из Кизляра в Ставрополь, неожиданно за время оккупации переименованного из прежнего [города] Ворошиловска, последовало его властное распоряжение — снести намозолившую глаза колокольню — «опиум для народа». Сделано это под фальшивым предлогом, мол-де колокольня может служить ориентиром для налетов на город фашистских самолетов. Но был лишь один такой самолет из Крыма летом 1943 года, который разбрасывал листовки с фотографией ушедшего с немцами б[ывшего] редактора газеты «Утро Кавказа» в мундире капитана РОА Б. Н. Ширяева[671].

Но, наверно, у кого-нибудь из жителей хранится эта примечательная открытка-поздравление с 1943 годом. Она могла попасть и в ГАСК через агента ГБ б[ывшего] царского офицера А. И. Рыбалкина[672], внедренного в редакцию в агентурных целях и собиравшего с оперативными целями все номера газеты вплоть до выхода 20 января 1943 года последнего номера газеты, которую сталинские борзописцы не иначе называли как «презренная фашистская газетенка». Но

тому же КГБ они хорошо послужили, выявляя тех лиц, которые «запятнали» себя, сотрудничая с немцами. Однако в защиту газеты надо сказать, что она ничем не напоминала листка (в этом виде выходил лишь агробюллетень для крестьян Ставрополя). Наоборот, будучи формата городской газеты, она имела своего читателя, который охотно следил по военным сводкам Верховного Командования (ОКВ) за ходом военных действий под Сталинградом, интересовался повестями б[ывшего] сотрудника «Молодого ленинца» М. Бойко[673] и злыми и ядовитыми фельетонами Аспида (А. Е. Капралова[674]).

Первоначально газета называлась «Ставропольское слово», но затем с распространением ее тиража по всему Северному Кавказу стала именоваться «Утро Кавказа». Немцы спешили с выпуском газеты, но при выборе редактора остановили выбор на Ширяеве, бывшем царском офицере-гусаре, узнике Соловков, отвергнув притязания б[ывшего] сотрудника газеты «Орджоникидзевская правда» Гайдаш[675] и б[ывшего] дореволюционного редактора армавирской газеты «Отклики Кавказа» Дороновича[676]. У Ширяева было хорошее перо, писать он начал еще в Соловецкой «услоновской» газете «Перековка». Ему удалось сплотить вокруг себя вполне приличный состав журналистов.

Перу Бойко принадлежали его воспоминания о пытках и истязаниях, которым он подвергался в 1937 году во внутренней тюрьме НКВД, выходившей окнами в рощу, а также его сатирические повести, клеймившие неудачные попытки «гебистов» развернуть партизанское движение в Ставрополе. Читатели с нетерпением ждали новых фельетонов «Аспида», до революции одноклассника М. А. Булгакова[677] в Киевской гимназии, затем библиотекаря в Киевском военном училище, где он получил 3 года по провокационному делу «Весна»[678] группы офицеров-преподавателей училища. Особенный успех имел его фельетон о колхозной свинье Маше, которая с младенческих лет жила в колхозе в таких комфортных условиях, о которых не смел мечтать ни один колхозник... Ее отпаивали сливками, откармливали добротным зерном, часто мыли в душе, чтобы, упаси Боже, не повредить ее сытому и благополучному существованию...

Газета печатала статьи атамана станицы Николаевской М. Г. Земцова[679] об ужасах спровоцированного Л. М. Кагановичем в 1933 году искусственного голода на Кубани[680] (под псевдонимом М. Хопёрский), статьи о Лермонтовском Ставрополе местного лермонтоведа Л. Н. Польского (Леонидова), очерк о кафедральном соборе юного студента Н. Крестовоздвиженского[681] (сына местного энтомолога В. Лучника[682]), большую статью Л. Градова[683] «Быть Ленинграду пусту», первой рассказавшей об ужасах ленинградской блокады, возникшей по вине А. А. Жданова, отказавшегося от пополнения продовольственных запасов Ленинграда в первые месяцы войны. Очень интересен был очерк бежавшего из Сталинграда журналиста Юрия Чекалина[684] о жизни крестьян Ставрополя в оккупацию. Они жирно ели, много пили самогона-первача, предаваясь размышлениям о будущем. А после прорыва немецкой обороны 19 ноября 1942 года им следовало уже собирать обозы и по льду Азовского моря пробираться на Таганрог. Ведь всех их ждала мобилизация в армию и безжалостная гибель в кровопролитных боях на Сев[ерском] Донце, и в битве на Курской дуге, и при переправе через Днепр при занятии Киева. Мало кто из этих ставропольцев тогда выжил, много тел убитых занес Днепр в пучину Черного моря.

Сам Чекалин, бывший «звездой» «Орджоникидзевской правды», появился в Ставрополе внезапно в канун разгрома немцев под Сталинградом, не поймешь — не то дезертир, не то беглец из лагеря военнопленных. Зондерфюрер отдела пропаганды «К» Шюле[685] всячески убеждал его перейти на работу в «Утро Кавказа», но Чекалин упирался и затягивал решение. Что-то в его положении было неясно: будь он дезертир, ему от советов не было бы пощады. Да и на беглеца из лагеря военнопленных он тоже не был похож: шинель на нем еще была целая, да и не пройти ему было путь от Сталинграда до Ставрополя без надежных немецких документов. Оставался еще вариант: с хорошими документами пройти в качестве разведчика по немецким тылам Ставрополя, что он,

наверно, и сделал в конце концов. Поломавшись в отделе пропаганды «Кавказ», он поехал в глухой тыл Ставрополя, побывал в его медвежьих углах, насмотрелся, наговорился и вернулся с уже написанной рукописью. Его очерк имел большой успех. Это была первая корреспонденция о настроениях и надеждах ставропольского мужика-хлебороба. Сам Чекалин как появился, так тут же и исчез... Не исключено, что в его судьбу вмешался Абвер, имевший в Ставрополе своих достойных представителей-офицеров, в совершенстве владевших русским языком, и они, возможно, вовлекли его в свои игры. Ведь до конца войны еще оставалось два с половиной года, и в судьбе самого Чекалина могло произойти много метаморфоз! Во всяком случае, неожиданное возникновение Чекалина в ноябре-декабре 1942 года носило таинственный и неразгаданный характер. Мне, во всяком случае, он больше нигде не встретился!

Со времени молебна, отслуженного духовенством Успенской церкви на Ярмарочной площади, произошли перемены и в церковных делах[686]. В газете «Утро Кавказа» появилась статья моего отца за подписью Н. Дмитриевский, где излагалась история жесточайшей борьбы между двумя течениями Русской Православной Церкви: тихоновцами и обновленцами. В результате этой борьбы во всей епархии осталось 12 церквей! Мощный натиск верующих поневоле заставил подумать о возрождении кое-где сохранившихся церквей и обеспечении их духовенством. По инициативе румынского командования и с помощью городской управы начали перевозить из закрытой Андреевской церкви сваленные грудой документы краевого архива — ГАСК. Помещение церкви было приведено в порядок: на Рождество 25 декабря состоялась служба в освобожденной от архивных дел церкви с участием православных румынских солдат и офицеров. На втором этаже пристройки колокольни расположилось Епархиальное управление (с обширной библиотекой краевого архива), а на первом этаже была устроена свечная мастерская, начавшая снабжать свечами ближайšie к Ставрополю церкви. Таким образом, в Ставрополе появился еще один собор, ставший в дальнейшем играть роль кафедрального.

Вскоре после того, как немцы по приказу Гитлера в целях спрямления линии фронта оставили Ставрополь и отошли к Ростову-на-Дону и на Таманский полуостров — Кубанское предместное укрепление с [городом] Новороссийском, из Кизляра прибыл уезжавший в эвакуацию митрополит Гермоген[687] (В. И. Кожин), произошло примирение враждовавших конфессиональных групп, обновленческое духовенство отслужило чин покаяния перед верующими и Ставропольская епархия начала новую жизнь во главе с новым епископом Антонием (Романовским)[688], освобожденным из заключения.

Приказ об оставлении Северного Кавказа[689] и отходе на Таманский полуостров снова привел в движение войска армейской группы «А» фельдмаршала Клейста. Они организованно и планомерно начали свой отход, не вступая в боевое столкновение с частями Северо-Кавказского фронта. Пытаясь застраховаться, бургомистр Ставрополя Кривохатский[690] со своими приближенными и некоторыми полицейскими решил предупредить ход событий, захватить власть в свои руки до прихода частей Красной Армии и помешать командам «факельщиков» в уничтожении городских зданий. Но служба «СД» (Sicherheitsdienst) предупредила их, заговорщики были арестованы и расстреляны[691] командой солдат «СС», состоявшей из горцев Северного Кавказа и имевшей пребывание в здании крайсуда. Группа Кривохатского ничего не добилась, бесславно погибла, и ее попытка осталась никем не оцененной. Надо было ей по примеру начальника отдела здравоохранения М. Шульца[692], начальника одного из отделений полиции Овсянникова[693], начальника отдела просвещения К. А. Белецкого[694], бывшего бургомистра С. Н. Меркулова забрать лучших лошадей в городской управе и отправиться в «отступ», держа курс на Ейск, где перебраться по льду Азовского моря к Таганрогу и там присоединиться к мощному потоку беженцев, уходивших от сталинского гнета и насилия[695]. Никто из них мудро не ждал ничего хорошего от встречи с «гебистами».

В Ставрополе сразу по «освобождению» города по заранее составленным спискам начались многочисленные аресты. «Особисты» полевых частей хватили всех без разбора[696].

«Факельщики» успели сжечь здание СД-НКВД и арестованными набили дом в два этажа на проспекте Октябрьской революции рядом с кинотеатром. Арестовали и продержали много лет в лагере талантливого агронома Сохранова[697]. Посадили юношу-студента Колю Лучника[698] за невинную краеведческую заметку об истории кафедрального собора. Схватили и приговорили к расстрелу офицера-инвалида за то, что он, не имея средств к жизни, написал несколько невинных заметок для агрономического бюллетеня. Группу людей на Подгорной улице (Хатукаева[699] и др.) обвинили в связи с Гестапо, в выдаче немцам советских патриотов. Их били, пытали, издевались над ними и после суда отправили в Норильск!

Интересно, что бы сделали с Ширяевым, Бойко, с Капраловым, если бы они попали в их руки? Наверно, по примеру Краснодара повесили бы на площади! К счастью, они оказались за пределами досягаемости «особистов» и «смершевцев», движимых чувством злобной мести. Ширяев умер в Сан-Ремо в Италии, Аспид-Капралов в числе 200 тысяч «перемещенных лиц» перебрался в США, где еще работал в «Голосе Америки», Шульц с женой оказался в Аргентине, Беляцкий умер в Краснодаре, где я с ним однажды встречался. До этого просидел ряд лет в Воркуте.

Надо признать, что немцы никогда не бросали на произвол судьбы тех, кто с ними сотрудничал. Всех в Ставрополе, кто хотел, погрузили в вагоны, дали сопровождающих и кружным путем отправили в Симферополь к месту новой дислокации штаба фон Клейста. Там они снова возобновили работу. И отсюда их так же заблаговременно вывезли в Херсон и Николаев. Сам я колебался, как мне поступить? Но потом по зрелом размышлении решил: надо ехать! Встретаться с «кувшинными рылами» наглых, мордатых и жестоких следователей НКВД не имело расчета, да и попадать в лагерь, по сути дела, не за что, да еще в разгаре войны не имело смысла...

Хочу особо отметить, что моя семья лишь в оккупацию зажила нормальной человеческой жизнью. Раньше, чтобы поговорить дома во время редких приездов к родителям из Ленинграда, приходилось наглухо запирать ставни, чтобы предотвратить подслушивание разговоров со стороны уличных «стукачей» и доносчиков. В оккупацию один раз только нас потревожил неожиданный визит майора Абвера, который с бутылкой французского шампанского «Мума» пришел познакомиться с нашей семьей. Что это был офицер контрразведки, отлично говоривший по-русски, я узнал чуть позже со слов нашего родственника Качаева[700]. Это он привел майора в Епархиальное управление, чтобы изъять из библиотеки огромный фолиант Большого Атласа СССР. Но у нас в доме майор вел себя прилично и даже дважды поцеловал руки у моей матери, чего с ней не бывало с 1919 года, когда у нас в Казьминке стоял на квартире начальник гарнизона, бывший гусар, штабс-ротмистр Боборыкин[701], племянник известного писателя. Теперь она сильно «тряслась», как бы не зашла речь об обстоятельствах проводки в наш дом электрического освещения в самый канун оккупации 1 августа 1942 года (об этом я писал ранее).

Был еще сомнительный эпизод. Моя знакомая, жившая на Подгорной по соседству, усиленно приглашала меня поехать на встречу Нового 1943 года к ее подруге в будку путевого обходчика у станции Пелагиада. Я сперва заколебался, но тут, словно толчком осенила интуиция: не есть ли это происк советской разведки, желание одного из разведчиков повидаться со мной — напоминание о моей «невесте», которая должна была по уговору с майором ГРУ прибыть из Армавира для работы на радиопередатчике? Была и другая мысль: а не хотят ли попросту меня похитить советские партизаны и убить?.. Так или иначе, я тогда наотрез отказался поехать на встречу Нового года в будке путевого обходчика! Спустя время нам принесли снимки встречи на Рождество в штабе румынской дивизии по случаю освящения Андреевской церкви. Я был на этой встрече вместе со своей знакомой[702] (назовем ее Симочка), и меня удивило, что в момент съемки она спряталась за мою спину словно для того, чтобы ее нельзя было узнать. Моя мама высказалась, что Симу могли завербовать до войны в «сексотки» как дочь казачьего офицера-эмигранта. Самое любопытное, что впоследствии я случайно встретился с самим Фотием

Дьяченко[703] на Украине и показал снимок его дочери. У него была тогда легенда, что он — представитель частной белогвардейской фирмы. Оказалось, что в 1920 году генерал Фостиков[704] посылал его в Крым для координации высадки на Кубани десанта генерала Улагая[705] и выступления созданной Фостиковым «Армии освобождения России»[706]. Позже в Берлине я как-то случайно опять встретил Дьяченко, и он уже предстал теперь передо мной в мундире штурмбаннфюрера СС!..

Как я однажды писал, меня вывезли из Ставрополя два немецких офицера, видимо, считая меня важным осведомительным источником (я был несколько лет ленинградским корреспондентом значительной советской газеты «За индустриализацию»[707] — органа тяжелой промышленности СССР и хорошо знал дислокацию ленинградских заводов в эвакуации). Мы выехали 20 января 1943 года из пустынного города, где отдельные команды «факельщиков» завершали свою работу. Возможно, на верхнем базаре в эту минуту вступила в заключительную стадию ликвидация десанта лейтенанта Булкина[708]: оттуда доносились частые выстрелы. Офицеры — мои спутники — держали наготове автоматы и ручные гранаты с длинными ручками. Мы проехали Осетинскую поляну и затем через станицы Рождественскую, Каменнобродскую, Баклановскую ночью добрались до станицы Кавказской. Следующий день провели на станции Кавказской и к вечеру выехали в направлении станции Тихорецкой. Особенно опасно было ночью ехать по пустынной Кубанской степи за ст[аницей] Старолеушковской. Не было видно ни зги, ни одной встречной немецкой машины, разве только — нарваться на одинокий разведывательный советский блуждающий танк. К рассвету добрались до наплавного моста через Дон, по которому на протяжении нескольких часов переправлялась шедшая в сторону Сальска немецкая бронетанковая дивизия[709]. К вечеру, проехав Ростов-на-Дону, добрались до Таганрога, где, воспользовавшись благоприятным моментом, я оторвался от своих спутников.

Мои родители снабдили меня на дорогу большой суммой оккупационных марок, которыми расплачивались прихожане Андреевской церкви за свечи и прочие церковные требы. Эти деньги все равно подлежали немедленному аннулированию с приходом советских частей.

Они помогли мне продержаться в скитаниях по Южной Украине. Так продолжалось до тех пор, пока приказ не обязал всех беженцев с Северного Кавказа зарегистрироваться у местных представителей казачьих организаций. Тут я представился полковнику Белому[710] из Екатеринодара, который и направил меня на сборный пункт в Симферополе, где мне пришлось налаживать выпуск газеты «Казачий клинок» для населения Кубанского предмостного укрепления на Таманском полуострове... Времена меняются! Давно ли Б. И. Ширяев, б[ывший] редактор «Утра Кавказа» и капитан РОА, считался предателем и изменником, «презренным власовцем»... А теперь о самом генерале Власове начали в разных изданиях печатать благожелательные, оправдывающие его статьи (см. «Огонёк», «Звезда», сборник «Куранты» № 3 и др.)[711]. В «Кавказской здравнице» появился рассказ соловецких времен и самого Б. Н. Ширяева, того самого, листовки с портретом которого разбрасывались над Ставрополем немецкими самолетами в 1943 году...

Л. Н. Леонидов-Польский

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ V

М.-Д. фон Штакельберг[712]. Положение в Терской области по состоянию на сентябрь 1942 года

На Тереке есть деревни, населенные русскими, украинцами, кумыками, более всего армянами и одна горскими иудеями (караимами?). Население Терской области все без исключения дружелюбно к немцам. Оно надеется на нормальную жизнь. Войска ведут себя по отношению к местному населению порядочно. Отношение же к местному населению русских, состоящих на

службе германского Вермахта, часто грубое. В тех районах, где, например, черкесские роты были включены в немецкую операцию «Горец»[713], немцев приветствовали как освободителей от большевистского и русского владычества. В черкесских районах, а также в кабардинских, осетинских и ингушских деревнях, где молодежь призывного возраста была демобилизована или не призывалась[714], многие вызывались добровольно служить в Вермахте. Соответствующая пропаганда может повлиять на боевые успехи иностранных формирований во всех автономных национально-политических областях.

Интерес к политическим вопросам невелик. Когда, например, обсуждались вопросы образования, в одной из кабардинских деревень было высказано мнение, что обучение только на родном языке оглупляет народ и ведет к его изоляции. Например, осетины, ингуши и чеченцы хотят, чтобы пятилетняя школа была национальной, а в качестве иностранного преподавали бы немецкий язык. Интерес к консолидации народов Кавказа невелик. Существует повсеместная надежда на скорое возобновление преподавания в школах. В этой области еврейский вопрос не является национально-политической проблемой. В деревнях часто встречаются евреи врачи и учителя; в торговле преимущественное положение занимают армяне. В некоторых нерусских кругах считают, что Сталин является грузинским горским евреем.

Хотят, чтобы было урегулировано довольствие воинских частей и чтобы выдавались листы нетрудоспособности. Колхозных отар больше не существует.

Ущерб, нанесенный общественной собственности, воспринимается как неизбежное следствие войны. При своем отступлении Советы не трогали частного имущества. В общем, так же обстоит дело и сейчас. Но распространяются слухи, что иностранные солдаты бесчинствовали в нескольких деревнях. Некоторые думают, что это были румыны.

Положение колхозов во фронтовой зоне очень тяжелое. Тракторы конфискованы армией в качестве тягачей. Нет мастеров, чтобы отремонтировать оставшиеся машины. Нет горючего и почти нет работоспособных мужчин. Плохо обстоит ситуация с уборкой урожая. Каждый берет с обширных полей столько кукурузы и подсолнечника, сколько может унести. Поля льна и технических культур не убираются. Частично в этом виноват страх перед ответственностью и недостаточное чувство солидарности. Из-за нехватки горючего повсюду конфискованы лошади.

Быстрого раздела земли здесь не ожидают. Сохранение колхозной системы нежелательно. Надеются на улучшение жизни благодаря индивидуальному хозяйству, а также на то, что А. Гитлер, которого крестьяне часто называют «наш новый господин», сделает это возможным. Немецкая пропаганда не обращается к населению фронтовой зоны, хотя население готово ее воспринимать и проявляет интерес к каждому печатному слову. Также и в городах, где население реагирует быстрее и живее, участие в происходящих военных событиях незначительно. Войну рассматривают как природное бедствие. Здесь начался стремительный рост цен. На курортах задержалось много студентов, эвакуированных из Ленинграда на Кавказ, которые в Кисловодске учились в чем-то наподобие летнего университета. Хорошо подготовленная пропаганда на Северном Кавказе будет соответствовать чаяниям населения и позволит скорее привлечь к сотрудничеству позитивные элементы.

ГЛАВА VI. ЛОКОТСКОЙ САМОУПРАВЛЯЮЩИЙСЯ ОКРУГ

Документы и материалы

Документ 1

Приказ по вооруженным отрядам Локотского уезда от 11 марта 1942 года[715]

Начиная с 3 по 10 марта с. г. включительно, потерявшие голову в своей бессильной злобе гореруководители бандитских шаек[716], бывшие комиссары и коммунисты и другая сволочь[717], пытались дезорганизовать нашу работу по мирному строительству нашего Уезда, подготовки раздела земли между крестьянами[718] и закрепления за ним лошадей и т. д.

Попытки оказались тщетными, не вышло их очередное подлое и грязное дело, хотя подготовка велась к этим бандитским налетам тщательная, как в смысле подготовки людского состава и материальной части, так и в смысле расчетов бандитов на внезапность и хитрость налетов.

Эти иуды русского народа еще раз просчитались в своем предполагаемом устое, а также и в надежде на стойкость мобилизованных из населения партизан. Кроме лишней пролитой русской крови людей, насильно вовлеченных в свое подлое дело, они ничего не добились, сами же, скрываясь в тылу и воюя чужой кровью, как это они делали и делают во время войны с Германией.

ЭТИ ИСТИННЫЕ «ИЗМЕННИКИ РОДИНЫ» ВМЕСТО ТОГО, ЧТОБЫ ОТСТАИВАТЬ СВОИ «ИДЕИ» НА ФРОНТЕ — запрятались в леса, когда были близко немецкие войска, а когда фронт продвинулся дальше — повылезли из своих нор и начали терроризировать мирное население.

ОНИ ЗАНЯЛИСЬ ГРАБЕЖОМ и БАНДИТИЗМОМ, ОНИ ПРОДОЛЖАЮТ ПРОЛИВАТЬ КРОВЬ РУССКОГО НАРОДА ЗДЕСЬ В ТЫЛУ. Они всевозможными обманами населения о якобы больших успехах этого величайшего кровососа Сталина на фронте борьбы с немецкими войсками[719] стараются вовлекать в свои банды людей, не желающих воевать, этим самым противопоставляя мирное население немецким войскам и полиции.

Если сложить все километры на которые, якобы, отступила немецкая армия, то русский фронт сейчас должен бы быть... у Парижа. Как занимались эти гады всю жизнь обманом, официальным грабедом Русского Населения в виде всяких налогов, так и сейчас они делают то же, с той лишь разницей, что сейчас они превратились буквально в бандитские шайки, обманывая, грабя и убивая население, не желающее идти с ними.

Ведь уже больше месяца, как эти бандиты говорят об окружении и даже взятии большевиками городов Орла, Брянска, Курска и т. п. чушь, а на самом деле эти города не только не взяты или окружены большевиками, но наоборот, фронт от них очень далеко, и, несмотря, на то, что немецкие войска стоят на зимних квартирах, тем не менее, ими занят г. Елец[720] и другие города, совершенно недавно немецкими войсками окружена и сдалась в плен под Ельцом 61-я армия[721]. КАК ВИДИТЕ, ВСЕ «УСПЕХИ» БОЛЬШЕВИКОВ ЯВЛЯЮТСЯ, КАК И ВСЕ 24 ГОДА, БРЕХНЕЙ.

Наши доблестные бойцы и командиры, пропитанные общей идеей желания бороться за свободу, за землю и волю, в схватках с этими палачами за этот период времени нанесли этим бандитам жестокие удары под Тарасовкой и Шемякиной Гутами, под Холмечами, Ирицким и Дубровкой. В этих боях мы имели незначительные потери и их почти не было бы, если бы не была проявлена растерянность со стороны командира Шемякинского Отряда. Бандиты только под Кокаревкой и Дубровкой потеряли более 200 человек убитыми и ранеными. Под Дубровкой бандиты оставили на поле боя более 80 человек убитыми, не считая раненых; к сожалению, в большинстве своем, убиты в боях исключительно мобилизованное этими бандитами мирное население.

МЫ КРОВИ НЕ ХОТИМ, НО, ЕСЛИ НА НАС НАПАДУТ — МЫ ОТВЕЧАЕМ "УДАРОМ НА УДАР. Пусть это знают не только отъявленные бандиты, но и те, которые идут с ними, вольно или невольно. ТОТ, КТО К НАМ ПОПАДАЕТ С ОРУЖИЕМ В БОЯХ, ТОМУ ПОЩАДЫ НЕТ, НО ТОТ, КТО ПРИХОДИТ К НАМ С ОРУЖИЕМ ИЛИ БЕЗ ОРУЖИЯ — ДОБРОВОЛЬНО, — ТОГО МЫ СЧИТАЕМ СВОИМ СОЮЗНИКОМ.

БОЙЦЫ и КОМАНДИРЫ, ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС С КРУПНЫМИ ПОБЕДАМИ, ЖЕЛАЮ ОТ ДУШИ ЕЩЕ БОЛЬШИХ УСПЕХОВ В НАШЕЙ БОРЬБЕ ЗА НОВУЮ, ДОРОГУЮ, СВОБОДНУЮ ОТ ПАРАЗИТОВ, ВЕЛИКУЮ РОССИЮ, ВПЕРЕД К НОВЫМ ПОБЕДАМ!

Документ 2

Приказ № 94 по Управлению Локотского уезда от 9 апреля 1942 года[722].

§ 1

В результате проведенных кустовых совещаний в конце марта с. г. со старостами населенных пунктов Локотского уезда по вопросу о «новом порядке землепользования» установлено, что имеющееся у населения наличие основных средств производства (тягловая сила и сельскохозяйственный инвентарь) позволяет нашему уезду провести текущий весенний сев в групповом (звеньевом) порядке.

§ 2

Звено, как правило, составляется на основе добровольного подбора. Обработку и посев звено производит совместно для всех своих членов. После посева производится раздел земли на полосы по едокам и дальнейший уход и уборка сельскохозяйственных культур производится уже в индивидуальном порядке.

§ 3

Бойцы вооруженной охраны, полиция и сотрудники получают самостоятельные земельные наделы и все работы по посеву, уходу и уборке урожая производятся в индивидуальном порядке.

§ 4

Всем старостам произвести подворный обход своих населенных пунктов и уточнить наличие яровых семян по каждому двору. Надо твердо помнить, что никаких семенных ссуд выдано в этом году не будет и земельные наделы будут предоставляться в зависимости от обеспеченности хозяина семенным материалом.

§ 5

Крестьяне, не имеющие лошадей, уплачивают за производимые на их земельных наделах работы (пахоту, бороньбу и посев) владельцам

лошадей натурой — хлебом или сеном по ставкам, мною утвержденным и спущенным в Волостные управления.

§ 6

Сельскохозяйственный инвентарь более простого типа (плуги, бороны, телеги и пр.) распределяются среди населения для индивидуального использования. Бойцы охраны, полиции и сотрудники наделяются этим инвентарем в первую очередь, и только после их удовлетворения производится наделение остального населения. При недостатке инвентаря он распределяется по звеньям (группам) с учетом тягловой силы.

Машины более сложного типа (молотилки, жатки, сенокосилки, сеялки и пр.) остаются обобщественными и находятся в распоряжении старост и уполномоченных, которые принимают все меры к их ремонту и использованию, создавая на местах прокатные пункты, работа которых должна протекать на основе хозрасчета. § 7

Существующий на бывших колхозных полях многопольный севооборот сохраняется и на 1942 год. На его основе волостные управления составляют планы сева на текущий год. Поля в севообороте

засеваются только теми культурами, которые намечены по плану. Замена культур, как правило, не допускается и может быть произведена только с разрешения волостных управлений.

§ 8

Обобщественные сады и плодово-ягодные питомники в бывших колхозах в целях их сохранения и рационального использования временно остаются в ведении Уездного управления. § 9

Решающим фактором в деле успешного выполнения плана весеннего сева является обеспеченность крестьянского населения тягловой силой. Нагрузка работ на каждую лошадь в некоторых населенных пунктах в значительной степени будет превышать существующие нормы. Для более успешного разрешения этого большого вопроса

Уездное управление решило передать лошадей в полную собственность населения.

Первоочередное право на собственную лошадь получают бойцы охраны, полиции и сотрудники, а также хозяева, которые добросовестно выполняют государственные повинности и сохранили лошадей в хорошей упитанности.

Лица, не выполнившие госповинностей, плохо содержавшие своих лошадей, в то время как корова его находится в хорошей упитанности, получают лошадей в последнюю очередь.

Все хозяйствующее население должно твердо помнить, что ни одного клочка земли не должно остаться незасеянным, это наш долг и наша обязанность на деле показать немецкому народу, что за их помощь в освобождении нас от ига большевизма мы полностью отблагодарим как выполнением плана сева, так и сдачей причитающегося с нас натуралога и других повинностей.

Бургомистр уезда Б. Каминский

Документ 3

Верховному командованию 2-й армии[723].

26 апреля 1942 года

.. Брониславу Каминскому 41 год. Он родом из Витебска[724]. Его отец был поляком, а мать — немкой. Учился в Ленинграде и, зарабатывая на свое обучение, достиг звания инженера со специальностью по производству красок. Студентом он вращался преимущественно среди бухаринцев, которые, как известно, вели решительную борьбу против коллективизации деревни. В 1929 году Каминский, вместе с другими, подписал протест бухаринской группы[725], направленный против заведения сталинского аграрного порядка. Спустя годы эта его подпись стала его несчастьем. В августе 1935 года он был неожиданно арестован и обвинен в связи с германскими и польскими агентами (статья 58, пункт 6)[726]. После месяцев заключения от него потребовали, чтобы он признал свою связь с иностранными осведомителями. Так как он от этого отказался, то его заставили стоять 26 часов и вынесли лишь тогда, когда он потерял сознание. Спустя несколько дней ему сообщили, что по постановлению НКВД[727] он приговорен к 10 годам ссылки за то, что в 1929 году был одним из подписавших заявление бухаринцев.

Сперва его доставили в Москву, в Бутырку, откуда он с этапом был отправлен на Урал. Он попал в Нижнетагильский концлагерь, в районе Челябинска. В этом лагере находились почти исключительно интеллигенты, которые работали там на рудниках. Это были главным образом врачи, доценты, инженеры. Духовное состояние их было превосходным и представления о морали очень высокими. Среди заключенных была также значительная группа бухаринцев. Они, как и

другие заключенные, сравнивали коллективизацию с крепостным правом и были поэтому, в первую очередь, резкими противниками красной аграрной политики.

Все время своего заключения Каминский категорически отказывался подать просьбу о помиловании. Он не чувствовал за собой вины, так как не нарушил законов страны, а только подписал внутривластное заявление протеста. Но об освобождении Каминского хлопотала в Ленинграде его мать[728], и ей, при помощи одного друга, удалось добиться для Каминского смягчения наказания в форме поселения в Европейской России. После пятилетней ссылки Каминский прибыл на место принудительного поселения в Локоть, и был назначен главным инженером местного спиртового завода С тех пор Каминский и проживал в Локте.

В концлагере постоянно велись политические разговоры, и там Каминский решил посвятить себя русской национальной и социальной идее. Знания, которые привели его к усвоению этой идеи, он приобрел главным образом в Ленинграде, там удалось получать запретную литературу. О национал-социализме он беседовал в первую очередь с немецкими инженерами. В особенности некий инженер Шварц, работавший на ленинградском лазурном заводе «Республика», много рассказывал Каминскому о национал-социалистическом мировоззрении, которое они и обсуждали. В клубе инженеров в Ленинграде, где встречались немецкие, английские и финские инженеры, русские в общем имели возможность участвовать в разговорах о событиях на Западе. Но сведений о каком-либо национально-русском движении в эмиграции ни Каминский, ни его друзья не имели. По словам Каминского, он и его друзья пришли к мысли о создании национал-социалистического отечества прежде всего путем сравнения положения России и [существовавшего. — К. А.] за границей.

Каминский, кстати, рассказывает, что в тюрьме он слышал от одного судьи, что в 1935 году была раскрыта организация национальной русской партии. Члены этой небольшой группы были немедленно ликвидированы[729]. Что же касается эмигрантов, то Каминский заявляет, что он отвергает эмигрантов из царской России или монархистов («цареемигрантов»), но что он охотно привлечет к себе все жертвы большевизма, которые эмигрировали в последние годы, ибо они нужны для построения русской национальной организации.

Возвращаясь к истории возникновения русской национал-социалистической идеи, необходимо отметить еще одно лицо, сыгравшее определяющую роль в образовании группы Каминского. Речь идет о бывшем директоре[730] Московской Палаты мер и весов Иване — Константине Павловиче Воскобойнике (в Москве он называл себя Лошаков). В 1921 году Воскобойник принял участие в восстании на Волге. До 1931 года он проживал в Москве под именем Лошакова, пока не был раскрыт, арестован и отправлен в Новосибирский концлагерь. Там он пробыл в заключении три года и по возвращении пытался устроиться на Украине. Однако никто его, как бывшего концлагерника, не хотел принять на работу. От настойчивого предложения властей стать агентом НКВД он отказался. Чтобы найти работу, Воскобойник наконец изготовил себе фальшивые документы и с ними прибыл в Локоть. В Новосибирском концлагере Воскобойник был известен под именем инженера Земля. В этом концлагере было также много интеллигентов среди заключенных. Именно Воскобойника и следует считать основателем и первым вождем русской националсоциалистической боевой группы. Когда осенью прошлого года большинство частей Красной армии оставили район к югу от Брянска, Воскобойник и Каминский решили действовать. Нашлось шесть человек, объединившихся вокруг этой же идеи. Идея эта в основном включает:

1. уничтожение сталинской и колхозной системы,
2. создание русского национал-социального государства, которое было бы теснейшим образом связано с «осью» (без этого тесного контакта существование Новой России невозможно) и
3. носителем государственной идеи нового государства является русская национальная и социальная партия.

Кроме того, при новом порядке в сельском хозяйстве каждый крестьянин должен получить минимум 10 гектаров земли. Существенно, однако, чтобы вся земля, которую крестьянин получит, никогда не стала его собственностью, но всегда оставалась собственностью государства, то есть крестьянин получает от государства землю как бы в аренду[731]. Церковь должна быть восстановлена по старому образцу, без политического влияния. Символом Новой России является черный Георгиевский крест на белом поле. Этот крест символизирует крестовый поход всех благонамеренных людей против большевизма. Гербом будущего русского Отечества должен стать св. Георгий, поражающий дракона мировой революции. Кроме того, св. Георгий является исконным русским символом.

Указанные выше пункты Каминский считает только общей основой. Партийной программы он полностью еще не разработал, но общий ход его мыслей изложен в прилагаемых воззваниях (см. приложения № 8, 15, 16 и 17[732]). На призыв Воскобойника немедленно откликнулись в районе Брасово 300 человек, заявивших о своей готовности бороться за лучшее будущее России. Из первых стычек с застрявшими в тылу частями Красной армии возникла небольшая боевая группа, к которой постепенно примыкало все больше и больше людей. Наряду с командирами и бойцами Красной армии к группе присоединились главным образом кулаки, что весьма показательно. В декабре 1941 года к немецким властям в Кромах явился представитель Воскобойника и Каминского по имени Мосин[733]. Он просил, чтобы полевая жандармерия и органы ГФП проверили каждого участника их небольшой группы. Под Рождество Мосин прибыл с собранными к тому времени документами о своей новоорганизованной группе в разведывательный отдел штаба 2-й армии в Орле. По поручению Воскобойника и Каминского Мосин просил разрешения организовать русскую национал-социалистическую партию. По вопросу о создании партии отдел не высказывался и отложил представленные ему бумаги до возвращения представителя Министерства иностранных дел. Правильно учитывая военные возможности, заключающиеся в предложении Воскобойника, начальник отдела поставил перед Мосиным следующие три вопроса:

1. Каково отношение Воскобойника к партизанам?
2. Готов ли Воскобойник заняться пропагандой против партизан? и
3. Согласен ли Воскобойник участвовать в активной борьбе против партизан?

От имени своих доверителей Мосин заявил, что его группа готова выступить против партизан самым решительным образом. Кроме того, он обещал немедленно предоставить материалы, необходимые для ознакомления с политическими целями его доверителей. В результате этого были представлены разные документы, которые представителем Министерства иностранных дел были сообщены дальше[734].

Так как Локоть был вскоре изъят из района действий 2-й армии, то дело Воскобойника было передано 2-й танковой армии, которая в дальнейшем и сотрудничала с этой группой. Однако сотрудничество боевого отряда Воскобойника со 2-й танковой армией носило, вследствие наводнения этого района партизанами, скорее теоретический, чем практический характер. 8-го января 1942 года произошло внезапное нападение сильной группы партизан на Локоть. Партизанам удалось захватить Воскобойника, и они его расстреляли[735]. Еще за несколько минут до его пленения он показал пример исключительной храбрости. Каминский, к счастью, проживавший несколько в стороне от лагеря, был своевременно предупрежден и спасся. Он поклялся отомстить за Воскобойника и во что бы то ни стало создать сильный боевой отряд. Он выступил с широким призывом вступить в отряд. Ссылаясь на свой Манифест[736], он развил агитацию, искал оружие и объявил партизанам беспощадную войну. Он преобразовал первоначальную группу Воскобойника в летучие боевые отряды, которые вскоре стали опаснейшими противниками обычно ко всему готовых партизан. Когда те заметили, что перед ними противник, который дерется тем же оружием и умеет особенно хорошо приспособиться к

местной обстановке, они предложили ему — через парламентариев — перейти к ним и вместе с ними бороться за свободу Отечества.

Каминский отклонил это предложение, и тогда партизаны назначили премию за его голову в 20 тысяч. Теперь для Каминского настали трудные дни. В течение долгих суровых зимних месяцев немецкие саперы приступили к работам на железной дороге на расстоянии свыше 100 километров к югу, а к северу в брянском направлении всякая связь была вообще прервана. Хотя Каминский никогда не был солдатом и его начальник штаба Мироненко[737] тоже никогда не служил, Каминский сумел завоевать доверие своих военных подчиненных. Он разделил свои отряды на роты, забрал у партизан орудия и т. д.

Самым тяжелым боем, который он победоносно закончил, было отражение 2000 партизан в районе Комаричи между 3 и 11 марта 1942 года. Большое число убитых и раненых говорит о духе его войск. Когда наши саперы подошли, то произошло объединение частей Каминского с немецкими частями. Люди Каминского частично взяли на себя охрану немецких частей, поскольку речь шла о саперных ротах, работавших на железной дороге. В результате совместной борьбы установились товарищеские отношения между немецкими офицерами и русскими начальниками. Каминский открыто заявляет, что без разрешения немецких политических властей он ничего не предпримет, что могло бы сделать его боевую группу инструментом политического значения. Сейчас он преисполнен уверенности, что его задача — чисто военная, но он со страстным нетерпением ожидает момента, когда будет признано и политическое его значение.

При оценке основных идей, которые он развивает относительно будущего, натываешься, как и у многих русских, на не вполне ясные представления. Очевидно, он еще не справился с политической и мировоззренческой конструкциями своей идеи. Существенно, однако, что, по всей видимости, при подходящем политическом руководстве Каминский согласится служить немецким идеям преобразования Востока. Этого человека можно было бы вполне использовать в качестве пропагандиста немецкого Нового Порядка на Востоке, если только считаться с некоторыми особенностями русской психологии. Кроме того, опыт военных операций показал, что без привлечения к нам туземных, знакомых с районом и его обстановкой, частей русской милиции мы никогда не добьемся умиротворения в тылу армии. Военные части наших союзников ни качественно, ни количественно для этого не подходят. Напротив, как это, к сожалению, выясняется, венгерские отряды вызывают все растущее озлобление в тылу армии.

Не следует забывать, что и в Красной армии все более усиливается национальное самосознание. Не исключена возможность, что в России еще имеются люди, которым в один прекрасный день, может, удастся при помощи Красной армии избавиться от Сталина и его приверженцев. В особенности многие партизанские группы рассматривают себя сейчас не как авангард красных, а как борцов за свободу. Лозунгом семи тысяч людей генерала Васильева[738] было, например, «За свободную русскую родину! Никогда под ярмо немецких фашистов!» Этот национальный порыв, который имеется — грубо говоря — и справа, и слева, немецкие власти должны умело направить и использовать, пока враждебность к красным и недовольство условиями и событиями еще не вызвали в оккупированных областях такого национализма, который может стать для воюющей немецкой армии, хотя бы в форме пассивного сопротивления, весьма опасным.

Военное использование таких частей, как отряды Каминского, заставляет людей, способных стать политическими вождями, подчиниться военной дисциплине. Таким путем можно гораздо эффективнее направлять их деятельность, чем представлять их самим себе или внезапно запрещая их организации.

Поэтому необходимо в интересах наших борющихся армий вновь указать на то, что:

1. Привлечение местных добровольческих отрядов является военной необходимостью и

2. Политическое руководство должно стараться поставить себе на службу положительные элементы этой группы.

Если это будет своевременно сделано, то мы получим в лице руководителей, выступивших сегодня против красных, надежных исполнителей. Использование их для активной пропаганды против врага должно также быть весьма эффективным. Солдат на фронте считает, что необходимо принять помощь каждого, кто помогает парализовать ударную силу Красной армии. К тому же опыт показал солдатам, что русский солдат, выступающий вместе с ними против красных, равен по своей отваге неприятелю. Поэтому немецкий солдат ценит русского добровольца во много раз больше, чем многих союзных солдат. Само собой ясно, что это никак нельзя согласовать с политическими планами Рейха. Следует, однако, проникнуться мыслью, что солдат, который собою жертвует, требует, чтобы были мобилизованы все силы, которые только в состоянии наиболее чувствительно уязвить врага. И сам факт, что русские сражаются наряду с немецкими войсками против Красной армии, вызывает, конечно, тягчайшее напряжение во внутренней структуре Красной армии.

Подпись: (капитан)[739]

Документ 4

Из журнала дежурного офицера штаба коменданта тылового района 2-й танковой армии (Брянск)[740].

25.04.42. Инженер Каминский, бургомистр Локтя и руководитель чрезвычайно хорошо себя зарекомендовавшей локотской милиции, представляется сегодня генералу[741]. В качестве подарка ему будут переданы грамота Главнокомандующего[742] и радиоприемник. Каминский просит помощи оружием и боеприпасами. Ему выдан документ, что локотская милиция находится на службе КТР-532[743] и о запрете любым немецким учреждениям вмешиваться в дела милиции.

29.04.42. Каминский докладывает из Локтя: Тарасовка и Шемякино (14 км западнее Локтя)[744], благодаря предательству[745], заняты сегодня ночью противником. Гарнизон взят в плен. Угроза Локтю. Для усиления милиции посланы 2 роты железнодорожных войск 2-й танковой армии. КТР отдал распоряжение всем подчиненным войскам об обращении с русским населением. Особенно строжайшим образом запрещено не вызываемое необходимостью сожжение деревень и беспорядочная реквизиция.

5.05.42. Сегодня 3 юнкерса совершили налет на Тарасовку и Шемякино, добившись хорошего результата.

8.05.42. Сегодня 6 юнкерсов-88 совершили налет на Тарасовку и Шемякино.

10.05.42. 5 юнкерсов-88 бомбили Тарасовку и Кокоревку. Капитан фон Крыха, инспектор милицейских отрядов КТР, вылетел на место. По сообщениям, полученным позднее от партизан, в Кокоревке было прямое попадание в партизанский штаб. Погибли советский дивизионный генерал и несколько офицеров[746].

11.05.42. Каминский сообщает из Локтя: Шемякино и Тарасовка окружены и взяты[747]. Уничтожено 150 партизан. Захвачено 2 орудия, 5 станковых, 10 ручных пулеметов. Собственные потери: 12 убитых и раненых.

05.06.42. Начальник Локотской милиции Каминский настоятельно просит помощи. По всему его фронту наступают силы партизан. Потери: 50 убитых и 120 раненых[748]. Срочно нужны боеприпасы для винтовок и перевязочный материал.

09.06.42. Капитан фон Крыха отправился в Локоть, чтобы доставить туда боеприпасы и перевязочный материал, а также изучить положение на месте.

10.06.42. Капитан фон Крыха доложил генералу[749] о положении в Локте. Из доклада видно, что партизаны заметно увеличили свой нажим на позиции Каминского. Кроме того, отношения между милицией Каминского и венграми становятся все напряженнее.

11.06.42. В Брянск прибывает генерал-майор фон Гильза[750], который будет командовать полками 102-й и 108-й венгерских дивизий[751], 703-м охранным батальоном и милицией Локтя и Комаричей.

17.06.42. Для активной борьбы против партизан в районе Локтя под командованием группы фон Гильза передан полк 102-й венгерской дивизии и локотская милиция <...>[752].

22.06.42. Штаб армии приказал сформировать по одному добровольческому батальону в Трубчевске и Локте.

18.07.42. Майор фон Вельтхайм, до сих пор работавший в оперативном отделе штаба 2-й танковой армии, предназначен для формирования добровольческого батальона в Локте и ему приказано явиться в <...>[753] на инструктаж.

22.07.42. Главнокомандующий поручил инженеру Каминскому осуществлять самоуправление в Локотском округе и назначил его командующим локотскими милицейскими силами в звании командира бригады[754]. Майор фон Вельтхайм командирится в Локоть в качестве офицера-связника между штабом 2-й танковой армии и КТР, с одной стороны, и Каминским — с другой. Его задачи: 1. Оказать необходимую помощь Каминскому при реорганизации администрации; 2. Руководить учебной командой, выделяемой группой Гильза для повышения уровня боеготовности.

23.07.42. Командир милиции инженер Каминский во время боя в лесу под Тарасовкой (западнее Локтя), которым руководила группа Гильза, ранен[755].

4.08.42. Капитану фон Крыха отдан приказ перенести всю свою деятельность в деревню для развертывания интенсивной вербовки; при этом прежде всего убеждать население в необходимости их личного участия в борьбе против партизан, формирования милиции, назначения руководителей и везде, где есть немецкие войска, установить связь между ними и милицией.

Документ 5

Запись сообщения Каминского по телефону дежурного офицера в штабе Корюк[756].

11.06.42. Около 21.00 партизаны совершили нападение на Тарасовку, Шемякино, Холмечи и хутор Холмецкий. Обстрелян тяжелой артиллерией Крупец, поддержанный советским самолетом, который сбросил 6 бомб, не причинив серьезного ущерба. Бой продолжался 4 часа. Партизаны дошли до окопов и оставили 11 человек убитыми. Каминский потерял одного ценного командира, одного солдата и 8 человек ранеными. По словам Каминского, нападением руководил известный советский генерал-полковник КОЛПАК[757]. Большую помощь оказала бронемашина Каминского и 3 танка <...>[758]. Взаимоотношения Каминского с венграми омрачаются различными недоразумениями и несправедливыми поступками венгров по отношению к населению и милиции.

11.06.42. Произошел следующий инцидент (бесчинства венгров на кожевенной фабрике). Подоспевшая милиция арестовала двух солдат и хотела доставить их в Локоть, к Каминскому. Когда они прибыли в Брасово, то были избиты размещенными там в казармах венграми, арестованные же были освобождены. Каминский сразу заявил протест штабу 102-й венгерской

дивизии. Хотя ему обещали немедленно принять меры и наказать виновных, до сих пор ничего не сделано. Сегодня он получил извещение о том, что случай будет сначала проверен и расследован. Каминский сообщил, что его люди возмущаются целым рядом подобных действий венгров, и он опасается каждый день драк и эксцессов. Его люди открыто говорят, что не будут долго терпеть, когда венгры избивают их; что они воюют против партизан, а венгры сидят в Локте и ничего не делают, едят, пьют и занимаются различными другими делами. Он настоятельно просит помощи и дать строгое указание 102-й венгерской дивизии о недопущении подобных инцидентов. Каминский <.. >[759] полностью утратил доверие к венграм и убежден в том, что венгерские солдаты не подчиняются приказам своих командиров.

Документ 6

Докладная записка для фюрера[760].

Берлин, 8 января 1943.

R/H.

Относительно: Русского самоуправляющегося округа[761] Локоть.

В тылу нашей армии был поставлен эксперимент по созданию РСО с [населением в. —К. А.] 500 тыс. жителей[762]. Я попросил партайгеноссе Феликса Шмидг-Деккера, который является начальником отдела пропаганды при армейском командовании[763], посетить этот округ. Он пробыл там с 19 ноября по 31 декабря 1942 года в составе 2-й танковой армии Центрального участка Восточного фронта. Генерал-полковник Шмидг, Главнокомандующий 2-й танковой армии, особенно способствовал его выступлениям перед населением. Партайгеноссе Шмидт-Деккер представил мне подробный отчет о своей поездке, из которого я позволил себе извлечь для фюрера главное в приложении[764].

Приложение.

Этот округ возглавляется русским инженером Каминским, имеющим мать-немку. Его служебная должность — командир бригады.

Деятельность Каминского заключается в вооруженной борьбе с бандами, хозяйственном и культурном руководстве вверенных ему русских. В его округе проживает около 581 тысячи человек. Армия Каминского состоит из 8 тысяч солдат, подразделяются на 14 батальонов[765]. У меня была возможность осмотреть почти все эти батальоны, из которых 4 носят старую немецкую форму. Остальные производят впечатление дикой бандитской толпы, которая, однако, соблюдает строгую дисциплину. Батальонные командиры — почти все бывшие русские офицеры, за немногими исключениями, производят хорошее впечатление. Из тяжелого вооружения Каминский располагает 9 танками[766], несколькими тяжелыми пушками, тяжелыми гранатометами и тяжелыми минометами. С этими 14 батальонами Каминский ведет борьбу с организованными бандами из 12 тысяч человек[767], базирующимися в лесах к западу от Локтя. Эти банды при хорошей летней погоде систематически снабжаются из Москвы боеприпасами, продовольствием и руководящим составом. В качестве немецкого советника при Каминском находится командир Gruppe Rübсам полковник Рюбзам, которому подчиняется немецкий охранный батальон. Значение боевой активности Каминского заключается в том, что это подчас тяжелая, ежедневная война, которая потребовала бы от германского командования целой дивизии.

Для ремонта оружия Каминский организовал танковую, артиллерийскую, автомобильную и электротехническую мастерские. Оружие и машины Каминский добыл в ночных нападениях на лагерь бандитов[768]. Следует отметить, что упомянутое тяжелое вооружение — это почти

полностью добыча, отобранная у бандитов. Как сообщил мне полковник Рюбзам, Каминский является хорошим тактиком, хотя он и не солдат.

В хозяйственном отношении РСО представляет собой самодостаточную единицу[769]. То, что Каминский, наряду с производством продовольствия для своих частей и населения, поставляет его еще и германской стороне в качестве налога, свидетельствует о его способностях в качестве хозяйственника. Так, он сумел поставить к Рождеству 6 тысяч гусей, несколько тонн меда и другие продукты. Население понимает значение собственной работы и стремится повышать производительность труда.

Следует отметить культурные достижения в РСО. В Локте существует школа-десятилетка[770] и примитивная, но соответствующая местным условиям больница с двумя русскими врачами[771].

Собственная типография раз в три дня печатает газету[772] в 8000 экземпляров, которую буквально расхватывают. Оборудование для типографии также было захвачено у бандитов[773].

Три дня в неделю местный русский театр, имеющий неплохую внутреннюю обстановку и разнообразный репертуар, дает спектакли[774]. Перед ними, а также в полдень по воскресеньям, устраиваются танцы, причем продажа алкоголя запрещена.

Резюмируя, можно сказать, что Каминский пользуется уважением у своих бойцов и населения. В результате состоявшихся разных бесед с Каминским я сделал вывод, что он не имеет политических амбиций[775], а также, что не хочет стать ни гауляйтером Локтя, ни «царем Руси». Он хотел бы вернуться к профессии инженера, но будет продолжать вооруженную борьбу до тех пор, пока это необходимо. Его семейная жизнь безупречная, а потребности скромны.

Этим экспериментом с русским самоуправлением, которому особенно способствовал генералполковник Шмидт, доказано на небольшом пространстве, что возможно, по крайней мере на Центральном участке фронта, дать русским людям самостоятельность, освободив тем самым немецкие войска для ведения войны на Востоке. Я совершенно не опасаясь подобных действий в более крупных масштабах и убежден, что контроль над ситуацией (националистические тенденции и т. п.) полностью находится в наших руках.

Известно, что красному правительству удалось убедить красноармейцев на фронте, что современная война ведется не за сохранение власти красного режима, а для защиты русской Родины от захватчиков, имеющих целью «подчинение и порабощение» русского народа. Подобный тезис теперь применяется Москвой для разжигания совместной борьбы населения занятых нами областей и бандитов с нашими тыловыми органами обеспечения. Печальные практические результаты этого известны. В связи с этим вопрос об обращении с остарбайтерами в Рейхе представляет собой комплекс проблем. Я читал много переводов писем, в которых [авторами. — К А.], оказавшимися за колючей проволокой, прямо обсуждается тот факт, что, будучи освобожденными от большевизма, эти остарбайтеры в стране освободителей познали еще больший гнет, и задаются вопросом: в чем разница между национал-социализмом и большевизмом?

Отличительный знак «Ost» на одежде работниц из России, хотя и демонстрирует их свободный статус, но оскорбляет их, так как представляет их публике в качестве унтерменшей. При этом настоящий знак сравнивается со звездой, которую носят евреи, которые, несмотря на данный факт, передвигаются свободно, в то время как работницы из России имеют одни ограничения.

Стоит упомянуть о моем разговоре с 21-летней переводчицей. Она отстаивала точку зрения, в соответствии с которой мы, немцы, пришли на 20 лет раньше, в то время как Сталин прежде всего и всеми средствами занимался вооружением, а теперь принялся за улучшение материального положения масс. По ее мнению, «если бы вы вооружались 20 лет такими темпами, как мы, то

смотрели бы на гражданскую жизнь не намного иначе, чем мы». Это представление, вероятно, можно отнести не только к занятым территориям, но и к нашему Отечеству.

В [театральной. — К. А.] труппе (Каминского) все ругают труппы организации «Сила через радость», которые и по художественным качествам, и по поведению участников часто не соответствуют необходимому уровню. Особое негодование вызвало поведение некоторых немецких артисток, которые часто вели себя не как дамы, а как скверные кокетки, если не использовать более сильных выражений. Кажется, эти артистки явились разносчицами венерических заболеваний. В противоположность этому труппа (Каминского) является образцовой, и вообще ее художественные достоинства не идут ни в какое сравнение со средним уровнем труппы организации «Сила через радость».

Документ 7

Приказ № 63 по Локотскому окружному самоуправлению от 27 февраля 1943 года[776].

В целях обеспечения продуктами питания Бригады Народной Армии Локотского Окружного Самоуправления приказываю:

§ 1

Обложить натуральным налогом на 1943 год население, проживающее на территории Округа, в порядке обязательной поставки государству продуктов сельского хозяйства: мяса, яиц, молока.

§ 2

Установить годовые ставки налога[777] и сроки их выполнения:

МЯСО: ставка 30 кг с хозяйства, пользующегося земельным наделом сверх огородного участка, независимо от места жительства; срок выполнения: 1 квартал — 10 %, 2 квартал — 25 %, 3 квартал — 25 %, 4 квартал — 40 %.

ЯЙЦА: ставка — 35 штук с хозяйства <.. >[778].

МОЛОКО: ставка с коровы при жирности 3 % — 150 литров в сельской местности и 75 литров в городе и приравненных к ним населенных пунктах <.. >[779].

Примечание: хозяйство, пользующееся земельным наделом сверх огородного участка, проживающих в городе и приравненных к ним населенных пунктах, облагаются налогом по ставке 150 литров молока с коровы <...>[780].

Освобождаются от обложения на 1943 год натуральным налогом: мясом, яйцами, молоком, хозяйства:

1. Пострадавшие в борьбе с партизанами, как-то: потеря главы или члена семьи или лишение основного имущества;
2. Инвалидов — престарелых мужчин — 60 лет, женщин — 55 лет, если в хозяйстве не имеется ни одного трудоспособного;
3. Рабочих и служащих, не пользующихся земельным наделом сверх огородного участка.

Обер-бургомистр округа Каминский.

Документ 8

Из разведывательных сводок штаба 65-й армии Центрального фронта[781].

По состоянию на 28 февраля 1943:

В районе ЛОКОТЬ по данным партизан находились:

Штабы 7-й, 12-й танковых дивизий, 75-й пехотной дивизии, 29-й моторизованной дивизии и 102-й венгерской.

Бригада Каминского[782]:

1-й полк — Пчела (6 км юго-западнее Локоть)

2-й полк — Шарово (22 км западнее Команичи)[783]

3-й полк — Навля

4-й полк — Севск

5-й полк — Дмитриев-Льговский.

По состоянию на 1 марта 1943:

В районе Высокое перешел на советскую сторону командир 1-й роты 8-го батальона 5-го пехотного полка бригады Каминского с ротой. Каминский — бывший инженер Дерюгинского[784] завода (северо-западнее Льгов). В бригаде 5 полков, штаб — Локоть. Полки: 3-4 батальона, в батальоне 700–800 человек, 12 станковых пулеметов, 25 ручных пулеметов, 4 миномета 81 мм, 16 минометов 49 мм, 650 карабинов, 1 танкетка, 4 бронемшины, 1 орудие 45 мм. 1-й полк — Дмитровск-Орловский, 2-й — Локоть, 3-й — Севск, 4-й — Дмитриев-Льговский, 5-й полк (4 батальона), которые расположены: 8-й батальон — Дмитровск-Орловский, 11-й батальон — Дмитриев-Льговский, 13-й батальон — Михайловский. Начальник штаба бригады — ТУРЛАКОВ.

Документ 9

Заявление из газеты «Голос народа» от 5 марта 1943 года[785].

За последние недели партизаны усилили свою террористическую «деятельность»: они захватывают работников новой власти и бойцов Народной Армии, отрубают своим жертвам руки и ноги, выкалывают глаза. В связи с этим 6 февраля 1943 года руководство Локотского Окружного Самоуправления переслало руководству партизанских отрядов ультиматум, в котором предупреждало: «С сего дня за каждого замученного бойца, старосту или более ответственных работников — расстреливать заложников из расчета за каждого бойца, старосту — 20 партизан-заложников; за каждого командира и ответработника — 50 партизан-заложников. Но, несмотря на это предупреждение, партизаны продолжают свой террор: т. н. один из агентов партизан 18 февраля произвел покушение на заместителя обер-бургомистра С. В. Мосина и тяжело ранил ехавшего с ним механика Свинцова[786]. В ответ на это покушение расстреляно 40 заложников партизан.

Документ 10

Главное командование войск группы армий «Центр». О.

Qu. / Abt. VII. (Mil.-Yerw.-) 25.5.1943.

Bг. В. № 7775/43 geh.

Доклад о самоуправляющемся округе Локоть[787].

По приказу Главного командующего группой Вейсса[788] я с 16 по 20 мая 1943 находился в Локте для изучения самоуправляющегося округа[789], его учреждений и методов деятельности. При этом я познакомился с руководителем СО обер-бургомистром Каминским и присутствовал при его общении с немецкими службами. Я осмотрел разные учреждения СО в Локте и районную администрацию в Брасово, а также познакомился с деятельностью и документацией штаба связи 2-й танковой армии, расположенного в Локте. Я составил настоящий отчет на основании личных впечатлений и бесед с немецкими служащими, которые осуществляют связь с представителями Каминского.

1) СО Локоть был создан по приказу Главного командующего 2-й танковой армии 19.7.42[790]; тогда он включал в себя районы: Навля, Брасово, Суземка, Севск, Дмитровск[791], Дмитриев[792], Комаричи, а с октября 1942 года еще и район Михайловка. Вследствие прорыва русских в феврале — марте с. г.[793] и, таким образом, изменившейся военной обстановки, сейчас СО ограничивается районами Навля и Брасово с 80 тысяч жителей (включая 6575 эвакуированных). В руках русских находятся районы Севск (восстановленная часть) и Дмитриев; Комаричи, Дмитровск и Михайловка являются районами боевых действий; Суземка в руках бандитов (периодически там проводятся зачистки).

СО возглавляет в служебной должности обер-бургомистра бургомистр Локтя инженер Каминский. Ему поручено управление в СО Локоть и в должности командира бригады[794] командование сформированным там соединением народной самообороны. С германской стороны для помощи в обучении ополченцев и в вопросах управления в Локте был создан штаб, состав которого неоднократно менялся. Сейчас он состоит из офицера от командования 2-й танковой армии в распоряжении главы СО (капитана Кённеке) с чиновником военной администрации (советником Краусхааром) и штаба Рюбзам, который следит за обучением ополченцев. Кроме того, в Локте находится О.К.И.[795], чья деятельность распространяется только на военные вопросы. Формально О. К. И. подчиняется Краусхаару в качестве VII отдела.

Руководитель СО Каминский (родился 16.6.1899 в Витебске), по национальности поляк: его мать — немка (фольксдойче). Он говорит по-немецки, но с русским акцентом. Каминский был дважды репрессирован большевиками, первый раз на 5 лет, правда, затем амнистирован, второй раз — на 10 лет, из которых 5 лет провел в Сибири. В начале войны Каминский находился в Локте в качестве инженера местного спиртзавода. Каминский принимал участие в борьбе с бандами и был секретарем убитого 8.1.42 в бою с бандитами тогдашнего бургомистра Константина Павловича Воскобойника. После его смерти Каминский занял его должность, упрочил свою репутацию у Вермахта благодаря активной борьбе с бандитами и распространил свое влияние на соседние районы, так что немецкая сторона отдала под его руководство в июле 1942 года 7, а затем и 8 районов. Каминский занимался не только управлением, но и военными, и политическими делами. Поэтому СО Локоть необходимо рассматривать в трех аспектах.

2) Военным инструментом Каминского является народное ополчение (Volkswehr[796]), которым он командует. В 1942 году его численность достигла 9000 человек. С этим войском он, главным образом, воевал с бандами. Вооружение преимущественно состоит из оружия, захваченного в боях, в которых оно [ополчение. — К. А.] заменяет почти одну охранную дивизию. Весной с. г. ополчение также участвовало в боях против Красной Армии[797], причем понесло значительные потери. Батальон в Севске сражался особенно хорошо[798], чего нельзя сказать

О другом[799]. На 1 апреля 1943 ополчение насчитывало 7096 человек[800], разбитых на 13 батальонов и 4 полка. Ополчение располагает следующим тяжелым вооружением: 209 легких пулеметов, 146 тяжелых пулеметов, 82 гранатомета, 24 противотанковых орудия 45 мм; артиллерия: 21 орудие 76 мм, 8 орудий 126 мм, 1 зенитное орудие 37 мм, 1 зенитное орудие 85 мм; 12 танков, 3 разведывательных бронемашин, 27 грузовых автомобилей, 8 легковых автомобилей, 440 лошадей.

Бойцы сейчас одеты в немецкую форму; на левом рукаве белая повязка с изображением Железного[801] креста. Офицеры носят русскую форму без знаков различия. Начисление жалованья до I четверти с. г. осуществлялось округом и составляло Ъ-А млн. рублей в месяц. После сокращения территории СО до двух районов эти тяжелые потери привели к все возрастающим трудностям округа, и с 1.4.43 ополчение содержится Вермахтом. С 1.5.43 Вермахт также поставляет мыло и средства гигиены, соль и сахар; прочий провиант — забота Каминского.

Личный состав ополчения хорош: главным образом, это молодые, сильные парни. Так как они носят немецкую форму, то выглядят неплохо. Дисциплина суровая: часто применяется смертная казнь. В общем ополчение Каминского лояльно, хотя то там, то здесь против него возникают заговоры, которые в основном своевременно раскрываются, благодаря хорошо работающей разведке[802]. Сам Каминский проявляет большой интерес к ополчению, часто больший, чем к окружному управлению; он храбр, носит черный знак за ранение и заслужил уважение в ополчении, благодаря своей активной роли в борьбе с бандами, причем он командовал каждым из своих батальонов. Как утверждает штаб XXXXVII танкового корпуса[803] в своем отчете от 4.4.43, ополчение Каминского оказало ценную помощь корпусу при решении охранных задач; кроме того, вообще сотрудничество между Вермахтом и ополчением хорошо организовано.

3) В 1942 году Каминскому в качестве награды за его помощь в борьбе с бандами[804] в сфере управления была предоставлена свобода действий. 19 июля 1942 он получил право по собственному усмотрению формировать администрацию СО.

Управление осуществляется так называемыми «распоряжениями (приказами-) Каминского», каждое из которых издается по мере надобности и касается всевозможных вопросов. Эти распоряжения публикуются в специальном «Бюллетене» на русском языке в Локте[805].

С течением времени квартирующий в Локте германский чиновник получил задание осуществлять согласование распоряжений Каминского с теми законами, которые действуют в зоне ответственности группы армий «Центр», так как эти приказы нередко серьезно отличались от германских. Так как это при непосредственном общении войск с администрацией СО нередко приводило к недовольству, то распоряжением командования 2-й танковой армии подобные контакты должны осуществляться через офицера связи в Локте. С этого момента трения уменьшились.

В общем, нужно констатировать, что Каминский настроен позитивно по отношению к сотрудничеству с Вермахтом; конечно, он ревниво охраняет свои права и общение с ним часто требует высокого искусства, так как его самолюбие заходит слишком далеко[806].

а) Внутреннее управление.

Как и в других областях, занятых армией, территория СО разделена на волости и деревни, их управление осуществляется соответствующими органами. Главной инстанцией является окружное управление в Локте, которое по русскому обыкновению очень разветвлено и поэтому требует большого числа служащих. Так, в соответствии с распоряжением от 12.10.42 только окружная администрация имела 20 отделений и почти 500 служащих, на жалованье которым требовалось 3 млн. рублей в месяц. Кроме того, значительные суммы были необходимы для жалованья

служащим районных, волостных и деревенских администраций. Эту большую финансовую нагрузку СО мог выдержать только тогда, когда он включал в себя 8 районов и активно собирались налоги. Поэтому, после того как СО уменьшился до двух районов, Каминский решил сократить администрацию, издав в феврале-марте с. г. распоряжение о ликвидации отделов в окружной и районных администрациях. Хотя персонал здесь русский, администрация еще очень сильна.

Слабость кадров заключается в том, что, как обычно на Восточных территориях, отсутствуют русские профессионалы, и управление осуществляется лицами, не имеющими специального образования. Несмотря на это, Каминский сумел своих служащих подтянуть и искоренить сомнительные элементы. Приказом от 22.12.42 Каминский потребовал от всех должностных служащих заполнить подробную анкету и написать автобиографию. Также он часто назначал ревизоров для проверки отдельных администраций, бургомистров, госсобственности и т. п. Когда были выявлены злоупотребления, что, к сожалению, не редкость, Каминский назначал наказания, о чем сообщалось в «Бюллетене». Каминский знает, что его служащие нуждаются в еще большей дисциплине и надзоре, поэтому он предпочитает во всех возможных случаях принимать решение самостоятельно. В итоге ему приходилось слишком часто решать много бытовых вопросов и его энергия распылялась, в то время как начальники отделов не воспитывались в духе ответственности за свое дело. Настоящее положение изменится лишь тогда, когда служащие более опытные в своем деле.

Распоряжением 15.9.42 запрещены какие-либо походы в лес без существенной необходимости и без сопровождения полиции; такие действия рассматриваются как связь с бандитами и наказываются. Также сурово наказываются самогонование и пьянство. Организована противовоздушная оборона, затем был издан приказ о сдаче вооружения, а служащим на ношение оружия нужно получить свидетельство. О прочих полицейских мерах говорить уже излишне.

Оперативная группа СД, расквартированная в Локте, занимается, главным образом, государственными и уголовными преступлениями[807].

б) Бюджет и финансы.

Уже говорилось о тяжелом бремени расходов на содержание ополчения и администрации, которое нес округ. Его долги составляют 5–7 млн. рублей. После принятия Вермахтом расходов по содержанию ополчения и сокращения госаппарата, долг СО уменьшился, но финансовое положение, как и прежде, остается тяжелым. Разделение финансов СО и районов должно осуществиться в этом году. Бюджет на 1943 год в сумме 138 млн. рублей придется пересмотреть из-за военных событий. Нужно 25 % налогов, собираемых в районах, оставлять на их нужды, а 75 % отправлять в кассу СО. Волости будут финансироваться из своих районов.

В области налогового законодательства в СО Каминский шел своим путем, поэтому эти законы значительно отличаются от порядка сбора налогов на остальной территории, занятой группой армий «Центр»[808]. Каминский и его единомышленники исходили из соображения, что нужно начислять налоги сейчас, когда дела крестьянства в наилучшем состоянии, а жалованье служащим и рабочим — с учетом низкой покупательной способности денег. Поэтому подходящий налог не взимался; он был отменен как «большевицкий». Но был введен так называемый «бюджетный» налог, который коснулся, в первую очередь, сельского хозяйства. Для 1943 года он достаточно высок. Например, с хозяйства до 5 человек, из которых 3 и более трудоспособны, 2400 рублей в год, с хозяйства в 5 и более человек — 1900 рублей. Кроме того, за одну лошадь — 100 рублей, за плодородное дерево — 10 рублей, за пасеку — 100 рублей. За фруктовый сад или огород налоги гораздо ниже (300-1000 рублей)[809]. При начислении налогов учитывались социальные обстоятельства. Кавалер немецкой награды получал 50 % скидки. Семья, чей глава пал в бою с бандитами, вообще освобождалась от налогов.

Налог взимался 4 раза [в год. — К. А.] и его, несмотря на высокую ставку, платили добровольно и пунктуально. Деньги на эти налоги крестьяне быстро получают за проданную на рынке продукцию. Другие налоги в СО поступают от обязательного страхования (строений, скота, урожая, от пожара, эпидемий и града), добровольного и социального страхования. Налог на торговый оборот не взимается[810].

После обстоятельных переговоров офицера связи с немецкими чиновниками, бюджетные и финансовые порядки должны быть основательно изменены и приведены в соответствие с немецкими предписаниями. Новый порядок сбора налогов[811] должен быть введен с 1.10.43, самое позднее с 1.1.44.

в) Состояние образования.

Преподавание в школах СО возобновилось уже с начала 1942 года, однако общий школьный порядок и обязательное школьное образование были введены только приказом от 11.9.42[812], причем за пропуски уроков учителей грозили взыскания[813]. 1.10.42 введено всеобщее четырехклассное образование[814], приказом 18.10.42[815] — семиклассное, а 22.12.42 приказ еще более упрочил школьные порядки. По мнению руководителей окружного школьного отдела, введение семилетнего образования неоправданно, так как дети старшего возраста должны заменять отсутствующую рабочую силу взрослых. Но Каминский настоял на сохранении семилетки. В настоящее время в СО работают около 80 школ с 8000 учащихся.

Существовали и средние школы[816], а также училища для подготовки учителей[817], однако их пришлось закрыть по военным обстоятельствам, так же как были закрыты многие сельские школы по требованию Вермахта. Отсутствие возможности дальнейшего образования для интеллигентной молодежи 14–18 лет очень ощутимо. Следует отметить приказ от 12.12.42, где в школах предписано праздновать Рождество, причем из госбюджета выделялось по 3 рубля на ребенка для украшения елки[818]. Религиозное воспитание в школах не осуществляется[819], но Каминский считает нужным религиозное воспитание детей священниками, и вообще Каминский очень интересуется церковными делами. Приказом от 28.9.42[820] Каминский распорядился о повсеместном восстановлении церквей, и в некоторых местах церкви были открыты или ведется работа в указанном направлении[821].

Каминский всячески заботится о театре. Неоднократно по его распоряжению актерам выдавались денежные награды и официально рекламировались театральные постановки в Дмитровске и Локте. Актеров и декораций имеется в изобилии. Сам Каминский редко пропускает представления в Локотском театре, который наряду с обычной программой варьете также ставит пьесы добольшевистских русских драматургов. Существует музейный порядок, по которому выходной день у музейных служащих установлен не в воскресенье, а в четверг.

В Локте издается газета «Голос народа», успешно развившаяся из небольшого листка; она выходит сейчас 5 раз в месяц тиражом 14000 экземпляров. Каминский использует ее также для распространения своих идей, поэтому она одновременно является органом местной Националсоциалистической партии России[822], о чем будет идти речь ниже.

г) Обеспечение законности.

Руководит юстицией в СО судебно-правовой отдел, в ведении которого находятся военный суд и тюрьма. Судебные функции военного и гражданского суда разделены. У ополчения существует дисциплинарный устав. Тяжелые преступления рассматривает военный суд, периодически собираемый Каминским. В качестве командира Каминский смягчает или ужесточает приговоры;

смертные приговоры в отношении бойцов ополчения требуют утверждения со стороны германского штаба [в Локте. — К. А.][823]. За незначительные бытовые проступки наказывают бургомистры или начальство. Незначительные правонарушения следовательно передает на рассмотрение мирового суда, решение которого может оспорить военный суд. Тяжелые преступления рассматривает военный суд 1-й инстанции или суд, специально созываемый руководителем СО (таковы убийство, политические преступления, партизанщина). И здесь руководитель СО имеет большое влияние: он утверждает приговор или изменяет его[824]. Смертный приговор здесь не требует санкции немецкими представителями.

Существует уголовный кодекс, принятый в 1942 году и состоящий из 45 разделов. Сейчас он расширен и статьи о наказаниях переработаны. Изменен круг преступлений, подведомственных Вермахту: он теперь будет заниматься также и тяжелыми гражданскими преступлениями, за которые предусмотрена смерть. Это серьезное вмешательство в дела, ранее находившиеся в компетенции Каминского, которой он не захочет поступиться, поэтому осуществить запланированную на 1.7.43 передачу соответствующих дел органам юстиции 2-й танковой армии будет проблематично. Существуют две тюрьмы, одна на 400 человек в Локте и на 50 человек в Навле. Локотская тюрьма имеет рабочее отделение из 250 человек; это в основном подследственные, так как им назначена трудовая повинность.

Все гражданские дела рассматривает мировой суд, над которым стоит военный в качестве апелляционного. Каминский может вмешиваться в гражданские дела. Возможность вмешательства Каминского в судебные дела вызывает опасения, однако рассматривается в СО как правильная, усиливает уважение к Каминскому и считается признаком его авторитета в области юстиции. Особенно сказывается нехватка специалистов [юристов. — К. А.], есть несколько получивших образование еще [при царе. — К. А.], равно как и надежных правоведов.

д) Здравоохранение и ветеринария.

Главное распоряжение по поводу здравоохранения издано 19.12.42: учреждены соответствующие отделы при районных администрациях, больницы, бани, медпункты и пункты информации о заразных больных. 24.12.42 издано постановление о борьбе с сыпным тифом.

27.10.42 установлен оклад врачам и медперсоналу с 1.8.42. Оклад стоматологам установлен 23.1.43. Предписана уборка улиц, площадей, дворов и туалетов от грязи, приведение в порядок колодцев и т. п. 25.3.43. Несмотря на это, санитарное состояние СО, которое в начале мая тщательно проверил врач Вермахта, еще очень неудовлетворительное и требует улучшения. Это прежде всего объясняется недостатком образованного персонала учреждений. Сейчас в СО 14 врачей и 15 фельдшеров, которые частично заняты в ополчении, где есть только 4 врача, 9 фельдшеров и 14 сиделок. Больницы: 1 в Локте (на 181 койку, хорошо организованная и с хорошей операционной), 1 в Навле (65 коек, нет профессионального хирурга и недостатки в организации), 1 в Суслово (30 коек, широкого профиля и хорошо устроенная) и 1 тюремная в Локте (очень плохая и грязная). У врачей в больницах многого не хватает, что частично восполняется с помощью XX армейского корпуса[825].

Существует сыпной тиф, зимой 1942–1943 им переболело до 50 % населения. Сейчас за 10 дней заболело 600–700 человек, в ополчении — 150. Причина — большая вшивость населения, с которой не справляются 4 наличные вошебойки. В 1942 году 55 случаев малярии, в 1943 пока 7. Об остальных заразных болезнях судить трудно.

22.12.42 ветеринарам предписано проверить способность к воспроизводству жеребцов, быков и боровов, организован центр искусственного осеменения в Дмитровске (сейчас вне СО). Для улучшения поголовья скота 13.2.43 запрещен забой молодняка 1941 и 1942 годов для его

дальнейшего вскармливания[826]. Излишек скота продавался на рынке. Поэтому в СО относительно много гуртов с преобладанием молодняка.

Ополчение имеет табун сельских лошадей. 20.2.43 издано распоряжение о мобилизации лошадей для ополчения. Реквизированные лошади компенсировались либо деньгами, либо возмещались теми, которые уже не были годны к военной службе.

е) Социальные организации.

Распоряжением от 5.1.43 предусматривался перечень должностей для социальных служб каждого района. 9.1.43 введено социальное страхование со следующим основным содержанием: взимание ежемесячного восьмипроцентного налога с зарплаты. Отсюда предусматривались выплаты пенсий, пособий по инвалидности, болезни, беременности и кормящим матерям. Комиссионные врача установлены в размере платы по нетрудоспособности и должны подтверждаться больничным. Страхование введено с 1.1.43, но прежде всего, нужно было создать пятидесятипроцентный резерв, поэтому были осуществлены меньшие выплаты.

Наряду с государственной поддержкой рассмотрим также добровольные пожертвования. Так, 23.10.42[827] объявлено о сборе местными комитетами в период с 1.11 по 31.12.42 одежды, еды и предметов первой необходимости под лозунгом «В новой национальной России никто не должен погибнуть от голода или холода», работали бесплатно. Распределение собранных предметов производил сам Каминский. Для активных сборщиков предусматривались премии (деньги и диплом). К социальному обеспечению приказом от 3.11.42 относилась также организация детских домов и приюта для стариков (приказом от 13.2.43 их включили в бюджетный план), далее (приказ от 21.12.43) семьи бойцов и полицейских, павших или раненых в боях с бандами или Красной Армией, полностью или частично освобожденных от государственного налога. Плата за городское или волостное жилье взималась тоже с учетом социальных обстоятельств: плата за 1 кв. метр колеблется в пределах от 1 до 2,5 рублей в зависимости от зарплаты; за частное жилье платят 4 рубля за 1 кв. метр (приказ от 10.2.43).

ж) Хозяйственная жизнь.

В хозяйственной жизни еще заметно влияние советских тенденций. В сельском хозяйстве повсеместно введен новый порядок[828], но в торгово-ремесленном секторе (об индустрии в этом чисто аграрном районе нет и речи[829]) существуют только госпредприятия. В отличие от [практики. — К. А.], введенной в зоне ответственности группы армий «Центр», где была установлена форма «ремесленник — ученик», ремесленники здесь объединены в так называемые артели, продукция которых поступает в хранилища или распределители СО.

Больше всего распоряжений касалось сельскохозяйственной отрасли, как самой главной: 23 и 26.9.42 приказ о сельскохозяйственной обработке земли, 10.11.42 об обязательной сдаче конопли, 12.11.42 об обязательной эксплуатации частных водяных и ветряных мельниц, 27.12.42 запрет на обработку овса, льняного и конопляного семени. Следует упомянуть и приказ от 8.10.42 о регулировании питания населения, дополненный приказами от 11.12.42 и 27.2.43, в которых кратко и точно устанавливалась норма: для рабочих и служащих 800 гр. хлеба в день, для неработающих членов семьи и эвакуированных по 250 гр.[830] и ненормированное для землепашцев.

Налогообложение сельскохозяйственного сектора осуществлялось сельскохозяйственным отделом СО, которому подчиняются местные агрономы. Для консультаций по сельскохозяйственным вопросам при германском штабе связи в Локте находится областной агроном с местными специалистами, который, хотя и получает предписания от командования в

Орле, не имеет полномочий прямого вмешательства в СО. Пожелания о необходимых мероприятиях должны поступать в СО через офицера связи. Это легко объяснимо, так как непосредственное вмешательство в этой области неоднократно приводило к трениям, поскольку вопросы поставок СО Вермахту еще не урегулированы[831]. До сего дня округу предоставлена определенная свобода, что привело к задолженности по поставкам. Но нужно принять во внимание, что Каминский снабжает из округа все свое ополчение, которое получало то же довольствие, что и Вермахт. На текущий год запланировано, что округ будет выполнять те же военные поставки, что и другие районы, но Каминский получил право из этого долга обеспечивать нужды своего ополчения[832]. Каминский с этим согласился, но еще нет санкции компетентных германских хозяйственных органов. Такое решение проблемы будет правильным и исключит дальнейшие конфликты по данному вопросу. Кроме агронома в Локте сельскохозяйственным отделом назначен еще и лесник, так как Локоть, особенно в западной части, очень лесистый.

Довольно урегулировано и рабочее законодательство. 6.11.42 приказано всех рабочих подчинить отделу труда. Одновременно объявлено, что найм и увольнение рабочих осуществляются только отделом труда или с его согласия. Отдел труда для смягчения противоречий исходит из трудового кодекса. В добавление циркуляром от 1.2.43 устанавливаются начало и конец работы, ответственность за прогулы и опоздания[833]. Увольнение по статье приводит к лишению хлебного пайка на 3 месяца. Приказом от 5.2.43 введена самая простая поддержка безработных, которую обеспечивали главы районов. 11.2.43 поддержка временно безработных (больных, беременных, членов семей, в которых заболел глава семьи) расширена. Настоящее урегулирование рабочих вопросов коснулось и других аспектов.

4) В основе политических установок Каминского — личный опыт, превративший его в противника большевизма (2 заключения). Он приветствовал Вермахт как освободителя от большевистского ига и включился в борьбу с бандами. Однако как интеллигентный человек он задумывается над будущим политическим устройством своего Отечества и видит его только в освобождении от власти иудо-большевиков[834]. По его мнению, русский народ должен активно бороться с большевизмом под руководством [своей. — К. А.] национал-социалистической партии[835] в тесном сотрудничестве с НСДАП. Каминский рассматривает национал-социалистическое мировоззрение в качестве основы для борьбы с иудо-большевизмом[836] и поэтому отвергает национально-русское движение генерала Власова, опасаясь, что когда-нибудь оно выступит против Германии[837]. Исходя из этого, Каминский в конце марта с. г. призвал к созданию национал-социалистической партии России[838] и к борьбе с иудо-большевизмом до полного его уничтожения и объявил о разработке партийной программы, которая, хотя еще и не опубликована, но содержание ее (48 пунктов) в основном таково:

1. Упорная борьба с иудо-большевизмом до полной победы;
2. Создание суверенного государства, объединяющего народы России с «сильным» центральным правительством, совещательным органом при котором будет народное представительство[839];
3. Признание права на самоопределение для отдельных народов России и предоставление им полной свободы национального, культурного и хозяйственного развития; защита расовой чистоты (от евреев);
4. Создание справедливого социального порядка, при котором признается частная собственность и право наследования. Уничтожение колхозного рабства[840].

В остальном программа содержит положения о социальной политике, законодательстве, финансах и обороне, очень напоминающие программу НСДАП. Частная собственность признается основополагающей. Все советские производственные предприятия должны перейти в государственную собственность, но могут быть приватизированы в виде акционерных обществ. Для восстановления русской промышленности необходимо привлекать иностранный капитал. В

основе внешней политики лежит дружба между Германией и Россией, которая примет участие в создании новой Европы.

Каминский деятельно занимается программным творчеством и организационным оформлением НСПР, так как знает, что интеллигенцию и служащих СО очень волнует политическое будущее их округа. Чтобы скорее по-своему решить политические вопросы, он не снесся со 2-й танковой армией перед публикацией воззвания, так как ожидал оттуда препятствий. Безусловно, когда политические вопросы разъяснены и опубликованы соответствующие документы, со стороны широких кругов населения нужно ждать улучшения сотрудничества и особенно усиления вооруженных частей.

5) Критика самоуправления округа.

а) Критикуя СО как административное учреждение, необходимо исключить политический аспект, так как политическая деятельность руководства СО Локоть оригинальна, недопустимо, чтобы каждый, ставший руководителем округа, проводил собственную политику. Напротив: она должна быть единой в соответствии с немецкими директивами.

б) Деятельность администрации СО тесно связана с личностью руководителя. СО Локоть хорошо управляется, поскольку во главе стоит человек необычайно энергичный, дальновидный, деятельный и умный, который к тому же хороший организатор как в военной, так и в гражданской сферах. Поэтому ему удалось без профессиональных сотрудников создать необходимую административную систему, которая, хотя и имеет определенные недостатки, в целом выполняет свои функции. Если бы руководитель СО был лишен своих способностей, едва ли удалось создать что-либо подобное исключительно русскими силами[841].

в) При формировании администрации самоуправления округа нецелесообразно сначала предоставлять свободу его руководителю, а затем ее ограничивать. Это ведет к несогласованности и напряженности, которых лучше избегать. Если в перспективе будет создаваться администрация СО в большем объеме, то к его руководителю необходимо сразу же прикомандировывать немецких чиновников, которые будут контролировать соответствие его распоряжений порядку, установленному оккупационными властями.

г) Не рекомендуется руководителю администрации СО предоставлять свободу в вопросах полиции, юстиции и финансов, так как из-за этого происходят значительные отклонения от распоряжения оккупационных властей, что нежелательно в интересах единства управления на занятой территории. Поэтому в этих вопросах необходимо предоставлять право вето немецким чиновникам, прикомандированным к администрации СО, на ее приказы.

д) Самоуправление может быть полезным лишь в том случае, если его русские служащие являются безупречно порядочными личностями, выполняющими свои обязанности беспристрастно и бескорыстно. Поэтому к руководителю администрации СО должны предъявляться повышенные требования в кадровой политике.

е) Принципиальной чертой администрации самоуправления округа не должны быть такие сильные вооруженные силы, как у руководителя СО Локтя. Конечно, он должен иметь сильную полицию. Но такой мощный инструмент власти, как ополчение Локтя, в руках менее лояльного человека может быть весьма опасным для Вермахта, поэтому нужно рассматривать создание первых вооруженных формирований только как исключение; их скорее следует связать с военными организациями, например, с Русской Освободительной армией[842].

Доктор Гюнцель[843],

Старший советник военной администрации.

F.d.R.d.A.[844]

Капитан[845].

Документ 11

Бригада Каминского[846].

18.8.43 на нашу сторону перешли бывшие лейтенанты Красной Армии АНДРЕЕВ Михаил Николаевич, МАЗАЛЕВСКИЙ Николай Владимирович[847], которые до 18.8.43 находились в бригаде Каминского. Андреев и Мазалевский принадлежат пулеметному взводу гвардейского батальона бригады. Мазалевский принадлежит к зенитной батарее. Штаб бригады — населенный пункт Локоть. Бригада состоит из 5 (пехотных) полков, гвардейского батальона охраны, штаба бронедивизиона и зенитной батареи. Численный состав гвардейского батальона — 2000 человек, на вооружении имеет 12 станковых пулеметов и винтовки. В батальоне три стрелковых роты и одна пулеметная. В роте 4 взвода. Бронедивизион — 7 танков (2 — КВ, остальные — Т-34 и БТ, 12 автомашин). Зенитная батарея — 38 человек, одна пушка 76 мм, одна 77 мм и 4 крупнокалиберных пулемета.

По приказу 01.08.43 бригада должна начать передислокацию из района Локоть в район Лепель и закончить до 20.08.43 через Середина-Буда. Солдатам объявили, что германское командование отвело им новое место для спокойной жизни. Среди солдат ходят разговоры, что бригада драться не будет и немцы бригаде не доверяют.

Политико-моральное состояние бригады подавленное. Комсостав при первой возможности вместе с подчиненными уходит в лес к партизанам, воевать за немцев не хотят. 12.08 в Локте видели 46 танков Т-34. Через Локоть движутся обозы и автомашины в направлении на Гомель через Середина-Буда. В районе Жучок видели до батальона пехоты, район Жучок обороняет до роты пехоты из состава штаба бригады.

Состав командования бригады: командир — генерал[848] КАМИНСКИЙ, заместитель по внутренним делам — БЕЛАЙ[849] (бывший младший политрук Красной Армии), начальник штаба — подполковник ШАВЫКИН[850] (бывший капитан Красной Армии), заместитель начальника штаба — майор ФРОЛОВ[851] (бывший капитан Красной Армии), начальник разведки — капитан КАФТАЕВ[852], начальник полиции — ПЛАСКОБОЙНИК[853], командир 1-го полка — майор ГАЛКИН[854] (бывший младший лейтенант Красной Армии), командир 2-го полка — майор ТАРАСОВ (бывший лейтенант Красной Армии)[855], командир 4-го полка — майор ФРОШИН[856], командир 5-го полка — капитан ФИЛАТОВ. Численность полков — 3500–4000 человек, гвардейский батальон из местных.

ГЛАВА VII. РУССКИЕ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

Л. В. Дудин *Нацистская Германия глазами советского доцента*[857]

Фюрер предусмотрел все возможности, и окончательная победа Германии обеспечена.

И. Геббельс

Я приехал в Берлин в середине 1942 года. Это был момент наибольших успехов Германии в этой войне. В Африке Роммель[858] подходил к границам Египта, а в России завершалось очищение от советских войск Керченского полуострова[859] и подготавливалось грандиозное окружение трех армий[860] Тимошенко под Харьковом. Звезда Гитлера приближалась к своему зениту, и ничто не

предсказывало близкого и страшного конца его грандиозных планов. Берлин в то время был действительно столицей Европы, и многим казалось, что в самом скором времени он станет столицей всего мира. Германия и Япония были увенчаны славой непрерывных побед, их военное могущество представлялось непреодолимым. На их небе, казалось, не было ни одного облачка, а небо их противников было все затянуто грозowymi тучами. Гитлер для немцев был полубогом, вершащим судьбы народов на целые тысячелетия вперед, и одно мановение его руки сотрясало весь мир. Кто мог представить, что всего три года спустя над крышей рейхстага будет развиваться советский флаг, а под развалинами пылающей имперской канцелярии будет лежать обугленный труп Гитлера?

Берлин в то лето имел вид совершенно мирного города, и даже не верилось, что на востоке Европы шла смертельная борьба и широким потоком лилась человеческая кровь. Магазины еще были полны первоклассными товарами, и многое можно было достать даже без карточек. Театры и кино были переполнены настолько, что достать билеты можно было только за несколько дней, и то с большими трудностями. Курфюрстендамм и Унтер ден Линден[861] в вечерние часы бывали запружены тысячами элегантных мужчин и дам в вечерних туалетах и дорогих мехах. Среди мужчин преобладали военные, отпускники и штабные центральных военных учреждений в новых, хорошо сшитых формах, с обязательными кортиками и даже узкими и длинными штабными саблями. Армия победителей блистала своей прославленной прусской выправкой, чистотой и образцовой дисциплиной. Изредка попадалась желтая форма Африканского корпуса Роммеля. На обладателей ее смотрели с особым уважением и восхищением: это была гордость германской армии, наследники египетской армии Наполеона[862].

Метро (U-Bahn) и городская электрическая железная дорога (S-Bahn) были переполнены, и на вокзале Фридрихштрассе во всех направлениях лился такой громадный человеческий поток, которого я не наблюдал даже в Москве на станции метро «Охотный ряд». По многим линиям поддерживалось напряженное автобусное сообщение, и только автомобилей на улицах видно было очень мало; на многих, некогда наиболее оживленных улицах Берлина можно было совершенно спокойно ходить по середине мостовой. В этом наиболее явно сказывалось влияние войны. Рестораны и кафе во все часы дня были переполнены нарядной публикой, говорившей главным образом о том, как хорошо можно было поесть до войны. Мне приходилось много раз бывать в разных ресторанах в обществе артистов, художников, музыкантов, журналистов, писателей и ученых, и самой излюбленной темой разговора бывали всегда жареный гусь или отбивная котлета. Это тоже было влияние войны. Почти каждый вечер радио передавало очередное чрезвычайное сообщение германского Верховного командования о новой победе, но эти сообщения стали привычными, вызвали гораздо меньший интерес и оживление, чем известие о том, в каком ресторане дают сегодня к ужину вино.

Несмотря на войну и на затемнение, уличная жизнь Берлина продолжалась до глубокой ночи. Английские и американские самолеты тогда еще залетали редко и небольшими группами[863], и немцы верили словам Геринга, что противнику никогда не удастся совершить крупного налета на Берлин. Рестораны официально работали до 11 часов вечера, но еще долго после полуночи в них можно было встретить постоянных гостей, допивающих запретные для других вина всех стран Европы и шумно возвращавшихся затем по своим домам. Часто почти до рассвета можно было слышать песни запоздавших ночных гуляк и видеть в садах и скверах обнявшиеся любовные парочки. Отпускники с фронта не хотели терять времени даром.

Мне, как и другим, кто впервые вырвался за пределы Советского Союза, многое казалось непонятным и невероятным за границей и в Германии в частности[864]. Мы продолжали смотреть на все советскими глазами и преломлять все явления в свете привычной советской призмы. Нам было странно наблюдать спокойную посадку в трамваи и автобусы, без обычной у нас давки, толкотни и ругани, и казалось совершенно невероятным, когда кондуктор сходил на остановках и помогал женщинам вносить в вагоны коляски с маленькими детьми. У нас отводились

специальные места для женщин с маленькими детьми, но сколько труда стоило уговорить какогонибудь нахала встать и освободить такое место. В Германии таких особых мест не было, но женщинам и старикам не приходилось стоять, им уступали места без напоминания. Гораздо позже, уже перед самым концом войны, грубость и хамство господствовали и в германских поездах и трамваях, но это было уже вызвано нечеловеческим напряжением и усталостью всего народа[865]. У нас же это напряжение и усталость дошли до своих крайних пределов еще задолго до начала войны.

Мы никак не могли привыкнуть, что, приходя в магазины, покупатели здороваются с продавцами и тот благодарит их за совершенную покупку. Такая вежливость казалась нам совершенно излишней и даже несколько приторной. Мы хорошо помнили, как всегда ругались и стремились обмануть друг друга наши продавцы и покупатели, и нам становилось смешно при одной мысли, что наш продавец мог поблагодарить за совершенную у него покупку. Смешно и немного больно. Это заставляло нас смотреть иными глазами на частную торговлю, которая, как нам внушали годами, основана будто бы только на взаимном обмане. Нам казалось непонятным, как могут магазины, рестораны, кино, театры и даже оптовая торговля принадлежать частным лицам и благополучно вести свои дела. Ведь нам внушали годами, что в эпоху империализма тресты и картели почти задушили во всех капиталистических странах и в том числе и в Германии всю мелкую и крупную частную торговлю и инициативу, а те мелкочастники, которые еще не задушены, стоят на грани полного разорения. Только гораздо позже мы оценили все преимущества частной торговли и поняли, что без нее немцам никогда бы не удалось так идеально наладить свою карточную систему во время войны.

Нас удивила чистота на улицах и хорошее состояние немецких домов, исправные лифты, чистые ванны с горячей и холодной водой, образцово оборудованные кухни, предусмотрительная обдуманность всех хозяйственных мелочей и даже коврики и половики на лестницах. От всего этого мы давно отвыкли у себя на родине и радовались, как дети, неожиданно приобретенным удобствам. Очень скоро многие из нас стали забывать, в каких условиях они жили дома, и даже доказывали, что все эти удобства были и в советских городах. В этом сказывалось оскорбленное чувство национальной гордости и стремление показать свою страну в лучшем свете, чем она была в действительности. Только в разговорах между собой бывшие советские граждане признавались, какие горькие чувства вызывает у них созерцание благоустроенности и зажиточности населения страны, несравнимо более бедной, чем наша. Наша собственная нищета, грязь наших городов и запущенность наших домов особенно остро и болезненно воспринимались теми из нас, кому после пребывания в Германии приходилось возвращаться к себе на родину. Сейчас нам стало понятно, почему советская власть так беспощадно преследовала всех тех, кто побывал за границей. Эти люди, с советской точки зрения, были заражены капиталистическим злом, и все без исключения подлежали изоляции от остального населения, как носители этой заразы.

Зажиточность германских крестьян казалась нам невероятной, и все они, по советским понятиям, должны были быть отнесены к категории кулаков. Ведь даже одна корова и два десятка голов домашней птицы считались у нас громадным богатством. А тут мы видели у крестьян двухэтажные дома с электрическим освещением и водопроводом, радиоаппараты, хорошую мебель и всевозможную посуду, большое количество одежды и обуви, почти ничем не отличающейся от одежды и обуви горожан. Состояние коров, лошадей и прочего домашнего скота, даже в последние годы войны, было превосходным и вызывало у нас зависть и восхищение. Невольно у каждого из нас постоянно возникал один и тот же вопрос: зачем было делать революцию, когда при частной собственности можно жить так хорошо?

Мы искали везде пролетариата, об ужасных условиях жизни и нищете которого там много писали наши книги и газеты, и, к нашему удивлению, нигде его не находили. Во всяком случае, того пролетариата, который был создан в нашем представлении трудами Карла Маркса и советской пропаганды. Все те, кого мы видели вокруг, скорее всего, подходили к марксистскому определению

мелкой буржуазии, но, во всяком случае, не к угнетенным и эксплуатируемым. Так, ежедневные впечатления реальной жизни разбивали на каждом шагу в сознании советских граждан внедренные годами установки марксистской теории.

Но более всего нас поражала полная свобода и беспрепятственность передвижения не только внутри городов, во всякое время дня и ночи, но также и по всей Германии. Те советские граждане, которым удалось избежать лагерных условий, совершенно свободно ездили по всей Германии, и никто никаких препятствий не ставил. Для этого требовалось только иметь документ об исключении из положения остарбайтеров. Я сам в 1942 и 1943 годах по чисто личным причинам и просто из любопытства ездил по нескольку раз из Берлина в Вену, Дрезден, Линц, Мюнхен, Данциг, Кёнигсберг и другие города, имея при себе только старый и давно просроченный служебный документ, а многие другие ездили вообще без всяких документов. Поезда были всегда наполнены иностранцами всех национальностей, и контроля никто не опасался. Мы вспоминали при этом, как в нашей «самой свободной в мире» стране, даже в мирное время, никуда нельзя было поехать без специального командировочного предписания или какого-либо другого соответствующего документа. Когда летом 1944 года после высадки союзников в Нормандии были опубликованы в Германии ограничения поездок по железной дороге, они нам казались анекдотичными: так много в этих ограничениях было всевозможных исключений по мотивам чисто личного характера. Но в 1942 году еще никаких ограничений не было и все ездили совершенно свободно.

То же самое относилось к ночному хождению иностранцев по городам. Однажды, вскоре после моего первого приезда в Берлин, поздно ночью мне пришлось провожать одну русскую даму, с которой меня случайно познакомили в тот день в ресторане. Жила она очень далеко, где-то на окраине Берлина, и нам пришлось 40 минут ехать на метро до конечной остановки Крумме Ланке, затем 15 минут на автобусе и еще примерно 10 минут идти пешком по каким-то неизвестным мне улицам. Возвращаясь обратно в полной темноте и разыскивая остановку другой автобусной линии, так как к этому времени поезда метро уже не ходили, я раздумывал, в каком странном положении я окажусь, если меня задержит какой-либо случайный полицейский. Я не знал фамилии и адреса дамы, которую провожал, и даже названия той части города, где я в данный момент находился. Мне было известно только, что я должен как-то добраться до Курфюрстендамм, откуда я уже мог найти дорогу домой. Это я и объяснил на довольно плохом немецком языке кондуктору подошедшего автобуса. В почти пустом автобусе сидели два полицейских, слышавших мое объяснение с кондуктором, но ни один из них не обратил на меня ни малейшего внимания.

Сидя в автобусе, я вспоминал один неприятный, но весьма характерный случай, происшедший в Ленинграде за два года до войны с одним моим знакомым, майором Красной армии и старым членом Коммунистической партии. Как-то вечером он шел на именины или день рождения к одной своей старой приятельнице и по ошибке зашел в подъезд соседнего дома, имевшего случайно точно такой же фасад, как дом, в который он направлялся. В том доме, на его беду, помещалось немецкое консульство[866]. На лестнице он заметил свою ошибку и повернул обратно, но было уже поздно.

Как только он вышел на улицу, к нему подошел какой-то штатский и предложил следовать за ним. Моего знакомого провели в подъезд соседнего дома, где, как выяснилось, помещался ночной пост НКВД, следивший за немецким консульством. Приведший его агент позвонил куда-то и с торжеством передал, что задержал шпиона, переодетого в форму командира Красной армии. Через несколько минут подъехал закрытый автомобиль и «шпиона» с тортом и букетом цветов повезли в ленинградское областное отделение[867] НКВД, где и продержали до половины следующего дня. Выпустили его только после того, как навели подробные справки в Генеральном штабе Красной армии, где он в то время служил. До этого ни документы о его высоком служебном положении, ни билет старого члена партии никакого впечатления не оказывали и его в глаза именовали не иначе, как шпионом. Вспоминая все это, я живо представил себе, что было бы, если

бы в такое положение, как я, попал бы какой-нибудь немец или вообще иностранец в Советском Союзе и где он провел бы остаток этой ночи.

Немецкая полиция, по моим наблюдениям, во многих городах Германии и особенно в Берлине относилась к громадному количеству иностранцев как к некому стихийному бедствию и заботилась только о том, чтобы они не творили особенных безобразий[868]. Мой хороший знакомый, тоже русский, рассказывал мне следующий анекдотический, но также весьма характерный случай. Както после сильной попойки он возвращался домой в малосознательном состоянии и часа два ездил на S-Bahn'e из одного конца Берлина в другой, беря в вилку, как говорят артиллеристы, вокзал Фридрихштрассе, перед которым неизменно засыпал. Наконец какой-то полицейский помог ему выйти из вагона и весьма услужливо показал дорогу домой. Плетясь домой и испытывая нежные чувства ко всем полицейским на свете, этот мой знакомый не нашел ничего лучшего, как бормоча что-то на русском языке, наброситься с объятиями на постового, стоявшего около центральных казарм берлинского Полицай-президиума. Подобную странную выходку пьяного иностранца полицейский встретил довольно сочувственно и только спросил его с явной завистью: «Mensch[869], где это удалось тебе так нализаться?». Я слышал десятки и сотни подобных рассказов, и все они показывали не только терпимое отношение немецкой полиции к иностранцам, но даже явное к ним сочувствие.

Неудивительно, что при таких условиях десятки тысяч бывших советских граждан, имевших счастье получить право жить на частных квартирах, видели Германию и немецкий народ совсем в другом свете, чем миллионы их сограждан, сидевших в лагерях за колючей проволокой. Первые сравнивали Германию с Советским Союзом, и она им казалась чуть ли не самой свободной в мире страной[870], а вторым представлялась сплошным концентрационным лагерем[871]. Попасть из второй категории в первую было почти то же самое, что перенестись на другую планету, а между тем не было абсолютно никаких разумных причин для отнесения того или иного человека ко второй категории или к первой. В подавляющем большинстве это было делом случая или личным счастьем одних и несчастьем других. Мне приходилось встречать много людей одинаковой квалификации, одинаковых личных достоинств и даже убеждений, одни из которых сидели в лагерях, как бесправные остарбайтеры, а другие пользовались полной свободой и имели все нормальные человеческие права. Единственной причиной этого, в большинстве случаев, было наличие знакомых среди немцев у одних и отсутствие таковых у других. Это обстоятельство только подчеркивает нелепость и бессмысленность варварского отношения немецких властей к миллионам наших рабочих[872].

Попав в Берлин, я, как и сотни других бывших советских граждан, вполне естественно, больше всего интересовался жизнью и деятельностью русской эмиграции в Германии и тем, что делают немцы на фронте теоретической борьбы против большевизма. Как уже говорилось выше, в занятых немцами областях Советского Союза теоретическая сторона их пропаганды против большевизма была очень слаба, но мы все думали, что это только явление местного характера и что в Берлине в этом отношении ведется большая работа. Но с первых же шагов нас постигло горькое разочарование в обеих этих областях.

Начну с того, что до предоставления нам права жить на частных квартирах каждого из нас вызвали в Гестапо или СД и настойчиво «рекомендовали» держаться подальше от русских эмигрантов и не устанавливать с ними никакой связи. Таким образом, немцы хотели воспрепятствовать объединению русских у себя в тылу. Кроме того, нам давали подписать несколько комичное обязательство, что немецкие женщины остаются для нас неприкосновенными, и что мы не будем их развращать. В этом последнем случае немецкие власти не имели особых причин для беспокойства. Вышеупомянутое обязательство было совершенно ненужным, так как при установлении близких отношений с иностранцами атакующей стороной почти всегда бывали немецкие женщины. Совета же не устанавливать связи с русскими эмигрантами никто из нас выполнять не собирався, мы только стремились делать это незаметно для немецких властей.

В жизни русской колонии в Германии наблюдался полный застой, особенно неестественный во время решающей борьбы против большевизма. Все русские эмигрантские организации были запрещены, и некоторую деятельность проявлял только Национально-Трудовой Союз Нового Поколения[873]. Но и эта организация была вскоре запрещена[874] и все ее руководители арестованы[875]. Освободить их удалось только генералу Власову в конце 1944 года[876]. Устраивать какие-либо собрания всем русским, как старым эмигрантам, так и приезжающим из занятых немцами областей Советского Союза, было категорически запрещено. Единственными местами встреч оставались только несколько русских ресторанов в западной части Берлина, в районе Виттенбергплац и немногие русские церкви[877]. Рестораны всегда были переполнены, но среди гостей неизменно присутствовало несколько агентов Гестапо, а около русского собора и церкви на Находштрассе, где каждое воскресенье собиралось большое количество русских, немецкая полиция запрещала останавливаться и собираться группами. Остарбайтерам немецкие власти[878] вообще запрещали посещать русские церкви, хотя это было бессмысленно со всех точек зрения[879].

Русская музыка и вообще русское искусство были запрещены, даже в русских ресторанах оркестр не имел права исполнять произведения русских композиторов. На всю Европу, за исключением Балкан[880], издавались только две русские газеты «Новое Слово»[881] в Германии и «Парижский вестник»[882] во Франции. Последний был разрешен к распространению только в пределах Франции и оставался чисто эмигрантским органом, с очень ограниченным кругом читателей, заполнялся исключительно материалами местного характера или какими-то архаическими воспоминаниями о жизни в дореволюционной России и, конечно, не мог претендовать на серьезную политическую роль. Оставалось одно берлинское «Новое Слово». Но эта газета являлась под строжайшим контролем германского Восточного министерства, и ей, вплоть до 1944 года, даже не разрешалось упоминать слово «русский», не говоря уже о какой-либо серьезной национальной русской пропаганде. Фактически это была чисто немецкая газета, только на русском языке, и заполнялась она материалами такого сомнительного свойства, что заслужила самую отрицательную оценку со стороны всех русских, находившихся в Германии.

Бездарность и полная политическая беспомощность «Нового Слова» даже вошла в поговорку, и никто не удивлялся глупейшим статьям, помещавшимся в газете, тем более, что многие знали, что большинство таких статей были написаны или продиктованы господами Лейббрандтом[883], Дрешером[884], Миддельгауптом[885] или им подобными чиновниками Восточного министерства и только переведены на русский язык. Было много попыток превратить «Новое Слово» в серьезный русский политический орган, но все они наталкивались на самое ожесточенное сопротивление министерства Розенберга и ни к каким результатам не приводили. До самого конца 1944 года, то есть до создания комитета генерала Власова, во всей Европе не было ни одной газеты, которая могла бы претендовать на роль русского печатного органа.

Еще плачевнее выглядела пропаганда при помощи книг и брошюр. Авторам платились громадные деньги за работы по разоблачению теории и практики большевизма, и было написано большое количество серьезных и ценных трудов, разрабатывающих весьма основательно наиболее актуальные проблемы. Но все рукописи должны были проходить так много цензурных инстанций и так долго залеживались в столах и сейфах разных немецких ведомств, что теряли свою актуальность и большей частью совсем не печатались, хотя гонорары их авторам выплачивались регулярно. Полтора или два десятка тоненьких брошюр весьма сомнительного качества — вот жалкий итог почти четырехлетней работы сотен людей в штабе Розенберга, Восточном министерстве, министерстве пропаганды, СС, Верховном командовании Германской армии и других организациях, заведовавших германской пропагандой на Востоке.

Я как-то слышал утверждение лондонского радио — 75 % всей германской пропаганды поглощается самим аппаратом пропаганды. По тем наблюдениям, которые мне удалось сделать, этот процент в отношении пропаганды на Востоке может быть смело повышен на 90 %. Немецкие

цензоры всех ведомств и рангов дрожали над каждым словом и согласны были скорее замариновать десяток важнейших и актуальнейших работ, чем пропустить одну фразу, на которую могло косо посмотреть их начальство. Поэтому вся вышедшая в свет продукция немецких органов пропаганды на Востоке была жалкой, беззубой и очень слабой в теоретическом отношении.

В связи с этим весьма характерно, что вся германская пропаганда на Восток была чисто отрицательной. Немцы позволяли как угодно ругать и критиковать большевизм и советскую власть, но решительно противились всякой попытке противопоставить большевизму какую-либо другую идеологию или обоснованную теорию. Они точно так же категорически воспрещали переводить на русский язык или публиковать в отрывках печатные труды и сборники речей вождей германского национал-социализма[886], а между тем именно этим все бывшие советские граждане особенно интересовались. Нам было понятно, почему в Советском Союзе были запрещены такие книги, как «Моя борьба» А. Гитлера или «Миф XX столетия» А. Розенберга, но мы никак не могли понять, почему в Германии эти книги тоже должны были оставаться для нас под семью замками. Стремление немцев скрыть таким образом от русских истинные цели и намерения германского правительства на Востоке было политикой страуса, так как все равно те, кому было нужно, эти книги прочли на немецком языке и прекрасно усвоили идеи и мысли их авторов.

В то время как немцы вели эту игру в прятки с официальной, государственной пропагандой, в частных русских библиотеках Берлина, Вены, Мюнхена, Дрездена, Кёнигсберга и других городов, где были абонированы десятки тысяч русских людей и в том числе остарбайтеры, хотя и незаконным путем, можно было встретить такие произведения советской художественной литературы, как «Хлеб» А. Толстого[887], «Цемент» Гладкова[888], «Поднятая целина» Шолохова[889] и многие другие, в которых прославлялась не только советская власть, но даже Сталин лично. Эти книги годами стояли на полках и выдавались беспрепятственно всем, кто хотел, и никто из немецких властей не догадался обратить на это внимание. Этот факт не влетает также лишних лавров в венок политической мудрости господина Геббельса и его коллег.

Зажимая всячески русскую национальную пропаганду и обставляя ее бесчисленным количеством разного рода ограничений и препятствий, немцы всеми мерами поддерживали и раздували пропаганду отдельных мелких и крупных национальных групп, начиная от украинцев и белорусов и кончая осетинами, калмыками и даже казаками. При этом немцы благосклонно пропускали в газетах и журналах всех этих групп самые бредовые фантазии и самые дикие антирусские измышления и инсинуации, категорически запрещая в русской прессе какую-либо полемику или разоблачение всего этого вздора. Пользуясь полной безнаказанностью, украинские газеты, например, в Берлине, Праге, Кракове писали еженедельно такие вещи, перед которыми статьи в киевском «Украинском слове», о которых я писал выше, казались детским лепетом.

Не отставали от них и казаки. Я до сих пор не могу забыть опубликованных летом 1942 года в газете «Казачий вестник»[890] статей, в которых делалась попытка доказать историческое существование независимого казачьего государства «Казакия», будто бы поработленного когда-то Москвой, причем претензии автора простирались достаточно далеко, захватывая всю Украину и доходя до Брянска, Курска и далее на восток, до Урала. Другие мудрецы на страницах этой же газеты писали о каком-то самостоятельном казачьем языке, происходящем будто бы от тюркской группы языков и не имеющем ничего общего с русским[891]. Самое любопытное в этих рассуждениях было то, что они были написаны на чистом русском языке и помещены в казачьей газете, издававшейся также на русском языке. Я слышал, впрочем, что автор этой теории и сам не знал никакого другого языка, кроме русского. Подобных примеров можно привести сколько угодно, и всегда авторы этого вздора находили самую активную поддержку среди немцев.

Но область анекдотов и политического фарса не ограничивалась только страницами некоторых газет и журналов, а переносилась также и в действительную жизнь. Немцы до самого конца войны старательно поддерживали и культивировали различные нежизненные и явно беспочвенные национальные группы и группочки вплоть до самых микроскопических. Около этого кормилось и

спасалось от военной службы всегда вполне достаточное количество немцев разных рангов, для того чтобы эти группы и группочки могли продолжать свое существование. Пользы от них никакой не было и быть не могло, но это мало кого заботило, а личная выгода для многих была, и довольно большая.

Несколько раз мне пришлось побывать на собраниях и торжественных вечерах подобных национальных группировок, устраивавшихся по случаю годовщины каких-то совершенно для меня не известных исторических событий, хотя историю своей страны и населяющих ее народов я знаю достаточно хорошо. Все эти собрания и вечера производили на меня жалкое впечатление и напоминали плохую постановку в каком-нибудь самом захудалом колхозном клубе. Смешно было видеть, с каким серьезным видом принимали участие в такой комедии солидные и в большинстве своем пожилые люди. И вот только такие жалкие группировки немцы противопоставляли громадной политической мощи советской власти.

Такое же нереальное, театральное впечатление производили на меня беседы с вождями некоторых таких группировок. Однажды в июне 1942 года мне пришлось встретиться с бывшим гетманом Украины генералом Скоропадским. Встреча эта была организована его сторонниками с возможной торжественностью. Меня заранее предупредили, что в такой-то день и час «его светлость пан гетман» может дать мне аудиенцию в главной квартире его движения в Берлине на Ноллендорфплац, 6. «Главная квартира» выглядела довольно скромно, если не сказать больше. Это была квартира из четырех или пяти комнат на третьем этаже серого и ничем не примечательного дома. В комнатах стояло несколько просиженных и продавленных диванов и кресел и на стенах висели какие-то портреты украинских исторических деятелей. Сотрудники гетмана Скоропадского, в большинстве своем пожилые профессора и доктора разных гуманитарных наук, производили впечатление людей весьма симпатичных, но совершенно оторвавшихся от реальной действительности, а советской в особенности. Такое же впечатление произвел и сам семидесятилетний гетман. Беседа с ним продолжалась около часа и сначала велась на украинском языке, на котором гетман говорил с запинками и даже с некоторыми ошибками, а затем, как-то незаметно, мы перешли на русский язык и на этом языке беседа пошла значительно свободнее. К концу аудиенции гетман стал явно засыпать, и я предложил удалиться.

На сцене Московского Художественного Театра много лет подряд шла превосходная пьеса Михаила Булгакова «Дни Турбиных»[892]. Есть в этой пьесе картина, где изображаются последние минуты власти гетмана Скоропадского и его тайное бегство с немцами от наступающих петлюровских войск. Гетмана обычно играл замечательный актер Ершов[893] и производил в этой роли исключительно колоритное впечатление. Начинается эта картина с доклада дежурного адъютанта о последних сведениях с фронта, причем гетман делает своему адъютанту замечание, что они находятся в столице украинского государства и потому следует говорить на этом языке. Адъютант, русский гвардейский офицер, что-то неуверенно бормочет, путается и замолкает. Гетман смеется и разрешает перейти опять на русский язык, на котором и продолжается вся картина. Во время моего разговора с гетманом Скоропадским в Берлине 1942 года эта картина стояла у меня перед глазами. Я никак не мог отделаться от впечатления, что настоящий гетман остался в Москве на сцене Художественного Театра, так реально было там и так театрально и неестественно здесь. Если когда-нибудь эти строки попадутся на глаза актеру Ершову, то пусть примет он их как величайшую похвалу его искусству.

Однако я должен оговориться, что из всех поддерживаемых немцами национальных группировок движение гетмана Скоропадского было наименее театральным и сторонники его наиболее солидными и серьезными. Во всех остальных группировках все было рассчитано только на внешний эффект либо на закулисные интриги, и никакой действительно серьезной политической платформы они не имели. Когда был создан Комитет Освобождения Народов России под председательством генерала А. Власова, то все эти группировки стали в резкую оппозицию к нему (конечно, не без поддержки немцев), но противопоставить что-либо политической программе

Комитета, изложенной в его манифесте, не смогли, ибо дальше политического маскарада они не шли. А немцы этот маскарад не только терпели, но и усиленно культивировали.

Мне пришлось наблюдать одну из последних таких маскарадных немецких политических постановок. Дело было зимой 1944–1945 года в полуразрушенном Берлине в тот момент, когда маршалы Жуков, Рокоссовский[894] и Черняховский[895] завершали последние приготовления к грандиозному прорыву немецкого фронта на Висле. Немцы в это время усиленно носились с разными казачьими группировками, противопоставляя их комитету генерала Власова. Однажды вечером в полусгоревшем здании какого-то варьете на Курфюрстендамм был устроен торжественный казачий вечер. В плохо освещенном, холодном зале, с закопченными стенами и потолком сидели вперемешку немецкие офицеры и казаки в маскарадных формах, как будто взятых напрокат из костюмерной какого-нибудь театра. В первом ряду сидел известный из времен гражданской войны генерал Шкуро[896] и еще несколько казачьих генералов в маскарадных формах, с множеством орденов и достаточно сильно пьяные. На сцене плясал и пел довольно плохой казачий ансамбль. Потом генерал Шкуро вышел на сцену и начал целоваться с хористами и дирижером. Трудно было понять, где кончается действительность и начинается театр. Зрелище было нелепое, жалкое и какое-то грязенькое. Прервано оно было известием о приближении английских самолетов.

Несчастный Шкуро дорого заплатил за свой кратковременный политический маскарад. Весной 1945 года он, генерал Краснов[897] и ряд других казачьих генералов попали в руки советских войск. Вместе с ними был захвачен также и немецкий генерал фон Паннвиц[898], командовавший казачьим корпусом на Балканах, известный своей личной храбростью и необычайно популярный среди казаков, о которых он заботился в полном смысле этого слова, как о своих детях, и которых он неизменно защищал от нападков германского Верховного командования. Захват казаков советскими войсками сопровождался такими душераздирающими сценами, что о них пока даже невозможно писать.

После капитуляции среди русских ходили упорные слухи, что Шкуро, Краснов и другие были немедленно после пленения повешены большевиками. В начале января 1947 года московское радио передало сообщение, что Шкуро, Краснов, фон Паннвиц и несколько других казачьих руководителей повешены в Москве по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР[899]. Где и в каких условиях погибли в действительности эти люди, сейчас установить невозможно, да и нет в этом особой необходимости. Кровавый режим Сталина прибавил к своему счету еще несколько человеческих жизней. Все эти погибшие люди любили русский народ, были непримиримыми врагами большевизма, заплатили слишком дорогой ценой за свои ошибки, заблуждения и, быть может, даже проступки, чтобы у какого-либо истинного русского человека возникло желание обсуждать их после их трагической смерти.

Игра немцев с разными национальными группировками и поддержка ими всевозможных направлений и течений, как бы слабы и беспочвенны они ни были, проводилась так настойчиво до самого конца войны, что не оставляет ни малейшего сомнения в обдуманности и преднамеренности подобной политики. Руководители гитлеровской Германии смертельно боялись всякой сильной России, и объединение народов России казалось им одинаково ненавистным и грозным, независимо от того, происходит ли оно под флагом коммунистической революции, на основе восстановления монархии или на демократической платформе комитета генерала Власова. Именно из-за этого смертельного страха они упорно не хотели понять, что победить большевизм можно, только объединив в один мощный кулак все народы Советского Союза и отбросив безумную фантазию о порабощении этих народов.

Перспектива легкого обогащения за счет неестественного раздробления безбрежных пространств Европейской России на мелкие, взаимно враждующие народности казалась им такой соблазнительной, что они не могли от нее отказаться даже в минуту смертельной опасности. У

некоторых африканских племен есть старый туземный способ ловить обезьян. В глиняный кувшин с узким горлом насыпают орехов и оставляют его в лесу, а охотник садится в стороне и ожидает. Обезьяна засовывает лапу в кувшин, набирает полную горсть орехов, но не может их вытащить через узкое горлышко. Тогда охотник подходит и совершенно спокойно ее ловит. Обезьяна видит опасность, но не в силах разжать лапы и выпустить свою добычу. Ее губит жадность. Эта же жадность погубила и немцев.

Второй важнейшей причиной политического, а затем и военного поражения немцев на Востоке было их поразительное невежество и полная неосведомленность об экономических возможностях советской власти. Начиная войну, руководители немецкого государства были уверены, что Советский Союз развалится, как карточный домик, от первых же сильных ударов, и не позаботились серьезно изучить своего противника или политически подготовить обстановку для такого внутреннего развала в советском тылу. Когда же этого не случилось, в чем, как уже было показано выше, они сами были виноваты, то немецкие руководители очень удивились, растерялись и не могли найти для этого объяснения. Они начали обвинять русский народ в покорности и пассивности, но даже не подумали поискать в самих себе причин своих политических поражений. Для этого они были слишком самоуверенны и слишком верили в божественную премудрость своего фюрера.

Первое мое знакомство летом 1943 года с людьми, руководившими в Берлине немецкой политикой на Востоке, показало их полную неосведомленность и неподготовленность для такой работы. Ближайшие сотрудники Розенберга, такие как Лейббрандт, Мидцельгаупт, Дрешер и многие другие, почти совсем не знали особенностей экономики Украины, Белоруссии и центральных областей Европейской России и не имели совершенно никакого понятия о деталях советской политики в этих республиках и областях. Большая часть из них даже не говорила на русском языке, и все их сведения были почерпнуты только из иностранных газет, да и то относились, главным образом, к первому периоду советской власти. Эпоха, следовавшая за коллективизацией и индустриализацией страны, оставалась для них книгой за семью печатями, и они даже не стремились ее изучить. Единственным источником их информации и непререкаемым авторитетом по всем вопросам, касавшимся Советского Союза, был профессор Менде и небольшая группа его сотрудников из Германского института научного изучения заграницы, но и эти люди были крайне слабо ориентированы в вопросах советской политики и экономики.

Начальник восточного отдела министерства пропаганды доктор Тауберт[900], маленький, неприятный, но очень энергичный человек, не знал русского языка, не читал никогда большинства произведений Ленина и Сталина, не говоря уж об остальных руководителях советского правительства, совершенно не знал особенностей советской пропаганды и свои действия базировал на опыте борьбы национал-социалистов против германской коммунистической партии, хотя это, конечно, имело очень слабое отношение к политическим особенностям внутри Советского Союза. Остальные его сотрудники были еще слабее в теоретическом отношении и также в своем большинстве не знали русского языка. Все они питались только сведениями, полученными из вторых рук, и относились к ним крайне поверхностно и невнимательно.

Всю германскую антикоммунистическую пропаганду в Европе координировало и направляло дочернее учреждение восточного отдела Министерства пропаганды, носившее громкое название «Антикоминтерн». Может показаться смешным, но руководители этого учреждения не читали устава Коминтерна и постановлений его конгрессов и имели очень смутное представление о том, какие занимают должности и какие выполняют функции такие люди, как Мануильский[901], Жданов, Щербаков[902], Шверник[903], Маленков, Андреев, и каковы юридические взаимоотношения между секциями Коминтерна и между советским правительством и Исполкомом Коминтерна, то есть не знали таких вещей, на которые в Советском Союзе может ответить каждый школьник. Фактически вся работа этого учреждения держалась на одном начальнике его отдела прессы Г. К. Домбровском[904], человеке большой эрудиции и громадной трудоспособности. Но он

не был членом национал-социалистической партии, и поэтому к мнению его далеко не всегда и не все прислушивались. Да, кроме того, что может сделать один человек против целой толпы сановных невежд, не сознающих своего невежества и не интересующихся ничем, кроме карьерных соображений?

Кроме этих организаций пропаганду на Восток вели еще Главное управление СС и Верховное командование германской армии, через отдел полковника Мартина[905]. Все эти ведомства работали совершенно самостоятельно, не координировали своих действий друг с другом и часто даже не знали, что делает параллельная пропагандная инстанция. Русским сотрудникам каждого из этих ведомств было даже строжайше запрещено иметь какую-либо связь с такими же сотрудниками других параллельных ведомств или обращаться туда по каким-либо вопросам. Все немецкие центральные пропагандные и политические организации жесточайшим образом конкурировали одна с другой, и ничто не могло доставить их начальникам такого удовольствия, как зрелище провала очередной акции соперника. Особенно сильна была вражда между Министерством пропаганды и Восточным министерством, а также между Главным управлением СС и Верховным командованием. Склоки, интриги, клевета и взаимная подсидка — вот обстановка, в которой творилась германская политика и пропаганда в Берлине вообще, а на Восток в особенности.

В результате, вместо серьезной работы по изучению политики советской власти и разоблачения теории и практики большевизма, к чему были все возможности, немецкая пропаганда прыгала с одной темы на другую и ни в одном вопросе окончательно большевизма не разоблачила и ни в чем не смогла убедить тех, кто сомневался. Геббельс был сторонником сенсаций и дешевых эффектов в пропаганде, и в угоду ему во всех немецких пропагандных органах прочно утвердился принцип, что правда — это не пропаганда. Стремясь выслужиться перед начальством, чиновники всех пропагандных ведомств наперебой изобретали самые невероятные фальшивки и поставляли для печати самые фантастические толкования действительных фактов, приплетая к истине ложь в любых пропорциях и заботясь только о том, чтобы начальству эта версия не показалась скучной.

Дело усложнялось еще тем, что немецкая пропаганда имела несколько совершенно разных направлений и основных линий: одну на Запад, с основной задачей запугать Европу большевизмом, другую для Германии, и здесь установки менялись в зависимости от момента и общего положения, но в общем наиболее откровенно говорилось об истинных захватнических устремлениях германского руководства, третью — для занятых восточных областей, с единственной целью показать благородство Германии и изобразить ее освободительницей народов Советского Союза от большевизма; четвертую — для советского тыла, с основной задачей доказать, что западные союзники предают своего советского союзника и совершенно не стремятся ему помогать. Наконец, была еще пятая — секретная линия, и пропаганда по этой линии велась при помощи разных засекреченных радиостанций, работавших от имени несуществующих политических группировок и направлений. Были такие секретные станции на английском, немецком, французском, шведском и русском[906] языках. Никаких пределов вранья этим станциям не ставилось и от них только требовалось, в целях большей правдоподобности, чтобы они примерно на 40 % ругали немцев, а на 60 % ту страну, к которой были обращены.

Эфир был всегда наполнен потоком лжи на всех европейских языках, особенно на коротких волнах. Все это создавало такую путаницу, в которой теряли ориентацию даже сам Геббельс и его ближайшие помощники, а рядовые сотрудники Министерства и его учреждений зачастую вообще не могли понять, какое сообщение соответствует истине, а какое придумано в этом же Министерстве, и, боясь ошибиться, реагировали на все, как на вранье, то есть ввали сами еще больше. Усложнялось дело еще тем, что при постоянных перетасовках в аппарате Министерства одни и те же сотрудники по несколько раз перебрасывались с одного направления на другое и официальной линии на секретную и при этом совершенно запутывались.

Насколько терялись в этой сплошной лжи даже ответственные сотрудники Министерства, показывает следующий анекдотический эпизод. Когда осенью 1944 года советские войска впервые вторглись в пределы Восточной Пруссии, Геббельс дал распоряжение всем органам пропаганды поднять шум и треск по поводу советских зверств в этих областях[907]. Восточному отделу Министерства было предписано поставлять для печати ежедневно не менее пяти случаев зверств, причем таких, от которых бы у читателей застыла в жилах кровь. Узнать действительных фактов доктор Тауберт и его сотрудники не смогли прежде всего потому, что гарнизонная армия отступала и сведений через фронт проникало мало. С большим трудом нашли одну изнасилованную советскими солдатами женщину, но и она с таким оживлением рассказывала об этом факте, что ее только после длительной предварительной обработки смогли показать представителям прессы.

Как и в большинстве случаев, стали на путь измышлений. Сотрудники Министерства перерывали в памяти все известные им способы зверских казней и пыток, и ценным пособием для них служили старые номера «Правды» с описанием таких же вымышленных немецких зверств. Но приказ министра был выполнен, и несколько недель подряд все немецкие газеты были заполнены сообщениями о самых невероятных советских зверствах. В конце этой кампании заместитель Геббельса статс-секретарь Нейман[908] задумал издать белую книгу о советских зверствах, но для этого требовались уже истинные факты. Он предложил взять для этой книги ряд фактов, опубликованных в немецких газетах, и был чрезвычайно удивлен и раздосадован, когда ему сказали, что все эти факты явились плодом фантазии его же сотрудников. Идею белой книги пришлось предать забвению.

Самое глупое во всем этом было то, что советская действительность была во много раз ужаснее того, что писалось в немецких газетах, но только эта действительность была гораздо проще и не могла так дразнить воображение любителей нездоровых сенсаций. Изучить и правильно осветить ее немцам было очень легко, но они этого не сделали и не исчерпали даже сотой доли тех возможностей, которые у них были. Я, например, почти не встречал на страницах немецких и выходивших в Западной Европе газет тех вполне достоверных ужасных фактов, которые были опубликованы в газетах, издававшихся в занятых немцами областях Советского Союза.

В заключение я хочу сказать несколько слов о раскрытых немцами могилах советских жертв в Катыни и Виннице. Винница — это совершенно несомненно дело рук советских палачей: слишком много жертв было опознано их родственниками из окрестных сел. Катынь, по всем данным, также, ибо слишком основательно это дело было обставлено немцами и слишком много противоречий в советской версии. Кроме того, все немецкие фальшивки были хорошо известны в Берлине, а Катыни никто к ним не причислял. Способны были к такому поступку обе стороны, но смысл он имел только для большевиков.

Картина политической борьбы советской России и национал-социалистической Германии не может быть полна, если не провести сравнительного анализа обеих этих, взаимно друг друга исключаящих, политических систем в момент наибольшего напряжения и ожесточения их смертельной борьбы. Теоретические предпосылки большевизма и национал-социализма достаточно хорошо известны, и в задачи настоящей работы не входит дополнительное повторение их.

Борьба между Германией и Советским Союзом шла не на теоретическом фронте, а на практике, и потому значительно больший интерес представляет сравнение практических мероприятий обеих этих политических систем. Я хочу здесь показать, как советские граждане, испытавшие большевизм на практике, воспринимали практическую сторону национал-социализма и как немцы, побывавшие в занятых ими областях Советского Союза, смотрели на практическую сторону большевизма. Это практическое ознакомление с политической системой противника продолжалось несколько лет, и принимали в нем участие с каждой стороны сотни тысяч и даже миллионы людей, а потому и выводы, сделанные ими, являются несравненно более ценными и правильными, чем

ученые рассуждения нескольких теоретиков, претендующих на решающий авторитет. Советские люди воспринимали национал-социалистический режим совсем иначе, чем представители западных демократических стран, и немцы смотрели на советскую практику тоже совершенно не так, как наблюдают ее немногие представители Англии и Америки в Советском Союзе.

Прежде чем перейти к этому основному вопросу, я хочу только напомнить несколько общих и совершенно бесспорных положений, касающихся теоретической и принципиальной стороны германского национал-социализма.

1. Адольф Гитлер и все его сторонники видели свою основную теоретическую задачу в борьбе против марксизма и его новейшего проявления — большевизма. К теоретической борьбе против демократического строя они были абсолютно не подготовлены, и все их попытки в этом отношении выглядели беспочвенными и жалкими.
2. Национал-социализм есть явление чисто немецкое и смог он развиваться только благодаря специфическим условиям, созданным поражением Германии в прошлой войне и Версальской системой. Все попытки привить его учение в других странах никакого крупного успеха не имели, несмотря на то что германское правительство и руководство германской националсоциалистической партии прилагало к этому массу усилий.
3. Национал-социалистическое учение окончательно оформилось не только гораздо позже марксизма-ленинизма, но уже тогда, когда в России в полном объеме проводился гигантский эксперимент по применению на практике теоретических установок ленинизма. Это, вольно или невольно, предопределяло значительную преемственность и копирование практических методов работы национал-социализмом у его более старого противника.
4. Национал-социализм разработал все свои теоретические установки и практические методы работы во время борьбы с германской коммунистической партией, опиравшейся во всем на опыт Октябрьской революции в России и на практические результаты первых лет советской власти. На этом, собственно говоря, теоретическое развитие национал-социализма и остановилось, так как дальше все силы партии были обращены на подготовку к военному реваншу.
5. В отличие от марксизма, опиравшегося не только на стройное политико-экономическое учение, но и на детально разработанную философскую систему, национал-социализм представляет собой только практическое руководство к действию очень несовершенной теорией и совсем без всякого философского обоснования.

Если отбросить расовую теорию, то у национал-социализма вообще никакого теоретического фундамента не остается, и он оказывается даже несравненно слабее итальянского фашизма. Философские попытки Розенберга и несколько передовых статей газеты «Фёлькишер Беобахтер» — вот, пожалуй, и все достижения национал-социализма в области теории философии этого учения. Кажется парадоксальным, что на родине величайших философов человечества могло родиться, захватить власть и претендовать на мировое господство учение, не имевшее под собой никакого философского обоснования. Однако это факт, и его никто не оспаривает.

По всем этим причинам национал-социалисты, начав борьбу против коммунизма, не только перенесли ее главным образом в область практических мероприятий, но и восприняли значительную часть коммунистических лозунгов, требований и особенно организационных форм коммунистического движения и германской коммунистической партии, а следовательно и ВКП(б). Заимствование красного флага, приветственного жеста, формы, демонстраций, парадов и собраний и присвоение революционных праздников, таких как 1 мая, бросаются каждому в глаза и были уже давно замечены всем миром.

Преимственность организационных форм коммунистического движения приняла особенно большие размеры, когда после 30 января 1933 года в национал-социалистическую партию начали массами вливаться бывшие коммунисты. Это же влекло за собой и наследование методов работы и с каждым годом все больше сближало национал-социализм с тем движением, борьба против которого представляла основную суть и смысл его появления на политической арене. Внешней тождественности этих двух противоположных политических течений способствовало также то обстоятельство, что германское национал-социалистическое правительство предпочитало держать в секрете значительную часть своих истинных целей и прикрывало их крикливой фразеологией, мало чем отличавшейся от коммунистической агитации и пропаганды.

Это парадоксальное явление оставалось малозаметным для представителей западных демократических стран, которым национал-социализм в его внешних формах был чужд и казался в достаточной степени своеобразным. Но советским гражданам, особенно тем, которые имели возможность наблюдать германский национал-социализм не из-за колючей проволоки лагерей для военнопленных, и насильственно привезенным рабочим все было удивительно знакомо, и попадая в германские правительственные и партийные учреждения, мы видели вокруг чисто советскую обстановку и только надписи на стенах и на папках с делами были, как будто по ошибке, на немецком, а не русском языке. Обращение и подбор немецких партийных чиновников были точно такими же, к которым мы привыкли в советских учреждениях. Они были так же тупы и ограничены, но только несколько более грамотны и вежливы с посетителями.

Впечатление каждого советского гражданина, которому приходилось сталкиваться с германскими партийными и правительственными организациями в нормальной обстановке, то есть не в положении заключенного за решеткой или колючей проволокой, было таково, что в Германии порядки почти такие же, как в Советском Союзе, только несколько мягче. В обеих этих странах имела место однопартийная система с одинаковым проникновением партии во все поры государственного аппарата и общественной жизни. Организационная структура германской национал-социалистической партии к моменту начала войны являлась почти точной копией Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Так же как и в Советском Союзе, в Германии на каждом предприятии, наряду с директором или хозяйственным руководителем имелся партийный руководитель и уполномоченный, но только со значительно более узкими правами, чем в Советском Союзе.

Германская административная система «рейхсляйтер — гауляйтер — крайсляйтер — ортсгруппенляйтер — блоквальтер»[909] и ее параллелизм со старой административной системой совершенно точно воспроизводил советскую систему «секретарь ЦК ВКП(б) — секретарь ЦК республиканской компартии — секретарь областного комитета — секретарь районного комитета — секретарь низовой ячейки Коммунистической партии», параллельную государственному аппарату от Верховного Совета до председателя сельсовета в деревне и управдома в городе. Разница была только в том, что в Германии, вследствие более короткого периода пребывания националсоциализма у власти, не удалось до самого конца войны осуществить того всеобъемлющего контроля и полной автоматизации беспрекословного выполнения распоряжений центральных партийных властей, как это было в Советском Союзе.

Полному господству партии внутри страны мешала также частная собственность, ограниченная в Германии, но не уничтоженная полностью[910], как в Советском Союзе. Частные предприниматели, владельцы и крестьяне являлись в обеих странах основной оппозиционной силой к правящему абсолютистскому режиму, но в Советском Союзе эти классы населения были полностью разгромлены и в подавляющем большинстве физически уничтожены[911] еще до войны, а в Германии частная собственность была сохранена, и только в последнем периоде войны ведомство Гимmlера и партийные организации начали проводить ряд мероприятий, отдаленно напоминавших то, что творилось в Советском Союзе в последние годы нэпа.

Конечно, существовала глубокая и принципиальная разница между этими двумя режимами в том отношении, что германский национал-социализм пришел к власти и проводил свою программу экономического переустройства страны в тесном контакте с германским крупным промышленным и финансовым капиталом, а советское коммунистическое государство присвоило себе все народное и частновладельческое достояние страны. Но внешние формы и методы работы этих двух видов государственного капитализма были настолько подобны, что советские люди только постепенно, да и то не все, замечали эту принципиальную разницу. Тем же из советских людей, кто был в состоянии понять процесс развития германского национал-социализма в экономических вопросах, становилось с каждым месяцем все более очевидно, что национал-социализм проводил постепенно ту же самую программу удушения творческой инициативы и частных интересов граждан своей страны, которую большевизм провел сразу, революционным путем, с применением более грубых и резких форм насилия. Конечный же итог в обоих случаях должен был оказаться одинаковым.

Германский трудовой фронт[912] со всеми подчиненными ему организациями являлся почти точной копией Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС), и методы его работы точно дублировали методы работы последнего. В обоих этих случаях мы имеем дело с чисто правительственными организациями, теснейшим образом связанными с правящей партией и призванными дисциплинировать рабочих и подчинять их распоряжениям властей, а отнюдь не защищать их интересы. В Германии, как и в Советском Союзе, все ответственные должности в профсоюзных организациях были заняты либо партийцами, либо людьми, специально проверенными партией и имевшими партийную рекомендацию. Разница была только в том, что в Советском Союзе профессиональные организации имели полную и неограниченную власть над всеми рабочими и служащими еще в мирное время, а в Германии такие права были предоставлены Трудовому фронту только во время войны, да и то, главным образом, по отношению к иностранным рабочим. Немцы даже во время войны пользовались значительно большей свободой, чем наши рабочие и служащие в мирное время.

Система воспитания юношества в обеих странах была почти одинаковой, хотя цели были, конечно, прямо противоположны. Вербовка юношей и девушек в Германии в «Гитлеровскую молодежь»[913] проводилась в таком же полуоязательном порядке, как и вербовка пионеров и комсомольцев в Советском Союзе. Совершенно одинаково в обеих странах проводилась система отрыва детей от родителей и семей, а военная подготовка составляла главную часть работы с молодежью. Руководители отрядов «Гитлеровской молодежи» по своей подготовке, мировоззрению, привычкам, внешнему облику являлись точной копией наших пионервожатых и комсомольских организаторов. Собрания, военные учения, лагерные сборы и работа в школе проводились в «Гитлеровской молодежи» совершенно по такому же образцу, как и в пионерских и комсомольских организациях в Советском Союзе.

Основная разница заключается только в том, что «Гитлеровская молодежь» не смогла до самого конца войны занять в германской школе того доминирующего места, которое имели пионерские и комсомольские организации в наших средних и высших учебных заведениях. Авторитет и значение учителей в германских школах всегда оставались гораздо более высокими, чем советских, где они много лет подряд чрезвычайно сильно подрывались пионерскими и особенно комсомольскими организациями. Но нет никакого сомнения, что если бы национал-социализм остался у власти еще несколько лет, то положение в германских школах стало бы совершенно идентично тому, что наблюдалось в советских. Работа немецких молодежных организаций в последние годы войны убедительно это доказывает.

Подчиненная Трудовому фронту организация «Сила через радость»[914], которой так хвастались постоянно Геббельс, Лей и другие руководители германского национал-социализма и которую они считали своим уникальным изобретением, не казалась чем-то новым нам, советским гражданам. В наших глазах это был просто дубликат советской системы шефства отдельных театральные

коллективов над разными предприятиями, соединенный с советской клубной работой и кружками самодеятельности. Качество и репертуар артистических групп «Силы через радость» почти ничем не отличались от наших клубных и самодеятельных постановок, так же как и система распространения билетов на предприятиях или даже продажа им целых постановок. Основная разница заключалась в том, что в работе «Силы через радость» не так сильно бросалась в глаза агитационно-пропагандистская сторона этого предприятия, как в советской театральной системе.

Германские кинофильмы и вся система воздействия на массы через кино казались западным иностранцам насыщенными до предела духом национал-социализма и милитаризма, а нам, советским гражданам, 90 % германских фильмов казались совершенно аполитичными, и даже пропагандистские фильмы такого типа, как «Бисмарк», «Отставка», «Великий Король» и «Еврей Зюсс», выглядели в наших глазах весьма умеренными и ни в какое сравнение с нашими военными, историческими и антифашистскими фильмами идти не могли.

Особенно резко бросалось в глаза советским людям подобие обоих этих режимов в постановке массовой обработки общественного мнения через прессу и радио. Как и во всех прочих отношениях, национал-социализм казался нам, в его пропаганде, бледной копией большевизма, стыдливо прячущей свое истинное лицо под довольно неестественной маской национализма. Хвастливые выступления национал-социалистических вождей и безудержное восхваление «Фюрера» и его гениальности до смешного напоминали советским людям подобные же выступления советских вождей и такое же прославление «великого Сталина» и его сверхчеловеческой гениальности и прозорливости.

Разница была лишь только в том, что в Советском Союзе все это проводилось в несравненно более сильной степени, и зачастую доходило просто до абсурда. Геббельс и его штаб, несмотря на все их старания, все-таки не смогли в этом отношении перекрыть рекордов их советских коллег. Системы же информирования, или, вернее, дезориентации, населения были в обеих странах совершенно подобны, с той, пожалуй, только разницей, что из национал-социалистических газет и радио средний немец мог хоть иногда узнать о том, что происходит в других странах, а советский гражданин из своих — не может никогда. Также и в этом отношении большевизм оставался недостижимым идеалом национал-социализма, хотя и довольно уродливым идеалом.

Насыщение германской армии национал-социалистическим духом и партийными элементами шло в том же направлении и проходило те же этапы, через которые в свое время прошла Красная армия, но никогда все же не достигло тех степеней, какие имели место в последней. Создание специальных крупных соединений войск СС и массовое присвоение партийцам офицерских чинов наблюдалось в германской армии только в последней, самой критической фазе войны[915], а в Советском Союзе еще до войны НКВД имел многочисленные специальные соединения всех родов оружия[916], и свыше 80 % командного состава Красной армии составляли члены Всесоюзной Коммунистической партии большевиков[917]. Основная разница заключалась в том, что в Германии армия и Генеральный штаб поддерживали Гитлера и шли с ним нога в ногу, но во многих вопросах оставались оппозиционными и решались на открытое противодействие националсоциалистической партии[918] и СС, как показывает хотя бы пример Браухича[919], а в Советском Союзе Красная армия и Генеральный штаб находились всецело в руках Коммунистической партии и беспрекословно выполняли приказы ее Политбюро. Гитлеровскому режиму не удалось до конца выполнить той программы, которая уже давно была осуществлена в Советском Союзе[920].

Беспредельное могущество в Германии Гестапо и СС вошло в поговорку, и в глазах всего мира оно является непревзойденным примером бесконтрольности и произвола органов насилия, созданных когда-либо деспотической властью. Но иначе смотрели на это мы, бывшие советские граждане (я еще раз повторяю — те, кто не сидел за колючей проволокой). Когда мы сравнивали действия Гестапо и СС с практикой работы НКВД, к которой мы привыкли у себя на родине, то

поражались нерешительности и осторожности германских органов террора и той смелости, с которой многие германские организации противодействовали всемогущему Гиммлеру, особенно в первый период войны.

Конечно, это противодействие было очень относительным, но в наших глазах и оно казалось удивительным и невероятным. Мы привыкли, что прямые и косвенные приказы и пожелания НКВД выполняются немедленно, точно и совершенно безоговорочно, если даже они идут вразрез со всеми прежними распоряжениями вышестоящих властей. Действия и распоряжения НКВД обсуждению не подлежали, они могли только беспрекословно выполняться. Только в самом последнем периоде войны, когда Гиммлер занял пост министра внутренних дел и был назначен командующим резервными войсками и фольксштурмом[921], он сосредоточил в своих руках такую власть, которую имели у нас в свое время Дзержинский, Ягода и Ежов и которую имеет в настоящее время Берия. В этом вопросе национал-социализм также только шел по пути, уже пройденному советской властью, методы и характер действий обоих режимов были совершенно идентичны.

Широкую известность получили за границей антирелигиозные мероприятия национал-социалистов и особенно поход их против Католической Церкви. На Западе негодовали и возмущались по этому поводу, а мы, советские граждане, вообще не замечали этой антирелигиозной установки национал-социализма, настолько она была слабее и нерешительнее советской. Количество лиц, пострадавших в Германии за свои религиозные убеждения, даже по тем сведениям, которые были опубликованы в первые недели после окончания войны, едва ли превышает 10–15 % от советских жертв. В этом вопросе национал-социализм также шел по советскому пути и почти точно копировал советские методы, хотя и не успел пройти всех этапов советской антирелигиозной кампании. Разница была только в том, что в наиболее острый момент вооруженной борьбы национал-социалисты еще усилили свой антирелигиозный курс и тем резко увеличили количество своих врагов, а большевики отменили все преследования и поставили Церковь на службу советской власти и тем самым обезоружили многих своих политических противников. Это является дополнительным доказательством фактической тупости и близорукости Берлина и политической мудрости и дальновзоркости Москвы.

Это внешнее подобие и тождественность практических действий обеих этих противоположных политических идеологий бросались в глаза нам на каждом шагу. Разгром группировки Штрассера и чистка неугодного Гитлеру генералитета и офицерства проводились такими же методами и даже с такой же формулировкой, как и разгром правой и левой оппозиций у нас и чистка Красной армии в 1937–1938 гг. Заявление Гитлера, что закон — это он, вполне точно соответствует официальному советскому положению, что слово Сталина — закон. В Германии присуждали тысячи и тысячи людей к заключению в концентрационных лагерях или к смертной казни, исходя из так называемого «здорового народного чувства», а в Советском Союзе это же самое делали на основании «революционной совести».

Таких примеров можно привести сколько угодно, но и сказанного уже достаточно, чтобы вывести определенные заключения. Написав на своих знаменах лозунг борьбы против большевизма и ведя войну против советской власти, германский национал-социализм в своих практических мероприятиях шел по пути, проложенному советской властью, и копировал все методы и приемы большевизма, хотя и делал это на свой, прусский, манер. Парадоксальность и особенная нелепость положения заключались в том, что национал-социализм в процессе войны против Советского Союза проходил все те этапы развития и воспринимал те методы большевизма, от которых сама советская власть начала постепенно отказываться. В результате, к концу войны гитлеровский режим оказался во многих отношениях более «советизированным», чем была к тому времени сама советская власть, и идеологические причины войны, о которых так много кричали Гитлер и Геббельс, становились совершенно беспочвенными и непонятными.

Таково было впечатление всех советских граждан, с которыми мне приходилось сталкиваться. И повторяю еще раз, что речь идет о практических мероприятиях национал-социализма, его ежедневной практике, методах работы и структурных особенностях, а также о чисто практических тенденциях его развития. Но, как уже говорилось выше, в этой системе практика всецело доминировала над теорией, тем более что многие целевые установки национал-социализма держались в строгом секрете его вождями и были совершенно не известны не только иностранцам, но даже рядовым членам партии и большинству немцев. Совокупность этих обстоятельств чрезвычайно облегчила в свое время Гитлеру привлечение в ряды его партии многочисленных коммунистов и социал-демократов, но она также способствовала после войны обратному переходу, быстрому росту Коммунистической партии и легкому внедрению советской системы в Германии. Этот процесс совершается тем легче, что для многих сотен и тысяч и даже миллионов людей он не связан с ломкой ставших для них привычными практических сторон их политической жизни.

Не менее интересно также, как средний немец и в том числе рядовой член националсоциалистической партии и даже эсэсовец воспринимал советскую действительность и практическую сторону большевизма. Советские газеты писали, что немцы были поражены изобилием советской страны, ее высокой культурой, зажиточностью советских граждан и образцовым порядком социалистического хозяйства. Талантливая ложь Ильи Эренбурга, описывающего блестящим стилем и со свойственным ему мастерством, как немцы набросились в Советском Союзе на невиданные в голодной Германии курицы, яйца и масло, обошла весь мир. Германские газеты наоборот, писали о грязи, голоде и потрясающей нищете советских граждан и не жалели при этом самых мрачных красок. Истина, как и во всех остальных случаях, была где-то посередине и не совпадала ни с советской, ни с немецкой версией.

Первое впечатление немцев от жизни в Советском Союзе было действительно ужасным. В деревнях полуразвалившиеся избы с прогнившими соломенными крышами, убогое колхозное хозяйство, мелкий и худой скот, оборванные крестьяне и наши ужасные дороги с бесчисленными выбоинами и лужами, в которых немецкие машины завязали до ступиц и осей, и их приходилось вытаскивать волами. В городах — голодное, грязное и оборванное население, давно не отремонтированные дома, квартиры, наполненные клопами, закопченные кухни, допотопные булыжные мостовые и тротуары, по которым невозможно ходить без риска поломать ноги. Всюду потрясающая нищета, воровство, жульничество и хамство народа, измученного долголетней и ожесточенной борьбой за существование. И все это на фоне безграничных полей великолепной, плодородной земли, могучих лесов, многоводных рек, наполненных всякой рыбой, и многочисленных заводов и фабрик. Зрелище страшное, дикое и непонятное[922].

Немцы проходили по нашей стране сотни километров, встречали десятки городов и тысячи сел и везде наблюдали одну и ту же картину. Постепенно первое впечатление сглаживалось, и на смену ему приходили обобщения и логические выводы. Большинство искало объяснения непонятных картин незнакомой и чуждой страны, и вполне естественно напрашивалось сравнение со своей родиной, оставленной далеко на Западе. Это было не только естественно, но и приятно для национального самолюбия. По сравнению с Советским Союзом Германия казалась раем земным и ее национал-социалистические порядки — идеалом государственного устройства. Но проходили недели и месяцы, и чужая страна становилась более понятной и привычной. Картины нищеты перестали удивлять, и среди местного населения появлялись знакомые и даже друзья. Долгие разговоры с ними, а также между собой постепенно открывали завесу и связывали первые отрывочные впечатления в одну общую, цельную картину, название которой — Советский Союз.

К своему крайнему удивлению немцы обнаруживали, что наши оборванные и несчастные люди не только грамотны, но даже знают музыку и литературу лучше их самих. Обрывки нашего искусства, которые они могли видеть, казались им поразительными и восхищали их. Наши женщины и девушки оказывались более содержательными, чем немки, и даже поражали рядовых немцев

своими запросами, интересами и значительно более высокой нравственностью. Рабочие наши знали современные методы производства, а специалисты всех отраслей, особенно старые, были в курсе почти всех достижений немецкой техники. Советские солдаты дрались лучше всех прежних противников Германии, а советские генералы и офицеры проявляли временами высокое мастерство в ведении современного боя. Неудивительно, что фронтовики, возвращавшиеся из России, так возмущались геббельсовской пропагандой «унтерменшей» и постоянными криками Гитлера о нашествии диких азиатских орд. Рядовые немцы убеждались, что нищета и несчастное положение народа еще не является достаточной причиной для презрительного к нему отношения.

С другой стороны, чуждые и казавшиеся вначале дикими советские порядки постепенно становились более понятными. Десятки тысяч немецких тыловых работников, организовывая тыл своей наступающей армии, знакомились на практике с советским административным устройством, судопроизводством, организацией хозяйства, с колхозами, совхозами, заводами, фабриками, торговой сетью, учебными заведениями, музеями и театрами. И чем более они входили в курс нашей жизни, тем отчетливее проступало внешнее сходство между обеими противоположными системами: большевизмом и национал-социализмом. Так же как и советские граждане, немцы все чаще начинали говорить: «У вас почти все то же, что и у нас». Разница была только в том, что нам, советским гражданам, национал-социализм казался каким-то половинчатым и незаконченным большевизмом, а немцам советская система представлялась той уродливой целью, к которой неуклонно стремился германский национал-социализм. Это заключение я вывел не на основе каких-то отвлеченных, теоретических рассуждений, а из откровенных бесед со многими десятками и сотнями немцев и советских граждан самого разного служебного положения, профессии, пола и возраста. Таково массовое впечатление сотен тысяч людей.

Выводы, которые делали рядовые немцы из этого сравнения, были самые разные. Наиболее фанатичные последователи Гитлера утверждали, что гениальность их фюрера остановила Германию на полпути к большевизму и что только этим объясняется внешнее сходство двух систем. Эти люди не интересовались историей развития советской системы и намеренно закрывали глаза на неприятные для них факты практического развития национал-социализма. Другие без особенных раздумий «врастали» в большевизм и старались извлечь как можно больше личной пользы из эксплуатации знакомой системы. Таких было огромное большинство, особенно среди партийных чиновников различных немецких административных и хозяйственных организаций на занятых ими областях и республиках Советского Союза. Третьи пленились советской системой, созданными ею возможностями бесконечной эксплуатации всех слоев населения, контроля и подавления всякого выражения недовольства. Многие работники СД открыто выражали свое восхищение методами работы НКВД, а сотрудники германского министра сельского хозяйства Дарре[923] не скрывали, что колхоз им представляется наиболее выгодной для государства формой организации сельского хозяйства. Наконец, четвертые, особенно из тех, кто сблизился с местным населением и узнал от советских людей все подробности развития большевизму, ясно увидели, к какому конечному результату стремится германский националсоциализм, несмотря на все свои крикливые лозунги. Эту категорию составляли, главным образом, люди, еще ранее враждебно настроенные по отношению к гитлеризму и только укрепившиеся в своей враждебности после знакомства с Советским Союзом. Но я встречал среди этой группы также и прежних фанатичных партийцев, растерявших во время войны весь свой фанатизм.

В одном только были согласны все немцы, побывавшие в Советском Союзе, а именно в том, что антисоветская пропаганда Министерства Геббельса и других центральных немецких организаций была очень слаба и не раскрывала до конца всех особенностей своего основного политического противника. Для немецких верхов и в том числе для самого Гитлера Советский Союз до конца оставался неразгаданным сфинксом, хотя никакой особенной загадки он в себе не заключает.

Загадочен он только для тех, кто не хочет или не может его объективно изучать. Националсоциализм не победил и не мог политически победить большевизма в Советском Союзе, потому что у себя на родине он шел по его же практическому пути[924]. Поэтому в занятых областях Советского Союза немцы не отменяли советских порядков, а только кроили их по своей германской мерке и приспособляли для своих выгод. В результате такой политики Красная армия вошла в Берлин.

Приведенное выше сравнение большевизма и национал-социализма не претендует на полноту или глубокое научное обоснование. Это есть просто коротко подведенный итог народного мнения. Для действительно объективного и научного исследования этих двух систем еще не пришло время, и сложная политическая обстановка послевоенного периода заставляет многих сознательно закрывать глаза на очевидные факты. Однако каждый честный человек должен признать, что Гитлер и его единомышленники действительно представляли себе националсоциализм как некое противоядие против большевизма, хотя их методы лечения этой болезни и оказались губительными для человечества. Но, как это видно уже сейчас, еще гораздо более губительные результаты дает лечение от национал-социализма путем прививки большевизма, ибо это тот же самый яд, но только значительно более сильно действующий и привитый человечеству в гораздо больших количествах. Тем государственным людям Запада, которые ломают себе голову в тщетных поисках иммунитета против обеих разновидностей этой страшной болезни человечества, можно посоветовать прислушаться к мнению тех народов, которые уже переболели этой болезнью, а именно русского и немецкого, и не пытаются лечить дизентерию прививкой холеры.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А., журналистка 366

Абрамов Ф. Ф. 134

Абрамова-Разуваева К. И. 454

Абрамова-Разуваева В. 454

Абрамова-Разуваева М. 454

Авалов П. М., см.: Бермондт П. Р.

Авксентьев Н. Д. 133

Авторханов А. Г. 131

Айзенштат Я. 129

Акинчиц Ф. 32

Аксацкий В. 453

Аксман А. 557

Акулов Е. 138

Александр III 40, 554

Александр Ярославич, кн., св. блг. 343, 546, 550

Александров Г. В. 262

Александров К. М. 10, 130, 193, 206, 248, 376, 380-382
Александрова В., см.: Пирожкова В. А.
Алексеев В. И. 131, 138
Алексеев М. Ф. 428
Алексеенко С. 132
Алексиану Г. 346, 353
Алексютин И. Я. 501
Алёна, невзыскательная девушка 335
Алферчик (Павлов) Н. Ф. 131
Алфимов А. В. 357
Альбрехт К. И. (Альберт А. К.?) 443, 458, 555 Амфитеатров,
см.: Кадашев В. И.
Ананьев И. Д. 501
Андерс В. В. 29, 40¹
Андреев А. А. 284, 325, 527
Андреев М. Н. 500
Андрей, командир особой партизанской группы 199
Анна, св. 552
Антон К. 254
Антонеску Й. 345, 351–353, 359
Антоний (Романовский), епископ 446, 463
Антонович, доктор 25
Анчаров, актер 350
Апанасенко И. Р. 441, 455
Арендаренко, старшина 336
Арним фон, Ю. Г. 166
Аронсон Г. Я. 133 Архангельский
А. П. 135, 546 Аспид, см.:
Капралов А. Е.
Ася, агент 394-395

Ахатнин К. З. 134

Б., агент 412

Б., см.: Боженко И. С.

Бабель, капитан 383–384, 386, 389

Бабич, лейтенант 508

Бабкин В. Н. 127

Багазий В. П. 316–318, 330–331

Багазий И. В. 331

Багров А. Е. 502

Баерский В. Г. 373, 379, 381–382

Байдалаков В. М. 122, 126–128, 132, 546, 549

Бакшанский П. 137

Балицкий Г. В. 333, 342

Бандера С. А. 304, 328

Барановский В. Л. 460

Барбович И. Г. 134

Батов П. И. 507

Бах-Зелевски дем фон, Э. 510

Бахман, руководитель самоуправления 19

Бачинин А. Н. 501, 503, 505–507

Бевад С. И. 128

Бедный Д. 315, 330

Бежанов С. Г. 460

Безер Ф. К. 116, 123

Бек Л. 503, 557

Бекман Х. Ф. 254 БелайГ.

Д. [Р. К.?] 500, 510

Белецкий К. А., см.: Беяцкий К. Т.

Беликов Г. А. 430, 450–452, 454–455

Белов П. А. 441, 456
Белодед С. Ф. 357
Белоусов К. М. 442, 456
Белоусова-Лещенко В. Г. 358
Белый И. И. 450,465
Беляев Н. С. 460
Беляцкий К. Т. 447, 464 Бем, начальник
фельджандармерии 190 Бандера С.,
см.: Бандера С. А.
Бенигсен Георгий, священник 374
Бенуа А. Н. 548
Бер, зондерфюрер 407, 416
Беренс П. 544
Берия Л. П. 37, 218, 253, 256, 284–285, 537
Бермондт П. Р. 133
Берндт, майор 300–301
Бессонов И. Г. 174
Бетховен ван, Л. 265
Бискупский В. В. 548
Бисмарк фон, О. 535
Блат И. М. 175
Блюм, член Псковской ИГ 374
Блюменталь-Тамарин В. А. 548
Блюментрит Г. 195, 206
Блюхер В. К. 170, 173
Боборыкин Е. В. 448, 464
«Богданович», командир партизанской группы 338
Богданович П. Н. 548
Богушевский М. 360–361
Боженко И. С. 365–367, 371, 373, 375, 377, 380

Бойко М. 444,447
Болотин В. М. 123
Бондаренко М. 132
Борец, мл. командир 166
Борман М. 282,317,324
Ботя, зам. командира партизанской бригады 335
Бочаров А. М. 380
Бош Е. Б. 323 Бояров А.
И. 167–168, 506
Боярский В. И., см.: Баерский В. Г.
Бранд В. В. 132
Браухич 536
Брешко-Брешковский Н. Н. 548
Бржостовский М. С. 127
Броневой (Фабрикович?) С. 215, 252
Брунст Д. В. 132, 546, 549
Бублик П. 339
Бубнов, командир партизанского отряда 339
Бугуслаев В. Г. 338, 340, 344
Будённый С. М. 263–264, 338, 340, 344, 442, 456
Булак-Балахович С. Н. 39, 121, 379
Буланов, единоличник 165
Булгаков М. А. 444, 451,460, 523, 550
Булкин И. Г. 449, 465
Бульба Т. 310, 329
Бургдорф В. 508
Буряк Л. 360–361
Буткевич В. 240–241 246
Бухарин Н. И. 170, 172, 256, 502
Быков К. 322

Быстрицкий, партизан 360–361
Бялик, партизан 360
Бялик Е. 360

Вагнер Р. 310, 329
Вагнер Э. 121
«Валдман», агент 406
Вальтер, начальник вагона 544
Вальтер К. Ф. 135
Ванюшин А. Ф. 555
Варнеке Б. В. 357
Варфоломеев Г. Я. 165
Вас., см.: Васильев М. Ф. Василевский А. М. 455
Василевский М. 19
Васильев, генерал 478
Васильев К. 508
Васильев М. Ф. 370, 381
Васюков М. В. 137, 167
Ваулин, эсер 167
Вейсс В. 488, 507
Величковский М. И. 331
Вельтхайм фон, майор 480
Вера, сожительница капитана Кригля 116 Вербицкий Г. Г. 248
Вергун К. Д. 128, 132, 546, 549
Верёвкин С. И. 501
Вершигора П. П. 201–202, 204–205, 208, 344
Веселовский Н. П. 134
Виндеккер А. 377
Витковский В. К. 134
Витушко М. 19, 36

Вицлебен Э. 557

Вишне夫斯基, руководитель самоуправления 19

Вишняк М. В. 133

Владимир, св. равноап. кн. 60, 552

Владимир Кириллович, Вел. Кн. 133

Власов А. А. 101, 109, 111, 128, 130, 173, 248, 264, 322, 324, 362, 364, 368, 374, 376–379, 380, 382, 409, 441, 450, 455, 465, 497, 519–520, 524–525, 549, 553

Войцеховский С. Л. 548

Волновский Е. 132

Володя, партизан 338

Волошин А. 313, 329–330

Вор., капитан 370

Воробьёв, зам. бургомистра 464

Воровский В. В. 544

Воропонов П. Н. 138

Ворошилов К. Е. 142,260,284,325,456

Воскобойник К. П. 136–137, 155–158, 167–168, 170–171, 173–176, 474–476, 489, 506,510

Воцило Н. Ф. 506

Врангель Б. Г. 128, 138

Врангель П. Н. 33, 134, 218, 248, 257, 311

Вронский В. 350, 357

Высота А. Г. 138

Вышеславцев Б. П. 131

Вышинский А. Я. 284–285, 325

Вюнненберг А. 429

Вюрглер А. Э. 132

Гавринский В. 373, 382

Гайдаш, журналист 444

Галицкий К. Н. 129

Галкин, майор 500

Гальдер Ф. 31
Галя, агент 414
Гамарник Я. Б. 283
Ганжа, партизан 338
Ганзен, зондерфюрер 318
Гансбург Т. 437–438
Ганусовский Б. К. 547
Гарбузов В. Л. 167
Гарданов, партизан 339
Гартман Б. Г. 134
Гартман В. 187
Гатовский В. Н. 460
Геббельс Й. 282, 319, 321, 324, 442, 512, 521, 528–529, 535–536, 538, 541,556
Гегель Г. В. 285
Гекель, священник 433
Геңдин С. Г. 175
Генигфельд, СС штурмбаннфюрер 40
Георгиевский М. А. 126, 132
Георгий Победоносец, св. вмч. 169, 172, 175,475,553
Георгиу Э. 352, 358
Геринг Г. 269,282,287,298,321,328,513
Герман, персонаж повести и оперы «Пиковая дама» 357
Гермоген (Кожин), митрополит 446, 463
Герсдорф фон, Р. К. 121
Герулис, майор 12
Геттинг-Зеебург фон, В. 121
Гёрделер К.Ф. 164
Гёте И. В. 285
Гиль В. В. 380
Гильза цу унд фон, В. 480, 504

Гиляровский В. А. 130

Гиммлер Г. 36, 295, 317, 321, 328, 537

Гитлер А. 30–31, 33, 68, 71, 127, 162, 164–166, 181, 217, 239, 249, 251, 257, 275, 282, 293, 297, 303, 313, 320–321, 327, 331, 345–346, 402, 435, 454, 467, 512, 521, 530, 536, 538, 540–542, 545, 549, 557

Гладков Ф. В. 521, 549

Гладков С. 132

Глазков В. Г. 549

Глазунов А. К. 357

Глебов А. С. 120

Глугояну (Глогожяну), генерал 353

Гоголь Н. В. 308

Гогун А. 208, 258, 323, 327, 341–342, 344, 361, 467, 505, 507, 549

Годлевский В. 19, 34

Годунов Б. Ф. 350, 354, 550

Голдович А. И. 258, 323

Голенов Г. 433

Голиков Ф. И. 326

Головин Н. Н. 548, 554

Гончаров, лейтенант 327

Горбачёв Я. П. 167

Горецкий С. 241

Горин И. 132

Городнянский А. М. 505

Горянский В. И. 548

Горький М. 247–248, 308, 460, 550

Гот Г. 440, 455

Готтберг фон, К. 26, 36, 38, 131, 137

Гоутерманс Ф. О. 239 «Гр.
Ад.», см.: Краснов П. Н.

Градобоев Н., см.: Дудин Л. В.

Градов Л., см.: Духонин А. А.

Гранин Н. 374
Грачёв И. М. 380
Грейфе Г. 380
Грибков И. В. 166, 501
Григорьев В. Е. 507
Гринкевич С. 31 Гроза
П. 346, 353
«Громов», см.: Штеппа К. Ф.
Грот, капитан 455
Г. С., агент 412-413 Груби
А. О. 440
Гудериан Г. В. 249, 261
Гудько (Гутько) И. 209
Гумбольдт А. 543
Гуно Ш. 310,329
Гурский К. 127
Гусак П. А. 165
Гэммерлер, капитан 455
Гюнцель, военный чиновник 499

Даллин А. Д. 168, 173, 176, 189,208, 377, 452
Даллин Д. Ю. 133
Дан Ф. И. 133
Данилевич Т. Н. 138
Данчевич В. 189
Даров А., см.: Духонин А. А.
Дарре 541
Двинов Б. Л. 501
Делибалта И. Д. 138
Демессинне, майор 187

Денике Ю. П. 133
Деникин А. И. 218, 257, 311, 553
Деспотули В. М. 128, 134, 548
Дзержинский Ф. Э. 218, 255, 285, 537
Дзиган Е. И. 257
Дивнич Е. И. 138
Дмитриев Н. П. 133
Дмитриевский Н., см.: Польский Николай, священник
Дмитрий (Любимов), епископ 120 Днепров
Р., см.: Дудин Р. В.
Доватор Л. М. 441, 455
Довбор-Мусницкий Ю. Р. 41
Доллерт А. А. 502
Доманов Т. И. 138, 450, 551, 553, 555
Домбровский Г. К. 527
Доронович М. Ф. 444, 460
Драченко М. Г. 507
Драчук П. 360-361
Дрешер, сотрудник органов пропаганды 520, 526
Дробязко С. И. 38, 40, 166, 194
Дубинин, партизан 337
Дудин В. Л. 321
Дудин Л. В. 263, 321-322, 325, 330, 512, 542-543
Дудин Р. В. 330
Дудина (Афросимова) И. С. 321
Думбадзе Г. И. 356
Думбадзе Л. С. 356
Дунаевский И. О. 262
Дурново В. С. 138
Дурново М. С. 127

Духонин А. А. 445, 462

Духопельников П. М. 465

Дьяченко Ф. 449

Евангулов, подпольщик 464 Евангулов

Г. С. 548

Евдокимов Е. Г. 441, 455

Евреинов Н. Н. 548

Евстигнеев П. П. 428

Евфросинья Полоцкая, св. 92, 118

Егоров А. И. 170

Ежов Н. И. 120, 218, 251, 256, 285, 537

Езавитов (Езовитов) К. Б. 29, 39–40

Екатерина II 554

Елена, королева-мать Румынии 351, 358

Елена, св. равноап. 546

Емлютин Д. В. 176, 501, 504

Ермак, казачий атаман 552

Ермаков Василий, протоиерей 8

Ермаченко (Ермоченко) И. А. 19, 25, 33, 36, 209

Ермолов И. Г. 166, 501, 506, 509

Ершов В. Л. 523, 550

Ефремов А. Н. 134

Жадан П. В. 128, 375

Жданов А. А. 284, 325, 445, 527

Жеদিлягин Ю. П. 128

Жемчужин П. П. 134

Женька, невзыскательная девушка, агент 404–405

Жеребков Ю. С. 548

Жиленков Г. Н. 128, 369, 373, 379 380, 382

Жуков Г. К. 255,260,284, 325,455, 524

Завжалов Д. М. 132

«Загорский», агент 333 Зайцев

А. Н. 128, 133

Зайцев Б. К. 462

Закит З. 357

Закутный Д. Е. 549

Заукель Ф. 126

Заустинский (Заусцинский) А. П. 427

«Земля» (КПВ), инженер, см.: Воскобойник К. П.

Зезин С. А. 127

Зелёный, атаман, см.: Терпило Д. И.

Земцов М. Г. 445, 460

Зенгерн унд Эттерлин фон, Ф. 465

Зензинов В. М. 133

Зиглинг Г. 40

Зиновьев Г. Е. 256, 283

Зинченко В. П.380

Зорин А. (Цимбал А. М.) 458

Зубко, партизан 337

Зуцшин К. 132

Зуев М. Е. 64, 67, 79, 81–83, 91, 93, 98-100, 102–103, 112, 121, 123

Зыгин А. И. 115

Зыков М. А. 128–129, 374

Зюсс, персонаж кинофильма 535

Зязин Г. М. 118

И., см.: Иванов С. Н.

Иван, красноармеец 556
Иван IV 250
Иванин Р. Т. 168
Иванов, майор 192
Иванов С. Н. 121, 369, 373, 379–380
Иванов-Разумник Р. В. 548
Ивановский В. Л. 19, 34
Ивановский С. С. 460
Игнатъев В. Л. 120
Игорь, друг (?) Ю. Е. Суходольского 358
Иисус Христос, Сын Божий 227, 229, 247
Ильин И. А. 128, 130–131, 172
Ильинский П. Д. 42, 114, 116, 137
Ильяшевич Ф. 19
Имнадзе Е. С. 134
Инга, сестра милосердия 244
Иоанн (Шаховской), архиепископ 547
Иосиф (Петровых), митрополит 120
Иоффе М. 37
Ирецкая Н. А. 357

К., см.: Кромиади К. Г.

Каганович Л. М. 283–284, 325, 445, 461
Кадашев В. И. 548
Казанцев А. С. (Като Г. С.) 127–128, 165, 545
Казнаков Г. И. 127
Калинин М. И. 284, 325
Калинин П. З. 209 Кальтенбруннер
Э. 282, 324
Калюш Р., см.: Островский Р. К.

Каменев Л. Б. 256, 283

Каминская Е. И. 501

Каминский Б. В. 110, 115, 120, 131, 133, 136–138, 158, 166–168, 173, 472–486, 488–494, 496–498, 500–507, 509–511

Канарис Ф. В. 31, 260, 415, 429

Кандауров А. А. 128

Кандауров Д. П. 121, 383, 426–427

Кант И. 285, 418

Капкаев Ф. А. 500, 508, 511

Капралов А. Е. 444, 447

Капралов В. А. 501

Капуста Г. А. 506

Карасёв В. А. 337–338, 343

Кармелюк У. Я. 339

«Кармен», агент 332–333

Кармен, цыганка 350

Каров Д., см.: Кандауров Д. П.

Кароль II 352

Каруцкий В. А. 175

Касмович (Космович) Д. 19

Като Г. С., см.: Казанцев А. С.

Кафтаев, см.: Капкаев Ф. А.

Качаев, родственник Л. Н. Леонидова-Польского 448

Качалов В. Я. 455

Кашкетин (Скоморовский) Е. И. 443, 458

Кашников В. Н. 132 Каштанов

П. В. 188

Кейтель В. 130

Кентий А. 258, 323

Керенский А. Ф. 553

Кённеке, капитан 488

Кирий К. А. 128, 375
Кирилл (Смирнов), митрополит, св. 120
Кирпонос М. П. 258, 322
Киселёв Александр, протопресвитер 114
Киселёв В. 374
Клейст фон, Х. 386–388, 394–395, 404, 406–407, 414, 416, 427
Клейст фон, Э. 249, 427, 430, 432–433, 438, 447–448, 451, 453^54, 554 Клепиков Д. И. 116
Климович, инженер 19 Климушин
С. И. 368, 379
Климушкин, см.: Климушин С. И.
Клишко, комбриг 205
Клёц А. 221, 223, 227–228
Клёц Б. 221, 227–228
Клот-Гайденфельд фон, М. 239, 244–245, 247
Клоцман, продавец 261
Клыч Султан-Гирей 555
Клюге фон, Г. Г. 382
Кноп, барон 385
Коваленко А. 366–367
Коваленко М. 335
Ковалёв Б. Н. 129, 186
Ковалёв Н. Н. 118
Коваль, см.: Ковпак С. А.
Ковеза, старшина 336
Ковпак С. А. 201, 204, 208–209, 332, 334, 341–342, 344, 481, 505
Ковтюх Е. И. 170, 172–173
Козлов В. А. 124 Козлов
Д. Т. 543 Козлов Н. Т.
122
Козлов Ф. К. 118

Козловский В. 12, 31
Козубовская А. З. 219–220
Козубовский В. Ф. 219–221, 227
Козубовский Ф. 219
Козубовский Я. Ф. 220
Кокурин А. И. 124
Колков А. Г. 127, 138
Колокольцева А. В. 167
Колос А. 360–361
Колубович (Голубович?) Е. Ф. 11, 30, 40
Комаров, генерал-майор, см.: Корж В. З.
Комаров, офицер РОА 373
Коновалец Е. А. 311, 320, 329
Коновалов, партизан 336
Кононов В. М. 37
Кононов И. Н. 123, 187–188, 207, 551
Константин, св. равноап. 546
Конява-Фишер В. Г. 127
Корбут А., см.: Островский Р. К.
Коренюк Н. 465
Корж В. З. 204–205, 209
Корженевский В. В. 135
Корнеев В. И. 501
Корней (Черней?) Л. 360–361
Коробов Л. А. 201, 205, 208–209
Королёв В. И. 167
Короленко В. Г. 213, 216
Косинов Г. 132
Косиор С. В. 310, 329
Кох Э. 17, 33, 268, 282, 287–288, 291, 293–294, 296, 303, 312, 317, 321, 328, 331

Кошелев В. И. 181, 188
Кошлаков К. В. 138
Красноборова С. А. 545
Краснов Н. И. 551
Краснов П. Н. 464, 524–525, 548, 551–552, 555
Краснов С. Н. 555
Красносельский, см.: Кривохатский
Краусхаар, чиновник 488
Кременецкий, комиссар партизанского отряда 336 Крестовоздвиженский
Н., см.: Лучник Н. В.

Кривицкий А., см.: Островский Р. К.
Кривохатский, бургомистр 447, 463
Кригль, капитан Вермахта 116
Кристеску Е. 359, 361
Кришханов, партизан 337
Кромиади К. Г. 121, 369, 373, 380–381
Крупина Н. П. 118
Крупп А. 236, 239, 247
Крупп Г. 236, 239, 247
Крысан А. 249
Крыха фон, капитан 479–480
Крюков В. В. 507
Кубаткин П. Н. 428
Кубе В. 17, 25–26, 33, 36, 38, 126, 209
Кудимов Г. Г. 335
Кудря И. Д. 258
Кузкин Л. 338
Кузнецов, агент 392, 394
Кузнецов А. В. 249–250, 253, 258–259, 261, 324, 326–327
Кульбака П. Л. 204, 209

Кумейша Н. 199, 208
Кумминг Е. Л. 548
Куприн А. И. 460, 553
«Курица», агент 422
Курочкин, разведчик 399,405,410,412
Кутузов М. И. 326
Кучинский А. П. 323
Кушель Ф. В. 38, 40, 209
Кюхлер фон, Г. К. 377

Л., см.: Лабутина Т. П.
Лабутина Т. П., см.: Халили Т. П.
Лавренко, красноармеец 166
Лавриненко, партизан 337
«Лагодин», см.: Штеппа К. Ф.
Лакро, майор 187
Ламартин де, А. М. 163, 177
Ламмерс Г. Г. 282, 324
Лампе фон, А. А. 135, 546, 548
Ламсдорф Г. П. 381
Ландога И. И. 442, 456
Ланин А. В. 547
Лапин Н. Ф. 128
Ларина Т. 357
Лацис М. И. 285, 326
Лебедев Ф. Т. 374
Лебедев-Кумач В. И. 257, 262
Левитан Ю. Б. 434, 454
Левицкий С. А. 128, 548
Лей Р. 319, 331,535,557

Лейбельман М. 454

Лейббрандт Г. 520, 526, 548

Лейхтенбергский С. Н. 126

Лемичик, капитан 359

Ленин В. И. 142, 159, 162, 167, 176, 231, 260, 283–284, 292, 308, 326, 341–343, 420, 430, 526, 557

Ленский В. 357

Леонидов-Польский Л. Н. 430, 445, 450, 452

Лепёшкин, партизан 338

Лермонтов М. Ю. 308, 454

Лещенко П. К. 350, 357

Либман, надзиратель 125

Лигнау А. Г. 460

Лидия, невзыскательная девушка 335

Лиза, сестра милосердия 244, 246

Липковская (Маршнер) Л. Я. 350, 357

Литвин А. М. 36, 41

Литвинов М. М. 283–284, 326

Лифарь С. 548

Лобачёв В. 215

Лобачёва А. 215

Лобода А. М. 329

Лоевский Ф. Н. 116

Лозе Г. 33

Ломагин Н. А. 121–122, 327

Лосский Н. О. 131

Лошаков И. Я., см.: Воскобойник К. П.

Лоэнгрин, персонаж одноименной оперы 357

Лукашин, бургомистр 19

Лукин А. А. 337–338, 343

Лукницкий Д. С. 127

Луковкин Г. А. 552
Лучник В. Н. 445, 462
Лучник Н. В. 445, 447, 462
Лысенко Н. В. 329
Лютер А. Ф. 548

Мадан Л. А. 329
Мазалевский Н. В. 500
Майский И. М. 283–284, 326
Макаровы, организаторы самоуправления 159-160 «Максим»,
см.: Кудря И. Д.
Маленков Г. М. 256, 284, 325, 527
Малицкая Е. 360
Мальцев В. И. 40, 459
Малышкин В. Ф. 129, 374, 455, 548
Мамуков Е. И. 128
Манис Н. А. 116
Маниу Ю. 345, 352
Мануильский Д. З. 310, 329, 527, 555
Манштейн фон, Э. 543
«Мария», агент 332
Мария, Матерь Божия 246
Мария, подпольщица 117
Мария Магдалина, св. 356
Мария Николаевна, Вел. Кнж. 41
Маркевич, руководитель самоуправления 19
Маркс К. 258, 515
Мартин Г. Л. 527, 555
Мартино Б. Б. 127
Мартов Ю. О. 177

Маруся, невзыскательная девушка 338
Марфа, персонаж оперы «Царская невеста» 357
Марченко А. Я. 123
Марьяновский М. Г. 357
Маслов А. Г. 507
Матвей, кулак 122
Махно Н. И. 286, 311, 326, 381
Маша, колхозная свинья 445
Машуров, староста 504
Маяковский, фельдфебель 190
Меандров М. А. 128
Медведев Д. Н. 337–338, 343
Медынский А. И. 187
Мезенцев А. Г. 339
Мейер Г. А. 548
Мелких И. А. 138
Меллер-Закомельский А. В. 134
Мельник, командир партизанского соединения 334 Мельник А. 331
Мельник (Мельников) Ю. Д. 277
Мельников И. 360–361
Мельшиков С. А. 135
Менде Г. 14, 32, 526
Менжинский В. Р. 285, 326
Меньшагин Б. Г. 128
Меринг Ф. 258
Меркулов В. Н. 124, 253, 285, 326
Меркулов С. Н. 431, 447, 452
Меснянкин А. П. 440, 442
Меснянкин И. П. 440, 442
Месснер Е. Э. 547

Механик, командир партизанского соединения 334
Мигулин П. П. 548
Миддельгаупт, сотрудник органов пропаганды 520, 526
Микоян А. И. 460
Микула В. 29–30, 41
Милейко, партизан 335
Минаев В. В. 133
Минчуков Н. Н. 555
Миркович Е. Р. 128
Мироненко, каминец 477
Митька, доброволец 191–192
Михаил Александрович, Вел. Кн. 459
Михай I 351, 358
Михай Смелый, господарь Валахии 554
Михайленко А. 339
Миша, агент 401
Могилевич А. 215–216, 227, 229-230
Могилевич А., мл. 229-230
Модель В. 248
Молодцов В. А. 353, 358
Молотов В. М. 30, 284, 325, 461, 545
Мольтке фон, Г. Д. 260, 557
Мондич М. Д. 138
Мороз И. 118
Мороз Л. С. 120
Морозов, домовладелец 224
Морозов М. И. 167
Морозов С. П. 555
Мосин С. В. 137, 167–168, 173, 475–476, 487, 502, 506
Муноц А. 40

Мухин М. В. 120
Мэттэ К. Ю. 186
Мюллер, СС штандартенфюрер 437

Нагульнов М. 549
Надёжный Д. Н. 460
Назаров, партизан 338
Назаров А. М. 453
Наполеон I Бонапарт 290, 377, 513,543
Наронский (Неронский) И. Н. 19, 35
Науман В. 529, 556
Наумов В. И. 502
Наумов М. И. 334, 342
Негретое П. И. 138
Нейман, см.: Науман В.
Нелль-Бренинг фон, О. 131
Немирович-Данченко Г. В. 548
Нерянин А. Г. 555
Нетесин Д. А. 506
Нехлюдов Д. И. 550
Никитин, партизан 337
Никитин М. Н. 428
Никишин, партизан 338
Николаев А. Г. 502
Николаевский Б. И. 133, 502
Николаи В. 403, 428
Николай II 259, 552
Николенко, партизан 360
Никольский М. И. 124
Никулин Н. Н. 456, 555

Ниман Ю. М. 555
Ночёвкин, СС ваффен-гауптштурмфюрер 511

Овсянников, сотрудник полиции 447
Овчинников Г. Ф. 461
Огаоблин (Мезьюо) А. П. 224,259,330
Огроменко (Хроменко) Г. Д. 362, 364, 366–369, 374–375, 378, 380
«Озол», см.: Езавитов (Езовитов) К. Б.
Околович Г. С. 127–128, 132, 546
Октан М. 110, 136
Олег, доброволец 386–388
Ольга, невзыскательная девушка 335
Ольгский М. Л. 127, 546
Ольдерогте В. А. 460
Омельчук М. С. 165
Онегин Е. 308, 350
Онуфрий, св. 123
Осипова Л. 374
Осликовский Н. С. 556
Островский А. Н. 506
Островский Е. Р. 546
Островский Р. К. 19–20, 22–23, 27, 29–30, 35–36, 38
Офелия, персонаж трагедии «Гамлет, принц Датский» 357

П., см.: Пирожкова В. А.
Павел (Павлик), бывший священник 433
Павлов С. В. 34, 138, 187, 460, 464–465
Павловский, начальник полиции 464
Павлюченко С. Н. 167
Панасюк, партизан 339

Панкратов Г. И. 507
Паннвиц фон, В. 554
Паннвиц фон, Х. 524–525, 547, 554–555
Пантелеймон (Рожновский), митрополит 123
Пантюхов О. И. 127
Пасынков, партизан 336
Паулюс Ф. В. 440, 454 Пахалов
С. М. 437
Пашенный Г. 154–155
Пелипец С. В. 128
Пельхау Г., см.: Светозаров А. П.
Перацкий Б. 328
Перемышленникова Н. М. 465
Петлюра С. В. 218, 250, 257, 286, 303, 307, 311, 313, 320–321, 326, 328
Петров, красноармеец 555–556
Петров, майор 387
Петров Н. В. 251
Петровский Д. Б. 115, 123
Пётр, приятель А. С. Казанцева 545
Пётр 1250, 314, 427 Пилсудский
Ю. 41
Пирожков А. В. 375
Пирожкова В. А. 362–363, 368, 374–375, 377–378, 380–382
Пискарёв В. 190–192
Питирим (Круглов), епископ 376
Пласкобойник, начальник полиции 500
Платов М. И. 551
Плиев И. А. 441, 456
Плоткин А. А. 461
Подмосткин И. 462

Покрасс Дан. Я. 257
Покрасс Дм. Я. 257
Покровский К. Д. 356–357
Полежаев, доброволец 408–410
Полина, невзыскательная девушка 335
Половцев, партийный работник 215
Полуботько В. Т. 211–212, 223
Полуботько Т. 212, 223
Полчанинов Р. В. 128, 374–375, 381
Польская Е. Б. 451, 543–544
Польский Николай, священник 446
Поляков О. С. 138
Полян П. М. 126, 353
Понеделин П. Г. 455
Пономаренко П. К. 9, 206, 289
Пономарёв П. Д. 131, 138
Попель С., см.: Бандера С. А.
Попов, эсер 167
Попов В. 504
Попов М. М. 501
Попудренко, партизан 336
Попцова Н. 434, 454
Поремский В. Д. 132, 546
Порозов П. А. 118
Портнов С. П. 115
Постышев П. П. 310, 329, 461
Потапов Д. 138
Потапова Л. 502
Првдиц-Шляский Я. 125
Предслава, кнг., см.: Евфросинья Полоцкая

Приёмывшев, начальник тюрьмы 125
Прилуцкий Г. Е. 127
Прокопюк Н. А. 337–338, 343
Прометей, герой греческого эпоса 438
Прошин Н. И. 500,511
Прянишников Б. В. 127
Пуа Э. 188
Пугачёв А. А. 458
Пузино О. В. 548
Пустовойтов, майор 356
Путилов, руководитель разведгруппы 412–413
Пуччини Дж. 310, 329
Пушкарёв Б. С. 114, 457
Пушкин А. С. 308, 314
Пфедфер К. Г. 122
Пынтя-Видрашку Г. В. 346, 351, 353–354
Пянков Ю. 132
Пятаков Г. Л. 170
Пятницкий Н. В. 548

Рагуля (Роголя) Б. Д. 34
Рагуля (Роголя) В. 19
Рагуля (Роголя) М. 19
Радзивилл, кнг. 554
Раковский Х. Г. 170
Раневская Р. М. 350
Рванов Д. И. 334–335, 342
Редлих А.Ф. 130
Редлих Н. А. 130
Редлих Р. Н. 10, 128, 130, 132, 138, 172, 251,549

Редлих Ф. Ф. 130

Рейнгардт, чиновник 318–319, 321

Рейхенау фон, В. 249

Рембрандт Харменс ван Рейн 265

Рентельн фон, Э. 187, 429

Риббентроп И. 458

Римский-Корсаков Н. А. 310, 357

Рогач И. 262, 313, 315–318, 329

Роденвальдт Г. 131

Родзаевский К. В. 379

Родзько (Родько) В. 19, 25, 32, 35

Рождественский С. П. 548

Роза, невзыскательная девушка 335

Розенберг А. 33, 128, 152, 166, 206, 268, 271, 282, 291, 293, 297, 302–303, 312, 317, 321, 331, 520–521, 526, 531, 547–549

Рокоссовский К. К. 524, 550

Рокфеллер Д. Д. 549

Романько О. В. 40

Роммель Э. И. 512–513, 542–543

Рончевский Р. П. 127

Руднев С. В. 332, 341

Русанов А. Д. 342

Рутыч (Рутченко) Н. Н. 253–254

Рыбалкин А. И. 444

Рыков А. И. 170, 172, 256

Рюбзам, полковник 483, 488

С., см.: Сахаров И. К.

Сабуров А. Н. 333, 341–342

Сабуров Н. Д. 374

Савельев И.Ф. 165

Савченко С. Р. 338, 344
Саито, полковник 127
Саунок И. 221, 223, 233, 236, 239
Самутин Л. А. 543
Сандра, кондукторша 234
Саран А. Ю. 167
Сатин, персонаж пьесы М. Горького 550
Сахаров И. К. 121, 373, 380, 382, 543
Сахаров К. В. 382
Сахновский Н. И. 133
Свердлов Я. М. 256
Светозаров А. П. (Пельхау Г.) 133
Свинцов, механик 487
Свободин И. 374
Севастьянов, профессор 281 Сегеркранц
С. К. 460
Селиванов А. Г. 441, 456
Сельвинский И. Л. 435, 454
Селявин В. А. 350, 357
Семейкин, старшина 253–254
Семерик Ф. В. 250
Семён, агент 391, 395
Семён Михайлович, доброволец 421–422
Семёнов К. К. 40
Сенкевич А. 32
Сенников Б. В. 119
Серафим (Ляде), митрополит 92, 124, 547
Сергий (Воскресенский), митрополит 363, 376
Сергий (Страгородский), Патриарх Московский и всея Руси 120
Серов И. А. 253

Сидоренко М. 338, 340, 344
Сикорский В. 41
Силачѐв В. И. 122
Симановский П. Ш. 175
Симочка, агент 449
Синицкий Г. А. 194
Скалон Н. Д. 134
Скаржинский П. В. 133
Скоркин К. В. 251
Скородумов М. Ф. 547
Скоропадский П. П. 306–307, 311, 328, 523
Скотти фон, полковник 187
Смирнов В. А. 357
Смирнов И., см.: Дудин Л. В.
Снегурочка, персонаж одноименной оперы 357
Соболевский Г. А. 19, 25, 34
Соколов, майор 166
Соколов Н. А. 357
Соколовский Иоанн, священник 63–64, 67–70, 73, 75, 80, 83–84, 88, 93,96
Солдатенко А. Ф. 359–361
Солженицын А. И. 238, 257, 442,451, 458
Соловцов Н. Н. 296
Соловьѐв, красноармеец 166
Соловьѐв А. К. 41
Соловьѐв В. С. 463
Соловьѐв Г. 132
Соломоновский И. К. 190, 192-194
Солоневич Б. Л. 134, 458, 548
Солоневич И. Л. 134, 172, 442, 458
Солоневич Ю. Л. 134,458

Сохранов, агроном 447

Сошальский Д. 136–137

Спиридонов А. И. 128

Спица С. А. 127

Сталин И. В. 9, 30–31, 37, 41, 47^19, 64, 71, 82, 104, 122, 127, 142, 159, 162, 166–168, 170, 173, 181, 195–197, 216, 218, 226, 231, 238–239, 249–251, 255, 260, 283–285, 308, 331, 333–334, 336, 343, 345, 357, 374–375, 388, 400–402, 413, 418, 420, 425, 434–436, 441^142, 455, 460, 466, 468, 478, 484, 502, 521, 525–526, 536, 538, 544, 546, 549, 557

Станислав, св. 552

Станкевич С. 19, 34

Старов А. С. 136

Стаханов А. Г. 353

Сташинский Б. 328

Сташкевич Я. Х. 123

Стеенберг С., см.: Доллерт А. А.

Стенрос А. Г. 374

Степун Ф. А. 375

Стефан (Севбо), архиепископ 75, 123

Стецовский Ю. И. 119

Строк О. Д. 357

Строкач Т. А. 332, 341–342, 344

Субботин С. А. 546

Суворов А. В. 209, 314, 342

Сургучёв И. Д. 548

Судоплатов П. А. 329

Суровягин В. И. 176

Суслов М. А. 431, 443, 451

Суховей С. В. 116, 123

Суходольский Ю. Е. 354, 358

Сущенко И. 132

Таиров А. Я. 130

Тарановский А. Д. 460
Тарасенко Г. П. 460
Тарасов, майор 500
Тарасов С.А. 128
Тарновский М. В. 555
Тасс Т. 273–274
Татарик П. И. 165
Татьяна, невзыскательная девушка 335
ТаубертЭ. 526, 529, 555
Твен М. 434
Тверской Е. 345
Телига О. 330
Тенсон А. А. 128
Терешкин К. 167
Терпило Д. И. 286, 311, 326
Тимофеев Н. С. 450
Тимофеев-Ресовский Н. В. 462
Тимошенко С. К. 409, 428, 512
Титьен Г. 427
Тихон (Беллавин), Патриарх Московский и всея России, св. 120
Трифонов Р. И. 120
Токарев Ф. В. 194
Толстой А. К. 550
Толстой А. Н. 521, 549
Толстой Л. Н. 308, 314, 460, 550
Тося, агент 413–414
Тресков фон, Х. 121, 207
Троицкий, врач 115
Троцкий Л. Д. 283
Трухин Ф. И. 128, 132, 382, 460, 549

Тулинов А. Г. 404, 409, 418, 428
Туманова М. А. 138 Тумаш В. 31
Турбины, персонажи пьесы М. А. Булгакова 523,550
Туркул А. В. 134
Турлаков, майор 486
Туровецов Н. Н. 548
Туронок Ю. 136
Тухачевский М. Н. 170, 173, 404, 443, 459
Тюртюбин М. В. 354

Улагай С. Г. 449, 465
Ульрих В. В. 555
Ульянов Н. И. 329

Фабрикович С., см.: Броневова С.
Фауст, персонаж одноименной трагедии И. В. Гёте 357
Февр Н. М. 115,262,331,427
Фейхтвангер Л. 285, 326
Фекленко Н. В. 322
Фёдор Иоаннович, царь 550
Фёдоров, поручик 374
Фёдоров А. 465
Фёдоров А. Ф. 333–336, 338, 341–342
Филатов, майор 500
Филофей (Нарно), архиепископ 75, 123
Фирзанов (Фирсанов?), капитан 122
Флоренс А. 440
Фомин, член НТС 138
Форостовский Л. И. 331
Фостиков М. А. 449, 464

Франк С. Л. 128, 131
Франко Баамонде Ф. 121
Франко И. 296
Френкель А. 228
Фролов, капитан 359 Фролов
И. Д. 137, 500, 511
Фрошин, см.: Прошин Н. И.
Фрунзе М. В. 205, 381

Х., см.: Огроменко (Хроменко) Г. Д.
Х., офицер РОА 373
Хабарова З. А. 115, 125, 189,324
Хайнц, СС штурмбаннфюрер 380
Халили (Петровская) Т. П. 362,375,381
Харламов С. Д. 460
Хатукаев, репрессированный ставропольчанин 447
Херсени Т. 346, 353
Хихлуша, руководитель самоуправления 19
Хлобыстов И. 138
Хмельницкий Б. М. 208–209, 224, 253, 259, 342
Хомицкий, 1-йсекретарьСмоленского обкома ВКП(б) 122
Хомутов Г. Е. 137–138
Хопёрский М., см.: Земцов М. Г.
Хохлов С. С. 501
Хроменко Г. Д., см.: Огроменко Г. Д.
Хрущёв Н. С. 201, 208, 256, 263, 284, 289,310, 341
Хубе Г. В. 249

Цейтцлер К. 130
Целик, мл. командир 166
Циркуненко В. 338

Цуранов П. Ф. 327

Цыганков, член НТС 138

Чайковский П. И. 310, 329

Чапаев В. И. 188, 257

Чаплин А. М. 165

Чаплин Ч. 235

Часовников П. Г. 349, 356

Чебан И. Д. 345, 352

Чеботарёв, полковник 551

Чекалин Ю. 445–446

Черников П. 379

Чернышов В. В. 124

Черняховский И. Д. 524, 550

Чехов А. П. 130, 308

Чичерин В. В. 501

Чижов, партизан 334

Чукарёв М. 323

Чуперка Н. 352

Чупрунов А. А. 138

Чухнов Н. Н. 547

Ш., майор 401

Шавыкин И. П. 500,510

Шалдыкин Н. 132

Шалимов, бургомистр 136

Шамиль, имам 441, 455

Шапошников Б. М. 284, 325

Шарапов В. И. 461

Шаталин С. С. 452

Шатов М. В., см.: Каштанов П. В.
Шауб И. Ю. 467, 505, 507
Шварц, инженер 474
Шверник Н. М. 527, 555
Шевченко Т. Г. 212, 259
Шейдербауер А. 116, 557
Шекспир В. 237
Шенкендорф фон, М. 121, 123, 193–195, 198, 206–207
Шеремет Н. 334, 341–342
Шиллер Ф. 285
Ширах фон, Б. 557
Ширинкина А. Е. 128
Широков, партизан 338
Ширяев Б. Н. 444, 447, 450, 459, 548
Шкелёнок Н. 31
Шкуро А. Г. 524–525, 550, 555
Шмелёв И. С. 548
Шмеллинг, см.: Тулинов А. Г.
Шмидт, предприниматель 356
Шмидт А. 441
Шмидт Р. 482–483, 503, 505, 508
Шмидт-Деккер Ф. 482
Шолохов М. А. 433, 453, 521, 549
Шорий, партизан 338
Шредер, доктор 235
Шрёдер Ф. 254
Штакельберг фон, М. Д. 466
Штауффенберг фон, К. Ф. 557
Штеппа А. К. 210–212, 218, 223
Штеппа В. Л. 210

Штеппа К. Ф. 210, 233, 247–248, 319, 331

Штеппа К. Э. 229

Штеппа Э. К. 210, 228–229, 244, 247

«Штирк», агент 404

Штифанов Н. Г. 128

Шторх А. С. 135

Штрассер Г. 283, 324, 538

Штраух Э. 36

Шубко, доброволец 408–410

Шуев К. С. 378

Шульгин Ф. Д. 135

Шульц М. 447

Шульце, капитан 423 Шумский

А. 132 Шурка,

невзыскательная девушка,

агент 391

Шюле, зондерфюрер 445

Щербачков А. С. 527, 555

Щеров И. П. 9, 208

Щорс Б. 19

Эбергардт, генерал-майор 316

Эбергардт, капитан 390, 396

Эйзенштейн С. М. 550

Энгельс Ф. 258, 353

Эренбург И. Г. 269, 323, 539, 556

Эрн Н. Ф. 135

Эрхард Г. 554

Эрхард Л. 131

Юденич Н. Н. 393, 428, 553

Юркин И. Я. 209

Явлинский Г. А. 452

Ягода Г. Г. 218, 256, 537

Якир И. Э. 170, 283

Яненко Н. Г. 194, 207

Яровский, диктор радио 442

Dallin A. 30, 114, 164, 186, 207, 352

Nikolaevsky B. 322, 374, 427

Pannwitz von, H. 554

Pronin A. 208

Solomonovsky I. 193

Wlassow A. 376-377

СОКРАЩЕНИЯ

Авт. кол. — авторский коллектив

АН СССР — Академия наук СССР

АН УССР — Академия наук УССР

АО — автономный округ ап —
артиллерийский полк

АССР — автономная советская социалистическая республика БАМ

— Байкало-Амурская магистраль

б. г. — без года (издания) бел.

— белорусский

БКО — Белорусская краевая оборона

б. м. — без места (издания)

БНР — Белорусская народная республика

БПЦ — Белорусская Православная Церковь

БССР — Белорусская ССР

БЦР — Белорусская Центральная Рада

БШПД — Белорусский штаб партизанского движения быв.

— бывший

ВВС — военно-воздушные силы

ВДВ — воздушно-десантные войска

ВК ВС СССР — Военная коллегия Верховного суда СССР

ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический союз молодежи

ВО — военный округ

ВС КОНР — Вооруженные силы КОНР ВСЮР

— Вооруженные Силы Юга России

вт. ч. — в том числе

ВУ КОНР — Военное управление КОНР

В ЦИК — Всероссийский (Всесоюзный) центральный исполнительный комитет

ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов

ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности

—
вып. выпуск

га — гектар

ГА БО — Государственный архив Брянской области

ГАНИ СО — Государственный архив новейшей истории Смоленской области

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

ГА СК — Государственный архив Ставропольского края

ГБ — государственная безопасность ГДР —

Германская демократическая республика ген. —

генерал

ГКО — Государственный комитет обороны

ГКЦ — Греко-Католическая Церковь

ГПУ — Государственное политическое управление гр.

— грамм

ГРУ — Главное разведывательное управление

ГСРОД — группа содействия РОД

(Псковская) губ. — губерния

ГУГБ НКВД — Главное управление госбезопасности НКВД

ГУКВ — Главное управление казачьих войск

ГУКР «СМЕРШ» — Главное управление контрразведки «СМЕРШ»

ГУЛАГ — Главное управление лагерей

ГУЛЖДС — Главное управление лагерей железнодорожного строительства

ГФП — (от нем. GFP — Geheime Feldpolizei) — Тайная полевая полиция

Д. — дело

д. — деревня док.

— документ

ДОГТР — Дом принудительных работ

зав. — заведующий зам. —

заместитель

ЗапсибВО — Западно-Сибирский ВО

—
ИГ — Инициативная группа

и. д. — исполняющий должность

и. о. — исполняющий обязанности

ИПХ — Истинно-православные христиане

ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь к/а

— красноармеец

КавМинВоды — Кавказские Минеральные Воды

КБС — Корпус белорусской самообороны

КВО — Киевский ВО

КГБ СССР — Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР

КиУР — Киевский УР кл. — класс (применительно к наградам) км — километр Кн.

— книга кнг. — княгиня

КОВ — Комитет объединенных власовцев

КОВО — Киевский особый ВО

КОНР — Комитет освобождения народов России коп.

— копейка

Королевство СХС — Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев

КП(б)Б — Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии

КП(б)У — Коммунистическая партия (большевиков) Украины

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

КФССР — Карело-Финская ССР

Л. — Ленинград (место издания)

Л. — лист

ЛАА — Личный архив Александрова К. М.

Л.-гв. — Лейб-гвардия

ЛГУ — Ленинградский государственный университет

ЛенВО — Ленинградский ВО М. —

Москва мат-в — материалов мбр

— механизированная бригада

—
МВД СССР — Министерство внутренних дел СССР

МГБ СССР — Министерство государственной безопасности СССР

МГУ — Московский государственный университет

МИД — Министерство иностранных дел

МК ВКП(б) — Московский комитет ВКП(б)

МХАТ — Московский художественный академический театр

НКВД СССР — Народный комиссариат внутренних дел СССР

НКГБ СССР — Народный комиссариат госбезопасности СССР НСДАП (от нем.

NSDAP — National-Sozialistische Deutsche Arbeiterpartei) —

Националсоциалистическая рабочая партия Германии нем. — немецкий НСПР —

Народная социалистическая партия России

НСТПР — Национал-социалистическая трудовая партия России

НТС — Народно-Трудовой Союз (российских солидаристов). С июля 1930 по декабрь 1931 —

Национальный Союз русской молодежи (НСРМ), с декабря 1931 по февраль 1936 —

Национальный Союз нового поколения (НСНП), с февраля 1936 по ноябрь 1942 —

Национально-Трудовой Союз нового поколения (НТСНП), с ноября 1942 по июль 1945 —

Национально-Трудовой Союз (НТС), с июля 1945 по июль 1957 — Национально-Трудовой Союз (российских солидаристов), с 7 июля 1957 — Народно-Трудовой Союз (российских солидаристов)

НТСНП — см. НТС нэп — новая экономическая политика (1921–1926)

о. — отец (для лиц духовного звания)

об. (об). — оборот (листа, страницы)

обл. — область обр. — образец о-в

— остров

ОГПУ СССР — Объединенное государственное политическое управление СССР

ОД — (от нем. OD — Ordnungsdienst) — Служба по поддержанию порядка ок. —

около

ОКВ (от нем. OKW — Oberkommando der Wehrmacht) — Верховное командование Вермахта

ОКВ/ВПр. (от нем. OKW/WPr. — Oberkommando der Wehrmacht/ Wehrmachtspropaganda) — отдел пропаганды ОКВ

ОКР «СМЕРШ» — отдел контрразведки «СМЕРШ»

ОКХ (от нем. OKH — Oberkommando des Heeres) — Верховное командование сухопутных войск

—
ОМСБОН НКВД — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД

Оп. — опись

ОРВС — Объединение Русских Воинских Союзов

ОСВАГ ВСЮР — Осведомительное агентство ВСЮР

ОУН-Б — Организация украинских националистов (С. Бандеры)

ОУН-М — Организация украинских националистов (А. Мельника)

офлаг (от нем. Offizierlager) — офицерский лагерь ПВС СССР —

Президиум Верховного Совета СССР пер. — перевод

ПП ОГПУ — Полномочное представительство ОГПУ

ПриВО — Приволжский ВО

Прим. — примечание прп. —

преподобная (святая) ред. —

редактор, редакция

РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия р-н
— район

РННА — Русская национальная народная армия

РОА — Русская Освободительная армия

РОВС — Русский Обще-Воинский Союз

РОД — Русское Освободительное движение

РОНА — Русская освободительная народная армия

РПЦЗ — Русская Православная Церковь Заграницей

РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия

РСДРП(б) — РСДРП (большевиков)

РСФСР — Российская советская федеративная социалистическая республика руб.
— рубль

РФ — Российская Федерация С.
— страница

с. — село

СА (от нем. SA— Sturmabteilungen) — штурмовые отряды, военизированные формирования
НСДАП

САФ — Союз Андреевского флага

Сб. — сборник

СБОНР — Союз Борьбы за освобождение народов России св.
— святой (святая)

с. г. — сего года

СД (от нем. SD — Sicherheitsdienst) — Служба безопасности

СКВ — Совет казачьих войск

СКВО — Северо-Кавказский ВО

СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения см.
— сантиметр

СНК СССР — Совет народных комиссаров СССР сост.
— составитель

СПб. — Санкт-Петербург

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет

СПО ОГПУ — Секретно-политический отдел ОГПУ

Ср. — сравним

СС (от нем. SS — Schutzstaffel) — охранные отряды, вооруженные элитные формирования НСДАП

ССР — советская социалистическая республика СССР
— Союз Советских Социалистических Республик ст. —
статья (уголовного кодекса) ст. — степень
(применительно к наградам)

США — Соединенные Штаты Америки

Т. — том

ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза тыс.
— тысяча

УВО — Украинский ВО

УГБ НКВД — Управление госбезопасности НКВД

УК РСФСР — Уголовный кодекс РСФСР

УНКВД — Управление НКВД

УНР — Украинская народная республика

УНС — Украинский национальный совет

УПА — Украинская Повстанческая армия
УР — укрепленный район
УССР — Украинская ССР
УФСБ — Управление ФСБ
УФСК — Управление ФСК
Ф. — фонд
ФРГ — Федеративная Республика Германия
ФСБ — Федеральная служба безопасности
ФСК — Федеральная служба контрразведки
Цит. — цитируется
ЦК — Центральный комитет
ЦЧО — Центрально-Черноземная область
ЦЩПД — Центральный штаб партизанского движения ЧК
— Чрезвычайная комиссия
шталаг (от нем. Mannschaftstammlager) — лагерь постоянного пребывания экз.
— экземпляр
БНС — Беларуска народна самапомач
БСА — Беларуская Самаахова
Арк. (от укр. — аркуш) — лист (архивный)
Спр. (от укр. — справа) — дело (архивное)
ЦДАГО — Центральний державний архів громадських об'єднань
АОК — Armeeeoberkommando
ВА-МА — Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg, BRD)
BAR — Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive (New York, USA)
HIA — Hoover Institution Archives, Stanford University (Palo-Alto, USA).
Ic — Abteilung für Feindnachrichten und Abwehr
MSg. — Militärgeschichtliche Sammlungen

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ АВТОРОМ-СОСТАВИТЕЛЕМ

Неопубликованные источники:

I. Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg, BRD) Sammlung

Vladimir Pozdniakoff:

Militärgeschichtliche Sammlungen 149/3. Deutsche Besatzung in der Sowjetunion, Osttruppen, Frühzeit der Vlasov-Bewegung.

1. N. Начало Русского Освободительного Движения на Юге [РСФСР].

Машинопись.

2. Двинов Б. Л. Против течения / Сб. документов и материалов. № 2. Нью-Йорк, 1954.

Militärgeschichtliche Sammlungen 149/29. Korrespondenzen über die Befreiungsbewegung der Völker Rußlands (ODNR).

3. Дудин Л. В. Автобиография.

II. Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive (New York, USA)

Collection M. F. Vasiliev:

4. Воспоминания. Рукописи 1–3 (1960–1962).

Collection T. N. Danilevich:

5. Поход обреченных. Машинопись (1955–1956).

Collection D. Dallin:

6. Иванов Б. Почему мы не хотим возвращаться в СССР. Рукопись (до 1955).

Collection Y. Meier:

7. Жизнь и настроения партийцев (членов первичных партийных организаций) за период 1920–1940 гг. по подлинным документам архива обкома Западной области (Смоленск). Машинопись (б. г.).

Collection ROVS:

8. Коробка № 140. Папка «ROVS Organizational Records. I otdel /1940-1946 concerning French provinces». Информация № 70/11 Тулузского района РОВС от 25 декабря 1943.

III. Hoover Institution Archives, Stanford University (Palo Alto, USA) Collection A. Dallin:

Box 2.

Folder 2-14.

9. Выдержки из записей Д. Ю. Даллина о разговорах с «ди-пи» в Европе в 1948.

Box 5.

Folder 5–9.

10. Степанов Д. [Сошальский Дм.] История «Российской Национал-социалистической партии» в Минске (февраль — май 1944). Машинопись.

Folder 5-10.

11. Манифест от 25 ноября 1941 Народной социалистической партии России.

Типографский оттиск; воззвание инженера «Земля» (КПВ). Типографский оттиск.

Folder 5-14.

12. Русские военные формирования при немцах. Машинопись.

Box 6.

Folder 6–3.

13. Колубович (Голубович?) Л. Белорусские коллаборационные Вооруженные Силы. Машинопись.

Folder 6–8.

14. От РННА к РОА (Записки о возрождении Русской Национальной Народной Армии. Осинторфская попытка). Машинопись.

Folder 6-24.

15. Bericht des Generals Wlassow in Mogilew, 14.III. 1943. Einsatzstab Reichsleiter

Rosenberg frier die besetzten Gebiete Hauptarbeitsgruppe Ostland. Sonderkommando im Operationsgebiet der Heeresgruppe Mitte.

16. Bericht des Vertreters des A. A. beim Reichskommissar fuer das Ostland, Windecker, betr. den Propaganda-Auftrag des Generals Wlassow, 18.IV. 1943.

Box 8.

Folder 8–8.

17. Каров Д. Республика Зуева. Машинопись.

18. Каров Д. Антисоветские и антинемецкие партизаны в России во время войны 1941-45 гг. Машинопись.

Folder 8-16.

19. Каров Д. Партизанское движение в Белоруссии. Машинопись.

20. Организация советского партизанского движения в Белоруссии, 1941-44 гг.

Подпольная политическая деятельность. Машинопись.

Collection S. S. Maslov:

Box 5.

21. Маслов С. С. Колхозная Россия. Истоки, насаждение и жизнь колхозов.

Значение для сельского хозяйства, крестьянства, государства. Природа, эволюция и будущее. Машинопись.

IV. Российский государственный военный архив (РГВА, Москва) Ф.

25880. Оп. 5.

22. Д. 25.

Ф. 34980. Оп. 5.

23. Д. 144.

24. Оп. 14. Д. 36. Ф. 37837. Оп. 3.

25. Д. 421.

26. Оп. 21. Д. 10.

V. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ, Подольск Московской обл.)

27. НСБ № 572.

28. № 10109.

29. № 5467.

30. Ф. 37А. Оп. 9205. Д. 1.

VI. Личный архив Александрова К. М.

31. Бачинин А. Н. Самоуправляющийся округ Локоть, 1941–1943: автономный коллаборационистский режим. Комплект документов и материалов из фондов ГА БО (Ф. 1650, 2521, 2590, 2608) [1993].

32. Воспоминания жителей пос. Локоть Н. А. Чикетова и А. Ф. Чубаковой [15–16 июля 1994 (пос. Локоть Брасовского р-на Брянской обл.)]. Фонотека.

33. Гогун А. Из докладной записки от 13 мая 1943 писателя Н. Шеремета 1-му секретарю ЦК КП(б)У Н. С. Хрущеву о состоянии партизанского движения и населения на оккупированной немцами территории Украины. Берлин, 2007 [копия; по материалам ф. 1 ЦДАГО Украши].

34. Гогун А. Из оперативного отчета командования 1-й Украинской партизанской дивизии им. Ковпака начальнику УШПД Т. А. Строкачу за период с 5 января по 1 апреля 1944. Берлин, 2007 [копия; по материалам ф. 63 ЦЦАГО Украши].

35. Гогун А., Кентий А. 1941: Взорванный Киев как часть тактики выжженной земли. Новые документы. Берлин; Киев, 2007 [копия].

36. Западный штаб партизанского движения. Перевод дневника боевых действий № 3 командующего генерала охранных войск и командующего тылом группы армий «Центр» Шенкендорфа с 1 июля по 31 декабря 1942 года с приложениями [по материалам ф. 8 ГАНИ СО].
37. Перелыгин А. И. Русская Православная Церковь на Орловщине в годы политических репрессий [копия].
38. Полчанинов Р. В. (Нью-Йорк). Письмо от 12 сентября 2007 К. М. Александрову.
39. Рогачев М. Б. Репрессированные российские немцы в Коми АО — Коми АССР [копия].
40. Рутыч (Рутченко) Н. Н. Бой у деревни Уторгш 15 июля (?) 1941 с арьергардом 8-й танковой дивизии Вермахта. Интервью, 30 августа 2006 (Париж).
41. Смирнов В. А. Астрономия в Одессе в 1930-1940-е гг. XX века (по материалам архивноследственных дел и другим документам). Одесса, 1996 (?) [копия].
42. Dienstliste. Gen.-Lt. Helmuth v. Pannwitz (1898–1947).
43. Pronin A. G. Guerrilla warfare in the German-occupied soviet territories 1941–1944 / A Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of Georgetown University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Washington, 1965.

Опубликованные источники:

1. Айзенштат Я. Записки секретаря военного трибунала. Лондон, 1991.
2. Александров Е. А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь / Под ред. К. М. Александрова, А. В. Терещука. СПб., 2005.
3. Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945. Биографический справочник / 2-е изд. М., 2009.
4. Андреев Е. М., Царский Л. Э., Харькова Т. Л. Население Советского Союза 1922–1991. М., 1993.
5. Вербицкий Г. Г. Остарбайтеры. История россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию во время Второй мировой войны / Изд. 3-е. СПб., 2004.
6. Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция / Под ред. Р. Рюрупа. Берлин, 1992.
7. Война и судьбы. Вторая мировая, без ретуши. Трагедия казачества. Сб. № 5 / Сост. Н. С. Тимофеев. Невинномысск, 2005.
8. Волков С. В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004.
9. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. Т. II. От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании (1.7.1940 — 21.6.1941). М., 1969.
10. Гогун А. Черный пиар Адольфа Гитлера. СССР в зеркале нацистской пропаганды. М., 2004.
11. Гудериан Г. В. Воспоминания солдата. Смоленск, 2001.

12. Двинов Б. Л. Против течения. Сб. № 2. Нью-Йорк, 1954.
13. Днепров Р. На смерть брата. Памяти Николая Градобоева // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1984. 5 февраля.
14. Дудников В. С. Воспоминания старого казака о пережитом и размышления о настоящем // Материалы по истории Русского Освободительного Движения 1941–1945 / Под общ. ред. А. В. Огорокова. Т. I. М., 1997.
15. 907 дней оккупации. Дневник Юрия Евгеньевича Суходольского / Вступит. статья и публ. В. Солодовой // Одесса (Одесса). 1997. № 5–6.
16. Езовитов К. Б. Воспоминания / Публ. А. Хацкевича // Неман (Минск). 1993. № 3.
17. Жадан П. В. Русская судьба. Записки члена НТС о Гражданской и Второй мировой войне. М., 1991.
18. Залесский К. А. Вермахт. Сухопутные войска и Верховное командование / Уникальная энциклопедия М., 2005.
19. Залесский К. А. Вожди и военачальники Третьего рейха. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.
20. Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.
21. Зензинов В. М. Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную армию 1939–1940. Нью-Йорк, 1944.
22. История сталинского ГУЛАГа. Массовые репрессии в СССР. Т. I / Отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко; Т. II / Отв. ред. и сост. Н. В. Петров. Отв. сост. Н. И. Владимирцев; Т. VI / Отв. ред. и сост. В. А. Козлов. Сост. О. В. Лавинская. М., 2004.
23. Казанцев А. С. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом/ 3-е изд. М., 1994.
24. Кокурин А. И. Эвакуация заключенных из тюрем НКВД СССР в 1941–1942 годах // Военноисторический архив (Москва). 1997. № 2.
25. Корнилов А. А. Духовенство перемещенных лиц / Биографический словарь. Нижний Новгород, 2002.
26. Кудряшов С. В. Была и такая партия // Родина (Москва). 1993. № 11.
27. Лубянка. ВЧК-ОГПУ НКВД-НКГБ-МГБ-МВ Д-КГБ 1917–1960. Справочник / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. Научный ред. Р. Г. Пихоя. М., 1997.
28. Лубянка в дни битвы за Москву. Сб. документов и материалов / Сост. В. К. Виноградов, А. Т. Жадобин, В. И. Жилияев, В. В. Марковчин, Н. М. Перемышленникова, Ю. В. Сигачёв. М., 2002.
29. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. Сб. документов и материалов / Сост.: В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2004.
30. Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «СМЕРШ» 1939 — март 1946. Сб. документов и материалов / Сост.: В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2006.
31. Минаева Н. В. Люди русского сопротивления. М., 2004.

32. Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. [Л., 1976]. СПб., 2007. 33. Неизвестная Россия. XX век. Архивы. Письма. Мемуары / Под ред. В. А. Козлова, С. И.
- Вакунова, И. С. Давидян, С. М. Завьялова, И. Н. Маликовой, Л. Л. Пушковой, Н. В. Тепцова, Н. А. Тесемниковой. Т. III. М., 1993.
34. Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Сост. по 1 янв. 1909. СПб., 1909.
35. О создании партизанских отрядов и диверсионных групп для действий в тылу противника. Записка наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия И. В. Сталину 8 августа 1941 г. // Известия ЦК КПСС (Москва). 1990. № 9.
36. Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 193Ф-1941. Справочник / Под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М., 1999.
37. Пирожкова В. А. Потерянное поколение: воспоминания о детстве и юности. СПб., 1998.
38. Письмо в редакцию // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1967. 19 марта.
39. Поздняков В. В. Андрей Андреевич Власов / Сб. материалов и документов. Сиракузы, 1973.
40. Полчанинов Р. В. Т. П. Халили // За свободную Россию (Нью-Йорк). 2004. Дек. № 27 (56).
41. Польская Е. Б. Это мы, Господи, пред Тобою... Невинномысск, 1998.
42. Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / Сост. Г. Ф. Заставенко, Т. А. Иллерицкая, А. М. Козочкина, И. М. Лобанихина, В. В. Морозов, Ю. Г. Мурин, Б. П. Тихомиров. М., 1985.
43. Рындин Вл. РННА // Вестник СВОД (Мюнхен?). 1950. № 9/10.
44. Сабуров А. Н. За линией фронта. Петрозаводск, 1965.
45. Самутин Л. А. Я был власовцем... СПб., 2002.
46. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. Справочник / Сост. М. Б. Смирнов. Ред. Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. М., 1998.
47. Солоневич И. Л. Россия в концлагере. М., 1998.
48. Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995.
49. Тимофеев Н. С. Война и судьбы. Невинномысск, б. г. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в пяти томах 1927–1939 / Главный ред. совет В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола и др.
50. Т. II. 1929–1930 / Ред. Н. Ивницкий, В. Виноградов, Л. Виола и др. / Сост. Н. Ивницкий, М. Кудюкина, Е. Хандурина и др. М., 2000.
51. Т. III. Конец 1930–1933 / Ред. коллегия тома: И. Зеленин (отв. ред.), В. Виноградов, Л. Виола, В. Данилов, Л. Двойных и др. / Сост.: В. Данилов, И. Зеленин, В. Кондрашин и др. М., 2001.
52. Т. V. 1937–1939. Кн. I. 1937 / Ред.: В. Данилов, Р. Маннинг, В. Виноградов и др. / Сост.: В. Данилов, Р. Маннинг, Н. Охотин и др. М., 2004.

53. Трушнович Я. А. Русские в Югославии и Германии в 1941–1945 гг. / Публ. и коммент. К. М. Александрова // Новый Часовой (СПб.). 1994. № 2. 54. 1941 год. Документы в двух книгах / Сост. Л. Е. Решин, Л. А. Безыменский, В. К. Виноградов, Д. Д. Воробьев, Ю. А. Горьков, В. П. Гусаченко, Л. А. Двойных и др. Под ред. В. П. Наумова. Кн. И. М., 1998.
55. Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями на 1 июля 1938. М., 1938.
56. Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Сб. документов и материалов / Ред. И. Арад. Иерусалим, 1992.
57. Февр Н. М. Солнце восходит на Западе. Буэнос-Айрес, 1950.
58. Хабарова З. А. Дневник, 1939–1944 // Крым в Великой Отечественной войне. Дневники, воспоминания, исследования / Гл. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. В. Ефимов. М., 2003.
59. Черного Е., К-ов А., Ч-ов П., К-нер К, К-нер А., Богдадский А. В оккупированной Одессе // Посев (Лимбург-на-Лане). 1950. 22 октября. № 43 (230).
60. Шейдербауер А. Жизнь и смерть на Восточном фронте. Взгляд со стороны противника. М., 2007.

Печать:

Голос Крыма. Орган печати Симферопольского городского самоуправления.

61. № 39 (45). 15 Мая 1942.
62. № 40 (46). 17 мая 1942.
63. № 44 (50). 31 мая 1942.
64. № 40. 2 апреля 1943.
65. № 71. 16 июня 1943.
66. № 146 (285). 5 декабря 1943.
67. № 152 (291). 19 декабря 1943.
68. № 8 (302). 16 января 1944.

Литература:

1. Абрамян Э. Кавказцы в Абвере. М., 2006.
2. Авторханов А. Г. Происхождение партократии. Т. II. ЦК и Сталин. Франкфурт-на-Майне, 1983.
3. Александров К. М. Армия генерала Власова 1944–1945. М., 2006.
4. Александров К. М. Второе крепостное право. Очерки по истории коллективизации сельского хозяйства в СССР, 1929–1933 // 1 сентября. История (Москва). 2005. 1-15 октября № 19 (786); 16– 31 октября. № 20 (787); 1-15 ноября. № 21 (788).

5. Александров К. М. Оккупация отдельно взятого региона. История неизвестного самоуправления / Рецензия на книгу И. Г. Ермолова и С. И. Дробязко «Антипартизанская республика» (М., 2001) // Посев (Москва). 2002. № 5.
6. Александров К. М. Русские солдаты Вермахта / Сб. статей и материалов. М., 2005.
7. Андреева Е. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. Лондон, 1990.
8. Арзамаскин Ю. Н. Заложники Второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М., 2001.
9. Араловец Н. А. Потери населения России и СССР в конце 20-х — 30-е годы в историографии // Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции / Сб. научных трудов. М., 1994.
10. Аронсон Г. «Парижский вестник» — прогитлеровский орган на русском языке (Опыт характеристики) // Новый журнал (Нью-Йорк). 1948. Кн. XVIII.
11. Бахвалов А. П. Пути и судьбы. СПб., 2000.
12. Батгиев В. С. Власов. Франкфурт-на-Майне. Т. I. 2001; Т. II. 2003.
13. Беликов Г. А. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 — январь 1943. Ставрополь, 1998.
14. Быков К. Киевский «котел». Крупнейшее поражение Красной Армии. М., 2007.
15. Безыменский Л. А. Германские генералы — с Гитлером и без него. М., 1964.
16. Васильев А. Н. В час дня, Ваше превосходительство... М., 1973.
17. Васильев А. Н. От документа — к книге // Вопросы литературы (Москва). 1971. № 3.
18. Владимов Г. Н. Новое следствие, приговор старый // Знамя (Москва). 1994. № 8.
19. Водолажская В. «Без сигналов и огней...» // Ставропольская правда. (Ставрополь). 2005. 8 апреля.
20. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков. Т. III. М., 1985.
21. Галай Н. Партизанское движение в СССР в годы Второй мировой войны. Общие причины возникновения партизанской борьбы в минувшую войну // Вестник института по изучению истории и культуры СССР (Мюнхен). 1953. № 4.
22. Геллер М. Я., Некрич А. М. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 г. до наших дней. Лондон, 1986.
23. Герэн А. Серый генерал. М., 1971.
24. Гилязов И. Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха». Казань, 2005.
25. Голдин В. И. Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск, 2005.
26. Грибков И. В. Хозяин Брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская Освободительная Народная Армия и Локотское окружное самоуправление. М., 2008.

27. Двинов Б. Л. Пораженчество и власовцы // Новый журнал (Нью-Йорк). 1954. Кн. XXXIX.
28. Днепров Р. «Власовское» ли? // Континент (Париж). 1980. № 23.
29. Дробязко С. И. Местное самоуправление на оккупированных территориях РСФСР (1941–1944) // Российская государственность: опыт и перспективы изучения / Материалы межвузовской научной конференции 1–3 июня 1995. М., 1995.
30. Дробязко С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских Вооруженных Сил 1941–1945. М., 2004.
31. Дугас И. А., Черон Ф. Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994.
32. Ермолов И. Г. Локотская республика и бригада Каминского, или «Шумел не просто Брянский лес». Скрытые страницы войны. Орёл, 1999.
33. Ермолов И. Г. Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления 1941–1943. М., 2009.
34. Ермолов И. Г., Дробязко С. И. Антипартизанская республика. М., 2001.
35. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996.
36. Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004.
37. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов в 2 т. / Сост. и авт. вступительной статьи И. Н. Смирнов. М., 1992.
38. История пенитенциарной системы России в XX веке / Сборник материалов международного научного симпозиума. Вологда, 2007.
39. Исупов В. А. Смертность населения в тыловых районах России в 1941–1942 годах // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции / Сб. научных трудов. М., 1994.
40. Карель П. Восточный фронт. Кн. I. Гитлер идет на Восток 1941–1943. М., 2003.
41. Ковалёв Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944. М., 2004.
42. Коровин В. В. История отечественных органов безопасности. М., 1998.
43. Коростелёв О. А. Газеты русского зарубежья 30–40-х годов: «Новое слово» (Берлин, 1933–1944) и «Парижский вестник» (1942–1944) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение. РЖ / РАН. ИНИОН. М., 1999. № 2.
44. Крикунов П. И. Казаки между Гитлером и Сталиным. Крестовый поход против большевизма. М., 2005.
45. Крысий М. Ю. Прибалтийский фашизм. История и современность. М., 2007.
46. Ленивов А. К. Под казачьим знаменем в 1943–1945 гг. Материалы и документы. Мюнхен, 1970.
47. Литвин А. М. Белорусская Краевая Оборона. К вопросу о создании белорусского национального войска в годы Второй мировой войны // Неман. 1994. № 4.
48. Литвин А. М. Проблема коллаборационизма и политические репрессии в Белоруссии 40-х — 50-х годов // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997.

49. Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. В 2 т. СПб.; М., 2002.
50. Лопуховский Л. Н. Вяземская катастрофа 41-го года. М., 2006.
51. Маевский Вл. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Взаимоотношения России и Сербии. Т. II. Нью-Йорк, 1966.
52. Маннинг Р. Т. Политический террор как политический театр // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах 1927–1939 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинга, Л. Виолы и др. Т. V. 1937–1939. Книга 1-я. 1937. М., 2004.
53. Маньков С. А. Русские добровольцы в составе Валлонского легиона, 1941–1945 гг. // Новый Часовой. 2006. № 17–18.
54. Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу 1939–1941 гг. М., 2002. 55. Мерцалов В. С. Трагедия российского крестьянства (Анализ колхозной системы). Лимбург-наЛане, 1948.
56. Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Т. I. М., 1994.
57. Немчинский А. Москва заминированная // Совершенно секретно (Москва). 1995. № 4.
58. Никифоров Ю. А. Лавровая петля генерал-лейтенанта А. А. Власова // Военно-исторический журнал (Москва). 2007. № 5.
59. Николаевский Б. И. Пораженчество 1941–1945 гг. и ген. Власов (Материалы для истории) // Новый журнал. 1948. Кн. XVIII; кн. XIX.
60. НТС. Мысль и дело 1930–2000 / Под ред. Б. С. Пушкарева. М., 2000.
61. Овчинников А. И. Документы говорят — 1941 год // Краеведческие записки. Вып. III. Орёл, 1999.
62. Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против российских немцев / Сб. статей и материалов. М., 1998–1999.
63. Очерки большевизмоведения / Авт. — сост. Р. Н. Редлих, Н. И. Осипов, С. А. Левицкий. Франкфурт-на-Майне, 1956.
64. Перелыгин А. Орловская епархия в 1941–1945 // Истории русской провинции (Орёл). № 12.
65. Перемышленникова Н. М. Героизм и трагедия 2-й Ударной армии (по материалам и публикациям ЦА ФСБ России) // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. II. М., 2006.
66. Перов О. Со справедливостью тянуть нельзя. Адвокат Василия Кононова Михаил Иоффе о рассмотрении «дела Кононова» в Страсбургском суде // Вечерняя Москва. 2007. 10 апр.
67. Под оккупацией в 1941–1944 гг. / Авт. — сост. Гогун А., Таратухин К., Грибков И., Джолли Т., Матвеева Р., Полчанинов Р. Статьи и воспоминания. М., 2004.
68. Полян П. М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996.
69. Посадский А. В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905–1945 годах. Саратов, 2004.

70. Правда Виктора Суворова-2. Восстанавливая историю Второй мировой / Сост. Д. Хмельницкий. М., 2007.
71. Прокопович С. Я. Народное хозяйство СССР. В 2 т. Нью-Йорк, 1952.
72. Псков. Очерки истории / Авт. кол. JL, 1971.
73. Равдин Б. А. На подмостках войны. Русская культурная жизнь Латвии времен нацистской оккупации (1941–1944). Стэнфорд. Пало-Альто, 2005.
74. Рар Л. А., Оболенский В. А. Ранние годы. Очерк истории Национально-Трудового Союза (1924–1948). М., 2003.
75. Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. Париж, 1977.
76. Редлих Р. Я Советское общество. Очерки большевизмоведения. Книга 2-я. Франкфурт-на-Майне, 1972.
77. Решин Л. Е. Коллаборационисты и жертвы режима // Знамя. 1994. № 8.
78. Саран А. Ю. Аграрная политика оккупационных властей на Орловщине в 1941–1943 гг. //Краеведческие записки. Вып. 3. Орел, 1999.
79. Семёнов К. К. Войска СС. Солдаты как все. М., 2004.
80. Сенников Б. В. Тамбовское восстание 1920–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. М., 2004.
81. Сидоров С. Г. Введение // Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы / Под ред. профессора М. М. Загоруйко. М., 2000.
82. Смыслов О. С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006.
83. Соколов Б. В. Георгий Жуков. Триумфы и падения. М., 2003.
84. Соколов Б. В. Красный колосс. Почему победила Красная Армия? М., 2007.
85. Соколов Б. В. Оккупация. Правда и мифы. М., 2002.
86. Солженицын А. И. Собр. соч. в семи томах. Т. V, VII. Архипелаг ГУЛАГ 1918–1956. Опыт художественного исследования. Ч. I–II, V–VII. Вермонт; Париж, 1980.
87. Солженицын А. И. 200 лет вместе. Часть II. М., 2002.
88. Соловьев А. К. Белорусская центральная рада: создание, деятельность, крах. Минск, 1995.
89. Стеенберг С. Власов. Мельбурн, 1974.
90. Стецовский Ю. И. История советских репрессий. Т. II. М., 1997.
91. Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998.
92. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942–1943 гг. М., 2005.
93. Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000.
94. Толстой-Милославский Н. Д. Жертвы Ялты. Париж, 1988.

95. Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.
96. Уильямсон Г. СС — инструмент террора. Смоленск, 1999.
97. Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966.
98. Фёст И. Адольф Гитлер. В 3-х т. Пермь, 1993.
99. Френкин М. С. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921 гг. Иерусалим, 1987.
100. Хаупт В. Сражения группы армий «Север». М., 2006.
101. Хоффманн И. История власовской армии. Париж, 1990.
102. Чистяков К. А. Российская политическая эмиграция в Берлине во второй половине 1930-х гг. // Русский Берлин 1920–1945 / Международная научная конференция 16–18 декабря 2002. М., 2006.
103. Чуев С. Г. Проклятые солдаты. М., 2004.
104. Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь. (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М., 2002.
105. Щеров И. П. Коллаборационизм в Советском Союзе 1941–1944: типы и проявления в период оккупации. Смоленск, 2005.
106. Щеров И. П. Партизаны: организация, методы и последствия борьбы (1941–1945). Смоленск, 2006.
107. Б'шас І. Репресивно-каральна система в Украт 1917–1953. В 2 кн. Кшв, 1994.
108. Кшв у дш нацистсько'ї навали. За документами радянських спецслужб. Киш; Льв1в, 2003.
109. Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні. Париж; Нью-Йорк; Льв1в, 1993. 110. Полгичш репресії на Подїш (20-30-і рр. ХХ ст.) / Авт. кол. В. Ю. Васильев, С. Л. Калитко, П. М. Кравченко, Р. Ю. Подкур. Вшниця, 1999.
111. Caballero C. J., Lyles K. Foreign volunteers of the Wehrmacht 1941–1945. Hong Kong, 1993.
112. Dallin A. German rule in Russia 1941–1945. A Study of Occupation Policies. London, 1957.
113. Dallin A. The Kaminsky Brigade: A Case-Study of Soviet Disaffection// Revolution and Politics in Russia. Essays in Memory of B. I. Nicolaevsky. Indiana UP, 1972.
114. Davies N. Rising'44. The Battle for Warsaw. N. Y., 2005.
115. Fischer G. Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War II. Cambridge, 1952.
116. Hoffmann J. Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. München, 1995.
117. Huxley-Blythe P. J. Under the St. Andrew's Cross: Russian and Cossack Volunteers in World War II 1941–1945. N. Y, б. г.
118. Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich. V. 4. San-Jose, 1994.

119. Michaelis R. Die russische Volksbefreiungsarmee «RONA» 1941–1944. Russen im Kampf gegen Stalin. Erlangen, 1992.
120. Munoz A. J. Hitlers Eastern Legions. Vol. II. The Osttruppen. N. Y., 1997.
121. Munoz A. J. The Kaminsky Brigade: A History, 1941–1943. A Study of the employment of Russian Collaborator forces in anti-guerrilla warfare. N. Y., 2003.
122. Munoz A. J., Romanko O. ^Hitler's White Russians: Collaboration, Extermination and Anti-partisan Warfare in Byelorussia, 1941–1944. N. Y., 2003.
123. Newland S. J. Cossacks in the German army 1941–1945. GB, 1991.
124. Neulen H. W. An deutscher Seite: Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. München, 1985.
125. Seidler F. W. Die Wehrmacht im Partisanenkrieg. Militärische und völkerrechtliche Darlegungen zur Kriegführung im Osten. Selent, 1999.
126. Seidler F. W. Die Kollaboration 1939–1945. München, 1995.
127. Thorwald J. The Illusion: Soviet Soldiers in Hitler's Armies. N. Y., 1975.

Материалы Интернета:

1. Дунаев Ф. Не марайте подвиг. Открытое письмо «диссертанту» // http://www.admin.debryansk.ru/region/history/guerilla/pril3_collaboration.php
2. Крылов А. Великая Отечественная война: кавказский фактор // Золотой лев. № 61–62 <http://www.zlev.ru/n61.htm>

Автор провел большую исследовательскую работу с коллекциями документов и материалов, которые малодоступны для наших ученых. А широкий читатель о жизни в оккупации до сих пор почти ничего не знает. Особенно это касается человеческого поведения в разных обстоятельствах и бытовых деталей (например, работы социальных учреждений, зарплат и снабжения, уровня жизни). Воспоминания и документы, собранные и прокомментированные К. М. Александровым, требуют внимательного чтения и серьезных размышлений. Но теперь трудно сделать вид, будто их вовсе не существует. Трагическая картина жизни наших несчастных соотечественников, брошенных в тылу врага, становится более реалистичной. В этом заключается польза и значение этой печальной книги, несмотря на то что принять некоторые свидетельства сложно и горько.

Ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, доктор исторических наук А. Н. Цамутали (Санкт-Петербург)

Материалы сборника содержат важные и неизвестные свидетельства о повседневной жизни населения на оккупированных территориях Советского Союза и специфике партизанского движения. Особенно привлекают внимание воспоминания русского эмигранта (Д. П. Кандаурова), оказавшегося в 1941 году на родине после двадцатилетней эмиграции, и советского доцента (Л. В. Дудина), выехавшего в 1942 году из Киева в Германию. Указанные мемуары позволяют

сопоставить реакцию и впечатления двух современников, оказавшихся волею судеб в совершенно непривычных социальных условиях и новой обстановке. Очень интересны многочисленные детали и частные подробности, касающиеся бытовой и хозяйственной жизни гражданского населения, о чем до сих пор малоизвестно.

Некоторые оценки автора-составителя в комментариях неизбежно носят дискуссионный и полемический характер. Но ценность большого фактического материала, который вводится в научный оборот, не вызывает сомнений. Поэтому сборник «Под немцами», безусловно, заслуживает публикации и займет должное место в ряду важных источников по истории войны, оккупации и эмиграции.

Старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, кандидат исторических наук В. Ю. Черняев (Санкт-Петербург)

Кирилл Александров известен нам как квалифицированный специалист по истории Второй мировой войны, в частности, по сложной проблеме сотрудничества между оккупантами и советскими людьми. Серьезная работа по выявлению неизвестных документов и материалов, которую он ведет многие годы в разных архивах, в том числе в коллекциях Гуверовского архива Стэнфордского университета, имеет большое значение и продолжает традицию таких известных специалистов, как Борис Николаевский и Александр Даллин.

Отдел русских коллекций Гуверовского института при Стэнфордском университете считает положительным фактом публикацию своих документальных материалов в специальных научных изданиях, выходящих в России, которые сопровождаются ссылками, указателями и профессиональными комментариями.

Куратор коллекции России и СНГ кандидат исторических наук А. В. Шмелёв (Пало-Альто, США)

Два-три года германской оккупации части территории нашей страны до сих пор остаются в сознании очень многих людей провалом, причем полным едкого тумана предательства. В свое время, иронизируя над таким подходом, А. И. Солженицын в «Архипелаге» написал целый абзац, смысл которого сводился к тому, как вообще могли жить, есть, пить, дышать, работать, любить русские люди на оккупированной врагом территории. А вот, оказывается, могли и относились к оккупации очень различно — от полной ненависти к захватчикам до благодарности освободителям от гнета коммунистического режима. Вся эта палитра чувств представлена К. М. Александровым в документах того времени и в воспоминаниях современников, переживших оккупацию.

Досадно, что очень важная глава «Русские в Третьем рейхе» представлена только одним текстом. Это, правда, иная тема, не «под оккупацией», и она также достойна отдельной книги с публикацией не только воспоминаний, довольно многочисленных, но и документов соответствующих германских служб, а может быть, и оккупационных властей СССР и союзников.

Настоящая книга К. М. Александрова скорее кладет начало заполнению этого пробела нашего исторического знания, чем исчерпывает тему.

Профессор МГИМО(У), ответственный редактор книги «История России. XX век», доктор исторических наук А. Б. Зубов (Москва)

Материалы сборника затрагивают неизвестную тему культурного и бытового сближения местных жителей и оккупантов под влиянием вынужденного совместного сосуществования. В этой связи, например, нельзя не отметить любопытные свидетельства о культурной и научной жизни в оккупированной Одессе.

Собранные автором документы и воспоминания интересны и познавательны, несмотря на неизбежный субъективизм мемуаристов. В полной мере они показывают трагедию незащищенного гражданского населения и многообразие человеческих поступков в экстремальных условиях противоборства двух репрессивных систем. Объективно большинство материалов касается серьезной социальной проблемы — поведения частного лица, маленького обывателя, обреченного быть жертвой жестокой вооруженной борьбы непримиримых противников. Важно, что автор-составитель включил в сборник материалы, касающиеся оккупации в разных областях СССР. Это позволяет оценивать положение населения с учетом специфики региона и оккупационной политики. Труд К. М. Александрова заслуживает высокой оценки.

Доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета СПбГУ, кандидат исторических наук И. Ю. Шауб (Санкт-Петербург)

Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник. Составитель Кирилл Михайлович Александров

Директор издательства В. В. Яковлев

Зав. редакцией Т. В. Вольская

Зав. производством С. Б. Байкова

Художественный редактор Н. И. Баранов

Верстка А. В. Александрова

Корректор Н. А. Риммер

Подписано в печать 15.03.2011 г. Формат 60х90'/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 38. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 317

Петербургское лингвистическое общество 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-911, лит. Тел. (812) 972-10-26

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»» 198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38/2.

Тел.: 786-87-13, факс: 786-88-74 II.

Президент БЦР.

4. Во главе БЦР стоит Президент, назначенный 2-м Всебелорусским Конгрессом.

1 Необоснованность данного утверждения П. К. Пономаренко убедительно показал в своей монографии смоленский исследователь И. П. Щеров. См.: Щеров И. П. Партизаны: организация, методы и последствия борьбы (1941–1945). Смоленск, 2006. С. 360–365. И. П. Щеров,

анализируя советские и немецкие документы о потерях, пришел к выводу о том, что общие потери противника в результате действий партизан в годы войны не превышают 25 тыс. человек, оказавшись в 64 раза меньшими по сравнению с цифрами П. К. Пономаренко.

2 Цит. по: Редлих Р. Н. Предатель. Роман. Мельбурн, 1981. С. 201–202.

3 Как с этим явлением ни боролась немецкая полиция, поделаться ничего не могла: уж больно любили немецкие шоферы водку. — Прим. Д. К.

Историко-документальный сборник. Составитель К. М. Александров

Энциклопедический отдел ИФИ Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета серия «Aurora borealis»

Редакционная коллегия серии «Aurora borealis»

К. М. Александров, С. И. Богданов, П. Е. Бухаркин, А. А. Масленникова, В. В. Яковлев

ББК 11633(2)622.5

Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / Составитель К. М. Александров. — СПб.: Скрипториум, 2011. — 608 с.

ISBN 978-5-905011-06-1

В сборнике опубликованы воспоминания, свидетельства и документы, посвященные повседневной жизни населения, деятельности местных органов самоуправления, террору и вооруженной борьбе на оккупированных территориях Советского Союза в 1941–1944 годах. В научный оборот вводятся новые источники, которые выявлены составителем в результате многолетних занятий в Гуверовском архиве Стэнфордского университета, и другие малоизвестные материалы.

Научные рецензенты: ведущий научный сотрудник СПБНИ РАН д. и. н. А. Н. Цамутали, старший научный сотрудник СПБНИ РАН к. и. н. В. Ю. Черняев,

куратор коллекции России и СНГ Гуверовского архива Стэнфордского университета к. и. н. А. В. Шмелёв,

д. и. н., профессор МГИМО(У) А. Б. Зубов,

доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета СПбГУ к. и. н. И. Ю. Шауб

Научный редактор: к. и. н., доцент СПбГУ, главный редактор журналов «Новый Часовой», «STUDIO» и альманаха «Русское прошлое» А. В. Терещук

Полная или частичная перепечатка любых материалов сборника возможна только при получении письменного разрешения издательства и составителя сборника

ISBN 978-5-905011-06-1

© Петербургское лингвистическое общество. Скрипториум, 2011

© Александров К. М., составление, комментарии, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

От автора-составителя 8

Глава I. БЕЛОРУССИЯ 11

Е. Ф. Колубович. Оккупация Белоруссии немецкой армией и коллаборация местного населения 11

П. Д. Ильинский. Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии. (Жизнь Полоцкого округа 1941–1944 годов) 42

Общественный инстинкт и попытка государственного строительства в условиях немецкой оккупации западных областей России 139

Немецкая оккупация Белоруссии в 1941–1944 годах 178

И. К. Соломоновский. Русские дети в рядах РОА 190

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

М. фон Шенкендорф, генерал пехоты. Сообщение об обстановке от 10 октября 1942 года 195

Письмо командира особой партизанской группы — начальнику отдела труда русского самоуправления 199

Результаты партизанских операций на железнодорожных коммуникациях в тылу группы армий «Центр» за период с апреля 1943 года по май 1944 года (по данным штаба группы армий «Центр») 200

Докладная записка от 23 июня 1944 года военного корреспондента «Правды» капитана Л. А. Коробова — члену Политбюро ЦК ВКП(б), секретарю Центрального Комитета КП(б)У тов. Н. С. Хрущёву. 201

Глава II. КИЕВ 210

Э. К. Штеппа. Из воспоминаний 210 Л.

В. Дудин. В оккупации 263

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Из радиogramм 1943 года начальнику Украинского штаба партизанского движения комиссару госбезопасности III ранга Т. А. Строкачу. 332

Из дневника за 1943 год Г. В. Балицкого, командира партизанского отряда им. Сталина Черниговско-Волынского соединения 333

Докладная записка бывших партизан соединения им. Будённого В. Г. Буслаева и М. Сидоренко наркому госбезопасности УССР С. Р. Савченко о поведении партизан соединения 338

Глава III. ОДЕССА 345

Е. Тверской. Румынская оккупация области между Бугом и Днестром в 1941–1944 годах и ее политические и экономические черты 345

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Сообщение директора румынской спецслужбы «Сигуранца» Е. Кристеску премьер-министру Румынии И. Антонеску и ряду других лиц о людоедстве в одном из партизанских отрядов одесских катакомб 359

Глава IV. СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ ОБЛАСТИ СССР 362

Русские и РОА в Пскове, 1943 год 362

Каров Д. П. Немецкая оккупация и советские люди в записках русского офицера Абвера, 1941–1943 годы 383

Глава V. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ 430

Письмо Л. Н. Леонидова-Польского — Г. А. Беликову. 430

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

М.-Д. фон Штакельберг. Положение в Терской области по состоянию на сентябрь 1942 года 466

Глава VI. ЛОКОТСКОЙ САМОУПРАВЛЯЮЩИЙСЯ ОКРУГ 468

Документы и материалы 468

Глава VII. РУССКИЕ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ 512

Л. В. Дудин. Нацистская Германия глазами советского доцента 512

Именной указатель 559

Сокращения 577

Источники и литература, использованные автором-составителем 584

Примечания

Примечания к "ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ"

1

Необоснованность данного утверждения П. К. Пономаренко убедительно показал в своей монографии смоленский исследователь И. П. Щеров. См.: Партизаны: организация, методы и последствия борьбы (1941–1945). Смоленск, 2006. С. 360–365. И. П. Щеров, анализируя советские и немецкие документы о потерях, пришел к выводу о том, что общие потери противника в

результате действий партизан в годы войны не превышают 25 тыс. человек, оказавшись в 64 раза меньшими по сравнению с цифрами П. К. Пономаренко.

2

Цит. по: Предатель. Роман. Мельбурн, 1981. С. 201–202.

(обратно) (обратно)

Примечания к "Б. Ф. Колубович. Оккупация Белоруссии немецкой армией и коллаборация местного населения":

При подготовке ряда биографических справок и комментариев использованы опубликованные результаты исследований 1990-х годов белорусских историков А. К. Соловьёва и А. М. Литвина, которым автор приносит сердечную благодарность.

3

Колубович [может быть Голубович] Евгений Фёдорович (1913, дер. Тихичи Рогачевского уезда Могилевской губ. — ?) — белорусский общественно-политический деятель. В 1930 осужден. До оккупации — учитель средней школы № 31 Минска, методист наркомата просвещения БССР. В оккупации — председатель Белорусского культурного объединения, член Комитета доверия (1943). С дек. 1943 член БЦР, и. о. начальника отдела культуры. На II Всебелорусском конгрессе БЦР (27 июня 1944) выступал с докладом «Об окончательном разрыве Белоруссии с большевистской Москвой и о лишении большевиков голоса в делах Белоруссии», по результатам обсуждения которого конгресс принял решение не признавать БССР как форму государственного устройства Белоруссии, принудительно навязанную большевиками. Участвовал в деятельности БЦР в Германии, после 1945 — в эмиграции на Западе.

Источник: Hoover Institution Archives, Stanford University. Collection A. Dallin. Box 6. Folder 6-12. Машинопись на русском языке (1948–1951).

(обратно)

4

Окончательное решение о нападении на Советский Союз А. Гитлер принял вскоре после безрезультатных переговоров с председателем Совнаркома и наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым, состоявшихся 12–14 ноября 1940 в Берлине. Внешнеполитические требования, выдвинутые 25 ноября советской стороной в качестве непереносимых условий участия в четырехстороннем пакте о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи между Германией, Италией, СССР и Японией, Гитлер не мог удовлетворить без ущерба собственным интересам и откровенно назвал Сталина шантажистом. Геополитическая ситуация, в которой оказалась Германия к концу 1940, не позволяла Гитлеру осуществить вторжение на Британские острова, захватить Гибралтар или вести полноценные боевые операции в Африке, так как с Востока рейху и его союзникам, особенно Румынии, потенциально угрожал Советский Союз. Фактически своими требованиями в ноябре 1940 Сталин не оставил Гитлеру выбора. В реально сложившейся ситуации у фюрера не оставалось никакого другого выхода как принять самоубийственное решение напасть на СССР, надеясь в кратчайший срок разбить Красную армию и обезопасить собственный тыл на Востоке для продолжения борьбы с Великобританией.

Однако Германия фигурировала в материалах советского военного планирования в качестве главного противника еще зимой 1940. Интенсивное наращивание сил Красной армии на Западном театре военных действий в 1940 — первой половине 1941 свидетельствует о подготовке глубокой наступательной операции СССР против Германии в тот момент, когда не менее половины ее Вооруженных Сил увязнет на Британских островах или в Африке. Даже выполняя директиву № 11 от 18 декабря 1940 («Барбаросса»), по состоянию на 4 апреля 1941 на границе с СССР Вермахт

(обратно)

имел всего 47 дивизий (3 танковых, 1 кавалерийскую, 43 пехотных). Войска Красной армии уже в середине января 1941 имели на Западе (в Одесском, а также Прибалтийском, Западном и Киевском особых военных округах) 104 дивизии (12 танковых, 6 моторизованных, 8 кавалерийских, 78 стрелковых) и 25 танковых бригад.

(обратно)

5

Начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер после совещания с участием адмирала В. Канариса 21 февраля 1941 сделал в своем дневнике такую запись: «Подготовительные мероприятия Абвера на Украине и в Прибалтике».

(обратно)

6

Кадровый офицер Абвера. В 1938 — первой половине 1939 посещал Вильно и западные области Белоруссии под предлогом сбора научно-исторических материалов.

(обратно)

7

Может быть, имеется в виду Козловский Вацлав (1896, д. Залесье Гродненского уезда Гродненской губ. — 1943, Минск) — белорусский общественно-политический деятель. Участник Первой мировой войны в рядах Русской Императорской армии, последний чин — поручик или капитан (на 1920–1921). В эмиграции в Польше. Секретарь газеты «Новы шлях» (Вильно). В 1930-е активный деятель Белорусской национал-социалистической партии. После немецкой оккупации Белоруссии участвовал в создании Белорусской народной самопомощи (БНС) и редактировал «Беларускую газету». Убит в здании редакции советскими подпольщиками.

(обратно) 8

То есть совершили нелегальный переход границы.

(обратно)

9

К 15 сентября 1941 из западных областей БССР были депортированы 27887 человек, расселенных на положении ссыльнопоселенцев в Казахской ССР, Коми АССР, Алтайском и Красноярском краях, Новосибирской и Омской областях. Контингент ссыльнопоселенцев состоял из фабрикантов-заводчиков, помещиков-кулаков, духовенства, крупных торговцев и домовладельцев, жандармов и офицеров, проституток и т. д. Органы НКВД Белорусской ССР с 1 апреля 1937 по 15 января 1938 репрессировали свыше 50 тыс. человек, в том числе: по «объединенному антисоветскому подполью» — 1089 человек, около 15 тыс. поляков, по «военному заговору» — 2253 человека, «кулацкого элемента» — 24 тыс. и т. д. За январь — июнь 1938 органы НКВД Белорусской ССР репрессировали 11623 человека. К сожалению, автор не нашел точных сведений о жертвах политических репрессий в Западной Белоруссии в 1939–1941. Однако известно по результатам исследований специалистов Белоруссии в 1990-е, что в январе — июне 1941 и в 1944–1945 большевиками были репрессированы по политическим мотивам 55 тыс. человек, а в 1946–1953 — еще 50 тыс. Последняя цифра свидетельствует о размахе военнополитического коллаборационизма в годы оккупации.

10

Кавычки автора.

(обратно) 11

От нем. Vertrauensstelle — пункт доверия.

(обратно)

12

Правильно: «Раніца». Редактировали газету Н. Шкелёнок и В. Тумаш, а с 1941 — С. Гринкевич. В 1939–1940 на территории рейха функционировал Белорусский комитет самопомощи, имевший отделы в Берлине, Вене, Кенигсберге, Лодзи, Мюнхене, Познани, Торне и других городах. В 1940 Белорусский комитет был создан и в генерал-губернаторстве. Руководили общественнополитической деятельностью в белорусской диаспоре Ф. Акинчиц, В. Родзько, А. Сенкевич и др.

(обратно)

13

Менде фон, Герхард (1904, Рига Лифляндской губ. — 1963, Дюссельдорф, ФРГ) — профессор. Из семьи директора банка, расстрелянного большевиками в 1919. С 1919 в эмиграции в Германии, принял гражданство (1924). Окончил Берлинский университет (1932), стажировался за границей. В 1933 в Бреслау в Институте Восточной Европы защитил диссертацию «Очерки по истории колонизации в Советском Союзе». Занимался изучением национального вопроса в СССР. Член СА (с 1933), в 1936 официально вышел из СА. Работал в Высшей школе по изучению зарубежных стран Института по исследованию России, обобщая материалы о тюркских народах, готовил соответствующие отчеты для Внешнеполитического отдела НСДАП. В НСДАП не состоял. Сотрудник Немецкой академической службы обмена, обеспечивавшей научные контакты немецких ученых с зарубежными коллегами. В 1935 защитил докторскую диссертацию «Национальная борьба российских тюрков. Исследование национальной политики в Советском Союзе», внеординарный профессор по «изучению национальностей России» Высшей школы по изучению зарубежных стран (1936). Полиглот. Автор научных трудов по специальности и концепции создания единой государственности советских тюрков. Экстраординарный профессор Берлинского университета по специальности «Изучение народов и наций советских азиатских государств» (1940), ординарный профессор по изучению народов СССР в Познанском университете (1941). С 1941 — начальник отдела «Кавказ» Министерства по делам оккупированных восточных территорий, курировал деятельность учреждений и структур министерства, занимавшихся проблемами сотрудничества с народами Востока, национальных комитетов и т. д. С 1943 — начальник отдела «Чужие народы» Восточного министерства. После 1945 преследованиям не подвергался, занимался защитой граждан СССР от насильственных репатриаций и оказанием помощи бывшим легионерам. С 1951 работал в Дюссельдорфе, в Бюро изгнанных с родины иностранцев, руководил одним из центров по изучению Восточной Европы. Один из основателей Федерального института по исследованию марксизма-ленинизма (ныне — Федеральный институт по изучению востоковедческих и международных проблем) в Кёльне. Поддерживал деятельность представителей советских нацменьшинств в эмиграции.

(обратно)

14

(обратно)

К 1941 на территории БССР существовало более 10 тыс. колхозов, объединявших 97 % крестьянских хозяйств. Судя по многочисленным письмам родственников бойцам Красной армии, за 10–12 часов изнурительного труда в колхозе в 1940 можно было выработать всего один-два «трудодня». Каждый «трудодень» оплачивался из расчета от 40 до 80 копеек, это означало, что в день колхозник мог заработать в среднем около 1 рубля. Кроме того, на один «трудодень» зимой 1940 колхознику начисляли «болотного» (то есть плохого) сена — 1 кг, пшеницы — 250 гр., лука — 5 (!) гр., меда — 1 (!) гр., капусты — 20 (!) гр. Средняя цена продуктов (за кг): сало — 20 руб., говядина — 15–18 руб., картошка — 60 коп., хлеб — 2–2,5 руб. Промтовары: мужское пальто — 300–600 руб., валенки (без галош) — 30–250 руб., пара носков — 3–4 руб., пиджак и брюки — 130–250 руб. Крестьянские хозяйства обкладывались непомерными налогами (на огород, на скотину, по сдаче скотины на мясозаготовку, принудительные госзаимы, самообложения и т. д.). В итоге цитируемое нами письмо в РККА (красноармейцу от отца из Орловской обл., зима 1940; стиль и орфография нами сохранены) выглядит обидным: «Дома у нас пока ничего хотя очень трудно но что делать хлеба пока терпимо нонче только налог большой 100 руб. и займу 100 руб. с меня и с ленки [дочь], самообложение 20 руб. страховки 20 руб. мясо-поставку за 40-й год тоже расплатился спасибо что ты нас поддержал деньгами ато нам бы никакого выхода небыло».

(обратно) 15

От нем. Zivilverwaltung — гражданское управление.

(обратно)

16

Кубе Вильгельм Рихард Пауль (1887–1943) — СС группенфюрер (1934). Генеральный секретарь Германской национальной партии (1920–1923), депутат рейхстага от ГНП (1924). Член НСДАП с 1927. Член СС в 1933–1936. С 17 июля 1941 — Генеральный комиссар Белоруссии, организатор безжалостной оккупационной политики. Убит в результате покушения, организованного советской разведывательно-диверсионной группой.

(обратно) 17

От нем. Gebiet — обл., территория.

(обратно)

18

Правильно: рейхскомиссариат (Reichskommissariat). В августе 1941 в соответствии с приказом Гитлера от 17 июля 1941 «О гражданском управлении во вновь оккупированных восточных областях», изымавшихся из административного подчинения командующих войсками Вермахта и передававшихся в ведение рейхсминистра А. Розенберга, были созданы два первых (из пяти предполагавшихся) рейхскомиссариата: «Остланд» с центром в Риге и «Украина» с центром в Ровно. Рейхскомиссариаты делились на генеральные комиссариаты, состоявшие из районов. В состав рейхскомиссариата «Остланд» Г. Лозе входили генеральные комиссариаты «Эстония», «Латвия», «Литва» и «Белоруссия» (без юга Брестской области, района Белосток-Гродно, почти всей Гомельской, части Пинской и Полесской областей). В состав рейхскомиссариата «Украина» Э. Коха включались территория Украины (без Восточной Галиции, присоединенной к генералгубернаторству) и перечисленные белорусские регионы, кроме района Белосток-Гродно, который был выделен в генеральный округ «Белосток» и отдельно подчинен Э. Коху как гауляйтеру Восточной Пруссии.

Кох Эрих (1896–1986?) — рейхскомиссар рейхскомиссариата «Украина» (с 9 мая 1942), член НСДАП в 1922–1923, 1926–1928, 1928–1945. Инициатор и руководитель немецкой колониальной политики в пределах вверенного рейхскомиссариата, враг украинского национального движения и противник А. Розенберга. По официальной версии, осужден к смертной казни в Польше, по неофициальной — освобожден польскими органами госбезопасности и в 1956–1957 проживал в Варшаве в качестве консультанта местной партийной номенклатуры. Еще по одной версии, смертная казнь была заменена пожизненным заключением, умер в тюрьме.

(обратно) 20

От нем. Oberbefehlshaber der Heeresgruppe «Mitte» — управление группы армий «Центр».

(обратно)

21

От нем. Übermensch — сверхчеловек и Untermensch — недочеловек.

(обратно) 22

От нем. Bauer — крестьянин. Интересно, что другое значение этого слова — пешка.

(обратно) 23

От нем. Bürgermeister — бургомистр.

(обратно)

24

Ермаченко (Ермоченко) Иван Абрамович (1894, д. Копчевцы Борисовского уезда Минской губ. — 1970, Калифорния, США) — общественно-политический деятель белорусской эмиграции. По непроверенным сведениям, в 1920 сражался с большевиками в рядах Русской армии генераллейтенанта П. Н. Врангеля. После 1920 — в эмиграции в Турции и Чехословакии. Окончил медицинский факультет Пражского университета (после 1922). Активно участвовал в деятельности белорусских организаций, руководитель Пражского белорусского комитета. В 1941 — один из организаторов БНС в Протекторате. После 22 июня 1941 работал в органах самоуправления на территории оккупированной Белоруссии. В 1942–1943 руководил деятельностью БНС, подчинявшейся отделу здравоохранения и социальной опеки Генерального комиссариата. С 29 июня 1942 — советник В. Кубе по белорусским делам. Автор проекта создания Корпуса белорусской самообороны (Беларускай Самааховы — БСА) от 5 июля 1942. Главный комендант (камандант) БНС, в задачу которого входило общее руководство БСА и ее материальное обеспечение. Однако ввиду опасений СД по поводу возможной угрозы формирований БСА в перспективе немецким оккупационным властям смещен с должности (28 августа 1942), БСА была окончательно ликвидирована к маю 1943. Активный участник БЦР в 1944–1945. После 1945 — в эмиграции в Западной Германии и США.

(обратно)

25

Годлевский Винцент — ксендз. Во второй половине 1930-х — один из лидеров Белорусской Христианской демократии. Автор многочисленных публикаций в журнале «Бсларускі фронт».

(обратно)

(обратно)

26

Ивановский Вацлав Леонардович (1880, фольварк Лебёдка Гродненской губ. — 1943, Минск) — белорусский общественно-политический деятель, бургомистр Минска (1941–1943). Инженертехнолог. Доктор технических наук, профессор Варшавского политехнического института и Виленского университета. В юности участвовал в деятельности культурно-просветительских студенческих кружков, создававшихся представителями национальной разночинной интеллигенции. В 1902 — один из создателей, идеологов и руководителей Белорусской революционной (с 1903 — социалистической) громады. Участник Всебелорусского съезда (декабрь 1917). После захвата власти большевиками подвергался политическим репрессиям, сидел в тюрьме в Смоленске (1918–1919). С 1920 — в эмиграции в Польше. В 1924–1939 жил в Варшаве и Вильно, участвовал в деятельности белорусских организаций. С лета 1941 — бургомистр Минска, состоял председателем Белорусского научного товарищества. В 1943, по одной версии, убит советским подпольем, по другой — местными органами СД.

(обратно)

27

Соболевский Георгий Александрович (1889, Столбцы Минской губ. — ?) — белорусский общественно-политический деятель. После 1917 — в эмиграции в Литве и в Польше. В 1921–1927 — делегат сейма от белорусского национального меньшинства, активный противник дискриминации. После сентября 1939 — на территории СССР. Подвергался репрессиям органами НКВД. После немецкой оккупации Белоруссии — бургомистр в Столбцах (1941), Несвиже и Барановичах (1942–1943). С 1943 руководил деятельностью Белорусской самопомощи. С 24 января 1944 — вице-президент БЦР, участвовал в подготовке II Всебелорусского конгресса (1944). С лета 1944 — в эмиграции в Германии, дальнейшая судьба не установлена.

(обратно)

28

Возможно, имеется в виду: Рагуля (Рогуля) Борис Дмитриевич (1920, дер. Турец Минской губ. — ?) — белорусский военно-политический деятель, один из создателей БКО. По профессии врач. В 1939 служил в Польской армии, участник германско-польской войны 1939. Из плена бежал в СССР (или переброшен Абвером?), работал учителем физкультуры в дер. Любча Новогрудского р-на Гродненской обл. 31 января 1941 арестован органами НКВД, но после 22 июня 1941 освобожден немцами (?). В оккупации преподавал в Новогрудской учительской семинарии, преподавал немецкий язык и физкультуру, работал в органах самоуправления. С начала создания БКО (1944) сформировал 68-й батальон, с которым отличился в боевых операциях против партизан в Докшицком и Новогрудском уездах Новогрудского района (в мае-июне 1944 — совместно с частями Казачьего Стана Походного Атамана полковника С. В. Павлова). С лета 1944 — в Германии; руководил подготовкой агентуры в Дальвицкой разведывательной школе. Участвовал в деятельности БЦР (1944–1945). После 1945 — в лагерях для перемещенных лиц, учился на медицинских факультетах университетов в Бельгии, сотрудничал с резидентурами ЦРУ. С начала 1950-х — в эмиграции в Канаде, жил в Лондоне (штат Онтарио). Занимался частной врачебной практикой (с 1954) и общественно-политической деятельностью в белорусской диаспоре.

(обратно)

29

Руководитель Белостокского комитета Белорусского объединения, участник деятельности БЦР в Германии (1944–1945).

(обратно)

30

Станкевич Станислав — белорусский общественно-политический деятель. Окончил Виленский университет, по профессии учитель. В 1939–1941 работал в Новогрудке. После немецкой оккупации Белоруссии — бургомистр Борисовского района Минской области, затем школьный инспектор. Наместник президента БЦР в Барановичском округе (1944), организатор окружной мобилизации в части БКО. Делегат II Всебелорусского конгресса БЦР. С лета 1944 — в эмиграции в Германии. Редактор газеты «Раніца». Член БЦР с января 1945.

(обратно)

31

Наронский (Неронский) Иван Николаевич (1909, Несвиж Минской губ. — ?) — белорусский общественно-политический деятель. Из семьи земледельцев. Занимался предпринимательством. После немецкой оккупации западных областей СССР работал в органах самоуправления в Смоленске (1941–1943?). Единомышленник Р. К. Островского; с 1944 работал в БЦР, обеспечивал охрану Островского. С лета 1944 — в эмиграции в Германии, затем оказался в англо-американской оккупационной зоне.

(обратно) 32

Родзько (Родько) Всеволод Филаретович (1920, дер. Чучевичи Брестского уезда Гродненской губ. — после июня 1945) — белорусский военно-политический деятель. Окончил Новогрудскую белорусскую гимназию (1938), школу подофицеров Польской армии (1939). После немецкой оккупации Белоруссии — бургомистр Витебска. Член президиума БЦР. В 1944 участвовал в формировании БКО и боевых операциях против партизан в районе Вилейки. Делегат II Всебелорусского конгресса (1944). С лета 1944 — в эмиграции в Германии, политический руководитель и заместитель начальника Дальвицкой разведывательной школы. С апреля 1945 — вице-президент БЦР. Нелегально переброшен в Западную Белоруссию и руководил антисоветским подпольем. В июне 1945 раскрыт и арестован в Белостоке советскими органами госбезопасности. Дальнейшая судьба не установлена.

(обратно)

33

Островский Радослав Казимирович (1887, фольварк Заполье Слуцкого уезда Минской губ. — 1976, Кливленд (?), штат Огайо, США) — белорусский общественно-политический деятель, президент БЦР (1944–1964). Окончил Слуцкую гимназию (1908), учился на математическом факультете Санкт-Петербургского университета (не окончил), сдал экстерном экзамены в Дерптском университете. Служил учителем математики в Ченстохове. С 1914 преподавал в частной гимназии в Минске и других учебных заведениях. Эвакуировался в Ярославль. С апреля 1917 — комиссар Временного правительства в Слуцком округе, директор Слуцкой гимназии. В 1919–1920 — в белых войсках на Юге России по мобилизации (?), сотрудник ОСВАГ ВСЮР. В 1920 вернулся в Слуцк, служил директором гимназии, затем переселился в Пружаны. В 1920–1928 работал в органах

местного самоуправления, служил управляющим имения в Брестском уезде. С 1924 — директор белорусской гимназии в Вильно. Неоднократно исключал из гимназии учащихся за принадлежность к левым молодежным организациям. В 1926 избран членом правления, а позднее председателем Товарищества белорусской школы в Литве, активный участник белорусского национального движения. Депутат сейма (1928), член Белорусской рабоче-крестьянской громады. Исключен из Товарищества по политическим мотивам в связи с обвинениями в потворстве польской политике дискриминации белорусских общественных организаций (1929). В 1936–1941 — учитель и директор польской гимназии в Лодзи.

После 22 июня 1941 — на оккупированной территории СССР. И. о. руководителя Минской окружной управы (июль — октябрь 1941), начальник Брянской окружной управы (под псевдонимом «Роман Калюш», октябрь 1941 — март 1942). По некоторым данным, кандидатура Островского планировалась немцами на должность бургомистра Москвы в случае взятия столицы. С апреля 1942 по 6 июня 1943 — начальник Смоленской окружной управы; участвовал в формировании окружной стражи и антипартизанских отрядов самообороны, затем — начальник Могилёвского округа. С декабря 1943 участвовал в подготовке провозглашения БЦР. 21 декабря 1943 Генеральным комиссаром Белоруссии СС группенфюрером и генерал-лейтенантом войск СС и полиции К. фон Готтбергом назначен президентом БЦР, торжественное провозглашение которой состоялось в Минске 22 января 1944. Организатор II Всебелорусского конгресса. С лета 1944 — в эмиграции в Германии, продолжал руководить деятельностью БЦР. После капитуляции Германии жил под именем Андрея Кривицкого в лагерях перемещенных лиц в британской оккупационной зоне (1945–1946), затем под именем Андрея Корбута скрывался под Ганновером (1947). После кратковременного пребывания в Аргентине (до 1952) возвратился в Европу (ФРГ) и продолжал активную деятельность в БЦР. Во второй половине 1950-х переехал в США. В 1964 ввиду преклонного возраста оставил должность президента БЦР.

(обратно)

34

Витушко Михаил (около 1915, р-н Несвижа Минской губ. — после ноября 1944) — организатор сил местной службы порядка (ОД — от нем. Ordnungsdienst) в оккупированных западных областях СССР (1941–1943), майор БКО (1944). По некоторым данным, до войны и немецкой оккупации (1940–1941) служил начальником райотдела милиции в Гродно. Заместитель начальника окружной ОД в Брянском округе (октябрь 1941 — март 1942), затем руководил ОД в Смоленском и Могилевском округах, участвовал в боевых операциях против партизан. С 1943 — инспектор сил безопасности тыла группы армий «Центр». Участвовал в формировании БКО. Делегат II Всебелорусского конгресса (1944). С лета 1944 — в эмиграции в Германии. Осенью 1944 заброшен с группой на территорию Западной Белоруссии для организации повстанческой деятельности. Дальнейшая судьба не установлена.

(обратно)

35

Касмович (Космович) Дмитрий — по некоторым данным, до войны был членом Верховного Совета СССР. На 1944 — инспектор БКО. Делегат II Всебелорусского конгресса (1944).

(обратно)

36

Белорусская народная самопомощь (Беларуска народна самапомач — БНС) — общественная организация со скромной программой материальной помощи органам самоуправления и местным нуждам. Создана в Генеральном комиссариате в октябре 1941, позднее переименована в «Белорусскую самопомощь» (Беларуска самапомач — БС) во главе с доктором И. А. Ермаченко. В январе 1942 была образована Центральная рада БНС, однако оккупационные власти упорно игнорировали инициативы значительной части местной интеллигенции и руководителей БНС-БС добиться создания собственных органов государственной власти и вооруженных формирований, рассматривая их как потенциальную угрозу колониальной политике рейха. Белорусский исследователь А. М. Литвин привел интересную цитату из докладной записки шефа местных органов СД Э. Штрауха на имя рейхсфюрера СС Г. Гимmlера (лето 1943): «Он [Кубе] дал ему [Ермаченко] понять, что он мог бы быть белорусским премьером. Ермаченко шел к этой цели всеми имеющимися в его распоряжении средствами при поддержке гауляйтера. Дело могло пойти очень далеко, учитывая сделанные нами в этом направлении ошибки. Считаю достаточным, если отмечу, что я целый год затратил на то, чтобы угробить Ермаченко» (курсив наш. — К. А.).

(обратно)

37

Общее число советских военнопленных, погибших в 1941 на этапах движения в лагеря, с трудом поддается установлению. Известные нам данные позволяют утверждать, что смертность на этапах в отдельных случаях могла достигать почти 10 %. Так, например, в середине ноября 1941 в пересыльно-транзитный лагерь № 131 (Бобруйск) прибыл этап по списку в 158 тыс. пленных, но при проверке выяснилось, что 14777 из них погибли в пути. На основании направленных в ОКХ донесений общая цифра советских военнопленных, взятых в 1941, определяется в 3,8 млн человек, однако после проверки и учета по лагерям в зонах ответственности ОКХ и ОКВ выяснилось, что пленных в наличии — 3,35 млн. Что могло произойти в 1941 с пленными (450 тыс. человек), попавшими в категорию убитых? По официальным немецким данным, в период с 25 июля по 13 ноября 1941 в зоне ответственности ОКХ были освобождены из плена 292702 человека, в зоне ответственности ОКВ — 26068 человек (итого 318770). Вероятно, оставшиеся (более 130 тыс.) пали жертвами бессудных убийств, в том числе на этапах. Не исключено, что эта цифра может оказаться еще большей, так как в категории взятых в плен, скорее всего, не учитывались евреи, а также те бойцы и представители комначполитсостава, которые расстреливались прямо на поле боя в соответствии с «приказом о комиссарах» (директива ОКВ от 12 мая 1941) или в качестве репрессивной меры за убийства красноармейцами немецких военнопленных.

(обратно)

38

На оккупированных противником в 1941–1942 территориях Советского Союза, по известным нам данным, осталось примерно от 2,5 до 2,8 млн евреев. Большинство из них были уничтожены нацистами и активистами из местного населения.

(обратно)

39

По опубликованным еще в советское время данным, в Белоруссии в период карательных акций оккупанты уничтожили 5295 деревень вместе со всем населением или с частью жителей. При этом многие деревни сжигались по нескольку раз. Так, например, в Витебской области 243 деревни были сожжены дважды, 83 — трижды, 22 — четыре и более раз. В Минской области оказались

сожжены 92 деревни дважды, 40 — трижды, 9 — четырежды и так далее. Однако в указанную цифру в 5295 пострадавших деревень специалистами Института истории партии при ЦК Коммунистической партии Белоруссии в 1970-1980-е включались и те населенные пункты, которые были сожжены самими партизанами или карателями, но в результате партизанских провокаций, цель которых заключалась в ужесточении репрессий оккупационных властей против гражданского населения. Вероятно, статистика деревень и сел, пострадавших от действий партизан, станет известна еще не скоро.

(обратно) 40

От нем. Kreis — район, Land— земля и Wirt — хозяин.

(обратно)

41

По состоянию на 8 августа 1941 на территории БССР в тылу противника (по официальным данным) действовали 14 партизанских отрядов (1162 человека), сформированных из работников НКВД и милиции. Всего в 1941 на оккупированных территориях БССР, КФССР, РСФСР, УССР для действий в тылу противника были оставлены 1,6 тыс. партизанских отрядов (27 тыс. чел.) и 500 диверсионных групп (2250 чел.), кроме того, дополнительно переброшены через линию фронта 198 партизанских отрядов (43796 чел.) и 1033 диверсионные группы (4893 чел.). Из спецсообщения № 191/6 Л. П. Берия от 13 февраля 1942 на имя И. В. Сталина следует: «Базой для формирования перебрасываемых отрядов и групп в тыл противника являлись лучшие бойцы и командиры истребительных батальонов НКВД, партийный и советский актив на местах». Уже в 1941 одной из важнейших задач партизан было уничтожение на оккупированных территориях СССР сотрудников органов местного самоуправления, «предателей и пособников из числа местных жителей», ведение политической агитации среди населения. Вот как, например, адвокат М. Иоффе описывал обстоятельства знаменитого дела партизана В. М. Кононова, которого несколько лет назад преследовали власти современной Латвии, обвиняя его в военном преступлении: «Когда группа партизан не вышла на связь, из Москвы было дано указание в ближайший партизанский отряд выяснить судьбу пропавшей группы. В этом партизанском отряде и находился Василий Макарович Кононов. Особист этого партизанского отряда провел дознание и выяснил, что в Малых Батах 29 февраля был бой, что сгорел овин, где скрывались партизаны, что жителям [деревни Малые Баты] за помощь немцы дали лес, зерно, спирт и другие поощрения. По законам военного времени трибунал партизанского отряда вынес приговор: “Предателей Родины расстрелять”. Исполнение этого приговора было поручено группе, в которую входил Василий Макарович Кононов. 27 мая 1944 все лица, которые принимали активное участие в уничтожении партизанского отряда, были расстреляны».

(обратно) 42

От нем. Bezirk — округ.

(обратно) 43

От нем. Arbeitsamt — бюро (отдел) труда.

(обратно) 44

По другим данным, 27 июня 1943.

(обратно)

45

Готтберг фон, Курт (1896–1945) — СС обергруппенфюрер, генерал войск СС и полиции (30 июня 1944). Член НСДАП с 1932; принят в СС. Служил в Главном ведомстве по расовой политике и поселениям (1937–1939). Начальник регистрационного ведомства в Главном управлении СС (октябрь 1940 — июль 1942). С осени 1942 командовал боевой группой «Готтберг», руководитель СС и полиции в Белоруссии. СС группенфюрер и генерал-лейтенант войск СС и полиции (1943). После убийства В. Кубе — и. о. генерального комиссара. С 30 июня 1944 — верховный фюрер СС и полиции в Центральной России. Затем, на Западном фронте, командир XII армейского корпуса СС (7 августа— 17 октября 1944). После ареста союзниками покончил жизнь самоубийством.

(обратно)

46

Первым Всебелорусским форумом организаторы БЦР считали I Белорусский съезд, состоявшийся в Минске 14 декабря 1917.

(обратно)

47

23 февраля 1944 СС обергруппенфюрер К. фон Готтберг издал приказ, подтверждающий предложение президента БЦР Р. К. Островского (от 18 февраля) о создании БКО. При БЦР было сформировано Главное управление БКО во главе с майором Ф. В. Кушелем. Мобилизация в БКО началась 6 марта 1944 в соответствии с приказом Островского и велась достаточно профессионально, начиная с призыва 7 марта офицеров (в возрасте до 57 лет включительно) и подофицеров (до 55 лет включительно). Призыв рядовых (мужчин 1908–1924 годов рождения) начался 10 марта. По данным специалиста по истории Восточных войск в составе Вермахта С. И. Дробязко, через три недели после начала призыва БКО насчитывала в составе 34 батальонов 21629 чинов. Официально мобилизация завершилась 15 апреля 1944.

(обратно)

48

По данным С. И. Дробязко, на призывные пункты явились более 40 тыс. человек, но поголовный призыв мог сорвать полевые работы, и более 50 % призывников окружные комиссары отсеяли. С. И. Дробязко считает, что в ходе создания БКО было сформировано 39 стрелковых и 6 саперных батальонов (по 600–800 человек в каждом). По данным одного из офицеров БКО, было сформировано 49 батальонов общей численностью более 27 тыс. человек, при этом еще около 70 тыс. призывников немцы не смогли вооружить.

(обратно)

49

Открытие конгресса состоялось 27 июня 1944 в 8 утра в здании Минского городского театра. Из приглашенных 1151 делегата в работе конгресса приняли участие 1039, из которых 685 человек представляли западные районы Белоруссии, а 286 человек — Минск и Минский округ. Таким образом, восточные округа были представлены гораздо слабее, а белорусское население, проживавшее на территории за пределами генерального комиссариата «Белоруссия», оказалось вообще не представлено. Тем не менее, определенной политической представительности в условиях прогрессирующего военного поражения нацистской Германии лидеры БЦР несомненно добились.

(обратно) 50

Примечание автора машинописи: «Не помещаю, т. к. они обширны по своему содержанию».
(обратно)

51

Один из офицеров БКО, начальник управления охраны и безопасности БКО, в своей рукописи указывает, что в 1943 на территории Белоруссии (195 районов в 12 областях) против партизан оперировало около 200 батальонов (мобильных отрядов) Ordnungsdienst (ОД), общей численностью в 100 тыс. бойцов. В каждом батальоне насчитывалось от 420 до 500 бойцов. На каждую область приходилось 15–18 батальонов и в среднем — один батальон на район. Батальон состоял из трех рот. Каждая рота включала в себя стрелковый взвод (3 отделения по 15–18 бойцов), пулеметный взвод (3 станковых и несколько ручных пулеметов, 30–35 бойцов), минометный взвод (3 отделения ротных минометов, 30–35 бойцов) и резервный отряд (конный или лыжный, 40–50 бойцов). Не исключено, что количество батальонов ОД и их общая численность в данном случае завышены или под батальонами ОД упомянутый офицер БКО подразумевал все охранно-полицейские формирования на бывшей территории БССР, включая те белорусские регионы, которые оказались за пределами генерального комиссариата «Белоруссия».

(обратно)

52

Как уже упоминалось, численность сформированных батальонов БКО, по разным источникам, колебалась в пределах от 45 до 49.

(обратно)

53

Езавитов (Езовитов) Константин Борисович (1893, Двинск Витебской губ. — 23 мая 1946, Минск) — военно-политический деятель Белорусской народной республики (БНР), начальник управления войсковых дел (военного отдела) БЦР, генерал-майор БКО (1944). Родился в семье офицера 100го пехотного Островского полка. В 1910 выдержал экзамен на звание народного учителя. С 1911 работал в школе. Студент Витебского учительского института (1913–1916). Участник Первой мировой войны. Окончил Павловское военное училище (1916), служил младшим офицером в 151м Пятигорском полку 38-й пехотной дивизии. Подпоручик, командир роты (апрель 1917). Член полкового комитета по выборам (июнь 1917). В июне — июле 1917 будучи адъютантом командира полка участвовал в формировании ударного батальона. Поручик за отличия, делегат съезда воинов-белоруссов Северного фронта в Витебске, на котором избран членом Исполкома Белорусской центральной войсковой рады (ноябрь 1917).

С 20 ноября 1917 занимался формированием 1-го Белорусского полка в Минске. Делегат I Белорусского съезда (декабрь 1917), на котором избран руководителем войскового отдела Рады БНР. С января 1918 — временный старшина Рады, затем военный комендант Минска, секретарь войсковых дел Рады БНР. Капитан, подполковник (январь 1918), полковник — за организацию охраны порядка в Минске накануне немецкой оккупации (февраль 1918). С 19 марта 1918 — член, с 20 марта — секретарь Рады БНР. Затем на нелегальном положении в Витебске; участник антибольшевистского подполья. Вторично избран секретарем Рады БНР 2 августа 1918. С 30 сентября 1918 — руководитель секретариата Рады. В эмиграции в Литве. Служил комиссаром литовского правительства в Белостоке, начальником Плентово-Щучинского уезда, командиром полка в Гродно. С марта 1919 по 1921 — на дипломатической службе в Латвии и Эстонии в качестве начальника военно-дипломатической миссии БНР, исполнял должность государственного

секретаря Рады БНР. За заслуги правительством БНР произведен в генерал-майоры (май 1920). Гражданин Латвии. В 1920–1921 оказывал помощь и содействие генерал-майору С. Н. БулакБалаховичу.

Один из организаторов и руководителей белорусского культурно-просветительского общества «Бацькаўшчына» в Латвии, заместитель председателя общества. Занимался созданием в Латвии белорусских национальных школ, содействовал открытию белорусского национального театра, издатель газеты «Голас Беларуса» и журнала «Беларуская школа у Латвіі». По собственным показаниям, в 1925–1934 был советским агентом под псевдонимом «Озол» и сотрудничал с полпредством СССР. После советской оккупации Латвии (1940) работал заведующим вечерней школы для взрослых в Риге, заведующим хозяйством наркомата просвещения. В НКВД Латвийской ССР проходил под псевдонимом «Озол». В марте 1941 в Москве получил задание от представителей НКГБ о внедрении в круги белорусской эмиграции в случае войны, но в какой степени эти показания носят достоверный характер, остается неизвестным. Тем более трудно сказать, не использовал ли Езавитов сотрудничество с советскими органами госбезопасности просто ради того, чтобы избежать политических репрессий.

После немецкой оккупации в 1941 — председатель Белорусского комитета в Латвии (1941–1944), участвовал в формировании воинских частей и подразделений. Способствовал открытию в Латвии четырех белорусских школ и двух гимназий. Участник II Всебелорусского конгресса БЦР в Минске (27 июня 1944), член почетного президиума. Затем эвакуировался в Ригу, с августа 1944 — в эмиграции в Германии. Генерал-майор БКО, начальник управления войсковых дел (военного отдела) БЦР, занимавшегося формированием воинских частей из белорусов и подготовкой агентуры для повстанческой деятельности в тылу Красной армии. В апреле 1945 арестован органами контрразведки «СМЕРШ» 1-го Украинского фронта и этапирован в Москву. С ноября 1945 содержался в городской тюрьме МВД в Минске, писал воспоминания. По официальной версии, после 12 февраля 1946 тяжело заболел и скончался в тюремной больнице.

(обратно) 54

Крымский исследователь истории белорусских формирований в составе Вермахта и войск СС О. В. Романько полагает, что централизованно в регулярных частях и подразделениях Вермахта сражались около 7 тыс. белорусов, а в войсках СС — около 12 тыс. К сожалению, ни О. В. Романько, ни А. Муноц не пытались обобщить статистику о количестве белорусов, прошедших в 1941–1944 через антипартизанские, охранные и полицейские формирования на территории Белоруссии, с учетом всех категорий убыли (боевых и небоевых потерь, пополнений, дезертирства, переходов на сторону партизан и т. д.). О действиях 2-й штурмовой бригады против частей Красной армии, равно как и о ее истории, мы не нашли никаких сведений. По-видимому, под «1-й белорусской дивизией» и «СС бригадой “Зиглинг”» автор машинописи имеет в виду одно и то же формирование. Бригада СС оберштурмбаннфюрера Г. Зиглинга создавалась в июле 1944, и на ее комплектование первоначально были обращены 61-й, 62-й и 63-й украинские, 60-й, 64-й и 65-й белорусские полицейские батальоны, 56-й артиллерийский, 68-й казачий конный дивизионы, а также, вероятно, и какие-то подразделения БКО.

Московский исследователь истории войск СС К. К. Семёнов указывает, что 1 августа бригада была переименована в 30-ю гренадерскую дивизию войск СС (русскую № 2), или 30. Waffen Grenadier Division der SS (russische № 2). Судя по нумерации полевых почт, в дивизию входили 75-й, 76-й и 77-й гренадерские полки СС, артиллерийский дивизион, моторизованный батальон и медсанбат. С 27 октября 1944 дивизия под командованием СС оберштурмбаннфюрера Г. Зиглинга участвовала в боях на Рейне против союзников (1 — я французская армия и др.), прикрывая отступление 19-й армии Вермахта через Рейн. Не исключено, что инциденты, о которых пишет Е. Ф. Колубович, в том числе и с участием американцев, произошли именно здесь. Зимой 1944/45 дивизия была

расформирована. Ее русские военнослужащие (из 654-го восточного батальона и др.) убыли в войска КОНР, а часть личного состава была обращена на комплектование (февраль-апрель 1945) 1-й штурмбригады СС «Беларусь» (1094 солдата и офицера, по данным С. И. Дробязко), которой сначала командовал СС штурмбаннфюрер Генигфельд, а с апреля 1945 — подполковник БКО Ф.

В. Кушель. Вместе с частями ВВС КОНР генерал-майора В. И. Мальцева бригада 30 апреля 1945 в Лангдорфе между Цвизелем и Регеном (90 км южнее Пльзеня) сдалась представителям 2-й танковой группы XII корпуса 3-й армии США. Возможно, что Е. Ф. Колубович именно бригаду Генигфельда — Кушеля называет «2-й штурмовой бригадой генерала Езавитова».

(обратно)

55

Андерс Владислав Владиславович (11 августа 1892, имение Кросневицы Кутновского уезда Варшавской губ. — 12 мая 1970, Лондон) — генерал брони Польской армии. Сын немецкого дворянина, управляющего имением. Окончил среднее учебное заведение в Варшаве и Рижский политехнический институт (1913), по окончании которого призван в Русскую Императорскую армию. Офицер из вольноопределяющихся (1914). Летом 1914 учился в кавалерийской школе. Участник Первой мировой войны. В августе 1914 — в рядах 2-го Лейб-гусарского Павлоградского императора Александра III полка 2-й кавалерийской дивизии, затем сражался в рядах 9-го драгунского Казанского Ее Императорского Высочества Великой Княжны Марии Николаевны полка 9-й кавалерийской дивизии. Трижды ранен, Георгиевский кавалер, командовал эскадронам. Окончил курсы при Академии Генерального штаба, капитан (1917). Участвовал в формировании 1-го уланского полка I польского корпуса генерал-лейтенанта Ю. Р. Довбор-Мусницкого. На октябрь 1917 — начальник штаба I-й польской дивизии, участник боестолкновений с отрядами Красной гвардии в Белоруссии (1918). После расформирования корпуса (май 1918) вернулся в Польшу. На январь 1919 — подполковник, начальник штаба Великопольской армии. Участвовал в боестолкновениях с немцами в Познани (январь-февраль 1919). С апреля 1919 формировал 15-й Познаньский уланский полк, с которым участвовал в советско-польской войне 1920.

В 1920–1923 — на военной учебе в Париже, затем — на курсах для высшего комсостава в Варшаве. Доктор военных наук, полковник. С ноября 1925 — военный комендант Варшавы. За организацию сопротивления путчистам во главе с Ю. Пилсудским (12–14 мая 1926) снят с должности и назначен начальником штаба генерального инспектора кавалерии. С 1928 — командир Волинской кавалерийской бригады. Неоднократно обвинялся в растрате казенного фуража на собственных лошадей, однако некоторые исследователи полагают, что эти обвинения были следствиями позиции, занятой Андерсом в 1926 во время установления режима санации. С 1937 — командир Новогрудской кавалерийской бригады. В 1938–1939 — под судом чести в Варшаве. Участник германско-польской войны 1939, командовал бригадой в сражениях под Млавой, Плоцком, Минск-Мазовецким, Томашувом. При попытке пробиться в Восточной Польше через боевые порядки Красной армии к венгерской границе тяжело ранен и взят в плен.

В 1939–1941 — во внутренней тюрьме НКВД в Москве. С 4 августа 1941 — генерал дивизии, командующий Польских Вооруженных Сил на территории СССР. 3 декабря 1941 вместе с В. Сикорским встречался с И. В. Сталиным на предмет переговоров о судьбе польских граждан в СССР и о формировании польских воинских частей. 13 января 1942 части армии Андерса начали передислокацию в Среднюю Азию. В марте 1942 в последний раз встречался со Сталиным. Организовывал эвакуацию польской армии из Красноводска в Пехлеви (Иран) в марте — августе 1942. С 12 августа 1942 — командующий Польской армией на Востоке (Armia Polska na Wschodzie). Командир II польского корпуса (21 июля 1943), части которого с декабря 1943 участвовали в боевых действиях в Италии. Главнокомандующий польских сил на Западе (февраль

1945). Закончил войну 21 апреля 1945 в Болонье, потеряв за время боевых действий 174 офицера и 2023 солдата. В эмиграции в Великобритании. Коммунистами в Польской народной республике лишен польского гражданства. Похоронен на Монте-Кассино.

(обратно)

56

Трудно сказать, насколько это утверждение соответствует действительности.

(обратно)

57

Микула Виталий — майор БКО. Поручик Польской армии (?). Во время немецкой оккупации Белоруссии работал учителем в Несвиже. Участвовал в работе «Белорусской самопомощи» (1942–1943), участник формирования и заместитель командующего БКО (1944).

(обратно) (обратно)

Примечания к "П. Д. Ильинский. Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии (Жизнь Полоцкого округа 1941–1944 годов)":

58

Ильинский Павел Дмитриевич — профессор, искусствовед. По некоторым данным, до войны служил в РККА и был чемпионом по стрельбе из пистолета. С 1941 в оккупации. В 1942–1944 — сотрудник Полоцкого самоуправления, член НТС (1944 — до 1955). В 1944 через Ригу эвакуировался на Запад. После 1945 — в американской оккупационной зоне Германии, директор русской гимназии (с октября 1945) при Доме «Милосердного Самарянина» протоиерея Александра Киселева в Мюнхене. Затем в эмиграции в США. Умер в Нью-Йорке.

Источник: НИА. Collection A. Dallin. Box 2. Folder 2-16. Рукописная тетрадь и часть машинописи на русском языке (1948–1951). Впервые опубликовано с небольшими сокращениями: Грани (Франкфурт-на-Майне). 1956. Март — июнь. № 30. С. 85–122; № 31. 1956. Июль — сентябрь. № 31. С. 94–127. Автор-составитель любезно благодарит Б. С. Пушкарёва, а также некоммерческое партнерство и содружество «Посев» (Москва) за возможность повторной публикации в настоящем сборнике. Текст сверен с рукописью и машинописью и полностью восстановлен.

(обратно) 59

С 1924 в составе Белорусской ССР, с 1938 город областного подчинения.

(обратно) 60

Полоцк был оккупирован 16 июля 1941, освобожден 4 июля 1944.

(обратно)

61

Организация местных сил (служб) по поддержанию порядка (Ordnungsdienst — далее ОД) с осени 1941 стала общей тенденцией на восточных оккупированных территориях. ОД подчинялись волостным, уездным и городским управам, насчитывая в аппарате на каждом уровне 10–20

сотрудников. Примечательно, что первое время сотрудники ОД не имели обмундирования, знаков различия, оружия. Им запрещалось действовать без санкции VII отдела полевых немецких комендатур. Но уже зимой 1941/42 оружие у служащих ОД, вооружавшихся за счет советских трофеев, стало появляться почти повсеместно. Структурно на уровне района (уезда) организация ОД выглядела следующим образом:

Номенклатура

Подчиненность

Функции

Начальник ОД и его заместитель

Административно: — бургомистру; оперативно: — местной комендатуре и фельджандармерии

Отвечали за практическую деятельность вверенного аппарата на уровне района (уезда)

Общая канцелярия

Начальнику и зам. начальника ОД

Вела необходимое делопроизводство

I отдел (криминальный)

Начальнику и зам. начальника ОД

Борьба с уголовной преступностью и правонарушителями

II отдел (оперативно-следственный)

Начальнику и зам. начальника ОД

Борьба с политическими преступлениями; по своим функциям близко сотрудничал с политическим отделом местной СД

III отдел (охранно-караульный)

Начальнику и зам. начальника ОД

Вахтенная, караульная и охранная служба в зоне ответственности

IV отдел (учетно-паспортный)

Начальнику и зам. начальника ОД

Учет населения, регистрация, выдача паспортов и пропусков

(обратно) 62

Таллинн.

(обратно)

63

Комендатура постоянного местопребывания (чаще всего городская). В Полоцке размещались: 335я (1943) и 930-я (1944) ортскомендатуры. Нумерация комендатур на 1941–1942 не установлена.

(обратно) 64

От нем. *Militärverwaltung* — военное управление.

(обратно)

65

Бургомистром Полоцка был Д. Б. Петровский, участвовавший в деятельности местного советского подполья и способствовавший трудоустройству подпольщиков.

(обратно)

66

Витебск был оккупирован 11 июля 1941. В последующие дни произошло окружение 16-й, 19-й и 20й советских армий Западного фронта между Витебском и Смоленском. Непосредственно Полоцк с 29 июня 1941 обороняли части 174-й стрелковой дивизии полковника А. И. Зыгина (из состава 62го стрелкового корпуса 22-й армии).

(обратно)

67

Вполне возможно, что уничтожением инфраструктуры Полоцка занимались в июле 1941 бойцы отряда внутренней обороны города под командованием С. П. Портнова.

(обратно)

68

Во время эвакуации на рубеже сентября — октября 1941 в пос. Локоть Брасовского р-на Брянской обл. инженер-технолог местного спиртзавода Б. В. Каминский по воспоминаниям локотчан (1994) вместо того, чтобы сжечь оставшееся просо, распорядился раздать по пять мешков каждому заводскому рабочему.

(обратно)

69

Ср. с записями из дневника дочери ялтинского врача З. А. Хабаровой, девочкой-подростком пережившей оккупацию Ялты:

«10 ноября 1941 <...> 3-го начали взрывать Ялту. Ночью мы смотрели, как горит Набережная, большие дома, санатории. На том конце за Массандрой слышалась стрельба. Там оставили сражаться ополченцев.

Мама в ужасе — у нас все сгорит.

Ночью к Троицкому прибежала медсестра. В госпитале осталось 60 раненых. Папа с Троицким побежали в госпиталь. Вынесли всех раненых, распределили их по жителям. Тут подскочил подонок из НКВД, хотел взрывать, но какой-то парень не дал. Он очень ругался, орал на папу и Троицкого из-за того, что они не имели права выносить раненых, чтобы не оставлять врагу. Орал,

что так это не оставит. Но парень поддал ему как следует и тот убежал. Когда папа с Троицким пришли домой, жена Троицкого сказала, чтоб мы немедленно убирались. Мы с мамой просидели до рассвета на кухне, потом ушли в санаторий. Никто не спал, НКВДшники уже уехали, но нагадили в кровати. <...>

22 ноября 1941 <...>

Перед отходом наши сожгли и уничтожили все что можно. Пшеницу в колхозах обливали керосином и сжигали. А теперь из этого зерна пекут хлеб и дают русским».

Кроме того, ср. с воспоминаниями конца 1940-х бывшего кадета Киевского кадетского корпуса, журналиста газеты «Новое Слово» (Берлин) Н. М. Февра, побывавшего во Пскове зимой 1941/42: «За несколько дней до падения Пскова местные комсомольцы, руководимые ответственными партийцами, приступили к организованному сжиганию города. Разграбленные ими предварительно винные лавки несколько нарушили эту организованность. Нарушил ее и отпор, встреченный со стороны псковичей. Отпор, правда, пассивный — псковичи сами старались скорее потушить подожженные дома. Препятствовать поджогу они не могли».

(обратно) 70

Ср. с записями из дневника З. А. Хабаровой:

«18 ноября 1941 <...>

Немцы повесили приказ: “Всем евреям надеть три звезды”. Дураки! Понадели, кто знает, где еврей. И еще друг друга ругают. Сегодня на улице одна еврейка кричала другому: “Ах ты, пархатый жид”. Сидели б тихо. <...>

12 декабря 1941

Повесили приказ: “Всем евреям собраться в Гестапо с вещами в течение 3-х дней”.

Евреи потащились. Несут кровати, матрасы, ковры, чемоданы. Папа встретил знакомого врача. Говорит ему: “Беги в лес”. А тот отвечает: “Нас отправят в Палестину”. Папа ему говорит, что везде, где немцы, давно уже всех перестреляли. А тот твердит свое: “Немцы люди культурные, они не обманут, а большевики все врут”. Отец просил его оставить у нас хоть дочь. Но он не хочет.

И еще один папин знакомый пришел прощаться. Адвокат. Прощается и говорит: “Нас все равно убьют. В лес нельзя, туда без пропуска не пускают. Там только райком, горком и дурачки молодые для охраны. А нас всех бросили на растерзание. Самое страшное то, что свои холуи прислуживают, доносят, выдают евреев и коммунистов”».

(обратно)

71

Ср. это утверждение мемуариста с воспоминаниями лейтенанта Вермахта А. Шейдербаусра, с 1942 воевавшего на Восточном фронте: «Не было никаких сомнений в том, что напущу руководство рейха в своем заявлении, направленном в адрес Советского правительства в связи с объявлением войны: “Немецкий народ осознает, что он призван спасти весь цивилизованный мир от смертельной опасности большевизма и открыть путь для подлинного процесса социального развития Европы”. Этот отрывок из заявления немецкого правительства был напечатан мелким шрифтом на верхнем крае многих фронтовых почтовых открыток. Кто из нас мог сомневаться в истине того, что нам говорилось? Кто мог доказать, что это было не так?»

(обратно)

72

Воспоминания П. Д. Ильинского согласуются с известными нам фактами. Одну из первых подпольных групп в Полоцке создал бывший заведующий Полоцким райотделом народного образования, капитан пограничных войск НКВД и член ВКП(б) С. В. Суховой. В группу вошли Ф. К. Безер, Д. И. Клепиков, Ф. Н. Лоевский, Н. А. Манис и др. С. В. Суховой пошел работать в городскую управу и вскоре был назначен сельским бургомистром (!) Полоцкого района, после чего возможности подполья резко возросли — бургомистр снабжал подпольщиков пропусками и помогал им в случае арестов. Ф. К. Безер служил переводчиком в ортскомендатуре и устраивал на работу в органы самоуправления своих соратников.

(обратно) 73

Гражданским населением.

(обратно)

74

Гетто было создано в декабре 1941 на окраине города, около кирпичного завода. По официальным оценкам советских исследователей, здесь погибли 7 тыс. полоцких евреев.

(обратно) 75

От нем. Wirtschaftskommando — Хозяйственная команда (организация) центрального подчинения.

(обратно)

76

Ср. это утверждение мемуариста с воспоминаниями лейтенанта Вермахта А. Шейдсрбауера (август 1943, деревня Ляды, западнее Вязьмы): «Через несколько дней я был гостем капитана Кригля, командира “прославленного” строительного батальона. Он жил один в маленьком домике. У него не было ординарца, и его обслуживала местная женщина. Вера была приятной и интеллигентной чертежницей из Белостока. Она не скрывала своих большевистских убеждений и свою веру в победу Советского Союза. Но это не мешало ей жить с Криглем, которому было за сорок, как жене с мужем. У нее было пухлое лицо, красные щеки, большая грудь, и она всегда была в хорошем настроении. Даже если она и притворялась, то все равно в ее положении у нее были все причины радоваться, поскольку единственная работа, которая от нее требовалась, заключалась в уходе за капитаном Криглем.

Не только я, но и находившийся вместе со мной местный командир, мы оба были поражены бессовестной откровенностью, с которой Кригль пренебрегал понятиями чистой жизни и супружеской верности. Более того, то же самое происходило и с его подчиненными. Гражданские лица, исключительно женщины и подростки, не содержались под охраной. За ними просто присматривали музыканты полкового оркестра. Я слышал, что у каждого из этих фельдфебелей и унтер-офицеров, военных музыкантов на действительной службе, была своя “жена” из женщинработниц».

(обратно)

77

Ср. это утверждение мемуариста с одним из свидетельств об организации партизанского движения в Белоруссии: «В Рудне (Смоленского округа) сильно выпивший немецкий майор вскочил в дом местного жителя и расстрелял всю семью в количестве 6 человек (двое родителей, четверо детей). Этот случай сильно взволновал местное население и усилил ненависть к немцам. Этим вопросом заинтересовалось местное самоуправление, выразившее энергичный протест и требование расследования дела и предания виновного суду. В результате, майор был арестован, предан военно-полевому суду, который разжаловал его в лейтенанты и отправил немедленно на фронт. Спустя четыре месяца была раскрыта эта кровавая тайна. Убитый был в прошлом членом Коммунистической партии, по-видимому, в силу своего служебного положения (он был агрономом, занимал довольно видный пост в сельском хозяйстве). Вернувшись из плена, он стал открыто высказывать свои антисоветские настроения и заявил о своем порыве навсегда с Коммунистической партией. Не обращая внимания на его слова, подпольная группа, через некую Марию, уже пожилую женщину, предложила ему вступить в подпольную организацию. Он категорически отказался, но, несмотря на это, ему настойчиво повторили предложение. Не помогли, конечно, и запугивания, агроном оставался неумолим и даже более того — заявил, что будет бороться с большевиками всеми своими силами.

Мария, будучи в интимной связи с немецким майором, при содействии некоторых членов подпольного движения, устроила вечеринку, на которую пригласила и майора. После подкрепления изрядным количеством водки, присутствующие заявили, что недалеко живет один агроном, грозивший донести, в случае прихода Красной армии, на Марию за ее связь с немецким майором. Не забыли, конечно, при этом сказать майору, что это бывший член Коммунистической партии, подкрепляя свои доводы все большим и большим подливанием водки. Мария далее стала плакать и просить майора защитить ее. Под влиянием слов и водки майор вскочил в дом агронома и выстрелом из пистолета покончил со всей семьей агронома. Таких случаев было немало. Если же им провокация не удавалась, а люди были для них опасны, то они просто убивали их сами».

(обратно)

78

В Полоцке находился штаб 201-й охранной дивизии из состава войск безопасности тыла группы армий «Центр» (на 15 октября 1942), а также из состава дивизии: штаб 1-го батальона 601-го охранного полка и 3-я рота, 6-я рота 2-го батальона и т. д.

(обратно)

79

В результате проведенного в ходе «Гарвардского проекта» (1948–1951) анкетирования лиц, переживших немецкую оккупацию, 809 бывших граждан Советского Союза из «второй» волны российской политической эмиграции ответили следующим образом на вопрос: «Кто из представителей германских структур, войск и ведомств вел себя наилучшим образом по отношению к местному населению»:

Гражданские немецкие власти

162

Войска Вермахта фронтовой линии 545

Местные гарнизоны 69

Органы СС, СД, жандармерии 10

Другие

23

(обратно)

80

Полевая комендатура. В Полоцке размещались: 749-я (1941–1942), 815-я (июль 1942 — январь 1943), 754-я (1943) и 194-я фельдкомендатуры (1944), 399-я обер-фельдкомендатура (1944).

(обратно)

81

Специальные камеры с высокой температурой отопления, в которые в 1928–1930 сажали бывших нэпманов и частных торговцев с целью склонения к «добровольной выдаче» государству денег и ценностей, накопленных в период НЭПа.

(обратно)

82

Отчасти это соответствовало действительности. Подпольщики осенью 1941 сумели добиться освобождения из Полоцкого лагеря военнопленных нескольких врачей-коммунистов — Г. М. Зязина, Н. Н. Ковалева, И. Мороза и др. При участии бывшей заведующей райздравотделом Н. П. Крупиной, связанной с подпольем, всех их трудоустроили в городскую больницу.

(обратно) 83

Г. М. Зязин, Н. Н. Ковалев, И. Мороз.

(обратно) 84

Руководили этой деятельностью врач П. А. Порозов и фельдшер Ф. К. Козлов.

(обратно)

85

До революции в Полоцке действовали 17 православных церквей (в том числе 8 в монастырях), 23 синагоги, костел, лютеранская кирха, единоверческая церковь, 7 церковно-приходских православных школ и т. д.

(обратно) 86

Богоявленский братский мужской монастырь. Упоминается в 1633.

(обратно)

87

Основан около 1125–1128 кнг. Предславой (в монашестве — Евфросинья). Закрыт после Октябрьского переворота 1917. В 1921–1922 мощи св. прп. Евфросинии Полоцкой подверглись поруганию: они были вскрыты большевиками и выставлены на атеистической выставке в Москве, а затем отправлены в Витебский краеведческий музей. В начале 1920-х коммунисты ограбили монастырь, а в 1928 закрыли.

(обратно)

88

В оккупации осенью 1943 началось возрождение иноческой жизни. 25 октября 1943 из Витебска в Полоцкую обитель вернулись нетленные мощи ее святой основательницы. В 1960 монастырь закрыт вторично. Возрождение монастыря началось только в 1989.

(обратно)

89

В 1929 секретариат ВЦИК принял постановление «Об урегулировании колокольного звона в церквях», которым предоставил право «регулирования колокольного звона» местным горсоветам и исполкомам.

(обратно)

90

Распространенные в послевоенной эмиграции цифры, которые сегодня необходимо скорректировать, чтобы представлять более реалистичные, но на самом деле не менее ужасные последствия социалистического эксперимента в России.

В 1917–1940 большевики физически уничтожили 134 тыс. клириков Православной Российской Церкви и членов их семей. К концу 1930-х из 1246 российских монастырей более 1200 были ограблены, разорены или взорваны по распоряжению властей. Более 70 тыс. храмов подверглись разорению, закрытию или осквернению. Из храмовых зданий органы советской власти изъяли ценностей более чем на 7 млрд. рублей. По статистике МВД СССР (на декабрь 1953), за 1921–1938 органами ВЧК-ОГПУ-НКВД за «контрреволюционные преступления» были арестованы более 3,3 млн. человек, из которых осуждены около 3 млн. человек. В том числе во время «ежовщины» (октябрь 1936 — ноябрь 1938) органы НКВД арестовали 1420711 человек, из них расстреляли — 678407. В жертвы «ежовщины» включены и около 10 тыс. представителей ком-начполитсостава РККА (от среднего звена и выше), репрессированных в 1936–1938.

В 1930–1932 во время коллективизации оказалось раскулачено более 1 млн. крестьянских и казачьих хозяйств с общим населением 6–8 млн. человек. За период 1930–1940 принудительным депортациям и массовому переселению в отдаленные районы страны в результате раскулачивания подверглись около 4 млн. человек, из которых по ныне опубликованным данным умерли в созданных властью нечеловеческих условиях спецпоселков и мест спецпоселения от 1,1 до 2,2 млн. крестьян, казаков и членов их семей. Осенью 1932 для того чтобы сломить пассивное сопротивление коллективизации в хлебопроизводящих районах Советского Союза (Украина, Дон, Кубань) и некоторых других регионах (Казахстан, Киргизия, Молдавская АССР, Поволжье, Западная Сибирь), Политбюро ЦК ВКП(б) предприняло ряд спецмер (насильственные хлебозаготовки вплоть до изъятия семенного хлеба) для организации в перечисленных районах массового голодного мора. Секретными постановлениями Политбюро и ЦК ВКП(б) указанные районы блокировались по административным границам, выезд населению за пределы пораженных голодом областей запрещался. В итоге зимой и весной 1933 в указанных районах (в Молдавии голодали уже со второй половины лета 1932) разразился невиданный голод, жертвами которого пали, по оценкам историков и демографов, не менее 6–7 млн. человек. Это был уникальный случай в истории, когда правительство собственной страны по политическим мотивам умирало голодом несколько миллионов своих граждан, включая женщин и детей.

С начала принудительной коллективизации зимой 1930 и вплоть до лета 1940 в СССР неуклонно и поступательно создавалась система принудительного труда трудоспособного населения. Малейшее нарушение трудового законодательства влекло беспощадные репрессии — вплоть до заключения в концлагеря и расстрела. В массовом порядке репрессии следовали за нарушение следующих нормативных актов: закона от 7 августа 1932 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности» и указа ПВС СССР от 26 июня 1940 «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих с предприятий и учреждений». Закон от 7 августа 1932 предусматривал применение к «расхитителям социалистической собственности» расстрела с конфискацией имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишение свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией имущества. Универсальность бесчеловечного юридического постановления, прозванного «указом семьдесят», узаконила и расширила террор государства против граждан СССР, так как почти что каждого можно было обвинить в «расхищении социалистической собственности». Работница с фабрики, укравшая катушку ниток («80 метров пошивочного материала»), или полуголодный колхозник, подбирающий оставшиеся после уборки хлеба колоски, чтобы спасти детей от голодной смерти, стали жертвами этого закона. Оказались осуждены многие колхозники, действительно подбиравшие колоски после уборки хлеба, поэтому он получил еще одно название — «закон о колосках». По подсчетам доктора юридических наук Ю. И. Стецовского, за время действия драконовского постановления арестам «за колоски» подверглись не менее 1,5 млн. крестьян.

По указу ПВС СССР от 26 июня 1940 только за июнь — декабрь 1940 в СССР были осуждены 2091438 человек. Таким образом, в 1930–1940 большевики физически уничтожили более 9 млн. граждан Советского Союза, из которых абсолютное большинство составили жертвы организованного Политбюро ЦК ВКП(б) в 1932–1933 голодомора (в среднем 6,5 млн.) и погибшие после раскулачивания спецпереселенцы (в среднем 1,5 млн.). Исходя из опубликованных материалов по динамике численности и среднегодовой смертности заключенных ГУЛАГа в 1930–1940, мы можем с осторожностью предположить, что в лагерях погибли не менее 500 тыс. человек. Остальные пали жертвами расстрелов и карательных акций при подавлении крестьянских восстаний 1930–1932.

(обратно) 91

К январю 1942 по оценкам ОКХ на Восточном фронте были взяты в плен от 3,35 млн. до 3,8 млн. человек. В советском плену к 1 января 1942 находились чуть более 9 тыс. немецких военнопленных.

(обратно)

92

Летом 1950 общая численность заключенных в лагерях, тюрьмах, колониях и на этапах достигла 2,8 млн. человек, на 1 января 1953 — 2472247 чел. в лагерях и колониях и 152614 чел. в тюрьмах.

(обратно)

93

По расчетам краеведа Б. В. Сенникова, численность населения Тамбовской губернии после знаменитого восстания 1920–1921 сократилась на 200–240 тыс. человек. По официальным данным ОГПУ за январь — апрель 1930, по Советскому Союзу было отмечено более 6 тыс. случаев разных протестных выступлений и вооруженных акций в связи с принудительной коллективизацией, в которых участвовали почти 1,8 млн. человек.

(обратно)

94

Это преувеличение автора воспоминаний, но, тем не менее, паника и кризис местной власти в Москве 15–16 октября 1941 остаются историческим фактом. По неполным данным военной комендатуры Москвы, в эти дни из 438 предприятий, учреждений и организаций сбежали 779 руководящих работников, похитивших около 1,5 млн. рублей и угнавших более 100 легковых и грузовых автомобилей. Партийная комиссия при Московском комитете ВКП(б) за период с 25 октября по 9 декабря 1941 исключила из партии за паническое поведение 16 октября около 950 человек, в том числе многих ответственных партработников и руководителей предприятий (заместителя заведующего оргинструкторского отдела МК ВКП(б) А. С. Глебова, директора Московского планового института В. Л. Игнатъева, директора Молокозавода № 2 Л. С. Мороза, секретаря Шаховского РК ВКП(б) М. В. Мухина, инструктора сектора единого партбилета оргинструкторского отдела МК ВКП(б) Р. И. Трифонова и др.).

(обратно)

95

По официальной статистике МВД СССР (по состоянию на декабрь 1953), за 1941 за «контрреволюционные преступления» были осуждены 75411 человек, в том числе за «антисоветскую агитацию и пропаганду» — 35116 человек. Из 75411 человек 8001 был осужден к расстрелу, на срок от 11 до 15 лет — 507 человек, от 6 до 10 лет — 40678 человек, на срок от 3 до 5 лет — 23815 человек и т. д.

(обратно)

96

Апогеем «ежовщины» считается период с 5 августа, когда вступил в действие оперативный приказ № 00447 от 30 июля 1937 наркома внутренних дел, генерального комиссара госбезопасности Н. И. Ежова, по 31 декабря 1937. За указанный период по Союзу ССР был арестован 555641 человек, из них осуждены «тройками» — 553362 человека (в том числе к расстрелу — 239252 человека; из расстрелянных 105124 чел. относились к категории «бывших кулаков»).

(обратно)

97

Вероятно, речь идет о клириках и мирянах («иосифлянах») — последователях митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых) (1872–1937), расстрелянного органами НКВД 20 ноября 1937 в Чимкенте вместе с митрополитом Кириллом (Смирновым), первым кандидатом на должность Патриаршего Местоблюстителя по завещательному распоряжению Святейшего Патриарха Тихона (Беллавина) от 25 декабря 1924.

После знаменитого Послания («Декларации») Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) от 16/29 июля 1927 митрополит Иосиф подверг его жесткой критике, затем отказался признавать законность своего перевода на Одесскую кафедру и не пожелал оставить Ленинградскую епархию. В ноябре 1927 в Ленинграде появились первые приходы «иосифлян» («непоминающих») во главе с епископом Дмитрием (Любимовым), то есть тех клириков и мирян, которые отказывались поминать за богослужением митрополита Сергия (Страгородского). В ответ 17/30 декабря митрополит Сергий и временный Патриарший Священный Синод запретили в священнослужении всех оппозиционных

ленинградских епископов. В январе 1928 «иосифлянский» раскол стал очевидным фактом и вышел за пределы Ленинградской епархии, затронув Воронежскую, Вятскую и Ярославскую епархии. В следующие месяцы сторонники митрополита Иосифа стали принимать документы с каноническим обоснованием своего отделения от митрополита Сергия. 14/27 марта 1928 сергианский Синод запретил в служении 8 архиереев, в том числе митрополита Иосифа. С 1928 органы ОГПУ жестоко преследовали «иосифлян», священники которых к середине 1930-х практически все перешли на нелегальное (катакомбное) положение. На оккупированных территориях РСФСР в 1941–1942 часть «иосифлян» легализовала свою деятельность, отчасти при помощи Псковской православной миссии. Истинно-православные христиане (ИПХ) в 1930-е близко примыкали к «иосифлянам», но их позиция по отношению к митрополиту Сергию и советской власти отличалась большей непримиримостью. В наибольшей степени движение ИПХ было представлено в Центрально-Черноземных областях РСФСР (Воронежская, Тамбовская обл.) и в 1942–1943 — в Локотском самоуправляющемся округе Б. В. Каминского.

(обратно)

98

Зуев Михаил Евсеевич (около 1890 — после 1945) — организатор крестьянского самоуправления и самообороны на оккупированной территории в районе Полоцка (1941–1944), поручик ВС КОНР. Старовер. К июню 1941 жил в деревне Саскорки. Офицер Абвера Д. П. Каров (Кандауров) описывал его так: «Среднего роста, широкоплечий, крепко стоящий на ногах, обутый в мягкие сапоги. Почти лыс, носил огромную бороду и усы рыже-седого цвета. Маленькие глаза из-под густых бровей смотрели на меня ласково-притворно улыбаясь. Поверх рубахи — городской черный пиджак». В 1929–1940 трижды подвергался репрессиям органами ОГПУ-НКВД за критику коллективизации и «религиозную агитацию». Имел двух сыновей, сосланных в 1930-е в Сибирь. В 1941–1942 создал своеобразный самоуправляющийся район с преобладанием частного крестьянского землепользования, общинного суда, староверческой дисциплины и сельсоветов из стариков. Колхозы были распущены, землю делили по едокам. Птицу разделили по частным хозяйствам, скот остался в общественном пользовании. На каждую семью с детьми полагалась корова. К концу 1942 сформировал самооборону численностью около 100 человек при четырех трофейных пулеметах. Полностью контролировал несколько удаленных от Полоцка деревень, в которых не было ни немецкой администрации, ни партизан. От отправки молодежи на работу в Германию отказался. Неоднократно выигрывал стычки с партизанами, отразил несколько попыток партизанского вторжения на территорию самоуправления и в то же время не допускал вмешательства в жизнь самоуправления оккупационных властей. В 1943–1944 за отличия в борьбе с партизанами награжден двумя знаками отличия для восточных добровольцев «За заслуги» II кл. «в бронзе» и одним (весна 1944) II кл. «в серебре». Летом 1944 организовал эвакуацию желающих в Восточную Пруссию, вывел около 700 беженцев и около 300 бойцов самообороны. На апрель 1945 — в Хойберге, при штабе формировавшейся 2-й пехотной дивизии ВС КОНР; произведен в поручики власовской армии. Во второй половине апреля решил пробираться из Германии в родные места для организации антисоветской повстанческой деятельности и пропал без вести.

(обратно)

99

Осенью 1941, зимой 1941/42 и весной 1942 с аналогичными инициативами выступил ряд высокопоставленных генералов и офицеров Вермахта. Среди них, в первую очередь, стоит назвать генерал-квартирмейстера Генерального штаба ОКХ генерал-лейтенанта Э. Вагнера, участников антинацистского сопротивления в штабе группы армий «Центр» — начальника

оперативного отдела полковника Х. фон Трескова и начальника разведывательного отдела майора Р. К. фон Герсдорфа, командующего войсками безопасности тыла группы армий «Центр» генерала пехоты М. фон Шенкендорфа и др. Однако подобного рода предложения кардинальным образом противоречили основам нацистской восточной политики, поэтому чаще всего категорически отклонялись или попросту игнорировались вышестоящими берлинскими инстанциями. Все же в марте 1942 в районе между Оршей и Смоленском по инициативе прибывшей из Берлина группы русских эмигрантов (хорунжего Русской народной армии С. Н.

Иванова, генерал-майора С. Н. Булак-Балаховича, участника Белого движения на Юге России полковника К. Г. Кромиади, лейтенанта Национальной армии генерала Ф. Франко И. К. Сахарова и др.) началось создание Русской национальной народной армии (РННА, или подразделение Абверкоманды-203), первой крупной экспериментальной части из советских военнопленных. Со стороны Вермахта акцию курировал начальник Абверкоманды-203 подполковник В. фон ГеттингЗеебург.

(обратно)

100

С этим утверждением сочетаются результаты исследований по истории оккупации Ленинградской области петербургского историка Н. А. Ломагина, одного из наиболее авторитетных специалистов по изучению общественных настроений в годы войны.

Здесь уместно процитировать отрывок из монографии Ломагина: «С целью преодоления крайне нежелательной для советского режима тенденции [партизанами] предпринимались попытки спровоцировать немцев на жестокие действия по отношению к гражданскому населению. Примером такой деятельности был спецотряд [разведуправления Ленинградского фронта?] В. И. Силачёва, который 29 октября [1941] уничтожил несколько лиц, сотрудничавших с немцами. В ответ на это 5–6 ноября были расстреляны 15 человек из числа местного населения. “Тут уж население не стало говорить, что немцы не зверствуют, не расстреливают”, — с удовлетворением отмечал [в дневнике] Силачёв. Помимо уничтожения пособников оккупационных органов отряд Силачёва фактически занимался устрашением, распространяя слухи о том, что ожидает коллаборанта. После операции по уничтожению некоего кулака Матвея, оказывавшего содействие немцам в Славковском районе, “была создана такая легенда [легенда ли?], что Матвей был рассечен на куски и что всех ожидает это, если они будут воевать против советской власти”. Таким же образом советская разведка боролась и с антипартизанскими отрядами. Примером может служить отряд капитана Фирзанова, который был послан со специальным заданием проникнуть в антипартизанский отряд, разложить его, а жестокими и безрассудными мерами возбудить в местном населении отчаяние и ненависть к немцам и вообще ко всем, кто находится у них на службе. “Отряд и действия Фирзанова наделали очень много вреда”, — отмечали в Абвере».

Ср. также воспоминания автора мемуаров с заявлением 1-го секретаря Смоленского обкома ВКП(б) Хомицкого: «Нужно как можно больше портить взаимоотношения населения с немцами, чтобы они грызлись».

(обратно)

101

В другом месте Н. А. Ломагин пишет: «В своем дневнике Силачев писал, что 80 % советских людей во время оккупации так или иначе сотрудничали с немцами». Разумеется, в первую очередь, это сотрудничество определялось естественными обстоятельствами оккупации. Тем не менее, размах и ценность этого сотрудничества, одновременно с которым «подсоветское» население как

минимум в первый период сохраняло надежду на установление с оккупантами человеческих взаимоотношений, были, видимо, таковы, что позволили немецкому историку К. Г. Пфедферу еще в 1950-е констатировать: «Немецкие фронтовые войска и служба тыла на Востоке были бы не в состоянии продолжать борьбу в течение долгого времени, если бы значительная часть населения не работала на немцев и не помогала немецким войскам».

(обратно)

102

Меморандумы с аналогичными взглядами на ситуацию в 1941–1942 неоднократно подавались представителям оккупационных властей от гражданских самоуправлений Локотского округа, Киева, Пскова, Орла, Смоленска и некоторых других городов.

(обратно)

103

Вероятно, наиболее убежденными носителями этой идеи на оккупированных территориях в 1941–1943 выступали члены НТС, как приехавшие из Европы, так и вступившие в организацию на родине. Председатель НТС, участник Белого движения на Юге России и инженер В. М. Байдалаков, выступая еще 22 февраля 1939 на большом собрании в Русском доме в Белграде, отвечая на вопрос, на чьей стороне окажется Союз в случае большой войны, заявил: «Ни со Сталиным, ни с иноземными завоевателями, а со всем русским народом. <...> Россию спасет русская сила на русской земле, на каждом из нас лежит обязанность отдать себя делу создания этой силы».

(обратно)

104

По крайней мере, в начальный период оккупации новые власти, особенно на территории установленных рейхскомиссариатов, выступали за сохранение старого советского порядка землепользования, облегчавшего эксплуатацию сельского хозяйства. Однако многие военные коменданты Вермахта сочувственно относились к идее восстановления частных крестьянских хозяйств и в зоне ответственности армии часто не препятствовали фактической ликвидации колхозной системы и явочному разделу населением колхозной земли.

(обратно)

105

Оставленный летом 1941 в районе Заболотье — Кополь отряд Н. Т. Козлова (около 40 чел.) осенью 1941 разошелся по домам. Действующий партизанский отряд под командованием А. Я. Марченко — участника группы С. В. Суховея — появился в окрестностях Полоцка в мае 1942. Одновременно в районе совхоза «Полота» появился и более крупный отряд Я. Х. Сташкевича. Оба эти отряда послужили основой для 3-й партизанской бригады, оперировавшей в Полоцком районе. В других районах в прифронтовом тылу местное население неоднократно демонстрировало враждебность по отношению к партизанам. Так, например, в донесении связного Дмитровского отряда (Курская обл.) В. М. Болотина сообщалось, что с 28 октября 1941 партизаны прекратили боевую деятельность по требованию местных колхозников.

(обратно)

106

Филофей [в миру — Владимир Евдокимович Нарко] (1905, село Заноточки Виленской губ. — 24 сентября 1986, Гамбург) — архиепископ РПЦЗ. Сын учителя, ставшего позднее священником. Окончил Виленскую духовную семинарию (1924), богословский факультет Варшавского университета (1929). Зимой 1927/28 пострижен в Почаевской Лавре в монахи. Служил наместником монастыря св. Онуфрия (с 1929). С 1933 — настоятель, благочинный и заведующий Духовной миссией в Галиции. Архимандрит (1934). Преподавал в Варшавской духовной семинарии, магистр богословия (1937). С 1938 — доцент по кафедре нравственного богословия на богословском факультете Варшавского университета. Настоятель Белорусского православного прихода в Варшаве (1940), член Варшавской духовной консистории (1941). 23 ноября 1941 собором епископов Белорусской Автономной Церкви хиротонисан во епископа Слуцкого. С 9 марта 1942 — на кафедре епископа Могилевского и Мстиславского. Член Синода Белорусской Православной Церкви (БПЦ), заместитель митрополита всея Белоруссии Пантелеймона (Рожновского). Архиепископ БПЦ. С 1944 в эмиграции. В 1946 принят в состав епископата РПЦЗ. Окормлял паству в лагерях перемещенных лиц в Германии. Управляющий Северо-Западным викариатством Германской епархии. С 1982 на покое.

(обратно)

107

Стефан [в миру — Симеон Севбо] (17/29 апреля 1872 — 25 января 1965, Зальцбург) — архиепископ РПЦЗ. Сын сельского псаломщика. Окончил духовное училище, Минскую духовную семинарию и рукоположен в сан священника (1896). Служил в Минской епархии, с частью которой в 1920 оказался на территории Польши. За защиту православной веры подвергался репрессиям со стороны властей. В 1941 принял монашеский постриг. После июля 1941 наречен во епископа Смоленского, хиротонисан 17 мая 1942. С осени 1943 в эмиграции. В 1946 назначен архиереем на Венскую и Австрийскую кафедру РПЦЗ. Неустанно занимался духовным окормлением беженцев, эмигрантов «второй волны» и миссионерской деятельностью.

(обратно)

108

По некоторым признакам весной 1942 это могли быть только подразделения 102-го казачьего батальона (Ost Kosakenabteilung 102.) майора И. Н. Кононова из состава корпуса сил безопасности группы армий «Центр», подчинявшегося командующему тыловым районом генералу пехоты М. фон Шенкендорфу. Все остальные казачьи батальоны (622-й, 623-й, 624-й, 625-й) появились в этом районе в тылу 3-й танковой армии Вермахта только осенью 1942. При этом в районе Полоцка оперировал 622-й батальон (на май — июнь 1943).

(обратно)

109

От нем. Befehl — приказ.

(обратно)

110

То есть тех деревень, которые входили в своеобразную автономную староверческую «республику Зуева».

(обратно)

111

Мы предполагаем, что речь идет о 3-й танковой армии Вермахта.

(обратно)

112

Позднее бывший бургомистр Д. Б. Петровский и бывший переводчик ортскомендатуры Ф. К. Безер были расстреляны. По такому же сценарию в июле 1942 развивались события в самоуправлении Бобруйска, в котором к 14 июля оказались арестованы 7 человек, из них двоих затем расстреляли.

(обратно)

113

Правильно: управлением НКВД по Ленинградской обл.

(обратно)

114

Серафим [в миру — Карл Георг Альберт Ляде, в крещении Серафим] (4 июня 1893, Лейпциг— 14 сентября 1950, Золльн под Мюнхеном) — митрополит РПЦЗ. Родился в лютеранской семье. Окончил реальную гимназию в Дрездене (1900). В 1904 принял православие. Окончил семинарию (1907), Московскую духовную академию (1916). Служил на приходах Харьковской епархии, преподавал в учебных заведениях немецкий язык и литературу, Закон Божий. В 1924 принял монашество. В 1923–1929 в обновленческом расколе на епархиях Ахтырской, Изюмской, Змиевской. Архимандрит, епископ Змиевский (1924). В 1930 как немецкий подданный уволен в заграничный отпуск, из которого в СССР не возвратился. Жил в Германии. Принят Синодом РПЦЗ в общение в сущем сане. Управляющий Православной епархией в Австрии (1931–1937), затем на Берлинской кафедре. Архиепископ (1939), митрополит Берлинский, Германский и Среднеевропейский (1942). В годы войны сыграл незаурядную роль в организации духовного окормления десятков тысяч восточных рабочих и военнопленных, горячо поддерживал развитие Власовского движения и мероприятия КОНР в 1944–1945. После 1945 окормлял паству в лагерях перемещенных лиц.

(обратно)

115

Уже в августе 1941 со стороны ряда высших инстанций нацистского государства, включая Имперское Главное управление безопасности, последовал ряд директив и циркуляров, в соответствии с которыми категорически исключался доступ зарубежных православных священников на оккупированные восточные территории. Аналогичным образом пресекались попытки контактов с зарубежным духовенством.

(обратно)

116

На 20 июня 1941 в подчинении НКВД находились 484 тюрьмы на 210 тыс. лимитных мест, в которых тем не менее содержались 317183 заключенных, из которых 159212 человек (50 %) были уже осуждены. Возглавлял Тюремное управление НКВД капитан госбезопасности М. И. Никольский. Автор-составитель сборника первоначально нашел лишь два документа, которые

косвенно могут быть связаны с фактами массовых расстрелов заключенных на этапах эвакуации летом 1941. Во-первых, это директива НКГБ СССР № 136/6171 от 24 июня 1941 «О задачах органов госбезопасности прифронтовых областей», которая была подписана наркомом госбезопасности СССР комиссаром госбезопасности III ранга В. Н. Меркуловым. Меркулов предложил территориальным органам НКГБ форсировать эвакуацию арестованных и заключенных, в первую очередь, из угрожаемых районов. Во-вторых, это циркуляр НКВД СССР № 30/6549/02 от 28 июня 1941 «Об эвакуации лагерей НКВД», подписанный заместителем наркома внутренних дел комиссаром госбезопасности III ранга В. В. Чернышовым. Чернышов в циркуляре предлагал при эвакуации заключенных излишне не занимать железные дороги или водный транспорт. По официальным данным, в 1941 были эвакуированы 141 527 заключенных. К сожалению, нам неизвестно, сколько заключенных содержалось в тюрьмах именно западных областей СССР по состоянию на 23 июня 1941, тем более неизвестно, сколько оказалось арестовано и заключено в тюрьмы до эвакуации (23–25 июня) в связи с началом войны.

Проблема получила некоторое освещение благодаря ценным публикациям сотрудника ГА РФ А. И. Кокурина, установившего факты массовых расстрелов заключенных еще на рубеже 1980–1990 в результате подготовки ответов по запросам территориальных органов госбезопасности СССР. Специалист по истории ГУЛАГа В. А. Козлов, анализируя настроения среди заключенных в связи с началом войны между Германией и Советским Союзом, считает необходимым отметить: «Оперативная обстановка в лагерях кардинально изменилась, возникли условия для распространения активных форм организованного сопротивления и борьбы. У заключенных, особенно осужденных за контрреволюционные преступления, появилась вполне понятная боязнь, что неудачи первого периода войны и быстрое наступление немцев могут спровоцировать власть на акции массового уничтожения в лагерях, оказавшихся в непосредственной близости от районов боевых действий. Потенциально этот страх мог стать важным фактором сплочения и консолидации перед лицом смертельной угрозы. В лагерях широко распространились слухи об уже имевших место массовых акциях, о некоем секретном приказе НКВД — уничтожать заключенных в случае приближения немцев. Слухи были основаны как на подлинных фактах расстрелов заключенных — и политических, и уголовных, — так и на долетевших до зеков разговорах охранников о неких секретных совещаниях оперативного состава того или иного лагеря. На этих совещаниях якобы зачитывался какой-то секретный приказ НКВД о превентивных расстрелах. Среди приказов НКВД, хранящихся в ГА РФ, нам не удалось обнаружить ни самого приказа, ни ссылок на него. Но независимо от того, был приказ или его не было, слухи об угрозе, поверить в которую заставлял весь предыдущий тюремно-лагерный опыт зеков, составили один из ключевых компонентов новой социально-психологической реальности, коллективной мобилизации и самоорганизации».

Свидетельства выживших жертв политических репрессий (например, подполковника польской армии Я. Првдица-Шляского, отправленного на этап с другими узниками минской тюрьмы 24 июня 1941) подтверждают факты массовых расстрелов заключенных при поспешной эвакуации летом 1941. Из опубликованных документов следует, что по состоянию на 4 июля 1941 советскими органами госбезопасности были расстреляны («убыли по 1-й категории») заключенные [в огромном большинстве политические]: 2464 — в тюрьмах Львовской обл. (закопаны во дворе тюрем, в Злочеве — в саду), 1101 — в тюрьмах Дрогобычской обл. (Самбор, Стрий; при этом 27 июня 1941 надзиратель тюрьмы в Самборе Либман застрелился), 1000 — в тюрьмах Станиславской области (Станислав, Коломия, Печенежино; закопаны в районе тюрьмы Станислава), в Тернопольской обл.: 500 человек — в Тернополе (закопаны в ямах близ тюрьмы), 174 — в Бсрезжанах (закопаны в крепости), в Ровенской области: 230 — в Дубно, в Волынской обл.: 195 — в Ковеле, 36 — во Владимиро-Волыньск, в Черновицкой обл. — расстреляли всех осужденных к ВМН [число не установлено], в Житомирской обл. — 47 человек в Житомире, в Киевской обл. — 113 человек и т. д. По Белоруссии известны отрывочные данные. В Ошмянах при

бомбежке населенного пункта расстреляли около 30 заключенных, обвиняемых по 58-й ст. На этапе эвакуации из Глубокого начальник тюрьмы Присмышев организовал расстрел 600 человек и т. д. Интересно, что в Новогрудк 23 июня 1941 толпа местных жителей напала на эшелон, где содержались предназначенные к эвакуации заключенные из местной тюрьмы и освободила их. Перечисленные факты заставляют признать публикуемое свидетельство сотрудника Полоцкого городского самоуправления вполне реалистичным.

(обратно)

117

Ср. с записями из ялтинского дневника З. А. Хабаровой:

«1 февраля 1942 <...>

Опять бомбят. Сегодня пошли опять в санаторий. На минуту задержались у нашего парадного. Впереди метров за 50 шли два немца. Вдруг налетел самолет. Мы кинулись в сторону в городской сад. Немцев уже не было, была воронка и обрывки шинелей. А ведь это были бы мы с мамой. И кинотеатр “Арс” тоже в развалинах. Почему наши самолеты так бомбят? Ведь гибнут здания и русские. Два немца впервые.<.. >

1 мая 1942

Нас стали бомбить ежедневно.

У нас интересная кошка. Она чувствует, что будет бомбежка, и ведет котят под лестницу на 1-й этаж.

Мы теперь чаще живем под лестницей, а не на 2-м этаже.

Я все так же хожу к технику и на базар. Меняю масло и рыбу на пшеницу или на хлеб. Румыны на базаре меняют все что можно, даже вино.

Вчера шла по Набережной домой, сзади шла девочка. Вдруг на бреющем налетел наш самолет. Я видела его лицо. Он сбросил бомбу. У “Интуриста” стояли хорваты. Они закричали: “Ложись”. Все произошло мгновенно: выскочил хорват, дал мне подножку, я упала. Бомба взорвалась у городского сада. Девочку убило осколком. Хорват отвел меня домой. Меня трясло.

Немцы громят Севастополь, а наши “соколы” Ялту».

(обратно)

118

Действительно, уже по состоянию на 27 февраля 1942 общее число завербованных и отправленных на работы в рейх (за январь-февраль 1942) гражданских лиц с оккупированных территорий на Востоке (в первую очередь, из районов Харькова и Сталино) составило 39292 человека, при этом подавляющее большинство еще ехали с энтузиазмом и добровольно. Гауляйтер Тюрингии Ф. Заукель, назначенный фюрером 21 марта 1942 на должность генерального уполномоченного по трудоустройству, развил интенсивную деятельность по вывозу оstarбайтеров. К июню 1943, когда принудительный набор на работы достиг Полоцка, в рейхе уже трудились почти 2 млн. советских граждан.

(обратно)

119

Специалист по истории использования в рейхе принудительного труда советских граждан московский исследователь и литератор П. М. Полян подчеркивает применительно уже к ситуации 1942: «Постепенно, как и предсказывали эксперты Абвера, практически повсеместно зарождалось и ширилось партизанское движение — и вербовка [на работы] была тому одной из главных причин».

(обратно) 120

По-видимому, «Рады мужей доверия» при генеральном комиссаре Белоруссии В. Кубе.

(обратно)

121

НТС — Народно-Трудовой Союз (российских солидаристов) (с июля 1930 по декабрь 1931 — Национальный Союз русской молодежи (НСРМ), с декабря 1931 по февраль 1936 — Национальный Союз нового поколения (НСНП), с февраля 1936 по ноябрь 1942 — Национально-Трудовой Союз нового поколения (НТСНП), с ноября 1942 по июль 1945 — Национально-Трудовой Союз (НТС), с июля 1945 по июль 1957 — Национально-Трудовой Союз (российских солидаристов), с 7 июля 1957 — Народно-трудовой союз (российских солидаристов)) — российская антикоммунистическая политическая организация, идеология которой опирается на принципы христианского солидаризма.

НСРМ возник в Белграде на съезде руководителей национальных молодежных союзов и кружков (1–5 июля 1930) Русского Зарубежья, представленных делегатами из Болгарии, Франции, Чехословакии и Югославии. Основным стимулом к созданию НСРМ послужил новопоколенческий активизм — стремление молодежных кругов русской политической эмиграции принять деятельное участие в борьбе против советской власти. В 1930-е в отличие от большинства военнополитических организаций эмиграции (РОВС и др.) Союз предлагал отказаться от ожидания новой европейской войны и призывал к самостоятельной организации активного сопротивления. Основной стратегии Союза в 1933–1939 стала идея антибольшевистской национальной революции — свержения народами России сталинского режима. Собственную задачу НСНП видел в переброске членов организации в СССР и создании на родине подпольных групп, которые должны были готовить вооруженное общественное выступление. В 1938–1939 НТСНП имел отделы и группы в Болгарии, Германии, Маньчжурии, Румынии, Франции, Чехословакии, Югославии и др. странах, закрытые (пограничные) отделы в Польше, Финляндии, Эстонии (всего около 2 тыс. членов).

Председатели Союза (1930–1955): с 4 июля 1930 по ноябрь 1933 — герцог С. Н. Лейхтенбергский (1903–1966), с декабря 1933 по 30 января 1955 — участник Белого движения на Юге России инженер В. М. Байдалаков (1900–1967). Генеральным секретарем Исполнительного бюро (ИБ) Совета НТС в период с декабря 1931 по апрель 1941 был профессор древнееврейского языка Белградского университета М. А. Георгиевский (1888–1950).

В эмиграции Союз вел активную общественно-политическую деятельность. Информация о деятельности НТСНП появлялась на страницах русских правых периодических изданий: «Часовой», «Русское слово», «Харбинское время», «Русский голос». Члены НТСНП во Франции Б. В. Прянишников, Р. П. Рончевский и др. в 1935–1937 приняли участие в конфликте, связанном с деятельностью «Внутренней линии» — контрразведки РОВС, инфильтрированной, по мнению Исполбюро НТСНП, советской агентурой. В Югославии в 1937–1941 новопоколенцы приобрели известность воспитательно-педагогической деятельностью с детьми и юношеством в рядах Национальной Организации Русских Скаутов-Разведчиков (НОРС-Р) Старшего Русского Скаута, Гвардии полковника О. И. Пантюхова («сараевцы» — группа Б. Б. Мартино).

Основным видом внутренней деятельности местных групп и отделений НТСНП являлись политическое самообразование, подготовка и издание учебных конспектов по вопросам современной политики, экономики, социальных учений и т. д. Несмотря на ярко выраженный авторитарный характер организации Союза, в идеологии НТСНП сохранялись приверженность новопоколенцев внутренней свободе духа и мнений, приоритет духовного начала над грубой силой. Именно поэтому в 1934–1939 и не произошло отождествления идейных исканий и тактики НТСНП с идеологией и практикой НСДАП и европейских фашистских организаций. Ввиду давления со стороны нацистского государства отдел Союза в Германии в 1938 формально самораспустился. Со второй половины января 1938 по 1 ноября 1939 в Фалькензее (западнее Берлина) действовала конспиративная типографская база НТСНП «Льдина», созданная по соглашению между ИБ Совета НТСНП и представителем военного атташата Императорской Японии в Берлине полковником Саито. Японская сторона брала на себя обязательства организации и минимального финансирования конспиративной типографии, изготавливавшей листовки и брошюры, предназначавшиеся для распространения в СССР. ИБ НТСНП предоставлял атташату аналитические отчеты о советской действительности, разрабатывавшиеся сотрудниками «Льдины». Важнейшим условием атташата было соблюдение полной конспиративности базы и ее сотрудников на территории Германии. На «Льдине» работали члены Союза Б. В. Прянишников, Г. С. Като, С. А. Зезин и Д. С. Лукницкий. За время существования базы ее сотрудниками были написаны десятки статей для союзной периодики, отпечатаны несколько тысяч листовок, составлен ряд аналитических обзоров. После заключения 23 августа 1939 советско-германского пакта база прекратила свою деятельность, а работавшие на ней члены НТСНП покинули Германию.

В 1932–1940 Исполнительное бюро Совета Союза пыталось нелегально перебросить через границу до 15 групп, насчитывавших в общей сложности около 35 человек. Заброска групп в СССР проводилась с территории Латвии, Польши, Румынии и Финляндии при содействии разведотделов Генеральных штабов армий пограничных государств, которым взамен доставлялась информация о техническом обеспечении и способах преодоления пограничной полосы. Однако пересечь границу и временно легализоваться в СССР удалось лишь 9 новопоколенцам, не менее 25 человек погибли в перестрелках с погранохраной (В. Н. Бабкин, К. Гурский, В. Г. Конява-Фишер, Д. С. Лукницкий, С. А. Спица и др.), оказались раскрыты НКВД и расстреляны (М. С. Дурново, Г. И. Казнаков и др.) или после перестрелок на границе оказались вынуждены возвратиться (М. Л. Ольгский, М. С. Бржостовский, Г. Е. Прилуцкий и др.). Первыми в СССР успешно прошли из Польши в августе 1938 на минском направлении Г. С. Околович и А. Г. Колков. Они посетили около двух десятков городов и в декабре благополучно возвратились.

В феврале 1939 В. М. Байдалаков заявил о том, что в грядущей войне Союз будет играть роль «третьей силы» («Ни со Сталиным, ни с Гитлером, а с русским народом!»). В августе 1941 при посредничестве редактора русской берлинской газеты «Новое слово» В. М. Деспотули ряд членов Совета и Исполнительного бюро НТСНП (В. М. Байдалаков, К. Д. Вергун, Г. С. Околович и др.) переехали из Белграда в Берлин для организации политического центра Союза. В 1941–1944 руководство НТС сотрудничало с оппозиционными кругами в министерстве по делам оккупированных восточных территорий, отделе пропаганды Верховного командования Вермахта, Абвере. Несмотря на то, что по распоряжению А. Розенберга въезд русским эмигрантам на оккупированные территории Востока был категорически запрещен, около 250 членов Союза (С. И. Бевад, Б. Г. Врангель, П. В. Жадан, Ю. П. Жедилягин, К. А. Кирий, Е. И. Мамуков, Е. Р. Миркович, С. В. Пелипец, Р. В. Полчанинов, С. А. Тарасов, А. Е. Ширинкина и др.) как по собственной инициативе, так и при помощи представителей антигитлеровской оппозиции в Вермахте сумели проникнуть в оккупированные области с целью создания собственных подпольных групп. К 1943 на оккупированных территориях в 54 населенных пунктах (Брянске, Витебске, Днепропетровске,

Минске, Одессе, Орле, Полтаве, Пскове, Симферополе, Смоленске и др.) действовали до 120 групп.

В 1942–1944 члены НТС вели активную пропаганду в лагерях пропагандистов Вустрау и Циттснхорст, отбирая необходимые для Союза кадры. Члены НТС А. С. Казанцев, А. А. Кандауров, А. Н. Зайцев, А. А. Тенсон, Н. Г. Штифанов и др. в 1943–1945 приняли активное участие во Власовском движении, оказав влияние на политическую программу власовцев. Около 60 офицеров РОА (генерал-майоры М. А. Меандров, Ф. И. Трухин, полковник А. И. Спиридонов, капитан Н. Ф. Лапин и др.) вступили в НТС. Однако репрессии Гестапо и СД 1943–1944, советизация восточноевропейских государств, насильственные репатриации союзников в 1945 нанесли кадрам Союза огромные потери. Летом 1945 НТС возобновил политическую деятельность в западных оккупационных зонах Германии. Центры Союза в послевоенный период находились в лагере перемещенных лиц Менхсгоф под Касселем (1945–1946), Лимбургс-на-Лане (1947–1952), Франкфурте-на-Майне (1952–1993), Москве (с 1993).

За 75 лет существования идеология НСРМ-НТС претерпела значительные изменения и прошла последовательно-эволюционный путь от идей корпоративного, беспартийного, национально-трудового государства с сильной «надклассовой» властью до признания ценностей консервативного либерализма и гражданского общества. На эволюцию идеологии Союза повлияли взгляды представителей русской религиозной философской школы С. Л. Франка, И. А. Ильина, С. А. Левицкого и Р. Н. Редлиха, обосновывавших необходимость солидарного государственного устройства на основе общенациональных ценностей, взаимодополнения прав общества и личности, а также регулирующей роли государства в социальной жизни.

(обратно)

122

Власов Андрей Андреевич (1 сентября 1901, село Ломакино Покровской волости Сергачевского уезда Нижегородской губернии — 1 августа 1946, Москва) — генерал-лейтенант Красной армии (1942), председатель Президиума КОНР и Главнокомандующий войсками КОНР (1944–1945). Подробнее о нем, см.: Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945 / 2-е изд. Биографический справочник. М., 2009. С. 254–328.

(обратно)

123

Датированное 27 декабря 1942 Смоленское воззвание Русского комитета («Обращение к бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза») в теории рассматривалось сотрудниками IV отделения («Активная пропаганда на Востоке») отдела пропаганды Верховного командования Вооруженных Сил Германии (Oberkommando der Wehrmacht/Wehrmachtspropaganda — ОКВ/ВГПр.-IV) исключительно в качестве документа, предназначенного для использования в спсцпропаганде в войсках Красной армии. Вероятно, именно поэтому при его тиражировании были исключены подписи бригадного комиссара Г. Н. Жиленкова, батальонного комиссара М. А. Зыкова и бургомистра Смоленска Б. Г. Меньшагина. Однако, получив широкое распространение зимой — весной 1943 и на оккупированных территориях, и в лагерях военнопленных, воззвание, с нашей точки зрения, приобрело политический характер, фактически положив начало Власовскому движению. Естественно, что в тексте документа нашли отражение типичные штампы нацистской пропаганды (например, «Германия не ведет войны против России, а лишь против большевизма <...>, не посягает на жизненное пространство русского народа и его национально-политическую свободу» ит. п.). Но в то же время в Смоленском возвании содержались программные положения, сформулированные

самими власовцами (М. А. Зыковым, В. Ф. Малышкиным) и придававшие декларации откровенно политический, антисталинский характер, а именно: «Ликвидация принудительного труда <...>, ликвидация колхозов и передача земли в частную собственность крестьянам <...>, уничтожение режима террора и насилия, введение свободы слова, печати» и т. д. При этом речь шла об уничтожении не только советского режима террора и насилия. Эти слова употреблялись в более широком смысле. Фактически в «Обращении» Русского комитета были сформулированы политические цели Власовского движения, независимо от степени реальности их достижения.

(обратно)

124

Первой мировой.

(обратно)

125

Очевидно, речь идет о партизанских отрядах Братства Русской Правды, в которое в середине 1920-х влились белорусские отряды Братства «Зеленого дуба» (около 3,5 тыс. человек в 1920-е).

(обратно)

126

Так, например, после стремительного захвата Невеля 6 октября 1943 частями 3-й Ударной армии генерал-лейтенанта К. Н. Галицкого в считанные дни были убиты не только все застигнутые врасплох в городе служащие вспомогательной полиции и добровольческих восточных формирований, но и члены их семей, пожарные, вольнонаемный персонал при немецких частях и учреждениях, часть железнодорожных рабочих и т. д. После эксцессов в Невеле значительная часть местных партизан, участвовавших в операции и оказавших поддержку наступающим войскам 3-й Ударной армии, перешла на сторону отрядов крестьянской самообороны в районе Полоцка. К сожалению, документы политотделов, военно-судных органов и ОКР «СМЕРШ» воинских частей и соединений, участвовавших в захвате Невеля, до сих пор находятся на закрытом хранении.

(обратно) 127

Секретарь военного трибунала Армавирского гарнизона Северо-Кавказского фронта (на 1943) Я. Айзенштат после войны вспоминал: «Только военный трибунал Армавирского гарнизона рассмотрел тысячи дел о старостах, полицаях и жандармах, действовавших на Кубани. Дела рассматривались не только в Армавире, но и на выездных сессиях трибунала в станицах Успенская, Новокубанская, Гулькевичи, Лабинская и других. Дел было столько, что они не размещались в шкафах и хранились в обширном подполье трибунала. <...> Константин Симонов писал, что на Кубани не набралось и сотни предателей, а они исчислялись тысячами. На плодородной Кубани в период оккупации никто не голодал, не пух от голода, а на службу к немцам шли». Другой источник указывает, что, например, из 62 судимых в марте 1943 в Буденновске (Святой Крест) за сотрудничество с противником в период оккупации 38 были приговорены к расстрелу, 12 — к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, 7 — к 4 годам лагерей, 5 — оправданы.

(обратно)

128

С лета 1942 в работе с местным населением партизаны стараются избегать упоминаний о колхозной системе. Новгородский историк Б. Н. Ковалёв, специализирующийся на изучении оккупационного режима в достаточно традиционном для советской историографии ключе, все-таки подчеркивает, ссылаясь на архивные документы УФСБ РФ по Брянской обл.: «Некоторые пропагандисты [партизан] по собственной инициативе говорили о том, что "после войны колхозов не будет; если разобьем немцев, народу послабление будет"». Однако в воспоминаниях советских граждан, переживших оккупацию в самых разных регионах, многократно встречаются свидетельства об обещаниях и распространенных надеждах на послевоенное «послабление», которое так и не наступило.

(обратно)

129

От политических способов ведения войны против СССР высшая номенклатура нацистской партии отказалась еще до нападения на Советский Союз. Было бы ошибочно полагать, что власовцам была предоставлена ограниченная свобода действий и в 1943–1944. После патриотических выступлений А. А. Власова на оккупированных территориях (январь-апрель 1943) 17 апреля генерал-фельдмаршал В. Кейтель отдал приказ о заключении Власова в лагерь военнопленных, а в случае рецидивов потребовал его «передать тайной полиции и обезвредить». 1 июля Кейтель сообщил, что «развертывание власовской освободительной армии сведено к масштабам, предусмотренным фюрером» на совещании 8 июня 1943, а «великорусская идея Власова отменена». Санкцию на создание КОНР и собственной армии А. А. Власов получил лишь 16 сентября 1944.

Термин «Русская Освободительная Армия» начинает широко использоваться в пропаганде, вероятно, после известного приказа начальника Генерального штаба ОКХ генерал-полковника К. Цейтцлера № 5000/43 от 29 апреля 1943, в котором указывалось, что все русские добровольцы Вермахта в совокупности образуют РОА, которой как оперативного объединения в тот момент не существовало. В конце 1943 — начале 1944 в распыленных русских подразделениях и частях, не считая казачьих формирований и добровольных помощников («хиви»), служило, по разным оценкам, от 75 до 100 тыс. человек, строго подчинявшихся немецкому командованию. До осени 1944 «власовцами» с большим или меньшим основанием себя могли называть лишь курсанты и выпускники Дабендорфской школы пропагандистов РОА (*Ostpro-pagandaabteilung zur besonderen Verwendung*; полевая почта № 28 264), через которую в 1943–1945 прошли от 4,5 до 5 тыс. человек. Из них от 40 до 50 были приняты в НТС. Именно выпускники Дабендорфа в силу служебной специфики располагали возможностями для разъездов в прифронтовой полосе и могли беспрепятственно посещать Полоцк. О значении Дабендорфской школы в 1943–1944 для развития Власовского движения см. нашу статью: К истории Дабендорфской школы РОА // Александров К. М. Русские солдаты Вермахта. М., 2005. С. 142–168.

(обратно)

130

Этим членом Совета НТС был Р. Н. Редлих. Редлих Роман Николаевич (12 ноября 1911, Москва — 20 августа 2005, Франкфурт-на-Майне) — общественно-политический деятель, публицист, философ, педагог. Последний прижизненный ученик профессора И. А. Ильина. Родился в обрусевшей дворянской семье выходцев из Германии. Прадед Ф. Ф. Редлих выслужил дворянство за отличия в войне против Наполеона в 1813–1814, сражаясь в рядах Ганзейского легиона. Дед А. Ф. Редлих — главный хирург московской Старо-Екатерининской больницы, создатель системы реабилитации пациентов, открывший первые в Москве водолечебницу и клинику лечебной

гимнастики (1864). О гимнастическом обществе А. Ф. Редлиха писали В. А. Гиляровский и А. П. Чехов. Отец Н. А. Редлих — московский предприниматель, создатель первого в Москве промышленного производства (закрыто большевиками в 1928) лимонада, столовых, фруктовых и лечебных вод; отбывал срок на Беломорканале (1929–1932). В 1929 окончил среднюю школу, но в вуз поступить не смог из-за социального происхождения. Работал слесарем на железной дороге, затем младшим научным сотрудником в Государственном институте психологии, педологии и психотехники. Учился в школе-студии при Камерном театре А. Таирова. Благодаря тому, что дед по матери сохранил часть капитала в Эстонской республике и смог заплатить 5 тыс. рублей золотом за заграничный паспорт, в конце 1932 семья выехала из СССР за границу. До конца жизни оставался лицом без гражданства. В эмиграции в Берлине (с 1933).

Слушал лекции Б. П. Вышеславцева, И. А. Ильина и С. Л. Франка, последнего всю жизнь считал наиболее крупным русским философом. Участвовал в философских семинарах. Окончил отделение классической археологии Берлинского университета (1940) и защитил диссертацию о сюжетах амазономахии на римских саркофагах у профессора Г. Роденвальдта. Доктор философии. Член НТСНП с 1940. В 1942–1943 занимался пропагандистской деятельностью среди советских военнопленных (лагеря Вустрау и Циттенхорст министерства по делам восточных территорий). Бессменный член Совета НТС (1943–2001). В 1943–1944 — на оккупированных территориях. Занимался созданием ячеек и групп НТС в средней полосе России и в Белоруссии. В январе — июне 1944 — в чине капитана переводчик Б. В. Каминского, командира антипартизанской бригады в составе сил безопасности высшего руководителя СС и полиции на территории генерального комиссариата «Белоруссия» СС группенфюрера, генерал-лейтенанта полиции и войск СС К. фон Готтберга (районы Лепель и Дятлово). С июля 1944 — в розыске Гестапо по обвинению в принадлежности к нелегальной организации НТС. Скрывался в Северной Италии.

После капитуляции Германии через Австрию попытался пробраться на Юг Германии, но был арестован на зональной границе англичанами и четыре месяца просидел в тюрьме. Затем работал в центре НТС, жил в ФРГ Идеолог российского солидаризма, последователь философских взглядов С. Л. Франка и Н. О. Лосского. В 1947–1955 возглавлял группу Института по изучению СССР, автор публикаций по аналитике сталинщины и советского общества. Совместно с А. Г. Авторхановым разрабатывал для радиостанции «Освобождение» концепцию вещания на СССР в первую очередь для русского народа, которая позднее была отвергнута руководством радиостанции в Мюнхене и заменена концепцией вещания для советских людей и национальных меньшинств СССР. В 1955–1958 — организатор и руководитель радиовещания на СССР на Дальнем Востоке (Тайвань, Манила, Сеул). На рубеже 1950-1960-х — политический советник правительства Южного Вьетнама. Автор трудов «Сталинщина как духовный феномен» (1971), «Советское общество» (1972), «Солидарность и свобода» (1984), романа «Предатель» (ФРГ — 1981; РФ — 1991; 1992) — пронзительного философского повествования о судьбе человека, оказавшегося в тисках сталинской и нацистской диктатуры. Вице-редактор газеты «Русская мысль» (Париж, 1968–1972), соредактор журнала «Грани» (Франкфурт-на-Майне, 1982–1983). Постоянный эксперт по вопросам стратегии политической деятельности НТС. Еще в 1970-е сформулировал теорию о том, что организатором ликвидации власти КПСС в СССР выступит секретарь провинциального обкома партии. Автор более пятисот общественно-политических, философских и публицистических статей. Перевел с немецкого книгу экономиста Л. Эрхарда «Благосостояние для всех» (1957) и труд философа О. фон Нелль Бренинга «Построение общества» (1987). Участвовал в Конгрессе соотечественников в Москве (август 1991) и защите Белого дома (19–21 августа). В 1992–1998 жил в Москве, преподавал историю русской философии в Новом гуманитарном университете, читал лекции в Смоленской духовной семинарии. Автор курса по истории русской философской мысли (1995–1996). После 1998 по состоянию здоровья

вернулся в ФРГ, но продолжал приезжать на родину до последних лет. Похоронен 25 августа 2005 на русском кладбище в Висбадене.

(обратно) 131

Среди известных нам членов НТС, приезжавших в Полоцк, мы можем назвать В. И. Алексеева и П. Д. Пономарёва.

(обратно)

132

Первые члены НТСНП полулегально и с приключениями приехали из Варшавы в Смоленск в середине сентября 1941. Руководил группой двадцатичетырехлетний Н. Ф. Алферчик (в эмиграции — Павлов), родственники которого до войны были расстреляны органами НКВД в Пинске. Узнав об этом, Алферчик оставил Союз и поступил на службу в окружную полицию, где занял должность начальника 2-го (секретно-политического) отдела. Другими прибывшими из Польши членами Союза были восемнадцатилетний В. Н. Кашников и семнадцатилетний Г. Соловьёв. Осенью 1941 группы и ячейки НТС возникли в Смоленске, Минске, Витебске. В Смоленске всю деятельность групп Союза на оккупированных территориях возглавил участник Белого движения Г. С. Околович, прибывший сюда в ноябре 1941 вместе с подполковником Северо-Западной Добровольческой армии В. В. Брандом. Первоначально Околович служил в горуправе начальником лесного склада, а затем начальником топливного и транспортного отделов. Уже 10 марта 1942 начальник отдела пропаганды при штабе группы армий «Центр» в специальной докладной записке подчеркивал, что главная цель НТС — «возрождение Великой России» с сохранением «преимущественного положения за Православной Церковью». Автор записки констатировал: «Агитация членов Союза очень быстро может создать зародыш новой, национально-шовинистической оппозиции, которая была бы не менее опасна, чем остатки большевистских элементов в занятых советских областях».

В 1943 против членов НТС на оккупированных территориях начинаются репрессии Гестапо, в результате которых по обвинениям в антинемецкой деятельности были расстреляны около 30 членов Союза, чьи фамилии известны: С. Алексеенко (Молодечно), М. Бондаренко (Пинск), Е. Волновский (Могилев), С. Гладков, А. Шумский (Минск), И. Горин (Смоленск), К. Зудшин (Борисов), Г. Косинов (Бобруйск), Ю. Пянков, И. Сущенко (Одесса), Н. Шалдыкин (Вязьма) и др. 23 декабря 1943 агентами Гестапо (или СД?) на улице Варшавы был убит гражданин Швейцарии, доктор экономических наук А. Э. Вюрглер (1901–1943), руководивший с конца 1930-х закрытым отделом НТС в Польше и отправкой членов Союза в Россию.

(обратно) 133

В тот момент в руководство (Совет) НТС входили В. М. Байдалаков, Д. В. Брунст, К. Д. Вергун, М. А. Георгиевский, Д. М. Завжалов, Г. С. Околович, В. Д. Поремский, Р. Н. Редлих, Ф. И. Трухин.

(обратно)

134

«Схема национально-трудового строя» — первая полноценная политическая программа НТС, которой в законченном виде до войны не существовало. До 1941 были разработаны лишь несколько черновиков, набросков и отдельных положений, отражавших взгляд организации на ее цели, задачи и облик послесталинской России. С конца 1941 в группах НТСНП на оккупированных территориях, в Европе, а также в Вустрау и Циттенхорсте с активным участием новых членов Союза из «подсоветских» людей разрабатываются части будущей общесоюзной программы.

Структурно «Схема» была разработана на нелегальном идеологическом семинаре НТСНП в Берлине под руководством члена Совета и Исполнительного бюро К. Д. Вергуна (1907–1945). Состоявшийся 26–28 ноября 1942 съезд Совета утвердил проект. Название («Схема») должно было указывать на доработку программы в перспективе.

«Схема» состояла из 6 разделов, охватывавших около 40 глав по важнейшим вопросам философии, историософии, социологии, права, экономики, социальной политики, стратегии и тактики антибольшевистского сопротивления. Несколько глав в 1943–1944 («Внешняя политика», «Об обороне» и др.) отредактировал и написал заново генерал-майор Ф. И. Трухин. Громоздкость «Схемы» была обусловлена влиянием некоторых новых членов НТС из представителей «подсоветской» интеллигенции, которым хотелось, чтобы документ давал ответы на все философские и социально-политические вопросы. В «Схеме» была сделана попытка сочетания умеренного этатизма и элементов консервативного либерализма, в первую очередь, в области организации судебной власти, защиты гражданских прав. «Схема» не предreshала будущей формы государственного устройства послесталинской России (монархия или республика), но считала необходимым существование «твердой национальной власти», стоящей над союзами и классами, при сильном местном самоуправлении. Вероятно, единственным дискриминационным пунктом «Схемы» было утверждение о том, что евреи «могут покинуть Россию без права вывоза капитала» или «проживать в специальной области», предлагался вариант создания национальнокультурной еврейской автономии в Крыму. Любопытно, что пункт этот был внесен в «Схему» по настоянию нескольких членов Союза из советских граждан. Сами идеологи Союза рассматривали позднее это положение в качестве «досадной ошибки, не отвечавшей делу и облику Союза». Уже в Пражском манифесте КОНР 1944, в составлении которого участвовал член НТС капитан А. Н.

Зайцев, и в программных документах Союза 1946 подобных утверждений не было. В мае 1944 «Схема» большим тиражом была напечатана в Дятлово (район Лиды), в расположении бригады «РОНА» Б. В. Каминского, но основная часть тиража погибла при эвакуации на Запад. (обратно)

135

Руководители эсеров Н. Д. Авксентьев, М. В. Вишняк, В. М. Зензинов, активные социал-демократы и члены Заграничной делегации РСДРП Г. Я. Аронсон, Д. Ю. Даллин, Ф. И. Дан, Ю. П. Денике, Б. И. Николаевский и др. покинули Европу преимущественно в 1940 и выехали в США, возобновив общественно-политическую и литературную деятельность в Нью-Йорке. По естественным причинам в установлении контактов с «подсоветскими» людьми в 1941–1944 они участвовать не могли. Однако необходимо подчеркнуть, что представители русской социалистической эмиграции в 1946–1950 проявили живой интерес к оказавшимся на Западе участникам Власовского движения и именно по вопросам об отношении к ним и в оценках антисталинского протеста непримиримо разошлись друг с другом.

(обратно)

136

Члены Высшего Монархического Совета (ВМС), которым с 1940 руководил П. В. Скаржинский, в 1941–1944 не сумели организовать какой-либо военно-политической деятельности на оккупированных территориях СССР. Из представителей довоенных монархических организаций эмиграции вероятно лишь члены Российского Имперского Союза-Ордена (РИС-О) во главе с Н. И. Сахновским, участвовавшие в боевых действиях на Восточном фронте в составе Валлонского легиона (с 1943 — SS Freiwilligen Sturmbrigade «Wallonien»), сумели повлиять на настроения части местного населения в районе Черкасс осенью и зимой 1943/44. Однако интересно отметить, что в

ноябре 1941 в Минском лагере военнопленных (Mannschaftstammlager № 352) взятый в плен в Вяземском окружении интендант I ранга, доцент кафедры высшей математики Московского института цветметзолота В. В. Минаев (1894–1949) выступил с инициативой создания Всероссийской национальной партии (ВНП), комитеты которой до конца 1943 возникли в Берлине, Дрездене, Катовице и Лодзи. Разработав программные и уставные документы, Минаев вовлек в партию более 30 единомышленников. Главная цель партии заключалась в свержении сталинского режима при ориентации на наследника российского престола Великого Князя Владимира Кирилловича.

(обратно)

137

9 апреля 1933 в Германии по инициативе группы русских эмигрантов во главе с Н. П. Дмитриевым возникло пронацистское Российское освободительное национальное движение (РОНД) во главе с А. П. Светозаровым (Г. Пельхау). Летом 1933 РОНД имело отделения в Берлине, Бреслау, Гамбурге, Бреслау, Дрездене и др. городах, насчитывая, по разным данным, от 600 до 1,2 тыс. членов. Штаб-квартира РОНД размещалась в Берлине, здесь же издавалась газета «Пробуждение России» и функционировали разные отделы. В сентябре РОНД в Пруссии было закрыто по распоряжению властей, но часть его активистов в октябре создали Партию российских освобожденцев (Российское национал-социалистическое движение), которую возглавил генералмайор П. Р. Бермондт (он же князь П. М. Авалов). Осенью 1934 в результате серии расколов партия прекратила существование, и вместо нее в Германии (за пределами Пруссии) зимой 1935 возникло Российское национальное и социальное движение (РНСД) во главе с полковником Н. Д. Скалой. РНСД имело 20–25 представительств и отделов, включая позднее территорию Австрии и Протектората. В 1938 в руководство РНСД входили Н. Д. Скалон, В. М. Деспотули, П. П. Жемчужин, барон А. В. Меллер-Закомельский и др. Деятельность РНСД в основном ограничивалась изданием печатного органа («Вестник РНСД»), устройством докладов и лекций.

В январе 1938 вместе с Русским национальным союзом участников войны (РНСУВ) генералмайора А. В. Туркула, кружками друзей «Голоса России» И. Л. Солоневича и другими организациями РНСД объединилось в Национальный фронт (НФ) по принципу близости некоторых мировоззренческих позиций. Однако в 1939, после заключения советско-германского пакта о ненападении, НФ и РНСД были распущены властями рейха и фактически прекратили существование. В целом русская копия национал-социалистического движения оказалась весьма посредственной. Движение реально насчитывало лишь несколько сот активистов и не получило серьезного отклика в русской диаспоре, не говоря уже о «подсоветских» людях в годы войны. Естественная для эмиграции приверженность руководителей и участников РНСД ценностям Православной Церкви так и не позволила им стать настоящими национал-социалистами, категорически отрицавшими христианскую этику и культуру.

(обратно)

138

Российское народно-имперское (штабс-капитанское) движение возникло к 1940 на основе объединения читательских кружков, в которых состояли друзья и единомышленники газеты «Голос России» (1936–1938, София) и «Нашей газеты» (1938–1940, Берлин). Обе газеты издавались журналистом и публицистом И. Л. Солоневичем, бежавшим вместе с сыном Юрием и братом Борисом летом 1934 из Белбалтлага в Финляндию. На страницах своих периодических изданий Солоневич отстаивал теорию народно-монархического строя, спасительного для освобожденной

от большевиков России. По замыслу И. Л. Солоневича, народная монархия должна была сочетать в себе сильную самодержавную власть и крепкое местное самоуправление. Опору народномонархического строя издатель видел в национально мыслящей «земской» интеллигенции (учителях, врачах, офицерах младшего и среднего звена, сельском духовенстве и т. д.), которую образно называл «штабс-капитанами». Реально весьма пассивными участниками движения были лишь активные читатели изданий Солоневича, которого нацистские власти полностью лишили возможности какой-либо активной работы в 1941–1945. В годы войны И. Л. Солоневич находился под надзором Гестапо в изоляции в провинциальной ссылке, любая публицистическая деятельность ему была строго запрещена, в связи с чем «штабс-капитанское» движение фактически прекратилось, никак не повлияв на умонастроения «подсоветских» людей. После войны И. Л. Солоневич оказался в Аргентине и возродил движение (с новым названием — Российское народно-монархическое движение), приступив в 1948 в Буэнос-Айресе к изданию еженедельной газеты «Наша страна».

(обратно)

139

РОВС — Русский Обще-Воинский Союз — учрежден 1 сентября 1924 приказом № 35 Главнокомандующего Русской армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля с целью сохранения в эмиграции воинских кадров, полковых объединений Русской Императорской и Белых армий, а также для военного образования эмигрантов, взаимопомощи и подготовки молодой смены. К 1937 на регистрации в РОВС состояли около 30 тыс. чинов. К 1 сентября 1939 Союз включал в себя 4 отдела в Европе (I Французский генерал-лейтенанта В. К. Витковского, III Болгарский генерал-лейтенанта Ф. Ф. Абрамова, IV Югославский генерал-лейтенанта И. Г. Барбовича, V Бельгийский генерал-майора Б. Г. Гартмана), 2 отдела в Северной Америке (I Североамериканский на Востоке США генерал-майора Е. С. Имнадзе и II Североамериканский на Западе США генерал-майора Н. П. Веселовского), 7 подразделов (I Аргентинский полковника А. Н. Ефремова, II Бразильский полковника К. З. Ахатнина, III Парагвайский генерал-майора Н. Ф. Эрн, IV Уругвайский полковника С. А. Мельшикова, V Австралийский полковника В. В. Корженевского, VI Дальневосточный генерал-лейтенанта К. Ф. Вальтера и VII Финляндский капитана Ф. Д. Шульгина). В 1938–1939 II Германский и VI Чехословацкий отделы в Европе были выделены Председателем РОВС в самостоятельное Объединение Русских Воинских Союзов (ОРВС) во главе с бывшим начальником II отдела Генерального штаба генерал-майором А.А. фон Лампе. Председателем (начальником) РОВС с 22 марта 1938 был Генерального штаба генерал-лейтенант А. П. Архангельский, проживавший в Брюсселе.

После обособления ОРВС главной опорой Архангельского стал I (Французский) отдел, объединявший 15 воинских союзов и 45 отдельных групп на подведомственной отделу территории (Франция с колониями, Голландия, Египет, Италия). К лету 1941, по мере расширения зоны немецкой оккупации, в состав ОРВС вошла большая часть европейских отделов РОВС, хотя А. А. фон Лампе сохранял живую связь с А. П. Архангельским. Деятельность РОВС и ОРВС в Европе была направлена на сохранение и подготовку кадров, способных послужить основой для развертывания в благоприятной военно-политической ситуации массовой антисталинской армии с участием «подсоветских» людей, враждебно настроенных по отношению к советской действительности. По самым осторожным подсчетам, к моменту нападения Германии на Советский Союз эмиграция могла мобилизовать в кратчайшие сроки не менее 20 тыс. офицеров и добровольцев. Ими было бы возможно укомплектовать командно-начальствующие должности 4–5 общевойсковых корпусов (8–10 дивизий) антисталинской армии, на формирование которой в

массовом порядке могли бы поступать десятки тысяч военнопленных бывших бойцов и командиров Красной армии.

В феврале 1940 во время «зимней войны» чины VII Финляндского подотдела РОВС во главе с капитаном Шульгиным с успехом впервые участвовали в создании 5 добровольческих отрядов из пленных красноармейцев. После 22 июня 1941 только в I (Французском) отделе для отправки на Восточный фронт зарегистрировались 1160 русских офицеров. Из них выразили желание служить на строевых должностях: 3 генерала, 94 штаб-офицера и 343 обер-офицера, на административных должностях — 36 генералов, 165 штаб-офицеров и 420 обер-офицеров, остальные определенного желания не высказали. Из 1160 человек были готовы немедленно отправиться в Россию 327 офицеров — в строевые части и 44 — на административные должности. До 7 июля 1942 из Парижа сумели уехать на Восточный фронт в составе трех групп лишь 71 человек, преимущественно чины ОРВС. Однако директива ОКВ № 46 от 18 августа 1942 категорически запретила подобные отправки. На Балканах чины III и IV отделов в массовом порядке вступали на службу в Русский Корпус, а с 1942 — в формировавшиеся казачьи части. Но еще весной 1941 нацисты по политическим мотивам решительно отказались от привлечения белоэмигрантов в воинские части на Восточном фронте, тем более — от создания при их участии русской антисталинской армии. Зимой — весной 1943 последние офицеры РОВС были отозваны с Восточного фронта в Европу. А. П. Архангельскому и начальникам отделов оккупационными властями была запрещена любая военно-политическая деятельность.

Фактически в 1941–1945 чины РОВС и ОРВС принимали участие в событиях, в том числе несли службу в антисоветских вооруженных формированиях, в частном порядке. Сегодня мы можем назвать лишь 85 чинов РОВС и ОРВС, в разное время и в единичном порядке служивших в 1941–1944 на Восточном фронте. В полной мере полноценное знакомство чинов РОВС и ОРВС с «подсоветскими» людьми состоялось зимой 1943/44 после переброски во Францию русских батальонов (РОА) Восточных войск Вермахта. Начальник Тулузского района РОВС капитан А. С. Шторх вынес такое впечатление от первой встречи с прибывшими на «Атлантический вал» военнослужащими РОА: «Общение с ними показало, что никакого “рва” между нами не существует — мы познали их, прозревших подсоветских людей, они нас — белых эмигрантов. В других встречах, единении, мы увидели нашу общность в борьбе за освобождение русского народа и непримиримости к советской власти».

(обратно)

140

Октан Михаил — сотрудник Орловского самоуправления, журналист, с деятельностью которого было связано издание многотиражной газеты «Речь» (6 тыс. экз.). В некоторых публикациях можно встретить утверждение о том, что Октан был бургомистром Орла. По сведениям автора, бургомистром Орла с осени 1941 был некто Шалимов, а с марта 1942 — А. С. Старов. Октан был только редактором «Речи». После войны участники событий характеризовали деятельность Октана резко негативно, хотя сама «Речь» остается любопытным источником информации о жизни города и области в период оккупации. Дмитрий Сошальский утверждал, что организация Октана существовала не в Орле, а в Бобруйске.

(обратно)

141

Возможно, автор мемуаров имеет в виду уже упоминавшуюся нами БНС или созданный летом 1943 Союз белорусской молодежи — организацию, через ряды которой в 1943–1944 прошло, по

данным минского исследователя Ю. Туронока, около 100 тыс. детей и подростков — юношей и девушек в возрасте от 10 до 20 лет.

(обратно) 142

Под Лепелем в Витебском округе (сентябрь 1943 — февраль 1944) в подчинении у Б. В. Каминского не было дивизии. Динамика численности бригады Б. В. Каминского в этот период выглядела так: 3665 человек на 4 октября 1943; более 5 тыс. на 25 ноября 1943; около 6 тыс. на 15 февраля 1944.

(обратно)

143

Каминский Бронислав Владиславович (1899, Полоцкий уезд Витебской губ. — 19 августа (?) 1944, Лодзь) — обер-бургомистр Локотского округа в 1942–1943. По происхождению — из мещан; по национальности отец поляк, мать — немка. На 1917 — студент Петроградского Политехнического института (не окончил). В 1918–1921 — на службе в РККА, участник гражданской войны. По демобилизации с перерывами завершил образование в Петроградском (Ленинградском) химикотехнологическом институте по специальности «инженер-технолог по производству красок» (диплом 1930). Член ВКП(б). В период дискуссии в партии по вопросу о «правом уклоне» (1928–1929) подписал один из документов бухаринской оппозиции. Работал на химическом заводе «Республика». В период работы на заводе познакомился с немецкими специалистами, от которых получил первые представления о национал-социализме образца конца 1920-х. В первом браке имел четверых детей. Исключен из партии в августе 1935 за критику коллективизации. В 1937 репрессирован органами НКВД по обвинению в троцкистской деятельности. По другой версии, арестован был в 1935, сразу же после исключения из партии. Срок (1937 (1935?) — 1940) отбывал, по одной версии, в «шарашке» в Шадринске (северо-западнее Кургана, лагерь 514/2, возможно, на алюминиевом заводе), по другой — в районе Нижнего Тагила (менее вероятно). По утверждению сотрудников УФСК по Брянской области (на 1994), во время отбытия заключения был сексотом, однако, насколько эта информация соответствует действительности, сказать сложно.

После освобождения направлен в ссылку с разрешением на жительство в Европейской части РСФСР, жил в пос. Локоть Брасовского района Орловской области, работал инженером на Локотском спиртзаводе. Организовав эвакуацию заводского имущества в сентябре — начале октября 1941, сам остался в Локте. С 16 октября 1941 — член самоуправления Локотской волости, заместитель и ближайший соратник его организатора К. П. Воскобойника. После гибели Воскобойника при налете партизан на Локоть (8 января 1942) — бургомистр Локотского уезда. С 19 июля 1942 — обер-бургомистр Локотского самоуправляющегося округа и командир милиционных окружных войск на правах командира бригады (РОНА — Русская освободительная народная армия). 26 августа 1943 с чинами бригады, членами их семей, беженцами и имуществом переехал в Лепель Витебского округа, где бригада размещалась и боролась с партизанами до середины февраля 1944. 15 февраля 1944 отдал приказ о перемещении бригады и беженцев в район Дятлово (Западная Белоруссия). Вместе с бригадой входил в состав сил и войск безопасности СС группенфюрера К. фон Готтберга, участвовал в антипартизанских операциях. За отличия в боях с партизанами награжден орденом Железного креста I кл. В июне — июле организовал эвакуацию бригады и беженцев в Польшу. СС бригадефюрер и генерал-майор войск СС, командир СС штурмбригады «РОНА» (на 31 июля 1944). Дал согласие на использование сводного усиленного полка (1,7 тыс. чинов) бригады под командованием СС ваффен-штурмбаннфюрера И. Д. Фролова (на 1941 — капитан Красной армии) в боях против повстанцев в Варшаве в августе 1944. В Варшаве полком не командовал, был наездами. По официальной версии, расстрелян по приговору военно-полевого суда в Лодзи за воинские преступления, совершенные его подчиненными в

Варшаве. Однако, на наш взгляд, скорее всего был убит по другим мотивам, так как командир сводного полка СС ваффен-штурмбаннфюрер И. Д. Фролов, непосредственно командовавший полком каминцев в польской столице в августе 1944, был награжден орденом Железного креста I кл.

(обратно)

144

Национал-социалистическая трудовая партия России (другой вариант названия: Российская национал-социалистическая партия) возникла в октябре 1943 в период пребывания каминцев в районе Лепеля. Под видом НСТПР была сделана попытка реанимировать Народную социалистическую партию России (НСПР), создание которой в Локте было провозглашено К. П. Воскобойником 26 ноября 1941. Инициатором этой попытки стал бывший командир батальона 341й стрелковой дивизии старший лейтенант Красной армии Г. Е. Хомутов, рассчитывавший использовать вывеску партии для прикрытия деятельности НТС и создания в районе Минска и Витебска новых союзных групп. Д. Сошальский вспоминал в конце 1940-х о Хомутовс так: «Хомутов производил впечатление человека честного, решительного и убежденного патриота-антибольшевика. На немцев он смотрел как на временное орудие борьбы с большевизмом, рассчитывая, что со временем жизненная сила и способности русского народа освободят его от подчиненной роли в общей борьбе русских патриотов и немецкой армии против советской власти. Хомутов, как и другие работавшие с немцами русские, думал прежде всего о ближайших задачах борьбы, предоставляя будущее судьбе». ЦК партии располагался в Лепеле (члены П. Бакшанский, М. В. Васюков, С. В. Мосин, Д. Сошальский, Г. Е. Хомутов), затем в Дятлово. Кроме учреждения ЦК в Лепеле известно о деятельности Минского комитета НСТПР, которым с марта 1944 руководил Д. Сошальский. В Минске в НСТПР вступили не более 15–20 человек. Вся деятельность партии в белорусской столице ограничилась двумя политическими докладами и большим благотворительным вечером с концертом (9 мая 1944), доход от которого поступил членам семей каминцев, погибших в боях с партизанами.

(обратно)

145

«Дальнейшее показало, что Каминский, поляк по происхождению, не был только бандитом. Его вскоре расстреляли немцы, как говорят, за отказ вести свою дивизию на усмирение восставшей Варшавы» (Прим. П. Д. Ильинского). Реальность выглядела иначе. До 1 августа 1944 Каминский действительно отказывался участвовать в операциях против формирований Армии Крайовой. Однако после того как Главное управление СС пригрозило отказать в эвакуации из Польши на Запад гражданским беженцам и членам семей каминцев, Каминский был вынужден дать согласие на отправку в Варшаву одного сводного полка (1700 чел.), который был укомплектован добровольцами из всех бригадных частей и подразделений, преимущественно белорусскими полицейскими, пополнившими личный состав бригады «РОНА» осенью 1943 и зимой 1944. Оценки современников в отношении личности и морального облика Б. В. Каминского в период пребывания бригады в Лспелс и Дятлово (сентябрь 1943 — июнь 1944) расходятся. Так, например, литератор Т. Н. Данилевич, пережившая в 1943–1944 эвакуацию на Запад вместе с частями Казачьего Стана полковника С. В. Павлова и полковника Т. И. Доманова, встретила с Б. В. Каминским в апреле — мае 1944 в Дятлово и оставила о нем и чинах его бригады такой отзыв: «Порядок строгий, повсюду разбросаны посты, но бывшие советские бойцы в немецкой форме не производили выгодное впечатление. Каминский выглядел подкупающе — деловой, представительный, в мундире английского сукна и покроя, без всяких знаков отличия. Он держался непринужденно, с чувством

собственного достоинства, и его литературная, без советского налета речь оставляла благоприятное впечатление». Однако, с другой стороны, как раз в период пребывания бригады в Дятлово, может быть, не без влияния Р. Н. Рсдлиха, бывшего у Каминского переводчиком, Совет НТС констатировал (апрель — май 1944): «Вместо того чтобы обрасти военными и политическими руководителями из числа русских патриотов, Каминский уже в Локте оброс морально нечистоплотными элементами».

(обратно) 146

В проведении этого митинга участвовали члены НТС В. И. Алексеев и П. Д. Пономарёв.

(обратно)

147

После смещения линии фронта на Запад в 1943–1944 на территории СССР осталось, по некоторым подсчетам, несколько десятков членов НТС, включая тех, кто проник в СССР до 22 июня 1941 (Е. Акулов, Б. Г. Врангель, В. С. Дурново, А. Г. Колков, М. Д. Мондич, Д. Потапов, И. Хлобыстов, А. А. Чупрунов и др.). В 1944–1946 к ним прибавились около ста членов Союза, арестованных органами контрразведки «СМЕРШ» в Восточной Европе и этапированных в исправительно-трудовые лагеря на родине (П. Н. Воропонов, А. Г. Высота, И. Д. Делибалта, Е. И. Дивнич, И. А. Мелких, О. С. Поляков и др.). Многие граждане СССР после войны были осуждены трибуналами и внесудебными органами за принадлежность к НТС в 1941–1943 (К. В. Кошлаков, П. И. Негрстов, М. А. Туманова и др.). Вступивший в НТС в 1943 и служивший в бригаде «РОНА» Б. В. Каминского Г. Е. Хомутов летом 1944 решил вернуться из Западной Белоруссии на Брянщину с группой единомышленников (среди них были члены НТС Цыганков и Фомин) для партизанских действий. М. Д. Мондич в декабре 1944 был призван в армию и с января по июль 1945 служил переводчиком в Управлении контрразведки «СМЕРШ» 4-го Украинского фронта, сумев бежать в Чехословакию, а в 1947 добрался до Лимбурга-на-Лане, где тогда размещался центр НТС. Но судьба большинства членов НТС, оставшихся после войны на родине, остается неизвестной. Сегодня известны имена более двухсот членов НТС, погибших в результате советских и нацистских репрессий в 1930—1950-е.

(обратно)

148

На Брянщине последние вооруженные антисоветские партизанские группы из каминцев — бывших бойцов ополчения Локотского самоуправления округа — были ликвидированы органами МГБ лишь в феврале — марте 1951 в деревнях Лагерёвка (Комаричского р-на Брянской обл.), Лбы и Лески.

(обратно) (обратно)

Примечания к "Общественный инстинкт и попытка государственного строительства в условиях немецкой оккупации западных областей России" 149

Источник: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. Folder 6-10. Машинопись на русском языке неизвестного автора (1948–1952).

(обратно)

150

Курсив автора.

(обратно)

151

Правильнее говорить о том, что военно-политическое руководство рейха вообще их перед собой не ставило. В 1941 необходимость верной постановки и разрешения политических задач во время неизбежной для Германии войны с Советским Союзом ощущалась только в кругах христианскоконсервативной антигитлеровской оппозиции. Летом 1941 гражданский руководитель антигитлеровского заговора, бывший обер-бургомистр Лейпцига (1930–1937) К. Ф. Гёрделер (1884– 1945) закончил составление обширного политического меморандума «Цель», предназначавшегося для оппозиции и западных союзников. Автор меморандума резко критиковал Гитлера, упустившего «возможность избавить русский народ от большевизма». С точки зрения глубоко верующего христианина Гёрделера, после ликвидации нацистского режима освобожденная от большевиков и «антихристианского коллективизма» Россия должна была бы быть включена в Европейский союз в качестве равноправного партнера.

(обратно)

152

К концу 1942 на Востоке Германия и ее союзники оккупировали огромную территорию площадью в 1,926 млн. кв. км. В некоторых отдаленных селах и деревнях немцев так и не увидели или практически почти не видели весь период оккупации.

(обратно)

153

На оккупированных территориях до войны проживало 88 млн. человек (46 % населения СССР). От 10 до 15 млн. человек оказались в эвакуации, какая-то часть была призвана в Красную армию, поэтому мы согласны с теми исследователями, которые оценивают общее число граждан СССР, оказавшихся в оккупации, примерно в 70 млн. человек. Таким образом, из них условно 25 млн. проживали в областях ответственности командования Вермахта и 35 млн. — в областях с гражданским управлением.

(обратно)

154

В наибольшей степени дискутируются в современной историографии.

(обратно)

155

К 22 июня 1941 не завершившая мобилизацию группировка советских войск на Западе насчитывала 3 289 851 человека (в том числе 215 878 — в составе военно-морского флота СССР и 153 608 — в войсках НКВД). К 1 сентября 1941, по разным оценкам, на Восточном фронте противником было взято в плен от 1,5 до 2 млн. человек.

(обратно)

156

Из материалов Политуправления Западного фронта (по состоянию на февраль 1942) следует, что в каждом районе БССР, а также Смоленской, Калужской и других оккупированных областей находились по селам и деревням 5–6 тыс. бывших военнослужащих-красноармейцев, которые, избежав плена или будучи освобожденными из него, летом — осенью 1941 приобрели у местного населения статус «зятьев», «сынков», «примаков» и т. д.

(обратно)

157

Военная прокуратура КВО в спецсводках (за январь — октябрь 1937) сообщала о многочисленных «прогитлеровских» высказываниях военнослужащих войск округа (преимущественно беспартийных колхозников), затем арестованных органами НКВД:

«Если бы удалось перейти на сторону фашистов, то тогда я совместно с фашистами нагнал бы страху советской власти... Если начнется война с фашистами, то в тылу РККА вспыхнет восстание против советской власти» (к/а 60-го ап А. М. Чаплин);

«Только Гитлер сможет освободить Украину от большевистского ига» (врач 134-го мбр П. И. Татарик);

«В Италии и Германии живут лучше, чем в СССР. СССР боится войны потому, что правительство не уверено в верности ему Красной армии. Правительство знает, что Красная армия им недовольна, совсем другое дело в фашистских странах, они воюют и будут воевать потому, что у них народ лучше живет, чем у нас» (к/а 72-го отдельного пулеметного батальона П. А. Гусак);

«Гитлер — гений. Вы меня не переубедите» (воентехник II ранга И. Ф. Савельев);

«Если бы мне пришлось воевать с фашистами, я бы их не рубил, а перешел бы на их сторону; это все неправда, что наши газеты пишут о фашистах» (к/а отдельного эскадрона связи 5-й кавалерийской дивизии М. С. Омельчук);

«С помощью Адольфа Гитлера в СССР будет восстановлена фашистская диктатура, которая освободит народы России от тяжелого переживания. Я не военнослужащий [РККА. — К. А.], я — военнопленный» (к/а 4-го стройбата Г. Я. Варфоломеев) и т. д.

Здесь уместно привести важное замечание члена НТС и журналиста Г. С. Като (А. С. Казанцева), пытавшегося объяснить подобные предвоенные настроения совсем не симпатиями к Гитлеру или к политической доктрине национал-социализма. Скрытый ненавистник советской власти, например, упомянутый в сводке НКВД единоличник Буланов, или любой другой антисоветчик, с точки зрения Казанцева, «не верил и не верит ни одному слову советской пропаганды, не без основания считая, что она органически не способна сказать ни одного слова правды. Он читал казенную советскую печать (а другой никакой нет) наизнанку или справа налево: что поносит советская власть, то для него, наоборот, хорошо; что хвалит — плохо. Если ТАСС... что-либо опровергает (почти единственная форма сообщений из международной жизни), значит, это опровергаемое имело место уж обязательно. Каждый успех советского правительства в межгосударственных отношениях он привык считать своей личной неудачей, и наоборот. Каждый договор Запада с советским правительством рассматривал как предательство культурного свободного человечества по отношению к себе. Не зная остального, несоветского мира, не имея ни возможности общения с ним, ни права поездки за границу (попытка покинуть страну карается по закону 1934 г. расстрелом), ни права получать иностранные газеты, книги и журналы (все это монополизировано властью), фактически будучи лишенным далее права переписки с заграницей, он создал свой особый мир взаимоотношений, симпатий и антипатий, совсем не оправданный действительностью. Гитлер, пришедший к власти в 1933 году, был встречен в штыки советской

пропагандой. Русский антибольшевизм, ничего не зная о национал-социализме и рассматривая Гитлера только как врага большевизма, сразу же зачислил его в число своих друзей и союзников. Годы 1933–1939 были годами травли Германии советской прессой и одновременно годами роста симпатий к ней».

Другой пример. В пути следования на финский фронт в январе 1940 в эшелоне 539-го стрелкового полка майора Соколова (на тот момент — 131-я стрелковая дивизия) сотрудниками Особого отдела НКВД были арестованы два младших командира 2-го батальона Борец и Целик, в разговоре с красноармейцами заявившие: «Гитлер лучше заботится [о своих солдатах и крестьянах. — К. А.], чем Сталин; у нас нет родины». На предварительном следствии выяснилось, что родители арестованных были раскулачены во время коллективизации.

(обратно)

158

Правильнее было бы говорить о том, что именно такие офицеры Вермахта достаточно равнодушно относились к ценностным установкам национал-социализма.

(обратно)

159

Розенберг Альфред (1893–1946) — рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий (с 17 июля 1941). Член НСДАП с 1919. Оказал сильное влияние на идеологию националсоциалистического движения в 1920-е. Выступал за предоставление Украине автономии, украинофильскую политику и в перспективе — за создание Украинского государства под немецким протекторатом в противовес «Московии». Взгляды рейхсминистра были раскритикованы фюрером. Повешен по приговору Нюрнбергского трибунала.

(обратно)

160

Сравним с распространенной накануне войны в сельской местности поговоркой: «Все вокруг колхозное, все вокруг мое». Подобного рода настроения обострялись в условиях кризиса. Так, например, на финском фронте, по сообщению Особого отдела НКВД 9-й армии, в феврале 1940 красноармеец 204-го противотанкового дивизиона 163-й стрелковой дивизии Лавренко в беседе с товарищами заявил: «Серп и молот — смерть и голод». Тогда же красноармеец кабельношестовой роты отдельного батальона связи 47-го стрелкового корпуса Соловьев в разговоре с сослуживцами в сердцах высказался так: «В деревне хлеб стоит 70–80 руб. за пуд. Мы здесь финнов освобождаем, а свой народ привели к голоду».

(обратно)

161

О хозяйственной и культурной жизни Локотского самоуправления округа (1941–1943) подробнее см.: Ермолов И. Г., Дробязко С. И. Антипартизанская республика. М., 2001; Грибков И. В. «Локотская республика» // Под оккупацией в 1941–1944 гг. Статьи и воспоминания. М., 2004; Грибков И. В. Хозяин Брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская Освободительная Народная Армия и Локотское окружное самоуправление. М., 2008; Ермолов И. Г. Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления 1941–1943. М., 2009.

(обратно)

Поселок городского типа. 6 октября танкисты 17-й дивизии генерал-майора Ю. Г. фон Арнима стремительным броском овладели Брянском. К 8 декабря 1941 немцы оккупировали 64 из 66 районов Орловской обл. В ходе наступления в январе 1942 войска Красной армии освободили 8 восточных районов, а еще 7 районов были разделены установившейся линией фронта. Всю территорию Орловской обл. противник полностью оставил к 25 сентября 1943. 46 районов Орловщины, включая интересующие нас западные и юго-западные (Брасовский, Комаричский, Навлинский и др.), находились в оккупации практически два года. Вся оккупированная противником территория Орловской обл. была названа губернией и подразделялась на округа. Округ составляли несколько районов (или уездов), подразделявшихся в свою очередь на волости, состоявшие из сел и деревень. Всего в оккупации на территории Орловской обл., по оценкам орловского исследователя А. Ю. Сарана, оказалось около двух млн. человек. Советская власть в пос. Локоть Брасовского района исчезла фактически на рубеже сентября — октября 1941. При эвакуации большевики успели причинить в поселке значительные разрушения, особенно хозяйственных объектов, в частности, так пострадали известный на весь район спиртовой завод и учебные заведения. Правда, кое-что удалось спасти. Так, например, старейший работник местной типографии А. И. Бояров спас основные части типографской машины, восстановленной уже в конце ноября 1941.

Не вызывает удивления, что в оккупации остались представители местной интеллигенции. Кроме ранее репрессированных К. П. Воскобойника и Б. В. Каминского назовем и С. В. Мосина — директора деревенской школы и заведующего Брасовским районным отделом народного образования. В 1937 Мосин был исключен из ВКП(б) и затем осужден за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Отсидев 1,5 года, он освободился и вернулся в Брасовский район, здесь работал по специальности. Однако весьма интересно, что под разными предлогами от эвакуации из Брасовского района уклонились многие представители районной советско-партийной номенклатуры, чья внешняя лояльность партии Ленина — Сталина ранее не вызывала сомнений. Среди них наибольшую известность снискали: М. В. Васюков — председатель Брасовского райплана, В. Л. Гарбузов — сельский учитель, Я. П. Горбачев — заведующий базой Центроспирта, В. И. Королёв — член ВКП(б) и В ЦИК (1929–1934), директор швейной мастерской, М. И. Морозов — бухгалтер Брасовского райпотребсоюза, С. Н. Павлюченко — бывший председатель Брасовского райисполкома, К. Терешкин — председатель колхоза «Авангард» и др. 4 октября 1941 в Локте появились немцы.

(обратно)

Автор ошибается. К. П. Воскобойник к моменту оккупации района находился на свободе и занимал определенное положение. Воскобойник Константин Павлович [он же инженер «Земля» (КПВ) в 1941–1942] (1895, местечко Смела Черкасского уезда Киевской губ. — 8 января 1942, пос. Локоть) — создатель Локотского самоуправления и Народной социалистической партии России (НСПР) «Витязь» (1941). По национальности малоросс. Сын железнодорожника. В детстве и юности жил в Саранске Пензенской губ., затем в Нижнем Новгороде. В 1915–1916 учился на юридическом факультете Московского университета, ушел добровольцем на фронт. Участник Первой мировой войны. После Февральской революции 1917 — член партии социалистов-революционеров. Участник гражданской войны в рядах РККА (1919–1920). В 1920 демобилизовался по ранению, женился на А. В. Колокольцевой. С 1921 жил с семьей в Хвалынске Саратовской губ. Здесь вступил в повстанческий отряд эсеров Вакулина и Попова во время восстания 1921, в котором служил пулеметчиком. После подавления восстания с подложными документами на имя И. Я. Лошакова скрывался от органов ОГПУ в Астрахани, Сызрани, Нижнем Новгороде. С 1924 жил в

Москве, работал инструктором охотоведения в Народном комиссариате земледелия. Окончил электромеханический факультет Института народного хозяйства. Затем работал начальником электроизмерительных мастерских при Всесоюзной палате мер и весов. В 1931 арестован органами ОГПУ (по др. версии — явился с повинной), в 1932–1935 — в заключении. После освобождения работал в строительных организациях Кривого Рога, в Орске (1935–1937) сменным инженером организации химвоенного «Орскхимстрой». С 1938 жил в пос. Локоть Брасовского р-на Орловской обл., работал преподавателем физики в Лесохимическом техникуме.

В первой декаде октября 1941 по собственной инициативе объявил друзьям, знакомым и бывшим студентам техникума, что в помещении локотской больницы будет читать лекцию. Весть довольно быстро распространилась по поселку, лишенному газет и новостей. Вряд ли больничная аудитория могла вместить более чем несколько десятков человек, но для растерявшегося поселка это, конечно, стало подлинным событием, тем более что преподаватель физики пользовался определенными известностью и уважением. Храбро объявив «первое собрание граждан жителей поселка Локоть» открытым, Воскобойник произнес страшные и немыслимые ранее слова: «24 года мы не имели права говорить правду, и только сейчас, сбросив каторжные цепи рабства и лжи, можно послать проклятие злодею Сталину, затопившему кровью Россию». Вероятно, не с приходом немецких мотоциклистов, а только с этими словами, от которых сразу же кому-то захотелось явиться в органы НКВД с повинной, присутствующие действительно поняли, что в жизни поселка произошли непостижимые изменения. Можно представить себе, какое состояние шока испытали слушатели, услышав и невероятные слова о Сталине, и о том, что они должны теперь сами брать в руки хозяйство и самостоятельно строить новую жизнь. Без партторгов? Без исполкома и райкома? Без НКВД? Без советско-партийного актива? Конечно, существовали еще и непонятные, немногочисленные немцы, но о них Воскобойник говорил достаточно туманно, потому что ничего конкретного и сам себе не представлял. С 16 октября 1941 — староста управления Локотской волости Брасовского р-на (уезда), в состав которого вошли К. П. Воскобойник, Б. В. Каминский, С. В. Мосин и Р. Т. Иванов (начальник полиции, в рядах которой к концу октября 1941 состояли 12–18 бойцов, вооруженных трофейным и брошенным оружием, к январю 1942 — более двухсот бойцов).

Ранним утром 23 ноября 1941 на совещании в кабинете Воскобойника при участии Мосина, Каминского и Иванова было принято решение срочно найти человека, способного восстановить и организовать работу типографии. Видимо, к тому дню основные программно-политические положения новой партии уже были разработаны, теперь для их распространения среди населения не только Брасовского района, но и Орловщины, и соседних областей требовалась типографская печать. Интересно, что Воскобойник не стал обращаться с подобной просьбой ни в комендатуру, ни искать поддержки в Брянске, может быть, не будучи уверенным в безусловно положительной реакции со стороны оккупационных властей. Глава волости решил поставить их перед фактом. В 2 часа дня перед Воскобойником сидел старейший работник типографии А. И. Бояров, подтвердивший, что ему удалось спасти и сохранить основные детали типографской машины. При участии Боярова типографское оборудование перевезли в другое помещение, а еще через несколько часов машина была собрана и подготовлена к работе.

25 ноября Бояров, работая и за наборщика, и за печатника, напечатал первый заказ — воззвание к населению о начале новой жизни, обращение к партизанам с призывом прекратить борьбу, выходить из лесов и возвращаться к своим семьям. На следующий день Бояров напечатал манифест Народной социалистической партии России (НСПР) «Викинг» («Витязь»), хотя реально, конечно, вся партия в тот момент состояла из Воскобойника, Каминского и Мосина. Но Воскобойнику было важно растиражировать программу, содержащую его потаенные мысли на протяжении долгих лет. В том, что программа не оставит население равнодушным, Воскобойник не сомневался, чему убедительным доказательством является поведение и отношение к

прочитанному Боярова: вряд ли бы он стал при негативном восприятии надрываться два дня в типографии, имея возможность вообще уклониться от ее организации, сославшись на недостаток деталей, шрифта и т. д. В силу важности документов приводим оба текста полностью по типографским оригиналам, хранящимся в архивной коллекции А. Д. Даллина (НИА).

МАНИФЕСТ

25 ноября 1941 года

Сего числа приступила к работе Народная социалистическая партия России.

Народная социалистическая партия была создана в подполье в сибирских концлагерях. Краткое название Народной социалистической партии — «Викинг» («Витязь»).

Народная социалистическая партия берет на себя ответственность за судьбы России. Она берет на себя обязательство создать правительство, которое обеспечит спокойствие, порядок и все условия, необходимые для процветания мирного труда в России, для поддержания ее чести и достоинства.

В своей деятельности Народная социалистическая партия будет руководствоваться следующей программой:

1. Полное уничтожение в России коммунистического и колхозного строя.
2. Бесплатная передача крестьянству в вечное, наследственное пользование всей пахотной земли с правом аренды и обмена участков, но без права их продажи. (В руках одного гражданина может быть только один участок.) Размер участка — около 10 гк [гектаров. — К. А.] в средней полосе России.
3. Бесплатное наделение в вечное, наследственное пользование каждого гражданина России усадебным участком, с правом обмена, но без права продажи. Размер участка в средней полосе России определяется приблизительно в 1 гектар.
4. Свободное развертывание частной инициативы, в соответствии с чем разрешается частным лицам свободное занятие всеми ремеслами, промыслами, постройка фабрик и заводов. Размер капитала в частном владении ограничивается пятью миллионами золотых рублей на каждого совершеннолетнего гражданина.
5. Установление на всех видах производств 2-х месячного годового отпуска в целях использования его для работы на собственных усадебных участках.

Примечание. На вредных производствах продолжительность отпуска увеличивается до 4-х месяцев.

6. Наделение всех граждан бесплатно лесом из государственных дач для постройки жилищ.
7. Закрепление в собственности государства лесов, железных дорог, содержимого недр земли и всех основных фабрик и заводов.
8. Амнистия всех комсомольцев.
9. Амнистия рядовых членов партии, не запятнавших себя издевательством над народом.

10. Амнистия всех коммунистов, с оружием в руках участвовавших в свержении сталинского режима.

11. Амнистия героев Советского Союза.

12. Беспощадное уничтожение евреев, бывших комиссарами.

Свободный труд, частная собственность в пределах, установленных законом, государственный капитализм, дополненный и исправленный частной инициативой, и гражданская доблесть явятся основой построения нового государственного порядка в России.

Настоящая программа будет осуществлена после окончания войны и после прихода Народной социалистической партии к власти.

В первую очередь все льготы получают граждане, с оружием в руках, не щадя жизни, участвовавшие в построении и укреплении нового строя.

Всякому паразитизму и воровству объявляется смертельная борьба.

Наша партия — партия национальная. Она помнит и ценит лучшие традиции русского народа. Она знает, что викинги — витязи, опираясь на русский народ, создали в седой древности Русское государство.

Наша страна разрушена и разорена под властью большевиков. Бесмысленная и позорная война, вызванная большевиками, превратила в развалины многие тысячи городов и заводов нашей страны.

Но партия «Викинг» верит в могущество и гражданскую доблесть русского народа и дает клятву возродить русское государство из большевистских развалин.

С образом Георгия Победоносца сражалась и побеждала русская армия в старину, так будет и впредь, а потому наше национальное знамя — белое полотнище с образом Георгия Победоносца и с георгиевским крестом в верхнем левом углу знамени.

Каждый гражданин, разделяющий программу нашей партии, должен вести запись граждан, желающих в нее вступить.

По всем областным и районным центрам необходимо организовать комитеты партии «Викинг».

Народная социалистическая партия шлет привет мужественному германскому народу, уничтожившему в России сталинское крепостное право.

Руководитель Народной социалистической партии ИНЖЕНЕР ЗЕМЛЯ (КПВ)

ВОЗЗВАНИЕ

Безграничны преступления сталинского режима.

Голод и тюрьмы, концлагеря и непосильный труд, ложь и провокация, издевательства и полное разорение всех слоев населения — вот достижение нашей страны за последнее десятилетие.

Выбито все лучшее, честное, смелое в стране, выбиты почти все, кто имел личное достоинство, кто не соглашался хотя бы в мелочах с гениальным идиотом, сидящим в Кремле. Сталин не щадил

даже и своих. Лучшие и наиболее честные члены партии, лучшие полководцы Красной армии, те люди, которые открыто говорили Сталину правду в глаза, были или уничтожены, или замучены в тюрьмах. Были уничтожены Рыков, Бухарин, Пятаков, Раковский. Были уничтожены герои Красной армии — Блюхер, Ковтюх, Егоров, Тухачевский, Якир и др. Было выбито все ленинское политбюро. Мало того, они были опозорены и объявлены шпионами и диверсантами.

Свобода была вдавлена в грязь. Раньше люди боролись за то, чтобы иметь право говорить. У нас же даже молчать было нельзя. Каждый должен был хвалить подлый режим, созданный этим кавказским ослом. Кто молчал — брались уже под подозрение. Людей насильно заставляли выступать и разносить ложь в массы. Свободно можно было только стоя приветствовать Сталина, хлопать в ладоши и унижаться в похвалах этому кретину.

И вот наперебой тысячи негодяев соревновались в своей подлости и унижении — кому быть подлее, кто ниже наклонит голову перед этим гением человечества, другом и отцом народов.

Страна нищала, народ ходил в лохмотьях, даже лапти во многих местах стали роскошью и были не по средствам, а кремлевский негодяй Сталин и свора его приспешников и прихлебателей объявили, что «жить стало лучше, жить стало веселее». По их словам, у нас огромные достижения, мы уже имеем социализм и уже вступаем в коммунизм. Да, им стало жить лучше, вернее, им жилось хорошо все эти 24 года, но народ бедствовал нестерпимо. Не только от голода и нищеты, но даже студеной смертью гибли люди. Люди гибли от холода — и это в нашей лесной стране, где огромные, неисчерпаемые запасы леса.

Десятки тысяч людей кончали жизнь самоубийством — бросались под колеса вагонов, вешались, травились, лишь бы уйти от этой невозможно «счастливой» жизни. 13 миллионов человек погибли на одной Украине от голода. Лес безвестных крестов покрыл снежные пространства Сибири. Ни звука не сообщалось об этом в газетах, правда замалчивалась, расстрел и ссылка были уделом смельчаков, которые говорили хоть одно слово против.

Сталин был смел в своих расправах с собственным беззащитным населением, но он знал силу германского оружия и вот, желая сохранить свою кровавую власть, он опять прибегнул ко лжи, распространяя по радио, в газетах и листовках вздорные, нелепые слухи, что германцы насилуют девушек, убивают мирных жителей, обливают все керосином и сжигают. Теперь знают все, что это подлая ложь. Та самая ложь, которая всегда была постоянным орудием Сталина.

Избавление от сталинской каторги принесла нам германская армия, она несет свободную счастливую жизнь нашему народу.

Война длится уже 6-й месяц. Погибли миллионы молодых невинных жизней, миллионы детей остались сиротами и все это ради сохранения кровавого сталинского режима.

Сейчас, зимой, сталинские бандиты сжигают деревни и города, население выбрасывается на улицу и должно погибнуть в муках голода и холода.

Пора покончить с этим безумием! Пора покончить с бешеным кремлевским кровавым псом. Страшная смерть грозила нашему многострадальному народу.

Бойцы и командиры! Ведь вы же не уничтожаете собственных жен и детей! Опомнитесь, пока не поздно!

Сталинский режим обречен, все равно он погибнет, но надо спасти миллионы невинных жизней.

ПРИКАЗ № 1

Всем командирам, бойцам и политработникам!

Война с германской армией проиграна. Ни Америка, ни Англия не спасут каторжный сталинский режим. Он обречен, обречен потому, что ненавистен русскому народу. Русский солдат, русский народ не хотят воевать, а поэтому приказываю: немедленно по получении сего приказа сложить оружие. Вся материальную часть и оружие сохранить в полном порядке.

Каждый сдающийся должен повесить винтовку через плечо накрест и взять в правую руку белый платок. Каждый командир и политработник, передавший свою часть в полной боевой готовности в руки германского командования, безусловно сохранит жизнь.

Всех сопротивляющихся настоящему приказу уничтожать на месте.

Руководитель Народной социалистической партии Инженер Земля (КПВ)

Опубликованные документы, безусловно, нуждаются в комментариях, и в этой связи надлежит сказать следующее. Очевидно, что данная характеристика общественно-политической ситуации в стране практически полностью соответствовала действительному положению вещей. Например, в Германии принципиальным отличием национал-социалистической диктатуры от сталинщины была возможность демонстрировать лояльность режиму путем сохранения корректного молчания или неучастия в мероприятиях НСДАП. Советский же человек понуждался к повседневному проявлению энтузиазма, окружавшими его атмосферой, бесчисленными государственнопартийными органами и организациями. Молчание и неучастие рассматривались как подозрительное поведение и скрытое несогласие. Здесь, кстати, мы видим и саморазоблачение авторов локотского воззвания. «Людей насильно заставляли выступать и разносить ложь в массы», — читаем в документе. Нетрудно предположить — авторы-составители имели в виду и собственные поступки. Однако они оказались способны понять, что периодически произносили лживые речи, давали лживые клятвы, фиктивно голосовали за лживых кандидатов, своим поведением вольно или невольно участвуя в укреплении и расширении системы активной несвободы. Тотальная нищета населения, репрессии, массовая смертность от организованного Политбюро ЦК ВКП(б) голода 1933 — все это можно было наблюдать воочию тем, кто сохранил способность критично оценивать действительность на фоне пропагандистских речей и фальшивых достижений первых пятилеток, не испугавших невосполнимых демографических и экономических потерь, понесенных обществом. Существенно, что авторы «Воззвания» сумели интуитивно почувствовать господствовавший главный принцип сталинской социальной мобильности («Тысячи негодяев соревновались в своей подлости и унижении — кому быть подлее, кто ниже наклонит голову перед этим гением человечества, другом и отцам народов»), метко названный И. Л. Солоневичем за несколько лет до появления локотских документов «ставкой на сволочь». «Реалистичность большевизма, — писал Солоневич, — выразилась, в частности, в том, что ставка на сволочь была поставлена прямо и бестрепетно... Ибо для сволочи нет ни сомнения, ни мысли, ни сожаления, ни сострадания».

Действительно, для того чтобы совершить беспримерное в истории уничтожение собственного народа коллективизацией, искусственным голодом и массовыми расстрелами, нужно было заполнить вертикаль власти людьми, по выражению Солоневича, «с мозгами барана, челюстями волка и моральным чувством протоплазмы», вызвать к жизни «тип человека, участвующего шестнадцатым в очереди в коллективном изнасиловании». Ведь в СССР в 1930–1932 было раскулачено более миллиона крестьянских хозяйств (с населением более 6 млн. человек). Подобного рода бесчеловечную политику ВКП(б) могли реализовывать только те, кто не

сомневался, не думал, не испытывал ни жалости, ни страха, ни сострадания. И чем выше человек хотел продвинуться по социальной лестнице, тем больше отрицательных поступков ему приходилось совершать, оправдывая собственное поведение «субъективными» и «объективными» обстоятельствами. Ничтожные в процентном отношении к массе населения представители партийной, комсомольской, чекистской, армейской номенклатуры в бытовом смысле всегда жили несравнимо лучше рядового гражданина СССР, убеждая прочих в неуклонном росте благосостоянии советского народа. Это обстоятельство особенно хотели подчеркнуть составители документа.

Р. Н. Редлих объяснял реалистичность локотского «Воззвания» тем, что «подсоветская» интеллигенция понимала природу и характер советской власти гораздо лучше, чем старая, разносторонне образованная русская интеллигенция. «А понимать сталинизм, — заканчивал свою мысль ученик И. А. Ильина, — значит сознательно или подсознательно его ненавидеть». На самом деле, сравнивая локотское «Воззвание» с изданным в тот же период документами русских эмигрантских организаций, отмечаешь, возможно, его более грубый и прямолинейный тон, но зато несравненно и более глубокую характеристику сталинской социально-политической системы. При чтении документов в глаза особенно бросается тот факт, что авторами их были люди с глубоко советской ментальностью, травмированные системой. Например, ни в «Манифесте», ни в «Воззвании» нет ни слова о свободе вероисповедания и Церкви, пережившей в 1929–1941 самый страшный период гонений. Причем это совершенно не означает, что К. П. Воскобойник и его единомышленники положительно относились к антицерковной политике советского государства. Процесс стихийного религиозного возрождения, пережитый в оккупации и населением Орловщины, по мере сил поддерживался немецкими полевыми комендатурами Вермахта. Следовательно, в своих первых обращениях создатели Локотского самоуправления, скорее всего, просто забыли коснуться проблематики религиозного возрождения, хотя символически и апеллировали к образу св. Георгия Победоносца. Это в достаточной степени свидетельствует об их личной нецерковности, первоначально свойственной большинству представителей «подсоветской» интеллигенции, избравших для себя путь сотрудничества с оккупационными властями.

В той же степени характерно и упоминание о репрессированных в 1930-е «врагах народа», значимых, скорее, для представителей партийно-советского аппарата, чем для забытых колхозников или концлагерников. Впрочем, подбор фамилий репрессированных, возможно, и не был случайным. Н. И. Бухарин и А. И. Рыков прочно ассоциировались с «правым уклоном», противостоявшим и коллективизации, и сталинской фракции во внутрипартийной борьбе, поэтому их имена должны были привлечь сторонников Октябрьского переворота без сталинских извращений. Фамилии репрессированных командиров РККА (кроме «народного» героя Е. И. Ковтюха) предназначались для бойцов и командиров Красной армии с учетом симпатий, сохранявшихся у части представителей командно-начальствующего состава к пострадавшим в 1937–1938 по делу «троцкистского военно-фашистского заговора». В армии очень многие не сомневались, что М. Н. Тухачевского, В. К. Блюхера и др. репрессированных командиров расстреляли безвинно, следовательно, упоминание о них в «Воззвании» укрепляло доверие к его авторам. Вряд ли стоит удивляться и тем избранным местам, которые сегодня справедливо воспринимаются исключительно в качестве пропагандистских штампов. Но в ноябре 1941, во первых, авторы «Воззвания» искренне не сомневались, что приход Вермахта знаменует окончание сталинской каторги и наступление счастливой жизни — поводы для подобных сомнений появятся гораздо позже. Во-вторых, немцы, побывавшие в Локте, включая комендатуру, в октябре — ноябре 1941 никого не ограбили и не изнасиловали, а вот советские активисты при эвакуации как раз обливали продовольствие керосином и уничтожали хозяйственные объекты. Следовательно, по логике вещей, Сталин лгал в очередной раз. Впрочем, мы уже писали о своеобразной деформации сознания советского человека, жившего в мире перевернутых и

искаженных представлений, в котором весь довоенный негатив, исходившей от власти в адрес нацистской Германии, волшебным образом воспринимался наоборот.

Составители «Воззвания», несомненно, учитывали и возможную отрицательную реакцию на первые акции оставленных НКВД для диверсий и терактов партизанских групп. («Сейчас, зимой, сталинские бандиты сжигают деревни и города, население выбрасывается на улицу и должно погибнуть в муках голода и холода».) В ноябре — декабре 1941 очень часто подобные группы вместо сбора разведданных и нападений на мелкие подразделения противника преимущественно занимались сожжением жилых домов, «выгоняя немецко-фашистских оккупантов на лютый мороз». Но страдали-то от подобных «методов» борьбы в первую очередь местные жители. К. П. Воскобойник, избравший романтически-народнический псевдоним «инженер Земля», был неплохим психологом. Ранее многочисленных антикоммунистических организаций Русского Зарубежья и за год до людей из ближайшего окружения А. А. Власова создатель Локотского самоуправления осознал простую истину, что людей необходимо привлекать к себе не только отрицанием сталинских безобразий, но и конкретной положительной программой, воплотившейся в манифесте НСПР от 25 ноября 1941.

Не имеет значения, насколько жизнеспособной оказался бы замысел К. П. Воскобойника о создании антисоветской партии на оккупированной территории. Историческим фактом остается то, что Воскобойник, Каминский и Мосин, участвовавшие в составлении манифеста, отчетливо выразили настроения значительной части «подсоветского» населения, оказавшегося в оккупации, и нашедшего в себе силы открыто выразить несогласие с общественно-политической и социальноэкономической моделью, господствовавшей в стране долгие годы. Справедливое отношение к описываемым событиям будет заключаться в достаточном признании той горькой истины, что сталинщина вызвала к жизни и противоположные по реакции политические процессы, обострившиеся в связи с внешними потрясениями. Одним из подобных региональных процессов и стало явочное создание НСПР в Локотском волостном управлении в ноябре 1941. К. П. Воскобойник, сохранивший верность эсеровским идеалам молодости, на наш взгляд, в ноябре 1941 ни в коем случае не создавал подобия русской нацистской партии. На эту принципиальную деталь никто из зарубежных исследователей истории Локотского самоуправления не обратил должного внимания, кроме А. Д. Даллина, сына марксиста-меньшевика. Само название партии («народная» и «социалистическая») указывает на приверженность Воскобойника политической традиции дореволюционного народничества, достаточно популярной среди тех представителей «подсоветской» интеллигенции, кто в силу собственных антисталинских взглядов согласился на сотрудничество с противником. Не исключительно, что, упоминая о зарождении НСПР в сибирских концлагерях, «инженер Земля» был отчасти искренен. Детали положительной антисталинской программы вполне могли обсуждаться заключенными. Главным программным положением НСПР по замыслу Воскобойника стало естественное требование о ликвидации колхозного строя — экономически убыточного и нерентабельного, социально безнравственного и политически вредного. Рабовладельческая колхозная система обеспечивала не эффективное ведение сельского хозяйства, а устойчивость власти номенклатуры ВКП(б). И разве первое гласное и открытое требование ликвидации пагубного колхозного строя было меньшим патриотическим поступком, чем призывы к защите территориальной целостности страны?

Требование ликвидации колхозного строя в манифесте НСПР коррелировалось со старой эсеровской идеей о передаче земли крестьянам в вечное наследственное пользование, но не в собственности. В реализации патриархальных крестьянских представлений о земле как «всеобщем достоянии» идеологи партии социалистов-революционеров и усматривали подлинный социализм — тем же взглядам следовал и Воскобойник, недаром назвавший партию социалистической. В рамки умеренно-социалистических взглядов вполне укладываются признание НСПР необходимости для нормальной жизни частной экономической инициативы — фундаментальной

основы гражданской свободы — и преобладания государства в тяжелой промышленности. Независимо от создателей НСПР к аналогичным взглядам о будущем хозяйственном устройстве послесталинской России пришла летом — осенью 1942 группа кадровых командиров Красной армии, объединившихся в немецком плену вокруг бывшего командира 102-й стрелковой дивизии комбрига И. Г. Бессонова (Политический центр борьбы с большевизмом). Умолчание в манифесте НСПР о свободе политической, скорее всего, объясняется даже не тем, что Воскобойник опасался непредсказуемой реакции оккупационных властей. Ведь и создавалась НСПР явочным порядком, без уведомления и санкции немецкого командования, чем, в принципе, создавалась конфликтная ситуация: нацистская «восточная политика» не допускала никаких самостоятельных политических инициатив. Видимо, Воскобойник понимал, что в условиях полномасштабных военных действий ни о какой политической свободе говорить не придется, да и после окончания войны в случае ликвидации сталинского режима политическая оттепель в России наступит очень не скоро. В то же время роспуск колхозов, восстановление частной инициативы и нормальной хозяйственной жизни представлялись вполне реальными, о чем и следовало говорить. К сожалению, о конкретных политических предпочтениях К. П. Воскобойника почти не осталось никаких свидетельств и документов.

Все прочие программные положения манифеста НСПР обуславливались субъективными обстоятельствами, в которых оказалась и страна, и инициаторы создания партии. Амнистия комсомольцам и рядовым членам ВКП(б) — о пионерах даже и не упоминалось всерьез — выглядит вполне разумной и согласуется с принципами послевоенной политики денацификации в Западной Германии, когда от ответственности в подавляющем большинстве были освобождены рядовые члены нацистских молодежных организаций и НСДАП, если они, перефразируя локотских народников, не запятнали себя издевательствами над другими народами. Обещание амнистии всем Героям Советского Союза вполне согласуется с традицией возвышенно-подобострастного отношения к носителям столь почетного звания, прочно укоренившегося в СССР в 1930-е. Интересно, что идеологи НСПР были готовы амнистировать даже ответственных членов ВКП(б) в том случае, если те примут участие в борьбе против Сталина. Этот пункт программы по духу вполне согласуется с известным положением власовского Пражского манифеста 1944, звучавшего еще более примирительно: «Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно».

Наиболее резкую реакцию исследователей, как правило, вызывает пункт о беспощадном уничтожении евреев, бывших комиссарами. Именно в нем и усматривают чуть ли не главное доказательство нацистского характера НСПР. На самом деле, на наш взгляд, ситуация выглядит противоположным образом. К ноябрю 1941 до Воскобойника, вероятно, уже могли дойти слухи о поголовном уничтожении нацистами еврейского населения на оккупированных территориях. Подчеркиваем, это могли быть только слухи, так как своими глазами создатели Локотского самоуправления ничего подобного в октябре — ноябре 1941 не видели. В первую очередь, по причине отсутствия компактного еврейского населения в Брасовском р-не. Тем не менее, Воскобойник ясно дал понять: НСПР не солидаризируется с геноцидом в отношении целого народа. В глазах основателя НСПР в теории евреи могли подлежать преследованию, но только не по национальному признаку, а в случаях непомерно активного участия в деятельности партийнокарательных органов. Хотя, на наш взгляд, акцент на конкретной национальности отдельных представителей советско-партийного актива выглядит предосудительно. Однако, например, евреями были подряд четыре начальника У НКВД по Западной и Орловской обл., несущие ответственность за массовые репрессии и расстрелы на Орловщине и Брянщине: майор госбезопасности И. М. Блат (1934–1936), старший майор госбезопасности С. Г. Гендин (1936–1937), комиссар госбезопасности III ранга В. А. Каруцкий (1937), майор госбезопасности П. Ш. Симановский (1937–1939). В глазах создателей Локотского самоуправления только один этот факт вполне мог иметь гипертрофированное значение.

Пожалуй, единственным аргументом в пользу желания деятелей Локотского самоуправления укрепить собственное положение в глазах оккупационных властей можно рассматривать название партии — «Викинг». И то, скорее всего, это название — не более чем неудачная попытка найти понятный для немцев синоним эпическо-героического слова «Витязь». Иначе совершенно туманное для населения Брянщины и Орловщины упоминание о малопонятных викингах не объяснить. Кстати, заметим, что из всех русских коллаборационистских организаций НСПР выбрала самое экзотическое и наименее вразумительное название, с которым создатели, несомненно, перемудрили. Упоминание о флаге и образе св. Георгия выглядит гораздо более уместным и естественным. В 1916–1917 К. П. Воскобойник был младшим офицером русской армии. Возможно, ценность каких-то отдельных фрагментов давно минувшего прошлого оказалась им осознана лишь в жестоких условиях сталинской реальности. Здесь можно отметить, что, судя по мемуарной литературе, ностальгия по навсегда утраченной дореволюционной России, в которой прошли детство и юность, в СССР кому-то оказалась свойственна именно в мрачные 1930-е. У нецерковного советского инженера Воскобойника Георгиевский крест подсознательно ассоциировался с образом некой справедливой и традиционной России, систематически отвергавшейся и истреблявшейся большевиками. Поэтому ему и хотелось, чтобы символика этой абстрактной, так до конца и не прочувствованной России, воплотилась в символике НСПР.

Наконец, почти исключительно нам представляется то обстоятельство, что авторы документов НСПР ни словом не упомянули: ни о национал-социализме, ни о фюрере, ни о своих возможных обязательствах по отношению к Германии. Даже о дружбе и сотрудничестве с нацистской Германией в программном документе НСПР нет ни одного слова, лишь в форме приветия сдержанно выражается благодарность за освобождение от «Второго Крепостного Права (большевиков)» — и то, не фюреру и даже не германскому командованию, а абстрактному германскому народу. Конечно, позднее тон документов и официальной печати Локотского округа станет совершенно иным. Но, на наш взгляд, неподобострастный и независимый характер первого, спонтанно родившегося, манифеста НСПР допустимо рассматривать в качестве серьезного доказательства самостоятельности возникновения стихийного антисталинского протеста на оккупированных территориях РСФСР. В партизанской мемуарной литературе, издававшейся в Советском Союзе в 1952–1953 в период острого противостояния СССР и США, особенности «контрреволюционной программы» НСПР объяснялись... влиянием не столько нацистов, сколько «буржуазно-интеллигентских» кругов США. На взгляд А. Д. Даллина, отождествление большевиками инициатив К. П. Воскобойника с американскими ценностями стоит рассматривать в качестве лишнего доказательства независимости намерений создателей Локотского самоуправления, чьи цели несомненно отличались от целей как Москвы, так и Берлина.

Прилагавшийся к «Воззванию» «приказ № 1» носил исключительно пропагандистский характер и в отдельности сам по себе не производил никакого впечатления. Таких или почти таких обращений немцы достаточно распространяли на Восточном фронте в 1941–1942. Достаточно заметить, что у инженера Земля не было никаких средств и сил ни для распространения приказа на фронте, ни для контроля над его выполнением. Но в связке с тезисами других документов («Долой сталинскую колхозную каторгу, мы распускаем колхозы, поэтому приказываю прекратить сопротивление») приказ имел смысл и определенное впечатление производил — особенно на бойцов партизанских групп, среди которых осенью 1941 многие испытывали естественные колебания и сомнения («За родину воевать еще хотелось, но по поводу колхозов товарищ Сталин ничего не сказал, а тут на тебе...»). Поэтому обращался Воскобойник в первую очередь не к бойцам действующей армии, а к партизанам в окрестностях Локтя. В западных и юго-западных районах Орловской обл. ядро и организационный костяк партизанских групп составляли сотрудники Брянского УНКВД; только на Брянщине, по одному из частных свидетельств, действовали шесть подобных отрядов, общее

руководство которыми с декабря 1941 осуществлял начальник Брянского УНКВД В. И. Суровягин. Именно сотрудникам НКВД и адресовался последний, устрашающий пункт приказа.

(обратно)

164

Машинно-тракторным станциям.

(обратно)

165

Все это произошло уже после гибели К. П. Воскобойника.

(обратно)

166

К. П. Воскобойник не был убит десантниками. Он получил смертельное ранение 8 января 1942 во время нападения на Локоть более пятисот партизан под командованием Д. В. Емлютина (1907–1966) — бывшего начальника Мглинского райотдела НКВД по Орловской области. Причем роковую рану Воскобойник получил уже в конце боя, когда под пулями вышел на крыльцо атакованного партизанами здания техникума и произносил патетическую антисталинскую речь. По сообщению неизвестного капитана Вермахта, автора докладной записки от 26 апреля 1942 в штаб 2-й армии: «Он [Воскобойник] показал пример исключительной храбрости». Прибывшие на самолете из Орла немецкие врачи не сумели спасти организатора Локотского самоуправления — он умер на операционном столе со словами: «А я-то надеялся сыграть роль...».

(обратно)

167

Райцентр Могилёвской области.

(обратно) 168 Трудно не согласиться с неизвестным нам автором. Еще в 1921, выступая на X съезде РКП(б), В. И. Ленин в полной мере выразил суть основанной им политической системы: «Наша партия — правительственная партия, и то постановление, которое вынесет партийный съезд, будет обязательным для всей Республики». Создававшееся большевиками государство начало приобретать партийно-бюрократический характер сразу же после Октябрьского переворота 1917. Его отличительным признаком стала концентрация законодательной, исполнительной и судебной власти, а также права назначения на государственные должности в руках партийной бюрократии (номенклатуры), которая именовала себя «правлящей партией». Связанные партийной идеологией и дисциплиной большевики принимали политические решения, а затем реализовывали их как руководители соответствующих ведомств, исполнительных и судебных органов. Позднее подобную модель государственности зарубежные политологи стали называть однопартийной или двусоставной. Через несколько месяцев после Октябрьского переворота Ленин небезосновательно утверждал, что Россия завоевана большевиками.

В октябре 1917 ленинцы совершили государственный переворот от имени советов, в результате чего созданный ими режим стал называться советской властью. Первоначально, до созыва Учредительного Собрания 1918, ленинский Совнарком был всего лишь еще одной разновидностью Временного правительства, подотчетного ВЦИК Съезда советов. Однако очень быстро Совнарком присвоил себе права не только исполнительного, но и законодательного органа власти, превратив

ВЦИК и Съезд советов из законодательных институций в заурядные консультативные. В 1917–1920 на пути создания и совершенствования однопартийного государства Ленину пришлось преодолеть три важных этапа: избавиться от отчетности советам, разогнать Учредительное Собрание и превратить советы в послушный инструмент РКП(б). При этом вплоть до 1936 роль большевистской партии в общественно-политической жизни страны формально никак не выделялась. Программа РКП(б) (март 1919) характеризовала ленинскую партию лишь как организатора и вождя пролетариата, разъясняющего природу классовой борьбы. Какие-либо указания на то, что партия и ее руководящие органы осуществляют в советском государстве реальные управленческие функции, в программе отсутствовали. Процесс превращения советского государства в однопартийное, наряду с другими причинами, был неизбежен еще и потому, что сами советы в реальности оказались неполноценными органами власти. Мифом оказался их демократизм. Уже на III Съезде советов в январе 1918 лидер РСДРП(м) Ю. О. Мартов в своем выступлении заявил, что форма советских организаций ниже демократических во всех отношениях, а выборы в советы были не всеобщие, не прямые, не равные и не всегда тайные.

Региональные советы — областные, губернские, уездные — вели себя бесконтрольно и произвольно. В наступившем вслед за Октябрьским переворотом хаосе местные советы очень часто существовали и действовали так, как диктовала им окружавшая обстановка и воля их председателей, на глазах дичавших и превращавшихся в удельных князьков. В феврале 1918 Петроград предоставил губернским советам право добывать средства, облагая «безжалостными налогами имущие классы». Русских обывателей в провинции захлестнула волна форменного грабежа, творимого руками местных властей.

Позднее Мартов с горечью признавал: «Очарование, которым в глазах крестьянских и отсталой части рабочих масс пользовался лозунг “Вся власть Советам!”, в значительной мере объясняется тем, что в этот лозунг они вкладывают примитивную идею господства рабочих или местных крестьян над данной территорией, как в лозунг рабочего контроля вкладывается идея захвата данной фабрики, а в лозунг аграрной революции — захват данной деревней данного поместья». Конец неполноценной «советской демократии» наступил в конце весны — первой половине лета 1918. В ночь с 11 на 12 апреля в Москве чекисты и латышские стрелки арестовали более шестисот активистов анархистских групп. Вслед за анархистами быстро пришла очередь эсеров и меньшевиков, которых

4 июня Ленин публично обвинил в контрреволюционной деятельности, организации голода и восстаний. 14 июня на заседании ВЦИК IV созыва после непродолжительных прений большевики приняли решение об исключении из ВЦИК и советов по обвинению в мифической контрреволюционности представителей оппозиционных социалистических партий — правых эсеров и меньшевиков. После подавления опереточного мятежа левых социалистов-революционеров 6 июля 1918 советы окончательно превратились в ширму, призванную маскировать подлинный характер установившейся в России диктатуры номенклатуры большевистской партии.

(обратно) 169

Ламартин, Альфонс Мари Луи де (1790–1869) — французский поэт и государственный деятель.

(обратно) (обратно)

Примечания к "Немецкая оккупация Белоруссии в 1941–1944 годах" 170

Источник: НИА. Collection A. Dallin. Box 2. Folder 2-14. Машинопись на русском языке (1950–1953) неизвестного автора, который, по всей видимости, был малообразованным сельским жителем. Авторский стиль сохранен. Допущены правка орфографии и пунктуации и вставка слов, уточняющих смысл предложения.

(обратно)

171

Сравним с докладом от 19 апреля 1943 руководителя подпольного Комитета содействия Красной армии в Могилеве К. Ю. Мэттэ в ЦШГД: «Значительная часть советски настроенного населения ушла с Красной армией [в 1941] или же вынуждена была молчать и маскироваться. Основной тон в настроении населения давали контрреволюционные элементы (имеющие судимость, всякие “бывшие люди” и т. д.) и широкие обывательские слои, которые очень приветливо встретили немцев, спешили занять лучшие места по службе и оказать им всевозможную помощь. В этом числе оказалась и значительная часть интеллигенции, в частности много учителей, врачей, бухгалтеров и инженеров. Очень многие молодые женщины и девушки начали усиленно знакомиться с немецкими офицерами и солдатами, приглашать их на свои квартиры, гулять с ними и т. д. Казалось как-то странным и удивительным, почему немцы имеют так много своих сторонников среди нашего населения». Новгородский историк Б. Н. Ковалёв, ссылаясь на архивные документы, признает: «Пропагандистский натиск [германского государства] принёс свои результаты: в ряде деревень немцев встречали хлебом-солью, как освободителей от колхозов, налогов и репрессий». Таким образом, нелояльное по отношению к советскому государству поведение крестьян объясняется воздействием немецкой пропаганды.

Необоснованность подобного тезиса Б. Н. Ковалёва очевидна. До оккупации в какой-либо серьёзной форме никакого серьёзного «пропагандистского натиска» на рассеянное на огромной территории малограмотное сельское население в условиях тоталитарной советской реальности немцы осуществить не могли. Радиоприемников деревня практически не имела, листовки были редкостью, поэтому крестьяне летом 1941 встречали противника хлебом-солью не в результате каких-либо мифических пропагандистских акций врага, а исходя из личного опыта «подсоветской» жизни, резкого отрицания сталинской социально-экономической системы и собственных внутренних представлений о том, что бремя любой другой власти будет легче колхозного. Пропаганда противника в 1941–1942 гораздо в большей степени влияла на мотивацию поступков не сельского населения, а бойцов и командиров РККА, имевших возможность достаточно часто знакомиться с листовками врага. Трудно сомневаться и в том, что антисоветские радиопередачи имели возможность слушать по немногочисленным радиоприемникам горожане, а не крестьяне.

(обратно)

172

Сроки начала принудительных выселений раскулаченных крестьян из Белоруссии были согласованы 30–31 января 1930 на совместных заседаниях Коллегии ОГПУ, полномочных представителей и руководящих работников территориальных отделов органов госбезопасности. Начало операции назначалось на 1 марта, а отправка депортированных эшелонами со сборных пунктов — на 5 марта. В феврале были составлены списки первых депортируемых из Белоруссии 8000 семей (43 500 человек), для которых выделялись 23 эшелона. В каждом эшелоне планировалось иметь 44 вагона для перевозки людей из расчета по 40 человек в вагоне, 8 товарных (на семью — не более 480 кг груза) и классный вагон для команды ОГПУ. Кормили раз в двое суток. Двери вагонов надлежало держать плотно закрытыми и только в пути разрешалось ненадолго приоткрывать их для притока через щели свежего воздуха. При покушении на побег

конвою предписывалось стрелять без предупреждения. В вагонах царили духота, вонь, смрад, здесь же рожали детей, умирали, все вместе отправляли в одно ведро естественные надобности. И на этапе, и по прибытии на конечный пункт ссыльные часто становились жертвами голодного мора и болезней. На Урале раскулаченные белорусские крестьяне направлялись на спецпоселение в районы Надеждинска, Соликамска, Григорьевска, Тюмени и Тавды. Очень быстро органы госбезопасности превысили установленный лимит, и к 20 мая 1930 депортации из Белоруссии подверглись не 8 тыс., а 9701 раскулаченная семья (47392 человека), а всего в 1930–1931 в отдаленные районы страны, преимущественно в условия нечеловеческого существования, были отправлены из этой республики 15 724 семьи, насчитывавшие 73415 человек. Однако депортации на этом не закончились, они продолжались и в последующие годы.

(обратно)

173

До осени 1942 на территории Белоруссии (преимущественно в радиусе 40–50 км от Могилёва) оперировал 102-й Донской казачий батальон (Ost Kosakenabteilung 102., с октября 1942 — 600-й) майора И. Н. Кононова. Осенью 1942 в Белоруссии появились сформированные летом на Украине четыре казачьих батальона, получивших в ноябре номера: 622-й, 623-й, 624-й и 625-й. Эти батальоны оперировали в тылу 3-й танковой армии Вермахта. Принадлежность на период 21 марта — 2 апреля 1943 — к 201-й охранной дивизии. Принадлежность на 18–21 мая 1943 — группа майора Э. фон Рентельна (623-й и 625-й батальоны, 638-я казачья рота), приданная объединенным силам командира 87-й пехотной дивизии Вермахта генерал-лейтенанта артиллерии В. Гартмана. Ему же (в составе сил полковника фон Скотти) в тот момент подчинялся пятый (631-й) казачий батальон, сформированный в сентябре 1942 и оперировавший зимой 1942/43 в районе Невель-Сурож. Батальон Кононова, переименованный зимой 1943 в 600-й казачий дивизион (полк), в июне убыл в Млаву на формирование 1-й казачьей кавалерийской дивизии. 622-й, 623-й, 624-й, 625-й батальоны и 638-я рота убыли в конце сентября 1943 во Францию (750-й казачий полк особого назначения; Kosaken Festungs-Grenadier Regiment 360.). 631й батальон остался в составе LIX армейского корпуса войск группы армий «Центр». Кроме перечисленных батальонов с января 1944 из района Проскурова в район Новогрудка начали прибывать группы и подразделения строевых частей Казачьего Стана Походного Атамана полковника С. В. Павлова под общим командованием полковника А. И. Медынского. К концу марта 1944 в группе Медынского насчитывалось не менее 4 тыс. строевых казаков.

(обратно)

174 Правильно — легионеров. На самом деле, вероятно, речь идет не о французских легионерах ваффен СС, а о чинах Легиона французских добровольцев (Legion des Volontaires Français contre le Bolchevisme — LVF/ЛФД), который прибыл осенью 1941 из Европы на Восточный фронт в составе 638-го полка (181 офицер, 2271 легионер) 7-й пехотной дивизии Вермахта. После больших потерь, особенно во 2-м батальоне, в боях под Москвой зимой 1941/42 ЛФД был выведен в тыл группы армий «Центр». Принадлежность на 6 февраля 1942 — Wehrmacht Befehlshaber Heeresgebiet Mitte 102. В 1942–1943 два батальона (1-й майора Лакро и 3-й майора Демессинне) активно участвовали в антипартизанских операциях. Зимой 1943/44 ЛФД был восстановлен в прежнем трехбатальонном составе и под командованием бригадного генерала французской армии Э. Пуа продолжал участвовать в борьбе с партизанами, а затем — в ожесточенных боях и с Красной армией. В ваффен СС ЛФД был передан только 1 августа (по другим данным — 1 сентября) 1944. Личный состав Легиона поступил на формирование 2-го французского (58-го) полка 7-й войсковой гренадерской бригады СС «Шарлемань».

(обратно)

175

По-видимому, речь идет в первую очередь о чинах 102-го казачьего батальона, об антипартизанских операциях которого осенью 1942 один из офицеров РННА, капитан М. В. Шатов (Каштанов), оставил следующий отзыв. Батальон Кононова, с точки зрения Шатова, «отличался боевой настойчивостью, упорством, частыми схватками и жестокой расправой с партизанами, безобразным отношением к местному населению, у которого казаки отбирали все, что им попадалось на глаза, грабя кладовые, а то и карманы».

(обратно)

176

Так, например, 20 марта 1942 около деревни Новосёлки (Вяземский р-н Смоленской обл.) партизаны из засады убили пять военнослужащих Вермахта, следовавших на санях в Белый. Затем в Новосёлки прибыли около 100 немцев-карателей, которые оцепили деревню и расстреляли 24 местных жителя — мужчин и мальчиков в возрасте от 10 лет.

Кроме того, сравним настоящее утверждение мемуариста с одним из свидетельств об организации партизанского движения в Белоруссии: «Деревня Кусачи не поддавалась влиянию подпольного движения, несмотря на давление партизанского окружения. Силами деревни была создана самооборона, в которую вошло все мужское население деревни. Устроены были опорные пункты вокруг деревни для обороны во время нападения партизан. Деревня парализовала все попытки большевиков втянуть ее в орбиту подпольного партизанского движения. Партийные большевистские органы района, учитывая антисоветское настроение деревни, а также поведение и методы борьбы оккупационных сил с подпольным партизанским движением, устроили следующую провокацию: недалеко от местечка Радашковичи, в одну из соседних деревень, обманным путем был завлечен немецкий фельдфебель, которого партизаны убили, изуродовали его до неузнаваемости и подбросили в расположение деревни Кусачи. Утром местные жители обнаруженный труп передали немецким военным властям. Спустя несколько часов вся деревня Кусачи была окружена немецкой военной жандармерией и войсками. Деревне был поставлен ультиматум: в течение двух часов выдать лиц, совершивших преступление, в противном случае вся деревня будет уничтожена. Конечно, деревня не могла выдать виновников. Не помогли также и доказательства непричастности деревни в совершенном преступлении и указания на то, что это партизаны таким провокационным поступком хотят отомстить деревне за ее стойкость в борьбе против партизан. По истечении поставленного срока началось поголовное уничтожение всех находящихся в деревне. Была при этом уничтожена самооборона деревни. Только очень немногим удалось спастись от смерти, спрятавшись в такие места, где немцы их не обнаружили. Известие об инциденте в Косачах [так в тексте машинописи. — Прим. К. А.] с быстротой молнии облетело все соседние деревни. Многие деревни, несмотря на антибольшевистское настроение, сейчас же поспешили уйти в лес, другие были наготове».

(обратно)

177

Может быть, речь идет о 2-м Трубчевском отряде им. Чапаева, который создал из 10–15 человек в районе с. Белая Берёзка в декабре 1941 беспартийный рабочий Селецкого лесокombината (завода) Василий Иванович Кошелев. В декабре 1942 бригада им. Чапаева под командованием капитана Кошелева насчитывала около пятисот человек и совершала глубокие рейды в Брянских лесах.

(обратно)

178

Правильно: самоохранение.

(обратно)

179

От нем. Kompanie — рота, подразделение.

(обратно)

180

То есть унтер-офицера.

(обратно)

181

Ср. с записями из ялтинского дневника З. А. Хабаровой:

«28 января 1942

К соседке пришел немец развлекаться. Напился и пришел к нам требовать у папы спирт. Спирта нет. Тогда он приставил пистолет мне ко лбу и орал: “На колени”. На колени я не встала. Папа с мамой перепугались до смерти. Потом папа сказал, что принесет вино, а сам пошел к соседке. Немец все держал пистолет, когда соседка, тоже напуганная, увела его.

Через час он снова ворвался и опять требовал спирт. Потом он увидел мои белые перчатки и забрал.

Утром пришел Винко [Данчевич — пациент отца-стоматолога, военнослужащий Хорватского легиона. — К. А.], и мы ему рассказали, что произошло. Он пошел к своему офицеру и все рассказал.

30 января 1942

Пришел Винко. Рассказал, что офицер ходил к коменданту. Этот подонок оказался солдатом из комендатуры. Он был пьян и ходил в белых перчатках. Комендант дал приказ расстрелять его за мародерство, за постоянное пьянство, за то, что разлагает других и за незаконную связь с проституткой. Так рассказал нам Винко. Не знаю, правда или нет, но здесь он никогда не появлялся».

(обратно)

182

По неполным данным, только к августу 1942 на Востоке партизаны убили более 1,5 тыс. сельских и деревенских старост.

(обратно)

183

Правильно: легионеры.

(обратно)

184

То есть Вильнюса.

(обратно)

185

Настоящее утверждение белорусского автора коррелируется с донесениями органов СД (июль 1941), отмечавшими энтузиазм белорусского населения при приходе войск Вермахта. Некоторые из таких документов впервые ввел в научный оборот А. Д. Даллин.

(обратно)

186

По данным управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, за границей по состоянию на 1 января 1952 находился 451 561 гражданин СССР. Из них относили себя к белорусам лишь 9856 человек (2,2 %). При этом стоит отметить, что в эту категорию наверняка попала какая-то часть русских, называвших себя уроженцами Западной Белоруссии, чтобы избежать насильственных репатриаций.

БОБРУЙСК

(обратно) (обратно)

Примечания к "Русские дети в рядах РОА":

187

Соломоновский Игорь Константинович (2/15 мая 1901, Киев — 10 июня 1974, Сан-Рокэ [Сан-Паулу], Бразилия) — участник Белого движения на Юге России и Второй мировой войны, Георгиевский кавалер (1920), майор Вермахта (1944). Из семьи чиновника Киевского окружного суда. В 1911 поступил в Петровский Полтавский кадетский корпус, учебу в котором прервал из-за революционных событий 1917. Учился в Могилевской гимназии, затем с родителями вернулся в Киев. В Могилеве и в Киеве активно участвовал в русском скаутском движении. В конце 1918 вступил в один из Киевских добровольческих отрядов для защиты города от петлюровцев. После прихода в Киев (август 1919) частей ВСЮР добровольцем вступил в 3-й эскадрон Кирасирского (быв. Его Императорского Величества) полка. Тяжело отморозив ноги, находился на излечении в госпиталях Киева и Одессы, откуда был эвакуирован в Варну (Болгария). Летом 1920 из Варны вернулся в Крым, зачислен в Сводно-гвардейский полк 1-й кавалерийской дивизии, в рядах которого служил в чине вахмистра. За боевые отличия в кавалерийской атаке у деревни Ключевой на Днепре (август 1920) награжден Знаком отличия Военного ордена (Георгиевским крестом) IV ст. В бою был ранен, после выздоровления получил направление в команду мотоциклистов запасного бронедивизиона. В составе Крымского кадетского корпуса эвакуировался из Ялты в Константинополь 1–2 (14–15) ноября 1920.

В 1921 в числе 78 кадет I вып. окончил Крымский кадетский корпус, размещавшийся в тот момент в Стрнище при Птуи (Словения) на территории Королевства СХС. Окончив Белградский университет, работал шофером такси, чин РОВС. В апреле 1941 призван в чине народника (сержанта) в 101-й автомобильный полк Королевской армии, попал в немецкий плен. В 1941–1942 — в лагере военнопленных Offizierslager VI–C (Оснабрюк), в котором содержался вместе с группой русских эмигрантов, служивших в Королевской армии Югославии. После нападения Германии на СССР подал рапорт с просьбой об отправке на Восточный фронт. В мае 1942 в чине фельдфебеля

Вермахта прибыл в Бобруйск, где формировался русский полк «Центр», включенный позднее в состав Восточный войск Вермахта. В 1942–1944 служил в штабе полка (р-н Бобруйск — Могилёв) начальником отделения 1с, произведен во все офицерские чины до майора. В период с осени 1944 по весну 1945 руководил немецкой разведывательной агентурной службой по выявлению настроений личного состава в частях формировавшейся власовской армии. В марте 1945 со своим небольшим подразделением ушел из Мюнзингена (Германия) в Альпы, где встретил окончание войны. В 1945–1946 находился в тюрьме в американской оккупационной зоне, арестованный военной полицией как офицер Вермахта. Принудительной репатриации в советскую оккупационную зону избежал и был освобожден. В 1947–1948 работал в автомобильной фирме в Австрии, осенью 1948 выехал в Бразилию. С 1950-х сотрудничал с газетой «Россия» (Нью-Йорк), поддерживал связи с русскими воинскими организациями Зарубежья. В 1960-е писал воспоминания на разные темы, переданные родственниками на хранение в BAR.

Источник: Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive (New York, USA). Collection I. Solomonovsky. Отрывок из одноименной рукописи (9 страниц) мемуаров на русском языке (1969–1970).

(обратно)

188

Из контекста неясно, о каком лагере идет речь, возможно, о лагере для детей, потерявших родителей.

(обратно)

189

С 30 сентября 1942 — 601-й восточный батальон («Березина») (см.: Командующий генерал охранными войсками и командующий тылом армейской группы «Центр». Оперативный отдел. Регистрационный № 3245/42. Секретно. Приказ по корпусу. Главная квартира, 30.9.1942 г. // Личный архив Александрова К. М. Западный штаб партизанского движения. Перевод дневника боевых действий № 3 командующего генерала охранных войск и командующего тылом группы армий «Центр» Шенкендорфа с 1 июля по 31 декабря 1942 года с приложениями [по материалам ф. 8 ГАНИСО]. Л. 237–238, 287). К сожалению, нумерация батальонов полка «Центр», приводимая по памяти в мемуарных источниках И. К. Соломоновским и др. авторами, на материалы которых ранее ссылался автор-составитель (см. например: Восточные войска Вермахта и ВС КОНР. К истории разведывательных и контрразведывательных служб // Александров К. М. Русские солдаты Вермахта. М., 2005. С. 200), не всегда соответствует действительности и требует уточнения по дневнику генерала пехоты М. фон Шенкендорфа (С. И. Дробязко в своем перечне частей и подразделений Восточных войск Вермахта приводит правильную нумерацию. См.: Дробязко С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских Вооруженных Сил 1941–1945. М., 2004. С. 532). Батальон «Березина» (на 15 октября 1942 — командир майор Г. А. Синицкий, по штату 1000 военнослужащих) начал формироваться в мае 1942 в Бобруйске на основе русской караульной роты из Гомеля и нес службу в составе войск безопасности тыла группы армий «Центр», в первую очередь по охране ж/д линии Орша — Борисов. Штаб батальона и штабная рота находились в Крупках, 1 — я рота — в Борисове, 2-я — в Тростянках, 3-я — (?). Под 4-й ротой Соломоновский, вероятно, имеет в виду штабную роту. В батальоне были случаи перехода на сторону партизан, в том числе наиболее драматичная — с попыткой вооруженного мятежа во 2-й роте (18 сентября 1942), в результате которой из 102 военнослужащих 2-й роты на сторону партизан перешли 67. Но подобные эксцессы носили эпизодический характер и на боеспособности батальона, чьи боевые качества неоднократно подчеркивал Шенкендорф, не

отразились. Во второй половине осени 1943 601-й восточный батальон был отправлен во Францию.

(обратно)

190

На 1943 — унтер-офицер Восточных войск Вермахта, бывший колхозник из-под Бобруйска, семья которого погибла в результате партизанских репрессий.

(обратно)

191

22 июля 1942 по корпусу войск безопасности тыла был отдан приказ о создании русского запасного батальона «Центр», формированием которого занимался особый штаб капитана Гольфельда в Бобруйске. На комплектование батальона направлялись добровольцы из лагерей военнопленных. Батальон должен был служить резервом для пополнения действующих на тот момент в р-не Бобруйска восточных батальонов «Днепр» и «Березина». 18 августа 1942 командование группы армий «Центр» отдало приказ № 6431/42 о формировании в цитадели на территории Бобруйска добровольческого запасного полка «Центр» для «пополнения всех находящихся на территории армейской группы «Центр» и создающихся добровольческих формирований». В полк входили два резервных батальона: 1-й (три пехотные роты и рота тяжелого оружия) и 2-й (резервная саперная рота, казачий резервный эскадрон, резервная батарея, резервная рота связи), а также русская команда (рота?) пропагандистов. Рота связи насчитывала 100 чел., батарея — 150, все остальные роты — по 250. На формирование полка обращался запасной батальон «Центр». Снабжение и довольствие полка обеспечивала 203-я охранная дивизия Вермахта. Командиром полка был назначен офицер Русской армии (на 1920) Н. Г. Яненко (в 1944 — подполковник Вермахта). В октябре 1943 полк отправлен во Францию и подчинен 7-й армии Вермахта. В апреле 1944 — расформирован (личный состав частично передан в школу по подготовке личного состава Восточных войск).

(обратно) 192

Скорее всего — Знак отличия для восточных народов «За заслуги» (Verdienst-Auszeichnung) II кл. «в бронзе».

(обратно)

193

Не установлен.

(обратно)

194

Бобруйск — город в 150 км от Минска и в 110 км на юго-запад от Могилёва. С 1938 — город областного подчинения Могилёвской обл.

(обратно)

195

Пистолет «Тула — Токарев», разработан Ф. В. Токаревым в 1930.

(обратно)

196

Город на западе Франции, административный центр департамента Иль-и-Вилен, главный город Бретани.

(обратно)

197

Не установлен.

(обратно)

198

От франц. Maquis — макизары, французские партизаны.

(обратно)

199

Личный состав роты под командованием майора И. К. Соломоновского занимался разведкой и наблюдением за формированием 1-й пехотной дивизии войск КОНР.

(обратно)

200

Населенный пункт (западнее Ульма, земля Вюртемберг) в V военном округе. Здесь в ноябре 1944 — феврале 1945 формировалась 1-я пехотная дивизия войск КОНР.

(обратно) (обратно)

Примечания к "ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ I":

201

Источник: Личный архив Александрова К. М. (ЛАА). Западный штаб партизанского движения. Перевод дневника боевых действий № 3 командующего генерала охранных войск и командующего тылом группы армий «Центр» Шенкендорфа с 1 июля по 31 декабря 1942 года с приложениями [по материалам ф. 8 ГАНИ СО]. Машинопись. Копия. Л. 261–267. Это сообщение тем более интересно, что составлено в период кульминации успехов Вермахта на Восточном фронте.

(обратно)

202

Речь идет о постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 «Об организации борьбы в тылу германских войск»: «Задача заключается в том, чтобы создать невыносимые условия для германских интервентов, дезорганизовать их связь, транспорт и сами воинские части, срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников, всемерно помогать созданию конных и пеших партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп, развернуть сеть наших подпольных большевистских организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов».

(обратно)

203

Блюментрит Гюнтер (1892–1967) — генерал пехоты (1944). В службе с 1911. Участник Первой мировой войны, за боевые отличия награжден орденами Железного креста II и I кл., Рыцарским крестом ордена Дома Гогенцоллернов с мечами, обер-лейтенант (1918). С 17 января по 24 сентября 1942 — 1-й обер-квартирмейстер Генерального штаба ОКХ. Кавалер Рыцарского креста Железного креста (1944).

(обратно)

204

В период советского контрнаступления под Москвой.

(обратно)

205

То есть гарнизонов.

(обратно)

206

Шенкендорф фон, Макс (1875–1943) — генерал пехоты (на 1943). В службе с 1894. Участник Первой мировой войны, майор по особым поручениям при начальнике Генерального штаба (1918). В 1918–1930 — в рейхсвере, генерал-лейтенант (1929). С 1930 в отставке. Призван в 1941.

Командующий войсками безопасности тыла группы армий «Центр» (с 1941). Противник нацистской колониальной политики на Востоке и участник антигитлеровского заговора (1942–1943).

(обратно)

207

Очевидно, речь идет о периоде до лета 1942.

(обратно) 208

С мая 1942 по январь 1943 — в группе армий «Центр» (р-н Великие Луки, Велиж).

(обратно)

209

По состоянию на 1 мая 1942 на территории Смоленской обл. действовали 40 партизанских отрядов (15 520 чел., из них местного населения — не более 4,5 тыс.). На территории Орловской обл. действовали 65 отрядов (связь поддерживалась с 47 общей численностью 10,7 тыс. чел.). Руководство указанными партизанскими отрядами осуществляли сотрудники НКВД, представители местных партийных и советских органов.

(обратно)

210

С июня 1942 в тылу группы армий «Центр» последовательно проводились антипартизанские операции «Лесной кот», «Майский жук», «Северный полюс I», «Северный полюс II», «Орел» и т. д.

(обратно)

211

Речь идет о медленном и противоречивом процессе ликвидации сталинской колхозной системы, в рамках которой подразумевалась на первых порах замена колхозов общинными хозяйствами с разделом между селянами (по подворной системе) инвентаря, средств обработки и земли. Формальным основанием служило распоряжение А. Розенберга от 16 февраля 1942 «Новый порядок землепользования». Однако ликвидация колхозов в 1942 велась хаотично и непоследовательно, вызывая настороженное отношение населения и недовольство крестьян мероприятиями оккупационных властей.

(обратно)

212

Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902–1984) — начальник Центрального штаба партизанского движения (1942–1944), председатель Совнаркома (Совета министров) БССР (1944–1948). Член Коммунистической партии с 1925. Член Президиума ЦК КПСС (1952–1953).

(обратно)

213

Подчеркнуто в документе.

(обратно)

214

За сентябрь 1942 по статистике штаба войск безопасности в тылу группы армий «Центр» на железнодорожных коммуникациях состоялись 373 диверсии, из них, благодаря бдительности охраны, удалось предотвратить 143 (38 %). Уничтожены 3272 партизана, захвачены: самолет, 2 орудия, 3 противотанковых орудия, 49 станковых пулеметов, 11 минометов, 3 грузовика, большое количество взрывчатки и др. трофеи. В октябре количество диверсий возросло до 384, но возросло и количество предотвращенных диверсий. Абсолютное большинство диверсий на коммуникациях заключалось в подрыве или попытках подрыва железнодорожного полотна, которое сравнительно быстро восстанавливалось. Случаи удачных подрывов мостов с их полным уничтожением оставались достаточно редкими.

(обратно)

215

Подчеркнуто в документе.

(обратно)

216

Подчеркнуто в документе. Вероятно, автор хотел сказать о том, что коммуникации остаются основным объектом партизанских атак и диверсий. Здесь необходимо отметить следующий любопытный факт, приведенный в информационной сводке М. фон Шенкендорфа от 20 сентября

1942, направленной командирам 201-й, 203-й, 223-й и 286-й охранных дивизий. За период с 24 августа по 17 сентября 1942 в результате партизанских атак и диверсий на коммуникациях в день проходили 18 составов из ожидавшихся 23 (снижение на 22 %). Однако наиболее важные санитарные поезда и составы с горючим «существенного ущерба не понесли». Ущерб, в первую очередь, понесли составы с товарами для солдатских лавок, почтовые, эшелоны с автотранспортом, дорожно-строительными материалами и продовольствием. Потери в технике в результате партизанских диверсий на железной дороге (за указанный период) составили 36 зенитных орудий, 14 тяжелых орудий, 5 легких пушек, одна мортира, 21 противотанковое орудие и 33 миномета. Вряд ли эти потери существенно отразились на боеспособности войск на фронте группы армий «Центр». Не менее М. фон Шенкендорф был встревожен тем, что в результате партизанских акций замедлилось поступление на фронт теплых вещей из Германии, а также возник дефицит товаров в солдатских автолавках.

(обратно)

217

Подчеркнуто в документе.

(обратно)

218

На момент составления документа общая численность официально учтенных Шенкендорфом восточных добровольцев, служивших в русских боевых подразделениях по охране тыла группы армий «Центр» (без «хиви» и добровольцев из граждан СССР в немецких частях и подразделениях, а также соединения «Граукопф» или РННА) превысила 6700 военнослужащих, без участия которых охрана коммуникаций и борьба с партизанами была бы невозможной. В дальнейшем эти цифры неуклонно возрастали.

(обратно)

219

Генерал пехоты М. фон Шенкендорф неоднократно подчеркивал пагубные последствия игнорирования политических аспектов и целей войны. 12 декабря 1942 начальник оперативного отдела штаба группы армий «Центр» полковник Х. фон Тресков переслал Шенкендорфу обращение от имени группы офицеров с призывом создать Русский национальный комитет. Этот документ предназначался для передачи командующему группой армий «Центр» и в ОКХ. Шенкендорф и некоторые его офицеры подписали документ.

(обратно)

220

Здесь не учтены на тот момент 600-й казачий дивизион (бывший 102-й казачий батальон) подполковника И. Н. Кононова, полк «Центр» майора Н. Г. Яненко (в составе двух батальонов), личный состав которых привлекался к охранно-караульной службе и антипартизанским операциям.

(обратно)

221

В данном случае речь идет только о немецких батальонах.

(обратно) 222

Источник: НИА. Collection A. Dallin. Box 8. Acc. № 79093-10.10. Original. Рукописная записка.

(обратно)

223

Не установлен.

(обратно)

224

Не разборчиво.

(обратно)

225

Не разборчиво.

(обратно)

226

Не установлен.

(обратно)

227

Подпись отсутствует. Документ оказался в коллекции американского специалиста по немецкой оккупационной политике А. Д. Даллина, и это дает основание предположить, что Н. Кумейша, возможно, эвакуировался на Запад в 1944 и после 1945 остался в эмиграции, избежав принудительной репатриации в СССР.

(обратно)

228 ЛАА. Таблица составлена на основании рапортов и отчетных документов штаба группы армий

«Центр». Roll 27-T-454; 81-T-175; 111-T-78. German captured records at the National Archives USA, Washington. Цит. по: Pronin A. G. Guerrilla warfare in the German-occupied soviet territories 1941–1944 / A Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of Georgetown University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Washington, 1965. P. 183.

(обратно)

229

Хрущёв Никита Сергеевич (1894–1971) — 1-й секретарь Московского горкома и обкома ВКП(б) (1934–1938), с января 1938 — и. о. 1-го секретаря ЦК КП(б)У (в должности с июня 1938). Активно участвовал в репрессиях 1937–1938. Председатель СНК УССР (1944–1947). Член Коммунистической партии с 1918. Член Политбюро (Президиума) ЦК (1939–1964).

(обратно)

230

Коробов Леонид А. — в годы войны военный корреспондент «Правды». Автор книги «Фронт без флангов» (М., 1971). На документе штамп: «Входящ. № 02540. 28 июня 1947 г.», а также рукописные пометки.

Источник: Центральний державний архів громадських об'єднань (ЦДАГО) України. Ф. 1. Оп. 22. Спр 58. Арк. 51–60. Документ любезно предоставлен для публикации А. Гогунем (Берлин).

(обратно)

231

Советскую сторону фронта.

(обратно)

232

Вершигора Пётр Петрович (1905–1963) — командир 1-й Украинской партизанской дивизии (1943–1944), генерал-майор (1944), Герой Советского Союза (1944). Член ВКП(б) с 1943. В 1938–1941 работал на Киевской киностудии. В 1941–1942 — командир подразделений, начальник бригады кинофотокорреспондентов политотдела 40-й армии Брянского фронта. С июня 1942 — в тылу противника. В 1942–1943 — зам. командира по разведке в соединении С. А. Ковпака. Участник пяти рейдовых операций. После 1945 — преподавал, занимал журналистикой. Автор апологетическо-пропагандистских произведений о партизанах: «Люди с чистой совестью» (М., 1946), «Карпатский рейд» (М., 1950) и др. Награжден двумя орденами Ленина, орденом Богдана Хмельницкого 1-й ст. и др. наградами.

(обратно)

233

Июнь — сентябрь 1943. По официальным данным, ковпаковцы потеряли в рейде более трети личного состава.

(обратно)

234

Здесь на полях документа рукописная пометка: «Нагр[адной] отд[ел]. [далее неразборчиво. — К. А.]. 23. 6. Это проверить».

(обратно) 235

Здесь на полях документа рукописная пометка: «Увеличение численности нецелесообразно. 23. 6. [росчерк]».

(обратно)

236

Этот и предыдущий абзац документа обведены.

(обратно)

237

К 7 января 1944 в тылу противника насчитывалось 1116 партизанских отрядов и соединений общей численностью 181 392 бойца (в том числе в Белоруссии — 693 формирования, в которых сражались 120288 человек). Смоленский историк И. П. Щеров в своем ценном исследовании по истории партизанского движения в годы войны на основании анализа архивных материалов пришел к очень важному выводу: «Активной и составной частью (50 %) участников партизанской войны были именно руководящие советско-партийные работники. Им было, что защищать в годы войны: свои привилегии, льготы, сытую жизнь, в отличие от основной массы “советского” народа».

(обратно)

238

Этот абзац документа обведен.

(обратно) 239

Начальником БШПД (1942–1944) был П. З. Калинин (1902–1966) — 2-й секретарь ЦК КП(б)Б.

(обратно) 240

Правильно: самааховы. Проект указа о создании Корпуса белорусской самообороны (в пер. с бел. — беларускай самааховы) был опубликован в Кубе 29 июня 1942. 16 июля последовал приказ о формировании Корпуса, в который предполагалось включить местные антипартизанские формирования от роты до батальона. Призыв в Корпус (в значительной степени на добровольной основе) шел на протяжении нескольких месяцев — в итоге командование КБС сформировало около 20 батальонов и несколько более мелких подразделений. Каждый батальон состоял из трех пехотных рот (по 100–120 бойцов каждая) и эскадрона (около 100 бойцов). К октябрю 1942 в ряды КБС было призвано около 15 тыс. человек, началась подготовка офицерского состава. Главным комендантом КБС стал руководитель Центрального совета БНС И. А. Ермаченко, начальником штаба — подполковник И. Гудько (Гутько), главным референтом — начальник военного отдела БНС капитан Ф. В. Кушель. В апреле 1943 на фоне конфликта между Кубе и Ермаченко оккупационные власти расформировали КБС, личный состав пошел на пополнение белорусских батальонов «Schuma» и полиции. Возможно, что Л. А. Коробов имел в виду формирование БКО, создание которой началось в конце января — феврале 1944. Но и личный состав подразделений БКО к маю 1944 насчитывал около 30 тыс. человек.

(обратно) 241

К маю 1944 в составе БКО были сформированы 39 пехотных и 6 саперных батальонов.

(обратно)

242

Подчеркнуто автором докладной записки.

(обратно)

243

Кульбака Пётр Леонтьевич (1902–1971) — командир Глуховского партизанского отряда (1941–1942), формирования в Сумском партизанском соединении (1942–1943), полка 1-й Украинской партизанской дивизии (с янв. 1944). Герой Советского Союза (1944). Член ВКП(б) с 1927. После 1945 — член Глуховского райкома партии. Награжден орденом Ленина и др. наградами.

(обратно)

244

Вероятно, речь идет о том, что командир полка принял решение не расстреливать бойцов самообороны.

(обратно)

245

Псевдоним. Правильно: Корж Василий Захарович (1899–1967) — командир Пинского партизанского соединения, генерал-майор (1943), Герой Советского Союза (1944). Член ВКП(б) с 1929. В 1930–1931 — председатель колхоза. В 1931–1936 — в органах ОГПУ-НКВД, затем участник гражданской войны в Испании. С 1940 — начальник отдела Пинского обкома КП(б)Б. В 1941 — командир истребительного отряда, на базе которого позднее было сформировано Пинское соединение. Зам. министра лесного хозяйства БССР (1949–1953), председатель колхоза «Партизанский край» в Брестской обл. (1953–1963). Награжден двумя орденами Ленина и др. наградами.

(обратно)

246

Ковпак Сидор Артемьевич (1887–1967) — один из организаторов советского партизанского движения на Украине в 1941–1944, генерал-майор (1943), дважды Герой Советского Союза (1942 и 1944). Член Коммунистической партии с 1919. Председатель Путивльского горисполкома (1937–1941), с сентября 1941 — командир Путивльского партизанского отряда, затем соединения партизанских отрядов Сумской обл. Руководил рейдовыми операциями на территории Сумской, Курской, Орловской, Брянской, Гомельской, Пинской, Волынской, Ровенской, Житомирской и Киевской обл. С 1944 — член Верховного Суда Украинской ССР. Награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Богдана Хмельницкого I ст., Суворова II ст. и др. наградами.

(обратно)

247

Возможно, речь идет о И. Я. Юркин — начальнике следственной части УНКВД по Алтайскому краю.

(обратно)

248

Не установлен.

(обратно) (обратно)

Примечания к "Э. К. Штеппа. Из воспоминаний":

249

Штеппа Эразм Константинович (род. 9 октября 1925 в Нежине Черниговского округа). Сын профессора К. Ф. Штеппы. Окончил среднюю школу, жил с семьей в Киеве. С 19 сентября 1941 — в немецкой оккупации. 22 декабря 1941 в группе киевской молодежи добровольно выехал на работу в Германию. Работал на заводах Круппа и «Польтс» (1942). За попытку побега отбыл три

месяца в штрафном лагере № 21 в Вотерштадте, где чудом избежал смерти. Осенью 1942 вернулся в Киев, откуда эвакуировался в Германию вместе с родителями в 1943. Жил с семьей в Плауне. Зимой 1944/45 призван в Вермахт, служил связистом. После капитуляции — в советском лагере военнопленных в Дрездене. Прибыл по этапу в Ковель и признал себя гражданином СССР. Содержался в Ровенской тюрьме. В октябре 1945 этапирован в Киев. В декабре трибуналом Киевского военного округа по ст. 58-1а приговорен к 20 годам каторжных работ с поражением в правах на 5 лет. Срок отбывал (лагерный номер ЗК КТР И-798) на тяжелых работах по золотодобыче на прииске «Ольчан» (1946) в пос. Усть-Нера Якутской ССР (Индибирлаг), затем — на 1-м лагпункте прииска Нижний Ют-Урях (им. М. Горького) (1947–1951), на отдельных лагпунктах «Озерка» (1952–1953), «Туманный» (1953–1954), на 2-м лагпункте прииска им. М. Горького (1954–1955). Освобожден по амнистии 1 сентября 1955. Жил и работал в СССР. После 1991 нашел сестру и выехал к ней в США (?).

Источник: Личный архив Александрова К. М. Отрывок из воспоминаний. Машинопись (вторая половина 1990-х годов), часть I. За открытие этого ценного источника автор-составитель глубоко признателен собирателю и публикатору материалов по использованию принудительного труда остарбайтеров Г. Г. Вербицкому (Вестал, США).

(обратно)

250

Штеппа Константин Феодосьевич (1896, Лохвицы Полтавской губ. — 1958, США) — участник Белого движения на Юге России, историк, профессор. Сын священника. Учился в Полтавской духовной семинарии, с 1914 — на историко-филологическом факультете Петроградского университета (не окончил). В 1916 призван в армию, участник Первой мировой войны. Прапорщик (на 1917). После Октябрьского переворота 1917 — в белых войсках на Юге России. На 1920 — капитан, командир пулеметной роты в Русской армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля. После эвакуации Русской армии из Крыма судьба неизвестна (1920–1921); по-видимому, из Крыма сумел пробраться к семье в Нежин. Окончил факультет истории и психологии Нежинского института (1922), где затем преподавал историю. Доктор наук (1927). С 1930 — заведующий кафедрой истории Древнего мира и средних веков в Киевском университете. Председатель комиссии АН УССР по истории Византии. Занимался исследованием восстаний в античную эпоху и марксистских взглядов на проблемы развития античной цивилизации. В 1938–1940 репрессирован органами НКВД, в заключении в Киеве. С 19 сентября 1941 — в немецкой оккупации. Киевской профессурой избран ректором Киевского университета, деятельность которого была запрещена оккупационными властями. Редактор газеты «Новое украинское слово» (дек. 1941—?), резко конфликтовал с украинскими сепаратистами. В 1943 принял немецкое гражданство и эвакуировался с семьей в Германию, жил в Плауне. После окончания войны избежал насильственной репатриации, находился в американской оккупационной зоне Германии. Писал для русских периодических изданий под псевдонимами «Громов» и «Лагодин». Один из учредителей и научный сотрудник Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР (1950–1952). В США с семьей с 1952. Специализировался в области изучения советской историографии, вопросов партийного строительства и управления в СССР.

(обратно)

251

Киев и КиУР, район Окуниново, побережье Днепра от Бортничи до Андруши защищали войска 37-й армии (более 100 тыс. бойцов и командиров, 1,1 тыс. орудий и минометов) Юго-Западного фронта (147-я, 175-я, 295-я, 206-я, 284-я, 228-я, 87-я, 124-я, 131-я, 176-я, 165-я, 146-я стрелковые, 28-я

горнострелковая дивизии, 2-я, 3-я, 5-я, 212-я воздушно-десантные бригады, 2-я противотанковая бригада, 538-й гаубично-артиллерийский полк, 595-й артиллерийской полк РГК, 339-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, 2-й отдельный парашютно-десантный батальон и др. части и подразделения), которой с 23 июля (по другим данным — с 7 августа) 1941 командовал генералмайор А. А. Власов. Фронт обороны армии составлял около 200 км. Защите столицы УССР уделялось первостепенное значение, поэтому Ставка требовала от командования 37-й армии сосредоточить основные усилия на отражении наступления войск Вермахта, атаковавших КиУР с запада. В результате активных действий 37-й армии с 19–20 августа противник фактически отказался от прямого штурма Киева.

(обратно)

252

Кольцо Вермахта замкнулось вечером 14 сентября 1941 в 210 км восточнее Киева, в районе города Ромны, между Лохвицей и Лубнами. Здесь в 18.20 встретились танкисты разведотряда 6-го танкового полка 3-й танковой дивизии генерал-лейтенанта В. Моделя (из состава XXIV танкового корпуса 2-й танковой группы генерал-полковника Г. Гудериана) и солдаты 2-й роты инженерного батальона 16-й танковой дивизии генерал-майора Г. Хубе (из состава XLVIII танкового корпуса 1 — й танковой группы генерал-полковника Э. фон Клейста). В результате части Вермахта взяли 665000 пленных, 3718 артиллерийских орудий, 884 единицы бронетехники и другие трофеи (по объявленным данным).

(обратно)

253

Ср. с воспоминаниями А. В. Кузнецова, подростком пережившего оккупацию Киева: «Я увидел, как они бегут, и понял, что это конец. Красноармейцы — в своей защитной, выгоревшей форме, одни со скатками, иные уже и без ружей — редко побежали через дворы, по огородам, перепрыгивали заборы. Говорили потом, что они забегали в дома, умоляли дать штатское платье, и бабы давали поскорее какое-нибудь тряпье, они переодевались, надеясь скрыться, и бабы топили в выгребных ямах бесполезное оружие и гимнастерки со знаками отличия. Стало очень тихо. Много дней шли бои, гремела канонада, выли сирены, бомбежки были одна за другой, по ночам весь горизонт освещался зарницами и заревами, мы спали на узлах в окопе, земля тряслась и сыпалась нам на головы. И вот стало тихо — та тишина, которая кажется страшнее всякой стрельбы. И было неизвестно, где мы: еще под Сталиным, уже под Гитлером, или на узкой полосе посредине?».

254

Известие об оставлении Киева прозвучало только в вечернем сообщении Совинформбюро от 21 сентября 1941.

(обратно)

255

Ср. с воспоминаниями А. В. Кузнецова о 19 сентября 1941: «Через площадь все шли войска, но реже. А от базара бежали во все стороны, как тараканы, люди с набитыми мешками, и лица у всех были жадно-возбужденные. Поняв, что меня там явно не хватает, я кинулся к базару. Там грабили большой обувной магазин. Витрина была вдребезги разбита, в нее, деловито пихаясь локтями, хрустя стеклами, лезли дядьки и тетки. Я ринулся за ними, успел увидеть, как хватают калоши — Боже мой, какое сказочное добро по тем временам! Но пока я пробился, полки опустели, как ветром выметенные, а толпа забурлила в углу. Я заметался, прыгая на чужие спины, досадуя: ну вот же, вот же, прямо на глазах все хватают, а мне не дотянуться. Друг у друга из рук рвали уже связки шнурков и коробочки ваксы. Тогда я сквозь витрину выпрыгнул обратно на улицу, осматриваясь: нет ли другого, еще не разграбленного магазина? Эх, какая досада: пока я метался в обувном, рядом разбили хозяйственный магазин и уже тащили оттуда банки с красками, связки лопат и замков».

(обратно)

256

В Киев вошли части и соединения 6-й армии Вермахта (XXIX армейский корпус: 75-я, 95-я, 296-я, 299-я пехотные, 99-я егерская дивизии; а также 71-я, 294-я пехотные дивизии и др.) генералфельдмаршала В. фон Рейхенау. Первыми в город вступили передовые подразделения 296-й и 95-й пехотных, 99-й егерской дивизий. Ср. с воспоминаниями А. В. Кузнецова о 19 сентября 1941: «Немцы выглядывали из машин, прогуливались по [Кирилловской] улице — чисто выбритые, свежие и очень веселые. Будешь свежим и веселым, если у них пехота, оказывается, не шла, а — ехала! Они смеялись по любому поводу, что-то шуточно кричали первым выползающим на улицу жителям. Между фурами со снарядами и мешками лихо юлили мужественные мотоциклисты в касках, с укрепленными на рулях пулеметами. Доселе нами невиданные, огромнейшие, огненнорыжие кони-тяжеловозы, с гривами соломенного цвета, медлительно и важно ступая мохнатыми ногами, запряженные шестерками, тянули орудия, будто играючи. Наши малорослые русские лошаденки, измордованные и полудохлые, на которых отступала Красная армия, показались бы жеребятами рядом с этими гигантами. В ослепительно белых и черных лимузинах ехали, весело беседуя, офицеры в высоких картузах с серебром. У нас с Шуркой разбежались глаза ихватило дыхание. Мы отважились перебежать улицу. Тротуар быстро наполнялся, люди бежали со всех сторон, и все они, как и мы, смотрели на эту армаду потрясенно, начинали улыбаться немцам в ответ и пробовали заговаривать с ними. А у немцев, почти у всех, были книжечки-разговорники, они листали их и кричали девушкам на тротуаре:

— Панэнка, дэвушка! Болшовик — конэц. Украина!

— Украина, — смеясь, поправили девушки.

— Йа, йа! У-край-ина! Ходит гулят шпацирен битте!

Девчонки захихикали, смущаясь, и все вокруг посмеивались и улыбались. От Бондарского переуллка образовалось какое-то движение: видно было, как торжественно плывут головы, и вышла

(обратно)

процессия стариков и старух. Передний старик, с полотенцем через плечо, нес на подносе круглый украинский хлеб с солонкой на нем. Толпа повалила на зрелище, затолкались. Старики опоздали и растерялись: кому вручать? Передний двинулся к ближайшему белому лимузину, откуда, улыбаясь, смотрели офицеры, и с поклоном подал поднос».

(обратно)

257

Ср. с воспоминаниями А. В. Кузнецова о первой реакции его деда Ф. В. Семерика, бывшего батрака и рабочего, на приход в Киев оккупантов:

«— Ладно, шут с ними, пускай хоть Петлюра, хоть черт, хоть дьявол с рогами висит у них [украинских сепаратистов. — К А.] иконой, — с внезапной ненавистью сказал дед, — лишь бы не тот Сталинюга, сапожник проклятый, грузин недорезанный, убийца усатый с его босячней! Боже, Боже, такую страну довести до разорения. За несчастным ситцем тысячи душатся в очередях, да я при царе последний батрак был, а этого ситцу мог штуками покупать.

— Що старэ, що малэ... — вздохнула бабка у печи. — Много ты его напокупал?

— Мог! Мог купить. Потому что он был. Все было! Я батрак, а ты прачка — а мы себе дом построили. Попробуй сейчас построй. Раньше, бывало, один муж в семье работает, семья семь душ, он один кормит всех. А при этих большевиках и муж работает, и жена работает, и дети работают, и все равно не хватает. Это для того царя скинули?

— При царе было плохо! — воскликнул я.

— Да, вас теперь так в школах учат. А ты видел?

— Царь людей в тюрьмы сажал и в ссылки ссылал.

— Дурачок ты, дурачок, — сказал дед. — Людей сажают и ссылают во все времена. Ленин больше народу загубил, чем все цари до него. А уж того, что Сталин натворил, — никаким царям, никаким кровопивцам не снилось. Были у нас и Грозные, и Петры, да такого Сталина Бог, видно, перед концом света на нас послал. Дожились до того, что самой тени своей боишься. Одни стукачи кругом, слова не скажи. Только одну “славу партии” можно кричать. Да милиция тебе штраф влепит, если флаг на ворота не прицепишь на их праздник да на их проклятушие выборы. С утра, чуть свет — уже тарабанят в окна: “К шести часам на выборы, все как один, всенародный праздник, стопроцентное голосование”. Ах, чтоб вы подавились моим голосованием! Сами себя выставляют, сами себя назначают, сами меж собой делят — а мне говорят, что это я их выбирал! Это ж кракамедия сплошная. Кто живет при советской власти? Кто горластый подлец. Разевает пасть: “Наш великий, гениальный, мудрый вождь, солнце ясное в небе, наша родная партия, под водительством!” Тра-та-та! За это и получает, и жрет, злыдень. Развели одних паразитов. Один работает, трое присматривают, шестеро караулят. Да жрут, как гусень, да в автомобилях разъезжают. Буржуев свергли — сами буржуями заделались. Благодетели!..

— Ох, язык без костей, — испуганно сжалась бабка у печки. — Що ты кричишь, на всю улицу слышно!

— Вот! Я ж и говорю: мы привыкли уже только шепотом говорить. Пусть слышно! Я хочу хоть перед смертью в голос поговорить. Нет их власти больше, нету их ГПУ, драпанули распроклятые

энкаведисты. Чтоб он сдох, тот Сталин! Чтоб она сдохла, их партия! Вот! И никто меня больше не арестует. Это я ж при проклятых буржуях последний раз мог в голос говорить. Двадцать лет как воды в рот набрали. Добрые люди, пусть лучше Гитлер, пусть царь, пусть буржуи, турки, только не те а-дио-ты, бандиты с большой дороги»

У многих ли граждан Советского Союза в 1941 были основания рассуждать подобным образом?

258

В 1932 в этом здании размещался Киевский облотдел ГПУ.

(обратно)

259

Автор ошибается. ДОПР — одна из разновидностей советских мест заключения в 1920-е, в которых, как правило, содержались лица, не признанные социально-опасными и осужденные на срок от шести месяцев до двух лет. В РСФСР подобного рода места заключения назывались исправдомами, в УССР — домами принудительных работ. Поэтому отождествлять ДОПРы с органами ВЧК-ОГПУ неверно.

(обратно)

260

Из 24 членов ЦК РСДРП(б), руководивших Октябрьским переворотом 1917, в результате сталинских репрессий погибли 14 человек (более 58 %), из 60 членов ВРК Петроградского Совета и его комиссаров — 54 (90 %). Из 284 выдающихся и активных членов ЦК партии (1898–1934) 45 умерли естественной смертью или погибли до 1934 (около 16 %), 8 покончили жизнь самоубийством в результате политики И. В. Сталина (около 3 %), 188 были расстреляны или погибли в лагерях (более 66 %), 22 попали в опалу и были исключены из ЦК (около 8 %), 21 стал сотрудником аппарата ВКП(б) (более 7 %). Из 322 начальников республиканских НКВД, УНКВД краев и областей, подразделений центрального аппарата, занимавших указанные должности за период с июля 1934 по сентябрь 1938, был арестован 241 человек (около 75 %). Всего в системе госбезопасности (ГУГБ НКВД), по оценкам Н. В. Петрова и К. В. Скоркина, за период с 1 октября 1936 до 15 августа 1938 за «контрреволюционные преступления» были арестованы 1862 сотрудника. В период «бериевской либерализации» (1939) из 7372 уволенных чекистов аресту подверглись 937 (около 13 %) активных сотрудников Н. И. Ежова.

(обратно)

261

Эту важнейшую особенность сталинской социальной системы Р. Н. Редлих характеризовал следующим образом: «Сталинский строй не только не имел сколько-нибудь устойчивой социальной опоры, он ее и не искал, более того, он ее боялся. Устойчивая социальная опора, будь то определенный класс или определенное сословие, неизбежно приобретает влияние на власть, а нередко достигает и того, что делает ее своей властью. В большей или меньшей степени власть оказывается от нее зависимой. Онтологический замысел сталинизма — абсолютное властвование над активно несвободным обществом — может быть реализован лишь при условии власти вполне надклассовой, надсословной и надпартийной. Это властвование не может иметь твердой и постоянной опоры ни в какой группе населения, по той простой причине, что приобрести эту опору можно только ценой уступок интересам людей, составляющих эту группу, то есть ценой отказа от абсолютизации власти. Сталин, очевидно, понимал это и систематически противодействовал

(обратно)

стихийно зарождавшейся тенденции к перерождению партии в привилегированное правящее сословие, во-первых, путем постоянной чистки и обновления рядов, во-вторых, с помощью актива, который и служил решающим звеном в замкнутой цепи сталинского единовластия».

(обратно)

262

Правильно: УК РСФСР (1926, с изменениями на 1 июля 1938). Статей насчитывалось не 16, а 14. В УК союзных республик были аналогичные статьи.

Ст. 58-1 содержала понятие контрреволюционного действия.

Ст. 58-1а предусматривала ответственность за измену родине (шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага Союза ССР, бегство или перелет за границу Союза ССР) гражданским лицом.

Ст. 58-1б предусматривала ответственность за измену родине военнослужащим.

Ст. 58-1в предусматривала ответственность совершеннолетних членов семьи военнослужащего за его побег или перелет за границу Союза ССР.

Ст. 58-1г предусматривала ответственность за недонесение военнослужащего о готовящейся или совершенной измене.

Ст. 58-2 предусматривала ответственность за вооруженное восстание или вторжение на советскую территорию в контрреволюционных целях, захват власти в центре или на местах.

Ст. 58-3 предусматривала ответственность за сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями.

Ст. 58-4 предусматривала ответственность за оказание каким-либо образом помощи той части международной буржуазии, которая не признавала равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической, и стремилась к свержению коммунистической системы, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам.

Ст. 58-5 предусматривала ответственность за склонение иностранного государства или какихлибо в нем общественных групп к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действиям (разрыв дипломатических отношений, блокада и т. д.).

Ст. 58-6 предусматривала ответственность за шпионаж (передачу, хищение или сбор сведений, являвшихся государственной тайной).

Ст. 58-7 предусматривала ответственность за подрыв государственной экономики.

Ст. 58-8 предусматривала ответственность за совершение террористических актов против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, участие в выполнении терактов.

Ст. 58-9 предусматривала ответственность за разрушение средств и путей сообщения, водопровода и иных сооружений, государственного и общественного имущества.

Ст. 58–10 предусматривала ответственность за антисоветскую агитацию и пропаганду.

Ст. 58–11 предусматривала ответственность за организационную деятельность по совершению преступлений, предусмотренных ст. 58.

Ст. 58–12 предусматривала ответственность за недонесение о контрреволюционном преступлении.

Ст. 58–13 предусматривала ответственность за борьбу против рабочего класса и революционного движения в период Российской империи или на службе у контрреволюционных правительств в период Гражданской войны.

Ст. 58–14 предусматривала ответственность за саботаж.

263

Зажиточные и хозяйственные немецкие колонии на юге РСФСР и на Украине советская власть подвергла полному разгрому. Советские немцы из Крыма и Таврии появились в Коми АО уже летом 1930 в потоке репрессированных в составе так называемой кулацкой ссылки. На май 1932 в Коми АО находились 2359 немцев-спецпоселенцев. К 1937 немцы-спецпоселенцы составляли более 10 % населения Коми АССР. Только в 1934 органами ОГПУ-НКВД были арестованы около 4000 советских немцев. В период «ежовщины» в 1937–1938 по Советскому Союзу подверглись репрессиям, по разным оценкам, 65–68 тыс. советских немцев. Из них были осуждены (по неполным данным) более 55 000 человек, в том числе приговорены к расстрелу— 41 898 (органы НКВД УССР вынесли расстрельные приговоры 18005 советским немцам, органы НКВД Крымской АССР — 1391 советскому немцу).

(обратно)

264

Может быть, речь идет об ответственном сотруднике органов ОГПУ-НКВД Харькова и Киева в 1920-1930-е Сергее Фабриковиче (Броневом), погибшем в ГУЛАГе или расстрелянном в 1937–1938.

(обратно)

265

До 1922 и после 1944 — Владимирская улица.

(обратно)

266

Камеры предварительного заключения.

(обратно)

267

Ср. с воспоминаниями А. В. Кузнецова: «Дом этот находился недалеко от площади Богдана Хмельницкого, почти напротив боковых ворот Софийского собора. Он сразу бросается в глаза — огромный, темно-серый, но кажущийся почти черным из-за контраста с соседними домами. С колоннами и портиком, он, как гигантский комод, возвышается над пропахшей пылью веков

(обратно)

Владимирской, возле него не стоят машины, на нем нет никакой вывески. Дом строили до революции для губернской земской управы, но не закончили, и при советской власти он стал Дворцом труда. Но ненадолго: он понравился органам госбезопасности. До самого отступления в 1941 году в нем помещался НКВД УССР, и здание было наилучшим образом приспособлено для его нужд. За величественным фасадом разместились отлично оборудованные следовательские кабинеты, помещения для пыток, каменные мешки подвалов, а во дворе, скрытая от любопытных глаз — тюрьма в несколько этажей, соединенная с главным зданием переходами. Иногда из подвалов на улицу доносились крики. Считаюсь, что для простого смертного возможен только вход в этот дом, редко кто выходил. Взорвав Крещатик с магазинами и театрами, взорвав историю Руси — Лавру, НКВД, однако, оставило в неприкосновенности свой дом, словно нарочно для того, чтобы у Гестапо были сразу же все условия для работы. Гестапо приняло и оценило такую любезность, немедленно разместилось за величественным фасадом, и крики возобновились. Забегая вперед, можно добавить, что при отступлении немцы подожгли соседние дома на площади Богдана Хмельницкого, Университет, но оставили в неприкосновенности дом № 33. Сейчас [летом 1965. — Прим. авт. — сост.] в нем КГБ УССР».

(обратно)

268

Автор ошибается. С началом войны с Германией НКВД СССР и НКГБ СССР были объединены в единый наркомат (НКВД СССР) указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941. Возглавил объединенный наркомат нарком внутренних дел СССР, генеральный комиссар госбезопасности Л. П. Берия. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1943 из состава НКВД был вновь выделен самостоятельный наркомат госбезопасности (НКГБ СССР) во главе с комиссаром госбезопасности I ранга В. Н. Меркуловым. В соответствии с постановлением Верховного Совета СССР от 15 марта 1946 приказом НКГБ СССР № 00107 от 22 марта 1946 наркомат госбезопасности был переименован в Министерство госбезопасности (МГБ) СССР. После смерти И. В. Сталина 5 марта 1953 на совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совета министров и Президиума Верховного Совета СССР было принято решение об объединении МГБ и МВД СССР в единое Министерство внутренних дел во главе с министром внутренних дел СССР маршалом Л. П. Берия. Верховный Совет СССР принял соответствующие законы 15 марта. Следующее решение Президиума ЦК КПСС № П 50/11 о выделении органов госбезопасности из МВД СССР состоялось 10 февраля 1954. 12 марта Президиум ЦК определил круг задач органов госбезопасности. 13 марта указом Президиума Верховного Совета СССР был образован Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР. Первым председателем КГБ при Совмине СССР стал бывший первый заместитель министра внутренних дел СССР генералполковник И. А. Серов.

(обратно) 269

Ср. с воспоминаниями бывшего старшего лейтенанта Красной армии Н. Н. Рутченко (Рутыча). Между 12 и 18 июля 1941 Н. Н. Рутченко командовал походной заставой (передовым отрядом) отдельного 2-го полка Василсостровского района Ленинградской армии народного ополчения, с которой близ дер. Уторгш (район Шимска) атаковал отступавший арьергард 8-й танковой дивизии LVI танкового корпуса Вермахта. В ходе скоротечного боя застава захватила грузовик с немецкими ранеными. Командир взвода старшина Семейкин попросил Рутченко с необходимыми предосторожностями задать курившему раненому немецкому капитану ряд частных вопросов — как далеко находятся части русских добровольцев, кто из белых генералов ими командует, когда

немцы ожидают их появления на фронте. Разговор шел в придорожных кустах, на обочине. Капитан изумился, перестал курить и резко ответил: «Полная чепуха. Чушь. Этого нет и не может быть». Услышав перевод Рутченко, Семейкин пришел в ярость: «Врешь, сволочь! Пристрелить гада!» и с трудом был удержан командиром от самосуда. Пленных передали по инстанции. Рутченко и Семейкин вскоре попали в плен и потеряли друг друга.

(обратно)

270

От нем. «Die ganze Welt dreht sich um dich...» — «Весь мир кружится вокруг тебя...». Вальс из кинофильма «Immer nur... Du!» (1941) режиссера К. Антона. Автор слов Х. Ф. Бекман, музыка Ф. Шредера.

(обратно)

271

Соловецкие острова — группа островов в Белом море при входе в Онежскую губу. Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения (СЛОН) (с 1924 второе наименование — Северные концентрационные лагеря) был организован 13 октября 1923, закрыт 16 ноября 1931 (с организацией на его базе Беломоро-Балтийского исправительно-трудового лагеря), восстановлен 1 января 1932 и считался расформированным окончательно с 1 ноября 1933. Заключенные, аппарат и имущество подлежали передаче Беломоро-Балтийскому ИТЛ. С 13 октября 1923 СЛОН подчинялся ОГПУ, с 23 мая 1930 — ГПУ Карельской АССР и ГУЛАГ ОГПУ, с 1 января 1932 — ГУЛАГ ОГПУ. Размещался лагерь в Архангельской обл. на Большом Соловецком острове, с 1931 распространился на Кемь, станцию Медвежья Гора Мурманской железной дороги. Преимущественный вид производства — лесозаготовки и торфоразработки. Численность заключенных: 2557 — на декабрь 1923, 5044 — на декабрь 1924, 7727 — на декабрь 1925, 10682 — на декабрь 1926, 14810 — на декабрь 1927, 21900 — на 1928, 65000 — на 1929, 53123 — на 1 января 1930, 71800 — на 1 января 1931, 15130 — на 1932, 19287 — на 1933.

(обратно)

272

Колыма — река в Магаданской обл. Северо-Восточный ИТЛ (Севвостлаг, ИТЛ Дальстроя) был организован 1 апреля 1932 и закрыт после 20 сентября 1949. С момента организации подчинялся ОГПУ, затем ГУЛАГ НКВД и Дальстрою. Дислокация — Дальневосточный край, пос. Средникан (с 1932), бухта Нагаева (с 1937), Хабаровский край, город Магадан. В производственную систему Севвостлага (применительно к Колымскому району) входили золотодобыча и добыча олова в бассейнах рек Колымы и Индигирки, поисковые и разведочные работы в Колымо-Тенькинском и др. оловоносных районах, обслуживание Управления Колымского речного транспорта (до марта 1939), строительство и обслуживание судостроительных и судоремонтных заводов на Колыме и в бухте Нагаева и т. д. Численность заключенных: 11100 — на декабрь 1932, 29659 — на 1 января 1934, 36313 — на 1 января 1935, 48740 — на 1 января 1936, 70414 — на 1 января 1937, 90741 — на 1 января 1938, 138170 — на 1 января 1939, 190309 — на 1 июля 1940, 179041 — на 1 января 1941, 166445 — на 1 июля 1941.

(обратно)

273

Печора — река на северо-востоке РСФСР, территория Коми; одноименные порт, железнодорожная станция и город (с 1949). В 1929–1931 в подчинении Управления северных лагерей особого назначения существовала Ухтинская экспедиция ОГПУ (пос. Чибью Коми АО, ныне Ухта), занимавшаяся изысканием нефти в Усть-Ухтинском районе (824 человека). 6 июня 1931 экспедиция была реорганизована в Ухтинско-Печорский ИТЛ (Ухтпсчлаг), подчинявшийся ГУЛАГ ОГПУ. Производственный цикл включал изыскание нефти и геологоразведку, добычу угля, радия, газа, лесозаготовки, дорожное строительство и т. д. Численность заключенных: 9012 — на 1932, 20866 — 1933, 22612 — 1934, 20965 — 1935, 23482 — 1936, 31035 — на 1 января 1937, 54792 — на 1 января 1938. 10 мая 1938 Ухтпечлаг был расформирован и на его базе созданы четыре новых концлагеря: Воркутинский, Ухто-Ижемский, Северный Железнодорожный (Ссвжелдорстрой), УстьВымский. 14 мая 1940 с дислокацией в районе станции Печора Северо-Печорской железной дороги был образован Северо-Печорский ИТЛ (Севпечлаг, Печорстрой, Печорский железнодорожный ИТЛ) с подчинением ГУЛЖДС. Заключенные (91 664 человека на 15 июня 1941) строили участок железной дороги Котлас — Воркута и занимались др. видами работ. 24 июля 1950 Печорстрой был закрыт и объединен с Севжелдорстроем в Печорский ИТЛ (1950–1959).

(обратно)

274

Советско-финляндской войне 30 ноября 1939 — 13 марта 1940 предшествовал разрыв Советским Союзом 28 ноября 1939 пакта о ненападении 1932, который действовал до 1944 и не подлежал денонсации в одностороннем порядке (в соответствии с протоколом 1934). Население Финляндии в 1939 насчитывало 3,5 млн. человек, население СССР — 183 млн. За время боевых действий безвозвратные потери войск РККА составили около 160 тыс. человек, армии Финляндии — 24,5 тыс.; ранеными, контуженными, обожженными и обмороженными — соответственно 325 тыс. и 43557 человек; пленными — около 6 тыс. и около 1 тыс.; в авиации — 640 и 62 самолета. Кроме того, войска РККА 650 единиц бронетехники потеряли безвозвратно, около 1800 подбитыми и около 1500 вышедшими из строя по техническими причинам; финская армия бронетехники почти не имела.

(обратно)

275

С государствами Прибалтики Советский Союз в 1940 не вел боевых действий. В июне 1940 для вторжения на территорию Прибалтики была сосредоточена мощная группировка РККА (435000 человек, более 3500 единиц бронетехники, 2500 самолетов). В совокупности Эстония, Латвия и Литва могли выставить по общей мобилизации против СССР только 560000 человек, 1200 орудий, 147 единиц бронетехники и 292 самолета, поэтому правительства прибалтийских государств отказались от сопротивления. 21 июля 1940 после комедии выборов в органы представительной власти в государствах Прибалтики состоялось провозглашение советской власти, а в период 3–6 августа 1940 прибалтийские республики «по просьбе трудящихся» были приняты в состав СССР.

(обратно)

276

Боевые действия частей Красной армии на территории Западной Украины и Западной Белоруссии против разрозненных польских войск и погранстражи продолжались с 17 сентября по 1 октября 1939. Официально правительство Польши не объявляло СССР состояние войны. Потери РККА составили 1173 человека убитыми (польской стороны — 3500), ранеными — 2002 (польской стороны — 20000), пропавшими без вести — 302. Кроме того, войска РККА потеряли 17 единиц бронетехники и 6 самолетов.

(обратно)

277

С Румынией Советский Союз в 1940 не вел боевых действий. Для оказания дипломатического давления на Румынию в июне 1940 на базе КОВО был создан Южный фронт генерала армии Г. К. Жукова (460000 человек, 12000 орудий и минометов, около 3000 единиц бронетехники и более 2000 самолетов). 26 июня 1940 Румынии был предъявлен советский ультиматум о передаче СССР Бессарабии и Северной Буковины. 28 июня румынское правительство согласилось удовлетворить требования советской стороны, и к 3 июля части РККА вышли на новую границу.

(обратно)

278

Ср. с материалами политдонесения штаба КОВО. 22 июня 1940 среди корреспонденции на имя командира 300-го стрелкового полка 7-й стрелковой дивизии 12-й армии была обнаружена анонимная записка красноречивого содержания: «Товарищи бойцы! Вы хорошо понимаете, что вас

командиры, комиссары обманывают, над вами издеваются. Ходите оборванные, голодные и холодные, и вы не знаете, за что идете в бой на Румынию. Возьмите оружие против Советов и долой власть Советов. Довольно обманывать бойцов-мужиков, дайте им свободу и волю, дайте крестьянам хлеб».

(обратно)

279

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926) — советский государственный деятель. Участник социал-демократического движения с 1895. Член ЦК Коммунистической партии (с 1917), кандидат в члены Политбюро ЦК (с 1924), деятельный соратник И. В. Сталина (с 1922). Создатель и первый руководитель советских репрессивно-карательных органов, организатор практики террора и подавления инакомыслящих. Председатель ВЧК при Совнаркоме РСФСР (с 7/20 дек. 1917), ГПУ при НКВД РСФСР (с 1922), ОГПУ при Совнаркоме СССР (с 1923).

(обратно)

280

Ягода Генрих Григорьевич [наст.: Енох Гершенович] (1891–1938) — генеральный комиссар госбезопасности (1935). Троюродный брат Я. М. Свердлова. Член Коммунистической партии с 1907. Участник Первой мировой войны. В органах госбезопасности с 1919. Член коллегии ВЧК (с 1920). Начальник Особого отдела ГПУ-ОГПУ (1922–1929); 2-й (1923–1926), 1-й (1926–1931), 2-й (1931–1934) заместитель Председателя ОГПУ. Руководил строительством Беломоро-Балтийского канала, один из создателей системы ГУЛАГ. Член ЦК ВКП(б) (с 1934). Нарком внутренних дел СССР (10 июля 1934 — 26 сентября 1936), присутствовал при расстреле осужденных по «открытому процессу» 1936 во главе с Л. Б. Каменевым и Г. Е. Зиновьевым. Нарком связи СССР (26 сентября 1936 — 29 января 1937), затем в резерве. 4 апреля 1937 арестован по обвинению в преступлениях по должности. Расстрелян по «открытому процессу» 1938 вместе с Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым и др. В СССР единственным из участников «процесса» не был реабилитирован (1988).

(обратно)

281

Ежов Николай Иванович (1895–1940) — генеральный комиссар госбезопасности (1937). Член Коммунистической партии с 1917, служил в РККА. С 1922 на номенклатурных должностях. Член (с 1934), секретарь (с 1935) ЦК ВКП(б). Кандидат в члены Политбюро ЦК (с 1937). Присутствовал при расстреле осужденных по «открытому процессу» 1936 во главе с Л. Б. Каменевым и Г. Е. Зиновьевым. В органах НКВД с 1936. Нарком внутренних дел СССР (26 сентября 1936 — 25 ноября 1938), водного транспорта (по совместительству) (8 апреля 1938 — 9 апреля 1939). Организатор массового террора («ежовщины»), в ходе которого с октября 1936 по ноябрь 1938 в СССР подверглись репрессиям более 1,5 млн. человек. С 1939 постепенно лишался занимаемых должностей. Арестован 10 апреля 1939 и расстрелян.

(обратно)

282

Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) — советский государственный деятель, генеральный комиссар госбезопасности (1941), маршал (1945). Член Коммунистической партии с 1917. В органах госбезопасности с 1921. 1-й секретарь ЦК КП(б) Грузии (1931–1938). Член ЦК ВКП(б) (с

1934). 1 — й заместитель наркома внутренних дел СССР (22 августа — 25 ноября 1938), нарком внутренних дел (25 ноября 1938 — 29 декабря 1945). В период «бериевской либерализации» 1939–1940 были освобождены из колоний, тюрем и лагерей более 320000 человек, арестованы — около 200000, не считая депортированных. Кандидат (с 1939), член (с 1946) Политбюро ЦК.

Заместитель Председателя Совнаркома (Совета министров) СССР (1941–1953). Член Государственного комитета обороны (1941–1945). Курировал комплекс работ по созданию советского атомного оружия. С 1952 член «руководящей пятерки» в Президиуме ЦК КПСС. По версии ряда исследователей, был одним из организаторов доведения Сталина до смерти накануне новой «большой чистки» партии и страны. После 5 марта 1953 — министр внутренних дел СССР и 1 — й заместитель Председателя Совета министров СССР. По «бериевской амнистии» 1953 на свободу вышли около 1,2 млн. человек, оказались закрыты несколько известных дел («дело врачей») и следственные дела на 400000 человек. Выступал за сокращение военных расходов и долгостроя, ликвидацию ГДР и создание нейтральной объединенной Германии, сужение русификации партийных и советских кадров в национальных республиках. 26 июня 1953 на заседании Президиума ЦК КПСС по инициативе Н. С. Хрущева и Г. М. Маленкова арестован и обвинен в совершении ряда преступлений политического и уголовного характера. По официальной версии, расстрелян по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, однако есть указания на то, что на самом деле был убит сразу же после ареста. В РФ в ходатайствах о реабилитации (2000) отказано.

(обратно)

283

Первая строка песни братьев Дм. и Дан. Я. Покрасс на слова В. И. Лебедева-Кумача из популярного кинофильма режиссера Е. Л. Дзигана «Если завтра война» (1938).

(обратно)

284

Врангель Пётр Николаевич (1878–1928) — герой Первой мировой войны, один из руководителей Белого движения на Юге России (1920), генерал-лейтенант (1919). Главнокомандующий ВСЮР и Русской армии (1920–1924), основатель и 1-й Председатель РОВС (1924–1928).

(обратно)

285

Деникин Антон Иванович (1872–1947) — герой Первой мировой войны, один из руководителей Белого движения на Юге России (1918–1920), генерал-лейтенант (1916). Командующий и Главнокомандующий Добровольческой армии (1918), Главнокомандующий ВСЮР (1919–1920).

(обратно)

286

Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) — военно-политический лидер украинофильского движения (1917–1926), командующий армией Украинской народной республики (1918–1920), председатель Директории (с 1919).

(обратно)

287

Вероятно, от нем. «Die ganze Welt ist voll Musik...» — «Весь мир полон музыки...»

(обратно)

288

Авторы музыки и слов не установлены.

(обратно)

289

С 4 октября 1919 — 25-я стрелковая им. В. И. Чапаева дивизия. С 21 февраля 1933 — 25-я стрелковая Краснознаменная ордена Ленина дивизия им. В. И. Чапаева.

(обратно)

290

Ср. с утверждениями А. И. Солженицына: «Сообщений [курсив Солженицына. — К. А.] о массовой эвакуации евреев не было в советской печати. И понятно — почему. Во-первых, после заключения пакта с Германией в СССР замалчивалась гитлеровская политика по отношению к евреям, и, когда разразилась война, подавляющая часть советского населения не знала о той смертельной опасности, какую несет евреям немецкое вторжение. Во-вторых, и это было, вероятно, главное, — с немецкой стороны лихо свистела пропаганда против “иудео-большевизма”, и советское руководство, разумеется, понимало, что всеми двадцатыми-тридцатыми годами эту пропаганду изрядно подкрепило, — и как бы им было теперь провозгласить открыто и громко, что спасать надо в первую очередь [курсив Солженицына. — К. А.] евреев? Это только и было бы — поддаться Гитлеру опрокидывающей силы».

Анализируя разные оценки, А. И. Солженицын полагает, что на территории СССР в границах по состоянию на 22 июня 1941 избежали оккупации 2,26 млн. евреев (2 млн. проживавших в пределах старой границы 1939 и 226 тыс. проживавших на территории областей, присоединенных в 1939–1941). Из них число эвакуированных А. И. Солженицын оценивает в 1,3 млн. На оккупированных территориях остались почти 2,74 млн. евреев (в том числе более 1,65 млн. — на территориях, вошедших в состав СССР в 1939–1941). В то же время А. И. Солженицын цитирует новые исследования еврейских специалистов по истории Холокоста: «“Когда же началась советскогерманская война и об антисемитизме нацистов заговорили вновь, многие евреи восприняли это как пропагандистскую акцию. Многие евреи верили своему жизненному опыту, а не радио, книгам и газетам. В представлении многих немцы были такими, какими они их знали по Первой мировой войне. Из всех режимов времен Гражданской войны, в оценке евреев, немецкий был одним из наиболее толерантных в отношении евреев”. “Многие евреи помнили, что во время немецкой оккупации 1918 немцы относились к евреям лучше, чем к местным жителям, и это их успокаивало”. И потому “в 1941 число добровольно оставшихся евреев было значительно”; но далее и в 1942, “по рассказам очевидцев... в Воронеже, Ростове, Краснодаре и в других городах евреи, ожидая, пока фронт прокатится через их город, надеялись продолжать свою работу в качестве врачей и учителей, портных и сапожников, которые, по их убеждению, нужны при любом режиме... Евреи не могли или не хотели эвакуироваться и по чисто материальным соображениям”».

(обратно)

291

Возможно, что автор, писавший собственные воспоминания в 1990-е, ошибается, датируя первый взрыв на Крещатике 20 сентября 1941. Кроме того, приводить в действие радиоуправляемые мины в тот момент еще не имело смысла, так как планомерное размещение войск и учреждений Вермахта в центре Киева только началось. Более достоверными нам представляются воспоминания А. В. Кузнецова, написанные в начале 1960-х: «Это было 24 сентября, в четвертом часу дня. Дом немецкой комендатуры с “Детским миром” на первом этаже взорвался. Взрыв был такой силы, что вылетели стекла не только на самом Крещатике, но и на параллельных ему улицах Пушкинской и Меринга. Стекла рухнули со всех этажей на головы немцев и прохожих, и многие сразу же были поранены. На углу Прорезной поднялся столб огня и дыма. Толпы побежали — кто прочь от взрыва, кто, наоборот, к месту взрыва, смотреть. В первый момент немцы несколько растерялись, но потом стали строить цепь, окружили горящий дом и хватали всех, кто оказался в этот момент перед домом или во дворе. Волокли какого-то долговязого рыжего парня, зверски его били, и разнесся слух, что это партизан, который принес в “Детский мир” радиоприемник — якобы сдавать, но в приемнике была адская машина. Всех арестованных вталкивали в кинотеатр здесь лее, рядом, и скоро он оказался битком набитым израненными, избитыми и окровавленными людьми.

В этот момент в развалинах того лее самого дома грянул второй, такой же силы, взрыв. Теперь рухнули стены, и комендатура превратилась в гору кирпича. Крещатик засыпало пылью и затянуло дымом. Третий взрыв поднял дом напротив — с кафе-кондитерской, забитой противогазами, и с немецкими учреждениями. Немцы оставили кинотеатр и с криками: “Спасайтесь, Крещатик взрывается Г — бросились бежать кто куда, а за ними арестованные, в том числе и рыжий парень. Поднялась невероятная паника. Крещатик действительно взрывался. Взрывы раздавались через неравные промежутки в самых неожиданных и разных частях Крещатика, и в этой системе ничего нельзя было понять».

(обратно)

292

Ср. с воспоминаниями А. В. Кузнецова: «Взрывы продолжались всю ночь [на 25 сентября. — К. А.], распространяясь на прилегающие улицы. Взлетело на воздух великолепное здание цирка, и его искореженный купол перекинуло волной через улицу. Рядом с цирком горела занятая немцами гостиница “Континенталь”. Никто не узнает, сколько в этих взрывах и пожаре погибло немцев, их снаряжения, документов, а также мирных жителей и имущества, так как никогда ничего на этот счет не сообщалось».

(обратно)

293

Взрывы в Киеве продолжались, по воспоминаниям очевидцев, до 28 сентября, вызванные ими пожары (в районах улиц Пушкинской, Меринга, Маркса, Энгельса, Институтской, Прорезной и др.) — до первых чисел октября 1941. Взрыв не столько военных объектов, сколько всего городского центра украинской столицы с концентрированной инфраструктурой, несомненно, имел политическое значение. А. В. Кузнецов замечал, что эта акция, с размахом проведенная оставленными для подпольной работы сотрудниками НКВД во главе с капитаном госбезопасности И. Д. Кудрей («Максимом»), «провоцировала немцев на беспощадность, благо в беспощадности они были хорошими учениками». 8 мая 1965 И. Д. Кудре (1912–1942), служившему в органах НКВД с 1934, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Из доступных ныне документов известно, что непосредственно приказ о минировании центра Киева, включая величественный ансамбль Киево-Печерской лавры, отдал в июле 1941 командующий Юго-Западным фронтом

генерал-полковник М. П. Кирпонос. Осуществлял общее руководство минированием и готовил центр города к взрыву полковник А. И. Голдович. По данным современных исследователей А. Гогуня и А. Кентия, сентябрьскими взрывами 1941 были уничтожены: четная сторона Крещатика — от Институтской улицы до Бессарабки, улицы Институтская до Ольгинской, вся Ольгинская, Николаевская (ныне архитектора Городецкого), Меринговская (ныне ул. Заньковецкой), половина Лютеранской (до Банковской), Прорезная до Фундуклеевской (ныне — Богдана Хмельницкого). При этом часть зданий при тушении взорвали саперы Вермахта, стремившиеся тем самым локализовать распространение пожаров.

(обратно)

294

Ср. с воспоминаниями А. В. Кузнецова: «На верхних этажах и чердаках зданий было заготовлено множество ящиков боеприпасов и противотанковых бутылок с горючей смесью, ибо советское военное командование собиралось драться в Киеве за каждую улицу, для чего весь город был изрыт рвами и застроен баррикадами. Теперь, когда к ним подбирался огонь, эти ящики ухали с тяжким характерным взрывом-вздохом, обливая здания потоками огня. Это и доконало Крещатик. Немцы, которые так торжественно сюда вошли, так удобно расположились, теперь метались по Крещатику, как в мышеловке. Они ничего не понимали, не знали, куда кидаться, что спасать. Надо отдать им должное: они выделили команды, которые побежали по домам всего центра Киева, убеждая жителей выходить на улицу, эвакуируя детей и больных. Много уговаривать не приходилось. Жители — кто успел схватить узел, а кто в чем стоял — бежали в парки над Днепром, на Владимирскую горку, на бульвар Шевченко, на стадион. Было много обгоревших и раненых».

(обратно)

295

Известные нам документы подтверждают воспоминания. Так, например, в отчете опергруппы «С» массовое уничтожение киевских евреев 29–30 сентября 1941 мотивировалось причастностью еврейского населения к поджогам, взрывам и диверсиям 24–28 сентября, а также «чрезвычайно большим возмущением населения», которое было вызвано значительной долей евреев в личном составе органов НКВД и в перечне представителей партийно-советской номенклатуры довоенного Киева.

(обратно)

296

Ср. с воспоминаниями А. В. Кузнецова: «Нет, они в связи с Крещатиком ничего не объявили и никого не казнили публично. Но они стали мрачны и злы, начисто исчезли улыбки. На них, закопченных, жутковато было смотреть, и похоже, они к чему-то готовились. <...> Взрыв Крещатика и последующие поджоги устроили оставленные агенты НКВД, расстреливали же за это первых попавшихся людей. Цель была достигнута: немцы рассвирепели. И тем более свирепели, что не могли схватить подлинных взрывников. Это как если бы они получили в зубы от профессионального боксера, а злобы вымещали на подвернувшемся под руку ребенке. За несколько дней, расстреляв в Бабьем Яру всех евреев, принялись тащить туда русских, украинцев и прочих».

(обратно)

297

Только за период с 22 октября по 29 ноября 1941 по официальным объявлениям оккупационных властей в ответ на отдельные акты саботажа и диверсий со стороны советского подполья были расстреляны 800 киевлян-заложников.

(обратно)

298

Оглоблин [наст. Мезько] Александр Петрович (6 декабря 1899 — 16 февраля 1992) — археограф, историк. С 1922 — профессор Киевского рабоче-крестьянского университета. Доктор исторических наук (1926). В нач. 1930-х репрессировался органами ОГПУ. В 1941–1942 — бургомистр Киевской городской управы (по др. данным: в сентябре-октябре 1941). Затем выехал с оккупированной территории СССР на Запад. После 1945 — в эмиграции в США. Автор более тысячи научных трудов и публикаций.

(обратно)

299

В быстром восстановлении водоснабжения, электрического освещения, организации трамвайного движения большую роль сыграла деятельность Киевской городской управы во главе с А. П. Оглоблиным.

(обратно)

300

В Русской Императорской армии пребывание в плену не считалось воинским преступлением, к пленным относились, как к страдальцам, им сохранялись чины, награды, денежное довольствие, плен засчитывался в стаж службы. Российское государство участвовало в разработке международных документов о защите прав военнопленных. При участии императора Николая II и русских дипломатов в 1907 увидела свет Гаагская конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны», определявшая права военнопленных. Во время Первой мировой войны в плен к противнику попали 2,4 млн. чинов российских Вооруженных Сил, из которых умерли в плену не более 5 %. В 1941–1945 в плен к противнику попали примерно 5,7 млн. граждан СССР, из которых погибли примерно 3,3 млн. — около 60 %. В то же время смертность среди французских военнопленных составляла 1,6 %, британских — 1,1 %, американских — 0,3 %.

Немаловажную роль в трагедии советских пленных сыграла позиция их государства. РСФСР еще по инициативе В. И. Ленина отказалась оказывать помощь своим гражданам в соответствии с Гаагской конвенцией — в результате около 15 тыс. пленных красноармейцев лишились элементарной помощи, международной защиты и умерли в польских лагерях военнопленных после советско-польской войны 1920. Ленин заявил: «Гаагское постановление создает шкурническую психологию у солдат». Сталин в 1925 назвал работу Гаагской конференции «образцом беспримерного лицемерия буржуазной дипломатии». В 1927 пленум ЦК ВКП(б) открыто признал: «Нерабочие элементы, которые составляют большинство нашей армии — крестьяне, не будут добровольно драться за социализм». Отказ советского государства от защиты прав собственных граждан в плену был связан с тем, что массовая гибель пленных уменьшала вероятность создания противником антибольшевистских воинских частей при помощи белоэмигрантов.

15 мая 1929 Сталин поставил в известность наркома по военным и морским делам К. Е. Ворошилова о том, что Советский Союз не будет участвовать в работе Женевской конференции, посвященной проблеме военного плена. В итоге СССР отказался от присоединения к Женевскому

соглашению «Об обращении с военнопленными», которое подписали главы делегаций от 47 государств. Нацистская Германия присоединилась к соглашению в 1934. Гитлер перед вторжением в СССР обосновывал собственные бесчеловечные планы в отношении советских военнопленных, помимо расовых теорий, в том числе и тем, что «русские не признают международных конвенций». 30 марта 1941, выступая перед представителями высшего командования, фюрер накануне войны против СССР откровенно заявил: «Красноармеец не будет товарищем». Интересно, что ряд офицеров Вермахта, представлявших круги антигитлеровской христианско-консервативной оппозиции (В. Канарис, граф Г. Д. фон Мольтке и др.), пытались протестовать, считая, что такое отношение к пленным несовместимо с кодексом воинской чести и традициями германской армии, но безуспешно. Неучастие СССР в Женевском соглашении 1929 сделало возможным неоднократные убийства пленных противника прямо на поле боя и в Вермахте, и в Красной армии уже летом 1941.

В приказе № 270 от 16 августа 1941 И. В. Сталин, генерал армии Г. К. Жуков и другие члены Ставки предложили уничтожать плененных врагом бойцов и командиров Красной армии «всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи». 28 сентября 1941 в специальной директиве № 4976 по войскам Ленинградского фронта Жуков в качестве репрессивной меры потребовал расстреливать и семьи попавших в плен, однако состоялось ли применение этой директивы на практике, нам не известно. Таким образом, в первую очередь незаинтересованность высшей номенклатуры ВКП(б) в судьбе своих граждан, оказавшихся в плену, и политические установки Гитлера обрекали миллионы советских пленных на вымирание от голода, болезней и издевательств лагерной охраны. Вместе с тем необходимо признать, что автор мемуаров отчасти прав в своих рассуждениях. Массовая смертность пленных в период с осени 1941 по весну 1942 была еще и следствием элементарной неготовности германской военной администрации к приему такого потока пленных. Даже те немногочисленные коменданты лагерей, которые как-то искренне желали улучшить участь их обитателей, оказывались в затруднительном положении. Для лагеря на 10 тыс. человек в среднем требовались в сутки 5 т картофеля, 3 т хлеба и значительное количество топлива, хотя бы для кухни. Для подвоза всего необходимого требовались не менее 30 подвод в день.

(обратно)

301

К апрелю 1942 преимущественно от инфекционных заболеваний, голода и антисанитарных условий умерли 2,2 млн. советских пленных.

(обратно)

302

Оригинальный текст приказа звучал так: «Все жидаы города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол Мельниковской и Дохтуровской (возле кладбищ). Взять с собой документы, деньги, ценные вещи, а также теплую одежду, белье и проч. Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян. Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян». На самом деле, с текстом объявления работали переводчики, плохо знавшие русский язык. Речь шла об улицах Мельникова и Дегтяревской близ товарной станции Лукьяновка.

(обратно)

303

Ср. с воспоминаниями А. В. Кузнецова: «Дед по какому-то делу пошел было на улицу, но почти тотчас затоптал ногами по крыльцу и ввалился в комнату:

— Поздравляю вас! Ну!.. Завтра в Киеве ни одного жида больше не будет. Видно, правду говорят, что это они Крещатик сожгли. Слава тебе, Господи! Хватит, разжирели на нашей крови, заразы. Пусть теперь едут в свою Палестину, хоть немцы с ними справятся. Вывозят их! Приказ висит».

(обратно)

304

Старое написание слова «дзюдо».

(обратно)

305

Ср. с воспоминаниями А. В. Кузнецова: «Они выходили еще затемно, чтобы оказаться пораньше у поезда и занять места. С ревущими детьми, со стариками и больными, плача и переругиваясь, выползло на улицу еврейское население огородного колхоза. Перехваченные веревками узлы, ободранные фанерные чемоданы, заплатанные кошелки, ящички с плотницкими инструментами... Старухи несли, перекинув через шею, как гигантские ожерелья, венки луку — запас провизии на дорогу...

Понимаете, когда все нормально, всевозможные калеки, больные, старики сидят дома, и их не видно. Но здесь должны были выйти все — и они вышли.

Меня потрясло, как много на свете больных и несчастных людей.

Кроме того, еще одно обстоятельство. Здоровых мужчин мобилизовали в армию, остались одни инвалиды. Кто мог эвакуироваться, у кого были деньги, кто мог уехать с предприятием или используя блат, те уезжали.

Один куреневский продавец по фамилии Клоцман сумел уехать вместе с семьей, когда Киев уже был окружен. Не знаю, правда ли, но говорят, он заплатил баснословные деньги каким-то летчикам, и те погрузили его с вещами в самолет. И после войны он явился на Куреневку живой и здоровый.

А осталась в городе самая настоящая шолом-алейхемовская беднота, и вот она выползла на улицы».

(обратно)

306

В отчете оперативной группы «С» о расстрелах в Бабьем Яру 29–30 сентября 1941 указывается, что зондеркоманда 4а уничтожила 33771 человека. По свидетельствам нескольких спасшихся из Яра очевидцев, кроме немцев расстреливали и несли службу в оцеплении украинские полицейские.

(обратно)

307

Ср. с воспоминаниями генерал-полковника Г. В. Гудериана, в сентябре 1941 командовавшего на Восточном фронте 2-й танковой группой: «Утром 30 сентября я отправился в Глухов, где мы организовали наш новый командный пункт. <...> Население Глухова обратилось к нам с просьбой разрешить им снова пользоваться своей церковью. Мы охотно дали им разрешение на это».

(обратно)

308

Михайловский монастырь, Трехсвятительская церковь, Успенская церковь на Подоле, Братский монастырь на Подоле, Никольский монастырь и др.

(обратно)

309

Ср. с воспоминаниями Н. М. Февра, побывавшего в Киеве во второй половине 1942: «Судя по тому, с каким ожесточением, систематичностью, а главное, бесцельностью разрушались большевиками исторические и православные святыни Киева, можно с уверенностью сказать, что уничтожение это вызывалось не насущными потребностями городского строительства, а обдуманым и планомерным “выкорчевыванием” у людей самого страшного для их современных владык — памяти о великом прошлом великого народа. Говорит это еще и о другом. Это говорит о том ненациональном духе Октябрьской революции, которым она отличалась и с которым никогда не примирится ни один национально мыслящий русский человек».

(обратно)

310

На Пасху 1942 автор мемуаров находился в Германии.

(обратно)

311

Репрессии против газеты «Украинское слово», которую редактировали представители украинофильской интеллигенции, связанные с ОУН-М, начались 13 декабря 1941 с ареста членов редакции во главе с главным редактором И. Рогачом. С 14 декабря 1941 стала выходить газета «Новое украинское слово», а деятельность прежней редакции была охарактеризована как «попытка подорвать доверие», существующее между «немецкими освободителями и украинским народом».

(обратно)

312

Материалы «Нового украинского слова» указывают на то, что первый поезд из набранных досрочно на работы в Германию юношей и девушек отправился из Киева 22 января 1942, второй — 25 февраля, третий — 27 февраля.

(обратно)

313

От нем. Vertrag — договор.

(обратно)

314

Правильно: НКВД.

(обратно)

315

Первая строка песни И. О. Дунаевского на слова В. И. Лебедева-Кумача из популярного кинофильма режиссера Г. В. Александрова «Цирк» (1936).

(обратно) (обратно)

Примечания к "В оккупации", "Бабий Яр", "Эрик Кох начинает действовать", "Гитлер и Петлюра":

316

Дудин Лев Владимирович [после 1945 — он же Николай Градобоев, Иван Смирнов] (18/31 января 1910, Вильно — 25 января 1984, Нью-Йорк) — участник Власовского движения, сотрудник КОНР. Сын 1 — го железнодорожного батальона подпоручика (на 1909) Владимира Львовича Дудина (71954) и его жены (урожд. Афросимовой) Ирины Сергеевны (? — ок. 1920). Отец после Октябрьского переворота 1917 работал агрономом. Очевидец коллективизации и голодомора на Украине (1933). В 1933 окончил англо-германский факультет Киевского университета по специальности «преподаватель английского и немецкого языков». В рядах ВЛКСМ и ВКП(б) не состоял. Старший преподаватель при штабе Отдельной Дальневосточной армии в Хабаровске (1934–1935). В 1936–1939 — преподаватель английского языка в Киевском индустриальном институте. С ноября 1939 по сентябрь 1941 — зав. кафедрой иностранных языков Киевского университета. Кандидат филологических наук, доцент (с марта 1941). С 19 сентября 1941 — в немецкой оккупации. Редактировал русскую газету «Последние новости», работал заместителем главного редактора газеты «Новое украинское слово» (1941–1942). В мае 1942 из Киева приехал в Берлин. Работал журналистом в организации пропаганды «Винета» (1942–1944), после ноября 1944 — сотрудник КОНР, заместитель начальника радиоотдела Главного управления пропаганды КОНР. Окончание войны встретил в американской оккупационной зоне Германии, насильственной репатриации в СССР избежал. С августа 1945 — переводчик при УНРРА. Инструктор отдела общих дисциплин при школе констеблей в Зонтхофсне (декабрь 1947 — 1 июля 1948). С 1 июля 1948 работал в системе военно-учебных заведений США. Сотрудник газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк) с 1949. В США с 1951. После 1953 — многолетний сотрудник и политический комментатор радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа». Автор многочисленных публикаций на русском и английском языках. Похоронен на кладбище Успенского монастыря Ново-Дивеево в Спринг-Валлей (шт. Нью-Йорк).

Источники: НИА. Collection В. Nikolaevsky. Box 232. Folder 232-10, 232-11; Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). Militärgeschichtliche Sammlungen 149. Машинопись 1946–1947. Отрывок из воспоминаний «Великий мираж». Частично последующие четыре главы мемуаров опубликованы: Дудин Л. В. (Градобоев Н.) Великий мираж // Материалы к истории Освободительного Движения Народов России (1941–1945). Вып. 2. Лондон (Канада), 1970. С. 10–76. Публикуемые первые главы восстановлены автором-составителем настоящего сборника по вариантам, которые хранятся в двух разных зарубежных архивах. Заголовок автора-составителя сборника.

(обратно) 317

Противник вышел к переднему краю Киевского укрепленного района (КиУРа) к 3 августа 1941.

(обратно)

318

Правильно: в середине сентября.

(обратно)

319

Противник прорвался к Запорожью 17–18 августа 1941, но город был оставлен войсками 12-й армии Южного фронта только 4 октября. Днепропетровск был оставлен войсками Резервной армии 25 августа 1941.

(обратно)

320

Кременчуг был оставлен 8-го, а Чернигов — 9 сентября 1941. Под Черниговым попали в окружение основные силы 15-го и 31-го стрелкового корпусов 5-й армии Юго-Западного фронта. (обратно)

321

Правильно: 37-й армией. 38-й армией в то время командовал генерал-майор танковых войск Н. В. Фекленко.

(обратно)

322

Исследователь К. Быков полагает, что в плен попало 350–400 тыс. человек, но не приводит своей методики расчета плененных в Киевском «котле» бойцов и командиров РККА. Нам представляется, что разночтение в оценках вновь объясняется недоучетом взятых в плен мужчин, призванных по мобилизации, но не попавших в войска. Более реалистичной представляется оценка в 450–500 тыс. пленных.

(обратно)

323

Приказ об оставлении Киева был отдан Ставкой Верховного Главнокомандования только в 23.40 17 сентября 1941. В ночь с 17 на 18 сентября командующий Юго-Западным фронтом генералполковник М. П. Кирпонос отдал приказ армиям фронта выходить с боями из окружения. Командование 37-й армии во главе с генерал-майором А. А. Власовым, оборонявшей непосредственно Киев, к тому времени связи со штабом фронта не имело, поэтому армия продолжала вести боевые действия в первой полосе КиУРа на подступах к городу с запада и юга. В итоге части армии отступили на восточный берег Днепра в ночь на 19 сентября. В 15 км северовосточнее Киева войска 37-й армии оказывали сопротивление противнику до 21 сентября, в 50 км юго-восточнее Киева — до 22–23 сентября, в районе Яготина — до 25–26 сентября. Бойцы и командиры 37-й армии оказались в самом удаленном районе окружения Юго-Западного фронта.

(обратно)

324

Из справки (июль-август 1942) бывшего начальника инженерной службы штаба обороны Киева майора М. Чукарёва «Инженерное обеспечение обороны Киева в 1941 г.»: «На инженерный отдел штаба обороны города инженерным отделом 37-й армии была возложена задача на минирование важнейших объектов города, могущих быть использованными противником в своих целях. Эта работа была выполнена в масштабах, позволяющих обстановке того времени. Сотни мин взрывались с приходом частей немецкой армии в город Киев. Стены и целые здания обрушивались на головы немецко-фашистских захватчиков. 18 сентября были взорваны мосты через р. Днепр. В 14.40 того же числа был взорван последний цепной мост «Евгений Бош». Этим была отрезана возможность продвижения войск противника на восток через Киев. В течение длительного времени немцы вынуждены были искать пути отхода через р. Днепр, что растягивало его коммуникации» (за возможность ознакомиться с документом автор благодарит А. Кентия и А. Гогуну). Все-таки из документа неясно, какую роль в минировании города и Киево-Печерской лавры играл полковник А. И. Голдович и подчиненные ему сотрудники. Вполне вероятно, что минирование военных объектов и центра города осуществлялось разными ведомственными инстанциями, в разные сроки и независимо друг от друга.

(обратно)

325

Безымянный мельник в разговоре на эту тему с русским эмигрантом, сумевшим приехать из Европы в одну из оккупированных областей, откровенно пояснил: «Ты что думаешь, красные для того палили, чтобы немцам не досталось? Хе-хе... Совсем не для того! Они хорошо знали, что немцы голодными не останутся. Нет, добрый гражданин, они палили для того, чтобы нас оставить голодными и чтобы мы, значит, пожалели, как, мол, хорошо нам жилось под красными и как плохо теперь».

(обратно)

326

Тюрьма с оставшимися политическими заключенными была сожжена и при поспешном оставлении Пскова 8–9 июля 1941.

(обратно)

327

Из воспоминаний офицера штаба XXIX армейского корпуса 6-й армии Вермахта (19–20 сентября 1941, Киев): «Население с удивлением стоит на улицах. Оно еще не знает, как себя вести <...> Когда мы подъехали к толпе, из нее вышел возбужденно жестикулирующий человек <.. > Он хотел указать нам дорогу к гостинице “Континенталь”, где должен был разместиться наш штаб. Когда мы прибыли туда <...> соседи сказали нам, что большевики перед отступлением минировали этот дом, и предупредили нас, чтобы мы в эту гостиницу не вселялись. Так как русским во всем должно верить, то генерал приказал до основательного осмотра здания разместить штаб в других домах».

(обратно)

328

Ср. с воспоминаниями А. П. Кучинского, в период битвы в Киевском «котле» в сентябре 1941 подростком проживавшего в р-не населенного пункта Вибли (восточнее Чернигова): «Немцы были все молодые, здоровые ребята, все такие красивые, одеты чистенько. Я еще видел такое, потому что в крайней хате был: что они пойдут на передовую, постреляют, потом приходят, чистят сапоги,

у них были щетки, мазь. Для меня это было такое удивление, что кошмар. Я думал, что у них не война, а какая-то гульня. Они, когда свободны, прихорашиваются, все чистенько, аккуратненько. Все были молодые, 20–23, до 30 лет. Пожилых у них не было. Это, видно, какая-то армия у них такая была — все молодые ребята, здоровые, молодые хлопцы».

(обратно)

329

Эренбург Илья Гиршевич (1891–1967) — литератор, публицист. Лауреат Сталинской премии (1942, 1948). В 1941–1945 — военный корреспондент газеты «Красная Звезда», в годы войны опубликовал около 3 тыс. пропагандистских статей. Автор лозунга «Убей немца!».

(обратно)

330

Очевидно, автор имеет в виду здание Совнаркома УССР на ул. Кирова, 12.

(обратно)

331

Здание штаба КОВО находилось на Банковской ул., 11.

(обратно)

332

На Михайловской площади (на месте разрушенной Трехсвятительской церкви).

(обратно)

333

Не установлена.

(обратно)

334

Здесь и далее по основному тексту курсив автора воспоминаний.

(обратно)

335

Ср. с записями из ялтинского дневника З. А. Хабаровой:

«19 декабря 1941

Вчера весь день в Массандре бил пулемет. Расстреливали евреев. Говорят, маленьким детям мазали губы ядом и они сразу умирали. <...> Расстреливали наши подонки, а командовали 2 немца. Кто-то сумел убежать».

(обратно)

336

Тем не менее, другие киевляне свидетельствовали о том, что слышали длинные пулеметные очереди. Ср. с воспоминаниями А. В. Кузнецова:

«Придя домой, увидел деда. Он стоял на середине двора, напряженно прислушиваясь к какой-то стрельбе, подняв палец.

— А ты знаешь, — сказал он потрясенно, — ведь их не вывозят. Их стреляют.

И тут до меня дошло.

Из Бабьего Яра неслись отчетливые, размеренные выстрелы из пулемета: та-та-та <...>

На ночь стрельба прекратилась, но утром поднялась снова. По Куреневке говорили, что за первый день расстреляно тридцать тысяч человек, остальные сидят и ждут очереди».

(обратно)

337

Правильно: управления.

(обратно)

338

Не установлен.

(обратно)

339

Кальтенбруннер Эрнст (1903–1946) — руководитель Имперского Главного управления безопасности (с 28 мая 1942), СС обергруппенфюрер и генерал полиции (1943). Член НСДАП с 1932. Повешен по приговору Нюрнбергского трибунала. Ламмерс Ганс Генрих (1879–1962) — начальник Имперской канцелярии (с 1933), СС обергруппенфюрер (1940). Член НСДАП с 1932. Теоретически обосновал геноцид еврейского народа. После 1945 — в американском плену. В 1949 осужден на 20 лет, в 1951 амнистирован, в 1952 освобожден.

(обратно)

340

Борман Мартин (1900–1945?) — руководитель аппарата и партийной канцелярии НСДАП, секретарь фюрера (с 1941), СС обергруппенфюрер. Член НСДАП с 1927. Резкий противник любых уступок по вопросам политики на оккупированных территориях СССР. Геббельс Йозеф (1897–1945) — рейхсминистр пропаганды (с 1933). Доктор философии (1922), член НСДАП с 1924. Был единственным крупным руководителем рейха, который весной 1943 стал склоняться к возможному пересмотру политики на оккупированных территориях СССР. Покончил самоубийством.

(обратно)

341

К 1929–1930 в УССР, где проживала большая часть еврейского советского населения, доля евреев, состоявших в рядах ВКП(б), была гораздо ниже их доли во всем городском населении Украины (12 % против 22,7 %). В то же время соответствующие доли украинцев и русских были гораздо выше (52 % против 47 % и 25 % против 27,5 %).

(обратно)

342

Штрассер Георг (1892–1934) — имперский руководитель пропаганды НСДАП в 1926–1932, член НСДАП с 1921, в которой возглавлял левое (социалистическое) крыло. Убит членами СС во время партийной чистки 1934.

(обратно)

343

В нацистской печати в 1920-1930-е действительно распространялись совершенно невероятные истории из частной жизни лидеров ВКП(б), имевшие слабое отношение к действительности. После 1941 они часто появлялись и на страницах периодической печати, издававшейся на оккупированных территориях СССР, но получали слабый отклик.

(обратно) 344

Это утверждение автора справедливо только по отношению к ближайшему русскому окружению А. А. Власова в 1943–1945. Русская антисоветская печать на оккупированных территориях СССР была переполнена юдофобскими материалами, и здесь очень трудно разграничить инициативу сотрудников редакций и требования немецких цензоров. Однако концептуально Л. В. Дудин прав: среди идейных русских противников сталинской власти из «подсоветских» людей на оккупированных территориях убежденные антисемиты составляли меньшинство.

(обратно)

345

Доля евреев в руководящих кадрах органов НКВД в 1934 составляла 38,5 %, а в 1941 — 5,5 %. Соответственно, доля великороссов выросла с 31 % до 65 %, а доля украинцев — с 5 % до 15 %. А вот доля евреев в высшей партийной номенклатуре (члены Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК ВКП(б) и т. д., всего примерно около 200 должностей) выросла с 11 % в 1929 до 13 % в 1939, но затем стала сокращаться.

(обратно)

346

Молотов [наст. Скрябин] Вячеслав Михайлович (1890–1986) — нарком (министр) иностранных дел СССР (1939–1949 и 1953–1956), председатель СНК СССР (1930–1941). Член Коммунистической партии (1906–1962, 1984–1986). Член Политбюро (Президиума) ЦК (1926–1957). Один из организаторов массового истребления крестьянства в период коллективизации.

(обратно)

347

Жданов Андрей Александрович (1896–1948) — секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) (с 1934). Член Коммунистической партии с 1915. Член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1939. Один из организаторов массовых репрессий в период «ежовщины», с 1944 в ЦК курировал вопросы идеологии и культуры.

(обратно)

348

Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) — Генеральный прокурор СССР (1935–1939). Член Коммунистической партии с 1920. Член ЦК ВКП(б) с 1939, кандидат в члены Президиума ЦК КПСС (1952–1953). Министр иностранных дел СССР (1949–1953).

(обратно)

349

Андреев Андрей Андреевич (1895–1971) — секретарь ЦК ВКП(б) (1935–1946). Член Коммунистической партии с 1914. Организатор массового истребления населения на Северном Кавказе в период коллективизации. Член Политбюро ЦК ВКП(б) (1932–1952).

(обратно)

350

Калинин Михаил Иванович (1875–1946) — председатель ВЦИК РСФСР (с 1919), ЦИК СССР (с 1922), Президиума Верховного Совета СССР (с 1938). Собственной деятельностью создавал видимость законности массовых репрессий. Член Коммунистической партии с 1898. Член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1926.

(обратно)

351

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) — нарком по военным и морским делам (обороны) СССР (1925–1940), маршал (1935). Член Коммунистической партии с 1903. Член Политбюро (Президиума) ЦК (1926–1960). Главнокомандующий партизанским движением (1942). Санкционировал массовые аресты представителей командно-начальствующего и политического состава РККА в 1930-е.

(обратно)

352

Жуков Георгий Константинович (1896–1974) — начальник Генерального штаба РККА (1941), маршал (1943). В РККА с 1918. Член Коммунистической партии с 1919. Четырежды Герой Советского Союза (1939, 1944, 1945, 1956). Министр обороны СССР (1955–1957). В последние годы в России идет острая полемика о жизни и роли Г. К. Жукова в истории Второй мировой войны.

(обратно) 353

Шапошников Борис Михайлович (1882–1945) — один из последних военных специалистов в РККА. В службе с 1901 (?). Участник Первой мировой войны. Последний чин — Генерального штаба подполковник (полковник?). В РККА с 1918. Член ВКП(б) с 1930. Начальник Штаба РККА (1930–1931), начальник Генерального штаба РККА (1937–1940, 1941–1942). Маршал (1940).

(обратно)

354

Маленков Георгий Максимилианович (1901–1988) — начальник Управления кадров и секретарь ЦК

ВКП(б) (1939–1946 и 1946–1953), председатель Совета министров СССР (1953–1955). Член Коммунистической партии (1920–1961). Член Политбюро (Президиума) ЦК (1946–1957). Один из создателей партийной вертикали власти в СССР и организаторов массовых репрессий в период «ежовщины».

(обратно)

355

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) — секретарь ЦК ВКП(б) (1928–1939), нарком путей сообщения СССР (1938–1942, 1943–1944). Член Коммунистической партии с 1911. Член Политбюро (Президиума) ЦК Коммунистической партии (1930–1957). Один из руководителей массового истребления крестьянства в период коллективизации и разрушения исторической Москвы.

(обратно)

356

Литвинов Максим Максимович [наст. Меер-Генох Мовшевич Валлах] (1876–1951) — дипломат, нарком иностранных дел СССР (1930–1939). Член Коммунистической партии с 1898. Член ЦК ВКП(б) в 1934–1941.

(обратно)

357

Майский [наст. Ляховецкий] Иван Михайлович (1884–1975) — дипломат, посол СССР в Великобритании (1932–1943). Член Коммунистической партии (1921–1953, 1956–1975).

(обратно)

358

Лацис Мартын Иванович [наст. Судрабс Ян Фридрихович] (1888–1938) — один из создателей и руководителей органов ВЧК, популяризатор «красного террора». Член Коммунистической партии с 1905. Организатор кампаний по раскулачиванию в период коллективизации. Расстрелян в период «ежовщины», реабилитирован.

(обратно)

359

Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934) — председатель ОГПУ при СНК СССР (1926–1934). Член Коммунистической партии с 1902. С 1919 в органах ЧК.

(обратно)

360

Меркулов Всеволод Николаевич (1895–1953) — нарком (министр) госбезопасности СССР (1943–1946), генерал армии (1945). В Коммунистической партии с 1925. В органах ЧК с 1921. Член ЦК ВКП(б) (1934–1946). Награжден орденами Ленина, Кутузова I ст. и др. Расстрелян за грубые нарушения «социалистической законности».

(обратно)

361

Фейхтвангер Лион (1884–1958) — немецкий романист и драматург, писатель-антифашист, после визита в СССР с восторгом описавший реальность сталинского социалистического строительства в книге «Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей» (М., 1937).

(обратно)

362

В годы гражданской войны бойцы Повстанческой армии анархиста Н. И. Махно (1888–1934), действовавшей в районе местечка Гуляй-Поле Александровского уезда Екатеринославской губернии, Днепровской повстанческой дивизии (на юге Киевской губ.) Д. И. Терпило (атамана Зеленого, 1886–1920?), а также войск УНР Головного атамана С. В. Петлюры (1879–1926) приобрели печальную известность благодаря участию в еврейских погромах, несмотря на отдельные попытки командования (по крайней мере, Петлюры) противодействовать бесчинствам.

(обратно) 363

По воспоминаниям А. В. Кузнецова карточки на хлеб были введены в Киеве зимой 1941/42. Рабочие получали 800 гр. в неделю, все прочие категории населения — 200 гр.

(обратно)

364

Затем цена буханки поднялась до 120 руб. стакан пшена стоил 20 руб., десяток картофелин — 35 руб., фунт (409 гр.) сала — 700 руб.

(обратно)

365

Коробок спичек на базаре в Киеве весной 1942 стоил 10 руб.

(обратно)

366

Правильно: зимой 1942/43. В ходе Острогожско-Россошанской наступательной операции (13–27 января 1943) войска Воронежского фронта генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова продвинулись вглубь на 140 км, разбив основные силы 2-й венгерской армии, итальянского альпийского и XXIV немецкого танкового (из состава 8-й итальянской армии) корпусов.

(обратно)

367

Рейхскомиссариат «Украина» де-юре возник 20 августа 1941, но передача власти от военного командования гражданской администрации происходила постепенно.

(обратно) 368

Из рапортов (13 и 23 июля 1941) спецподразделений СД (из состава Айнзатцгрупп) на Востоке: «Среди колхозников преобладает желание иметь в будущем собственную землю. В определенных случаях уже предпринимались самостоятельные попытки раздела земли и скота для передачи в частную собственность». «Было бы желательно предоставить крестьянам в пользование один или

два га земли, отменить коллективную собственность домашнего скота и раздать его колхозному населению, обещая в перспективе завершить ликвидацию колхозов».

(обратно)

369

См.: «Примерный устав сельскохозяйственной артели», утвержденный СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 июля 1936, а также закон от 27 мая 1939 «О мерах по охране общественной земельной собственности». Последним законом размеры приусадебного участка на каждый колхозный двор составляли (в зависимости от района) от 0,1 до 1 га.

(обратно)

370

27 июня 1941 группа колхозников Корналинского сельсовета Гомельского района задержала и разоружила группу бойцов и командиров Красной армии (около 200 чел.). Разоружали красноармейцев и колхозники Уваровичского района Гомельской обл. В июле 1942 1-й секретарь Духовщинского РК ВКП(б) Смоленской обл. П. Ф. Дуранов (1907–1943), комиссар партизанского отряда «Буревестник», вспоминал о начале войны так: «В первое время крестьяне нас не поддерживали, большинство из них отшатнулось от нас». В докладной записке от 16 марта 1942 Смоленскому обкому ВКП(б) Цуранов признавал: «В начате войны большая часть населения, поддавшись фашистским демагогам, симпатизировала немцам как “освободителям”».

Захваченный в 1943 в плен контрразведчик 11-й Калининской партизанской бригады на допросе в 317-м отделе Абвера 16-й армии Вермахта показал: в 1941–1942 погибли многие советские агенты, переброшенные через линию фронта: частично они были выданы населением оккупационным властям, а частично им же и уничтожены. Петербургский историк Н. А. Ломагин в этой связи констатирует: «Такое недовольство советской властью было полной неожиданностью для органов НКВД». Из дневника лейтенанта Гончарова, командира роты, затем — и. о. командира батальона 616-го стрелкового полка (385-й стрелковой дивизии?), погибшего в бою 9 февраля 1942 северо-западнее Юхнова Калужской обл.: «14 января 1942 г. В Шанской Заводи я ночевал в доме женщины-партизанки. Почти половина села сотрудничают с немцами. Партизан не только не поддерживают, но и выдают, и борются с ними».

(обратно)

371

Из официального отчета 4-го управления НКГБ Украинской ССР о боевой и оперативно-агентурной работе за годы войны (Центральный архив Службы безопасности Украины. Дело 86751) следует, что 4-м управлением за период июля-сентября 1941 в тыл противника были заброшены 122 партизанских отряда и группы (всего 5809 бойцов), 69 диверсионных групп (749 бойцов), оставлено на оккупированной территории по мере продвижения Вермахта — 192 отряда (5440 бойцов). [За возможность ознакомиться с настоящим источником авт. — сост. благодарит А. С. Гогуня]. Можно только предполагать, куда исчезли в 1941 почти 12 тыс. учтенных украинскими чекистами партизан. Кроме того, органы НКГБ УССР в 1941–1942 оставили в тылу противника 12 726 агентов, в т. ч. 43 резидента.

(обратно)

372

Автор мемуаров не учитывает отрядов и групп, сформированных летом-осенью 1941 на основе аппаратов районных и областных органов НКВД. Так, например, в 1941 в Ленинградской обл. для ведения в тылу противника партизанских действий в полном составе были оставлены сотрудники Гдовского, Плюсского, Стругокрасненского райотделов НКВД. На Брянщине в период с 5 июля по 25 декабря 1941 подобным образом были сформированы 12 отрядов в Брасовском, Комаричском, Навлинском, Севском и Суземском р-нах и т. д.

(обратно)

373

Ср. с воспоминаниями А. В. Кузнецова о жизни деревни под Киевом (1942): «Не стало никакого начальства, дармоедов, прихлебателей, толкачей, погоняльщиков, а немцы как здесь прошли, так их с тех пор и не видели. Была деревня Литвиновка, были просто крестьяне — сами по себе, ни помещицы, ни советские, ни немецкие <...> Вокруг стояли неубранные поля, и каждый выбирал себе любой участок, жал хлеб, копал картошку, запасался сеном. Возить уже было некуда. И наелись, наелись, наелись <...> Запасались на годы, погреба ломились от овощей, чердаки были завалены яблоками и грушами... и никто ничего не отнимал, и никто никуда не гнал... Литвиновка купалась в счастье».

(обратно)

374

Указ Гитлера «О гражданском управлении в оккупированных восточных областях» был издан 17 июля 1941.

(обратно)

375

Автор имеет в виду членов ОУН-Б и ОУН-М и других общественно-политических деятелей и украинофильствующих активистов из западноукраинских обл.

(обратно)

376

От нем. Goldfasan. Нацистских гражданских чиновников так называли и русские, и немцы за чванливость и цвет партийной формы.

(обратно)

377

Гиммлер Генрих (1900–1945) — рейхсфюрер СС и шеф германской полиции (с 1936), член НСДАП с 1925. Гиммлер оставался апологетом нацистской колониальной политики на Востоке в 1941–1943 и только летом 1944 под влиянием небольшой группы прагматиков в органах СС стал рассматривать возможность некоторых уступок.

(обратно)

378

В Ровно находилась резиденция Э. Коха.

(обратно)

379

От нем. *Völkischer Beobachter* — «Народный наблюдатель». Ежедневная газета, официальный орган НСДАП. Основана в 1919.

(обратно)

380

Геринг Герман (1893–1946) — рейхсмаршал (1940), рейхсминистр авиации (с 1933). Герой Первой мировой войны, сбил 22 самолета противника. Член НСДАП с 1922. С 1936 — уполномоченный по Четырехлетнему плану, активно участвовал в разработке мероприятий по ограблению оккупированных территорий СССР. Официальный наследник фюрера (с 29 июня 1941 по 23 апреля 1945). Приговорен к смертной казни Нюрнбергским трибуналом и покончил самоубийством за два часа до исполнения приговора.

(обратно)

381

Это утверждение мемуариста справедливо для характеристики положения в областях, находившихся под властью гражданской администрации. В зоне ответственности военной администрации (особенно в полосе групп армий «А» и «Север») большая часть колхозов была распущена либо санкционирован их роспуск населением.

(обратно)

382

Не установлен.

(обратно)

383

Правильно: Бандера Степан Андреевич (1909–1959) — один из руководителей ОУН. Сын священника Греко-Католической Церкви, расстрелянного большевиками в 1941. Окончил церковно-приходскую школу, учился в семинарии (не окончил). С 1922 — член скаутской организации «Пласт», с 1928 — член Украинской военной организации (с 1929 — УВО-ОУН). С 1933 — краевой проводник ОУН по Галиции и Волыни, организатор терактов против представителей польской администрации. За организацию убийства (15 июня 1934) министра внутренних дел Польши Б. Перацкого в 1936 приговорен к смертной казни с заменой пожизненным заключением. Срок отбывал в тюрьме в Варшаве. Освобожден в сентябре 1939. Сотрудничал в собственных военно-политических целях с Абвером. После раскола ОУН (1940) — лидер фракции ОУН-Б. После попытки (30 июня 1941) провозгласить во Львове создание независимого Украинского государства на западно-украинских землях арестован (6 июля 1941), содержался в концлагере Заксенхаузен. Братья Бандеры погибли в Освенциме (1942). В 1944 освобожден. В 1945–1948 возглавлял подполье ОУН-Б на Западной Украине, затем — в Австрии и Западной Германии. С 1950 — один из лидеров Антибольшевистского блока народов. В 1947–1952 и 1956–1959 — руководитель закордонных частей (34) ОУН-Б. Под именем Стефана Попеля проживал в Мюнхене. С личной санкции Н. С. Хрущёва 15 октября 1959 убит советским агентом Б. Сташинским.

(обратно)

384

Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) — Гетман Украинской державы (1918), генераллейтенант (1916). В службе с 1893, офицер Л.-гв. Конного полка. Участник Первой мировой войны. На 1917 — командир XXXIV армейского корпуса Особой и 7-й армий. 14 ноября 1918 провозгласил пребывание Украины в федеративной не-большевистской России. После восстания С. В. Петлюры

14 декабря 1918 отрекся от власти и эмигрировал в Германию, в 1920-1930-с в идейнополитическом отношении колебался между позициями федерализма и самостийничества. Погиб во время союзной бомбардировки Баварии.

(обратно)

385

Численность жертв искусственного голодомора на Украине в 1932–1933 специалистами демографами оценивается в 3,9–4 млн. человек. По ныне опубликованным данным СБУ по политическим мотивам органами НКВД были арестованы на Украине в 1935 — 24934 человека, в 1936 — 15717, в 1937 — 159573, в 1938 — 108006, в 1939 — 15000, в 1940 — 50000. Итого за 1935– 1940: 373320 человек. Из арестованных в 1937–1938 267579 человек к расстрелу были осуждены 122237 (45 %).

(обратно)

386

В связи с этим быв. профессор исторического факультета ЛГУ и ученый специалист Института истории Академии наук СССР Н. И. Ульянов (1904–1985), занимавшийся в эмиграции историей украинофильства, писал: «Формальный украинский национализм победил при поддержке внешних сил и обстоятельств, лежавших за пределами самостийнического движения и за пределами украинской жизни вообще. Первая мировая война и большевистская революция — вот волшебные слоны, на которых ему удалось въехать в историю. Все самые смелые желания сбылись, как в сказке: национально-государственная территория, национальное правительство, национальные школы, университеты, академии, своя печать, а тот литературный язык, против которого было столько возражений, сделан не только книжным и школьным, но государственным».

(обратно)

387

Начала издаваться 1 января 1938 как орган ЦК и Киевского обкома КП(б)У.

(обратно)

388

Академия наук УССР основана 25 октября 1918. К началу 1938/39 учебного года в УССР действовали 129 высших учебных заведений.

(обратно) 389

На Украине были репрессированы академик А. М. Лобода, Л. А. Мадан и др. ученые.

(обратно)

390

Дословно в пер. с нем.: перевод на немецкий язык.

(обратно) 391 Речь идет о произведениях всемирно известных композиторов XIX — нач. XX в.: русских П. И. Чайковского (1840–1893) и Н. А. Римского-Корсакова (1844–1908), итальянского Дж. Пуччини (1858–1924), французского Ш. Гуно (1818–1893), немецкого Р. Вагнера (1813–1883).

(обратно)

392

Опера «Тарас Бульба» украинского композитора Н. В. Лысенко (1842–1912) была впервые поставлена в 1924 в Харькове.

(обратно)

393

Косиор Станислав Викентьевич (1893–1939) — Генеральный секретарь ЦК КП(б)У (1928–1938). В Коммунистической партии с 1907. Один из организаторов голодомора на Украине 1932–1933 и массовых репрессий в последующий период. Репрессирован и расстрелян. Реабилитирован.

(обратно)

394

Постышев Павел Петрович (1887–1939?) — 1-й секретарь Киевского (1934–1937), Куйбышевского (1937–1938) обкомов, член ЦК (с 1927) и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). В Коммунистической партии с 1904. Один из организаторов красного террора в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1922 и массовых репрессий 1930-х. Репрессирован и расстрелян. Реабилитирован.

(обратно)

395

Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959) — член ЦК Коммунистической партии (1923–1952), член Политбюро ЦК КП(б)У (1929–1952). В Коммунистической партии с 1903. Секретарь Исполкома Коминтерна (1928–1943). Активно участвовал в репрессиях 1930-х.

(обратно)

396

Коновалец Евгений Алексеевич (1892–1938) — создатель и руководитель УВО-ОУН (с 1930 — ОУН). Участник Первой мировой войны в рядах армии Австро-Венгерской империи, прапорщик. После Октябрьского переворота 1917 — полковник армии УНР, затем в эмиграции. С 1923–1924 в собственных политических целях сотрудничал с органами немецкой военной разведки и контрразведки. Организатор и убежденный сторонник операций УВО-ОУН в Восточной Польше, Литве, на территории УССР. Убит советским агентом П. А. Судоплатовым 23 мая 1938 в Роттердаме.

(обратно)

397

Рогач Иван (1913–1942) — журналист, член ОУН-М и руководитель молодежной организации ОУНМ. Жил в Чехословакии. За агитацию в пользу автономии украинских обл. Чехословакии подвергался аресту. В 1938–1939 — личный секретарь премьер-министра (позднее президента) Карпатской Украины А. Волошина, Генеральный писарь Карпатской Сечи, участвовал в боях против чешских войск. В 1941 с походной группой ОУН-М прибыл в Киев. Вел пропагандистскую и общественно-политическую деятельность под прикрытием бургомистра В. П. Багазия. В сотрудничестве с О. Телигой издавал газету «Украинское слово» и журнал «Литавры». В дек. 1941 арестован за украинофильскую агитацию и пропаганду. Расстрелян с группой оуновцев 21 (22?) февраля 1942 в Бабьем Яру.

(обратно)

398

Волошин Августин (1874–1945) — общественно-политический деятель Закарпатья. Окончил в Ужгороде гимназию (1892) и Богословскую академию (1896), физико-математический факультет Высшей педагогической школы в Будапеште (1900). Священник Украинской ГКЦ (1897), папский прелат (1933). Профессор (1900), директор (1917–1938) греко-католической учительской семинарии. Организатор и руководитель Христианской народной партии (1925–1938), депутат парламента Чехословакии (1925–1929). В 1938 возглавил созданное в Закарпатье Украинское национальное объединение. С октября 1938 — госсекретарь, а с 27 октября — премьер-министр автономного правительства Подкарпатской Руси (с 30 декабря 1938 — Карпатской Украины) в составе Чехословакии. 14 марта 1939 провозгласил независимость Карпатской Украины и 15 марта на заседании Сейма избран президентом. После оккупации Карпатской Украины венгерскими войсками (17 марта 1939) эмигрировал в Вену, затем в Прагу. Заведующий кафедрой, ректор (с 1945) Украинского вольного университета. Арестован органами «СМЕРШ» 15 мая 1945 и вывезен в СССР. Скончался в Бутырской тюрьме в Москве.

(обратно)

399

Бедный Демьян [наст.: Придворов Ефим Алексеевич] (1883–1945) — военный фельдшер, после Октябрьского переворота 1917 — советский поэт. Член Коммунистической партии (1912–1938). Автор оскорбительных антихристианских виршей и политико-пропагандистских рифмованных произведений (о борьбе с «врагами народа» и т. д.). В 1920-е — один из самых публикуемых авторов в СССР. Критики называли его «Придворновым».

(обратно)

400

Пропуск в тексте.

(обратно)

401

Не установлен.

(обратно) 402

Дудин Рюрик [Юрий] Владимирович [лит. псевд. Днепров Роман] (1924–1989) — брат Л. В. Дудина. После 1941 — в оккупации, выехал из Киева на Запад. В 1944–1945 участвовал во Власовском движении. После 1945 — в эмиграции в Западной Германии. Окончил Гейдельбергский

университет. С 1950 в США. Активный участник деятельности СБОНР. Магистр Фордамского университета. Диктор на радиостанции «Голос Америки» (1962–1966), затем работал на радио «Свобода». Старший преподаватель славянского отделения Йельского университета (1966–1989), один из основателей неправительственной общественной организации в США Конгресс русских американцев (1973). Автор многочисленных публикаций на страницах газет «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Русская жизнь» (Сан-Франциско), «Русская мысль» (Париж), журналов «Наши вести» (США) и «Континент» (Париж). Похоронен на кладбище монастыря Ново-Дивсво (шт. Нью-Йорк).

(обратно)

403

Багазий Владимир Пантелеймонович (1902–1942) — бургомистр Киева (ноябрь 1941 — февраль 1942). До войны — учитель еврейской школы, с 1939 — аспирант Киевского научноисследовательского института педагогики. В конце сентября 1941 на собрании по обсуждению кандидатур на должность городского головы Киева объявил себя руководителем «подпольной ячейки ОУН» и тем самым вызвал подозрения представителей Походных групп ОУН, организовавших собрание. Заместитель первого киевского бургомистра А. П. Оглоблина, с которым был знаком по пединституту. После добровольной отставки Оглоблина (29 октября 1941) назначен бургомистром. Член ОУН-М (1941). Активно участвовал в деятельности ОУН-М в Киеве, выдвигал членов ОУН-М на разные должности в местном самоуправлении. 1 декабря 1941 вместе с активистами ОУН-М основал акционерное общество «Украинское издательство». 19 февраля 1942 снят с должности (новым бургомистром стал его заместитель Л. И. Форостовский) и арестован. 21 (22?) февраля расстрелян вместе с 19-летним старшим сыном Игорем и другими активистами ОУН в Бабьем Яру по обвинению в саботаже. По одной версии — расстрелян за украинофильскую агитацию и пропаганду. По другой — зимой 1941/42 скомпрометирован перед оккупационными властями советской агентурой в городской управе в сотрудничестве с киевским подпольем.

(обратно)

404

Автор имеет в виду Украинский национальный совет (УНС), создание которого декларировалось мельниковцами 5 октября 1941. На пресс-конференции УНС в присутствии итальянских, японских, венгерских журналистов руководитель совета профессор М. И. Всличковский и бургомистр В. П. Багазий объявили о восстановлении на Украине независимости и конституции УНР 1918, а также о признании своим лидером А. Мельника. В декабре 1941 УНС был распущен по распоряжению Э. Коха.

(обратно)

405

14 декабря.

(обратно)

406

Не установлен.

(обратно)

407

Лей Роберт (1890–1945) — рсйхсляйтер, заведующий орготделом НСДАП, руководитель Немецкого трудового фронта. Член НСДАП с 1923. Покончил самоубийством в тюрьме до начала Нюрнбергского процесса.

(обратно)

408

О К. Ф. Штеппе см. наше примечание к предыдущей главе.

(обратно)

409

В границах до 1 сентября 1939.

(обратно)

410

Ср. эту мысль автора мемуаров с воспоминаниями Н. М. Февра: «Глупость, жадность и жестокость... В эти три слова укладывается вся деятельность немецкого гражданского аппарата в России. Глупость, Жадность и Жестокость — вот имена трех лошадей, впряженных Гитлером, Розенбергом и Кохом в победную колесницу Стапина, которая повезет его в Берлин. Этим трем деятелям нацистской Германии большевики, по существу, должны были бы поставить памятники, а не клясть их, ибо никто не содействовал укреплению большевистской власти в той мере, в какой это сделали они».

(обратно) (обратно)

Примечания к "ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ II":

411

Строкач Тимофей Амвросиевич (1903–1963) — заместитель наркома внутренних дел Украинской ССР (с 28 марта 1941 по 16 января 1946), начальник Украинского штаба партизанского движения (1942–1945), генерал-лейтенант (1944). В 1924–1941 — в погранвойсках ОГПУ — НКВД. Член ВКП(б) с 1927. Нарком (министр) внутренних дел УССР (1946–1953, 1953–1956). Один из организаторов массовых политических репрессий на Украине в 1946–1953. В 1956–1957 — начальник Главного управления пограничных и внутренних войск МВД СССР и зам. министра внутренних дел СССР. Уволен в 1957 по болезни. Награжден тремя орденами Ленина и др. наградами.

Источник: ЦДАГО Украти. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308. Арк. 23 (копия, машинопись); арк. 32–32 зв. (оригинал, рукопись); арк. 33 (оригинал, рукопись); арк. 46 (оригинал, рукопись). Легендированные имена агентов не расшифрованы. Документы любезно предоставлены для публикации историком А. Гогунем (Берлин).

(обратно)

412

Руднев Семён Васильевич (1899–1943) — комиссар Сумского партизанского соединения, генералмайор (1943), Герой Советского Союза (посмертно, 1944). Член Коммунистической партии

с 1917. Рабочий-красногвардеец, участник штурма Зимнего дворца во время Октябрьского переворота 1917. В 1940–1941 — председатель Путивльского районного Совета Осоавиахима. С 1942 — член подпольного ЦК КП(б)У. Неоднократно пытался пресекать мародерство и бесчинства ковпаковских партизан. Погиб в бою близ пос. Делятин Надворнянского р-на Ивано-Франковской обл.

(обратно)

413

Фёдоров Алексей Фёдорович (1901–1989) — 1-й секретарь подпольных Черниговского (с 1941) и Волынского (с 1943) обкомов КП(б)У, генерал-майор (1943). Командир Черниговско-Волынского партизанского соединения, оперировавшего на территории Украины, Белоруссии, в Брянской и Орловской обл. РСФСР. Член ВКП(б) с 1927, сделал партийную карьеру во время ежовщины 1936–1938. Герой Советского Союза (1942), награжден шестью орденами Ленина и др. наградами.

Из докладной записки от 13 мая 1943 писателя Н. Шеремета 1-му секретарю ЦК КП(б)У Н. С. Хрущеву о состоянии партизанского движения и населения на оккупированной немцами территории Украины: «Немцев партизаны до одного на месте уничтожают. Других национальностей часть убивают, а некоторых отпускают на волю, чтобы рассказал правду про партизан. Полицейских, которые с оружием в руках переходят на нашу сторону, партизаны прощают и дают возможность смыть с себя пятно в честном бою. Значительная часть из перебежчиков проявили себя образцовыми партизанами и уже имеют награды. Полицейских, старост, бургомистров, которые сопротивляются, партизаны перед тем, как расстрелять, хорошо "проучат". Особенной жестокостью отличились партизаны Фёдорова. Я был свидетелем, как полицаев били до крови, резали ножами, поджигали на голове волосы, привязывали за ноги и на аркане конем волочили по лесу, обваривали горячим чаем, резали половые органы <...> В отрядах Ковпака — не пытаются врагов так, как у Фёдорова — раза два какой-то партизан даст по морде полицаяу, пустит юшку из носа, а потом расстреляет». Один из офицеров Абвера свидетельствовал, что 6 января 1943 ковпаковцы совершили нападение на сахарный завод под Глуховым, захватили его врасплох и расстреляли всех работавших на нем мужчин и женщин как «пособников оккупантов».

(обратно)

414

Сабуров Александр Николаевич (1908–1974) — организатор партизанского движения в Сумской и Брянской областях, командир партизанского соединения (с 1942). Член ВКП(б) с 1932, в органах НКВД с 1938. Герой Советского Союза (1942), генерал-майор (1943). В 1944 вернулся на службу в органы НКВД. Награжден двумя орденами Ленина, орденами Суворова I ст., Богдана Хмельницкого II и I ст. и др. орденами.

Из характеристики А. Н. Сабурова быв. адъютантом Т. А. Строкача капитаном А. Д. Русановым: «Вся его партизанская карьера построена на обмане людей, на необычайной лживости. В 1941 году, попав в окружение, он с 9 человеками скрывался в Брянском лесу. У него имелась радиостанция. В том же Брянском лесу укрывались ещё многие мелкие группы, уцелевшие после ударов немецкой армии. Сабуров начал являться в эти группы, выдавая себя за замнаркома НКВД СССР. Конечно, в честь этого резались изъятые у крестьян бараны, варился самогон, устраивались попойки. Сабуров предлагал вожакам этих мелких партизанских отрядов передавать ему сведения об их боевой деятельности с тем, что он будет эти сведения от имени командиров передавать в Москву по имеющейся у него радиции. Командиры подавали эти сведения, но Сабуров радировал в Москву их уже от своего имени. Таким образом, чужие действия он приписывал себе,

да ещё привирал к этому. В Москве о нём создалось мнение как о человеке, творившем чудеса. Ему присвоили звание генерал-майора и Героя Советского Союза. Лишь позже все раскрылось, стало известным, что Сабуров — обманщик и врун. Но решили умолчать об этом».

(обратно)

415

Балицкий Григорий Васильевич (1906–1989) — командир партизанского отряда им. Сталина Черниговско-Волынского соединения (1943–1944), Герой Советского Союза (1943). Член ВКП(б) с 1932. В 1937–1940 — зав. отделом Черниговской областной газеты «Большевик», в 1941 — зав. общим сектором Черниговского обкома ВКП(б). В 1941–1942 занимался диверсионными операциями на коммуникациях противника, затем со своей группой присоединился к соединению А. А. Федорова. В 1943–1944 участвовал в операциях на Волыни. Награжден орденом Ленина и др. орденами.

Источник: ЦДАГО Украни. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 35, 40, 44, 57, 65, 70, 76, 83–84, 90, 91, 93, 143; Спр. 60. Арк. 9, 16, 20–21, 24–25, 29, 30, 35, 39, 41, 42, 45, 47. Документ любезно предоставлен для публикации А. Гогунем (Берлин).

(обратно)

416

Не установлен.

(обратно)

417

Рванов Дмитрий Иванович (1911-1) — начальник штаба партизанского соединения А. А. Фёдорова (1943). По гражданской специальности — зоотехник. В 1941 — лейтенант, оказался в окружении и вступил в отряд А. А. Федорова. После войны работал председателем райисполкома в Херсоне. Шеремет Микола (1906–1986) — советский украинский писатель.

(обратно)

418

Так в тексте.

(обратно)

419

Так в тексте. Правильно: Ковпаку.

(обратно) 420

Наумов Михаил Иванович (1908–1974) — Герой Советского Союза, генерал-майор (1943). Командир конного партизанского соединения (1943–1944). Член ВКП(б) с 1928. С 1930 — в войсках ОГПУ и НКВД. Окончил Высшую школу погранвойск (1938). В 1941 — капитан пограничных войск НКВД, начальник отделения штаба 94-го погранотряда. С октября 1942 по февраль 1943 — начальник штаба оперативной группы партизанских отрядов Сумской обл. В 1943 руководил рейдовыми операциями на территории Курской, Сумской, Полтавской, Кировоградской, Одесской,

Винницкой, Житомирской и Полесской обл. С 1945 — на командных должностях в войсках НКВД. Награжден орденами Ленина, Богдана Хмельницкого I ст. и др. наградами.

(обратно)

421

«Заготовка» продуктов у местного населения.

(обратно)

422

Не установлен.

(обратно)

423

Не установлен.

(обратно)

424

Не установлена.

(обратно)

425

Не установлен.

(обратно)

426

Комиссар отряда им. Сталина. Снят с должности 27 сентября 1943.

(обратно)

427

Перечисленные здесь партизаны не установлены.

(обратно) 428

Формирование делилось на две части, одна из которых меняла место дислокации.

(обратно)

429

Перечисленные здесь партизаны не установлены.

(обратно)

430

Перечисленные здесь партизаны не установлены.

(обратно)

431

Медведев Дмитрий Николаевич (1898–1954) — командир разведывательно-диверсионного отряда «Победители» (1942–1944), полковник, Герой Советского Союза (1944). В 1920–1939 — в органах ЧК-НКВД. Член Коммунистической партии с 1920. В 1936–1938 — на работе за границей, в 1938–1939 — на руководящей должности в Норильлаге (ГУЛАГ). В 1939–1941 на пенсии по результатам напряженной деятельности. После 22 июня 1941 возвращен в органы и участвовал в организации партизанского движения в западных обл. СССР. После 1945 занимался литературным творчеством. Награжден тремя орденами Ленина и др. наградами.

(обратно)

432

Не установлен.

(обратно) 433

Карасёв Виктор Александрович (1918–1991) — командир партизанского соединения им. Александра Невского (1943–1944), Герой Советского Союза (1944). В 1941 — капитан госбезопасности. В 1944–1945 — участвовал в рейдовых операциях на территории стран Восточной Европы. После 1945 — в органах МГБ. Награжден двумя орденами Ленина и др. наградами.

(обратно)

434

Прокопюк Николай Архипович (1902–1975) — командир оперативной группы «Охотники» 4-го управления НКВД (1942–1944), Герой Советского Союза (1944), полковник госбезопасности (1948). С 1921 в органах ЧК. В 1930–1940 служил в Особом отделе Украинского военного округа и У ГБ НКВД УССР, участвовал в разработке по делу «Весна» и др. репрессивно-карательных акциях. В 1937–1938 — советник в Испании. Вероятно, ранее был исключен из партии, так как, по официальным данным, вступил в ВКП(б) только осенью 1944. В запасе (1940), затем (1941) — на оперативной работе в Хельсинки. После 22 июня 1941 — в Особой группе НКВД СССР. С сентября 1941 — командир 4-го батальона 2-го полка ОМСБОН, в ноябре 1941 — январе 1942 — старший оперуполномоченный 16-го отделения 2-го отдела НКВД СССР. С января 1942 — начальник отделения 4-го управления НКВД СССР, руководил опергруппой Особого отдела Юго-Западного фронта. С августа 1942 — в тылу противника. Участвовал в операциях в Польше и в Карпатах. В 1944–1946 — зам. начальника отдела спецзаданий НКВД/МВД, затем — в спецкомандировке в Китае, руководил отделом внутренних дел управления Советской военной администрации в Германии земли Саксония (Дрезден), участвовал в ряде спецопераций. В 1948–1950 служил в Главном управлении по борьбе с бандитизмом МВД СССР. С 1950 в запасе по состоянию здоровья.

(обратно)

435

Лукин Александр Александрович (1901–1975) — начальник агентурной разведки отряда «Победители» (1942–1944). Член Коммунистической партии в 1918–1921, 1936–1940 и с 1944. Служил в Одесской ЧК и органах ГПУ УССР. В 1940 снят с должности зам. начальника Особого

отдела У НКВД по Московской обл. и исключен из ВКП(б). После 22 июня 1941 — в ОМСБОН НКВД СССР. С 20 июня 1942 — в опергруппе Д. Н. Медведева. С 1944 — начальник 4-го отдела 4-го управления НКГБ, помощник руководителя опергруппы НКГБ. Подполковник госбезопасности. На пенсии занимался литературным творчеством. Награжден орденом Красного Знамени.

(обратно)

436

Перечисленные здесь партизаны не установлены.

(обратно)

437

Не установлены.

(обратно)

438

Перечисленные здесь партизаны не установлены.

(обратно)

439

Источник: ЦЦАГО України. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 295. Арк. 69–71. Копия, машинопись. Документ любезно предоставлен для публикации А. Гогунюм (Берлин).

(обратно)

440

Савченко Сергей Романович (1904–1966) — нарком (министр) госбезопасности УССР (с 7 мая 1943 по 24 августа 1949), комиссар госбезопасности III ранга (1944), генерал-лейтенант (1945). Член ВКП(б) с 1930. В органах ЧК с 1921, с 1922 в погранохране. Начальник Первого главного управления МГБ СССР, зам. министра госбезопасности СССР (1951–1953). В 1953–1955 — в кадрах МВД и КГБ СССР, уволен в запас по служебному несоответствию.

(обратно)

441

Бывшие военнопленные В. Г. Буслаев и М. Сидоренко прибыли в соединение им. Буденного в феврале 1944, а 2 мая 1944 дезертировали. Фамилии подчеркнуты в тексте документа.

(обратно)

442

Не установлен.

(обратно)

443

Перечисленные в настоящем документе партизаны соединения им. Буденного не установлены.

(обратно)

444

Интересно, что до прихода советских партизан к 1944 отряды УПА и других национальных формирований очистили от немцев довольно значительные районы сельской местности, установив здесь прочный контроль. В отчете Т. А. Строкачу о боевой деятельности за период с 5 января по 1 апреля 1944 командир 1 — й Украинской партизанской дивизии им. дважды Героя Советского Союза генерал-майора С. А. Ковпака подполковник П. П. Вершигора писал: «На момент прохождения дивизии по лесной части Ровенской и Волынской областей общая картина складывается следующим образом. Все Полесье, за исключением крупных коммуникаций Сарны — Ковель, Ковель — Брест и Сарны — Лунинец, было полностью свободно от немцев, громадная территория от Сарны и до Буга была поделена между УПА и соединениями украинских партизан, вытолкнутых из-за Горыни».

(обратно) (обратно)

Примечания к "Евгений Тверской. Румынская оккупация области между Бугом и Днестром в 1941–1944 годах и ее политические и экономические черты":

445 Машинопись неизвестного автора (псевдоним не раскрыт) на русском языке (не позднее 1954). Источник: НИА. Collection A. Dallin. Box 8. Folder 8-18.

(обратно) 446

Войска 4-й румынской армии генерала Н. Чуперка вступили в Одессу 16 октября 1941.

(обратно)

447

В некоторых исследованиях употребляется термин «генерал-губернаторство», в состав которого вошли левобережные районы Молдавии, Одесская обл., часть территории Николаевской и Винницкой обл. Заключение германо-румынского соглашения об образовании Транснистрии состоялось в Бендерах 30 августа 1941.

(обратно)

448

Антонеску Ион (1882–1946) — кондукэторул Румынии в 1940–1944, сторонник военнополитического союза с Германией. Начальник Генерального штаба Королевской армии (1933), министр обороны (1938). Маршал (21 августа 1941). Казнен по приговору коммунистического трибунала.

(обратно)

449

По решению 2-го Венского арбитража (30 августа 1940) Северная Трансильвания (Кришану, Марамуреш) Румынией была передана Венгрии.

(обратно)

450

По Крайовскому соглашению (7 сентября 1940) Южная Добруджа Румынией была передана Болгарии.

(обратно)

451

Молдавская АССР в составе УССР возникла на левобережье Днестра 12 октября 1924. После присоединения 28 июня 1940 Советским Союзом Бессарабии и Северной Буковины произошли новые территориальные изменения. Северная Буковина и Южная Бессарабия были включены в состав УССР, а из большей части Бессарабии и территории Молдавской АССР 2 августа 1940 образована самостоятельная Молдавская ССР.

(обратно)

452

Вероятно, имеется в виду преподаватель И. Д. Чебан, сыгравший в 1938–1939 в Молдавской АССР видную роль в борьбе с «румынизацией» молдавского языка.

(обратно)

453

Маниу Юлий (1873–1955) — политический деятель Румынии. Председатель Совета министров (1928–1930, 1932–1933). С 1926 — руководитель Национал-царанистской партии. В 1947 осужден коммунистами к тюремному заключению, умер в Бухаресте.

(обратно)

454

На фоне массовых протестов в стране против уступки Северной Трансильвании Венгрии 5 сентября 1940 румынский король Кароль II назначил Й. Антонеску главой правительства с диктаторскими полномочиями, а 6 сентября по его требованию подписал отречение от престола в пользу сына Михая и покинул страну.

(обратно)

455

Гроза Петру (1884–1958) — румынский политический и государственный деятель. В 1921–1922 и 1926–1927 — на министерских постах. С 1933 лидер крестьянской партии «Фронт земледельцев». Во время диктатуры маршала Й. Антонеску (1940–1944) подвергался репрессиям. Заместитель премьер-министра (ноябрь 1944 — февраль 1945). С 6 марта 1945 — глава румынского правительства. Способствовал установлению в стране коммунистической диктатуры. Председатель Совета министров Румынской Народной Республики (1947–1952), затем — председатель президиума Великого национального собрания.

(обратно)

456

Возможно, речь идет о социологе Т. Херсени.

(обратно)

457

Первоначально, по крайней мере, на конец октября 1941, Герман Васильевич Пынтя-Видрашку был заместителем городского головы. 28 октября 1941 он принял большую депутацию представителей одесской интеллигенции, участники которой ходатайствовали о возобновлении научной жизни и образовательной деятельности в Одессе. С начала 1942 в городе заработали лицеи и школы, в том числе лицей при университете.

(обратно)

458

Профессор Георге Алексиану был назначен губернатором Транснистрии 19 августа 1941 приказом Й. Антонеску.

(обратно) 459

В ночь с 30 на 31 августа 1935 забойщик шахты «Центральная-Ирмино» в Кандиевке (Донбасс) А. Г. Стаханов (1905–1977) перевыполнил норму на 1350 %, вырубив 207 тонн угля за смену вместо положенных 7 тонн, и был объявлен партийно-пропагандистскими органами «зачинателем массового движения новаторов производства» в СССР. На самом деле «рекорд» Стаханова был организован администрацией и парткомом шахты, создавшими забойщику привилегированные условия труда. Вместе со Стахановым работала большая группа шахтеров, непрерывно обеспечивавших вывоз угля и установку креплений в забое. Подлинный смысл «стахановщины» заключался не столько в популяризации и поощрении передовиков производства, сколько в резком усилении властью государственной эксплуатации бесправных советских рабочих, которым на фоне славословий в адрес «стахановцев» фактически повышали нормы выработки при сохранении прежних расценок.

(обратно)

460

К 11 февраля 1942 в Транснистрии для отправки на работы в рейх были готовы 60 тыс. рабочих, из которых 30 тыс. имели 5-й разряд. Российский исследователь П. М. Полян, ссылаясь на документы румынских оккупационных властей, подчеркивает, что 90 % завербовавшихся отправлялись за границу добровольно.

(обратно)

461

Советской агентуры.

(обратно)

462

22 октября 1941 в 18 часов 35 минут взрыв радиоуправляемых фугасов большой силы разрушил здание комендатуры на улице Энгельса (бывшее управление НКВД), в котором погибли 66 румынских и немецких военнослужащих (по сообщенным в Москву данным группой В. А. Молодцова оказались убиты 147 военнослужащих, включая двух генералов). Среди погибших был

и румынский комендант города генерал Глугояну. В ответ 22–23 октября по всему городу происходили бессудные казни, особенно много повешенных свидетели видели на Александровском проспекте. В последующие дни в качестве ответной репрессивной меры в Одессе и окрестностях оккупационные власти уничтожили 38 тыс. евреев. А всего численность убитых за годы оккупации евреев в Молдавии определяется в 130 тыс. человек.

(обратно)

463

Летом 1941 на всю Одессу оставался действующим единственный православный храм. За время оккупации были открыты 19 церквей.

(обратно)

464

То есть лицензию.

(обратно)

465

Из дневника студента индустриального техникума Ю. Е. Суходольского (около 1925–1944), пережившего оккупацию в Одессе:

Запись от 10 октября 1942: «В Одессе, что и говорить, жизнь налажена. Городской голова господин Герман Пынтя на открытии университета сказал, что жизнь в Одессе лучше, чем в каком-либо другом городе Западной Европы. Действительно, на базаре прямо что-то удивительное: колбасы, мясо, масла, фрукты и все прочее, конечно, все страшно дорого, но все-таки. Учебные заведения функционируют, трамваи ходят. В городе на каждом шагу “бodega” [закусочная. — К. А.], пестрят вывески, комиссионные магазины, по улицам ходят нарядные дамы (сильно накрашенные), румыны и немцы. Около будок стоят часовые. Попадаются разрушенные здания — обком, банк, 116-я школа, телефонная станция, авиаспецшколы, пушкинский домик, дома по Дерибасовской, Ришельевской и др. Много. Некоторые разрушены до основания от удара мин на парашюте <...> Но часть домов (обком, пушкинский) уже отстраиваются, открываются новые магазины, мальчишки бегают, рекламируя “Одесскую газету”, “Одессу”, “Мир”, “Смех”, “Колокол”, “Детский листок”, “Неделю”. Газеты и журналы далеко не все хорошие. Какого-то сплетническо-холуйского направления. Завтра открытие в оперном театре — “Борис Годунов”. Папа поет».

Запись от 22 октября 1942: «Паршиво с деньгами. Цены тут жутчайшие, и наша семья погрязла в долгах. На обед иногда покупаем лишь 400 граммов бутерной [бутербродной. — К. А.] колбасы и едим ее с хлебом. Вообще мне есть не хочется. Но, глядя на всякие пирожные, меда, конфеты, масла и проч., слюнки текут».

(обратно)

466

Для сравнения приведем перечень цен на рынке на продукты, товары и услуги (на май 1942) в оккупированном Симферополе:

— зеленый лук (кг) — 1 руб.;

— огурцы (кг) — 90 коп.;

- капуста (кг) — 2 руб. 50 коп.;
- пучок редиски — 40 коп.;
- черешня (кг) — 3 руб.;
- абрикосы (кг) — 5 руб.;
- розовое эфирное масло (кг) — 16 тыс. руб.;
- закупочная цена городской молочной кухни молока у владельцев коров (литр) — 80 коп.;
- пустые кефирные бутылки (шт.) — 1 руб.;
- детский игрушечный автомобиль — 15 руб.;
- часы-ходики — 100–150 руб.;
- пепельница — 20–40 руб.;
- билеты на футбол — 2–4 руб.;
- билеты на концерт оркестра Симферопольской вспомогательной полиции под управлением капельмейстера М. В. Тюртюбина — 5-10 руб.

Некоторые фиксированные цены на продукты питания в оккупированном Орле (на январь 1943), по которым немецкая хозяйственная комендатура предлагала их продавать населению:

- хлеб ржаной (кг) — 30 руб.;
- печенье из пшеничной муки (кг) — 142 руб.;
- коржик (шт., 40 г) — 9 руб.;
- торт (шт., 500 г) — 200 руб.;
- обед в столовой по твердой цене — 1 руб. 50 коп.

Минимальная ежемесячная зарплата в Орле составляла зимой 1943 200 руб., максимальная (бургомистр) — 1,1 тыс. руб.

Цены в оккупированном Орле (на ноябрь 1942), по которым можно было отоварить карточки. В скобках указано максимальное количество продуктов, подлежащих отовариванию по этой цене:

- картофель (14 кг) — по 50 коп. за кг;
- соль (40 г) — по 1 руб. за кг;
- хлеб ржаной (5,5 кг) — по 1 руб. за кг;
- крупы (900 г) — по 1 руб. 50 коп. за кг;
- масло растительное (50 г?) — 18 руб. за литр.

Кроме того, с декабря 1942 дети получали по карточкам 2 кг мармелада в месяц и 100 г мяса, рабочие — 300 г мяса и литр молока. К сожалению, цены, по которым отоваривались эти продукты, мы не сумели установить.

Цены на основные продукты питания в оккупированном Пятигорске в сентябре — октябре 1942:

— кг хлеба — 1 руб. 30 коп.;

— кг свинины — 35 руб.;

— кг картофеля — 3 руб.;

— литр молока — 5 руб.

Ставки сотрудников городского самоуправления (в месяц):

— бургомистр — 3000 руб. (300 нем. марок);

— начальники отделов управы — от 1,2 тыс. до 1,8 тыс. руб.

— сотрудники отделов — от 500 до 800 руб.

(обратно)

467

По воспоминаниям очевидцев одесской жизни в 1941–1944 первые три месяца оккупации Одессы на базарах денежный оборот отсутствовал, его заменили бартерные сделки. Кстати, аналогичные процессы происходили и в Киеве, из чего мы можем сделать вывод о некоторой тождественности отдельных экономических показателей в различных оккупированных городах Юга СССР.

Любопытно, что и в Киеве, и в Симферополе, и в Одессе в начальный период оккупации курс соотношения оккупационной немецкой марки к советскому рублю составлял 1:10. В Одессе к концу оккупации рубль обесценился на 100 %, и курс составил 1:20. С зимы 1942 до зимы 1944 цены в марках на рынке практически не изменялись, росли лишь цены в связи с обесцениванием рубля. Зимой 1944 выросли цены и в марках, ценовой коридор стал выглядеть следующим образом:

— мясо (кг) — от 1,5 до 3,5 нем. марки;

— сало (кг) — от 1,5 до 3 нем. марок;

— хлеб (кг) — от 0,25 до 0,4 нем. марки;

— яйца (10 шт.) — от 1 до 2 нем. марок;

— масло подсолнечное (литр) — от 2 до 3 нем. марок;

— водка (0,5 литра) — от 3 до 5 нем. марок.

Вся заработная плата выплачивалась в оккупационных марках, как в частном, так и в государственном секторах. Зарплата индексировалась в связи с инфляцией. Первая цифра показывает зарплату в Одессе в начале оккупации, последняя — в конце.

— бухгалтер — от 250 до 400 нем. марок;

— табельщик — от 120 до 180 нем. марок;

— продавец — от 100 до 150 нем. марок;

— полицейский — от 100 до 160 нем. марок;

— электрик — от 120 до 200 нем. марок;

- чернорабочий — от 120 до 200 нем. марок;
- торговый инспектор — от 175 до 250 нем. марок;
- старший инспектор — от 250 до 350 нем. марок;
- начальник отдела труда городской управы — от 400 до 600 нем. марок.

В Симферополе и в Одессе допускалась торговая (рыночная) наценка на продукты питания, но не выше 15 %, на остальные товары — не выше 30 %. Однако по замечанию бывшего торгового инспектора-контролера Одессы уровень конкуренции в городе был настолько высок, что наценка оказывалась всегда ниже допустимого порога. О торговой инфраструктуре свидетельствует неполный перечень одесских магазинов, работавших с 1942. На одной знаменитой Дерibasовской существовали четыре колбасных и два гастрономических магазина, один из которых (Дерibasовская ул., 7, владелец Шмидт и Ко) предлагал 25 сортов мясных изделий, а также закусочные, рюмочные, галантерейные и комиссионные магазины, обувные и ювелирные лавки и т. п., принадлежавшие большей частью румынам. Базары и известный «привоз» работали шесть дней в неделю, кроме субботы.

(обратно)

468

Одесса стала одним из немногих городов на оккупированных территориях СССР, в котором неожиданно активизировались бывшие участники Белого движения, не сумевшие покинуть Россию после эвакуации Белых армий в 1920. 24 декабря 1941 с разрешения оккупационных властей и в присутствии их представителя состоялось первое собрание инициативной группы бывших офицеров и нижних чинов Русской Императорской армии и Вооруженных Сил Юга России, а также членов их семей, в котором участвовали от 200 до 250 человек. Начальником группы в чине майора стал участник Белого движения Пустовойтов. Собственные цели и задачи группа определяла следующим образом:

- а) борьба с большевизмом;
- б) оказание помощи детям и семьям репрессированных большевиками офицеров;
- в) оказание помощи детям-сиротам военных путем организации приюта;
- г) оказание помощи престарелым и нетрудоспособным;
- д) содержание храма св. Марии Магдалины.

К Пасхе 1942 группа провела сбор вещей и продуктов в пользу военнопленных, находившихся в лагерях на территории Транснистрии, затем было принято решение об установлении контактов с представителями белой военной эмиграции. Однако в период с июля 1942 по январь 1943 оккупационные власти категорически запретили членам группы проведение каких-либо политических собраний, сохранив за ними лишь право благотворительной деятельности. Только в связи с распространением в печати информации о формировании частей РОА весной 1943 группе было разрешено провести несколько информационных мероприятий. Одновременно весной 1943 в Одессе появились белоэмигранты-вербовщики в ряды Русского Охранного Корпуса во главе с полковником J1. С. Думбадзе (или ротмистром Г. И. Думбадзе) и в дальнейшем группа занималась отправкой пополнения в ряды Русского Корпуса (во 2-й и 5-й полки) из Одессы и Транснистрии. В Русский Корпус вступили и многие члены инициативной группы.

(обратно) 469

К сожалению, о судьбе хирурга П. Г. Часовникова мы сумели найти весьма отрывочные сведения. Выпускник медицинского факультета Новороссийского университета (1906). На 1926 — доцент Одесского медицинского института. В 1942–1944 — ректор Одесского медицинского института. Есть свидетельства бывших репрессированных о том, что после ареста советскими органами госбезопасности П. Г. Часовников подвергался сильным истязаниям. В мае 1942 при Одесском университете был создан Институт антикоммунистических исследований и пропаганды (он же Институт социальных исследований), в котором сотрудничали многие представители одесской интеллигенции и профессуры. По делу этого Института после оккупации органами госбезопасности был арестован ряд знаменитых ученых-профессоров: директор Одесской обсерватории, доктор астрономических наук К. Д. Покровский (1868–1944), профессора Б. В. Варнеке, Н. А. Соколов, С. Ф. Бслодсд и др. Арестованный 10 мая 1944 К. Д. Покровский умер 5 ноября от последствий пыток в больнице тюрьмы № 1 Управления НКВД по Киевской области, другие получили по 10 лет лагерей. Н. А. Соколов (1886–1953) умер в местах заключения 26 октября 1953, судьба остальных нам не известна. Усилиями одесского историка В. А. Смирнова ученые были реабилитированы лишь в 1993.

(обратно)

470

Селявии Виктор Алексеевич (? — май 1945) — профессор Одесской консерватории по классу вокального пения (в 1930-е). Актер, музыкант. В 1920-е — ведущий тенор Одесского оперного театра. Исполнял партии Ленского, Германа, Фауста, Лоэнгина и др. Владел огромным камерным репертуаром. После оккупации репрессиям не подвергался, но постоянно вызывался на допросы в органы госбезопасности. Умер от инфаркта.

(обратно)

471

Открыта в марте 1942.

(обратно)

472

Липковская (наст. фам. Маршнер) Лидия Яковлевна (22 мая (ст. ст.) 1882 (по др. дан. 28 апреля 1884), село Бабино Хотинского уезда Бессарабской губ. — 22 марта 1958, Бейрут) — певица (колоратурное сопрано), педагог. Родилась в семье учителя, училась в Каменец-Подольской гимназии. Пела на клиросе. В 17 лет вышла замуж и уехала в Петербург. В 1901–1905 училась в Санкт-Петербургской консерватории по классу профессора Н. А. Ирецкой. Талант певицы высоко ценили А. К. Глазунов, Н. А. Римский-Корсаков и др. композиторы. Солистка Мариинского театра (1906–1908, 1911–1913). В 1909–1911 — на гастролях. Пела в Париже, Милане, городах США. Солистка театра Музыкальной драмы в Петрограде (1914–1915). С 1918 — в эмиграции. В 1927–1929 гастролировала в СССР. Исполняла партии Марфы («Царская невеста» Н. А. Римского-Корсакова), Снегурочки, Татьяны, Офелии и др. С 1937 — профессор кафедры сольного пения Кишиневской консерватории. Во время оккупации Одессы — директор Одесской консерватории, затем выехала в Бухарест. Воспитала ряд выдающихся певцов Молдавии и Румынии. В 1952 уехала в Париж. В последние годы жизни преподавала в Бейруте, получала поддержку от Мирового Союза Церквей и Толстовского фонда. По сообщению газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк, № 15639), умерла в нищете.

(обратно)

473

Вронский Василий — популярный до войны актер одесского театра «Фарс». После 1944 арестован советскими органами госбезопасности и погиб на следствии или в лагере (?).

(обратно)

474

Лещенко Пётр Константинович (3 июля 1898, село Исаево Херсонской губ. — 1954, Сталин (ныне Брашов), Румыния) — эстрадный певец (баритональный тенор). В детстве пел на клиросе в Кишиневе. В 1914–1916 выступал в иллюзионе, танцевал лезгинку, метал кинжал в денежные купюры, бросавшиеся зрителями. Окончил школу прапорщиков (1916?), участник Первой мировой войны, был тяжело ранен. В 1917 на излечении в госпитале. С марта 1918 оказался на территории Румынии и принял гражданство вместе с фамилией матери. Работал в Бухаресте в ресторанчике отчима А. В. Алфимова, затем учился в Парижском хореографическом училище. Вместе с первой женой Зинаидой Закит выступал в танцевальном дуэте и в паузах между номерами с исполнениями цыганских романсов начал петь. Весной 1930 в Риге дал первый сольный концерт. Для Лещенко писали такие выдающиеся композиторы, как О. Д. Строк, М. Г. Марьяновский и др. С 1933 с триумфом выступал в Лондоне, пел на радио и в элитных ресторанах. Гастролировал по Европе, песни («Черные глаза», «Синяя рапсодия», «Чубчик кучерявый» и др.) и пластинки Лещенко в конце 1930-х получили известность и в СССР. В центре Бухареста открыл собственный ресторан «Пётр Лещенко». В мае 1942 впервые приехал в Одессу. Выступал в помещении драмтеатра, клубах, открыл собственный ресторан, в котором пел обычно во 2-м отделении. Здесь же познакомился со своей будущей второй женой, аккордеонисткой Верой Белоусовой, на которой после развода женился в Бухаресте в 1944. В октябре 1943 призван в Королевскую Румынскую армию. Служил в Крыму в офицерском чине (лейтенант?) на должности заведующего офицерской столовой. 3 декабря 1943 с большим успехом выступил на симферопольском радио, затем выступил вторично 14 января 1944 и читал слушателям свое стихотворение «Красный ветер». В Одессе появился зимой 1944 в форме офицера Королевской армии и отступил с войсками в Румынию. В Бухаресте продолжал заниматься ресторанным делом, однако ресторан был закрыт после прихода Красной армии. Выступал перед ранеными в госпиталях и на импровизированных площадках. С 1948 вместе с женой выступал на сцене театра эстрады. В марте 1951 прямо во время концерта арестован органами госбезопасности. Погиб в заключении. Жена была депортирована в СССР и за измену родине осуждена к расстрелу с заменой высшей меры на 25 лет лагерей. Освободилась в 1954, реабилитирована в 1958.

(обратно)

475

Из дневника Ю. Е. Суходольского (запись от 18 октября 1942): «Были сегодня с отцом в цирке — на боксе — по пропускам, которые достал Игорь. Интересно. Бились 7 пар. Сначала совсем ничтожные, а в конце было интересно. Самый интересный был бой между румыном из Кишинева и одним одесситом. Румын должен был драться с другим, но перед самым боем противника заменили. Одессит буквально не дал опомниться румыну и так его избил, что тот совсем ошалел и не сопротивлялся. Бой продолжался не более минуты. В цирке стоял дикий вой, победителя целовали. Румын подает в суд, и делу еще, как видно, придана "окраска"».

(обратно)

476

Михай I Гогенцоллерн-Зигмаринген (род. 25 октября 1921, Синаи, Румыния) — сын короля Кароля II (1893–1953) и его супруги, урожденной греческой принцессы Елены (в браке 1921–1928). На престоле в 1927–1930 и в 1940–1947.

(обратно)

477

По некоторым свидетельствам, приезд королевы-матери Елены (1896–1982) в оккупированную Одессу состоялся в ноябре 1941. Известны ее попытки облегчить участь преследуемых в Транснистрии евреев. Из дневника Ю. Е. Суходольского (запись от 5 декабря 1942): «Папа бесплатно получил в театре божественный королевский (от королевы) паек: 4 кг сахара, муки, масла, масло постное, коробка прекрасных печений, 2 бутылки водки. Одним словом, здорово».

(обратно)

478

В самой Одессе с 16 октября 1941 работала разведывательно-диверсионная группа капитана госбезопасности В. А. Молодцова (1911–1942). Однако 9 февраля 1942 Молодцов был арестован румынской контрразведкой и расстрелян 29 мая. Вслед за его арестом было разгромлено и одесское подполье. Из 2892 зарегистрированных на всей территории Молдавии партизан лишь семеро были этническими молдаванами.

(обратно)

479

Может быть, имеется в виду генерал-майор Эрмил Георгиу, кавалер Рыцарского креста Железного креста (1944).

(обратно) (обратно)

Примечания к "ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ III":

480

Публикуется послевоенный советский служебный перевод документа, любезно предоставленный для публикации А. Гогунем (Берлин). Источник-. Державный архіе Одесько! област!. Ф. 492. Оп I.Спр. 13. Арк. 20–24 (указатель на фонды 1985 года).

Копия. Машинопись.

(обратно)

481

Фрагмент доклада Е. Кристеску, датированного 24 апреля 1942.

(обратно)

482

Не установлены.

(обратно)

483

Отряд А. Ф. Солдатенко ушел в катакомбы в середине октября 1941.

(обратно)

484

Подчеркнуто в документе.

(обратно)

485

Месяца.

(обратно)

486

Так в переводе. Возможно, «усыпить бдительность».

(обратно) (обратно)

Примечания к "Русские и РОА в Пскове, 1943 год":

487

Отрывок из мемуаров неизвестного автора: «Псков как один из центров Русского освободительного движения» [б. г.]. Машинопись. Источник: НИА. Collection В. Nikolaevsky. Box 258. Folder 258-22. Заголовок автора-составителя сборника.

(обратно) 488

Обращение Русского комитета (Смоленское воззвание) от 27 декабря 1942.

(обратно)

489

РОД — Русское освободительное движение.

(обратно)

490

Февраль-март 1943.

(обратно) 491

Газета «Заря» для советских военнопленных издавалась в Берлине в 1943–1945 под редакцией В. Ф. Малышкина, М. А. Зыкова, Н. Гранина, В. Киселёва и др. На оккупированные территории поступала нерегулярно.

(обратно)

492

Газета «За Родину» издавалась в 1942–1944 в Риге для населения оккупированных территорий под редакцией И. Свободина, А. Г. Стенроса, Ф. Т. Лебедева, Л. Осиповой и др. № 1 вышел 10 сентября 1942. № 207 (607) — 18–19 сентября 1944. С конца 1944 по 7 мая 1945 (№ 56/779) газета издавалась в Виндаве (Вснтспилс, Курляндия) для русских добровольцев и беженцев. С конца января 1945 газета получила подзаголовок: «Орган уполномоченного на Курляндском фронте Главнокомандующего вооруженными силами КОНР». Одноименная газета (Дно) издавалась в 1941–1944 501-й ротой пропаганды (в роте был взвод восточных пропагандистов) при штабе 16-й армии Вермахта для рабочих и крестьян Дновской обл. № 1 вышел 9 августа 1941.

(обратно)

493

ИГ — Инициативная группа. Под впечатлением от Смоленского воззвания в феврале 1943 в Пскове сложилась группа антисоветски настроенной интеллигенции во главе с Г. Д. Огроменко (Хроменко). ИГ приняла решение о поддержке Русского комитета генерал-лейтенанта А. А. Власова и установлении связи с ним. Инициатива была подтверждена на более представительном собрании 5 марта, на котором впервые выступили русские добровольцы из местных воинских подразделений в составе Вермахта. В рамках группы возникли секции (сектора), руководители которых отвечали за разные направления деятельности: поручик (старший лейтенант РККА?) Федоров — начальник военного сектора, Н. Д. Сабуров (архитектор) — начальник секции агитации и пропаганды, священник Георгий Бенигсен (с 1943 — член НТС) — начальник секции работы с населением, Блюм — начальник секции работы с молодежью и т. д. Член НТС Р. В. Полчанинов (Нью-Йорк), работавший в 1943 в Пскове по заданию Союза, свидетельствует, что ИГ в документах официально называлась Русским комитетом (с лета 1943).

(обратно)

494

Огроменко [наст. Хроменко] Григорий Денисович (1901, Красный Смоленской губ. — 8 января 1952, Шляйхсгайм под Мюнхеном) — общественно-политический деятель, журналист. Окончил институт в Ростове-на-Дону. Член ВКП(б). Участвовал в коллективизации. В 1941 — член Псковского горкома ВКП(б), зав. отделом сельского хозяйства газеты «Псковский колхозник». После начала войны назначен редактором военной многотиражки, но во время оккупации Дно попал в плен. Автор пропагандистских брошюр «Кровавый палач» (о Сталине), «Вечное зло» (о евреях) и др. Зимой 1943 возглавил группу антисоветской интеллигенции в Пскове, искавшей контактов с власовцами. Выступал по местному радио, участвовал в редактировании газеты «За Родину». В 1944 эвакуировался на Запад. Принудительной репатриации избежал. После 1945 — в американской оккупационной зоне Германии, затем в эмиграции в ФРГ.

(обратно)

495

Г. Д. Огроменко не пользовался популярностью у некоторых членов ИГ по причине довоенной партийной карьеры. Так, например, ленинградская студентка В. А. Пирожкова писала в своем дневнике 11 марта 1943: «Печально, что всю эту инициативную группу возглавляет Хроменко. Ему не верят, да и трудно верить. Я слышала разговоры: “Ну вот, все те же люди и при советской власти, и теперь”. И в самом деле, тяжело идти за человеком, который еще недавно писал хвалебные статьи Сталину и работал по коллективизации. И так больно и тяжело, что не нашлось других идейных и честных энергичных людей, способных возглавить это дело».

(обратно)

496

Перед оккупационными властями.

(обратно)

497

Члены Псковской ИГ собирались оказывать помощь русским добровольцам из состава подразделений, дислоцировавшихся весной 1943 в 584-м тыловом р-не 16-й армии Вермахта (группа армий «Север»). По состоянию на 5 мая 1943 при 16-й армии несли службу следующие восточные подразделения: семь батальонов (16-й запасной в стадии формирования, 620-й, 653-й, 654-й, 667-й, 668-й, 669-й, всего — 32 роты), две батареи (1-я и 2/670-я), 671-я рота связи, 655-й казачий кавалерийский эскадрон и 657-я эстонская пехотная рота.

(обратно)

498

Холили [псевдоним Петровская, в первом браке Лабутина] Тамара Петровна (1915, Эстляндская губ. — 3 июля 2001, Нью-Йорк, США) — журналист. Окончила Педагогический институт в Таллине (1936), затем преподавала в деревенской школе в Печёрском крае. В 1941 вместе с мужем окончила организованные немецкими оккупационными властями курсы для сотрудников администраций в «освобожденных областях». Служила переводчиком в городской полиции, затем — старший переводчик Городской управы Пскова (1943). С осени 1941 по инициативе члена НТС К. А. Кирия вместе с мужем участвовала в деятельности Союза. Муж служил в Пскове в органах СД и о его членстве в НТС сохранились противоречивые свидетельства: П. В. Жадан считал, что он не был членом Союза, а Р. В. Полчанинов полагает, что был. После создания Русского комитета поручика РОА И. С. Боженко (1943) приняла участие в работе комитета, организовала курсы сестер милосердия РОА. После 1945 — в Западной Германии и США. С нач. 1950-х работала на радиостанции «Голос Америки» (Мюнхен) под псевдонимом «Петровская», с 1953 — на радио «Освобождение» (Нью-Йорк). Вела еженедельную литературную программу «Приметы времени». Автор публикаций в газетах «Новое русское слово» (Нью-Йорк) и «Русская мысль» (Париж). Автор двух сборников статей (Нью-Йорк, 1994 и 1995). На пенсии с 1974. Похоронена на кладбище в Ново-Дивеево близ Нанует (штат Нью-Йорк, США).

(обратно)

499

Пирожкова Вера Александровна (род. 14 августа 1921, Псков) — общественно-политический деятель, профессор политологии Мюнхенского университета. Дочь математика А. В. Пирожкова. Окончила 10 кл. средней школы и в 1938 поступила на матмех Ленинградского университета, студентка ЛГУ. Летом 1941 приехала на каникулы к родителям и оказалась в оккупации. С весны 1943 участвовала в деятельности Псковской ИГ, сотрудник псковской редакции газеты «За Родину». В 1944 эвакуировалась с семьей в Ригу, работала в редакции «За Родину». В эмиграции в Германии. Окончила философский факультет Мюнхенского университета (1951), ученица Ф. А. Степуна. Преподавала в Марбургском университете. Доктор (1970), автор диссертации «Свобода и необходимость в истории». До 1986 преподавала в Мюнхенском университете, с 1986 на пенсии. Редактор-издатель общественно-политического журнала «Голос Зарубежья» (1976–1998). В 1993–1995 читала лекции в МГУ и СПбГУ С 1995 живет в Санкт-Петербурге. Автор мемуаров.

(обратно)

500

Г. Д. Огроменко (Хроменко).

(обратно)

501

Ср. с записью от 1 мая 1943 из дневника В. А. Пирожковой: «Мы перед Пасхой провели сбор подарков и средств на подарки для солдат РОА. Набрали порядочно и распределили их таким образом: деньги на пасху, куличи, яйца — это все снесли в лазарет и устроили встречу между находившимися здесь ранеными добровольцами и инициативной группой. Подарки, полученные вещами, запаковали, чтобы отправить их в части, стоящие на фронте. В каждый пакетик было вложено по красному яичку. Все эти сборы, устройство, печенье и варенье доставили, конечно,

(обратно)

много хлопот и беготни. Деньги были пожертвованы уже возникшими в Пскове купцами. Хорошее впечатление было от посещения лазарета с русскими ранеными добровольцами в первый день Пасхи. Они были очень рады, и так приятно было видеть нам самим их довольные лица».

502

В р-не Дно дислоцировались 16-й запасной восточной батальон и батарея (в д. Пожеревицы Дедовичского р-на Псковской обл.), 653-й восточный батальон (Дубровка и др.). В самом Дно — восточно-пропагандистский взвод 501-й роты пропаганды.

(обратно)

503

Поездка состоялась 26–28 апреля 1943.

(обратно)

504

По данным советских историков-краеведов в Псковском самоуправлении во время оккупации состояли на службе около 1,2 тыс. человек.

(обратно)

505

Сергий II [в миру Воскресенский Дмитрий Николаевич] (26 октября 1897, Москва — 29 апреля 1944, шоссе Вильнюс — Рига, близ Каунаса) — митрополит Литовский и Виленский, Экзарх Латвии и Эстонии (с 1941). Сын священника. Окончил Московское духовное училище. В 1918–1922 — на гражданской службе. В 1922 поступил в Московский Данилов монастырь, в 1925 принял постриг. С 1930 — настоятель собора в Орехово-Зуево, с 1931 — редактор журнала Московской Патриархии. Настоятель Воскресенского храма в Сокольниках (1932–1933). 16/29 октября 1933 хиротонисан во епископа Коломенского, викария Московской епархии. Епископ Бронницкий (с 1934), Дмитровский (1936). В 1935 повергался кратковременному аресту. Архиепископ (8 октября 1937). В 1937 (?) принужден к сотрудничеству с органами НКВД и по состоянию на март 1941 в ведомственной переписке фигурировал в качестве агента НКГБ. Считается автором доноса на епископа Питирима (Круглова), помогавшего преследуемым клирикам деньгами, одеждой и продуктами питания. В марте 1941 возведен в сан митрополита Виленского и Литовского. От эвакуации из Риги летом 1941 отказался, по некоторым свидетельствам, спрятавшись в подвале кафедрального собора. С июля 1941 в оккупации, сохранил каноническое общение с Московской Патриархией. В августе 1941 с согласия и при поддержке властей организовал Православную (Псковскую) миссию в освобожденных обл. России, занимавшуюся активной благотворительной, просветительской, издательской деятельностью в оккупированных юго-западных р-нах Ленинградской, части Калининской, Новгородской и Псковской обл. Сыграл большую роль в религиозном возрождении в оккупации. В 1943 на оккупированных территориях действовали 6500 православных храмов, а на всей территории СССР — 3329. С 1943 поддерживал развитие Власовского движения, при личной встрече благословил А. А. Власова. Талантливый проповедник и популярный архиерей. Решением Поместного собора в Москве (1943) осужден за сотрудничество с противником. При возвращении из Вильнюса в Ригу убит вместе с шофером и двумя спутниками группой неизвестных лиц в

(обратно)

немецкой форме, разговаривавших на русском (?) языке. Похоронен около храма на Покровском кладбище в Риге.

(обратно)

506

«За Родину».

507

Возможно, что А. А. Власов прибыл в Псков 29 апреля. Здесь автор-составитель считает необходимым сделать важное исправление и внести существенное уточнение в одну из своих предыдущих публикаций (см.: Александров К. М. Рецензия на фильм о генерале А. А. Власове // Военно-исторический архив (Москва). 2007. Март. № 3. С. 172). К сожалению, утверждение о том, что А. А. Власов ни разу не был в Пскове в июне 1943, в пылу полемики оказалось сформулировано неудачно, и у читателя могло сложиться впечатление, что Власов вообще никогда не посещал Псков. Это, конечно, не так. Власов был и выступал в Пскове, но не в июне 1943. Тем более он не участвовал в параде 22 июня 1943 и не выступал перед личным составом Гвардейского батальона РОА.

(обратно)

508

В немецком докладе от 14 марта 1943 о посещении генералом Власовым Могилёва (Bericht des Generals Wlassow in Mogilew, 14.111.1943) приводилось его следующее заявление, сделанное во время публичного выступления: «Русский народ жил, жив и будет жить, никогда он не станет колониальным народом». В другом докладе от 18 апреля 1943 представитель Министерства иностранных дел при имперском рейхскомиссариате «Остланд» А. Виндеккер (Bericht des Vertreters des A. A. beim Reichskommissar für das Ostland, Windecker, betr. den Propaganda-Auftrag des Generals Wlassow, 14.IV. 1943) констатировал: «Он [Власов] постоянно задавал вопрос, характерный для населения занятой нами территории: “Каково наше ближайшее будущее?” Генерал-фельдмаршал фон Кюхлер [главнокомандующий группой армий “Север”] со своей стороны подчеркнул, что деятельность генерала Власова закончится неудачно, если вскоре не последуют [из Берлина] ясные директивы в отношении немецкой политики, касающейся России».

(обратно)

509

Американский специалист по истории оккупационной политики А. Д. Даллин, изучавший ведомственные немецкие отчеты и донесения, посвященные эффективности воздействия декларации от 27 декабря 1942 и результатам поездок и выступлений А. А. Власова на оккупированных территориях, утверждал: «Ежемесячные отчеты военно-административных органов разных областей в исключительно пылких выражениях (возможно, несколько преувеличенных в Берлине) сообщали о результатах воздействия “Смоленского воззвания” на гражданское население. В отчете группы армий “А” подчеркивалось: воззвание “вызывает самый сильный интерес. Население ожидает дальнейших публикаций и действий в том же духе”. Группа армий “Центр” докладывала: действия Власова встретили всеобщее одобрение, но существенным является “однородное руководство” всеми мероприятиями. Группа армий “Север” сообщала:

(обратно)

“Деятельность генерала Власова находится в самом центре внимания. Требуется немедленно придать действиям [Русского] комитета подлинный характер, чтобы наша пропаганда не потеряла доверия у населения”».

(обратно) 510

Еще ранее, в марте 1943 А. А. Власов выступал перед местными жителями в Могилёве. Формально собрание в Пскове было приурочено к празднику труда 1 мая.

(обратно)

511

На встречу в Псков из Волосово была откомандирована группа русских офицеров и отличившихся солдат 674-го восточного батальона.

(обратно)

512

Боженко Иван Семёнович (1896 — после 1945) — майор ВС КОНР. В юности состоял в революционном кружке. После Октябрьского переворота 1917 — в Белой армии. После 1922 жил в разных р-нах СССР. В 1941 призван в армию, в 1941–1942— в лагере военнопленных. С 1943 в РОА, капитан (на 1943). Участвовал в деятельности Псковской ИГ. Преподавал на курсах пропагандистов, вел пропагандистскую деятельность на фронте. Майор (на 1945). С конца марта 1945 — начальник отделения пропаганды 1-й пехотной дивизии ВС КОНР. После роспуска дивизии 12 мая 1945 в Чехии попал в советский плен. В СССР осужден и погиб в лагере.

(обратно) 513

Ср. с записью из дневника В. А. Пирожковой: «Затем выступил Власов. Что я могу сказать? Грубовато и со странными историческими параллелями. Так, он сказал, что Россия освободила Германию от Наполеона в 1814 году, а теперь Германия должна освободить нас. Думается, что у Германии нет долга освобождать нас от нашей внутренней диктатуры, другое дело, что ради себя самой она должна была бы заключить с нами союз и освободить нас от диктатуры, стремящейся к мировому господству. Между прочим, он сказал: “Говорят, что Германии тесно, что у нее слишком маленькая территория, а у нас слишком много, так пожалуйста, прежние границы не будут, да и вообще понятия о границах надо изменить”. Как это понимать? Немного туманно. Во время его речи я часто задавала себе вопрос: ненавидит ли он коммунизм так, как, по-существу, должен был бы ненавидеть, и с горечью ответила себе: нет. Может быть, я ошибаюсь? Дай-то Бог».

(обратно)

514

Ср. с записью из дневника В. А. Пирожковой: «В тот же день после обеда Власов приехал к нам в редакцию. Была даже закуска и водка, чокнулись с ним, познакомились лично. Состоялась краткая беседа. Впечатление прежнее. Он говорил, что мы честно идем с немцами, но требуем уважения к себе, мы не Untermensch 'и. Отрадно было слышать, что Власов надеется очень на ту сторону больше, чем на эту. И все-таки, все-таки он не Вождь (с большой буквы), даже просто культурность стоит не на должной высоте. Зажигательности, горячего энтузиазма, фанатичной веры и ненависти к врагам не чувствуется. Вот наша трагедия: людей нет. Тем не менее, кого-то иметь надо, и, если другого не нашлось... Кроме того, широким массам речь Власова, кажется, импонировала, а это сейчас тоже много значит. Если он честен и искренен, то пусть действует, как умеет, и да поможет ему Бог. Наша задача сейчас работать, работать и работать. Власов сказал одну хорошую фразу: “Нам надо укрепить дружбу. Если вы десять русских сдружите с десятью немцами, то это уже много значит”. Это — хорошие слова. Экстаза и восторга нет, но воля и желание работать — велики. “Наше движение развивается как трагедия”».

(обратно)

515

Не установлена.

(обратно)

516

Не установлена.

(обратно)

517

Из отчета от 9 мая 1943 отдела 1с штаба (Главного командования) 16-й армии Вермахта следует, что в Дно генерал Власов выступал перед русскими районными бургомистрами, директорами школ, клириками, а затем — военнослужащими восточно-пропагандистского взвода 501-й роты пропаганды.

(обратно)

518

Пропуск в машинописи. Возможно, здесь должен был быть указан населенный пункт Пашеревицы, где Власов выступал перед личным составом 16-го восточного запасного батальона и делегатами от подразделений всех Восточных войск Вермахта (РОА), находившихся в 584-м тыловом р-не. Упомянутый отчет отдела 1с, описывая реакцию местных крестьян на приезд Власова, сухо констатирует: «При отъезде из Пашеревицы местные жители восторженно приветствовали его».

(обратно)

519

В Сольцах Власов выступал перед слушателями русских курсов по подготовке командиров взводов (РОА) при запасной роте армейских переводчиков и, в частности, сказал (по отчету 1с): «Революция 1917 года должна была устранить несправедливости царского режима и создать лучшие условия жизни для русского народа. Но большевизм обманул русский народ, который теперь объявил ему войну. Большевизм сплошной коллективизацией превратил крестьян в рабов, уничтожил интеллигенцию и высшее командование армии <...> Сегодня мы надеемся на помощь Германии. В Новой Европе Россия будет занимать достойное ей место. Мы не хотим коммунизма, но мы также не хотим быть и немецкой колонией».

(обратно)

520

Власов выступал в Стругах Красных, в Луге, Толмачёво и 21 апреля 1943 в Красногвардейце (Гатчине) в переполненном городском театре на митинге, одним из организаторов которого был бывший директор Мариенбургской гимназии К. С. Шувев.

(обратно)

521

3 мая 1943 Власов с успехом выступил перед личным составом 674-го восточного батальона (850 человек) и гражданским населением в поселке городского типа Волосово (Волосовский р-н Ленинградской обл.), территория которого входила в 583-й тыловой р-н 18-й армии Вермахта.

(обратно)

522

См., например: Хроменко Г. Встречи генерала Власова с народом. Из дневника журналиста, сопровождавшего генерала Власова по освобожденным областям // Голос Крыма (Симферополь). 1943. 16 июня. № 71.

(обратно)

523

Ср. с записью от 30 апреля 1943 в дневнике немецкой экономической инспекции армейской группы (Wiln Nord. Kriegstagebuch) о результатах пребывания генерала Власова в группе армий «Север»: «Власов — превосходный оратор, производит впечатление честного и очень интеллигентного человека, уверенного в своих целях. Он говорил о своей карьере, своем отношении к большевизму и Сталину, впечатлениях от Германии и необходимом сотрудничестве. В 1812–1813 русские помогли немцам стать свободными, теперь немцы возместили бы этот долг благодарности, если бы позволили русским созидать свой новый дом. Только честным трудом могла новая Россия занять свое место в новой Европе, одинаково удаленное от большевизма и капитализма, и добиться нового, безопасного, счастливого существования. Русские слушали Власова с величайшим вниманием, выражая восторг бурными аплодисментами <...> Появление Власова, как он сам в шутку заметил, рассеяло любые слухи о его смерти или даже о том, что он никогда не существовал. Это делает абсолютно лишними и нецелесообразными сомнения в запоздалости [власовской] акции и ее перспективах, а также в честных намерениях Власова».

(обратно)

524

Правильно: Климушин. Климушин Сергей Иванович (? — около 1950, Мюнхен) — журналист. До 1941 провел 5 лет в лагерях. После 1941 — в немецкой оккупации в Пскове. Сотрудник псковской редакции газеты «За Родину». В 1944 эвакуировался с семьей на Запад. После 1945 — в американской оккупационной зоне Германии. Сильно пил и умер от отравления метиловым спиртом.

(обратно)

525

Иванов Сергей Никитич — майор ВС КОНР (на 1945). Участник Белого движения на Западе России, хорунжий Русской народной армии генерал-майора С. Н. Булак-Балаховича. После 1920 — в эмиграции в Германии. Инженер, специалист по радиodelу. До 1936 — руководитель отделения Российской фашистской партии (союза) К. В. Родзаевского. В 1942–1943 участник создания русских антисоветских формирований на Восточном фронте (соединение «Граукопф» или РННА и др.), носил погоны генерал-лейтенанта, но генерал-лейтенантом русской службы не был. В 1944 сотрудничал с политической разведкой СД, СС штурмбаннфюрер. Перешел на службу во власовскую армию. В 1945 — начальник разведшколы войск КОНР. Дальнейшая судьба не установлена.

(обратно)

526

Жиленков Георгий Николаевич (1910, Воронеж — 1 августа 1946, Москва) — начальник Главного управления пропаганды КОНР, генерал-лейтенант ВС КОНР (1944). Сын железнодорожного мастера (по официальной версии). После 1917 — беспризорник. Член ВЛКСМ (1925–1929), с 1929 член ВКП(б). В 1925–1929 работал слесарем. С 1929 — на освобожденной комсомольской работе.

Окончил индустриально-технический техникум в Москве (1931). В 1931–1934 — директор школы фабрично-заводской учебы при заводе «Калибр», с июля 1938 — секретарь парткома завода. С января 1940 — 2-й секретарь Ростокинского райкома ВКП(б) Москвы.

16 апреля 1939 Указом ПВС СССР за освоение новых машин награжден орденом Трудового Красного Знамени (лишен в 1990). С июля 1941 — член Военного совета 32-й армии, с августа — бригадный комиссар. 14 октября 1941 в Вяземском «котле» в р-не райцентра Волостопятница взят в плен. До мая 1942 под псевдонимом «Максимов» работал в транспортной колонне 252-й пехотной дивизии Вермахта. 23 мая на основании заявления лесника Гжатского лесничества П. Черникова арестован. На допросе сообщил о себе подробные сведения и представился как генерал-лейтенант. С 17 августа — начальник организационно-пропагандного отдела Абверкоманды-203 (РННА). В декабре за отказ подчиниться приказу о расформировании РННА арестован ГФП вместе с командиром полковником В. Г. Баерским (В. И. Боярским) и пробыл под арестом три недели. В декабре присоединился к Русскому комитету А. А. Власова, подписал 27 декабря Смоленское воззвание. С зимы 1943 редактировал газету «Доброволец» (Берлин — Дабендорф). Участвовал в формировании отдельной Гвардейской ударной бригады РОА (апрель-июль 1943), затем отозван в Берлин, занимался пропагандистской деятельностью. С конца лета 1944 приступил к разработке структуры КОНР, осенью осуществлял общее редактирование Пражского манифеста. С ноября 1944 — член президиума КОНР, главный редактор газеты «Воля народа». В феврале 1945 эвакуировался из Берлина в Карлсбад вместе с учреждениями КОНР и Главным управлением пропаганды, начальником которого являлся. В конце апреля 1945 выехал в сторону швейцарской границы для продолжения переговоров о спасении формирований войск КОНР. 18 мая интернирован американцами и доставлен в лагерь Секкенхайм, позднее переведен в лагерь американской разведки в Оберруселе. 1 мая 1946 передан советским представителям. Участник «процесса» 30 июля — 1 августа 1946. На основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 июля 1946 осужден ВК ВС СССР к смертной казни и повешен. Подробнее о нем, см.: Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945 / 2-е изд. Биографический справочник. М., 2009. С. 399–411.

(обратно)

527

Кромиади Константин Григорьевич (1893, с. Дивик Карской обл. — 25 апреля 1990, Мюнхен) — начальник личной канцелярии А. А. Власова (1944–1945), полковник (1920). Участник Первой мировой войны, поручик (на 1917), Георгиевский кавалер (1918). В 1919–1920 — в белых войсках на Юге России. После 1920 — в эмиграции в Берлине, работал таксистом. В 1942–1943 участвовал в создании русских антисоветских формирований на Восточном фронте (соединение «Граукопф» или РННА и др.). С сентября 1943 — комендант штаба А. А. Власова, с сентября 1944 — начальник личной канцелярии. После 1945 — в американской оккупационной зоне Германии. Один из создателей СБОНР (1947–1948). В 1950-е — начальник отдела кадров радиостанции «Освобождение», затем на пенсии. Подробнее о нем, см.: Там же. С. 523–531.

(обратно)

528

Стремутка Псковского р-на Псковской обл.

(обратно)

529

Ср. с записью от 16 мая 1943 из дневника В. А. Пирожковой: «Много споров идет вокруг Хроменко, но вижу, что он не популярен в Пскове и, пожалуй, ему следовало бы перебраться куда-нибудь в другое место. К этому склоняется и И. С. Боженко. Но Хроменко воспринимает эту версию весьма болезненно, он воспринимает это как личное оскорбление. У него даже вырвалась фраза: “Меня хотят свалить, но скорее я свалю”. Дело не в сваливании, а в пользе дела».

(обратно)

530

Автор имеет в виду квартировавший с 10 мая 1943 в населенном пункте Крышова (затем Стремутка, в 17 км от Пскова) 1-й батальон (около 650 чел. к июлю 1943), который по замыслу СС штурмбаннфюрера С. Н. Иванова, генерал-лейтенанта РОА Г. Н. Жиленкова, полковника К. Г. Кромиади и др. должен был послужить основой для формирования 1-й ударной Гвардейской бригады РОА. Личный состав батальона состоял из военнослужащих, переведенных в апреле 1943 из Особой бригады СД «Дружина» подполковника (СС оберштурмбаннфюрера) В. В. Гиля (пропагандистский взвод и учебный батальон). Непосредственно курировал акцию СС оберштурмбаннфюрер доктор Г. Грейфе. При штабе формирования находилась группа связи СС штурмбаннфюрера Хайнца. В задачу бригады (командир — С. Н. Иванов, помощник — И. К. Сахаров, начальник штаба — К. Г. Кромиади) входили фронтовая разведка и повстанческие операции под политическими лозунгами Русского комитета в тылу Красной армии. Бригада проектировалась двухполкового состава: полк особого назначения предполагался для создания антисоветского подполья и ведения антисталинской пропаганды от имени РОА; пехотный полк должен был принимать участие в разведках боем на фронте и захвате «языков». На должности командиров полков намечались кандидатуры командиров Красной армии А. М. Бочарова и И. М. Грачёва, кадрового разведчика штаба Ленинградского фронта (на 1941). Начальником штаба 1-го батальона был поручик (быв. лейтенант Красной армии) В. П. Зинченко. Летом 1943 батальон трижды привлекался к антипартизанским операциям. Однако после перехода большей части военнослужащих бригады «Дружина» на сторону белорусских партизан в августе 1943 политическая разведка СД отказалась от замысла по созданию 1-й ударной Гвардейской бригады РОА, ее старший командный состав был отозван в Берлин. Осенью 1943 отдельные подразделения 1-го батальона передали в другие формирования. Часть его военнослужащих (около 150 чел.) перешла на сторону партизан, а остатки подразделения оказались расформированы осенью 1943.

(обратно)

531

Васильев Михаил Фёдорович (1896 — после 1960) — подполковник ВС КОНР (1945). Сын офицера. На октябрь 1917 — юнкер Александровского военного училища, участвовал в боях в Москве. При защите градоначальства взят в плен красногвардейцами и исколот штыками, чудом оставшись в живых. В 1918–1919 скрывался в Москве. В 1920 мобилизован в РККА. В 1932–1938 служил в управлении противовоздушной обороны Штаба РККА и Наркомата обороны (?). В 1938 арестован органами НКВД, затем находился в лагерях Северного Урала (1938–1941). Летом 1941 освобожден. В 1941–1942 — на фронте в звании капитана, служил в зенитном полку. В сентябре 1942 тяжело ранен и взят в плен в р-не Сталинградского тракторного завода. По излечении из лагеря военнопленных поступил на курсы пропагандистов в Вульхайде. Окончил Дабендорфскую школу РОА (1943), затем — в Восточных войсках Вермахта. Майор (1944), служил пропагандистом в войсках группы армий «Север». С марта 1945 — начальник Управления уполномоченного КОНР в Курляндии. В мае 1945 бежал из Курляндии в Швецию, насильственной выдачи избежал. В 1945—

1946 — в Швеции, затем в эмиграции в Ирландии. Подробнее о нем, см.: Александров К. М. Указ. соч. С. 244–250.

(обратно)

532

Не установлен.

(обратно) 533

Курсы были открыты к 14 июня 1943 при участии Т. П. Лабутиной, В. А. Пирожковой и др.

(обратно)

534

Свидетельство Р. В. Полчанинова: «Знаю точно, что они не жили в лагере военнопленных и не имели иной работы, кроме подготовки к выступлениям».

(обратно)

535

22 июня 1943 сводная рота (по другим данным — весь батальон) под командованием полковника К. Г. Кромиади принимала участие в параде Псковского гарнизона Вермахта.

(обратно)

536

Капитан Г. П. Ламсдорф.

(обратно)

537

На самом деле — два автоматчика.

(обратно)

538

Ср. с записью от 14 июня 1943 из дневника В. А. Пирожковой: «Хорошо, что РОА показалась в городе с русским флагом».

(обратно)

539

Боярский Владимир Ильич [наст. Баерский Владимир Гилярович] (10 декабря 1901, с. Бродсцок Бердичевского уезда Киевской губ. — 5 мая 1945, Пршибрам, юго-восточнее Праги) — зам. начальника штаба ВС КОНР, генерал-майор ВС КОНР (1945). Сын рабочего. В РККА с 1920, член ВКП(б) в 1941–1942. Участник гражданской войны, принимал участие в боевых действиях на Западном фронте (1920), против формирований Повстанческой армии Н. И. Махно (1921), повстанцев в Дагестане и Грузии (1922–1924). Окончил пехотные курсы (1922), 2-ю Тифлисскую пехотную школу и Высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА им. Коминтерна (1925), Военную академию им. М. В. Фрунзе по I категории (1937). В 1920–1922 служил в 55-м полку 7-й стрелковой дивизии, в 1926–1932 — на командирских должностях до начальника штаба полка включительно в 111-м полку 37-й стрелковой дивизии. В 1932–1934 — и. д. командира 80-го полка 27-й стрелковой дивизии. По окончании академии преподавал тактику на Высших стрелково-тактических курсах усовершенствования командиров пехоты «Выстрел». В сентябре 1938 в звании майора уволен в запас. Призван из запаса в марте 1939 и назначен помощником начальника штаба 3-й стрелковой дивизии, с лета 1940 — зам. начальника штаба 18-го стрелкового корпуса Дальневосточного фронта. Полковник (1941). В 1941 — начальник штаба 31го стрелкового корпуса, с которым участвовал в боевых действиях в составе войск 5-й армии ЮгоЗападного фронта (до сентября 1941).

При выходе из Киевского «котла» ранен. С января 1942 — командир 41-й стрелковой дивизии ПриВО. Пленен после разгрома дивизии (в составе 6-й армии) на Юго-Западном фронте 25 мая 1942. Содержался под псевдонимом в особом опросном лагере под Винницей. 3 августа 1942 совместно с А. А. Власовым составил обращение к командованию Вермахта об организации антисталинской военно-политической борьбы на основе привлечения военнопленных и населения оккупированных территорий. С 1 сентября 1942 — русский командир подразделения Абвера № 203 (РННА). В декабре 1942, отказавшись выполнять приказ генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге о расформировании части, вместе с Г. Н. Жиленковым арестован и отозван в Берлин. В первой половине 1943 — офицер по руководству и обучению Восточных войск при штабе 16-й армии группы армий «Север». Снят с должности за своенравный характер. В 1943–1944 — инспектор восточных добровольческих частей. Осенью 1944 принимал активное участие в организации штаба войск КОНР. С 28 января 1945 — зам. начальника штаба ВС КОНР генерал-майора Ф. И. Трухина. В апреле находился в составе Южной группы войск КОНР. 5 мая 1945 по заданию начальника штаба выехал из деревни Разбоден под Каплице (Чехия) в р-н Праги для установления связи с Северной группой и А. А. Власовым. При проезде через Пршибрам захвачен чешскими партизанами просоветской ориентации и повешен. Подробнее о нем, см.: Александров К. М. Указ. соч. С. 169–180.

(обратно)

540

Ср. с записью от 14 июня 1943 из дневника В. А. Пирожковой: «Сегодня был снова парад частей РОА и немецких частей, играл хороший немецкий оркестр летчиков. Выступал полковник Боярский, но нельзя сказать, чтобы его речь была особенно хороша».

(обратно)

541

Сахаров Игорь Константинович (7 августа 1912, Саратов — 1977, Австралия) — полковник ВС КОНР. Сын Генерального штаба генерал-лейтенанта К. В. Сахарова (1881–1941). В 1923 выехал с семьей из СССР, в эмиграции в Германии. В 1930-е он служил в армиях Аргентины, Уругвая, Китая. Участник Гражданской войны в Испании 1936–1939, лейтенант Национальной армии. Чин полковника русской службы получил от отца (1941). В 1942–1943 участвовал в создании русских антисоветских формирований на Восточном фронте (соединение «Граукопф» или РННА и др.). После возвращения в Берлин из-под Пскова (1943) — оперативный адъютант А. А. Власова. Зимой 1945 — командир добровольческого ударного противотанкового отряда (Panzerjäger-sturmgruppe), личный состав которого отличился в частной наступательной операции на Одере 8–9 февраля 1945 и в боевых действиях в р-не Штеттина. Затем — командир 1604-го русского полка (с 16 апреля — 4-й полк 1-й пехотной дивизии войск КОНР). Участник боев в Праге 5–8 мая 1945. Насильственной репатриации в СССР избежал. После 1945 — в американской и французской зонах оккупации в Германии. Участвовал в спасении советских граждан от репатриаций. Участвовал в деятельности САФ (1948–1950) и КОВ (с августа 1950). После 1950 — в эмиграции в Австралии. В 1960-е владел небольшим магазином в Брисбене. С 1970 (1971?) член СБОНР. Подробнее о нем, см.: Александров К. М. Указ. соч. С. 738–745.

(обратно)

542

Гавринский Владимир (1908–1945) — капитан ВС КОНР. В Красной армии — старший лейтенант, командир батареи. В РОА с 1943. Трижды перебрасывался через линию фронта с

(обратно)

разведывательно-диверсионными заданиями. Имел девять наград, в т. ч. по некоторым данным ордена Железных Крестов II и I кл. Зимой 1945 зачислен в личную охрану А. А. Власова. В конце февраля 1945 на вокзале в Нюрнберге в результате ссоры из-за места в поезде застрелен немецким фельдфебелем.

543

Не установлен.

(обратно)

544

Не установлен.

(обратно) (обратно)

Примечания к "Каров Д. П. Немецкая оккупация и советские люди в записках русского офицера Абвера, 1941–1943 годы.":

545

Каров [наст. Кандауров] Дмитрий Петрович (1902–1961) — офицер Абвера (1941–1944) и ВС КОНР (1945). Покинул Россию в 1919. С 1920 — в эмиграции в Париже. Окончил русскую гимназию, университет. Работал в коммерческих домах. Окончил школу гимнастики и открыл собственную. После оккупации Франции (1940) работал на немецком аптечном складе. Летом 1940 уехал по трудоустройству в Германию, в 1940–1941 — переводчик на авиадвигательном заводе (Deutsche Edelstahl werke) под Ганновером. В конце 1940 дал согласие представителю заводской службы безопасности служить в немецких разведорганах в случае войны с СССР до создания независимого Российского государства. Одновременно проходил спецподготовку в Ганновере (ориентирование, спорт, стрельба и т. д.). Весной 1941 занимался разоблачением агентуры западных коммунистических партий среди рабочих предприятия. После 22 июня 1941 выехал в Берлин и потом через Мемель и Виндаву в Ригу. Осенью 1941 прикомандирован к отряду морской разведки. С декабря 1941 — на службе в отделе 1с штаба 18-й армии (группа армий «Север»). Лейтенант Вермахта (1942). Работал в Гатчине, Чудово и др. населенных пунктах. Во второй половине 1942 — в отпуске по ранению в Париже и Берлине. В 1943 — офицер 1с при 83-й пехотной дивизии (XLIII армейский корпус 3-й танковой армии) Вермахта, затем служил в разведоргане в Витебске и в разведотряде № 318. Участвовал в операциях против партизан 11-й Калининской бригады и др. формирований, в создании казачьего батальона (800 чел.) в Варшаве (октябрь-ноябрь 1943). С декабря 1943 — в отделе 1с при штабе 16-й армии. Командир отряда фронтовой разведки в Полоцке, затем откомандирован в Варшаву. С июля 1944 в Курляндии, участвовал в подготовке и заброске агентуры в советский тыл. Обер-лейтенант Вермахта (1945). В феврале 1945 с отрядом убыл в Германию. Участник боевых действий в Померании. За годы войны дважды тяжело ранен. Награды за отличия: Крест за военные заслуги II кл. с мечами (январь 1945). После расформирования разведотряда (март 1945) откомандирован в войска КОНР. С 28 марта — в Хойбсрге, прикомандирован к разведотделу штаба ВС КОНР. Капитан. После 16 апреля — в составе Южной группы войск КОНР. В 1945–1946 — в американском плену в лагере Дахау, чудом пережил насильственные выдачи 1946.

После освобождения — в американской оккупационной зоне Германии. Член САФ и СБОНР. В эмиграции в ФРГ с 1949. В 1950-е сотрудник Института по изучению истории и культуры СССР (Мюнхен). Трагически погиб в Мюнхене при невыясненных обстоятельствах.

Источник: НИА. Collection В. Nikolaevsky. Box 280. Folder 280-5. Фрагменты из мемуаров: «Русские на службе в немецкой разведке и контрразведке» (около 1950). Машинопись. Заголовок авторасоставителя сборника.

(обратно)

546

Ср. с одним наблюдением автора о реакции местного населения (р-н Виндавы): «Все жители имели пришибленный вид и больше всего боялись, что немцы уйдут и вернутся большевики».

(обратно)

547

Ср. с другим фрагментом из мемуаров Д. Карова: «Латыши, узнав, что я русский [эмигрант], наперебой приглашали меня к себе и рассказывали ужасные вещи о советском владычестве. Я ездил осматривать тюрьмы НКВД в Риге и видел фотографии, сделанные с груды тел расстрелянных там людей. Поразил меня также подвал, в котором производились расстрелы, всюду были следы пуль, мозга и крови».

(обратно)

548

Не установлен.

(обратно)

549

Ср. с воспоминаниями Н. М. Февра, побывавшего по пути на родину в Риге и Таллине в декабре 1941: «И латыши, и эстонцы не склонны делать разницы между советской властью и русским народом. Для них все русское сопровождается отныне этим самым “курят” [черт. — К А.]. Когда-то слово “русский” открывало все двери в Прибалтике. Большевики за полтора года своего пребывания здесь прочно закрыли все эти двери. Бояться и ненавидеть русских научились и латыши, и эстонцы. Но любить и уважать разучились надолго. Может быть — навсегда».

(обратно)

550

В первые июльские дни немецкой оккупации Риги латышские полицейские убили около пятисот рижских евреев. Всего за годы нацистской оккупации в Латвии были уничтожены от 77 тыс. до 85 тыс. евреев.

(обратно)

551

В оккупированной Эстонии оказалось примерно 2000 евреев, из которых к 1942 были уничтожены около тысячи человек.

(обратно)

(обратно)

552

Не установлен.

(обратно)

553

Клейст фон, X — обер-лейтснант Вермахта, барон. Родственник Э. фон Клейста. На сентябрь 1941 — офицер 1с при штабе 18-й армии группы армий «Север». В сентябре 1941 выступил с инициативой создания казачьих формирований в составе Вермахта.

554

Не установлен.

(обратно)

555

Возникший осенью 1941 по инициативе барона X. фон Клейста отряд не был первым русским боевым подразделением, появившимся в Вермахте на Восточном фронте. Например, к 24 августа в Вслиж (северо-восточнее Витебска) на базе 9-й моторизованной роты капитана Г. Титьсна 18-го пехотного полка 6-й пехотной дивизии (VI армейский корпус 9-й армии Вермахта) завершилось создание русской штурмовой группы (Angriffgruppe) «Белый крест». Ее русским полевым командиром стал выпускник Николаевского кавалерийского училища, чин РОВС капитан А. П. Заустинский (Заусцинский; в кадрах РОВС — ротмистр 1-го лейб-драгунского Московского Императора Петра Великого полка).

(обратно)

556

Автор имеет в виду основное орудие дивизионной артиллерии Вермахта (с 1935) — 10,5-см легкую полевую гаубицу обр.18 (10,5-см le.F.H.18).

(обратно) 557

Капитан Вермахта, один из непосредственных начальников автора мемуаров.

(обратно)

558

Старинная водская деревня (историческое название Savirja), располагалась в южной части Лужской губы Финского залива.

(обратно)

559

Не установлен.

(обратно)

560

Не установлен.

(обратно)

561

Не установлен.

(обратно)

562

От нем. Geheime Feldpolizei — Тайная полевая полиция.

(обратно)

563

Юденич Николай Николаевич (1862–1933) — герой Первой мировой войны, генерал от инфантерии (1915). В 1919 — Главнокомандующий Российскими Вооруженными сухопутными и морскими силами на Северо-Западе.

(обратно)

564

Главное управление пограничной охраны НКВД СССР.

(обратно)

565

Не установлена.

(обратно)

566

С 1938 — поселок городского типа в Гатчинском р-не Ленинградской обл.; здесь же — одноименная железнодорожная станция в 57 км к югу от Ленинграда.

(обратно)

567

Ленинградский штаб партизанского движения был создан 27 сентября 1941 под руководством секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) М. Н. Никитина с целью организации и координации деятельности партизанских формирований на территории Ленинградской обл. Находился на ул. Восстания, 41; с сентября 1943 — на ул. Герцена (Б. Морская ул.), 59. В состав членов штаба входили начальник областного управления НКВД П. Н. Кубаткин, зав. военным отделом обкома М. Ф. Алексеев, начальник разведотдела Ленинградского фронта П. П. Евстигнеев и др.

(обратно)

568

(обратно)

Не установлен.

(обратно)

569

Не установлен.

(обратно)

570

Не установлен.

(обратно)

571

В Хойберге (земля Вертюмбсрг, западнее Ульма) в апреле 1945 размещался центральный штаб войск КОНР.

(обратно)

572

Николай Вальтер (1873 — после 1945) — полковник (на 1918), начальник разведывательного отдела IIIb (Geheimer Nachrichtendienst des Heeres) германского Генерального штаба в 1913–1919.

(обратно)

573

Туликов Алексей Георгиевич — поручик ВС КОНР. Служил во флоте (старшина?), перебежал к противнику в 1941. В 1942–1944 — командир 1-й русской группы при отделе 1с штаба XXXVIII армейского корпуса (18-я армия Вермахта) с базированием в деревне Слудица Ленинградской обл. Неоднократно забрасывался в советский прифронтовой тыл, водил разведгруппы через линии фронта. Офицер войск КОНР в 1944–1945, служил в разведотделе штаба ВС КОНР. В мае 1945 на территории Чехии расстрелян чешскими партизанами.

(обратно)

574

Не установлена.

(обратно)

575

По состоянию на 1950.

(обратно)

576

Не установлен.

(обратно)

577

От нем. Kommandeur des rückwärtigen Armeegebietes (Korück) — Командующий армейской тыловой обл.

(обратно)

578

Не установлен.

(обратно)

579

Не установлен.

(обратно)

580

Не установлен.

(обратно)

581

Тимошенко Семён Константинович (1895–1970) — нарком обороны СССР (1940–1941), маршал (1940), Герой Советского Союза (1940, 1965). Участник Первой мировой войны. В РККА с 1918. Член Коммунистической партии с 1919. Член ЦК ВКП(б) в 1939–1952, кандидат в члены ЦК КПСС в 1952–1970.

(обратно)

582

Немцы оставили Тихвин 9 декабря 1941.

(обратно) 583

Вырица — поселок в Гатчинском р-не Ленинградской обл., на р. Оредеж, в 60 км от Ленинграда.

(обратно)

584

Перечисленные здесь агенты не установлены.

(обратно)

585

Не установлен.

(обратно)

586

Не установлена.

(обратно)

587

Село в Тосненском р-не Ленинградской обл.

(обратно)

588

Не установлена.

(обратно)

589

Канарис Фридрих Вильгельм (1887–1945) — начальник управления немецкой военной разведки и контрразведки (Абвера) в 1935–1944, адмирал (1940).

(обратно)

590

С 1937 — город районного подчинения Новгородской обл.

(обратно)

591

Деревня в Тосненском р-не Ленинградской обл.

(обратно)

592

Полицейской генерал-полковника полиции А. Вюнненберга.

(обратно)

593

Не установлен.

(обратно)

594

Не установлен.

(обратно)

595

Не установлен.

(обратно)

596

Все священники наотрез отказались давать какие-либо сведения для меня, хотя я и предлагал им исключительно хорошие условия. — Прим. Д. К.

(обратно)

597

(обратно)

598

В р-не Витебска, в оперативном тылу 3-й танковой армии группы армий «Центр» с зимы 1943 действовал штаб полка Восточных войск особого назначения № 703-й, которому подчинялись: I дивизион — 622-й и 623-й казачьи батальоны, II дивизион — 624-й и 625-й казачьи батальоны, а

также 638-я казачья рота. Летом 1943 перечисленные казачьи подразделения были сведены в 750й восточный полк майора (позднее подполковника) Э. В. фон Рентельна, отправленный осенью во Францию.

(обратно)

599

Кроме казачьих подразделений в тылу 3-й танковой армии в 1943 несли службу 3–6/508-я туркестанские роты снабжения, 4/18-я волжско-татарская строительная рота, восточные роты — 59-я, 639-я, 644-я, 645-я охранные, 703-я учебная, 3/608-я снабжения.

(обратно) (обратно)

Примечания к "Письмо Л. Н. Леонидова-Польского — Г. А. Беликову": 600

Письмо Л. Н. Леонидова-Польского [1990] — ставропольскому краеведу Г. А. Беликову. Впервые опубликовано: Беликов Г. А. Письма периода перестройки (Л. Н. Польский — Г. А. Беликову) // Тимофеев Н. С. Война и судьбы. Нсвинномысск, б. г. С. 116–132. Автор-составитель сердечно благодарит Н. С. Тимофеева и Г. А. Беликова за возможность повторной публикации.

Польский [Леонидов-Польский] Леонид Николаевич (24 октября 1907, Казьминка близ станицы Нсвинномысская Баталпашинского отдела Обл. Войска Кубанского — 18 июня 1993, Пятигорск Ставропольского края) — краевед, журналист. Сын священника. В детстве с родителями жил на Кубани, во время Гражданской войны — ученик Ставропольской 2-й мужской гимназии, прислуживал чтецом в церкви Александровской женской гимназии. Отец подвергался репрессиям (1937). До войны — корреспондент газеты «За индустриализацию» (до 1937), «Ленинградская правда» и др. изданий. Жил и работал в Ленинграде. В 1941–1942 — в блокаде, выехал на Северный Кавказ. Разведуправлением штаба Северо-Кавказского фронта оставлен в Ставрополе в качестве резидента, на связь с которым никто не вышел; радистка погибла при бомбардировке Армавира. В оккупации с 3 августа 1942. С конца августа — в газете «Ставропольское слово» («Утро Кавказа»). Автор одной из первых мемуарных статей об ужасах Ленинградской блокады (1942). В январе 1943 эвакуировался на Запад. Редактор газеты «Казачий клинок» (1943), центральной газеты «Казачья лава» (Потсдам, 1944–1945), есаул казачьих войск в составе Вермахта (на 1944). В 1945 выехал в Северную Италию, в Отдельный казачий корпус генералмайора Т. И. Доманова, войсковой старшина (на 1945). 28 мая 1945 вместе с другими казачьими офицерами в Юденбурге выдан британским командованием советской военной администрации. 5 ноября 1945 военным трибуналом ЗапсиБВО по ст. 58-1 «б» УК РСФСР осужден на 10 лет лагерей. Старший диспетчер на строительстве тоннеля

БАМ-2 (1949–1950). 7 января 1950 ВК ВС СССР определением № 5-1795/45 ранее вынесенный приговор отменила и направила дело на доследование. 1 ноября 1950 военным трибуналом СКВО повторно осужден на 25 лет лагерей. Был старшим экономистом в особом лагере № 6 (литера № 1 Л-3 54, Речлаг, Коми АССР) на Воркуте, руководителем группы таксировщиков на шахте № 40 комбината «Воркутауголь». В 1953 мера наказания снижена до 10 лет. 14 сентября 1955 освобожден из мест заключения. Возвратился на Северный Кавказ, жил и работал в Пятигорске. Автор многочисленных фундаментальных краеведческих трудов по истории Ставропольского края. Вместе с женой Е. Б. Польских деятельно занимался распространением самиздата и тамиздата (произведений М. А. Булгакова, А. И. Солженицына и др.), превратив собственную квартиру в неформальный центр культурной жизни интеллигенции городов КавМинВод. Похоронен в Пятигорске.

(обратно) 601

Беликов Герман Алексеевич (род. 10 февраля 1933) — историк-краевед. Сын учителя истории. Окончил географический факультет Ставропольского педагогического института. Участник экспедиций по Кавказу, Крыму, Уралу. Работал в Ставропольской школе № 3 и в Доме пионеров, преподавал на географическом факультете Ставропольского педагогического института. Организатор историко-краеведческих и географических экспедиций. Старший научный сотрудник краеведческого музея, автор многочисленных публикаций и 11 книг. Почетный гражданин города Ставрополя, член Союза писателей России.

(обратно)

602

В 1935–1943 — Ворошиловск Орджоникидзевского края.

(обратно)

603

Постановление ГКО от 31 июля об эвакуации поступило через представителя Северо-Кавказского фронта лишь 11 августа, спустя 8 суток после оккупации. Бюро крайкома ВКП(б) приняло постановление об эвакуации 30 июля, а фактически эвакуация Ворошиловска началась в условиях стихийной паники и хаоса 27 июля 1942.

(обратно) 604

По состоянию на 3 августа 1942 группой армий «А» командовал генерал-фельдмаршал В. Лист.

(обратно) 605

Клейст фон, Эвальд Пауль Людвиг (1881–1954) — генерал-фельдмаршал (1943). В службе с 1900. Участник Первой мировой войны, офицер Генерального штаба. Монархист. На момент оккупации Ставрополя — командующий 1 — й танковой армией группы армий «А». С 21 ноября 1942 — командующий группой армий «А». Противник нацистской оккупационной политики, сторонник тесного сотрудничества с народами Советского Союза. Широко привлекал местное население в войска вверенной ему группы армий. В 1944 уволен в отставку. После 1945 — в югославском и советском плену. В СССР осужден на 25 лет лагерей (1952). По официальной версии, умер в советском плену от острой сердечной недостаточности.

(обратно)

606

В часы бомбардировки Ставрополя я с родителями был в той роще, бывшей Воронцовской, и хорошо помню, как там обосновались немцы. Об этом подробно рассказал в своей книге «Оккупация». — Прим. Г. А. Беликова. См.: Беликов Г. А. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 — январь 1943. Ставрополь, 1998.

(обратно) 607

То были курсанты не авиационного училища, а Житомирского пехотного. — Прим. Г. А. Беликова.

(обратно)

608

Из докладной записки 1-го секретаря Ставропольского крайкома М. А. Сулова в ЦК ВКП(б) от 8 сентября 1942: «Около 3 тысяч тяжелораненых из 32 тысяч эвакуированных раненых остались на территории, занятой противником».

(обратно)

609

В соседнем Микоян-Шахаре (Черкесске) при эвакуации семь политзаключенных были повешены сотрудниками НКВД в местной тюрьме, многих расстреляли на этапе на станицу Кардоникскую.

(обратно)

610

Сулов Михаил Андреевич (1902–1982) — 1-й секретарь Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) в 1939–1944. Из крестьян Саратовской губ. В 1918–1920 работал в комбеде.

Член Коммунистической партии с 1921. Окончил Московский институт народного хозяйства (1928). С 1931 — в номенклатуре ЦК ВКП(б). Заведующий отделом, секретарь Ростовского обкома ВКП(б) (1937–1939). Член Военного совета Северной группы войск Закавказского фронта и начальник штаба партизанского движения края (1941–1943). Инициатор уничтожения колокольни Казанского кафедрального собора в Ставрополе (1943). Один из организаторов депортации карачаевцев (1943). В 1944–1946 — председатель бюро ЦК по Литовской ССР, организатор насильственной коллективизации в Литовской республике и борьбы против сил национального сопротивления. С марта 1946 — в аппарате ЦК партии, секретарь ЦК (с 1947), курировал печать, радио. Член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС (1952–1953, с 1955). После 1964 — фактически второе лицо по степени влияния в КПСС. Один из представителей высшей партийной номенклатуры, принимавших решение о вводе советских войск в Афганистан (1979). В личной жизни был подчеркнута аскетичен. Дважды Герой Социалистического Труда (1962, 1972).

(обратно)

611

Аппарат крайкома ВКП(б) с Суловым умчал на двух грузовых машинах и «эмке» в 15.00 3 августа через Татарку, станицу Темнолесскую и далее на Кизляр. — Прим. Г. А. Беликова.

(обратно) 612

Меркулов Сергей Никитич — первый бургомистр Ставрополя в период оккупации (1942).

(обратно)

613

К моменту поспешной эвакуации по разным оценкам на складе у железной дороги хранилось 3000 тонн зерна, а на городском складе на Ярмарочной площади — 1,8 тыс. тонн. Склады были подожжены, но их рабочим чудом удалось спасти 2000 тонн хлеба. В Черкесске представители органов советской власти при эвакуации взорвали хлебокомбинат, уничтожив запасы муки и выпеченного хлеба, городской водопровод, электростанцию, угольные шахты и два моста.

(обратно)

614

Автор имеет в виду программу академика С. С. Шаталина и заместителя председателя Совета министров РСФСР Г. А. Явлинского о переходе к свободному рынку за 500 дней (1990).

(обратно)

615

Письмо Л. Н. Леонидова-Польского написано в 1990.

(обратно)

616

В одном из документальных приложений, с которым познакомился автор-составитель настоящего сборника в НИ А (коллекция А. Д. Даллина), описывается существование в конце 1942 экспериментального и самоуправляющегося казачьего округа (160000 населения, в т. ч., по немецким оценкам, 40 % казаков) в тылу 17-й армии Вермахта на территории областей бывших казачьих войск. Приложение составлено на основании широкого круга немецких источников (более двадцати наименований) 1942–1943. Безымянный автор подчеркивал отсутствие на территории округа партизанского движения по причине «подавляюще антисоветской» позиции казаков на территории Дона и Кубани: «За несколько месяцев немецкой оккупации, с точки зрения немцев, отношение к ним населения было "дружественным" или "благоприятным". Даже если это и некоторое преувеличение, сравнительное количество безюенцев с этих территорий, равно как и последующее число участников в созданных вооруженных [казачьих. — К. А.] формированиях, свидетельствуют о его обоснованности. Нет данных о том, что до появления немцев, как свидетельствует небольшая группа казачьих эмигрантов, существовали какие-либо сепаратистские настроения. Несмотря на романтические реминисценции, все доклады казаков, насколько я могу проследить, не свидетельствуют об особом казачьем самосознании, которое побуждало бы их к отделению от России и присоединению к кавказцам <...> Количество добровольцев было значительным; германские инстанции надеялись набрать 25000 казаков». Тыловые органы 17-й армии «в начале 1943 года снова рапортовали об отсутствии партизан на территории округа. Суммируя свои впечатления, правительственные чиновники и представители хозяйственного персонала единодушно оценили состоявшийся эксперимент как успешный».

(обратно)

617

Шолохов Михаил Александрович (1905-1984) — советский писатель. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1965, за роман «Тихий Дон»). Член Коммунистической партии с 1932, член ЦК КПСС с 1961. Авторство романа «Тихий Дон» до сих пор оспаривается.

(обратно)

618

Ср. с отрывком из письма в Париж русского эмигранта, участника Белого движения, осенью 1942 служившего в войсках Вермахта на южном крыле Восточного фронта: «Население станиц состоит, главным образом, из пришлых элементов, переселенных из всех областей России. Казаков осталось мало — стариков разогнали по всей России. Так, под Мелитополем пришлось случайно мне встретить в одном колхозе казачью семью из станицы Баталпашинской, переселенную сюда в 1932 году с Кубани. Старые казаки настолько забиты и придавлены большевиками, что открыто боятся называть себя казаками. Молодежь либо боится, либо мало знакома с этим понятием. Тем не менее, все они смеются над так называемыми "казачьими частями", которые по своему составу

никак не были таковыми. Много мужского населения угнано в Красную армию, но оно постепенно возвращается и горит ненавистью к большевикам».

(обратно)

619

Ср. с воспоминаниями В. Аксайского, казака станицы Богаевской Обл. Войска Донского: «Дня через три [после начала немецкой оккупации] пришел отец. Он скрывался на хуторах у своих родственников. На второй день за отцом пришли наши казаки и немецкий комендант и увезли в станицу. Мы переживали, но к вечеру отец вернулся с автоматом и пистолетом “ТТ” и сказал, что его выбрали начальником полиции. В Гражданскую войну он был сотником у генерала Назарова, и офицерский чин повлиял на решение казаков и немецкого коменданта. Немцы попавших в плен казаков отпускали домой. Поэтому уже через несколько дней отец собрал свою сотню из казаков наших хуторов и станиц».

В 1942 в оккупированных областях Юга РСФСР (Дон, Кубань, Ставропольщина) полицейские участки существовали почти в 4 тыс. населенных пунктов. В каждом участке служили от 5 до 30 человек из местного населения.

(обратно)

620

Из приказа от 17 февраля 1943 (Behandlung der Zivilbevölkerung im Operationsgebiet. 1943. Febr. 17) генерал-фельдмаршала Э. фон Клейста:

§ 1. Жители оккупированных восточных территорий в зоне ответственности группы армий «А» рассматриваются как союзники. Обращение с ними как с поработочными усиливает волю врага к сопротивлению и стоит немецкой крови.

§ 2. Обеспечение гражданского населения продовольствием, особенно хлебом, а также одеждой, топливом и товарами народного потребления должно быть улучшено в пределах, обусловленных военными обстоятельствами.

§ 3. Социальное обеспечение должно возрасти, например, в результате поставок в больницы лекарств и молока для женщин и детей. <.. >

§ 6. 20 % всех произведенных товаров народного потребления подлежат распределению среди гражданского населения.

§ 7. Аграрная реформа должна проводиться с большей тщательностью. В 1943 г. по крайней мере 50 % колхозов должны быть преобразованы в частные хозяйства. В оставшихся колхозах крестьянам выделяются индивидуальные участки в качестве освобожденной от налогов собственности. В подходящих случаях необходимо создавать индивидуальные фермы.

§ 8. Как правило, квота поставки сельскохозяйственных продуктов не будет превышать квоту, установленную при большевиках <...>

§ 12. Необходимо широкое развитие школьной системы <.. >

§ 14. Религиозная жизнь свободна и никогда не должна преследоваться.

Кроме того, в 1942 в 34 районах Ставропольского края оккупационные власти открыли 192 начальные школы, 13 семилетних, 15 гимназий.

(обратно)

621

По официальной версии, в Ставропольском крае с августа по декабрь 1942 действовали 40 партизанских отрядов, насчитывавшие в совокупности 1700 бойцов. Об указе Президиума Верховного Совета СССР о награждении ставропольских партизан (1943) бывший начальник комсомольского (молодежного) отдела краевой газеты «Орджоникидзевская правда» М. Лейбельман 60 лет спустя вспоминал так: «Однако, если так можно сказать, размах указа не соответствовал истинному размаху партизанского движения в Ставропольском крае».

(обратно)

622

Отряду было присвоено имя М. Ю. Лермонтова (не позднее октября 1942).

(обратно)

623

Не установлен.

(обратно)

624

Абрамова-Разуваева Клавдия Ильинична (1906–1942) — помощник прокурора Ставропольского края, партийный деятель. Арестована в сентябре 1942. На ее глазах были убиты дочери Маргарита и Валерия. Посмертно награждена орденом Отечественной войны I ст.

(обратно)

625

Не установлен.

(обратно)

626

Не установлен.

(обратно) 627

Попцова Нина (1922–1943) — разведчица. До войны работала в Пятигорске на фабрике им. Ильича ковроткачихой. В начале войны — медсестра, затем вступила в истребительный батальон НКВД. Осенью 1942 разведуправлением штаба Северо-Кавказского фронта несколько раз перебрасывалась в тыл противника для сбора сведений и визуального наблюдения. При выполнении очередного задания в районе Пятигорска была арестована и расстреляна 6 января 1943.

(обратно) 628

Левитан Юрий Борисович (1914–1983) — диктор Всесоюзного радио (с 1931).

(обратно)

629

В 1941–1942 на оккупированных территориях Советского Союза по более достоверным оценкам оказались от 65 млн. до 80 млн. человек.

(обратно)

630

От нем. KZ — Konzentrationslager — концентрационный лагерь.

(обратно) 631

Количество жертв, в т. ч. офицеров СС, сильно преувеличено автором письма.

(обратно)

632

Кавказских Минеральных Вод.

(обратно)

633

Сельвинский Илья Львович (1899–1968) — советский поэт, прозаик, драматург. Участник гражданской войны, в Севастополе был арестован белой контрразведкой, но по ходатайству друзей освобожден. Стихи писал с 1915. Окончил МГУ (1923). Автор многочисленных произведений, написанных в духе соцреализма. В годы войны — военный корреспондент.

(обратно)

634

От нем. Parteigenosse — товарищ по партии, член партии.

(обратно)

635

О судьбах многих, покинувших Ставрополь и отправившихся в Германию, я рассказал в книге «Оккупация», как, кстати, и о судьбе евреев, оставшихся в оккупированном Ставрополе, тогда Ворошиловске. — Прим. Г. А. Беликова.

(обратно)

636

Э. фон Клейст в зоне ответственности группы армий «А» осенью 1942 приказал преобразовать многочисленные общины в кооперативы и увеличить приусадебные участки. «Ни в коем случае нельзя забирать у крестьянина последнюю корову, кабана, овцу и т. д.», — предписывал в своей директиве командующий группой армий.

(обратно) 637

Паулюс Фридрих Вильгельм Эрнст (1890–1957) — генерал-фельдмаршал (1943). В службе с 1910. Участник Первой мировой войны. В 1942–1943 — командующий 6-й полевой армией. Отказавшись от самовольного прорыва из окружения без санкции Гитлера, принял на себя значительную долю

вины за гибель 6-й армии в Сталинграде. В советском плену (с августа 1944) участвовал в антигитлеровской пропагандистской деятельности. До 1953 содержался в разных тюрьмах, затем репатриировался в ГДР. Последние годы жизни провел в своеобразной моральной изоляции.

(обратно)

638

Гот Герман (1880–1971) — генерал-полковник (1940). В службе с 1904. Участник Первой мировой войны. В 1942–1943 — командующий 4-й танковой армией. В декабре 1942 не смог деблокировать окруженную группировку Паулюса, которому Гитлер запретил прорываться из «котла». После 1945 — в американском плену. В 1948 осужден на 15 лет тюремного заключения, в 1954 освобожден.

(обратно)

639

Не установлен.

(обратно)

640

Бросили целой и невредимой. — Прим. Г. А. Беликова.

(обратно)

641

Евдокимов Ефим Георгиевич (1891–1940) — руководящий сотрудник советских органов госбезопасности. Из рабочих. Член партии эсеров, затем анархист. Участник Октябрьского переворота 1917 и боев в Москве. Член Коммунистической партии с 1918. В органах ВЧК с 1919. С 1923 — полномочный представитель ОГПУ по Северо-Кавказскому краю. В 1929–1931 — начальник Секретно-оперативного управления и член Коллегии ОГПУ. С августа 1931 — полномочный представитель ОГПУ по Ленинградской обл. В 1932–1934 — полномочный представитель ОГПУ на Северном Кавказе. Один из организаторов массового уничтожения русского и инородческого населения Северного Кавказа путем организации искусственного голода (1932–1933), руководил подавлением местных антиколхозных восстаний. 1-й секретарь СевероКавказского (1934–1936) и Азово-Черноморского крайкомов (1937), затем — Ростовского обкома ВКП(б). Заместитель наркома водного транспорта (1938). Репрессирован и расстрелян. Реабилитирован (1956).

(обратно)

642

Шамиль (1797–1871) — третий имам Дагестана и Чечни, лидер исламского военно-теократического государства в период Кавказской войны 1817–1864. Пленен русскими в 1859.

(обратно)

643

Знамя рейха, штандарты 1-й и 4-й горнострелковых дивизий были установлены на Эльбрусе горными стрелками под командованием капитана Грота и капитана Гэммерлера 21 августа 1942.

(обратно)

644

По немецким данным, 3,8 млн. (в т. ч. более двухсот тысяч перебежчиков).

(обратно)

645

По результатам действий армии в период контрнаступления зимой 1941/42 командующему 20-й армией Западного фронта генерал-майору А. А. Власову 24 января 1942 было присвоено звание генерал-лейтенанта. 2 января 1942 награжден орденом Красного Знамени.

(обратно)

646

В директиве Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 30126 от 12 мая 1943 за подписями И. В. Сталина, А. М. Василевского и Г. К. Жукова, адресованной командующим фронтами, военными округами и отдельными армиями, утверждалось: «Сообщаем для сведения фронтов, армий, корпусов и дивизий, что считавшиеся ранее пропавшими без вести бывший генерал-лейтенант В. Я. Качалов, командующий 28-й армией, генерал-лейтенант А. А. Власов, командующий 2-й Ударной армией, генерал-майор П. Г. Понеделин, командующий 12-й армией, и генерал-майор В. Ф. Малышкин, начальник штаба 19-й армии, согласно надежным источникам, изменили родине, перешли на сторону врага и в настоящее время сотрудничают с немцами в борьбе против нашей родины и против Красной Армии».

(обратно)

647

Апанасенко Иосиф Родионович (1893–1943) — генерал армии (1941). Участник Первой мировой войны, прапорщик. После Октябрьского переворота 1917 в РККА. Член Коммунистической партии с 1918. Командующий войсками САВО (1938–1941), Дальневосточным фронтом (1941–1943), зам. командующего войсками Воронежского фронта (1943). Умер от ран.

(обратно)

648

Доватор Лев Михайлович (1903–1941) — генерал-майор (1941), Герой Советского Союза (посмертно, 1941). В РККА с 1924, член ВКП(б) с 1928. Командир 3-го (2-го гвардейского) кавалерийского корпуса (1941). Погиб в рейде по тылам противника.

(обратно)

649

Белов Павел Алексеевич (1897–1967) — генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1944). В РККА с 1918, член ВКП(б) с 1925. В 1941–1942 — командир 2-го (1-го гвардейского) кавалерийского корпуса, с которым находился в окружении в первой половине 1942. Затем на командных должностях. В отставке с 1960.

(обратно)

650

Плиев Исса Александрович (1903–1979) — генерал армии (1962), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В РККА с 1922, член ВКП(б) с 1926. В 1941–1944 командовал 2-м, 5-м, 3-м и 4-м гвардейскими кавалерийскими корпусами, затем — 1-й гвардейской конно-механизированной группой. После войны командовал армией (1946–1955), войсками СКВО (1958–1968). 1–2 июня 1962 руководил войсками при подавлении волнений в Новочеркасске и расстреле мирной рабочей манифестации, участники которой протестовали против снижения расценок и роста цен.

(обратно)

651

Селиванов Алексей Гордеевич (1900–1949) — генерал-лейтенант (1944). В 1941–1944 — командир 23-й кавалерийской дивизии, 15-го кавалерийского корпуса, командующий советскими войсками в Иране, командир 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса.

(обратно) 652

«Товарищ Ворошилов, война уж на носу, // А конница Будённого пошла на колбасу».

(обратно) 653

За годы коллективизации поголовье лошадей в СССР упало с 34 млн. (на 1929) до 16,6 млн. (1933).

(обратно)

654

Будённый Семён Михайлович (1883–1973) — маршал Советского Союза (1935). В 1924–1937 — инспектор кавалерии РККА.

(обратно)

655

Ландога Иван Ильич (1884-7) — руководитель казачьего ансамбля (1942). Жил и работал в Кисловодске. После отступления Вермахта 28 января 1943 арестован органами НКВД. Дальнейшая судьба не установлена.

(обратно)

656

Накануне «большого террора» в 1936 началась символическая реабилитация казачества (снятие с казаков ограничений по службе в РККА, создание казачьих кавалерийских частей в Красной армии и т. д.). 23 апреля 1936 для личного состава терских и кубанских казачьих частей в РККА было введено особое выходное (парадное) обмундирование, состоявшее из кубанки, бешмета, черкески, шаровар темно-синего цвета, бурки и башлыка. В 1936 был создан Кубанский казачий хор, в 1938 при хоре возникла танцевальная группа, и он был преобразован в Государственный ансамбль песни и пляски кубанских казаков. К июню 1941 из 13 кавалерийских дивизий РККА лишь одна являлась казачьей — 6-я Кубано-Терская Чонгарская Краснознаменная ордена Ленина кавалерийская дивизия имени С. М. Буденного (Ломжа), в состав которой входили: 3-й

Белореченский Кубанский, 48-й Белоглинский Кубанский, 94-й Северо-Донецкий Кубанский, 152-й Ростовский Терский казачьи кавалерийские и 35-й Кубанский танковый полки, 15-й Терский казачий конно-артиллерийский дивизион и 17-й Терский саперный эскадрон.

(обратно)

657

Ср. это суждение автора письма с отрывком из воспоминаний сержанта Н. Н. Никулина, который провел всю войну на передовой и выжил только потому, что был четыре раза ранен и некоторое время находился на излечении в госпиталях: «Если бы немцы заполнили наши штабы шпионами, а войска диверсантами, если бы было массовое предательство и враги разработали бы детальный план развала нашей армии, они не достигли бы того эффекта, который был результатом идиотизма, тупости, безответственности начальства и беспомощной покорности солдат. Я видел это в Погостье, а как оказалось, это было везде.

На войне особенно отчетливо проявилась подлость большевистского строя. Как в мирное время проводились аресты и казни самых работающих, честных, интеллигентных, активных и разумных людей, так и на фронте происходило то же самое, но в еще более открытой, омерзительной форме. Приведу пример. Из высших сфер поступает приказ: взять высоту. Полк штурмует ее неделю за неделей, теряя по тысяче людей в день. Пополнения идут непрерывно, в людях дефицита нет. Но среди них опухшие дистрофики из Ленинграда, которым только что врачи приписали постельный режим и усиленное питание на три недели. Среди них младенцы 1926 года рождения, то есть четырнадцатилетние, не подлежащие призыву в армию... «Вперрред!!!», и все. Наконец, какой-то солдат, или лейтенант, командир взвода, или капитан, командир роты (что реже), видя это вопиющее безобразие, восклицает: «Нельзя же гробить людей! Там же, на высоте, бетонный дот! А у нас лишь 76-миллиметровая пушчонка! Она его не пробьет!»... Сразу же подключается политрук, СМЕРШ и трибунал. Один из стукачей, которых полно в каждом подразделении, свидетельствует: «Да, в присутствии солдат усомнился в нашей победе». Тотчас же заполняют уже готовый бланк, куда надо только вписать фамилию и готово: «Расстрелять перед строем!» или «Отправить в штрафную роту!», что то же самое. Так гибли самые честные, чувствовавшие свою ответственность перед обществом люди. А остальные — «Вперрред, в атаку!» «Нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики!» А немцы врылись в землю, создав целый лабиринт траншей и укрытий. Поди их достань!

Шло глупое, бессмысленное убийство наших солдат. Надо думать, эта селекция русского народа — бомба замедленного действия: она взорвется через несколько поколений, в XXI или XXII веке, когда отобранная и взлелеянная большевиками масса подонков породит новые поколения себе подобных».

(обратно)

658

Настоящая распространенная цифра включает в себя общие безвозвратные потери населения Советского Союза в 1941–1945, которые по расчетам (2001–2007) московского специалиста Б. С. Пушкарева в рамках проекта «Две России XX века» распределяются следующим образом:

1.1.

Погибли в немецком плену

3,3

1.2.

Повышенная смертность в ГУЛАГе

0,9

1.3.

Потери антисоветских формирований и граждан СССР, служивших в 1941–1945 на стороне противника

0,3

1.4.

Расстреляно в Вооруженных Силах СССР

0,1

1.5.

Потери Вооруженных Сил СССР

12,4

2.1.

Блокада Ленинграда

1

2.2.

Нацистский террор против евреев более

0,5

2.3.

Нацистский террор на оккупированных территориях СССР

0,5

2.4.

Смертность среди депортированных народов в 1943-1944 около

0,3

2.5.

Повсеместно повышенная детская смертность

1,3

2.6.

Повышенная смертность населения в СССР в результате общего ухудшения условий жизни во время войны

6,4

(обратно)

659

Белоусов Константин Михайлович (1892-?) — художественный руководитель филармонии. 30 сентября 1944 в Ставрополе арестован органами госбезопасности. Осужден на 10 лет лагерей. Дальнейшая судьба не установлена.

(обратно)

660

Впервые слова популярного в начале XX века романса опубликованы в 1902 в сборнике «Цыганские ночи» без указания авторов. В соответствии с наиболее распространенной версией автором слов был поэт А. А. Пугачёв, музыки — А. Зорин (А. М. Цимбал).

(обратно)

661

Не установлен.

(обратно)

662

Не установлены. Крайзо-Краевое управление сельского хозяйства.

(обратно)

663

Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) — русский политический мыслитель, публицист, спортсмен. До Октябрьского переворота 1917 плодотворно занимался журналистикой. Участник Белого движения, после 1920 — в РСФСР. Работал при разных профсоюзах и организациях спорта. Подвергался политическим репрессиям. В 1934 вместе с братом Борисом и сыном Юрием бежал из Белбалтлага в Финляндию. В эмиграции возобновил активную издательскую деятельность. Автор теории народно-монархического строя. Жил в Болгарии (до 1938), Германии, Аргентине (с 1948), Уругвае (с 1950). Основатель и издатель газеты «Наша страна» (1948). Талантливо написанные воспоминания «Россия в концлагере» в 1930-е разошлись тиражом более чем в 500 тыс. экземпляров и были переведены на многие языки.

(обратно)

664

Солженицын Александр Исаевич (1918–2008) — русский писатель, Нобелевский лауреат по литературе (1970).

(обратно)

665

Возможно: Альберт Андрей Константинович (1886—?) — работник советского лесного хозяйства, перебежчик. Сын рабочего. Член Коммунистической партии с 1906. В 1896—1901 — посыльный мальчик, посудомойка, после 1901 — кочегар, слесарь, монтер. Участник Первой мировой войны. В 1917 избран членом Совета рабочих депутатов Самаро-Сызранской железной дороги. После Октябрьского переворота 1917 — комиссар в органах власти Самары, работал в лесном хозяйстве. Председатель Самарской губ. ЧК (август 1920 — январь 1921). После 1921 вновь работал преимущественно в лесном хозяйстве. В 1926—1932 — председатель предприятий и начальник объединения Севзаплеса. В 1932—1935 — заместитель народного комиссара лесной промышленности СССР. Начальник Главного управления Главсевлесзага (1935—1937). В 1937 арестован органами НКВД. Освобожден весной 1939, состоял в распоряжении Наркомлеса СССР. 24 августа 1939 во время пребывания в Москве министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа прорвался в посольство Германии и попросил политического убежища. Убыл в Германию вместе с делегацией Риббентропа. В 1940—1944 — политический советник МИД Германии. В 1941—1943 принимал участие в допросах пленных советских генералов и в переговорах с участниками Власовского движения. После 1945 — в Западной Германии.

(обратно)

666

Кашкетин [наст. Скоморовский] Ефим Иосифович (1905—1940) — лейтенант госбезопасности, помощник начальника 2-го отделения 3-го отдела ГУЛАГа (1938). Окончил четыре класса гимназии. В 1919—1921 — в РККА. Член ВКП(б) с 1926. С 1927 в органах ОГПУ. Из служебной характеристики: «Энергичен, способен, но несколько ленив... Большого самомнения, переоценка своих способностей. Хвастлив, упрям, недостаточно дисциплинирован»; резолюция: «При надлежащем руководстве хороший работник. Недостатки его сгущены». В 1932 признан негодным к службе в органах ОГПУ, но остался в должности. В 1934 выезжал в СЛОН для ликвидации голодовки политзаключенных. Старший оперуполномоченный (до 1936). Заключением медкомиссии от 6 октября 1936 признан инвалидом III группы с диагнозом шизоидный психоневроз и переведен на работу в Московский комитет ВКП(б). В январе 1938 возвращен в НКВД, оперуполномоченный 3-го отдела ГУЛАГа. Откомандирован в Воркутино-Печорский лагерь для руководства оперативной группой по борьбе с заключенными троцкистами и организации массовых расстрелов. Всего под его личным руководством в марте 1938 были расстреляны 524 заключенных. Вторично откомандирован в Коми АССР осенью 1938 для подготовки новых расстрельных операций, однако отозван в декабре 1938 в связи со сменой руководства НКВД. Арестован в январе 1939. 8 марта 1940 осужден ВКВС СССР к расстрелу.

(обратно)

667

Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937) — маршал Советского Союза (1935), второй заместитель наркома обороны (1934—1937), командующий войсками ПриВО (1937). Участник Первой мировой войны, Л.-гв. подпоручик Семеновского полка. В 1915—1917 — в плену. В РККА и в Коммунистической партии с 1918. Организатор подавления народных антибольшевистских восстаний (1921). Кавалер шести русских и двух советских орденов. До настоящего времени вопрос о «заговоре» Тухачевского и причинах массовых репрессий в РККА в 1937—1938 остается одним из самых острых и дискуссионных. По официальной версии, расстрелян 12 июня 1937. Реабилитирован (1957).

(обратно)

668

Не меньшим успехом на оккупированных территориях пользовались воспоминания репрессированного в 1938 полковника В. И. Мальцева «Конвейер ГПУ» (1943, тираж 50 тыс. экз.).

(обратно)

669

Всего при раскопках массовых довоенных захоронений в Виннице в 1943 было обнаружено 9439 трупов.

(обратно)

670

От нем. Weihnachten.

(обратно)

671

Ширяев Борис Николаевич (27 октября [ст. ст.] 1889, Москва— 17 апреля 1959, Сан-Ремо, Италия) — писатель, публицист, капитан РОА (1943). Из дворян. По окончании историко-филологического факультета Московского университета стажировался в Геттингенском университете. Участник Первой мировой войны в рядах 17-го гусарского Черниговского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича полка. После Октябрьского переворота 1917 приговорен к расстрелу за попытку перехода границы, бежал из-под расстрела. В рядах ВСЮР — в эскадроне Черниговских гусар Сводно-гусарского полка 1-й кавалерийской дивизии. Штабс-ротмистр (на 1920). Остался в РСФСР. В 1920–1922 — в Бутырской тюрьме. Приговорен к расстрелу с заменой 10 годами лагерей. Срок отбывал в СЛОН. В лагере участвовал в самодеятельности, публиковался в журнале «Соловецкие острова», газете «Новые Соловки». Собирал и записывал соловецкий фольклор. Работал на лесоповале. В 1929 остаток заключения Ширяеву был заменен ссылкой на три года в Среднюю Азию, здесь он работал журналистом. По возвращении из ссылки в 1932 — вновь арестован, сослан на три года в слободу Россось (в р-не Воронежа). С 1935 жил в Ставрополе и Черкесске, преподавал русский язык и историю русской литературы в Ставропольском педагогическом институте. В оккупации с 1942, редактор общекраевой газеты «Ставропольское слово» («Утро Кавказа»). После эвакуации с немцами из Ставрополя — офицер РОА. Выступал на антисталинских митингах в Крыму (1943), занимался журналистикой и редакционно-издательской деятельностью в Белграде (1944) и Берлине (1944–1945). В 1945 выехал в Италию для создания нового антисоветского периодического органа печати. Насильственной репатриации избежал. После 1945 жил в лагерях для «перемещенных лиц», затем в эмиграции Италии, принял католичество. Автор одной из первых книг («Неугасимая лампада», 1925–1950) о СЛОНе. Публиковался в газете «Наша страна» (Буэнос-Айрес), журналах: «Часовой» (с 1949, Брюссель), «Возрождение» (с 1950, Париж) и «Грани» (с 1952, Франкфурт-на-Майне).

Соч.: Ставрополь — Берлин // Часовой. 1949–1950. № 287, 293–303; Овечья лужа // Грани. 1952. № 16; Ди-Пи в Италии. Буэнос-Айрес, 1952; Я человек русский! Буэнос-Айрес, 1953; Светильники Русской Земли. Буэнос-Айрес, 1953; Неугасимая лампада. Нью-Йорк, 1954 [М., 1991]; Кудеяров дуб. Франкфурт-на-Майне, 1958; Религиозные мотивы в русской поэзии. Брюссель, 1960, и др.

(обратно)

672

Не установлен.

(обратно)

673

Не установлен.

(обратно)

674

Не установлен.

(обратно)

675

Не установлен.

(обратно)

676

Доронович Михаил Фёдорович (1876–1964) — журналист, литератор, драматург. До 1917 публиковался в газетах «Терек», «Приднепровье» и др. Член РСДРП(б). В 1910–1918 — редактор и издатель многополосной легальной социал-демократической газеты «Отклики Кавказа» (Армавир), на страницах которой печатались произведения А. И. Куприна, А. М. Горького, А. Н. Толстого и др.

(обратно)

677

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–1940) — писатель.

(обратно)

678

В 1930–1932 по делу «Весна» были арестованы 3496 человек, в подавляющем большинстве — военспецы (быв. генералы В. Л. Барановский, Н. С. Беляев, В. Н. Гатовский, А. Г. Лигнау, Д. Н. Надежный, В. А. Ольдерогге, С. К. Сегеркранц, полковники А. Д. Тарановский, С. Д. Харламов, подполковник С. Г. Бежанов, капитан С. С. Ивановский и др.). В тот момент в разработку ОГПУ (по УВО) попал и начальник штаба 7-й стрелковой дивизии (Чернигов) быв. прапорщик Ф. И. Трухин — будущий генерал-майор РККА и начальник штаба войск КОНР в 1944–1945.

(обратно)

679

Земцов Михаил Гаврилович (1911, станица Николаевская Лабинского отдела Обл. Войска Кубанского — после 1950) — есаул казачьих войск в составе Вермахта (1942–1945). Из казаков Войска Кубанского, семья репрессирована. В годы первой пятилетки — в СЛОН и Белбалтлаге. После освобождения работал прорабом на строительстве канала Егорлык — Кубань. Летом 1942 в

родной станции сформировал казачий отряд, устроив торжественную встречу военнослужащим наступавших частей Вермахта. Станичный атаман (1942). С осени 1942 — в Ставрополе, сотрудник отдела пропаганды штаба группы армий «А» в чине есаула. В 1943 эвакуировался на Запад. Организатор штаба формирования казачьих войск Кубани, Терека и Дона в Мелитополе, затем — член казачьего комитета Дона, Кубани и Терека полковника Г. П. Тарасенко. С сентября 1943 — начальник отдела пропаганды восстановленного штаба формирований Кубани, Терека и Дона (Херсон — Николаев). С ноября 1943 — в распоряжении Походного Атамана полковника С. В. Павлова, служил в Казачьем Стане (1943–1945), журналист. 28 мая 1945 в Юденбурге выдан вместе с другими казачьими офицерами в советскую оккупационную зону Австрии. 5 ноября 1945 военным трибуналом ЗапсибВО осужден на 10 лет лагерей с поражением в правах на 5 лет по ст. 58-1 «а» УК РСФСР. 7 января 1950 ВК ВС СССР определением № 5-1795/45 отменила приговор 1945 как «несоответствующий тяжести совершенных преступлений». Повторно осужден военным трибуналом СКВО, новая мера наказания не установлена.

(обратно)

680

Массовая гибель людей от голода в 1933 на селе, по отношению к которому в исторической публицистике часто употребляется термин голодомор, была организована сталинской партийночеккистской номенклатурой непосредственно в результате безжалостных и непомерных хлебозаготовок, проводившихся осенью 1932 и зимой 1932/33. Колхозная система позволила большевикам за бесценнок изымать хлеб из деревни еще более эффективно, чем во время продразвёрстки 1918–1921. В 1930 партийно-советские органы забрали у крестьян более 30 % валового сбора зерновых, а в 1931 — уже около 40 %. В 1932 по предложению А. И. Микояна и с согласия И. В. Сталина норма изъятия хлеба в зерновых районах была увеличена до 45 %, несмотря на то, что урожай 1932 (698,7 млн. центнеров) был намного меньше урожая 1930 (835,4 млн. центнеров). В итоге хлебозаготовки 1932 превысили хлебозаготовки 1930 более чем на 30 %. Из колхозов и единоличных хозяйств хлеб забирался «под метелку». Никаких объективных условий для массового голодного мора в стране не существовало. Среднего урожая 1932 было вполне достаточно, чтобы избежать голода и выполнить разумные хлебопоставки, тем более что валовой сбор зерновых 1932 (698,7 млн. центнеров) превысил сбор «неголодного» 1931 (694,8 млн. центнеров). Но урожай 1932 целиком попал под пресс невыносимых для села хлебозаготовок.

Непомерный план выполнялся с огромными трудностями. Ни колхозники, ни единоличники не спешили сдавать хлеб государству, претендовавшему уже не на излишки, а на зимние и весенние запасы личного потребления. В одном из важнейших зерновых районов — в Северо-Кавказском крае — план хлебозаготовок на август 1932 был выполнен всего на 32 %, на сентябрь — на 65 %, а октябрьский оказался почти провален. Аналогичным образом складывалась ситуация на Украине и в Поволжье. 22 октября члены Политбюро приняли решение направить чрезвычайные уполномоченные комиссии по хлебозаготовкам, прибывшие в ноябре на Украину (во главе с В. М. Молотовым) и на Северный Кавказ (во главе с Л. М. Кагановичем). В декабре аналогичная комиссия приступила к деятельности в Поволжье (во главе с П. П. Постышевым). В конце 1932 как члены чрезвычайных комиссий, так и представители местных партийно-советских органов руководствовались единственной целью — любой ценой сломить «саботаж» при хлебо сдаче и выполнить установленный план. Опубликованные сегодня свидетельства и документы заставляют порой усомниться в психической полноценности тех ответственных членов ВКП(б), которые добивались выполнения плановых заданий. В ноябре 1932 на Кубани были исключены из партии 43 % коммунистов, объявленных «фактическими проводниками саботажа», а всего до конца года из северокавказских парторганизаций вычистили 1193 человека. К 19 декабря из 13 районов Кубани в Северный Казахстан были выселены 1992 семьи (9442 человека). Затем по инициативе

Кагановича подверглось поголовному выселению на Урал и в северные районы СССР население казачьих станиц Полтавской, Медведовской и Урупской. До депортации в трех станицах проживали 47 500 человек, выслали 45 600. В Вешенском районе (Северо-Кавказский край) уполномоченные крайкома и райкома партии Г. Ф. Овчинников,

В. И. Шарапов, А. А. Плоткин и др., добиваясь хлебосдачи, практиковали средневековые пытки, включая пытки раскаленным железом колхозников, уклонявшихся от хлебосдачи. На Северном Кавказе, в Казахстане, в Поволжье, на Украине в конце 1932 — начале 1933 практиковались так называемые занесения станиц, сел и целых районов, задерживавших выполнение плана, на «черную доску». В итоге это означало полное прекращение всякой магазинной торговли с вывозом из села наличных товаров, запрет колхозной и частной торговли, прекращение кредитования и досрочные взыскания с хозяйств по всем обязательствам, чистки и аресты «саботажников» как среди жителей, так и в аппарате управления. В конце 1932 Каганович добился на Кубани занесения на «черную доску» пятнадцати казачьих станиц. Изымавшийся подобным образом в стране хлеб главным образом шел на экспорт — до конца 1932 на внешний рынок было вывезено 18 млн. центнеров зерна.

Зимой 1932/33 опухание и смертность от голода приняли уже массовый характер на Украине, Кубани и в Казахстане (Казакская АССР в составе РСФСР). Голод поразил Поволжье и некоторые другие районы РСФСР. По расчетам специалистов при отказе от интенсивного хлебного экспорта и реализации неприкосновенных запасов военного времени (18,2 млн. центнеров) можно было бы спасти от истощения и вымирания примерно 28 млн. человек. Однако спасение в 1933 вымиравших крестьян, казаков и кочевников не предполагалось. Сталин при помощи искусственного голодомора решал в первую очередь политическую задачу — приведение к покорности населения тех регионов Советского Союза, которые в силу исторических и социальных причин наиболее упорно сопротивлялись коллективизации. Отказаться от насильственной коллективизации партия не могла. Только нерентабельный колхозный строй гарантировал номенклатуре ВКП(б) сохранение власти и собственности в исторической перспективе. Попытки оправдать коллективизацию и голодомор специфическими особенностями форсированной индустриализации не выдерживают критики. Создание промышленных объектов первой пятилетки оплачивалось ценой миллионов человеческих жизней. С экономической точки зрения это было бессмысленно, так как резкое сокращение трудоспособных людских ресурсов и потери в области сельского хозяйства за 1929–1933 превысили стоимость созданных в то же время «гигантов сталинской индустрии», страдавших повышенной аварийностью, многочисленными недоделками и непрофессиональным управлением. С юридической и морально-нравственной точки зрения беспрецедентное использование властью подобных методов для пополнения валютных запасов страны называется преступлением, не имеющим срока давности. По объективным оценкам демографов, искусственный голод 1932–1933 унес жизни примерно 6,5–7 млн. человек.

(обратно)

681

Крестовоздвиженский Николай [наст. Лучник Николай Викторович] (3 января 1922, Ставрополь — 5 августа 1993, Обнинск Калужской обл.) — ученый-генетик, биофизик. Сын профессора В. Н. Лучника. Окончил с отличием среднюю школу (1939), учился на матмехе, затем — на биофаке МГУ. В 1941–1942 — в армии, служил в Иране. 11 июля 1942 демобилизован и направлен в распоряжение Ворошиловского военкомата. С августа 1942 в оккупации, учился в Ставропольском сельхозинституте. 30 марта 1943 арестован органами госбезопасности, 3 апреля осужден на 10 лет лагерей и 5 лет ссылки. В 1944 — дистрофик-заключенный в Рустави. После излечения в санчасти работал статистиком, затем — на разных инженерно-технических должностях. С 1945 самостоятельно изучал теорию ядерного взрыва. С 1947 — в секретной лаборатории на Урале (оз.

Сунгуль) Н. В. Тимофеева-Ресовского, занимался вопросами радиационной генетики. Срок сокращен на два года по зачетам. Освободился 11 апреля 1951. Исследовал проблемы противолучевой терапии, после 1955 работал в Свердловске, в Уральском филиале АН СССР. Окончил полный курс университета (1960), кандидат (1961), доктор наук (1966). Реабилитирован (1962). В 1963–1993 работал в Институте медицинской радиологии Академии медицинских наук СССР в Обнинске. Автор многочисленных научных трудов.

(обратно)

682

Лучник Виктор Николаевич (1892–1936) — ученый-энтомолог, карабидолог, профессор. Автор сотен научных, научно-популярных и прикладных публикаций, создатель уникальной отечественной коллекции жужелиц.

(обратно)

683

Градов Л., вероятно, он же Даров Анатолий [наст. Духонин Анатолий Андреевич] (1920, Ярославская губ. — 8 февраля 1997, Нью-Йорк) — писатель, публицист. Сын железнодорожного служащего. После окончания средней школы учился на факультете журналистики в Ленинграде. Пережил в Ленинграде блокадную зиму 1941/42, затем был эвакуирован на Северный Кавказ. В оккупации с августа 1942. Зимой 1942/43 эвакуировался на Запад. В 1943–1944 работал в редакции газеты РОА «Доброволец». Окончание войны встретил в Германии. Жил в американской оккупационной зоне в Мюнхене (1945–1948), насильственной репатриации избежал. В 1945 опубликовал автобиографический роман «Блокада» (полный вариант — «Грани», 1953), в котором ярко описал трагедию блокадного Ленинграда и произвол представителей советской партийной номенклатуры. Роман выдержал пять изданий, был переведен на французский язык (1959) и заслужил одобрительный отзыв Б. К. Зайцева. В 1948–1960 жил в Париже. В США с 1960. Постоянный автор газет: «Новое русское слово», «Россия» (Нью-Йорк), «Русская жизнь» (Сан-Франциско), опубликовал более 250 литературоведческих статей. Преподавал русский язык в Сиракузском университете. В начале 1960-х опубликовал в «Гранях» первую часть романа «Главная любовь Ивана Подмосткина». После путешествия по Европе и посещения Афона опубликовал очерки «Берег — нет человека», об опустевших русских монастырях на Афоне и в Греции. В романе «На Запад идти не легко» (1973) описал горькую участь бывших советских граждан — военнопленных, беженцев и остарбайтеров, подлежащих насильственной репатриации в СССР в 1945–1947. В начале 1980-х написал приключенческий роман «Продолжение побега». Перед смертью закончил роман с элементами фантастики «Евразия». Похоронен на кладбище Ново-Дивеево (штат Нью-Йорк).

(обратно)

684

Не установлен.

(обратно)

685

Не установлен.

(обратно)

686

В течение первых двух недель оккупации в Ставрополе открылись четыре храма. К концу августа 1942 во вновь образовавшейся епархии насчитывалось уже 16 церковных общин.

(обратно)

687

Гермоген [в миру — Кожин Василий Иванович] (2/14 марта 1880, станица Кумылженская Хоперского округа Обл. Войска Донского — 3 августа 1954, СССР) — митрополит Алеутский и Северо-Американский (1954). Окончил Усть-Медведицкое духовное училище, Донскую духовную семинарию (1907), Казанскую духовную академию (1916). Участник Всероссийского Поместного Собора 1917–1918. С 1918 — управляющий делами Донского Епархиального Совета. В 1922–1945 — в обновленческом расколе, с 5 декабря 1935 — митрополит Северо-Кавказский и Ставропольский. Деятельно выступал против «тихоновской Церкви». В 1937 репрессирован органами НКВД, семь месяцев провел в Ставропольской тюрьме. Во время войны некоторое время находился на оккупированной территории. В 1945 принес покаяние и принят в Патриархию в сане протоиерея. Принял монашеский постриг. Епископ Казанский (1946), ректор Московских духовных школ (1947–1949). Автор антикатолических трудов и публикаций, критик творчества В. С. Соловьёва. Доктор богословия (1949). В 1949–1954 на Краснодарской кафедре. В пропагандистских целях использовался советскими партийно-политическими органами во время зарубежных командировок. Похоронен в кафедральном соборе в Краснодаре.

(обратно)

688

Антоний [в миру — Романовский Василий Антонович] (22 февраля/6 марта 1886, с. Савинцы Миргородского уезда Полтавской губ. — 7 ноября 1962, Ставрополь) — митрополит Ставропольский и Бакинский (1962). Сын псаломщика. Окончил Миргородское духовное училище, Полтавскую духовную семинарию, Киевскую духовную академию (1913). Принял монашеский постриг (1911). С 1913 — преподаватель Тифлисской духовной семинарии, инспектор (1918–1921). В 1921–1924 — благочинный русских монастырей в Грузии. Епископ Ереванский (1924). В 1927 арестован и заключен в Бутырскую тюрьму, затем на два года выслан. Епископ Донской (1929–1930). Вновь арестован (1931–1935). В 1935–1936 — епископ Ставропольский и Донской, затем епископ Сталинградский, затем в ссылке и заключении. С 1937 на покое, жил в Саратове. Мужественно противостоял обновленцам в период раскола. Архиепископ Ставропольский и Пятигорский (1943), с мая 1945 — архиепископ Ставропольский и Бакинский. Митрополит (12/25 февраля 1962). В совокупности провел в лагерях и ссылках более 15 лет. Местные органы советской власти в 1962 запретили хоронить митрополита в ограде Андреевского собора и более сорока лет его останки покоились на Даниловском кладбище.

(обратно)

689

Соответствующий приказ Ставки был отдан 28 декабря 1942, отступление на разных участках началось в период 31 декабря 1942 — 2 января 1943.

(обратно)

690

Иногда в литературе его называют Красносельским. Последний бургомистр Ставрополя в период оккупации, инженер.

(обратно)

691

Арест и расстрел участников подпольной группы Кривохатского (всего 37 человек) произошел в ночь с 7 на 8 января 1943. Кроме Кривохатского, по некоторым данным, в группу входили: начальник городской полиции Павловский, заместитель бургомистра Воробьев, один из руководителей местного подполья Евангулов и др.

(обратно)

692

В должности с августа 1942 по январь 1943.

(обратно)

693

Уроженец Ставропольского края, есаул. В 1942 — начальник 5-го района городской полиции в Ставрополе. В 1943 служил в казачьих частях Вермахта, помощник командира 5-го Кубанского конного полка. Войсковой старшина (7-1943). На сентябрь 1943 — начальник административнохозяйственного отдела штаба формирования казачьих войск Кубани, Терека и Дона в Херсоне. В ноябре 1943 убыл из Николаева в Проскуров, в распоряжение полковника С. В. Павлова, далее служил в Казачьем Станс. На 20 апреля 1945 — и. д. командира 3-го запасного полка 2-й казачьей пешей (пластунской) дивизии Отдельного казачьего корпуса в Северной Италии, командовал сотнями полка в р-не Озопо. 30 апреля с вверенными подразделениями пробился в Коваццо, соединившись с основными силами корпуса. 28 мая 1945 в Юденбурге выдан вместе с другими казачьими офицерами в советскую оккупационную зону Австрии.

(обратно)

694

Вероятно, правильно: Беляцкий Казимир Тимофеевич (1905, Бобруйск —?) — педагог. По образованию и профессии — учитель, до войны жил и работал в Николаеве (БССР). 14 июня 1945 военным трибуналом войск НКВД Ставропольского края осужден по указу от 19 апреля 1943 на 20 лет каторжных работ и 5 лет поражения в правах. Освободился после 1955. Реабилитирован 7 июня 1960. Далее в своем письме автор правильно называет его фамилию: Беляцкий.

(обратно)

695

Разные свидетели утверждают, что зимой 1943 по льду Азовского моря эвакуировались десятки тысяч беженцев (встречаются оценки до ста тысяч человек).

(обратно)

696

По состоянию на 10 марта 1943 в освобожденных районах местными органами и оперативными группами НКВД были арестованы 30750 человек, в т. ч. в Сталинградской обл. — 2450, в

Воронежской обл. — 3926, в Ростовской обл. — 2804, в Ставропольском крае — 5216, Краснодарском крае — 6000, по обл. УССР — 1768, в Ленинградской обл. — 109, в Калининской обл. — 176, в Орловской обл. — 4844, по Калмыкской АССР — 303, по Кабардино-Балкарской АССР — 1729, по Северо-Осетинской АССР — 942, оставшихся (483 чел.), видимо, арестовали на маршрутах. Таким образом, самое большое количество «пособников» к весне 1943 органы выявили в Краснодарском и Ставропольском краях и Орловской обл. — именно в тех регионах, где сотрудничество населения с противником приобрело особый размах, вплоть до создания вооруженных формирований из местных добровольцев (казачьи подразделения и части, РОНА и др.).

(обратно)

697

Не установлен.

(обратно)

698

См. наше примечание № 81 к настоящей публикации.

(обратно)

699

Не установлен.

(обратно)

700

Не установлен.

(обратно)

701

Вероятно, Боборыкин Евгений Владимирович (1892-?) — офицер русской кавалерии. После Октябрьского переворота 1917 — в белых войсках на Юге России. После 1920 — в эмиграции.

(обратно)

702

Подчеркнуто автором.

(обратно) 703

Участник Белого движения на Юге России, казак Войска Кубанского. После 1920 остался в РСФСР. На июль 1943 — сотник, член штаба формирования казачьих войск Кубани, Терека и Дона в Мелитополе. В январе 1944 после того, как его предложения по использованию казачьих формирований в составе Вермахта на Восточном фронте не встретили поддержки, убыл из Проскурова в Берлин в распоряжение генерала от кавалерии П. Н. Краснова.

(обратно)

704

Фостиков Михаил Архипович (1886–1966) — участник Белого движения на Юге России, генераллейтенант (1920). В службе с 1905. Участник Первой мировой войны. Семь раз ранен (1914–1920). В 1920 на Северном Кавказе руководил партизанскими действиями против войск РККА. После 1920 — в эмиграции в Королевстве СХС.

(обратно)

705

Улагай Сергей Георгиевич (1875–1944) — участник Белого движения на Юге России, генераллейтенант (1919). В службе с 1895. Участник русско-японской 1904–1905 и Первой мировой войн.

Георгиевский кавалер. Командовал десантом части сил Русской армии на Кубань (август 1920). После 1920 — в эмиграции в Королевстве СХС, Франции.

(обратно)

706

Правильно: Армия возрождения России.

(обратно)

707

«За индустриализацию» — советская промышленная газета (Москва), издавалась в 1930–1937. С 1932 — орган Наркомтяжпрома.

(обратно)

708

Булкин Иван Гурьянович (1912, Шилан Самарской губ. — 20 января 1943, Ставрополь) — старший оперуполномоченный особого отдела НКВД, старший лейтенант (1942). Окончил семилетнюю школу, техникум, работал слесарем на заводе. С 1941 на фронте. С марта 1942 служил в 1177-м Анапском полку 347-й Мелитопольской стрелковой дивизии. Ночью 20 января 1943 во главе разведки (25 человек) для создания паники в тылу отступающего противника проник в Ставрополь и завязал бой в районе железнодорожного вокзала, обстреливая отдельные группы факельщиков. Во время перестрелки получил три ранения, от которых скончался. По официальной версии, разведчики 1177-го стрелкового полка уничтожили около ста пятидесяти военнослужащих Вермахта, подбили 58 автомашин, бронемашину и танк. Посмертно награжден орденом Красного Знамени.

(обратно)

709

Возможно, это была 17-я танковая дивизия генерала Ф. фон Зенгера унд Эттерлина из состава LVII танкового корпуса 4-й танковой армии группы армий «Дон».

(обратно)

710

Белый И. И. — полковник. С 25 января 1943 — Атаман Войска Кубанского по назначению командования группы армий «А». Организатор эвакуации беженцев с Кубани по маршруту Ейск — Мелитополь. С 10 марта 1943 — член штаба формирования добровольческих казачьих войск Кубани и Терека (Херсон). Занимался набором добровольцев в кубанские подразделения в составе 1 — й казачьей кавалерийской дивизии Вермахта и 17-й армии, защищавшей Кубанское предместное укрепление на Таманском полуострове. Вместе с полковником П. М. Духопельниковым в 1943 интриговал против полковника С. В. Павлова и его сотрудников. Кубанским Атаманом эмигрантами «первой» и «второй» волн не признан и лишен атаманской булавы. Осенью 1943 формировал казачью группу в Ровно.

(обратно)

711

Коренюк Н. Трудно жить с мифами. Генерал Власов и Русская освободительная армия // Огонёк (Москва). 1990. № 46; Фёдоров А. Красный командарм, генерал Вермахта // Куранты (Москва). 1990. 4 окт. В настоящее время большинство публикаций о генерал-лейтенанте А. А. Власове в Российской Федерации носит негативный характер в духе партийно-политической публицистики 1970-х. См., например, типичный образец: «В разгар боев за Киев летом 1941 г. Власов, тогда командарм-37, потерял управление своими войсками, в сущности, бросив их на поле боя, и потом долго выбирался из окружения отдельно и вдалеке от тех, кого бросил». Цит. по: Перемышленникова Н. М. Героизм и трагедия 2-й Ударной армии (по материалам и публикациям ЦА ФСБ России) // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. II. М., 2006. С. 169–170.

(обратно) (обратно)

Примечания к "ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ V":

712

Автор меморандума не установлен. Источник: Bundesarchiv Berlin (BAW). R6/687 (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete). В. 3–4. Документ любезно предоставлен для публикации А. Гогунгом (Берлин). Пер. с нем. к. и. н. И. Ю. Шауба (Санкт-Петербург).

(обратно)

713

С 10 сентября 1942 в полосе 1-й танковой армии Вермахта действовал особый батальон «Бергманн» («Горец»), сформированный из добровольцев, представителей народов Кавказа и Закавказья: 1-я грузино-немецкая и 3-я азербайджано-немецкая роты были приданы 23-й танковой дивизии (р-н Моздока), 2-я северокавказская рота — 13-й танковой дивизии (Майкопское направление), 4-я армяно-грузинская рота оперировала в р-не Эльбруса, 5-я грузино-немецкая рота готовилась к захвату Военно-Грузинской дороги.

(обратно)

714

Так, например, в марте 1942 в Чечено-Ингушетии из 14576 призывников уклонились от службы 13560. Они перешли на нелегальное положение и ушли в горы.

(обратно) (обратно)

Примечания к "Документы и материалы":

715

Источник: ЛАА. Бачинин А. Н. Самоуправляющийся округ Локоть, 1941–1943: автономный коллаборационистский режим. Комплект документов и материалов из фондов Государственного архива Брянской обл. (Ф. 1650, 2521, 2590, 2608) [1993]. Машинопись (далее по тексту ссылок — коллекция А. Н. Бачинина). Приказ по вооруженным отрядам Локотского уезда от 11 марта 1942 (ссылка: ГА БО. Афиша). В данной главе автор-составитель сборника стремился избежать публикации документов, ранее воспроизведенных в книгах С. И. Верёвкина, И. В. Грибкова и И. Г. Ермолова. Текст публикуется с сохранением особенностей оригинала.

(обратно)

716

Партизанских формирований.

(обратно)

717

По состоянию на 15 марта 1942 на всей оккупированной территории Орловской обл., по официальным данным, считались действующими 65 отрядов (2959 партизан) и 236 диверсионных групп (731 чел.). Локотская окружная милиция насчитывала на тот момент 4 батальона (1642 бойца). Среди руководителей партизанских отрядов, оперировавших на территории Локотского округа и в юго-западных районах Орловской обл., выделялись Д. В. Емлютин, И. Я. Алексютин, И. Д. Ананьев, В. А. Капралов, В. И. Корнеев, С. С. Хохлов, В. В. Чичерин (в мае 1942 захвачен в плен и публично казнен каминцами с отсечением шашкой головы — в ответ на массовые расстрелы партизанами населения после захвата Тарасовки и Шемякино) и др. В. А. Капралов позднее был расстрелян сотрудниками органов госбезопасности за убийство собственного комиссара и разложение своих подчиненных.

(обратно)

718

Приказом № 54 от 1 марта 1942 Б. В. Каминский объявил о начале мероприятий по разделу колхозной земли между крестьянами в округе. 23 июня Каминский издал приказ № 185 «О восстановлении справедливости в отношении раскулаченных».

(обратно)

719

Например, к 11 марта 1942 уже фактически захлебнулись Ржевско-Вяземская и Любанская наступательные операции, а проводившие их войска (33-я и 2-я ударная армии) находились в критическом положении.

(обратно)

720

Не соответствует действительности. Елец находился в оккупации только в период с 3 по 9 декабря 1941.

(обратно)

721

Не соответствует действительности. Войска 61-й армии генерал-лейтенанта М. М. Попова, входившие в тот момент в состав Западного фронта, вели оборонительные бои южнее и югозападнее Белёва, прикрывая тульское и калужское направления.

(обратно)

722

Источник: ЛАА. Коллекция А. Н. Бачинина. Приказ № 94 по Управлению Локотского уезда от 9 апреля 1942 (ссылка: ГА БО. Подлинник).

(обратно)

723

Источник: ВА-МА. MSg. 149/3. В. 126–133. Вступительная часть доклада опущена. Подчеркивание в документе. Опубликовано частично: Двинов Б. Л. Против течения. Сб. № 2. Нью-Йорк, 1954. 2-я армия Вермахта к 26 апреля 1942 уже убыла из группы армий «Центр» в группу армий «Юг».

(обратно) 724

По версии органов ОГПУ, родился в с. Добржинь Полоцкого уезда Витебской губ.

(обратно) 725

Вероятно, один из документов, циркулировавший среди сторонников «правого уклона» в ВКП(б).

(обратно)

726

Шпионаж.

(обратно)

727

Вероятно: Особого совещания.

(обратно)

728

В 1941–1942 Ева Игнатьевна Каминская проживала в блокадном Ленинграде. Ее судьба авторусоставителю сборника неизвестна.

(обратно)

729

Возможно, речь идет о деле «Ленинградской фашистской террористической группы» (1935–1936), по которому органами госбезопасности были привлечены 12 человек. Группа возникла в 1935 в Ленинграде, следствие завершилось в марте 1936.

По версии органов НКВД, «группа занималась контрреволюционной агитацией и подготовкой террористического акта в отношении товарища Сталина». Руководили группой инженеры-химики А. Е. Багров, В. И. Наумов и бывший участник Белого движения, конструктор А. Г. Николаев. В деятельности группы участвовали два русских немца, имевших германское гражданство. Постановлением ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1936 три руководителя были приговорены к расстрелу, остальные — к разным срокам заключения.

(обратно)

730

Правильно: служащем.

(обратно)

731

Без права продажи и закладывания, но с правом индивидуальной обработки, вечного пользования и передачи надела по наследству.

(обратно) 732

Не выявлены и не публикуются. Здесь необходимо отметить, что, по нашему мнению, взгляды Б. В. Каминского, несмотря на использование им в пространных беседах с представителями немецких властей соответствующей риторики, не были тождественны националсоциалистическому мировоззрению. Каминский совершенно не разделял теорий о расовой неполноценности славян и необходимости для Германии «жизненного пространства» на Востоке. Перспективы существования суверенного и самостоятельного Российского государства (как минимум в границах РСФСР) не вызывали у него сомнений.

Антисемитская пропагандистская риторика тоже вступала в противоречие с практикой. Например, Б. И. Николаевский в 1949 собрал некоторые любопытные свидетельства беженцев из Локотского округа, оказавшихся после войны на Западе. Одна из них, Л. Потапова, писала Николаевскому из Германии в письме от 28 декабря 1949: «Каминский по своей программе был ярко выраженный антисемит. Как фактически обстояло дело? Располагаю данными только в диаметре три километра, так как на большее расстояние я не имела права передвигаться. Нашу местность народники захватили в первых числах марта 42 года. До этого времени правление было в духе солидаристов. Евреи, державшиеся особняком, были сгруппированы в гетто. Их было только 30 человек. Остальные евреи при регистрации были зарегистрированы под другими национальностями. К марту месяцу часть служащих была из евреев или имела родственников евреев. Уборщицей школы была еврейка, и когда в полицию поступили доносы, то секретарь управы дал подтверждение, что знал ее родственников, как лиц нееврейского происхождения еще в царское время. С приходом народников это количество увеличилось и даже в 3-м полку фельдшером был еврей. Так на практике дело обстояло с евреями у человека, имевшего в программе антисемитизм». В этой связи Б. И. Николаевский писал: «Наклеив на себя ярлык русского наци, поляк Каминский на деле не стал ни русским, ни наци». Категорически отказывался считать Каминского национал-социалистом сотрудник Абвергруппы-107, служивший в тыловом районе 2-й танковой армии, А. А. Доллерт (псевдоним: С. Стеенберг): «О национал-социализме ни Каминский, ни его соратники не имели ни малейшего представления. Каминский держался с немцами с такой самоуверенностью, которую они часто считали наглостью».

(обратно)

733

Мосин Степан Васильевич (1904, д. Чернышино Волосово-Звегинской волости Козельского уезда Калужской губ. — 1946/1947? Москва) — заместитель обер-бургомистра Б. В. Каминского по делам гражданского управления (1942–1943). В 1930-е — директор средней школы в Локте, заведующий Брасовским районным отделом народного образования. Член ВКП(б) (1927–1937, 1940–1941). В 1930 поддерживал сторонников Н. И. Бухарина и критиковал коллективизацию. В 1937 за связи с «врагами народа» исключен из партии и арестован органами НКВД. В 1937–1939 — под следствием и в заключении. Освобожден досрочно в 1939, реабилитирован. На 1941 — учитель. От эвакуации уклонился. С октября 1941 в оккупации. Один из создателей органов самоуправления в пос. Локоть Брасовского района Орловской обл., близкий соратник и единомышленник К. П. Воскобойника и Б. В. Каминского. Курировал вопросы, связанные с деятельностью гражданских учреждений на территории округа. Несколько раз участвовал в перестрелках с партизанами. Начальник отдела агитации и пропаганды окружного самоуправления, ответственный редактор газеты «Голос народа». Четыре раза назначался председателем военно-полевого суда по рассмотрению дел взятых в плен партизан. Дважды выносил смертные приговоры партизанам (всего осудил к расстрелу 13–14 чел.). В 1943–1944 — председатель Центрального оргкомитета НСТПР. Награжден четырьмя Знаками отличия для восточных народов. С 1944 в эмиграции в Германии. Служил в аппарате КОНР, уполномоченный по оказанию материальной помощи беженцам из СССР. После войны арестован органами госбезопасности, проходил по делу военнослужащих бригады РОНА (30–31 декабря 1946). На следствии откровенно заявил: «СССР я лично не считал и не считаю демократическим государством, где господствует диктатура одной, большевистской партии. А почему у нас не может быть других партий? Мы же имели в виду построить новое, демократическое государство на основе мелкой частной собственности. Мы хотели использовать немецкие штыки для уничтожения советской власти в России и установления демократического государства, а затем изгнать и немцев из России. Лично меня не устраивала советская система». Принципиально отказался раскаиваться в собственной деятельности. ВК ВС СССР приговорен к расстрелу и расстрелян.

(обратно)

734

По инстанции.

(обратно)

735

Не соответствует действительности. К. П. Воскобойник получил в конце боя с партизанами тяжелое ранение и умер на операционном столе.

(обратно)

736

Манифест НСПР от 25 ноября 1941 предполагал формирование правительства, которое «обеспечит спокойствие, порядок и все условия, необходимые для процветания мирного труда в России, для поддержания ее чести и достоинства».

(обратно)

737

Не установлен.

(обратно)

738

Не установлен. В немецких документах зимы 1942 так часто называли одного из руководителей партизан, формирования которого оперировали в Брянских лесах.

(обратно)

739

Не расшифрована.

(обратно)

740

Источник: ЛАА. Коллекция А. Н. Бачинина. Извлечение из журнала дежурного офицера штаба коменданта тылового района 2-й танковой армии (Брянск) (ссылка: ГА БО).

(обратно)

741

Не установлен.

(обратно)

742

Речь идет о командующем 2-й танковой армии генерал-полковнике Р. Шмидте. Шмидт Рудольф (12 мая 1886, Берлин — 7 апреля 1957, Крефельд) — генерал-полковник (1942). В службе с 1908. Участник Первой мировой войны. За боевые отличия награжден орденами Железных крестов II и I кл. и др. наградами. Затем служил в Рейхсвере, эксперт по танкам. С 1938 — участник антигитлеровского заговора (в группе генерал-полковника Л. Бека). Во время Польской кампании (1939) — командир 1-й танковой дивизии. С 1940 — командир XXXIX танкового корпуса, отличился в кампании на Западе. Кавалер Рыцарского креста Железного креста (1940), в 1941 получил Дубовые листья к Рыцарскому кресту. И. о. командующего 2-й армии группы армий «Центр» (15 ноября — 25 декабря 1941), с 26 декабря 1941 — командующий 2-й танковой армии группы армий «Центр». Противник нацистской оккупационной политики на Востоке. Поддерживал развитие Локотского окружного самоуправления в юго-западных районах Орловской обл. 10 апр. 1943 отстранен от должности по подозрению в политической неблагонадежности и за поддержку требований Б. В. Каминского. 30 сентября уволен из Вермахта, жил в Веймаре. В 1947 арестован советскими органами госбезопасности и вывезен в СССР. Содержался в Бутырской, Лефортовской и Владимирской тюрьмах. В 1952 осужден на 25 лет лагерей. В 1956 освобожден и репатриирован в ФРГ.

(обратно)

743

Правильно: KDR — Korück, Kommandeur des Rückwärtigen Heeresgebietes (командующий / командование войсками тылового района).

(обратно)

744

Точнее: 12 км западнее Локтя и 4 км восточнее с. Кокоревка. Расстояние между Тарасовкой и Шемякино менее км.

(обратно)

745

Штурмы деревень в марте-апреле закончились безрезультатно и привели к большим потерям среди партизан. Овладеть деревнями удалось лишь в результате конспиративной деятельности. Староста д. Шемякино Машуров создал в милицейском гарнизоне (около двухсот бойцов) подпольную ячейку (12 чел.), установил связь с партизанами и привлек на свою сторону командира Шемякинского гарнизона В. Попова. Это предопределило захват Тарасовки и Шемякино силами пяти партизанских отрядов под объединенным командованием Д. В. Емлютина. Трофеи составили: орудий 76 мм — 1, орудий 45 мм — 2, бронемашин — 1, огнеметов — 1, минометов — 4, станковых пулеметов — 8, ручных пулеметов — 18, мотоциклов — 1, снарядов — 7 ящиков, винтовок — 150, мин — 14 ящиков, патронов — 30 ящиков, гранат — 3 ящика. Количество пленных разнилось: 133 или 158. Затем, по версии партизан, в занятых населенных пунктах были расстреляны 57 человек, по версии каминцев, — 115 (в 1943 при вскрытии могил обнаружили около ста пятидесяти трупов). До 11 мая за Тарасовку и Шемякино между каминцами и партизанами шли упорные бои. Для того чтобы выбить крупные силы противника из захваченных деревень, Каминскому пришлось прибегнуть к помощи немецкой авиации и создать броневую группу из восстановленной каминцами советской бронетехники.

(обратно)

746

Проверить настоящую информацию не удалось.

(обратно)

747

После четвертого штурма, в котором участвовали около пятисот милиционеров при поддержке двух бронемашин. По др. оценкам, общие потери каминцев составили 30 бойцов.

(обратно)

748

По немецким оценкам, в период с весны 1942 и до эвакуации из Локтя в Лепель ежемесячные общие потери каминцев в боях с партизанами составляли 150–250 бойцов. Личный состав бригады РОНА, по оценкам штаба 2-й танковой армии, состоял на 25 % из добровольцев из числа местного населения, на четверть — из мобилизованных жителей Локотского округа по достижению призывного возраста, остальные — бывшие военнопленные, вступившие в РОНА из местных лагерей, и перебежчики из партизанских формирований.

(обратно)

749

Не установлен.

(обратно)

750

Гильза цу унд фон, Вернер (1889–1945) — генерал пехоты (1943). В службе с 1908. Участник Первой мировой войны. За боевые отличия награжден орденами Железных крестов II и I кл. Затем служил в Рейхсвере. С 1936 — командир элитного 9-го пехотного полка 23-й пехотной дивизии. Участник кампаний в Польше и Франции (1939–1940), кавалер Рыцарского креста Железного креста. В 1941–1942 — командир 216-й пехотной дивизии (с января 1942 — в составе группы армий «Центр»), командир войск безопасности тыла, руководитель антипартизанских операций. Заслужил Дубовые листья к Рыцарскому кресту (1942). В 1943–1944 — командир LXXXIX армейского корпуса 15-й армии (группа армий «Д») на Западе. Участник боев на Западном фронте (1944–1945). Весной 1945 назначен руководителем обороны Дрездена, который упорно защищал до конца войны. Покончил самоубийством.

(обратно)

751

VIII армейский корпус.

(обратно)

752

Пропуск в документе.

(обратно)

753

Пропуск в документе.

(обратно)

754

Приказом № 1023-42 от 19 июля 1942 генерал-полковника Р. Шмидта. В приказе Шмидт выразил надежду на то, что в результате санкционированных им мероприятий «в короткое время удастся дать стране Самоуправление, охраняющее интересы крестьян и промыслов».

(обратно)

755

В разгар операции машина Каминского, на которой он ехал с инспекцией батальона из Локтя в Комаричи, была расстреляна из засады. Погибли шофер и двое сопровождавших, обербургомистр получил легкое ранение.

(обратно)

756

Источник: ЛАА. Коллекция А. Н. Бачина. Запись сообщения Каминского по телефону дежурного офицера в штабе Корюк (ссылка: ГА БО. Пер. с нем. Микрофильм).

(обратно)

757

Правильно: Ковпак Сидор Артемьевич — командир партизанского соединения, которое в 1942 совершило рейд по Сумской, Курской, Орловской обл.

(обратно)

758

Пропуск в документе.

(обратно)

759

Пропуск в документе.

(обратно)

760

Источник: ВАВ. R6/18 (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete). В. 158–165. Документ любезно предоставлен для публикации А. Гогунем (Берлин). Машинопись, крупный шрифт. Пер. с нем. к. и. н. И. Ю. Шауба (Санкт-Петербург). Отдельные фрагменты подчеркнуты.

(обратно)

761

Далее по тексту документа: РСО (Прим. пер.).

(обратно) 762

Численность населения округа занижена. Более точная официальная цифра: 581 000 человек. Общая площадь территории округа (Брасовский, Комарический, Навлинский, Севский, Суземский районы Орловской обл., Дмитровск-Орловский, Дмитриев-Льговский и Михайловский районы Курской обл.) составляла 10 тыс. кв. км (более двухсот сельсоветов).

(обратно)

763

В оригинале: Gaupropagandaleiter der AO.

(обратно)

764

(обратно)

Подпись отсутствует.

765

На 16 января 1943, по официальным данным, бригада РОНА (Die Russische Volksbefreiungsarmee) включала в себя: управление (штаб), автогараж, бронедивизион, зенитную батарею, комендантский взвод, истребительную роту, спецчасть, столовую и 14 батальонов (в строю числились 32 представителя старшего комсостава, 343 среднего, 761 младшего и 8692 рядовых, итого — 9828 военнослужащих). Не учитываются раненые, больные, отпускники, а также служащие вспомогательной полиции и поселковой самообороны (самоохраны). На территории округа состояли на учете 19405 военнообязанных. Месячное денежное довольствие: рядовой — 250 руб., командиры младшего звена — 300–350 руб., командиры взводов — 500 руб. Суточное продовольственное довольствие: кг хлеба, 100 гр. мяса (картофель без ограничения).

(обратно)

766

К марту 1943 количество танков сократилось до восьми единиц: КВ, 2 Т-34, 3 БТ-7, 2 БТ-5. Кроме того, на вооружении бригады состояли 30 орудий, 3 бронемшины (БА-10, 2 БА-20), 2 танкетки, автомашины и мотоциклы. Количество техники варьировалось и к лету 1943 составляло: 10 бронемашин, 2 КВ, 4 Т-34, 3 БТ-3, Т-37, 2 танкетки. Интересно, что каминцам удалось не только привести технику в рабочее состояние, но и успешно эксплуатировать, используя ее в боевых операциях.

(обратно)

767

Оценка близка к действительности. По данным штаба Корюк-532, численность партизан в южных районах Орловской обл. по состоянию на 31 января 1943 оценивалась в 10000-15000 бойцов.

(обратно)

768

В еще большей степени военнослужащие бригады использовали оружие, оставшееся после разгрома 13-й армии генерал-майора А. М. Городнянского в октябре 1941 и подобранное в местах боев.

(обратно)

769

Другой вариант: обходится без дотаций.

(обратно)

770

К ноябрю 1942 на территории округа действовали 345 школ (в т. ч. 10 средних), в которых учились 43422 учащихся. Педагогический персонал насчитывал 1338 человек.

(обратно)

(обратно)

771

На территории округа действовали 9 больниц и 37 медицинских амбулаторных пунктов, в которых работали 51 врач и 179 медсестер.

772

«Голос народа» — официоз администрации Локотского самоуправляющегося округа. Издавался с мая 1942 по август 1943. Редактировали газету С. В. Мосин, затем Н. Ф. Вошило (быв. директор школы). Тираж газеты вырос с 250 до 14500 экземпляров, средний тираж составлял 8000 экземпляров. Подробнее о газете, см.: Ермолов И. Г. Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления 1941–1943. М., 2009. С. 76–78.

(обратно)

773

В первых числах октября 1941 основные части типографской машины сохранил от уничтожения и от эвакуации старейший работник Локотской типографии А. И. Бояров, который и возобновил ее работу в конце ноября, после создания местного самоуправления во главе с К. П. Воскобойником.

(обратно) 774

Художественно-драматический театр им. К. П. Воскобойника был открыт в Локте 15 ноября 1942. На август 1943 в штате числились 105 человек, в т. ч. 21 актер и 4 акробата, 22 музыканта, по 15 участников балетной и физкультурной групп. Театр давал до 60 спектаклей в месяц. В репертуаре преобладала классика, особенно пьесы А. Н. Островского. На спектаклях бывало от 200 до 300 зрителей. Руководили театром Г. А. Капуста (директор) и Д. А. Нетесин (режиссер). Кроме того, в других городах Локотского округа работали собственные труппы.

(обратно)

775

Вряд ли с таким тезисом согласились бы те русские сотрудники администрации, которые хорошо знали Б. В. Каминского. У него хватило опыта и осторожности, чтобы не показывать перед немецким собеседником собственных политических притязаний.

(обратно)

776

Источник: ЛАА. Коллекция А. Н. Бачинина. Приказ № 63 по Локотскому окружному самоуправлению от 27 февраля 1943 года (ссылка: ГА БО).

(обратно)

777

В 1942 годовые ставки натурального налога, взимавшиеся для снабжения войск Вермахта и отрядов окружной милиции и введенные в апреле, составляли: молока — 75 литров с крестьянского хозяйства, 40 литров — с хозяйств рабочих и служащих; яиц — по 20 штук с

(обратно)

хозяйства; мяса — по 16 кг с крестьянских хозяйств. Освобождались от сдачи молока хозяйства, не имевшие коров. Освобождались от налогов: инвалиды, мужчины в возрасте от 60 лет, женщины от 55 лет (при отсутствии в хозяйстве трудоспособных лиц), репрессированные большевиками до войны, лица, пострадавшие от действий партизан, погорельцы войны и бойцы милиционных отрядов, семьи которых проживали в Локте. По сравнению с производительностью раскрепощенных крестьянских хозяйств ставки налогообложения выглядели весьма скромными. Так, например, по сообщению «Голоса народа» (26 сентября 1942) некая цыганка за неделю

гаданий и прорицаний в д. Тереховке Дмитровского района заработала 150 (!) литров коровьего масла, 15 пудов (!) сала, а также мясо, холст, мануфактуру и советские деньги, ходившие в округе (сумма не установлена). По утверждению редакции, суммарная стоимость ее недельного заработка равнялась районному квартальному налогу.

(обратно)

778

Пропуск в документе.

(обратно)

779

Пропуск в документе.

(обратно)

780

Пропуск в документе.

(обратно) 781

Цит. по: Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) РФ. Ф. 422. Оп. 10496. Д. 111. Л. 7–8.

(обратно) 782

В одной из армейских разведсводок сообщалось, что в марте 1943 в Гомельской обл. производилась мобилизация в части РОНА военнообязанных 1922 г. р. (см.: Там же. Оп. 10498. Д. 7. Л. 1–2).

(обратно)

783

Вероятно, правильно: Комаричи.

(обратно)

784

Правильно: Локотского.

(обратно)

785

Источник: ЛАА. Коллекция А. Н. Бачинина. Ответ на террор партизан.

(обратно)

786

Не установлен.

(обратно)

787

Копия (второй экземпляр?). Сверху от руки указан номер: 47/43 geh. Источник: ВАР. R6/309 (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete). В. 23–37. Документ любезно предоставлен для публикации А. Гогунем (Берлин). Машинопись. Пер. с нем. к. и. н. И. Ю. Шауба (Санкт-Петербург). Отдельные фрагменты подчеркнуты.

(обратно)

788

Возможно, автор доклада имеет в виду командующего 2-й армии (группа армий «Центр») генераллейтенанта Вальтера Вейсса (1890–1967).

(обратно)

789

Далее по тексту документа: СО (Прим. пер.).

(обратно)

790

Речь идет о формальной институционализации перед командованием 2-й танковой армии Локотского самоуправления, фактически возникшего осенью 1941.

(обратно)

791

Правильно: Дмитровск-Орловский.

(обратно)

792

Правильно: Дмитриев-Льговский.

(обратно)

793

В докладе упоминается известный прорыв к Севску на Центральном фронте коннострелковой группы генерал-майора В. В. Крюкова. В результате наступления после 16 часов 1 марта 1943 Севск был взят частями 16-го танкового корпуса генерал-майора технических войск А. Г. Маслова (полковника В. Е. Григорьева) и 4-й кавалерийской дивизии генерал-майора Г. И. Панкратова (см.: ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 321. Д. 141. Л. 99, 107). Однако успех закрепить не удалось. С 18.30 26 марта противник настойчиво контратаковал Севск и к вечеру следующего дня после упорных боев вновь овладел городом силами 4-й танковой и 82-й пехотных дивизий Вермахта (см.: ЦАМО РФ. Ф. 422. Оп. 10496. Д. 111. Л. 56,58).

(обратно)

794

С лета 1942 некоторые свои приказы и распоряжения Б. В. Каминский подписывал «комбриг Каминский».

(обратно)

795

Аббревиатуру раскрыть не удалось.

(обратно) 796

Другие варианты: народная охрана, народная стража, народная самооборона.

(обратно)

797

Советскими документами подтверждается участие подразделений бригады РОНА в боях против регулярных войск Красной армии на Центральном фронте в первой половине марта 1943. Так, например, в 12 час. 2 марта каминцы силами до двух пехотных батальонов атаковали советские позиции в полосе войск 65-й армии генерал-лейтенанта П. И. Батова (направление атаки — Талдыкино). На следующий день в 8.00 теми же силами каминцы атаковали советские позиции из района Валдыш в направлении на Крики. Все атаки оказались отбиты. Кроме того, группа каминцев (10 военнослужащих) к 8 марта была влита в 4-ю роту 14-го пехотного (мотопехотного?) полка 78-й пехотной дивизии Вермахта, прибывшей на фронт из района Смоленска. После 15 марта части бригады убыли с фронтовой линии и на 28 марта дислоцировались в районе Красный Колодезь — Холмецкий — Городище (см.: ЦАМО РФ. Ф. 422. Оп. 10496. Д. 111. Л. 6, 10, 26–27, 43, 59).

(обратно)

798

Речь идет о 14-м батальоне (4-го пехотного полка), которым командовал М. Г. Драченко. Драченко Михаил Георгиевич (1899–1943) — строевой командир подразделений в бригаде РОНА (1942–1943). Из иногородних Обл. Войска Кубанского. Родился и вырос в зажиточной крестьянской семье. Судьба во время гражданской войны не установлена. Во время коллективизации (1930) хозяйство было раскулачено, имущество конфисковано, отец депортирован на 10 лет в Сибирь. С Кубани бежал. Военнослужащий РККА (к 1941). Осенью 1941 в составе части оказался в окружении. Плена избежал, скрывался на оккупированной территории. Зимой 1941/42 вступил добровольцем-пулеметчиком в отряд Локотской милиции (Ortsmiliz). В 1942–1943 — командир взвода, роты, батальона. К весне 1943 награжден двумя Знаками отличия для восточных народов «в бронзе» и премирован собственной лошадью. На 28 февраля 1943 14-й батальон дислоцировался в с. Коростовка. 1 марта вызван с батальоном в Севск, участвовал в тяжелых оборонительных боях в городе (1–2 марта). После разгрома 14-го батальона в ночь на 2 марта скрывался в Севске. 2 марта обнаружен и убит в перестрелке, по одному из свидетельств, успев застрелить перед гибелью обнаруживших его лейтенанта и медсестру.

(обратно)

799

Возможно, автор доклада имеет в виду 8-й батальон 5-го пехотного полка.

(обратно)

800

Исходя из известной нам строевой численности по состоянию на 16 января 1943, можно предположить, что за вторую половину января, февраль и март бригада РОНА потеряла почти 3000 бойцов (с учетом поступавшего пополнения) или примерно 30 % личного состава. Основная доля потерь приходится на март 1943. Один батальон в Севске был уничтожен полностью. В число потерь входят и перебежчики из частей бригады на советскую сторону (до четырехсот-пятисот человек за I квартал 1943). Дальнейшая численность строевого состава бригады (СС штурмбригады) РОНА по немецким оценкам и партизанским донесениям менялась так: 6000 — к сентябрю 1943, 3665 — на 4 октября 1943, 6000 — на апрель 1944.

(обратно)

801

Правильно: Георгиевского.

(обратно)

802

Весной 1943 отдел разведки и контрразведки, которым руководил Ф. А. Капкаев, раскрыл и ликвидировал в частях бригады РОНА две конспиративные организации (40–50 чел. каждая), руководители которых (начальник Локотского моботдела К. Васильев и начальник штаба Гвардейского батальона старший лейтенант Бабич) ставили своей целью уничтожение Локотской администрации и захват Локтя совместно с партизанами. Одна из них называлась «подпольный партизанский отряд».

(обратно)

803

На май 1943 — в составе 2-й танковой армии группы армий «Центр».

(обратно)

804

1 ноября 1942 генерал-полковником Р. Шмидтом награжден Знаком отличия для восточных народов «За храбрость» II кл. «в серебре», затем — I кл. (1943). 27 января 1944 приказом начальника отдела кадров Управления ОКХ генерал-лейтенанта В. Бургдорфа одновременно награжден орденами Железного креста II и I кл. Кавалер Знака за ранение (1944).

(обратно)

805

Официальный орган Локотского окружного самоуправления. Издавался с января 1943 два раза в месяц.

(обратно) 806

В оригинале документа настоящий абзац отчеркнут на полях жирной чертой.

(обратно)

807

Совершавшимися немецкими и венгерскими военнослужащими.

(обратно)

808

В оригинале документа настоящее предложение отчеркнуто на полях жирной чертой.

(обратно)

809

По сравнению с налогами на хозяйство. При этом кг хлеба на рынке в оккупированном Орле в это время стоил примерно 30–50 рублей. Таким образом, самый большой годовой денежный налог на крестьянское хозяйство в 1943 в Локотском округе равнялся примерно средней рыночной стоимости 60 кг хлеба. В 1942 в Локотском округе средний урожай ржи с га составил 31,8 центнера (более трех тонн) — выше, чем до войны.

(обратно) 810

В оригинале документа настоящий абзац отчеркнут на полях жирной чертой.

(обратно)

811

Не установлен.

(обратно)

812

Приказ № 45.

(обратно)

813

Родители и опекуны могли быть оштрафованы на сумму до пятисот руб. при отсутствии школьника на занятиях, которое допускалось лишь по уважительной причине (болезнь или стихийное бедствие).

(обратно)

814

§ 1 приказа № 45 от 11 сентября 1942.

(обратно)

815

Приказ № 108.

(обратно)

816

Вероятно, автор доклада здесь имеет в виду специальные учебные заведения (Севское ремесленное и др.).

(обратно)

817

Педагогическое училище в Севске (228 слушателей на зиму 1943).

(обратно)

818

На Рождество традиционно ребенок получал подарок, который до того служил украшением Рождественской елки.

(обратно)

819

За исключением преподавания Закона Божьего.

(обратно)

820

Приказ № 71.

(обратно)

821

Так, например, уже к концу октября был восстановлен храм в с. Лубошево Комаричского района, разоренный и превращенный в клуб в 1930-с.

(обратно) 822

В оригинале документа предложение с упоминанием о партии отчеркнуто на полях жирной чертой.

(обратно)

823

В оригинале документа третье и четвертое предложения в настоящем абзаце отчеркнуты на полях жирной чертой.

(обратно)

824

В оригинале документа седьмое и восьмое предложения в настоящем абзаце отчеркнуты на полях двумя жирными чертами.

(обратно)

825

На май 1943 — в составе 2-й танковой армии группы армий «Центр».

(обратно)

826

Еще ранее был отдан такой же приказ № 31 от 31 августа 1942.

(обратно) 827

Приказ № 102 «Об организации зимней помощи». К 10 ноября 1942 на одной лишь Песчаной ул. Дмитровска было собрано 55 кг ржи, шапка, 14 предметов столовой и чайной посуды, 570 руб. В Локте один из жителей пожертвовал в фонд «зимней помощи» 450 кг картофеля. Подробнее, см.: Ермолов И. Г. Указ. соч. С. 104–106.

(обратно)

828

Колхозная система была упразднена, а земля передана в вечное и наследственное пользование крестьянам (без права собственности) на уравнильных принципах в духе эсеровских программ начала века. В июле 1994 в беседах с автором жители пос. Локоть вспоминали, что при разделе колхозной земли на едока в каждой семье выделялся надел размером 3–5 га. Это примерно соответствовало среднему размеру земельного крестьянского надела накануне революции, который обрабатывал домохозяин (без учета количества едоков в семье). Таким образом, надел на семью (хозяйство) в среднем составлял 10 га.

(обратно)

829

В период существования в составе округа 8 районов (то есть до марта-апреля 1943) в округе были восстановлены и запущены: в Локте — спиртзавод (2000 литров в сутки), кожевенный завод и валяльная мастерская, 2 электростанции, ремонтные мастерские, кузнечный и литейный цеха, предприятия по переработке сельхозпродукции, кирпичный завод, в других населенных пунктах — Лопандинский кирпичный завод, в Севск — маслозавод, крахмальный завод, сушильный завод, мастерские МТС, известковый завод, электростанция и т. д. Подробнее, см.: Ермолов И. Г. Указ. соч. С. 107–113. Тем не менее, автор доклада справедливо указывает, что основой экономики Локотского округа стало сельскохозяйственное производство и переработка сельхозпродукции. Частные предприятия и кустарные мастерские существовали, но носили мелкий характер.

(обратно)

830

Минимальные нормы хлеба, беспрепятственное получение которых гарантировала окружная администрация городским жителям и служащим в связи с наплывом в округ беженцев из др. районов Орловской обл.

(обратно)

831

На период 1943.

(обратно)

832

Так дословно в тексте документа. Вероятно, речь идет о том, что в 1943 продовольственное снабжение Локотской администрацией частей РОНА теперь засчитывалось в счет обязательных поставок округа Вермахту и списывалось с образовавшейся задолженности.

(обратно)

833

Циркуляром Каминского вводился табельный учет выхода и ухода с работы рабочих и служащих. Опоздававшим объявлялся выговор, при повторении нарушений они увольнялись и ставились на учет на бирже труда. Лицо, опоздавшее на час, объявлялось прогульщиком и к работе не допускалось. При повторении прогула в том же месяце виновные штрафовались или увольнялись.

(обратно) 834

К настоящему утверждению автор доклада пришел под впечатлением от личных бесед с Б. В. Каминским, который, вероятно, стремился избегать обсуждения вопросов, связанных с политическими перспективами, и подчеркивал только краткосрочную цель, связанную с уничтожением советской власти.

(обратно)

835

Далее по тексту документа: НСПР (Прим. пер.).

(обратно)

836

Judo-Bolschewism — распространенный пропагандистский термин, использовавшийся в нацистской Германии по отношению к власти и режиму в СССР и присутствовавший в ведомственной переписке.

(обратно) 837

В оригинале документа настоящее предложение отчеркнуто на полях жирной чертой.

(обратно)

838

Правильно: Национал-социалистическая трудовая партия России (НСТПР). Б. В. Каминский в 1943 фактически попытался реанимировать проект К. П. Воскобойника 1941 по созданию Народной социалистической партии России, но, несмотря на близость программных позиций, уже несколько отличавшийся от него в идеологическом отношении.

(обратно) 839

В оригинале документа настоящий пункт отчеркнут на полях жирной чертой.

(обратно)

840

В дословном пер. с нем. В русском варианте программы НСТПР четыре главных пункта официально были сформулированы иначе и звучали так: 1. Свержение кровавого большевистского режима в России; 2. Создание суверенного государства, объединяющего народы России; 3. Признание за отдельными национальностями России, созревшими к самостоятельному существованию, права на самоопределение; 4. Путем создания в новой России справедливого социального трудового строя ликвидировать искусственно созданную большевиками классовословную рознь. Либо автор документа весьма вольно пересказал содержание перечисленных пунктов, либо их так озвучил ему Каминский, либо позднее программные пункты были отредактированы (при участии членов НТС).

(обратно) 841

В оригинале документа весь настоящий пункт отчеркнут на полях жирной чертой.

(обратно)

842

В оригинале документа последнее предложение отчеркнуто на полях жирной чертой и здесь же рядом с ним поставлен знак вопроса.

(обратно)

843

Оригинальная подпись (росчерк) в документе отсутствует.

(обратно)

844

F.d.R.d.A. — fur die Richtigkeit der Abschrift — копия верна.

(обратно)

845

Подпись (росчерк) офицера (оригинал).

(обратно)

846

Цит. по: ЦАМО РФ. Ф. 422. Оп. 10498. Д. 7. Л. 108–109.

(обратно)

847

Не установлены.

(обратно)

848

В тот момент Б. В. Каминский называл себя комбригом и при контактах с представителями официальных немецких органов подтверждал собственное звание (бригадного генерала) удостоверением, выданным штабом 2-й танковой армии Вермахта.

(обратно)

849

Белай Г. Д. [Р. К.?] (? — после 1950) — младший политрук РККА, подполковник ВС КОНР. В 1942–1943 — в частях бригады РОНА. В 1944 — СС ваффен-обер-штурмбаннфюрер. После ноября 1944 — офицер войск КОНР, начальник офицерского резервного лагеря (на март-апрель 1945). Репатриации в СССР избежал, скрывался в американской оккупационной зоне Германии. После 1950(?) — в эмиграции в Австралии.

(обратно)

850

Шавыкин Илья Павлович (? — 25(?) августа 1944, в р-не Варшавы) — начальник штаба бригады РОНА (1943). Кадровый командир РККА, капитан (на 1941?). Находился в плену (1941–1942), добровольно вступил в милиционные формирования Локотского округа. Подполковник (на 1943). В 1943–1944 — начальник штаба штурм-бригады СС «РОНА», СС ваффен-оберштурмбаннфюрер (на 1944). По наиболее распространенной версии, расстрелян вместе с СС ваффенбригадефюрером Б. В. Каминским по приказу СС обергруппенфюрера и генерала полиции и войск СС Э. фон дсм Баха-Зелевски.

(обратно)

851

Фролов Иван Денисович (1906, д. Свинуха Родничковской волости Балашовского уезда Саратовской губ. — 1946/1947? Москва) — майор ВС КОНР. Из крестьян Саратовской губ. Окончил семилетнюю среднюю школу. С 1928 в РККА. Член ВКП(б) в 1930–1942. Окончил командные курсы, Московские военно-политические курсы (1931), Высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава пехоты «Выстрел» (1938). Майор РККА, командир 133-го стрелкового полка 77-й стрелковой дивизии. В плену с сентября 1942. Зимой 1943 вступил в бригаду РОНА на должность начальника строевого отделения штаба. Автор дисциплинарного устава и плана боевой подготовки личного состава. Зам. начальника штаба СС штурмбригады РОНА, СС ваффен-штурмбаннфюрер (1943–1944). Командир сводного полка (2 батальона: 1450 или 1700 человек, 4 миномета, батарея из двух 122-мм пушек, штурмовое орудие, 4 танка «Т-34») при начальнике штаба СС ваффен-гауптштурмфюрере Ночёвкине (убит), который активно действовал в Варшаве против повстанцев. 5 августа 1944 потребовал от немецкого командования предоставить транспорт для эвакуации из предместья Охота пяти тысяч варшавян. В период пребывания полка в Варшаве (4–28 августа) регулярно пропускал через свою зону гражданских лиц, стремившихся покинуть город. По одному из источников, каждый день на сборном пункте полка скапливались тысячи беженцев, уходивших из польской столицы через зону ответственности каминцев. В качестве непосредственного начальника несет ответственность за преступления (грабежи и изнасилования), совершенные в Варшаве частью своих подчиненных против гражданского польского и немецкого населения. Полк потерял в Варшаве от 200 до 500 военнослужащих. Награжден тремя Знаками отличия для восточных народов, кавалер ордена Железного креста II и I кл. (1944). С ноября-декабря 1944 — майор ВС КОНР. Состоял в офицерском резерве (1944–1945). В 1945 — помощник начальника учебной части 1-й Объединенной офицерской школы Вооруженных Сил Народов России. В 1945–1946 — в американской оккупационной зоне Германии. Репатриирован в СССР и арестован органами госбезопасности 25 мая 1946. Проходил по делу военнослужащих бригады РОНА (30–31 декабря 1946). ВК ВС СССР приговорен к расстрелу и расстрелян.

(обратно)

852

Правильно: Капкаев Фарид А. (? — после 1994, Франкфурт-на-Майне) — бывший военнослужащий РККА.

(обратно)

853

Не установлен.

(обратно)

854

С ноября 1944 в войсках КОНР в чине подполковника. Зимой занимался формированием противотанковой бригады «Россия» (Panzerjagbrigade «Rußland»).

(обратно)

855

23 сентября 1943 в зоне Лепель повешен по приказу Каминского вместе с группой из восьми человек за попытку организации массового перехода своих подчиненных на сторону партизан. Здесь необходимо подчеркнуть, что в 1942–1943 (в т. ч. и в Лепеле) партизаны неоднократно предлагали Каминскому перейти на их сторону.

(обратно)

856

Правильно: Прошин Н. И., лейтенант РККА.

(обратно) (обратно)

Примечания к "Л. В. Дудин. Нацистская Германия глазами советского доцента.":

857

Источник: ВА-МА. MSg 149/15. В. 5-28, 60–76. Машинопись 1946–1947. Отрывок из воспоминаний Л. В. Дудина «Великий мираж». Заголовок автора-составителя сборника.

(обратно)

858

Роммель Эрвин Иоганн (1891–1944) — генерал-фельдмаршал (1942), один из лучших полководцев Второй мировой войны («Лис пустыни»). В службе с 1910. Участник Первой мировой войны. За боевые отличия награжден Железными крестами II и I кл., орденом Pour Le Merite (1917), Рыцарским крестом Железного креста (1940), Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту (1941), Рыцарским крестом с дубовыми листьями и мечами (1942), Рыцарским крестом с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами (1943). Участник подавления коммунистического мятежа в Руре (1918). С 1919 — в Рейхсвере, затем в Вермахте. С 6 февраля 1941 — командир Африканского корпуса. Командующий танковой армией (1942), группой армий (1943) «Африка». С июля 1943 — командующий группой армий «Б». Участник антигитлеровского заговора (1944). 17 июля 1944 тяжело ранен. После провала заговора и массовых репрессий в Вермахте под давлением нацистов 14 октября 1944 покончил самоубийством, чтобы спасти семью от преследования.

(обратно)

859

Успешное для войск 11 — й армии генерал-полковника Э. фон Манштейна сражение на Керченском полуострове, в ходе которого шесть дивизий противника разгромили 44-ю, 47-ю и 51-ю армии Крымского фронта генерал-лейтенанта Д. Т. Козлова, закончилось к 18 мая 1942. Роммель в то время еще только завершал подготовку к наступательной операции (26 мая — 12 июня 1942) на линии Газала. Лишь затем последовало взятие Тобрука (21 июня) и движение к Египту.

(обратно)

860

Интенсивная подготовка противником операции «Фредерикус» по окружению и уничтожению южнее Харькова 6-й, 57-й и части сил 9-й советских армий заканчивалась в период 10–16 мая 1942. Поэтому можно предположить, что доцент Л. В. Дудин приехал в Берлин из Киева между 15 и 20 мая 1942.

(обратно)

861

Центральные и красивые улицы Берлина. На Унтер ден Линден находятся университет Гумбольдта, Немецкая государственная библиотека, Оперный театр, музеи.

(обратно)

862

Речь идет о египетской экспедиции (1798–1801) армии Французской республики под командованием (1798–1799) генерала Наполеона Бонапарта (1769–1821). Цель похода заключалась в завоевании Египта и создании операционной базы для удара по британским владениям в Индии.

(обратно) 863

Массированные бомбардировки Берлина союзной авиацией начались с марта 1943.

(обратно)

864

Ср. с воспоминаниями капитана Л. А. Самутина (1915–1987), быв. преподавателя Уфимского педагогического института, впервые попавшего в Берлин в октябре 1943 вместе с полковником И. К. Сахаровым: «Мы прибыли в Берлин ранним утром серого октябрьского дня. Молоденький немецкий лейтенантик, ехавший с нами в одном купе, доставая с верхней полки свой тяжеленный чемодан, почти сундук, неловко уронил его мне на голову, поцарапал мне нос. Сахаров немедленно воспользовался случаем, и наорал на офицера до полной потери тем дара речи <...> Сахаровская квартира оказалась рядом с берлинским зоопарком неподалеку от знаменитого парка Тиргартен. Впервые видел я европейскую средне-буржуазную квартиру и с интересом воспринимал новые впечатления. Большие, высокие комнаты, старинная мебель, люстры, торшеры — аксессуары забытого нами быта — казались чем-то нереальным по причине такого молниеносного перехода от темных, закопченных и убогих изб псковских деревень к благоустройству европейского жилища».

(обратно)

865

Ср. с воспоминаниями жены казачьего офицера Е. Б. Польской (1910–1997), эвакуировавшейся с Северного Кавказа и затем некоторое время служившей в частном ресторанчике на окраине Потсдама: «Нам, русским, особенно жителям столичных городов, была удивительна не архитектура, не цивилизация, а культура общения немцев друг с другом. В переполненных вагонах метро и железных дорог люди, имеющие сидячие места, посидев, доброжелательно и любезно сами уступали их стоявшим, усталым: чередовались без сговоров и споров. Не слыхала я ни разу ни злобного огрызання, ни хамства, ни споров, как принято у нас.

Во время налетов, а они были ежедневными и еженощными и приносили мирному населению бесчисленные потери, — вели себя немцы прекрасно (как, впрочем, и москвичи, что я отметила в самом начале войны). Шумной паники не помню, только бледнели, когда радио в бункерах

звучало: "Файндлихе флюгцойге юбер..." [«Самолеты противника над...»] если это "юбер" было близко. После отбоя на разбитых в щебень улицах появлялись не только кареты скорой помощи, но и полевые кухни, и подле них никто не толкался, не лез без очереди.

И еще поразило невозможное у нас: в последней новогодней речи (1.1.1945) их фюрер выражал сожаление и сочувствие народным потерям, благодарил за жертвы во имя Родины, но особенно поразителен был кусочек речи, где он говорил о потере многими "памятных семейных реликвий", гибнущих в бомбежках. Ну кто из фюреров советского фашизма говорил бы о таких "потерях", когда и жизни-то гибнущие были им как текучая вода! Обращение Сталина в роковые минуты к "братьям и сестрам" далее в годы его культа для миллионов прозвучало лицемерием. Рядом же с потерями живыми скорбь о "семейных реликвиях" выражала дух самого народа, уже предчувствующего свою обреченность, но не сломленного духовно. Каждый немец чувствовал заботу о нем государства, даже ненавистники фашистского режима не могли этого отрицать. Отсюда и видимое спокойствие. Страдали, но молча, отчасти, может быть из страха перед карами, могущими в любой момент обрушиться на "плохого немца".

Только один раз я видела, как простое человеческое сломило немецкий Geist (дух). Во время эвакуации из Ставрополя сопровождавший наш вагон унтер-офицер-музыкант на какой-то станции впустил в вагон солдата отступавшей армии, рыжего как пламя и весноватого, как кукушкино яйцо. Он был пьян. Рыжий вошел, весь растерзанный, мокрый, видно товарищи отливали его водой для протрезвления. Упал он на колени и завыл, как воют на могилах русские бабы. Только что на вокзале он узнал, что вся его семья погибла при бомбежке Гамбурга. При совсем скудном тогда понимании языка я все-таки сумела понять его воюющие восклицания: "Мамочка! Любимая! Сестра! Малютка!.. Шелковые волосики... глазоньки голубые! За что?! Почему?!" Весь наш вагон-товарняк притих, внимая этому страшному плачу дюжего парня. Он еще что-то кричал, подымая кулаки к небу, проклинал... Что он проклинал, понятно стало, когда "шеф" вагона Вальтер стал зажимать ему рот ладонями. Парень знал, что в вагоне везут русских, и на наши головы призывал небесные кары, потому что протягивал нам сведенные судорогой руки и, корчась на полу, взывал: "Люди!" Среди нас были пожилые. Он нам кричал "Отцы! Матери!"...

Это была единственная мною виденная истерика. Больше ни душевной, ни внешней расхристанности ни при каких ситуациях не помню. Так лее как не видела ни одного стоптанного каблука, ни нищей одежды — порядок в снабжении каждого, кто был немец или был полезен рейху, был отменным. Может быть, перед иностранцами прятали переживания от национальной гордости, перед своими — от страха: осуждение войны фашизм карал.

Скалсут: хорошо было их спокойствие за счет ограбленных стран. Но награбленное нами после победы впрок не пошло ни государству, ни людям, из-за уже прочно развращенной психики нашего народа. И видела я немцев в разных ипостасях (в советских лагерях, например) в обстоятельствах, далеко не победительных, по ужасу равных войне, но и там вели они себя достойно. Вот пример для нашей национальной разболтанности, во сто раз увеличенной антинародной советской системой!»

(обратно) 866

В 1939 Германское Генеральное консульство в Ленинграде находилось (с 1923) по адресу: пл. им. В. В. Воровского, 11/41 (быв. Исаакиевская пл.), в здании бывшего Германского посольства, перестроенном в 1911–1913 по проекту немецкого архитектора П. Беренса.

(обратно)

867

Правильно: управление.

(обратно) 868

Ср. с воспоминаниями Е. Б. Польской: «Воровали остоуцы ужасно. Как никакие другие народности. Тюрьмы были переполнены ими. Воров за крупные дела в Германии вешали (как и оплошавших, приученных фашизмом и войною к воровству своих лее немцев). Девчата воровали от хронического голода по “барахлу”. Во время бомбежек наиболее алчные грабили брошенные квартиры и далее эшелоны с товарами.

На Александерплац можно было подпольно купить что угодно, хотя полиция ловила и карала беспощадно. Спекуляция преследовалась бдительно. Ею занимались и “плохие” немцы, впрочем, используя иногда русских арбайтеров как исполнителей».

(обратно)

869

Mensch — в пер. с нем. «человек».

(обратно)

870

Ср. с воспоминаниями русского эмигранта из Югославии, члена НТС А. С. Казанцева (1908–1963), в годы войны работавшего в Берлине и часто общавшегося с оказавшимися в Германии «подсовстскими» людьми: «Новичок вернулся полный тревоги, возмущения и растерянности. Ввалился в нашу комнату и, разводя руками, заявил:

— Петра арестовали.

Оказалось, ничего страшного не было. Через две минуты в комнату вбежал смеющийся Пётр. Судя по рассказу принесшего тяжелую весть об аресте товарища, события разыгрались так:

— Гуляем мы с Петром. На улицах масса народа, в магазинах полно товаров. Подходим мы к какому-то большому дому. Вижу, часовые стоят, и полицейский перед домом прохаживается. Я и говорю Петру — не лезь, говорю, Петро, сюда, ну их к черту, арестуют еще, видишь, охраняют кого-то. А он, можете себе представить, говорит — не кого-то, а здесь сам Гитлер живет. Ну, думаю, влопались. На этой-то стороне, понимаете, никого нет, только один полицейский. И вдруг этот мой сумасшедший Петро, можете себе представить, направляется к полицейскому и заводит с ним разговор. Я так и обмер. Понимаю я слабо, но все-таки понимаю, что он говорит. Спрашивает Петро этого полицейского — шуцмана или как они тут называются, — скажите, говорит, господин полицейский, на каком балконе Гитлер речи свои говорит?... Я, понимаете, дергаю его за рукав, — брось, дура, с ума сошел! А он хоть бы что. А когда, говорит, его можно видеть? Полицейский что-то отвечает и вплотную подходит к нам. Я, понимаете, не выдержал да ходу оттуда. С дураком свяжешься, так не рад будешь. Оглянулся с угла — идут в мою сторону, полицейский Петра под руку держит. Я дал ходу, да скорее домой.

Это событие вызвало оживленные прения, воспоминания и рассказы. Оказывается, если бы место действия перенести из Берлина в Москву, то Петра, конечно, нужно было бы признать или сумасшедшим, или сознательным самоубийцей. Там за подобные расспросы о Сталине или даже о ком-нибудь помельче концлагерь обеспечен.

— Да что там спорить, — заключает обсуждение недавно появившийся у нас студент одного из институтов Москвы. — Мой дядька так погиб. <...> Приехал дядюха в Москву из своей колхозной дыры, ну и глаза, конечно, на лоб полезли. Стоит дубом перед Кремлем посреди тротуара, и рот от удивления раскрыл. В это время какая-то машина проходит прямо в кремлевские ворота. Мой дядька не нашел ничего лучше, как спросить у стоящего рядом гражданина — а скажите,

пожалуйста, товарищ Молотов в машине-то был? Гражданин в свою очередь вопрос задает: —А вас, собственно, для чего это интересует? Дядька мой струхнул — да так, говорит, просто... ни для чего. Гражданин правую руку в карман сунул и говорит, — ну, это, говорит, мы разберем, так или не так, пожалуйста со мной. Рассказал нам обо всем этом парнишка, который с дядькой вместе приехал и по Москве вместе гулял... Трепали моего дядюху несколько месяцев. По чьему заданию следил за машинами членов правительства? Да кого еще может назвать из членов организации? Да когда должно было произойти покушение?... Не знаю уж, что он там говорил, а только на десять лет поехал».

(обратно)

871

Ср., например, с воспоминаниями остовки из Донецкой обл. С. А. Красноборовой: «Нас отправили на фабрику Берлин Шпандау “Дейче Индустри Верке”. На фабрике мы были вынуждены выполнять самую тяжелую и грязную работу. Жили мы в лагере, где раньше были военнопленные, как в этом лагере видели 2 ряда барakov.

В бараках было постоянно холодно. В комнате было 46 человек. Все спали на нарах, подушка, матрац, набиты стружками, укрывались чем попало. Каждое утро гоняли нас на работу за ворота лагеря, сдавали по счету и так же после работы сдавали по счету. Сопровождали охрана с собаками. Утром нас будил полицей, кричал по коридору: “Ауфштейн! (Вставать!)” Мы выносили парашу, потом нас строят и сопровождают на фабрику. Кормили один раз в день и только после работы. Кусок хлеба и баланду с брюквой. Кусок хлеба делили на пять человек и миску с баландой. Мы были настолько голодные, фабрика, лагерь за закрытой дверью.

Как-то нам выдали одеяла, а так как мы были оборваны и без смены одежды, мы с этих одеял пошили себе типа брюки и жилетки, когда в этом наряде мы явились на фабрику, немцы были в ужасе при виде такого. Здорово нам досталось за своеволие, называли нас большевиками, русские свиньи. Девчата вытолкали этих полицейав с комнаты, а когда пришли полицей с собаками, мы забаррикадировали дверь и никого не впускали. Когда нас гоняли на фабрику, мы всегда проходили под мостом, где ездил электричка, мы кричали: “Ура!” “За Родину, за Сталина!”, а под мостом громко все звучало. Наша комната была самых смелых и отчаянных девчат, за что нам здорово доставалось. Нас часто бомбили, бараки дважды сгорали, потом нас перевели в лагерь, где находились власовцы, лагерь находился в лесу. В этом лагере условия были более сносные, несмотря на то что все лагерь за колючей проволокой».

(обратно)

872

Всего с оккупированных территорий СССР (в границах до 1 сентября 1939) на принудительные работы в Европу немцы вывезли приблизительно 3,2 млн. человек и еще почти 800000 — с территорий, аннексированных Советским Союзом в 1939–1940.

(обратно) 873

Формально руководители Исполнительного бюро НТСНП и отдела Союза в Германии (С. А. Субботин и др.) объявили о приостановлении деятельности отдела в августе 1938. Но фактически политическая деятельность организации в рейхе продолжалась и далее. 22–24 октября 1938 на основе II (Германского) отдела РОВС возникло ОРВС (приказ № 36 от 3 и 22 октября 1938 по РОВС) в качестве формально самостоятельной организации. ОРВС было создано в результате давления властей, запрещавших на территории рейха деятельность организаций с центрами зарубежного подчинения. Неформально Генерального штаба генерал-майор А. А. фон Лампе продолжал поддерживать тесные контакты с Председателем РОВС Генерального штаба

генераллейтенантом А. П. Архангельским. На 8 февраля 1941 в ОРВС состояли на регистрации более 300 чинов, преимущественно офицеров. К зиме 1945 число зарегистрированных чинов ОРВС возросло до 2,5 тыс. человек.

(обратно)

874

Массовые аресты членов НТС в рейхе начались 12 июня 1944. До 24 июня были арестованы 44 человека в Германии, Польше и Австрии, затем — около 50 членов Союза в Берлине. Общее количество арестованных членов НТС в 1943–1944 превысило 150 человек.

(обратно) 875

Первый состав руководства НТС во главе с В. М. Байдалаковым (Д. В. Брунст, К. Д. Вергун, В. Д. Поремский) был арестован органами Гестапо 24 июня 1944 и в последующие дни, второй (Г. С. Околович, М. Л. Ольгский, Е. Р. Островский) — 13 сентября.

(обратно)

876

Это произошло не в конце 1944, а только 2 апреля 1945.

(обратно) 877

Нам известны следующие русские храмы в Берлине и окрестностях, действовавшие в 1942: церковь св. равноап. Константина и Елены (Тегель), Свято-Владимирская церковь (Находштрассе), кафедральный собор Воскресения Христова (Вильмерсдорф), церковь св. блг. кн. Александра Невского (Потсдам).

(обратно)

878

На низовом уровне в рейхе оказалось достаточно много немецких должностных и частных лиц, в том числе и отдельных комендантов, несмотря на запреты официальных инстанций по личной инициативе деятельно помогавших духовенству Германской епархии РПЦЗ совершать пастырское служение и окормлять в лагерях советских военнопленных и позднее появившихся остарбайтеров. Настоятель Свято-Владимирской церкви в годы войны в Берлине архиепископ Иоанн (Шаховской) (1902–1989) вспоминал: «Сколько было в те дни добрых, жертвенных и мужественно-христианских душ в Германии. Могу свидетельствовать о жертвенном, чисто христианском отношении к русским военнопленным одного мекленбургского помещика, посчитавшего своим долгом похоронить с православной молитвой скончавшегося в его имении русского военнопленного. Наше Сестричество церковное приняло участие в этой акции, за которую немец был предан суду нацистов, мужественно держал себя на суде, обличая гибельную для его народа власть. Когда прокурор нацистов назвал его “врагом народа”, “ослабляющим ненависть к противнику”, он в своем горячем слове ответил: “Нет, это вы враги народа, рождающие ненависть к другим народам и возбуждающие в народах ненависть к Германии”». Самос любопытное, что упомянутый владыкой Иоанном немецкий помещик после подобного рода высказываний получил всего 4 года каторжных работ.

(обратно)

879

К 31 декабря 1942 в Берлине официально было зарегистрировано 582000 граждан СССР. На

Пасху 1942 многие остовцы, несмотря на формальные запреты, молились в русских храмах Берлина. Наиболее жестко и последовательно препятствовали окормлению остовцев инстанции, связанные с министерством А. Розенберга. В 1946 митрополит Берлинский и Германский и Среднеевропейский РПЦЗ Серафим (Ляде) свидетельствовал в своем докладе на епархиальном собрании: «Нашему духовенству было запрещено служение в лагерях, а “остам” было строго запрещено посещение наших приходских церквей. Дети оставались некрещеными, новобрачные неповенчанными, умершие хоронились без церковного отпевания и т. п. Даже распространение духовной литературы было нам долгое время запрещено». Тем не менее, в 1942–1943 духовенство Германской епархии РПЦЗ изыскивало возможности для окормления остарбайтеров, категорически отказываясь воспрещать им посещение богослужений. С весны 1944 с разрешения представителей администрации в лагерях остарбайтеров на территории рейха стали открываться церкви, в которых служили священники РПЦЗ. В конце концов, 1 июня 1944 Имперское Главное управление безопасности специальной директивой «О духовном окормлении восточных рабочих, находящихся в пределах рейха» отменило все ранее изданные циркуляры. Несмотря на вводимые многочисленные ограничения, настоящая директива оказалась вынужденной уступкой нацистов, способствовавшей еще большему оживлению церковной жизни в последний период войны.

(обратно)

880

С 13 июля по 14 сентября 1941 в Белграде издавалась газета «Русский бюллетень» — орган печати Бюро по делам русской эмиграции в Сербии — под ред. А. В. Ланина (1906–1945) и Н. Н. Чухнова (1897–1978). Газета была закрыта нацистами на 10-м номере за публикацию известного приказа № 1 от 12 сентября 1941 начальника Бюро генерал-майора М. Ф. Скородумова о формировании отдельного Русского Корпуса. Дух и содержание приказа противоречили основам оккупационной политики на Востоке. Ответственный редактор А. В. Ланин был арестован Гестапо на три недели. 23 декабря 1941 здесь же увидел свет № 1 газеты «Ведомости Охранной Группы» под ред. Генерального штаба полковника Е. Э. Мессенра (1891–1974), которая под его руководством в 1943 была преобразована в газету «Русское Дело» (Белград), а зимой 1944/45 — в «Борьбу» (Вена). С 8 февраля 1942 стал выходить новый печатный орган Бюро — газета «Новый Путь» под ред. (февраль 1942 — июнь 1943) Б. К. Ганусовского (1906–1993) — журналиста, в составе VII вып. (1926) окончившего семиклассный курс Крымского кадетского корпуса и в сентябре 1943 вступившего вместе с отцом на службу в 1-ю казачью кавалерийскую дивизию Вермахта генерал-майора Х. фон Паннвица. 1 июня 1943 газета «Новый Путь» была объединена с «Ведомостями Русского Охранного Корпуса».

(обратно)

881

Еженедельник «Новое Слово» (Берлин) издавался по воскресеньям (с 1942 — по средам и воскресеньям) с июня 1933 по октябрь 1944 при финансовой поддержке ведомства А. Розенберга. Всего вышли в свет 680 номеров. В 1933–1934 газету редактировал поэт и литератор Е. Л. Кумминг, с сентября 1934 — участник Белого движения В. М. Деспотули (1895–1977). На 1938 тираж составлял 7 тыс. экз., на 1939 — 8,4 тыс. экз.; на осень 1941 — более 100 тыс. (последняя оценка сотрудников). Редакция находилась близ Александерплатц в помещении издательства и типографии «Кёниг». На страницах «Нового Слова» публиковались статьи и материалы генералмайора В. В. Бискупского, Генерального штаба генерал-майора А. А. фон Лампе, В. А. Блюмснталь-Тамарина, Н. Н. Брешко-Брешковского, С. Л. Войцеховского, В. И. Горянского, Р. В. Иванова-Разумника, В. А. Кадашсва (Амфитеатрова), С. А. Левицкого, профессора А. Ф. Лютера, Г. А. Мейера, Г. В. Немирович-Данченко, С. П. Рождественского, Б. Л. Солоневича, И. Д. Сургучёва, Б. Н. Ширяева, И. С. Шмелёва и др. авторов. В сентябре 1944 В. М. Деспотули был помещен под

домашний арест за тесные связи с репрессированным руководством НТС. В ноябре 1944 на базе «Нового Слова» началось издание центрального органа КОНР «Воля народа». Многие русские эмигранты после Второй мировой войны резко критиковали «Новое Слово» за неумеренную публикацию нацистского официоза.

(обратно)

882

Еженедельник «Парижский вестник» («Le courrier de Paris», Париж) — официальный орган Управления делами русских эмигрантов во Франции, издавался по воскресеньям с 14 июня 1942 по 12 августа 1944. Всего вышли 112 номеров. До октября 1943 газету редактировал Генерального штаба полковник П. Н. Богданович (1883–1973), отстраненный от должности за публикацию речи В. Ф. Малышкина с патриотическими сентенциями, затем короткий срок — О. В. Пузино и, наконец, полковник Н. В. Пятницкий (1890–1963). В отличие от берлинского «Нового Слова» газета издавалась на частные деньги, взятые в долг, и в итоге принесла несколько сот тысяч франков чистого дохода. Исключительно на средства газеты было устроено публичное выступление генерал-майора РОА В. Ф. Малышкина в зале Ваграм вечером 24 июля 1943, на котором присутствовали более четырех тысяч русских эмигрантов, получившее большой общественный резонанс. Сотрудники и авторы газеты (за исключением И. С. Шмелёва) получали скромные гонорары — 1 франк за строчку оригинальной публикации и 0,75 сантимов за строчку переводной публикации. В еженедельнике сотрудничали более ста авторов, в т. ч. генерал от кавалерии П. Н. Краснов, Генерального штаба генерал-лейтенант профессор Н. Н. Головин, А. Н. Бенуа, Г. С. Евангулов, Н. Н. Евсинов, С. Лифарь, Г. А. Мейер, профессор-экономист П. П. Мигулин, И. Д. Сургучёв, Н. Н. Туроверов, И. С. Шмелёв, Ю. С. Жеребков и др. На страницах «Парижского вестника» кроме пропагандистского официоза и общественно-политических статей печатались многочисленные материалы о положении русской диаспоры в Париже и Франции, освещавшие быт и повседневную жизнь эмиграции, литературно-художественная хроника, некрологи, с 1943 появились публикации о Власовском движении, свидетельства «подсоветских» людей о жизни в СССР в 1930-е, уничтожении большевиками Православной Церкви, крестьянства во время коллективизации и т. д. В содержательном отношении «Парижский вестник» несравнимо выигрывал перед берлинским «Новым Словом».

(обратно)

883

Лейббрандт Георг (1899, Хоффнунгсталле Херсонской губ. — ?) — начальник главного политического отдела Имперского министерства по делам восточных оккупированных территорий (1941–1943). Сын немецкого колониста-агронома. После Октябрьского переворота 1917 — в рядах немецкой добровольческой самообороны. В 1919 выехал из России в Германию. Изучал историю и народное хозяйство, защитил докторскую диссертацию (1927). В 1931–1933 — стипендиат фонда Рокфеллера в США. Член НСДАП в 1933–1934 и с 1938. Начальник восточного отдела внешнеполитического управления НСДАП (1938–1941). После создания в июле 1941 Восточного министерства занял должность начальника главного политического отдела. С начала деятельности находился в оппозиции по отношению к официальной политической линии А. Розенберга. Встречаясь с пленными советскими генерал-майорами (Д. Е. Закутным, Ф. И. Трухиным), руководителями НТСНП (В. М. Байдалаковым, Д. В. Брунстом, К. Д. Вергуном, Р. Н. Редлихом), пришел к выводу о бесперспективности восточной оккупационной политики. В 1942–1943 допустил деятельность членов НТС в лагерях пропагандистов Восточного министерства Вустрау, Циттенхорст и др. Сторонник развития Власовского движения. После личного запрета А. Гитлером 8 июня 1943 любых мероприятий А. А. Власова и его домашнего ареста смещен с должности по настоянию Главного управления СС. В 1945–1949 — под арестом союзников.

Возбуждение уголовного судебного преследования по обвинению в нацистской деятельности отклонено 10 августа 1950 судом земли Нюрнберг-Фюрт.

(обратно)

884

Не установлен.

(обратно)

885

Не установлен.

(обратно)

886

Из современных источников по данной теме см.: Гогун А. Черный пиар Адольфа Гитлера. СССР в зеркале нацистской пропаганды. М., 2004.

(обратно)

887

Апологетическим и малоценным в художественном отношении романом «Хлеб» (1937) писатель и драматург А. Н. Толстой (1883–1945) внес личный вклад в прославление Сталина и способствовал созданию очередной мистификации о событиях гражданской войны на Волге в 1918, оправдывая свое пребывание (с 1936) на должности председателя Союза писателей СССР.

(обратно)

888

Роман «Цемент» (1925), в котором автор пафосно описывал восстановление советской промышленности в годы нэпа и создал яркие образы коммунистов, принес Ф. В. Gladkovу (1883–1958) всесоюзную известность и был отмечен властью как образцовое произведение, в назидательном ключе повествующее о социалистическом строительстве в Советском Союзе. Позднее Gladkov неоднократно переписывал роман в соответствии с очередными требованиями партии.

(обратно)

889

До Второй мировой войны увидела свет лишь первая часть романа М. А. Шолохова (19057-1984) «Поднятая целина» (1932), который первоначально назывался «С потом и кровью». Вторую часть автор собирался посвятить судьбам раскулаченных и отправленных на спецпоселение казаков хутора Гремячий Лог, но этот замысел не был реализован Шолоховым. В обособленном виде первая часть выглядит достаточно противоречиво: симпатии автора отчетливо неясны, а участники антибольшевистского подполья порой привлекают гораздо больше, чем формально положительные гремяченские коммунисты, некоторые из них (Макар Нагульнов) откровенно отталкивают. Талантливо описанные Шолоховым сцены раскулачивания и откровенного грабежа раскулаченных местными маргиналами производили на читателя гнетущее впечатление.

(обратно) 890

«Казачий вестник» — журнал Казачьего Национально-освободительного движения инженера В. Г. Глазкова. Издавался в Праге в 1941–1944. № 1 вышел 22 августа 1941.

(обратно)

891

На страницах «Казачьего вестника» (№ 10(16) и др.) публиковались статьи следующего содержания: «Темна, разбойна, страшна душа русского человека, ухитрившегося, стоя тысячу лет на рубелсе Европы и Азии, не принять ни от одной, ни от другой ни малейшей положительной черты. Русский характер, душа русского, остаются неизменными в своей кровожадности, в зверстве, в стремлении попать все, чему поклонялся сам до вчерашнего дня...»; «Казачи националисты — это те казаки, которые на основании исторических данных считают себя отдельным народом от великороссов, особой нацией, так как они образовались от смешения антов и готов, живших на Таманском полуострове и в низовьях Дона, с казаками, чигами и другими народами черкасского племени <...> Казаки “русские” — а их незначительная часть, — это потомки холопов и преступников, бежавших когда-то к казакам, и потому без указки барина они жить не могут».

(обратно)

892

Премьера пьесы «Дни Турбиных» писателя и драматурга М. А. Булгакова (1891–1940) состоялась на сцене МХАТ 5 октября 1926. В первый же сезон спектакль был сыгран 108 раз и вызвал шквал острой критики, автора травили. В апреле 1929 пьесу запретили, но по личному указанию Сталина вернули на сцену в 1932. До 1941 было сыграно 987 спектаклей.

(обратно)

893

Ершов Владимир Львович (1896–1964) — русский советский актер театра и кино, народный артист СССР (1948). С 1916 играл на сцене Московского художественного театра. Лучшие роли: Борис Годунов («Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого), Сатин («На дне» А. М. Горького), Нехлюдов («Воскресение» по Л. Н. Толстому) и др. В кино снимался с 1929, одна из самых характерных ролей — магистр Тевтонского ордена в исторической драме С. М. Эйзенштейна «Александр Невский» (1938).

(обратно)

894

Рокоссовский Константин Константинович (Ксаверьевич) (1896–1968) — Маршал Советского Союза (1944), маршал Польши (1949), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Сын машиниста. В службе с 1914. Участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер. В РККА с 1917 (стаж по службе в Красной гвардии). Член Коммунистической партии с 1919. Кандидат в члены ЦК КПСС с 1961. Участник гражданской войны. В 1920-1930-с служил на разных должностях. В 1937–1940 репрессирован органами НКВД, подвергался пыткам и истязаниям, дважды выводился на фиктивный расстрел. Летом 1941 с вверенными войсками отличился в боях под Ярцево. Командовал фронтами: Брянским, Донским, Центральным, Белорусским, 1-м и 2-м (с ноября 1944) Белорусскими. По распространенной версии, избегал грубости в отношениях с подчиненными, один из самых способных советских полководцев. 24 июня 1945 командовал парадом Победы в Москве. В 1945–1949 — главком Северной группы войск. Министр национальной обороны Польской народной республики (1949–1956). Заместитель председателя

Совета министров и член Политбюро ЦК Польской объединенной рабочей партии. Играл важную роль в советизации Польши. После 1956 — на разных должностях в Министерстве обороны. Автор мемуаров «Солдатский долг» (1980).

(обратно)

895

Черняховский Иван Данилович (1906–1945) — генерал армии (1944), дважды Герой Советского Союза (1943, 1944). Сын железнодорожника. В РККА с 1924. Член Коммунистической партии с 1928. Окончил Киевскую артшколу (1928) и Военную академию механизации и моторизации РККА (1936). Служил в танковых войсках, командир 28-й танковой дивизии (1941), 18-го танкового корпуса (1942), 60-й армии (1942–1944), 3-го Белорусского фронта (с апреля 1944). Один из самых молодых советских военачальников. Смертельно ранен на позиции 18 февраля 1945.

(обратно)

896

Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич (1886–1947) — участник Белого движения на Юге России, генерал-лейтенант (1919). Казак станицы Пашковской Екатеринодарского отдела Обл. Войска Кубанского. Окончил 3-й Московский кадетский корпус (1905), Николаевское кавалерийское училище (1907). Участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер (1914). Создатель и командир Кубанского отряда особого назначения (1915–1917). В мае 1918 возглавил восстание против большевиков на Северном Кавказе, затем — в белых войсках на Юге России. Кавалер британского ордена Бани (1919). Отличался личной храбростью и буйным поведением. Командующий Кубанской армией (1920). В эмиграции (с 1920) во Франции и Германии. Занимался джигитовкой. В 1942–1943 выступал с пропагандистскими антисоветскими заявлениями. С 1943 участвовал в формировании казачьих частей в составе Вермахта, посещал 1-ю казачью кавалерийскую дивизию в Югославии. Дружил с командиром 5-го Донского полка полковником И. Н. Кононовым. В июле 1944 по представлению коменданта Берлина получил запрет на ношение немецкой формы с погонами генерал-лейтенанта за публичное исполнение в состоянии сильного алкогольного опьянения лезгинки, с ножом и вилкой в руках, на столе в Морском собрании столицы рейха. С 1 августа 1944 — начальник Казачьего резерва (по декабрь — отель «Эксельсиор» на Фридрихштрассе; с января по март 1945 — Курфюрстенштрассе, 214) при Главном управлении СС. Занимался набором добровольцев из советских беженцев и эмигрантов в казачьи части (всего через резерв прошли от 10 до 12 тыс. чел.). С 10 августа 1944 вновь получил право ношения немецкой формы при некоторых ограничениях, связанных с употреблением алкоголя. В марте-апреле 1945 формировал «волчьи сотни» в специальных лагерях под Берлином и в Италии.

Вечером 23 мая 1945 в британской зоне оккупации Австрии со своей казачьей группой (5-й казачий запасной полк, учебный артдивизион) присоединился к Отдельному казачьему корпусу (Казачьему Стану) генерал-майора Т. И. Доманова. 26 мая в Лиенце с группой своих офицеров арестован представителями британского командования и этапирован в репатриационный лагерь в Шпиттале. 29 мая в Юденбурге принудительно экстрадирован в советскую оккупационную зону вместе с другими казачьими генералами и офицерами. 16 января 1947 повешен в Москве во дворе внутренней тюрьмы МГБ. Останки кремированы и захоронены на Донском кладбище.

(обратно)

897

Краснов Пётр Николаевич (10/22 сентября 1869, Санкт-Петербург — 16 января 1947, Москва) — военный журналист и писатель, Атаман Всевеликого Войска Донского (1918–1919), начальник

ГУКВ (1944–1945), генерал от кавалерии (1918). Казак станицы Каргинской Верхне-Донского округа Обл. Войска Донского. Из семьи историка и географа генерал-лейтенанта Н. И. Краснова, служившего в Главном управлении иррегулярных войск. Получил начальное домашнее образование и в 1880 поступил в 1-ю петербургскую гимназию. С 12 лет издавал домашний журнал. По завершении учебы в 5-м классе перевелся в 5-й класс Александровского кадетского корпуса, из которого вышел в 1887 вице-унтер-офицером. В 1889 фельдфебелем окончил с отличием I Павловское военное училище. Хорунжим с переименованием в корнеты зачислен на службу в Л.-гв. Атаманский полк (3-я бригада 1-й гвардейской кавалерийской дивизии). 17 марта 1891 в газете Военного министерства «Русский инвалид» была опубликована его статья «Казачий шатер полковника Чеботарёва», и вскоре стал ее постоянным сотрудником. В «Русском инвалиде» иногда публиковался под псевдонимом «Гр. Ад.» («Град» — одна из лошадей Краснова). В 1892 поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, но в 1894, не выдержав переводного экзамена, оставил учебу и возвратился в полк с производством в сотники.

В пер. пол. 1890-х публикации Краснова появляются в популярных петербургских изданиях — «Петербургском листке», «Биржевых ведомостях», «Ниве» и др. Первый сборник рассказов «На озере» увидел свет в столице в 1895 (1894?). В Петербурге в 1896 опубликовал следующие произведения: «Атаман Платов», «Донцы: Рассказы из казачьей жизни», «Донской казачий полк сто лет тому назад», «Казачи в начале XIX в. Исторический очерк». В 1898 увидел свет сборник «Ваграм: Очерки и рассказы из военной жизни». В чине сотника в 1897–1898 в должности начальника конвоя служил при русской дипломатической миссии в Абиссинии (Эфиопии), отразив собственные впечатления в последующих изданиях: «Казачи в Африке. Дневник начальника конвоя российской Императорской миссии в Абиссинии в 1897–1898 гг.» (СПб., 1899), «Любовь абиссинки и др. рассказы» (СПб., 1903). Отличия по службе отмечены в 1899 производством в подъесаулы и следующими наградами: орденами св. Станислава III ст., II ст. (за службу при миссии), офицерским крестом Эфиопской звезды III ст., французским орденом Почетного легиона. В 1898 опубликовал труд, не утративший своего значения до сих пор, — «Атаманская памятка. Краткий очерк истории Лейб-Гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1775–1900».

На рубеже XIX–XX веков публикации Краснова пользовались популярностью в среде военной интеллигенции и того специфического круга читателей, которому не хватало приключений в обыденной и размеренной жизни. Император Николай II оценил талант молодого казачьего офицера, следствием чего стала длительная командировка Краснова в Маньчжурию, Японию и Индию, итогом которой стало появление сборника путевых наблюдений «По Азии. Очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии, Индии» (СПб., 1903). В 1898–1904 корреспондентом «Русского инвалида» посетил губернии, пострадавшие от неурожая (1898), боевые действия в Китае при подавлении восстания ихэтуаней (1901), Курские маневры (1902), границу с Турцией и Персией (1902–1903), русско-японский фронт, опубликовав на основании увиденного и пережитого следующие книги и очерки: «Борьба с Китаем. Популярный очерк столкновения России с Китаем в 1901» (СПб., 1901), цикл очерков о бытовой жизни Турции и Персии «В сердце Закавказья» (публ. в «Русском инвалиде» в 1902–1903), «Год войны. 14 месяцев на войне. Очерки русско-японской войны с февраля 1904 по апрель 1905» (СПб., 1905–1911 в двух томах), «Погром. Роман из русско-японской войны» (СПб., 1907), «Русско-японская война: Восточный отряд на реке Ялу. Бой под Тюренченом» (СПб., 1911). За боевые отличия награжден орденами св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» (1904) и св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1905). С 1906 — в чине есаула командир 3-й сотни Л.-гв. Атаманского полка. События революции 1905–1907 встретил крайне отрицательно и посвятил им один из своих первых романов «Элла Руллит» (СПб., 1906). Как художественный бытописатель военного Петербурга начала XX в. Краснов сегодня оценен недостаточно.

В 1909 окончил Офицерскую кавалерийскую школу. В октябре 1909 — июне 1911 в чине войскового старшины занимал должность помощника по строевой части, был начальником казачьего отдела школы. Известности Краснова как популяризатора отечественной военной истории способствовало издание его новых книг: «Картины былого Тихого Дона. Краткий очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и воинских частях» (СПб., 1909) и «Российское победоносное воинство. Краткая история российского войска от времен богатырей до Полтавской победы (1709)» (СПб., 1910). Полковник (1910). В 1911 публикует первое серьезное художественное произведение, в центре которого человеческие судьбы близких ему по духу и социуму людей: «В житейском море: Судьба трех офицеров» (СПб., 1911). Позднее панорама человеческой жизни на фоне происходящих бурных исторических событий станет едва ли не главным творческим приемом Краснова-писателя. С июня 1911 — командир 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка. В октябре 1913 занял должность командира 10-го Донского казачьего ген. Луковкина полка, с которым вышел на фронт Великой войны. В ноябре 1914 за боевые отличия произведен в генерал-майоры с назначением на должность командира 1-й бригады 1-й Донской казачьей дивизией. С мая 1915 — командир 3-й бригады Кавказской туземной конной дивизии, в июле переведен на должность начальника 3-й Донской казачьей дивизии. С сентября 1915 — командующий (далее начальник) 2-й Сводной казачьей дивизией. В 1915 в Петрограде вышел сборник сентиментальной прозы Краснова «Фарфоровый кролик— Волчья песня», ставший, по-видимому, последним прижизненным столичным изданием писателя. С вверенной дивизией отличился в Луцком прорыве в боях 24–26 мая 1916 на фронте 8-й армии Юго-Западного фронта. В июне 1917 назначен начальником 1-й Кубанской казачьей дивизии. С 26 сентября — командующий III конным корпусом. За боевые отличия на фронте Первой мировой войны награжден орденом св. Георгия IV ст. и Георгиевским оружием.

25–31 октября 1917 по приказу министра-председателя Временного правительства А. Ф. Керенского командовал казачьей войсковой группой при попытке наступления на Петроград для ликвидации последствий Октябрьского переворота 1917. Взят в плен, отпущен по недоразумению и частным образом выехал на Дон. До апреля 1918 проживал в станице Константиновская. В результате общедонского апрельского восстания 1918 3(16) мая 1918 Кругом спасения Дона избран Атаманом Всевеликого Войска Донского. Генерал от кавалерии (август 1918). По причине военно-политических разногласий с генерал-лейтенантом А. И. Деникиным 2(15) февр. 1919 подал в отставку, переподчинил Донскую армию командованию Вооруженных Сил Юга России и оставил территорию Дона. 9(22) сентября 1919 вступил на службу в Северо-Западную Добровольческую Армию (СЗДА) генерала от инфантерии Н. Н. Юденича. Руководил армейской пропагандой, совместно с писателем поручиком А. И. Куприным издавал и редактировал газету «Приневский край». Зимой 1920 в Эстонии входил в комиссию по ликвидации СЗДА. В эмиграции с начала 1920. За рубежом опубликовал свои наиболее известные романы и повести, став самым переводимым русским писателем на иностранные языки. Автор свыше 30 крупных художественных произведений. 15 декабря 1921 лишен подданства бывшего Российского государства. В Зарубежье продолжал политическую деятельность. В 1922 явился одним из основателей конспиративной военно-политической организации Братство Русской Правды, занимавшейся в 1923–1932 боевыми операциями на территории СССР. К 1939 жил в Берлине.

Нападение Германии на СССР воспринял как перспективу свержения советской власти. В 1942 написал ряд писем на Дон с призывами к населению поддерживать оккупационный режим. В 1942–1943 сотрудничал с политическим отделом Министерства по делам восточных оккупированных территорий. С 31 марта 1944 — начальник ГУКВ при Генерале Добровольческих войск Вермахта, номинально возглавлял процесс формирования казачьих добровольческих частей в Вермахте. Противник переподчинения казачьих корпусов А. А. Власову и командованию войск КОНР в 1944–1945. В феврале 1945 вместе с женой покинул Берлин и переехал в Толмеццо (Северная Италия) в распоряжение Казачьего Стана генерал-майора Т. И. Доманова. В составе чинов Казачьего Стана сдался 8 мая 1945 представителям 36-й бригады 78-й моторизованной дивизии 8-й

британской армии в австрийском восточном Тироле. 28 мая 1945 вместе с казачьими офицерами обманным путем перевезен в Шпитталь. 29 мая в Юденбурге принудительно экстрадирован в советскую оккупационную зону вместе с другими казачьими генералами и офицерами. По некоторым сведениям, продан представителями британской разведки сотрудникам управления «СМЕРШ» 3-го Украинского фронта за право конфискации казачьего золотого запаса. 29 мая в Юденбурге передан представителям контрразведки «СМЕРШ» 3-го Украинского фронта вместе с другими казачьими генералами и офицерами.

16 января 1947 повешен в Москве во дворе внутренней тюрьмы МГБ. Останки кремированы и захоронены на Донском кладбище. Определением № СП-001/47 Военной Коллегии Верховного Суда РФ от 25 декабря 1997 по причине «активной борьбы против Советской власти, клеветнического изображения колхозного и социалистического строительства» в посмертной реабилитации отказано.

Избранные соч. после 1920: На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. I. Берлин, 1921; Всевеликое войско Донское // Там же. Т. V. Берлин, 1922;

Амазонка пустыни. Берлин, 1922; За чертополохом. Берлин, 1922. Рига, 1928; От двуглавого орла к красному знамени: 1894–1921. Берлин, 1922; Понять — простить. Берлин, б. г.; Единая — неделимая. Б. м., б. г.; Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии. Варшава, 1924; Все проходит. Кн. 1-я и 2-я. Берлин, 1926; Душа армии. Очерки по военной психологии / С предисл. ген. Н. Н. Головина. Берлин, 1927; С нами Бог. Берлин, 1927; Белая свитка. Берлин, 1928; Мантык, охотник на львов. Париж, 1928; «Ларго». Париж, б. г.; Цареубийцы (1 марта 1881 г.). Б. м., б. г.; Подвиг. Т. I и II. Париж, 1932; Цесаревна. Париж, 1933; Екатерина Великая. Париж, 1935; Накануне войны. Из жизни пограничного гарнизона. Париж, 1937; На рубеже Китая. Париж, 1939; «Павлоны». Париж, 1943; Исторические очерки Дона // На посту (Германия). 1944. № 1–3, и др.

(обратно)

898

Паннвиц фон, Хельмут (14 октября 1898, дер. Ботцановитц (Botzanowitz) округа Rosenberg (Верхняя Силезия) — 16 января 1947, Москва) — командир казачьих частей и соединений из граждан СССР в составе Вермахта и ваффен СС в 1942–1945, генерал-лейтенант (1944). Потомственный дворянин. Род. в семье лейтенанта 14-го Гессенского гусарского полка В. фон Паннвица. Окончил подготовительную народную школу (1904), начальную школу для мальчиков (1909), Прусский кадетский корпус в Вальдштадте под Лигницей (1914). Весной 1914 переведен в Главный кадетский корпус в Лихтерфельдс под Берлином. 19 октября 1914 добровольцем в чине фансн-юнкера запасного эскадрона убыл на Западный фронт в составе 1-го Западнопрусского Его Величества Императора Всероссийского Александра III уланского полка. Участник Первой мировой войны. 22 марта 1915 за храбрость произведен в лейтенанты на поле боя. За боевые отличия награжден орденами Железного креста II (1915) и I (1916) кл. В 1918–1919 служил в Добровольческом корпусе (бригада Эрхарда), был ранен (1920), затем учился в фермерской школе. В 1926–1933 занимался управлением сельскохозяйственными поместьями в Польше, в том числе в 1928–1933 — имением княгини Радзивилл в Михове под Варшавой. 1 ноября 1933 восстановлен на военной службе в должности командира 2-го эскадрона («В») 2-го рейтарского полка в Ангсбурге (Восточная Пруссия). Майор (1938). В 1938–1939 — начальник отделения личного состава 11-го кавалерийского полка. С 26 августа 1939 — командир разведывательного подвижного отряда 45-й пехотной дивизии Вермахта. Подполковник (1940).

На Восточном фронте с 22 июня 1941. Участвовал в боевых действиях в районах Бреста, Пинска, Любеча, Пирятина, Чернигова, Рыльска и др. 4 сентября награжден за боевые отличия Рыцарским Крестом Железного Креста. С 1 декабря — референт по вопросам кавалерии и подвижных частей

в Главной квартире ОКХ в Лётцене. В 1942 неоднократно выезжал на фронт с инспекционными поездками в кавалерийские части и с целью изучения опыта использования кавалерии в современной войне. Редактор и составитель полевых наставлений. Полковник (1942). С октября 1942 — на Восточном фронте при штабе группы армий «А» генерал-полковника Э. фон Клейста. Занимался регистрацией мелких самообразовавшихся казачьих частей и подразделений. В ноябре-декабре командовал сводной кавалерийской боевой группой («.Reiterverband von Pannwitz» — около 1 тыс. человек) из казаков, «хиви», кавказцев, румын и обслуживающего персонала в составе 4-й танковой армии Вермахта, с которой отличился в боях под Котельниково. 24 декабря за боевые отличия награжден Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту, позднее награжден румынским орденом Михая Смелого III кл. В январе-марте 1943 в Крыму командовал подразделением «Феодосия». 21 апреля получил приказ приступить к формированию 1-й казачьей кавалерийской дивизии на полигоне в Млаве (Польша) на базе I военного округа (Кёнигсберг). 1 июня произведен в генерал-майоры и назначен командиром дивизии. В сентябре 1943 убыл с дивизией в Хорватию в состав LXIX армейского корпуса 2-й танковой армии Вермахта. Генераллейтенант (1 апреля 1944). С 1 февраля 1945 — командир XV казачьего кавалерийского корпуса (в номинальном общем составе ваффен СС с 7 ноября 1944) группы армий «Е» (с апреля 1945 — в подчинении командованию ВС КОНР). 29 марта на съезде казаков-фронтовиков в Вировитице избран Походным казачьим Атаманом. Совершив с корпусом тяжелый переход из Хорватии в Австрию к 12 мая, сдался с подчиненными представителям 6-й бронетанковой дивизии 8-й британской армии в районе Клагенфурта (сев. Любляны). В условиях насильственной репатриации в советскую оккупационную зону чинов корпуса пожелал разделить судьбу подчиненных и добровольно последовал за ними. 28 мая в Юденбурге передан представителям «СМЕРШ» 3-го Украинского фронта. До 12 июня содержался в тюрьме в Граце, затем отправлен в СССР. 16 января 1947 повешен в Москве во дворе внутренней тюрьмы МГБ. Останки кремированы и захоронены на Донском кладбище. 23 апреля 1996 Главной военной прокуратурой РФ признан жертвой политических репрессий и реабилитирован. 28 июня 2001 решение о реабилитации отменено по политическим мотивам.

(обратно)

899

Сообщение о состоявшейся казни появилось 17 января 1947. На основании приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством генерал-полковника В. В. Ульриха, выполнявшего соответствующее решение Политбюро ЦК ВКП(б), были казнены П. Н. Краснов, А. Г. Шкуро, Султан-Гирей Клыч, С. Н. Краснов, Т. И. Доманов, Х. фон Паннвиц.

(обратно) 900

Тауберт Эберхард — начальник отдела (Антибольшевизм) Имперского министерства пропаганды. Противник развития Власовского движения.

(обратно)

901

Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959) — секретарь Исполкома Коминтерна (1928–1943), способствовал уничтожению многих деятелей Коминтерна в 1930-е. Член Коммунистической партии с 1903. Член ЦК ВКП(б) (1923–1952).

(обратно)

902

Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945) — секретарь ЦК ВКП(б) (1941–1945). Член Коммунистической партии с 1918. Член ЦК ВКП(б) (с 1939). С 1942 — начальник Главного политуправления РККА. Заведующий отделом международной информации ЦК ВКП(б) (с 1943). По распространенной версии, умер от последствий алкоголизма.

(обратно)

903

Шверник Николай Михайлович (1888–1970) — член ЦК ВКП(б) (с 1925), Президиума ЦК КПСС (1952–1953, с 1957), Председатель Президиума Верховного Совета СССР (с 1946). Член Коммунистической партии с 1905. Один из руководителей ВЦСПС. В годы войны возглавлял Чрезвычайную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. После 1956 руководил реабилитацией репрессированных коммунистов. Председатель Комитета партийного контроля (1956–1962), Парткомиссии (1962–1966) при ЦК КПСС.

(обратно)

904

Не установлен.

(обратно)

905

Мартин Ганс Лео — полковник Вермахта, начальник ОКВ/ВПр.1У — 4-го отделения («Активная пропаганда на Востоке») отдела пропаганды ОКВ (Oberkommando der Wehrmacht / Wehrmachtspropaganda IV).

(обратно)

906

Так, например, из Берлина с 1941 от имени подпольной антисталинской оппозиции на территорию СССР вещала радиостанция «Старая ленинская гвардия». Авторами программ и дикторами на этой станции были член НТСНП М. В. Тарновский, сотрудник «Известий» Н. Н. Минчуков, бывший замнаркома лесной промышленности СССР К. И. Альбрехт (Альберт?), полковники А. Г. Нерянин, Ю. М. Ниман и А. Ф. Ванюшин, инженер С. П. Морозов и др.

(обратно)

907

Из воспоминаний (1976) сержанта Н. Н. Никулина: «Петров, как звали почтальона, показавшийся мне таким милым вначале, в конце войны раскрылся как уголовник, мародер и насильник. В Германии, на правах старой дружбы, он рассказал мне, сколько золотых часов и браслетов ему удалось грабануть, скольких немков он испортил. Именно от него я услышал первый из бесконечной серии рассказ на тему “наши за границей”. Этот рассказ сперва показался мне чудовищной выдумкой, возмутил меня и потому навсегда врезался в память: “Прихожу я на батарею, а там старички-огневички готовят пир. От пушки им отойти нельзя, не положено. Они прямо на станине крутят пельмени из трофейной муки, а у другой станины, по очереди забавляются с немкой, которую притащили откуда-то. Старшина разгоняет их палкой: “— Прекратите, старые дураки! Вы, что, заразу хотите внучатам привезти!?” Он уводит немку, уходит, а минут через двадцать все начинается снова”.

Другой рассказ Петрова о себе: “Иду это я мимо толпы немцев, присматриваю бабенку покрасивей и вдруг гляжу, стоит фрау с дочкой лет четырнадцати. Хорошенькая, а на груди вроде вывески, написано: “Syphilis”, это, значит, для нас, чтобы не трогали. Ах ты, гады, думаю, беру девчонку за руку, мамане автоматом в рыло, и в кусты. Проверим, что у тебя за сифилис! Appetitная оказалась девчурка...”<...>

Войска тем временем перешли границу Германии. Теперь война повернулась ко мне еще одним своим неожиданным лицом. Казалось, все испытано: смерть, голод, обстрелы, непосильная работа, холод. Так ведь нет! Было еще нечто очень страшное, почти раздавившее меня. Накануне перехода на территорию Райха в войска приехали агитаторы. Некоторые в больших чинах. “Смерть за смерть!!! Кровь за кровь!!! Не забудем!!! Не простим!!! Отомстим!!!” и так далее... До этого основательно постарался Эренбург, чьи трескучие, хлесткие статьи все читали: “Папа, убей немца!” И получился нацизм наоборот. Правда, те безобразничали по плану: сеть гетто, сеть лагерей. Учет и составление списков награбленного. Реестр наказаний, плановые расстрелы и т. д. У нас все пошло стихийно, по-славянски. Бей, ребята, жги, глуши! Порти ихних баб! Да еще перед наступлением обильно снабдили войска водкой. И пошло, и пошло! Пострадали, как всегда, невинные. Бонзы, как всегда, удрали... Без разбору жгли дома, убивали каких-то случайных старух, бесцельно расстреливали стада коров. Очень популярна была выдуманная кем-то шутка: “Сидит Иван около горящего дома. “Что ты делаешь? — спрашивают его. — Да вот, портяночки надо было просушить, костерок развел”... Трупы, трупы, трупы. Немцы, конечно, подонки, но зачем же уподобляться им? Армия унизила себя. Нация унизила себя. Это было самое страшное на войне. Трупы, трупы... На вокзал города Алленштайн, который доблестная конница генерала Осликовского захватила неожиданно для противника, прибыло несколько эшелонов с немецкими беженцами. Они думали, что едут в свой тыл, а попали... Я видел результаты приема, который им оказали. Перроны вокзала были покрыты кучами распотрошенных чемоданов, узлов, баулов. Повсюду одежонка, детские вещи, распоротые подушки. Все это в лужах крови...

“Каждый имеет право послать раз в месяц посылку домой весом в двенадцать килограммов”, — официально объявило начальство. И пошло, и пошло! Пьяный Иван врывался в бомбоубежище, трахал автоматом об стол и страшно вылупив глаза, орал: “УРРРРА! Гады!” Дрожащие немки несли со всех сторон часы, которые сгребали в “сидор” и уносили. Прославился один солдатик, который заставлял немку держать свечу (электричества не было), в то время как он рылся в ее сундуках. Грабь! Хватай! Как эпидемия, эта напасть захлестнула всех... Потом уже опомнились, да поздно было: черт вылетел из бутылки. Добрые, ласковые русские мужики превратились в чудовищ. Они были страшны в одиночку, а в стаде стали такими, что и описать невозможно!»

(обратно)

908

Правильно: Науман Вернер (1909–1982) — СС оберфюрер. Член НСДАП с 1928. На службе в Министерстве народного просвещения и пропаганды с 1938. Участник боевых действий на Восточном фронте в составе войск СС, тяжело ранен. С осени 1941 близкий сотрудник И. Геббельса. Статс-секретарь министерства (с апреля 1944). В 1945–1950 — в заключении. После 1950 занимался частным бизнесом и общественно-политической деятельностью.

(обратно)

909

Рейхсляйтер (Reichsleiter) — руководитель ведомственной деятельности, структуры или органа НСДАП; гауляйтер (Gauleiter) — партийный руководитель территориально-административной единицы (gau); крайсляйтер (Kreisleiter) — руководитель районной парторганизации НСДАП; ортсgruppenляйтер (Ortsgruppenleiter) — руководитель квартальной парторганизации НСДАП;

блоквальтер или блокварт (Blockwart) — руководитель низовой ячейки НСДАП, как правило, тесно сотрудничавший с Гестапо в области профилактики общественных настроений.

(обратно)

910

Незадолго до прихода к власти Гитлер заявил о своих будущих планах: «Я совсем не собираюсь истребить, как в России, слой собственников — я заставлю их всеми мыслимыми средствами отдать свои способности строительству экономики».

(обратно)

911

Гитлер не мог поступить так, как это сделали большевики, физически уничтожив в 1920-1930-е практически всех, кто был способен к самостоятельному мышлению, частной инициативе, свободной творческой деятельности. С легкой досадой фюрер рассуждал осенью 1938: «Что касается интеллектуальных слоев у нас, то должен сказать, что, к сожалению, без них не обойтись, а то можно было бы их в один прекрасный день истребить или устроить что-нибудь в этом духе. Но, к сожалению, они нужны». Ленину и Сталину они были не нужны, поэтому созданное ими государство не просуществовало и семьдесят лет.

(обратно)

912

От нем. Deutsche Arbeitsfront — единственная институциональная германская организация трудящихся в рейхе, полностью контролировавшаяся НСДАП. Создана 10 мая 1933 после ликвидации самостоятельных профсоюзных организаций донацистской Германии. Руководитель — рейхсфюрер доктор Р. Лей.

(обратно)

913

От нем. Hitlerjugend. Создана 1 декабря 1936 после ликвидации нацистами скаутских и других юношеских неправительственных и самодеятельных организаций. Охватывала детей, подростков и молодежь в возрасте 10–18 лет. Руководители: Б. фон Ширах, А. Аксман (1940–1945).

(обратно)

914

От нем. Kraft durch Freude; встречается перевод: «Сила через радость». Организация, преимущественно занимавшаяся досугом немецких трудящихся.

(обратно)

915

В декабре 1939 численность войск СС составляла 40000 чел., в декабре 1940 — 50074 чел., в декабре 1941 — 198364 чел., в декабре 1942 — 230000 чел., в июле 1943 — 433400 чел., в июле 1944 — 594443 чел., в марте 1945 — 829400 чел. Корпуса СС появились на фронте в 1943.

(обратно)

916

К 22 июня 1941 «всех родов оружия» войска НКВД в своем составе не имели, но выглядели безусловно более значительно по сравнению с войсками СС: 14 дивизий, 18 бригад, 21 отдельный полк, из которых в пяти западных военных округах дислоцировались 7 дивизий, 2 бригады и 11 оперативных полков.

(обратно)

917

По официальной статистике Главного политического управления РККА по состоянию на 1 января 1941 коммунисты и комсомольцы составляли 79,9 % командно-начальствующего состава.

(обратно)

918

Ср. это утверждение мемуариста с воспоминаниями лейтенанта Вермахта А. Шейдербауэра, в июле 1944 участвовавшего в ожесточенных боях на Восточном фронте в Литве: «Вечером 22 июля было объявлено о попытке покушения на фюрера. Это вызвало у нас скорее удивление, чем негодование. Для высказываний по поводу этого события просто не было времени. Про себя я подумал, что, несомненно, это была измена. Но с другой стороны, продолжал я думать дальше, было бы невероятно, чтобы люди с такими фамилиями, как Штауффенберг, Бек, Вицлебен и Мольтке, могли изменить. Я думал, что, может быть, они все-таки действовали ради Германии, а не против нее».

(обратно)

919

Браухич Вальтер Генрих Альфред Герман, фон (1881–1948) — генерал-фельдмаршал (1940), Главнокомандующий сухопутными войсками (1938–1941). В службе с конца XIX в. Участник Первой мировой войны, кавалер орденов Железного Креста 11 и I кл. и др. наград. Будучи христианином, Браухич действительно критически относился к НСДАП, но его степень оппозиционности Гитлеру автор мемуаров преувеличивает. В отставке с 6 декабря 1941. После 1945 — в британском плену. Умер в военном госпитале. Однако автор, конечно, прав в общей оценке степени внутренней свободы офицерского корпуса и генералитета Вермахта по сравнению с командноначальствующим составом РККА. В ходе войны Гитлер неоднократно жаловался своему окружению: «Я уже часто горько жалел, что не подверг мой офицерский корпус чистке, как это сделал Сталин».

(обратно)

920

Ср. этот тезис мемуариста с рассуждениями Гитлера, пытавшегося самооправдаться в апрельские дни 1945: «У меня еще не было времени сформировать людей соответственно моей политике. Мне понадобилось бы двадцать лет, чтобы вырастить новую элиту, такую элиту, которая впитала национал-социалистический образ мыслей как бы с молоком матери».

(обратно) 921

Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер стал имперским министром внутренних дел 23 августа 1943. Главнокомандующим армией резерва и начальником вооружений сухопутных войск — 20 июля 1944. Командующим группой армий «Верхний Рейн» («Висла») — 10 декабря 1944.

(обратно)

Из письма от 30 июля 1941 лейтенанта Вермахта О. Диссенрота (полевая почта 12 827D) из района Киева:

«Вокруг нас — плодородная земля Украины, но 20 лет неумелого руководства большевиков все развалили. Бедность, нищета и грязь, которые мы видели за эти недели, неопишутемы. Вы дома не можете себе далее представить ужасные результаты большевизма на этой плодородной земле. Все, что мы раньше читали в газетах, бледнеет перед лицом ужасной действительности. Наши глаза напрасно ищут хоть знака какого-нибудь строительства, какого-то символа прогресса, какой-то культуры. Мы тоскуем по виду чистого дома, организованной улицы, тенистого сада, по паре деревьев! Везде, куда ни помотришь, мы видим грязь, распад, опустошение, нищету, смерть и страдание! Всюду мы видим призрак большевизма — измученные взгляды крестьян, пустые амбары, сотни убитых людей, крестьянские бедные дома, много разрушенных зданий. Я иногда думаю, что все это — работа дьявола. Эта земля была богата, когда тут жили немецкие, украинские, чешские и польские крестьяне. Когда пришел большевизм, он принес ужасную нищету. Все, что процветало, все культурное было сожжено, убито. Я говорил со многими людьми, чьи родственники, отцы, братья, мужья, сыновья погибли где-нибудь в Мурманске, Сибири или на ледяном Севере. Тысячи умерли во время большого голода, особенно в 1932–1933 годах. Тысячи были брошены в тюрьмы и лагеря. Нищета тех, кого мы освободили от большевизма, неопишута.

Любое проявление свободы было запрещено, любое движение запрещено. Все, что от природы было прекрасным, хорошим и свободным, было разрушено. Все, созданное Богом, истреблялось! Они забрали благословение от земли и из душ людей. Они унизили их до уровня животных, бессильных, несчастных, поработанных животных без всякой надежды, которые не знали, будут ли они живы завтра, которые жили только, чтобы есть, и были счастливы лишь тогда, когда кто-то убивал их. Никакой ад не будет хуже, чем этот “рабочий рай”».

(обратно)

Дарре Вальтер Рихард Оскар (1895–1953) — СС обергруппенфюрер (1934), имперский министр продовольствия и сельского хозяйства (1933–1942).

(обратно)

Курсив наш. — Прим. К. А.

(обратно) (обратно)

Оглавление

ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

ГЛАВА I. БЕЛОРУССИЯ

Б. Ф. Колубович Оккупация Белоруссии немецкой армией и коллаборация местного населения[3]

П. Д. Ильинский Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии (Жизнь Полоцкого округа 1941–1944 годов)[58]

Общественный инстинкт и попытка государственного строительства в условиях немецкой оккупации западных областей России[149]

Немецкая оккупация Белоруссии в 1941–1944 годах[170]

И. К. Соломоновский Русские дети в рядах РОА[187]

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ I

ГЛАВА II. КИЕВ

Э. К. Штеппа Из воспоминаний[249]

Л. В. Дудин В оккупации[316]

Бабий Яр

Эрик Кох начинает действовать

Гитлер и Петлюра

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ II

ГЛАВА III. ОДЕССА

Евгений Тверской Румынская оккупация области между Бугом и Днестром в 1941–1944 годах и ее политические и экономические черты[445]

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ III

ГЛАВА IV. СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ ОБЛАСТИ СССР

Русские и РОА в Пскове, 1943 год[487]

Каров Д. П Немецкая оккупация и советские люди в записках русского офицера Абвера, 1941–1943 годы[545]

ГЛАВА V. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Письмо Л. Н. Леонидова-Польского — Г. А. Беликову[600]

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ V

ГЛАВА VI. ЛОКОТСКОЙ САМОУПРАВЛЯЮЩИЙСЯ ОКРУГ

Документы и материалы

Документ 1

Документ 2

Документ 3

Документ 4

Документ 5 Документ

6

Документ 7

Документ 8

Документ 9

Документ 10

Документ 11

ГЛАВА VII. РУССКИЕ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

Л. В. Дудин Нацистская Германия глазами советского доцента[857]

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОКРАЩЕНИЯ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ АВТОРОМ-СОСТАВИТЕЛЕМ